

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

ЗАРУБЕЖНАЯ
ОСТРОСЮЖЕТНАЯ
МИСТИКА

РОБЕРТ ГОВАРД • РИЧАРД МИД

КОНАН. ВАРВАР

10

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
мистика**

**РОБЕРТ ГОВАРД
ЛАЙОНЕЛЬ СПРЕГ до КАНЦ
РИЧАРД МНД**

КОНАН - ВАРВАР

Таллинн "Библиотека "Лооминг" 1993

Р. ГОВАРД, Л. СПРЕГ де КАМП, РИЧАРД МИД

**“Конан-варвар”. Перевод с англ. Составитель А.Саяпин.-Таллинн:
“Библиотека ”Лооминг”.1993, 416 стр. ил./“Библиотека зарубежн.
кримин. и приключен. романа”/. Выпуск 10.**

В десятом томе серии мы решили познакомить Вас со знаменитым Конаном - легендарной фигурой искателя приключений, рожденным творчеством Р.Говарда и продолженным другими писателями, создавшими в итоге захватывающую дух сагу не уступающую по объему знаменитой “Анжелике”.

В данном сборнике мы постарались систематизировать творчество этих писателей и предлагаем Вам ряд романов и повестей, впервые публикуемых на русском языке, среди которых основное место занимают романы: “Конан-корсар” и “Конан-узурпатор”/“Драгоценности Траникоса”/.

В романе “Конан-корсар” повествуется о похождениях Конана-капитана черных корсаров на море и на суше, где он вступает в схватку с пиратами похитившими из дворца прекрасную принцессу...

Роман “Драгоценности Траникоса” /“Конан-узурпатор”/ является продолжением и рассказывает о приключениях Конана в страшных пиктийских лесах, где он спасается бегством от идущих по его следу кровожадных ликтов. Чудесным образом спасаясь от погони, он случайно находит несметные богатства Траникоса, а в это время в нескольких милях на побережье идет смертельная схватка между пиратами и защитниками форта за право обладания этими сокровищами...

Кроме романов о Конане-варваре мы хотим предложить Вам известный на западе роман Ричарда Мида “Поход изгоев”, впервые публикуемый на русском языке. Роман написан в средневековом духе, где главный герой, доблестный рыцарь должен сделать выбор между смертью на плахе и не менее опасным походом в неведомые земли. Естественно, он выбирает последнее. Но он должен идти вместе с закоренелыми преступниками, которых обязан выбрать среди других приговоренных к смерти. Это будет поход изгоев...

Роман относится к тем произведениям, которые держат читателя в постоянном нервном напряжении до прочтения последней страницы, причем, не только любителей фантастики.

Итак: “Конан-варвар” и “Поход изгоев”...

Г.С $\frac{470310100-2}{904/15/93}$ /БЕЗ ОБЪЯВЛ./

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-7979-0476-4

© “Библиотека ”Лооминг”-1993

КОНАН • КОРСАР

1. КРОВАВЫЙ СОН

За два часа до полуночи принцесса Чабела проснулась. Обернув полное нагое тело прозрачным покрывалом, дочь короля Фердруго Зингаранского лежала напряженная и дрожащая. Она вглядывалась в темноту, и холодный ужас страшного предчувствия пробегал по напряженным нервам. Снаружи дождь стучал по крышам дворца.

О чем он был, этот темный и страшный сон, из призрачных лап которого едва вырвалась ее душа?

Теперь, когда этот ужасный сон кончился, она едва могла вспомнить его детали. Была темнота, и злые глаза сверкали сквозь мрак: блеск ножей — и кровь. Кровь везде: на простынях, на кафеле пола, стекающая под дверь — алая, густая, медленно текущая кровь!

Содрогнувшись, Чабела оторвалась от тяжелых воспоминаний. Взгляд ее привлек слабый свет: он шел от тонкой свечи, стоящей на низком алтаре в углу комнаты. На алтаре стояла еще небольшая икона Митры, Повелителя света и главного божества Кордаванского пантсона. Решив узнать сверхъестественное указание, она, дрожа, встала на кафельный пол. Закутав чувственное, оливкового цвета тело в кружевное покрывало, принцесса пересекла спальню и преклонила колени перед алтарем. Ее черные волосы струились по спине подобно жидкой темноте полуночи.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с ладаном. Она открыла его и бросила немного порошка в пламя. Густой запах нарда и мирра наполнил комнату.

Чабела сложила руки и согнулась, как при молитве, но молча. Мысли ее смешались, при всем старании она не могла овладеть собой, чтобы успешно общаться с божеством.

Она подумала, что уже много дней призрачный ужас таится во дворце. Старый король стал казаться далеким, чужим, поглощенным неизвестными проблемами. Он удивительно постарел, как будто жизнь его высасывала пиявка. Некоторые из его декретов не походили на прежнее правление. Временами казалось, что чей-то чужой дух смотрит через его старые глаза, говорит его медленным резким голосом или ставит волнистую подпись под продиктованным приказом. Мысль была абсурдной, но все же была.

И вот теперь, эти ужасные видения ножей и крови, густые, зримые тени, которые смотрят и шепчут!

Внезапно мысли ее прояснились, как будто свежий ветер с моря согнал туман с ее сознания. Она подумала, что смогла бы назвать чувство

призрачного страха, подавляющее ее. Это было так, как будто какая-то темная сила стремилась захватить контроль над всеми ее мыслями.

Ужас наполнил ее: от отвращения содрогнулось ее округлое тело. Ее полные юные груди, гордые сферы, бледно-загорелые, вздымались и опускались под кружевным покрывалом. Она простерлась перед маленьким алтарем, ее черные волосы рассыпались сверкающими кольцами по кафелю. Она молилась:

— Повелитель Митра, защитник дома Рамиро, милосерднейший и справедливейший, враг неправды и жестокости, помоги мне, молю тебя, могучий Повелитель Света! Помоги мне в час беды моей, скажи что мне делать, молю тебя!

Поднявшись, она открыла золотую коробочку рядом с сосудом на алтаре и достала четыре десятка тонких полированных палочек из сандалового дерева. Некоторые из этих божественных стержней были короткие, некоторые длинные, некоторые были изогнуты и круглые, другие плоские и прямые.

Она бросила их наугад на пол у алтаря. Звук упавших палочек громко разнесся в тишине.

Внимательно вглядывалась она в беспорядочно лежавшие палочки, и черный колокол ее волос обрамлял юное лицо. Ее глаза округлились от страха.

Палочки обозначали: Т О В А Р О.

Девушка повторила имя. "Товаро", — медленно сказала она.

— Иди к Товаро... — решимость вспыхнула в ее темных глазах. — Я так и сделаю! — поклялась она. — Сегодня ночью! Я вызову капитана Капеллеза.

Когда она двигалась по комнате, всполохи бури снаружи освещали комнату. Она сорвала украшения с шеи, сняла перевязь с рапирой со стены и взяла теплый плащ. Она скользила по спальне быстро, экономя движения.

Стекловыми глазами смотрел с алтаря Митра. Не прозрачный ли разум свистел в его взгляде? И не выражение ли слабого сожаления на его губах? Не был ли далекий гром его голосом? Кто знает...

В течение часа, однако, дочь Федруго покинула дворец. Так началась цепь фантастических событий, которые столкнули могучих воителей, страшных волшебников, гордых принцесс и древних богов на краю мира.

2. СТАРЫЙ ЗИНГАРАНСКИЙ ОБЫЧАЙ

Поднялся ветер, гоня перед собой стену дождя. Теперь, после полуночи, влажный морской бриз завывал на мокрых аллеях, ведущих из

порта. Он раскачивал раскрашенные вывески над дверьми кабаков и таверн. Вымокшие дворняги дрожа прятались от дождя и ветра под лестницами.

В этот поздний час все пирушки закончились. Всего несколько окон светилось в домах Корданы, столицы Зингара на Западном океане. Тяжелые облака закрыли Луну, их лохматые обрывки проносились по мрачному небу, как приведения. Это был темный, тайный час — время ночи, когда люди с решительными лицами сговариваются об измене и перевороте; когда убийца в маске крадется по мрачным улицам и обнаженный кинжал сверкает в его руке. Ночь для заговора, ночь для убийства.

Сквозь шум ветра и дождя слышался звук и лязг клинков в ножнах. Отряд ночной стражи — шесть человек, закутанных в плащи, в низко надвинутых от непогоды шляпах, с пиками и алебардами на плечах — шел по ночным улицам. Они двигались тихо, изредка обмениваясь тихими репликами на текучем зингаранском языке. Они внимательно глядели по сторонам в поисках выломанных окон и дверей, прислушивались, ловя звуки беспорядка, и спешили, думая о бутылках вина, которые они осушат, вернувшись из патруля.

После того, как патруль миновал старый сарай с наполовину обвалившейся крышей, две темные фигуры, неподвижно стоявшие внутри его, ожили. Одна из них достала из под плаща маленький фонарь и открыла его окошко. Поток лучей от его свечи осветил пятно на полу сарая.

Нагнувшись, человек с фонарем раскидал мусор, под которым оказалась каменная дверь с приделанным куском цепи, кончавшимся бронзовым кольцом. Оба мужчины взялись за кольцо и потянули. Дверь поднялась со скрипом несмазанных петель, фигуры исчезли в отверстии и дверь со стуком вернулась на прежнее место.

Узкая каменная лестница вилась вниз в темноту, слабо пробиваемую светом фонаря. Старыми и стертymi были камни этой лестницы. Сырость и плесень были на ее закругленных ступеньках. Запах всков висел в воздухе.

Два человека в темных плащах спускались медленно и осторожно. Их лица скрывали шелковые маски. Как ночные призраки чувствовали они путь, и влажный морской бриз снизу, из темных туннелей, выходящих в открытое море — раздувал их плащи, как крылья гигантского нетопыря.

Высоко над спящим городом глядели в пасмурное небо башни замка Риллагро, князя Кордавы. Поскольку некоторые обитатели не спали, свет был виден в высоких узких окнах.

Глубоко внизу этого громадного замка, при свете высокого золотого канделябра в форме сплетенных змей, над пергаментом сидел человек.

Невозможно оценить стоимость роскошного убранства его убежища. Стены из грубого камня были увешаны богатыми гобеленами. Холодные плиты пола были покрыты толстым, мягким ковром, сверкающим алым,

золотым, голубым, изумрудным и фиолетовым цветами — искусное изделие из далекой Вендхи.

Табурет, на котором стоял серебряный поднос с освежающими напитками и фруктами в серебряной вазе, был украшен великолепно исполненными резными фигурами.

Гигантский, выгнутый стол, за которым читал человек, был в стиле северной империи Аквилонии. В чернильнице из золота и хрусталя лежали павлиньи перья для письма. Роскошная шпага лежала поперек стола, придерживая бумаги.

Сам мужчина был средних лет, около пятидесяти, но стройный и элегантный. Его красивые, в черных чулках ноги были обуты в прекрасные туфли из великолепно выделанной кордаванской кожи, с алмазными застежками, которые сверкали, когда он нетерпеливо перебирал ногами. Его стройный торс облегал бархатный дублет, через прорези рукавов которого просвечивала персикового цвета подкладка. Снежно-белые кружева пенились на его груди. На каждом пальце холеных рук сверкал огромный алмаз.

Возраст мужчины выдавала морщинистая шея и темные круги под быстрыми, холодными и темными глазами. Мужчина, очевидно, старался скрыть свой возраст: волосы, мягко лежащие на плечах, были окрашены, а пудра смягчала линии его аристократического лица. Но косметика не могла скрыть увядающую кожу, бесцветность усталых глаз, морщинистую шею.

Рукой в перстнях он играл пергаментами — официальными документами с алыми сургучными печатями и лентами, подписанными прихотливо изогнутой подписью. Его нетерпение выдавало переступание ногами и частые взгляды на изящные водяные часы. Он также бросал взгляд на тяжелый шкаф в углу.

Позади человека, за столом стоял молчаливый кушитский раб со скрещенными на груди мускулистыми руками. Золотые серьги сверкали в его ушах, свет свечи отражался на мускулах его могучего торса. Обнаженный ятаган был задвинут за алый пояс.

Со скрежетом маленьких шестеренок прозвонили часы. Было два часа по полуночи.

С глухим проклятьем человек за столом сбросил вниз пергаменты, которые изучал. В это же время шкаф отодвинулся, открыв тайный ход. Два человека в черных плащах и масках стояли у выхода. Один из них держал фонарь: пламя свечи искрилось на влажных плащах вошедших.

Сидящий мужчина положил руку на эфес рапиры, лежащей на столе, а Кушат вынул ятаган. Однако, когда двое вошли в помещение и сбросили маски, он успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот снова скрестил руки на груди и безразлично уставился в пространство.

Двое вошедших сбросили на пол плащи и поклонились сидящему за столом. Первый из них отбросил капюшон, открыв лицо с ястребиными

глазами, гладко выбритыми скулами и тонким ртом, и, сложив руки на груди, склонился над ними.

Другой мужчина поставил свой фонарь, сделал реверанс, с придворным изяществом взмахнув шляпой с перьями и пробормотав:

— Мой господин князь!— Когда он вновь встал прямо и небрежно стал поигрывать алмазным эфесом длинной шпаги, стало видно, что это был красивый высокий мужчина, черноволосый, с желтоватой кожей и резкими чертами лица. Его черные усики были так тонки, что казались нарисованными художником. В нем чувствовалось фальшивое благородство: несколько театральная напыщенность и значительный налет авантюризма.

Виллагро, князь Кордаванский, ледяным взглядом окинул худого зингаранца.

— Господин Зароно, я не привык ждать,— заметил он.

Снова изящный поклон:

— Тысяча извинений, ваша светлость! Ни за что на свете не желал бы я вызвать ваше неудовольствие.

— Тогда, господа, почему вы опоздали на полчаса?

Грациозный жест.

— Сушая безделица. Глупость.

Человек с выбритой макушкой объяснил:

— Кабацкая драка, господин князь.

— Драка в общественном месте?— воскликнул князь.— Вы что, подлецы, рехнулись? Как это произошло?

Вспыхнув, Зароно с ненавистью посмотрел на священника, тот бесстрастно вернул взгляд.

— Ерунда, Ваша Светлость! Ничего такого, что могло бы вас побеспокоить...

— Об этом судить мне, Зароно,— сказал князь.— Не исключено, что наш план может быть выдан. Вы твердо уверены, что этот беспорядок не был провокацией?

— Ничего подобного, мой господин,— усмехнулся Зароно.— Вы, возможно, слышали о грубом варваре по имени Конан, который был назначен командовать Зингаранским капером, несмотря на то, что он грязный киммеранец с далекого севера?

— Я ничего не знаю об этом плуте. Продолжайте.

— Как я сказал, это ерунда. Но, войдя в таверну Девяти Вырисованных Шпаг, где я должен был встретить присутствующего здесь святого Менкара, я заметил жарящееся в камине мясо, и так как я пришел на пустой желудок, то решил разом убить двух зайцев. Поскольку человек моего происхождения не может терять время на пустое ожидание, я крикнул кабатчику Сабрану и приказал поставить передо мной жареный окорок. Тогда этот Киммерийский лопух выступил против меня, утверждая, что это его обед. Джентльмен вряд ли сможет стерпеть, чтобы каким-то иностранцам отдавалось предпочтение...

— Что же случилось? Ближе к делу, — потребовал князь.

— Поговорив немного, мы перешли к делу, — Зароно скривился, дотронувшись до синяка под глазом. — Парень силен, как бык, хотя должен признаться, я порядком попортил ему физиономию. Перед тем как я собрался показать деревенщине скорость моего клинка, кабатчик и посетители схватили нас и выкинули на улицу — не без некоторых усилий, так как каждого из нас держали пять-шесть человек. В это время пришел святой отец Менкара и постарался нас успокоить. Это с одной стороны, а с другой...

— Я все понял: по всей видимости, это просто случайность. Но впредь вам надо будет подумать, прежде чем затевать ссоры. Избавьте меня от этого! А теперь к делу! Я полагаю, это...

Зингаранец закрутил усы.

— Простите мои плохие манеры, Ваша Светлость: я представляю Вам святого Менкара, служителя Сета, которому я предложил присоединиться к нам, и который усердно трудится теперь на нашем поприще.

Бритоголовый снова сложил руки и поклонился. Вилларго благоклонно кивнул.

— Почему вы настояли на личной встрече, святой отец? — спросил он. — Я предпочитаю действовать через агентов, подобно Зароно. Что случилось? Достаточно ли ваше вознаграждение?

Застекленевшие глаза лысого Стигийца выражали полное безразличие.

— Золото ничего, однако для этой жизни необходим набитый кошелек. Наши священники знают, что мир — лишь иллюзия, маска на голом лице Хаоса... Но простые, господин князь, теологические рассуждения — обычай нашей страны, но мое присутствие здесь связано с вашим обычаем, так? — Стигисц слабо улыбнулся, давая понять, что он пошутил.

Князь удивленно поднял брови.

— Я имею ввиду план Вашей Светлости, — продолжал Менкара, — убедить доброго, но старого короля Федруго отдать вам руку принцессы Чабелы, перед тем, как он мирно закончит свое существование в этом мире. Я имею ввиду хорошо известное изречение: "Заговор и измена — любимые обычаи Зингара".

Гримаса Вилларга дала понять, что он находит шутку не слишком веселой.

— Да, да, священник, все это мы понимаем. Какие новости? Как продвигается захват мыслей нашего предмета?

— Довольно плохо, мой Поведитель, — пожал плечами Менкара. — Мыслями старого и больного Федруго завладеть легко. Но у меня всечкли проблемы, однако.

— Я слушаю!

— Когда мысли короля подчиняются моим желаниям, я могу полностью управлять им. Я могу заставить его отдать вам руку принцессы, но

принцесса — не без основания, ссылаясь на разницу ваших возрастов — отказывается.

— Так возьми и ее мысли под контроль, тупоголовый идиот! — прорычал Вилларго, разгневанный намеком на свой возраст.

Холодные огоньки вспыхнули в глазах Менкара и потухли.

— В нынешнюю ночь я и пытался это сделать, — промурлыкал он. — Мой дух вторгся в сны отдыхающей принцессы. Она молода, сильна и полна жизни. С огромным трудом я достиг контроля над ее желаниями — но когда моя тень захватила власть над ее спящей душой, я почувствовал, что теряю власть над Федруго и оставил ее. Я быстро освободил девушку, чтобы восстановить власть над ее отцом. Она в ужасе проснулась, и хотя ничего не запомнила из моих внушений, я несомненно встревожил ее. Затруднение в том, что я не могу одновременно контролировать короля и принцессу...

Он отшатнулся, увидев сверкнувшее в глазах князя пламя.

— Так это был ты, паршивый пес! — вскричал Вилларго.

Удивление и страх вспыхнули в глазах Менкара.

— Что вы имеете в виду, мой господин? — пробормотал он.

Зароно был удивлен не меньше священника.

— Возможно ли, что мой хитрый шпион и мой осторожный колдун не слышали того, о чем говорит пол города, — задыхаясь от гнева, закричал Вилларго — Возможно ли, чтобы никто из вас, идиотов, не знал, что принцесса исчезла из города? И что все наши планы превратились в ничто.

Князь Вилларго выполнял свои планы осторожно. Федруго был стар и немощен. И чтобы упрочить мирное процветание, королевская дочь Чабела должна была выйти замуж. Кто же более всего достоин ее руки и трона, чем Вилларго, старый вдовец, самый богатый и влиятельный вельможа после короля в королевстве?

В подвале под своим древним замком разрабатывал Вилларго свой план. Для своих целей он выбрал корсара Зароно с благородными предками, но темным прошлым. Он поставил перед ним задачу найти мага с гибкой совестью, который мог бы влиять на мысли и желания стареющего монарха. Для этой цели Зароно выбрал Менкара, священника-мага незаконного стигийского культа Сета. Побег Чабелы, однако, разрушал все планы Вилларго. Какой смысл контролировать мысли короля, если принцесса не будет присутствовать на обручении?

С железным самообладанием Менкара поспешно успокоил князя.

— Сможет ли это успокоить Ваше Сиятельство, но те знания оккультных наук, которыми обладаю я, могут помочь быстро определить нахождение принцессы, — сказал он.

— Так сделай это, — сказал мрачно Вилларго.

По приказу священника, кушит Гомани принес из комнаты пыток бронзовый треножник и уголь. Ковер был свернут, обнажив каменные плиты. Из-под рясы Менкара достал кожаную сумку со множеством

отделений внутри. Из нее он взял кусок светящегося зеленого мела и начертил на полу фигуру, похожую на змею, держащую хвост в зубах.

К тому времени Гомани развел огонь в треноге.

Священник вылил на сверкающие угли зеленую ароматную жидкость из прозрачного флакона.

Со змеиным шипением острый аромат наполнил комнату. Бледно-зеленые спирали дыма сплетались и расплетались в сонном воздухе.

Менкара сел в зеленый меловой круг. Канделябр был унесен и комната погрузилась в жуткий мрак. Остались три источника света: красное пламя углей в треножнике, зеленовато светящийся змеиный меловой круг и желтые глаза священника, сверкающие, как зрачки ночного животного.

Голос Менкара становился все сильнее и распевнее.

— Иао, Сетех... Сетех, иао! Абрафакс нурими мизрает, Сетех!

Резкие магические слова рождались и умирали, и было слышно ритмическое медленное дыхание стигийца. Желтые глаза его закрылись и он впал в транс.

— Митра!— прошептал Зароно, но прикосновение князя заставило его замолчать.

Кольца дыма становилось гуще, они сталкивались и складывались в светящиеся, ядовито-зеленые участки. Зрители вглядывались в ожившую внутри облака сцену. В сиянии был виден маленький корабль, по осястке каравелла, плывущий по ночному океану. На капитанском мостике стояла девушка, ее округлые формы были видны через тяжелый плащ, прижимаемый ветром к ее молодому телу.

— Чабела!— вздохнул Вилларго.

Как только его слова нарушили тишину, облако потускнело и распалось. С шипением потухли угли. Священник упал вперед, ударившись лбом о плиты пола.

— Куда она направляется?— спросил Вилларго, когда глоток вина вернул к жизни мага.

— В ее мыслях я прочитал имя Асгалуп,— сказал Менкара,— не знает ли Ваша Светлость, причин, по которым она должна искать Асгалуп?

— Там сейчас находится брат короля Товаро,— задумался князь.— Будучи послом, он ездит из одного города Шемиа в другой, но сейчас он там. Я знаю точно! Она примчится к Товаро и будет умолять его вернуться в Кордаву. С присутствием этого парня здесь, бог знает как могут измениться наши планы. Так что же нам делать, если ваша власть не может одновременно распространяться на принцессу и короля?

Зароно протянул руку к серебряному подносу, пробормотав:

— С позволения Вашей Светлости?— после кивка Вилларго он выбрал себе фрукт.

— По-моему,— сказал он, проглатывая кусок,— мы должны найти другого мага.

— В этом что-то есть, — согласился князь. — Кого вы предлагаете, святой отец?

Стигиец смотрел без всякого выражения.

— Глава нашего ордена, — сказал он наконец, — самый могучий волшебник, который может помочь в этом плане — великий Тот-Амон.

— Где этот Тот-Амон находится?

— Он живет в родной Стигии, в оазисе Хаджар, — ответил Менкара. Должен, однако, вас предупредить, что таланты великого Тот-Амона нельзя купить за простое золото. — Кривая улыбка появилась на его губах. — Золото может купить маленького человека, как я: но Тот-Амон — признанный властитель магов. Тот, кто повелевает духами Земли, но нуждается в материальном богатстве.

— Тогда, что же может прельстить его?

— Одна мысль близка его сердцу, — сказал Менкара. — Много веков назад культ Митры боролся здесь, в западных королевствах с культом моего божества, Сета. Так повернулась судьба, что мой культ пал, и защитники Митры одержали победу. Защитники Змея стали вне закона, и весь мой орден отправился в изгнание. И если теперь, Ваша Светлость поклонится разрушить храмы Митры и на месте построить храмы Сета, вознести Сета выше всех богов западного королевства, тогда, я клянусь, Тот-Амон поможет вам своей властью.

Князь закусил губу. Боги, храмы и священники для него не значили ничего до тех пор, пока храмы и их управляющие исправно платили подати. Он пожал плечами:

— Да будет так, — сказал он. — Я поклянусь всеми вашими богами и демонами со странными именами. А теперь ваши задачи: сначала вы выйдете в море. Пойдете к юго-востоку и встретите судно с принцессой. Схватите ее и разрушите корабль, не оставив живых свидетелей. Твой “Петрел”, Зароно, легко осилит маленький “Сиа-Куин”.

Позабывшись о даме, вы продолжите путь в Стигию. Вы, Менкара, будете вести переговоры с могучим Тот-Амоном и будете моим послом к нему. Когда вы введете его в курс дела и заручитесь согласием, вы возвратитесь в Кордаву с ними и принцессой. Вопросы есть?

Так началось выполнение двойной миссии.

3. НОЖ ВО МРАКЕ

Небо на востоке побледнело. Буря кончилась. Рваные черные облака проносились по мрачному небу. Несколько тусклых звезд, загоревшихся на западе, иногда проглядывали через разрывы туч и отражались в грязных лужах на улицах Кордавы.

Зароно, хозяин клипера "Петрел" и тайный агент князя Кордавы, шел по мокрым улицам в отвратительном настроении. Его драка с могучим имперским корсаром не обрадовала его, не говоря уже о потерянной обеде. Задание, возложенное на него князем, еще больше расстроило его, и в довершение всего, глаза его слипались от недосыпания и невыносимого холода. Когда он обходил капающие карнизы и вытаскивал из луж край плаща, его губы кривились от кипевшей внутренней злобы. Он искал беспомощного прохожего, чтобы выместить свой гнев. Менкара тихо шел рядом.

Тщедушный маленький человечек, голые ноги которого виднелись из-под старой рясы, двигался по мокрой улице, стараясь ступать по булыжникам. Его сандалии скользили по влажным камням. Одной рукой он придерживал у тощей груди рваную накидку, а в другой держал горящий кусок просмоленной веревки, которая освещала путь.

Едва дыша, он бормотал молитвы Митре. Для него это был просто набор слов, набор бессмысленных звуков, мысли его были далеко. Так Минус, младший священник храма Митры, спешил по ветренным и мокрым улицам навстречу своей судьбе.

Минус встал до темноты, избежав встречи с начальством, покинул пределы храма и пошел по темной аллее. Он держал путь в порт на встречу с корсаром Конаном Киммерийцем.

Непредставительный человечек обладал трясушимся брюхом и слабыми ногами. Водяные глаза выдавались над огромным носом. Он был одет в поношенную рясу слугителей Митры — ряса была грязная, с подозрительными бордовыми пятнами запретного вина. В молодые годы, когда на него еще снизошел свет Митры, Минус был одним из самых удачливых воров бриллиантов в пределах Хайбории. Именно тогда он и познакомился с Конаном. Небольшой любитель храмов, могучий корсар и сам когда-то был вором, и они долго были друзьями. Хотя Минус чувствовал, что его призвание священника было подлинным, ему никогда не удавалось укротить свои греховные аппетиты, которым он потворствовал в прежней жизни.

В хилой груди маленький священник прижимал документ, который Конан обещал купить. Корсару нужно было сокровище, а Минусу золото — в крайнем случае — серебро. Минус давно обладал документом. В былые дни, маленький человечек часто мечтал отправиться по начертанному пути за сокровищем, месторасположение которого он знал один.

Но с тех пор при нынешней его профессии казалось маловероятным, что ему удастся отправиться на поиски сокровища: так почему бы не продать карту?

Его мысли были полны розовыми видениями сладкого вина, горячего мяса и пухлых красоток, которых он надеялся получить на деньги Конана. Минус завернул за угол и наскочил на двух мужчин в темных плащах, отошедших в сторону, чтобы пропустить его. Пробормотав извинения,

маленький священник поднял глаза на худого мужчину с откинутым капюшоном, и тогда в удивлении он забыл об осторожности.

— Менкара Сетит!— с изумлением вскричал он.— Ты здесь! Защитник Змея, как ты осмелился?

В праведном гневe возвысив голос, Минус стал звать стражу.

Помня о задании, Зароно потянул спутника быстро уносить ноги, но стигиец вырвался и, сверкая глазами, прошипел:

— Маленькая свинья узнал меня! Быстро прикончи его или мы пропа-
пали!

Зароно колебался, но недолго, и выхватив тесак, ударил. Жизнь одного ничтожного священника не значила для него ничего: главное — не вдаваться в разъяснения со стражей.

Блеск стального лезвия в тусклом ночном свете пропал в одежде священника. Минус с воплем качнулся назад, задохнулся и упал на камни. Изо рта показалась кровь.

— Так будет со всем вашим племенем,— сказал стигиец, плюнув.

Нервно оглядываясь вокруг, Зароно поспешно вытер лезвие плащом лежащего и прыгнул:

— Быстро сматываемся!

Но глаза стигийца заметили маленький выступ на груди Минуса. Он нагнулся и вынул из одежды священника маленький рулон пергамента. Двумя руками он развернул его.

— Что-то вроде морской карты,— пробормотал Менкара.— Мне кажется, подумав, я могу расшифровать...

— Позже, позже,— настаивал Зароно,— иначе нас поймают стража!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Двое мужчин пропали в розовеющем тумане, оставив распростертого Минуса на камнях.

Выпив паршивого вина, незакончив с Зароно драку, и просидев в пустом ожидании несколько часов, Конан постепенно мрачнел. Теперь, беспокойный, как дикий кот, он бродил по дымному залу таверны, почти касаясь головой потолка. Хотя раньше таверна Девяти Нарисованных Шпаг была переполнена, к этому времени оставалось только несколько посетителей, как например, трое пьяных моряков, развалившихся в углу. Из них двое пели песню без мелодии и ритма, а третий уснул.

Свеча-часы подсказала Конану, что рассвет близок. Минус опаздывал на несколько часов. Должно быть что-то помешало маленькому священнику, который никогда не опаздывал за своими деньгами. Говоря по-зингарански с варварским акцентом, Конан прорычал невозмутимо му кабатчику:

— Сабран! Я пошел подышать свежим воздухом. Если меня спросят, я скоро вернусь.

Снаружи едва капал дождь. Облака рассеялись, и опять выглянула серебристая луна, освещающая остаток ночи, но она почти пропала в лучах рассвета. Над землей поднимался туман.

С тяжелым сердцем Конан брел по влажной булыжной мостовой, собираясь обойти квартал, в котором находилась таверна. Про себя он ругал Минуса. Маленький святой мешок с отбросами заставил его упустить утренний бриз, который бы вынес "Вестрел" из Кордаванского порта. Теперь придется брать буксир.

Тут Конан неожиданно остановился и замер без движения. Беспорядочная куча мокрой одежды на распростертых конечностях приковала его взгляд.

Он посмотрел направо и налево, ища на крышах, в дверях и аллеях следы притаившегося убийцы. Мягко откинув назад тяжелый плащ, он освободил меч в ножнах. В этом квартале старого города труп не был удивителен. Покосившиеся лачуги вдоль улиц служили прибежищем для воров, убийц и других человеческих отбросов. Но убийца часто прятался около своей жертвы и Конан давно уже выучился осторожности.

Тихо, как крадущийся леопард, Конан проскользнул в тени к неподвижной фигуре и осторожно перевернул его на спину. Свежая кровь тускло блестела в розовом свете восхода. Капюшон упал назад и обнажил лицо.

— Кром! — вскричал Конан, ибо это был экс-вор и священник Минус из Мессантии, которого так долго ждал Конан.

Конан быстро осмотрел тело. Карта, которую обещал Минус принести в таверну и продать ему, исчезла.

Поднявшись на ноги с мрачным бесстрастным лицом, Конан задумался. Кому выгодна смерть незначительного маленького священника с несколькими медяками в кармане? Только карта имела определенную ценность. Поскольку она пропала, то это наводит на мысль, что безвредный Минус был зарезан, должно быть, с этой целью, чтобы его убийца мог обладать этой картой.

Верхний край восходящего солнца окрасил в розовый цвет башни и коньки крыш древней Кордавы. В его свете взгляд Конана вспыхивал холодным голубым пламенем. И, сжав огромный кулак, гигант киммериец поклялся, что кто-то кровью заплатит за эту смерть.

Мягко подняв могучими руками маленькое тело, он поспешил назад в таверну. Ворвавшись в общий зал, он рывкнул кабатчику:

— Сабран! Комнату и хирурга, и живо!

Кабатчик знал, что когда Конан говорит таким тоном, он не любит проволок, и поспешил проводить Конана с его ношей по лестнице на второй этаж.

Оставшиеся посетители проводили Конана удивленными взглядами. Они видели высокого мужчину, почти гиганта, невероятно крепко сложенного. Темное лицо в шрамах под широкой морской шляпой было чисто выбрито, и тяжелые солнечно-бронзовые черты были обрамлены квадратом нестриженных черных волос. Глубоко сидящие глаза под густыми черными бровями были голубые. Корсар нес тело в руках с такой легкостью, как будто это был ребенок.

Никого из команды Конана в таверне не было. Конан удостоверился в этом перед тем как назначить встречу, так как не хотел, чтобы весть о карте стала известна команде до того, как он будет готов сообщить об этом.

Сабран привел Конана в комнату, которую он держал для почетных гостей. Конан начал класть Минуса на кровать, но остановился, так как Сабран выдернул покрывало из-под тела.

— Никакой крови на мое лучшее покрывало!— сказал он.

— Дьявол побери твоё лучшее покрывало,— прорычал Конан. Пока Сабран снимал свое покрывало он осмотрел тело. Священник слабо дышал, пульс был неровный.

— По крайней мере, он жив,— пробормотал Конан.— Иди отсюда, человек, и принеси пивок! И не стой здесь, как идиот!

Кабатчик тихо исчез. Конан обнажил тело и отыскал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Вошел Сабран с зевающим врачом в ночном платье, с копной седых волос, выбивающихся из-под ночного колпака.

— Хороший доктор Кратос,— сказал кабатчик.

Врач снял повязку Конана, очистил рану и снова перевязал ее чистым бинтом.

— К счастью,— сказал он,— рана, кажется, не задела сердце и большую кровную артерию и лишь слегка повредила легкое. При хорошем уходе, он должен жить. Вы заплатите за него, капитан?

Конан согласно кивнул. Несколько капель вина частично вернули Минуса в сознание. Голосом тише шепота, он рассказал:

— Я столкнулся с двумя мужчинами... на улице... Один — Менкара, священник Сета... Я вскрикнул... Он сказал другому... убить меня...

— Кто был другой?— потребовал Конан.

— Он был весь закутан... шляпа и плащ... но мне кажется... корсар Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Этот насмешливый корсар, с которым он поссорился несколько часов назад. Знал ли Зароно о его встрече с Минусом и напал ли на священника, чтобы овладеть картой? Все указывало на заговор с целью отнять секрет сокровища у Конана.

Он встал с лицом пылающим гневом.

— Вот,— громыхнул он.

Захватив в мешке полную горсть монет, он высыпал их в ладонь Кратоса. Другую горсть он протянул Сабрану...

— Вы, двое! Смотрите, чтобы с ним хорошо обращались и он имел все самое лучшее,— сказал Конан.— Когда я вернусь, мы рассчитаемся точно и горе вам, если вы не будете стараться для него! Если он умрет, похороните его по полному ритуалу Митры. Теперь я ухожу...

Как демон он исчез из комнаты, скользнул вниз по лестнице и нырнул из дверей таверны. Он шел быстро, и тяжелый черный плащ задевал за высокие каблуки.

Когда вставшее солнце позолотило мачты и паруса кораблей, порт проснулся. Матросы сновали по снастям, офицеры отдавали команды через трубы, и скрипящие подъемные краны из дерева, приводящиеся в движение мускулами рабочих через блоки и лебедки, переносили балки с пристани на палубы.

Конан спустился прямо к кромке воды. В ответ на его вежливый вопрос, капитан портовой стражи сказал, что "Петрел" Зароно ушел час назад и давно исчез за косою, составляющей восточный край порта. Конан прорычал благодарность, вскочил на ноги и громыхнул по сходням своего корабля, под названием "Вестрел".

— Зентран! — заорал он

— Да, капитан? — ответил помощник, руководивший погрузкой провизии в трюм. Зентран был маленький, круглый зингаранец с длинными, загнутыми черными усами. Несмотря на свою комплекцию он двигался легко, как кот.

— Свистать всех наверх, проверить по списку, — приказал Конан. — Мы снимаемся как можно скорее!

Через несколько минут вся команда собралась на палубе. Большинство были урожденные зингаранцы, но было немного других национальностей. Трех не было, за ними послали юнгу вытащить их из подвалов, где они могли проспать свою свободу. Остальная команда, подгоняемая Конаном, ускорила погрузку корабля.

Наконец, появились отсутствующие матросы, последний мешок был уложен, швартовы отданы. Восемь моряков сели за весла, чтобы вывести "Вестрел" в открытое море. Когда первый порыв морского бриза наполнил паруса, шлюп отошел в сторону и был привязан к кораблю.

Теперь с полными парусами "Вестрел" мчался по ветру. Белый пенный след тянулся за кормой. Он мягко и ритмично покачивался на морской зыби, и крики чашек смешивались с плеском волн за бортом, со скрипом балок и снастей, и свистом ветра в парусах.

Конан стоял на мостике и, склонившись на перила, задумчиво разглядывал видневшийся на горизонте край мачты. Определив курс, назначенный Конаном и организовав дежурство, Зентран поднялся на мостик и встал рядом с Конаном.

— Итак, мой капитан, — начал он, — куда мы теперь?

— Ты знаешь черный "Петрел" Зароно? — спросил Конан.

— Эту здоровую посудину, которая вышла в море за час до того, как мы пришли на корабль? Ну, да, знаю. Говорят, что Зароно искусный мореход, но жестокий человек с черным сердцем. Он вращался среди благородных, но они отбросили его: говорят, что сделал что-то такое, чего даже высокородные негодяи не могли стерпеть. ... Так он стал корсаром. У вас неприятности с капитаном Зароно? С ним трудно иметь дело.

— Я расскажу, если не будешь трещать, — Конан рассказал Зентрану коротко о Минусе, карте и Зароно. — Таким образом, если я поймаю его

в открытом море, он у меня узнает вкус стали. Если “Петрел” и больше, то “Вестрел” быстрее, и лучше держит ветер.

— О, конечно, мы поймаем его, — сказал Зентран, воинственно крутя ус, — и я не сомневаюсь, что лично смогу зарубить шесть или семь бандитов Зароно. Но, капитан, не лучше ли незаметно следовать за ним, чтобы он привел нас к сокровищу?

Конан повернулся к помощнику, и горящими глазами посмотрел на него. Наконец, он улыбнулся и потрепал маленького человечка по плечу.

— Клянусь Кромом и Маннанакм, малый, — заорал он, — ты стоишь своих денег.

Он взглянул наверх, где несколько моряков, стоя на рее длиной почти в два ярда, ждали команды поднять марсель.

— Эй, вы! — крикнул он. — Оставьте это и обратно на палубу! — Он повернулся к Зентрану. — Мы не будем поднимать наш марсель, иначе бы Зароно увидел его, а мы можем плыть без него так же быстро, как и с ним. Кто здесь впередсмотрящий?

— Риго из Джериды.

— Пусть он. Посадите его на верхушку мачты и пусть он нам скажет, что видит.

Через минуту Риго уже стоял в корзине наверху, всматриваясь в юго-восток. Он крикнул вниз:

— Карак, дьявольски далеко, капитан. Я вижу его марсель, а когда волна поднимает его, виден черный корпус.

— Это “Петрел”, — сказал Конан. — Так держать, рулевой. — Повернувшись к Зентрану, крутившему свои гигантские усы, он сказал: — Днем мы будем держаться подальше, а ночью подплывем так, чтобы были видны огни. Если повезет, он нас даже не заметит!

Конан сурово улыбнулся, в его глазах светилось удовольствие. Он глубоко вздохнул. Это была жизнь: палуба, ноющая под ногами, полсотни суровых головорезов под твоей командой; море, чтобы плыть; битва, чтобы драться — и дикое, кровавое приключение впереди!

На всех парусах, но со спущенным марселем, “Вестрел” шел на юго-восток по следу “Петрела”, слепящее солнце пылало в голубом небе и дельфины кувыркались в воздухе и падали обратно в море.

4. ГИБЕЛЬ “СИА КУИН”

Каравелла “Сиа Куин”, служившая королевской яхтой, прошла между берегом Зингарана и Бараканскими островами. Этот архипелаг был известным пиратским гнездом — в основном Аргоссианцев — но, к

счастьем, в то время корсаров там не было. Корабль пересек границу Зингара и Аргаса.

Аргоссеанский берег тянулся к востоку. Следуя приказам Чабелы, капитан Капеллез шел левым бортом, не придерживаясь береговых изгибов. Поэтому Аргоссеанский берег был далеко позади, и едва был виден с верхушки мачты.

Для такого курса было две причины: во-первых, необходимо было достичь побережья Схеи около Когалупа как можно быстрее, во-вторых, необходимо было избежать встречи с аргоссеанскими пиратами и корсарами.

С утра, однако, был замечен огромный черный карак. К полудню он подошел так близко, что удалось прочесть его название.

— Бояться нечего, госпожа, — сказал капитан Капеллез. — Приближающийся корабль всего лишь один из находящихся на службе Вашего Высочества. Это “Петрел” под командованием капитана Зароно.

Однако Чабела не была удовлетворена. Было что-то странное в постепенно приближающемся корабле, в его огромном черном корпусе. Конечно, это могло быть случайностью, что другой корабль следует тем же курсом.

Имя Зароно ее так же не успокоило. Она едва знала его как приближенного, но сталкивалась с темными слухами о нем. Одна из ее подруг, леди Эстреллада, рассказала Чабеле, что Зароно околдован ее, Чабелы, чарами. Но принцесса не придавала этому значения, потому что бесчисленное количество придворных кавалеров, как это всегда бывает, было околдовано принцессой. Всегда была возможность что тот или другой станет королевским приемником...

Теперь подозрения ее возросли. Уже третий день, как “Сиа Куин” покинула кардавский порт, и слухи об ее исчезновении уже стали, должно быть, широко известны. Во дворце, очевидно, смутнение.

Вероятно, отсутствие королевской яхты на обычной стоянке выдавало способ бегства Чабелы. Поскольку было невероятным, чтобы она направилась к северу, к диким берегам Питленда, или на запад по безбрежным просторам неисследованного океана, было ясно, что она направилась к юго-востоку вдоль побережья континента. Там были Аргос, города государства Схеи и черное королевство Стигии.

Шум вокруг ее исчезновения, думала она, мог даже вывести короля Федруга из летаргии, в которую он был погружен. Он мог приказать Зароно вернуть его бежавшую дочь домой.

Чабела пробормотала благодарность капитану и отошла. Беспокойно пройдя по палубе, она оперлась о перила, украшенные дельфинами и фигурами богов с трезубцами. Как загипнотизированная, смотрела она на приближающийся корабль.

Разрезая форштевнем волны, “Петрел” подходил все ближе. Таким образом, подумала она, через полчаса он перехватит ветер и заставит маленькую яхту лечь в дрейф.

Чабсла прекрасно разбиралась в кораблестроении. В отличие от отца, который не любил море и близко не подходил к "Сиа Куин", она с малых лет была моряком. Только в последние годы, когда она простилась с детством, отцовский указ запретил ей делать морскую работу и висеть на снастях.

Принцесса вздрогнула, но заставила себя успокоиться. До сих пор другой корабль не спешил, и в его действиях не было ничего угрожающего. Зингаранский корсар, будучи в своем уме, вряд ли осмелится атаковать яхту короля Зингара.

И тут тень легла на освещенную солнцем палубу. И странно — тень эта была темно-зеленая: таинственно мерцающий чисто изумрудный покров.

Принцесса подняла голову, но не смогла найти причину появления туманности, покрывшей "Сиа Куин", как плотный, но неосязаемый дым. Лица команды побледнели, глаза широко раскрылись от страха.

Началось нечто ужасное: щупальца зеленого мрака обвились вокруг ближайшего матроса, кричавшего от страха. Как извивающиеся конечности морского чудовища, темные щупальца прошли в него. Девушка поймала дикий взгляд на его бледном лице, искаженном от страха, увидела его дрожащие конечности. Казалось, что зеленые спирали проникли в его тело и растворились. Могучий матрос окаменел, его кожа и одежда покрылись зеленым налетом. Он стал похож на нефритовую статую. Чабела воззвала к Митре. Корабль стал массой кричащих, извивающихся людей, в безумии борющихся с извивающимися кольцами изумрудного тумана, которые обвивали их и проникали сквозь кожу, превращая людей в неподвижные зеленые фигуры.

Вокруг принцессы обвились зеленые плети. Ее кожа похолодела от страха, когда она почувствовала прикосновение неосязаемой материи. После прикосновения, волна парализующей дрожи прошла по ее телу. Когда спирали проникли в нее, холодная темнота спустилась на ее мысли и больше она ничего не помнила.

На палубе "Петрела" Зароно с болезненным ужасом наблюдал, как стигиец творит магию. Неподвижный, как пыльная мумия, маг сидел на корточках перед аппаратом, который он собрал, когда карак приблизился к "Сиа Куин". Он состоял из маленького конического кристалла светлосерого цвета, венчавшего низкий алтарь черного дерева. Алтарь казался очень древним. Когда-то он был искусно украшен, теперь же от украшений почти не осталось и следа. А оставшиеся представляли собой маленьких обнаженных человечков, убегающих от огромного змея. Глаза змея прежде были двумя опалами, один выпал из гнезда и потерялся.

В ответ на тихие заклинания Менкара, кристаллический конус вспыхнул призрачным светом. Вокруг него образовался нимб пульсирующего изумрудного сияния, осветивший резкие черты мага, его лицо от этого стало еще больше походить на череп.

Когда нимб зеленого цвета пульсировал достаточно сильно, маг поставил перед лицом зеркало из черного металла, в оправе из сплетенных чудовищ. С возрастающим ужасом смотрел Зароно, как изумрудное сияние, казалось, растекалось по поверхности зеркала, а затем отразилось на далекой палубе “Сиа Куин. Слабое на солнце, зеленое свечение было, однако, четко различным, и зеленый луч как бы связал оба корабля. Что-то происходило на каравелле, хотя Зароно из-за далекого расстояния не мог рассмотреть что именно.

Потеряв управление, “Сиа Куин” сбилась с курса и легла в дрейф с пустыми парусами. Зароно сбоку подвел свой карак. Стигиец вышел из состояния транса и мрачно стоял у перил. Его темные черты были цвета темного полотна и холодный пот был на его бесстрастном лице.

— Я выдохся, — вздохнул Менкара. — Это колдовство доводит мага до предела. И все же, это не великая магия, с ней легко бороться, если знаешь как... Но вот те дурачки, слишком мало думают о таких вещах. Идите, они совершенно безвредны для вас в течение часа.

— Они что, мертвы?

— Нет, просто приостановлена жизнедеятельность. Помогите мне дойти до каюты.

Зароно довел мага до каюты. Боцман принес алтарь с конусом.

Закрыв дверь каюты с магом, Зароно кружевным платком вытер лоб. Колдовство было великолепным, но это было страшное оружие. Он, Черный Зароно, куда больше любил звон шпаг, свист стрел и копий, удары ядер катапульты, треск бронзового тарана, входящего в борт корабля. За свою жизнь он совершил немало злодеяний, но, по крайней мере, это были обычные человеческие грехи, не то что эти, связи с темной и, возможно, неуправляемой силой неземного происхождения.

— Эриандо! — крикнул он коку. — Две бутылки вина, и самого крепкого, какое у нас есть в трюме!

Так была захвачена и вскоре погибла “Сиа Куин”. Матросы с “Петрела” перешли к ней на палубу, взяли застывшую фигуру девушки и перенесли ее на капитанский мостик к Зароно. Другие обмотали мачты горами тряпья и облили нефтью. После того, как все вернулись на “Петрел”, он быстро отчалил.

Когда расстояние между судами стало безопасным, отряд лучников зажег стрелы и пустили их в “Сиа Куин”. Через несколько минут вспыхнули горами тряпья. Один за другим с треском вспыхивали паруса, и черные лохмотья разлетались в стороны. Пламя охватило корабль, похоронив живые, но неподвижные фигуры.

“Петрел” подняв паруса, пошел в сторону побережья Схема, оставив позади себя пылающие обломки.

Со смотровой площадки своего карака, Конан наблюдал дымный гриб, отметивший гибель “Сиа Куин” и шептал молитву суровому киммерийскому богу Кромю. “Вестрел” лежал за горизонтом к северо-западу, невидимый с палубы “Петрела” — хотя, если бы кому-нибудь из

команды Зароно пришло в голову рассмотреть море в том направлении с верхушки мачты, он мог бы заметить верхушки мачты "Вестрела", когда тот поднимался на волне.

Со своего поста Конан видел катастрофу королевской яхты. Зачем Зароно остановился, чтобы уничтожить корабль своей страны, Конан и не мог даже представить. За этим, думал он, должно быть нечто большее, чем похищение карты сокровищ и стремление пресечь ползущие слухи. Но могучий Конан давно научился откладывать в сторону вопросы, на которые не находил ответов, пока дальнейшая информация не проливалась на них свет, и не ломать впустую голову над ними.

Кто бы не были неизвестные жертвы на каравелле, он отомстит за них, когда придет время свести его собственные счета с Зароно. Возможно, ему скоро представится такой случай.

5. БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Закат сменил облачный небесный покров на роскошно пылающую звезду. Разрезая черными бортами пенившие волны, вспыхивающие алыми отблесками, "Петрел" свободно мчался на юго-запад, подгоняемый западным ветром. Далеко позади него и невидимый с его палубы, следовал за ним "Вестрел", стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы не быть замеченным и на закате под тихими звездами.

В каюте капитана на огромном стуле с серебряной спинкой, украшенной необработанными рубинами, развалился Зароно. Букет крепкого шемитского вина наполнял обшитую деревянными панелями каюту. Качающаяся лампа, висевшая на цепях наверху, освещала колеблющимся светом приколотые к стенкам между стоек жухлые пергаменты. Лучи искрились на алмазных рукоятках шпаг и тесаков, которые тоже служили украшением стен.

Бледные черты Зароно были мрачны, холодные черные глаза закрыты. На нем была свободная рубашка с широкими рукавами из белого шелка, с кружевами на груди и запястьях. Его густые черные волосы были в беспорядке, и он был мертвецки пьян.

Когда в его дверь легко постучали, он пробормотал проклятье и слабым голосом разрешил войти. Вошел Менкара со свернутой картой в руке. Тощий маг окинул взглядом распластанную фигуру корсара с явным неодобрением.

— Еще колдовство? — пробормотал Зароно и кивнул. — Неужели ты никогда не оставишь простого смертного наслаждаться вином без того, чтобы не влезть свое постной рожей в его мысли? Ну, ладно, говори зачем пришел.

Не обращая внимания на этот взрыв пьяной злобы, Менкара развернул карту на столе перед Зароно и показал костлявым пальцем на линии шифрованного письма, которыми начертана загадочная карта.

— Я размышлял над картой этого священника Митры с тех пор, как мы ее получили, — сказал стигиец с неожиданным для его тихого и невыразительного голоса напряжением. — Береговая линия, показанная здесь, очевидно, Южная Стигия. Хотя язык мне незнаком, оказалось, что некоторые слова мучительно знакомы. Я напряг весь мой ум, расшифровывая надпись, в то время, как вы сидите здесь, напившись, как кретин.

Зароно вспыхнул и стал подниматься, держась рукой за эфес шпаги, но Менкара поднял руку и остановил его.

— Владей своими собственными чувствами, человек. Дело чрезвычайной важности. Слушай же, с помощью магии я изучил сравнительные языки, и я знаю, что древний Валусианский язык, подобно древним стигийскому и ачеронскому языкам, основывался на алфавите, каждый знак которого определял звук. Поскольку определенные части карты показывают страны, которые мы знаем как Схем и Стигию с городами Аскалун и Кхеми, мне удалось определить значения некоторых букв в надписи, где они, как можно догадаться, означают названия и этих мест. Другие надписи являются названиями таких исчезнувших городов, как Кампула и Пифон.

Музыка этих дьявольски-призрачных названий привела Зароно в трепет. Нахмурившись, он наклонился вперед, чтобы лучше слышать.

— Таким образом, — продолжал Менкара, — освоившись с этим древним языком через символы, представляющие известные названия, мне удалось, наконец, расшифровать надпись возле этого острова, которого я раньше никогда не видел на карте.

Зароно взглянул в точку на карте, отмеченную тощим пальцем Менкара.

— Мне он тоже неизвестен. Умоляю, продолжай.

— Я расшифровал, — продолжал Менкара, — надпись вокруг этого острова, как что-то вроде Сио Джина-киса. Это слово взято из древнего стигийского языка сиудхина, или, по крайней мере, близко к нему. А сиудхина может быть переведена на зингаранский как "то, что не имеет названия".

Черные беспокойные глаза Зароно сверкнули на его похожем на страшную маску лице.

— Безымянный остров, — прошептал он.

— Да, — прошипел Менкара с холодным удовлетворением в змеином взгляде. — Мы можем быть уверены, что "киса" означает остров, потому что такое же слово написано еще рядом с несколькими островами на карте. — Он указал еще на несколько точек. — Я полагаю, что пираты, вероятно, слышали легенды об этом призрачном Безымянном острове: о том, что это остаток древней Валусии, и сохранившиеся руины свидетельствуют о могуществе пралудей — человеко-змей.

— Я только знаю, что морские легенды рассказывают об острове без названия, где лежат величайшие сокровища, собранные когда-либо в одном месте, — сказал Зароно.

— Это правда, — сказал Менкара, — но есть нечто иное, о чем вы не можете знать. Успокойтесь, там достаточно обычных сокровищ. Но, кроме груд золота и камней, там, говорят, лежит величайшее магическое сокровище — точная копия “Книги Склоса”.

— Мне не нужна проклятая книга, а лишь чистое золото.

— Эге, тут надо подумать, — тонко усмехнулся Менкара. — Наша задача уговорить величайшего мага Земли помочь нашему господину Виллагра воцариться в Зингаре. Он несомненно был бы обрадован, увидев культ Сета возрожденным, а Митры — поверженным. Мы, однако, можем завоевать его расположение и заручиться его поддержкой, подарив ему такое сокровище магии, как “Книгу Склоса”. Это преступление против священной науки магии, что такой могучий источник древнего искусства лежит неиспользованный. Считается, что существует не более трех копий этой книги: одна в глубоких подвалах королевской библиотеки Аквилонии в Тарантии, одна в тайном храме в Вендхии, а третья здесь, — он ткнул пальцем в карту.

— Почему же тогда, если эта проклятая книга так ценна, никто не забрал ее с Безымянного острова? — спросил Зароно.

— Потому, что пока я не увидел карту, ни я и никто другой из искавших этот остров, не могли точно определить его местоположение. Как вы видите, он лежит вдалеке от берегов черной земли островов, известных нам. Вокруг него в радиусе сто лиг нет никакой земли, мимо него не проходят морские пути, связывающие порты цивилизованных государств. Мореплаватель, который ищет его наугад в безбрежных просторах, может вечно бороздить море так и не найдя остров — по крайней мере, пока не погибнет без воды, пищи и от лишений.

— Далее, вы знаете, что моряки — народ суеверный, их фантазия населила южные моря смертельными рифами и чудовищами — людоедами. Не случайно, что о Безымянном острове давно забыли.

— Будь у нас даже волшебные крылья, потребовалось бы несколько дней, чтобы достичь его отсюда, — пробормотал Зароно, сжимая пальцами подбородок.

— А что нас удерживает? Девушка в безопасности, и несколько дней не играют роли. С “Книгой Склоса” в руках у нас определенно больше шансов привлечь Тот-Амона на нашу сторону. Да и вряд ли золото оставит вас равнодушным. — Искры фанатизма вспыхнули в обычно бесстрастных глазах Менкара.

Зароно почесал подбородок. Хотя магия его мало касалась, было бы неплохо заполучить могучего властителя магов для князя Вилларго, для этого надо сделать все возможное. И, заполучи он сокровища Безымянного острова в свои руки, почему бы не только богатству, но и высокому положению, привилегиям и уважению не возвратиться к нему снова.

Решительно вспыхнули его темные глаза. Он вскочил на ноги и, распахнув дверь, крикнул: "Ванчо!"

— Здесь, капитан! — откликнулся помощник.

— Курс на юг, пока только Полярная Звезда не останется на горизонте!

— В открытый океан, сэр? — недоверчиво переспросил Ванчо.

— Я не люблю повторять, черт возьми! На юг!

Завертелись блоки и заскрипели канаты, когда "Петрел" повернулся, чтобы поймать новый поток ветра, и вот корпус судна уже разрезал волны, вспыхивающего звездами моря в новом направлении.

Менкара вернулся в каюту изучать карту. Он горел страстным желанием заполучить новое древнее и опасное знание. С книгой Склоса Тот-Амон мог стать всемогущим. Помочь Вилларго взойти на трон было бы пустяком: великий стигийский волшебник мог управлять всей мировой империей, и когда сыны Сета завоюют все страны, почему не взойти звезде священника Менкара, благодаря которому все это стало возможным.

Конан задумчиво следил за движущимися огнями "Петрела", когда карак изменил курс с юго-востока на юг. Он ничего не знал о присутствии Чабелы на борту "Петрела", о решении Зароно, о надежде Менкара. Он только знал — или думал, что знал, что Зароно похитил карту у Минуса и плыл к безмянному острову за сокровищами. Причины изменения курса он не мог даже предположить.

Конан соскочил с мачты на палубу с ловкостью обезьяны.

— Зентран!

— Да, капитан?

— Шесть румбов на правый борт! Галс по правому борту, штурвал вниз, ослабить качку... штурвал вверх, так держать!

Конан молча стоял на капитанском мостике, в то время как "Вестрел" изменил курс. Оставив берег континента, у них кроме Полярной Звезды не было другой возможности узнать свое местоположение. В ясные ночи она указывала им, как далеко они продвинулись в южном направлении. Зароно лучше знал куда плыть. Если он заблудится в однообразных просторах океана, то "Вестрел" ждет такая же участь.

Насколько Конан знал, темно сверкающий водный путь перед ним, вел прямо на край света. Что лежит за ним, он даже не мог себе вообразить. О сказочных островах, чужих континентах, неизвестных народах и безжалостных чудовищах рассказывали старые легенды.

Легенды могли быть правдивы. Меньше, чем год, прошел с тех пор как он, на том же самом "Вестреле" с прежним капитаном, мрачным Занораво и с ним, причалили к неизвестному острову на западе, где Занораво и несколько зингарцев из команды нашли свою смерть. В жизни Конана мало было вещей более непонятных и зловещих, чем Черный Омут и его ужасные обитатели. Сейчас, он это отлично знал, на его пути могут встретиться гораздо более смертельные случаи.

Он глубоко вздохнул и порывисто улыбнулся. Кром! Человек умирает однажды, и что пользы думать над воображаемыми опасностями? Когда страх придет, надо сражаться с ним с клинком в руке и яростью в сердце. Он еще поборется с судьбой на Безымянном острове на краю света.

6. НА КРАЮ СВЕТА

Всю ночь плыли два карака по теплым южным водам. С рассветом "Вестрел", как обычно, поднял паруса, чтобы отплыть назад, так, чтобы не быть замеченным с "Петрела" при свете дня. С приходом ночи, если они еще не достигнут Безымянного острова, они наверстают упущенное, поскольку легкий корпус и изогнутые борта давали преимущество в скорости перед более тяжелым и неповоротливым "Петрелом".

Постепенно вершины мачт "Петрела" пропали среди бесконечных сине-зеленых волн. Летучие рыбы выскакивали из воды и, описав полудугу, падали обратно в море. С того момента, как было взято новое южное направление, с карака не видели ни одного судна.

Неожиданно на ясном небе появилось скопление облаков. "Петрел" лег на правый борт и через несколько часов на горизонте показался остров, скрытый под грудой облаков.

С носа "Петрела" Зароно задумчиво рассматривал неизвестный остров. Он выглядел достаточно безопасно: песчаный берег, высокие красивые пальмы с изумрудными верхушками. Что было за стеной пальмового леса никто сказать не мог.

Менкара, набросив черный плащ на узкие плечи, подошел к Зароно.

— Это тот самый остров, — невыразительно сказал он.

Засмеявшись, Зароно показал белые зубы.

— Ага, священник, так это он! Теперь о сокровище, как оно охраняется? Приведения, демоны или просто два дракона? И я рассчитываю, что твоя сверхъестественная сила защитит нас от неприятностей, пока мы очистим гробницу или подземелье, или что-то другое. Ванчо! Подведи судно ближе к берегу, если там достаточно глубоко...

Четверть часа спустя, Зароно скомандовал:

— Свистать всех наверх! Спустить все паруса! Ванчо, спустить шлюпку и собрать отряд для высадки людей — смелых и хорошо вооруженных.

Мгновенно была опущена шлюпка, и десять зингаранцев, увешанных оружием, соскочили по канатам в шлюпку и заняли места за веслами. Они отчалили от "Петрела" и поплыли к берегу. Когда нос шлюпки ткнулся в песок, они высочили в воду и вытянули ее на берег. По команде боцмана они рассыпались по берегу, обнажив шпаги и держа

арбалеты наизготовку, воинственно глядя на пальмы. Небольшая группа исчезла в лесу, но тут же появилась, давая на борт корабля сигнал "все спокойно".

— Остальные шлюпки на воду, — сказал Зароно. Вместе с Менкара и еще восемью матросами он занял место в шлюпке. Ванчо остался на борту "Петрела".

Вторая шлюпка достигла берега без приключений. Зароно собрал людей. Через несколько минут он, Менкара и большой отряд матросов исчезли за деревьями. Три корсара остались охранять шлюпки: тощий остроносый Шемит, чернокожий гигант из Кула и лысый краснолицый зингранец.

С верхушки мачты Конан наблюдал все это с интересом все более обострившимся.

Его судно держалось сразу же за горизонтом с поднятым бушпритом, тяжело переваливаясь на океанских волнах.

Некоторое время отряд Зароно шел по плотной тропической почве. Тишину нарушали шаги и тяжелое дыхание идущих, чавкающий звук широких кортиков и тесаков, разрубающих сплетение лиан, и шум листьев, остающихся позади джунглей.

Воздух был горяч и влажен. Пот сверкал на мускулистых руках, могучих плечах, заливал глаза. Запах гниющих растений смешивался с ароматом экзотических растений — цветов, сверкавших золотом, пурпуром и белизной на фоне темно-зеленого леса.

Тут Зароно стал беспокоить другой запах. С гримасой отвращения он поднес клицу блестящий шарик, в котором виднелись вкрапления цитрона и пинамона. Но даже душистый шарик не мог перебить запах змей. Это не могло не вызвать его недоумения. За всю свою карьеру пирата он посетил множество океанских островов, и ни один из них не был прибежищем змей.

Было душно: тесно растущие пальмы, оплетенные цветущими лианами, не пропускали морского бриза. Взмокший от пота, Зароно внимательно смотрел вперед.

— Кроме скопления проклятых змей, я не вижу опасности на этом острове, — сказал он Менкара.

— Вы что, действительно ничего не заметили? — слабо улыбнулся маг.

— Кроме змей и жары ничего, — пожал плечами Зароно. — Я ожидал сверхъестественных ужасов, и я разочарован. Никаких приведений и призраков — нет даже бормочущих мертвецов, вылезающих из могил. Ха!

— Как грубы твои чувства, северянин! — задумчиво и холодно посмотрел на него Менкара. — Неужели ты даже не слышишь этой тишины?

— Хм... — сказал Зароно. — Что ты хочешь сказать этим...

Зароно похолодел. В самом деле, джунгли были удивительно безмолвны. Никто не ожидал найти на маленьком острове больших зверей, но

ведь должно же быть слышно пение птиц, шорох пробегающих ящериц и ползущих крабов, шум листьев качающихся пальм. Не было слышно ни звука, как если бы джунгли задержали дыхание и смотрели невидимыми глазами.

Зароно выругался, но тут же собрался с мыслями. Занятые прокладкой пути через заросли, люди еще ничего не заметили. Зароно сделал знак Менкара держать язык за зубами и пошел за отрядом. Но чувство, что за ними наблюдают, не прошло.

К полудню корсары достигли цели. К своему удивлению, пробившись через плотные заросли, они оказались на открытом месте. Джунгли окончились неожиданно, как будто боялись пересечь невидимую границу. За этим барьером почва была ровная и песчаная, поросшая жалкими кустиками чахлой, бледной и бесцветной травы. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

В центре этой мертвой зоны возвышалось таинственное строение, от которого они пришли в восхищение. Зароно не мог угадать его назначение: оно с одинаковым успехом могло быть и гробницей, и храмом, и хранилищем. Это было тяжелое квадратное здание из грубого, необработанного камня, которое, казалось, поглощало весь падавший на него свет, так что его контуры были едва различимы.

Строение было грубой кубической формы, но его поверхность была не просто квадратная, а состояла из множества плоскостей и изгибов неправильной формы, ориентированных в самых разных направлениях. В них не было симметрии. Все было так, как если бы каждую часть проектировал архитектор, или здание было составлено из обломков других построек, собранных наугад в разное время и в разных странах.

Черный храм — если это был храм — высился перед ними в призрачном свете. Зароно почувствовал ледяное прикосновение ужаса, не испытанное никогда прежде. Атмосфера страха, излучаемая черным строением, охватила даже этого головореза со стальными нервами. Мигая, он смотрел на него, стараясь отыскать источник этого ужаса, который сдавлив ему грудь, сжал сердце.

В храме было что-то неправильное. Такого стиля он не встречал нигде никогда за свои долгие странствия. Даже призрачные гробницы Стигии не были такими чужими, как этот блок черных камней. Казалось, что строители следовали некоей нечеловеческой геометрии — некоему неземному канону в пропорциях и проекте.

Серое лицо Менкара было покрыто каплями пота. Он прошептал как бы про себя:

— Все так, как я и думал. Здесь справляли ритуал З'Фоума. — Он содрогнулся. — Я не слышал, чтобы этот темный культ возвращался бы за последние три тысячи лет...

— Что ты там бормочешь, желтая собака, — заорал Зароно, разозлившись от страха.

Стигиец посмотрел на него широко открытыми глазами.

— Защитное заклинание, — прошептал он. — Большой силы. Если бы какой-нибудь глупец вздумал войти в пределы храма без контр-заклинания, его присутствие разбудило бы то, что спит внутри.

— Ну? Ты знаешь такое контр-заклинание?

— Слава отцу Сету, знаю. Мало известно о пралюдях, змее-человеках Галусии. Но из этого малого, что мне известно, я могу составить контр-заклинание, хотя я не могу сделать действие его долгим.

— Достаточно долгим, чтобы очистить эту гробницу, я надеюсь, — сказал Зароно. — Сделай все, что можешь.

— Тогда идите в лес, вы и ваши люди, и отвернитесь от меня, — сказал Менкара.

Зароно увел своих корсаров обратно в лес, где они стали в кучу, спинами к открытому пространству. Они слышали, как голос Менкара произносил слова на неизвестном языке. Что он делал еще, он не знал. Но свет, проникающий сквозь листву, мигал, как бы закрываемый тенью. Голос мага казался эхом других нечеловеческих голосов, которые говорили сухим, скрипящим тоном, как будто их гортань не была приспособлена для человеческой речи. Земля слегка дрожала и свет слабел, как будто облако закрывало солнце...

Наконец Менкара слабым голосом сказал:

— Идите!

Зароно нашел, что стигиец выглядит постаревшим и усталым.

— Спешите, — пробормотал он. — Контр-заклинание действует не долго.

Бледный и в поту, Зароно и Менкара пошли в храм. Внутри было мало света, и лишь немного проникало через открытые порталы, и черные грубые камни поглощали этот свет без отражения.

В дальнем конце комнаты неправильной формы возвышался огромный черный алтарь, и на его вершине стоял идол из серого камня. В идоле сочетались черты человека и жабы, с ясно подчеркнутыми мужскими чертами. Жабоподобный, с мерзкой бородавчатой кожей, восседал он на вершине алтаря. Поверхность серого камня была грубой и шершавой на ощупь, как будто камень гнил и облезал.

Беззубый рот идола был слегка раскрыт в бессмысленной улыбке. Надо ртом — пара отверстий соответствовала ноздрям, и над ними семь круглых камешков, вставленных в ряд, соответствовали глазам. Семь камней слабо отражали свет, падающий с портала.

Содрогнувшись от космического ужаса, излучаемого идолом, Зароно отвел глаза. Перед алтарем лежали две небольшие сумки, из старой кожи. Одна была разорвана сбоку и сверкающий поток камней вытек из нее, бросая роскошные отблески на каменные стены, сверкая в полумраке, как проглянувшее через покров облаков созвездие.

Под сумками с алмазами лежала огромная книга, с переплетом из кожи рептилии и бронзовыми застежками, позеленевшими от старости. Размеры рептилии, кожа которой служила переплетом, были таковы, что

на земле у нее не нашлось врагов. Два человека молча обменялись торжествующими взглядами. Зароно осторожно, чтобы не просыпалось ни одного камня, поднял разорванную сумку. Менкара склонился над книгой, поднял ее и прижал к сердцу. Его костлявое лицо пылало и в глазах было выражение странного, дикого экстаза. Не произнеся ни слова и не обернувшись назад, они выскочили из храма, пересекли открытое место и присоединились к корсарам, в страхе ожидавшим их на краю джунглей.

— Обратно на корабль, и как можно скорее, — сказал Зароно.

Все поспешили назад по прорубленной ранее просеке, с радостью оставив позади хранилище древнего ужаса, в котором еще теплились злые силы, и стремясь вдохнуть теплого воздуха сверкающего на солнце моря.

7. ПЫЛАЮЩИЕ ГЛАЗА

После перенесенных ужаса и гнева, принцесса Чабела относительно успокоилась. Она не знала, почему вассал Зароно выступил против своего повелителя и уничтожил королевскую яхту, и зачем корсар взял ее в плен. Но она больше не была парализована страхом, поскольку, по крайней мере, ее руки были свободны.

Зароно запер ее в маленькой каюте, связав ее руки за спиной шелковым платком. Прозрачный алый шелк, казалось, совсем не подходил для этой цели, но Зароно научился у странствующего вендхийского менялы вязать такие узлы, которые не поддавались и самым ловким пальцам, а алая ткань, при своей легкости оказалась прочной как пенька. В обеденное время Зароно сам пришел в каюту и развязал ей руки, но потом снова связал. Он отказался отвечать на ее вопросы.

Чабела, однако, носила за поясом маленький ножичек. У высокородных зингаранских женщин был обычай носить при себе такие лезвия, чтобы покончить с собой, если не удастся спасти свою честь.

Находчивая девушка нашла своему ножичку другое применение. Приложив немало усилий, ей удалось достать нож из-за пояса. Она вставила его ручку в щель между иллюминатором и подоконником. Она обнажила лезвие и, встав спиной к ножу, прижала запястье к лезвию.

Задача была нелегкой, поскольку она не могла видеть за спиной на таком близком расстоянии, и время от времени она ощущала болезненное прикосновение острой стали. И до того, как она разрешила шелк, ее запястья были скользкими от крови. Но наконец руки освободились.

Чабела вынула нож, вложила его в ножны и спрятала за пояс. Двумя кусочками шелка она перевязала маленькие, кровоточащие порезы на запястьях.

Как теперь ей воспользоваться полученной свободой? Услышав последние команды, она догадалась, что Зароно покинул судно. На борту осталось всего лишь несколько человек, но Чабела знала, что у двери ее каюты поставлен суровый часовой, так что в любом случае этот выход был бесполезен.

Оставался иллюминатор, в котором виднелось спокойное море, кремового цвета побережье и несколько пальм, вознесших изумрудные вершины к ясному небу.

На свое счастье Чабела была значительно сильнее, храбрее и мужественнее, чем большинство благородных дам Зингаранского дворца. Многим из них и в голову бы не пришло, что сделала через минуту Чабела.

Она открыла иллюминатор и завернула платье за пояс выше колен. Внизу, на расстоянии в несколько морских саженей лениво колыхалась волна.

Чабела спокойно вылезла в иллюминатор, повисла на руках и упала в воду, почти беззвучно, быстро вынырнула, отфыркиваясь и убирая с лица тяжелые черные волосы. Вода была довольно теплая, однако, холоднее горячего воздуха, и она сначала почувствовала себя неуютно. От соленой воды заболели порезы.

Но у Чабелы не было времени наслаждаться морской прохладой. В любую минуту празднующий по палубе матрос мог заметить ее и поднять тревогу. Над нею с высокого борта корабля блестели иллюминаторы. Выше, над перилами, виднелись мачты и оснастка, слегка качаемые ветром.

Где-то на палубе должен был находиться часовой, но в этот момент у перил никого не было. Если она будет плыть от кормы, то у часового будет меньше шансов заметить ее.

Она плыла долго. Чтобы не быть замеченной, она держалась на спине, держа над водой только лицо. Она плыла параллельно берегу, так чтобы корма заслоняла ее от остального судна. Устав, она отдыхала на воде, слегка двигая руками.

Наконец, корпус корабля удалился настолько, что фигурки людей на нем стали совсем неразличимы. Тогда Чабела повернула к берегу и энергично поплыла.

Дрожа от усталости, она скоро почувствовала под ногами дно и выбралась на желто-серый берег. Она дошла до тенистой пальмы и легла отдохнуть среди зарослей папоротника.

Чабела подумала, что попала из одной беды в другую, потому что никто не знал, какие опасности таились на острове. В конце концов, она опять могла попасть в лапы Зароно. Помолившись Митре, она решила,

что все же бежать было значительно лучше, чем остаться на корабле в руках врагов.

Собравшись с силами, она пошла наугад, не зная, какое выбрать направление. Она морщилась, ступая босыми ногами на камни — за последние несколько лет ей выпадало не так уж много случаев гулять босиком. Чабела вздрагивала, когда морской бриз прижимал к телу влажную одежду. Она нетерпеливо сняла платье и, свернув его, привязала поясом на голову. Полуденное солнце, пробивавшееся сквозь пальмовые ветви, бросало отблески на ее оливковую кожу и округлые формы.

Она выжала платье и положила его на папоротник сушиться. Отрезав ножом край плаща, она разделила его на две части и обмотала ими ступни.

Когда ее платье просохло, она отрезала подол до колен. Одевшись, она огляделась, держа в руке нож. Это была не шпага, но все же лучше, чем ничего.

Чабела пересекла прибрежную полосу и джунгли сомкнулись вокруг нее. В ее ноздри ударил приторный запах гниющих растений и тропических цветов. Грубые колючки, остроконечные пальмовые листья и цепкие лианы рвали ее платье и оставляли красные полосы на руках и ногах.

Дальше джунгли постепенно поредели, но ее беспокоила нереальная тишина. Казалось, что ветер не проникал сюда. Сердце ее сжалось.

Она споткнулась о корень и упала. С трудом поднялась и опять упала. В третий раз она поняла, что решимость ее на пределе. Она должна заставить двигаться свое ноющее тело.

Неожиданно на ее пути появилась массивная фигура, темная, с пылающими глазами. Она вскрикнула, отскочила и упала. Фигура рванулась к ней.

* * *

Конан задумчиво рассматривал море. “Вестрел” Зароно лежал в бухте.

— Мы можем напасть на него, — сказал он Зелтрану, — и победить оставшуюся малую часть экипажа. Когда Зароно вернется, то увидит, что все дороги отрезаны. Ну, что ты скажешь?

Конан торжествующе улыбнулся помощнику, как будто он уже перескочил на палубу вражеского корабля и перебил огромным тесаком его защитников.

— Нет, капитан, — покачал головой Зелтран. — Мне это не по нраву.

— Почему нет? — пропыхтел Конан. Лобовая атака подходила его варварской натуре, но за долгие годы плавания и приключений на берегу,

он научился осторожности. Он знал, что невзрачного маленького зингаранца природа наделила кроме храбрости хитростью и практичностью — ему всегда удавалось исполнять свои коварные замыслы.

Зелтран сверкнул маленькими умными черными глазами на Конана.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем сколько человек оставил Зароно на борту. Его команда больше нашей, и те, кто остался на борту, могут превосходить нас числом.

— Кром! Я один перебую половину этих псов!

Зелтран почесал небритый подбородок.

— Нет сомнения, капитан, что вы один стоите десяти врагов. Но остальные члены экипажа не смогут держаться с той же злобой.

— Почему?

— У корсаров нашего корабля много приятелей из команды Зароно. Наши люди не захотят проливать кровь своих братьев без особой причины. Кроме того, "Петрел" больше, чем наше судно, с более высокими бортами и поэтому ему легко отбить наше нападение. Вы заметили катапульту на носу корабля? Нет, мой капитан, если я правильно понимаю, мы начали это плавание за сокровищем, а не из-за удовольствия просто подраться — и исход драки в любом случае был бы сомнителен. Сейчас, чтобы получить сокровище, наиболее практичный путь, по-моему, обогнуть остров с другой стороны. И тогда наша береговая партия может попытаться достичь сокровища быстрее негодеяв. Если нам это не удастся, мы сможем сосчитать число высадившихся на берег и взвесить наши шансы разбить их и захватить сокровище.

После дальнейших аргументов, Конан согласился с ним, хотя это и было против его желания.

— Обогнем остров с севера, — мрачно сказал он. — Полный вперед по правому борту.

В конце концов, он больше не одинокий искатель приключений, свободный распоряжаться своей жизнью и смертью. Как капитан он обязан учитывать стремления и желания своей команды, как свои собственные. Но иногда он тосковал об оставшихся позади годах дикой свободы и беспокойной жизни.

Несколькими часами позже "Вестрел" бросил якорь у восточного побережья острова, где береговая линия служила защитой от северного ветра. Конан рассадил в две шлюпки вооруженных людей и поплыл к берегу. Они причалили и вытащили шлюпки на желто-серый песок.

Придерживая у бедра тесак, Конан оглядел коричневый песок и тихую стену растений. Остров казался странно-мрачным, серым, в то время как море вокруг было залито солнцем.

Вытащив шлюпки и оставив двух сильных корсаров в охране, Конан и его отряд достигли леса, прошли сквозь зеленую стену и исчезли из виду.

Наконец Конан и его отряд достигли круглого открытого места в джунглях. Зона мертвой травы и бесплодной земли пусто лежала в сла-

бом свете. Стоя на краю леса, Конан, нахмурившись, осматривал пустое гладкое место. Он не заметил признаков жизни, но враг мог прятаться в джунглях или в черном храме.

Что касается храма, то он совсем Конану не понравился. Его атмосфера скрытой опасности предупреждающе отозвалось в нем. Волосы на загривке встали дыбом, и тяжелые черные брови затемнили голубизну взгляда. Он не сомневался, что черное строение построено не руками человека.

Возможно, думал он, что эта работа легендарных змее-людей древней Валусии. Странная геометрия, непонятные, почти неразличимые скульптурные украшения и зона пустой земли и мертвой травы — все напоминало ему такие строения, которые он видел несколько лет назад в пустынях Куша. Они тоже были делом рук ушедшей давно прачеловеческой расы.

Инстинкт подсказывал ему уйти из этого гиблого места, обойти приземистое строение. Но Конан был уверен, что за его стенами лежит то, ради чего они пришли.

— Стойте тихо, спокойнее, — прошептал Конан своим людям, — следите за любой опасностью.

Обнажив тесак, он вышел из джунглей и быстро прошел по голой земле к зияющему входу в таинственную цитадель. Через миг он исчез из вида товарищей.

Поддав охватившую его дрожь, он смело прошел внутрь, держа тесак наизготовку. Широкое лезвие блеснуло в слабом свете. Его настороженный взгляд скользнул по каменному жабоподобному идолу, сидящему на вершине алтаря и остановился на углублении перед алтарем.

Если сокровище и было здесь, то теперь оно исчезло. И исчезло оно недавно. Пол был покрыт толстым слоем пыли и на ней отпечатались два ряда входящих и выходящих следов. Одни следы были от морских сапог, другие от сандалий.

Зароно и кто-то еще, подумал Конан.

Перед алтарем на небольшом участке не было пыли, кроме той, что неосторожные могли занести в этот прямоугольник. На этом чистом месте лежали несколько бриллиантов, сверкая там, куда они упали вывалившись из дырявой сумки. Зароно в спешке не стал их поднимать.

Состроив гримасу, Конан шагнул вперед, намереваясь собрать оставшуюся горсть камней. Его бесила роль шакала, подбирающего объедки Зароно, но он не собирался выходить с пустыми руками.

Он еще раз осмотрелся. Каменный идол начал двигаться. Семь глаз в ряд над широким безгубым ртом уже не были просто слабыми, пыльными шариками стекла, они стали живыми глазами, сверкающими зеленым пламенем и уставившимися на Конана с холодным безжалостным гневом.

8. ЖАБОПОДОБНАЯ ТВАРЬ

— Кром! Оно ожило! — возглас изумления вырвался у Конана.

Он напрягся, и сверхъестественный ужас охватил его существо. И в самом деле, мерзкий каменный идол был полон призрачной жизненной силой. Его короткие конечности двигались и скрещивались.

Уставившись пылающими глазами на своего врага-жертву, идол двинулся вперед, достиг края престола и с грохотом спрыгнул на каменный пол, где лежали сверкающие алмазы. Он упал на свои четырехпалые лапы и тут же двинулся к Конану. Его каменные конечности гремели по полу. Он был огромен, как бык, и семь изумрудно горящих глаз были на уровне глаз Конана.

Конан взмахнул тесаком, но тут ему в голову пришла мысль. По звуку, которое издавало создание при движении, было ясно, что оно еще каменное, хотя и живое. И сталь против него пустяк, удар просто испортит лезвие. И Конан окажется в лапах чудовища.

Перед тем, как безгубый рот хотел схватить его, Конан повернулся и выскочил на открытое место. Теперь не время было осторожничать, он заорал:

— Обратно на корабль! И быстрее!

Возгласы удивления и страха вырвались у людей, столпившихся у края джунглей, когда они увидели выскочившего из храма вслед за Конаном жабоподобного идола. Второй команды не понадобилось. Обламывая ветви и листья пальмы, корсары уносили ноги. А за ними почти с той же скоростью мчалось чудовище из ожившего камня. Конан остановился, чтобы привлечь внимание чудовища, и когда это удалось, резко свернул в другую сторону, в противоположную, увлекая его за собой.

— Что это? Девушка? Здесь? Клянусь грудью Кштыр и животом Дагона, этот проклятый остров таит больше неожиданностей, чем я думал.

Голос, человеческий, хоть и грубый, говоривший по-зингорански с сильным акцентом, успокоил Чабелу. Переведя дыхание, она подняла руку, которую протянула неожиданно появившаяся перед ней фигура. Человек продолжал:

— Милая девушка, я тебя напугал? Сгореть мне на этом месте, если я замышляю что-нибудь плохое. Как тебя занесло в это богом забытое место на краю света?

Когда первый страх прошел, Чабела увидела перед собой могучего темноволосого молодого гиганта в одежде моряка. Он был не из команды Зароно и выглядел честным парнем со слегка тронутой загаром кожей, открытым взглядом голубых глаз: нечесаными кудрями и золотистой рижей бородой. По виду северянин, подумала она.

— Зароно, — едва сказала она, тяжело дыша от усталости и возбуждения. Она споткнулась и упала бы, не поддержи ее рыжеволосый гигант.

— Эта черная свинья, а? Теперь приспособился таскать молодых девушек? Ну, разрази меня гром, если я не разорву эту собаку при первой встрече, но, клянусь рогом Хейидала и мечом Митры, ты теперь в безопасности. Не бойся, моя команда к твоим услугам — но что ж это там?

Северянин оглянулся, держа огромную ладонь на рукоятке тесака, висевшего на поясе, в сторону приближавшегося шума и треска. И тут высокая фигура выскочила из зарослей и остановилась перед ними. К своему удивлению, Чабела узнала Конана.

— Капитан Конан! — вскрикнула она.

Конан сузил глаза, разглядывая светловолосого воина с наполовину обнаженным тесаком и черноволосую девушку, разорванное платье которой не могло скрыть ее чувственной фигуры. Девушка слабо напоминала ему кого-то, но разобратся было некогда.

— Бегите, вы двое! — крикнул он. — За мной гонится чудовище из храма! Быстрее, поговорим позже!

Тяжелый треск послышался за спиной Конана и подтвердил его слова.

— Живее! — схватив принцессу за руку и потянув ее за собой, заорал он. Северянин бежал за ними. Через некоторое время они, казалось, оторвались от преследователя. Тут они остановились передохнуть и Конан сказал северянину:

— На этом паршивом острове есть горы или утесы? Каменное чудовище не сможет вскарабкаться.

— Клянусь копьем Рудена, в милю длиной ровно, хоть шаром покати, — сказал рыжий и вздохнул. — Ничего, выше этого, за исключением косы на северо-востоке, где земля вырастает в утес, нависающий над материком. Но это не поможет: земля поднимается полого, и идол сможет вскарабкаться... Он догонит нас!

— Покажи нам дорогу к косе, — сказал Конан. — У меня есть план.

Северянин пожал плечами и повел их из джунглей. Когда Чабела выдохлась, Конан поднял ее на руки. Полная девушка была нелегкой ношей. Но гигант киммериец нес ее без видимых усилий. Позади них ясно слышался топот чудовища.

Час спустя, когда солнце уже клонилось к голубому горизонту, трое уставших, исцарапанных беглецов, достигли утеса. Он был треугольной формы, углом вверх, как нос корабля. Конан вспомнил, что видел это место с "Вестрела", когда проплывал, огибая остров с севера к месту нынешней стоянки.

Северянин освободил Конана от девушки. Шаг за шагом вышли они из джунглей и стали подниматься вверх. На полпути к вершине северянин поставил Чабелу на землю и оба искателя приключения остановились, чтобы посмотреть, преследует ли их еще каменный дьявол.

Ответом послужил треск и качание деревьев.

— Ну, Кром и Митра, в чем твой план? — выдохнул рыжеволосый.

— К верхней точке, — прорычал Конан, указав путь. На вершине он наклонился над краем и посмотрел вниз. Сотню футов ниже море колыхалось между широкими черными рифами, острые зубы которых выступали над водой и влажно блестели, когда морские волны омывали их. Между зубцами рифов виднелось несколько бассейнов и довольно больших.

Чабела вскрикнула, оглянувшись назад и увидев неуклюжую фигуру, появившуюся на краю джунглей. Ломая кусты и деревья, идол вырвался на открытое пространство. Его семь глаз сразу заметили беглецов и он быстро стал подниматься к вершине со скоростью человека, бегущего на четвереньках.

— Он загнал нас в угол, — сказал северянин. — Не эта ли наша последняя пристань?

— Еще нет, — сказал Конан. В двух словах он объяснил свой план.

Тем временем тварь продолжала подниматься, и ее семь глаз сверкали в лучах заходящего солнца. Когда она приблизилась к цели, то изменила способ передвижения с быстрого бега на жабы прыжки. Земля трескалась, когда огромный вес падал на землю после очередного прыжка. Она подбиралась все ближе и ближе, раскрыв в предвкушении безгубую пасть.

Конан нагнулся и поднял несколько камней.

— Давай! — крикнул он.

По его слову Чабела побежала от него по краю обрыва, рыжеволосый побегал в противоположном направлении, оставив Конана на самом краю обрыва лицом к лицу с чудовищем.

Когда двое преследуемых побежали в разных направлениях, тварь остановилась, сверкая глазами и раздумывая, какое направление выбрать.

— Сюда! — заорал Конан, швырнув камень. Камень попал и с треском отбил нос чудовища. А следующий выбил со звоном глаз. Камень попал немного выше, но зеленое пламя пропало, как будто камень разбил матрию, из которой состоял этот глаз.

Не успел Конан поднять третий камень, как тварь была уже рядом с ним. Она присела на массивные конечности для последнего прыжка, который бы доставил ее на самый край обрыва и широко раскрыла пасть.

Как только его конечности оторвались от земли и пока он еще был в воздухе, Конан повернулся и прыгнул с обрыва. Он полетел вниз, прямой как стрела, и нырнул в самый большой из рифовых бассейнов. Он сделал несколько сильных гребков и тут же вынырнул на поверхность.

На вершине утеса монстр последним прыжком приземлился в ту самую точку, где только что стоял Конан. Его передние конечности ударились о край, подняв облако камней и пыли. Передние лапы скользнули с обрыва и масса чудовища увлекла все тело вниз. На секунду оно повисло на осыпающемся краю утеса. Вес был слишком велик и оно с грохотом рухнуло с обрыва. На миг, оно, казалось, повисло в воздухе,

медленно поворачиваясь, но потом стало падать со все увеличивающейся скоростью и падение его потрясло прибрежные скалы до основания.

Отфыркиваясь, Конан вылез из бассейна, убрал с глаз волосы. Он нырнул не точно в центр бассейна и через дыры в одежде были видны кровоточащие царапины на бедрах и голених, где он коснулся острых зубцов скал, окружающих бассейн. Забыв о ранах, он пошел осматривать остатки жабоподобной твари.

Камень мог волшебю ожить, но все же это был камень. Монстр разбился на тысячи кусков, лежащих здесь и там среди скал у основания утеса. Требовалось много внимания, чтобы определить, какие куски составляли ноги чудовища, а какие голову. Несколько кусков лежали кучей, напоминая могилу.

Карабкаясь и прыгая со скалы на скалу, Конан пробрался вдоль подножия утеса и залез наверх. Он дошел до вершины и присоединился к двум товарищам. Рыжеволосый присел на краю и рассматривал остатки твари внизу.

— Клянусь ногтями Неграла и кишками Мардука, отсюда смотреть на них гораздо приятнее. Теперь, когда мы все вместе избежали опасности, пришло время познакомиться. Я зовусь Сигурд из Ванахейма, честный моряк заброшенный на это проклятое побережье с командой после кораблекрушения. А вы?

Конан внимательно посмотрел на Чабелу.

— Клянусь Кромом! — сказал он наконец. — Неужели Чабела! Дочь Федруго?

— Верно, — ответила она, — а вы капитан Конан.

Она назвала его имя еще раньше, как только он выскочил к ним, удирая от идола и это признание служило доказательством ее личности. Капитан корсаров и принцесса не были близки при дворе Зингарана. Однако Конан достаточно часто видел ее на праздниках, парадах и других церемониях.

Поскольку большая часть добычи корсаров шла короне, Федруго вынужден был при случае показать свое благоволение капитану корсаров. Длинные ноги, широкие плечи и мрачные, бесстрастные черты гиганта киммерийца запечатлелись в памяти Чабелы, и Конан достаточно быстро узнал ее, несмотря на рваную одежду, растрепанные волосы и отсутствие косметики на прекрасном лице.

— Во имя всех богов, что вы здесь делаете, принцесса? — спросил он.

— Принцесса! — вскричал изумленный Сигурд. Его открытое лицо покраснело больше обычного: он уставился на полуобнаженную девушку, с которой он обращался так просто и обходился с такой фамильярностью. — Во имя бороды Имира и сверкающих глаз Балава, Ваше Высочество должны простить мой язык. Высокородная дама, а я называл ее "милая девушка"... — Он опустил на одно колено, обескуражено глядя на Конана, не сдерживающего улыбки.

— Встаньте, Мастер Сигурд, — сказала Чабела, — и забудьте об этом. Королевский этикет теперь столь же уместен, сколь и лошадь на крыше дома. Вы знаете капитана Конана, моего другого спасителя?

— Конан... Конан... — бормотал Сигурд. — Киммериец?

— Он самый, — признался Конан. — Вы слышали обо мне?

— Слышал некоторые истории на Тор... — Сигурд осекся.

— На Тортена, вы хотели сказать, — сказал Конан. — Я так и подумал, что вы похожи на Баракса. Я тоже состоял в братстве, пока там не стало слишком жарко. И вот теперь я капитан "Вестрела", корсар Зингаранского двора. Подходяще?

— Подходяще, клянусь хвостом Лира и молотом Тора, — сказал Сигурд, сжимая протянутую руку. — Но мы должны принять меры, чтобы наши парни не передрались. Мои в основном зингаранцы, и только мигни вцепятся в глотку любого иностранца. Я думаю нам надо постараться, чтобы старая вражда не вспыхнула снова.

— Верно, — сказал Конан. — Как ты и твои люди попали сюда?

— Мы наскочили на риф на юге острова и потерпели крушение. Мы высадились на берег и вытащили большую часть имущества и приборов, но наш капитан заболел и умер. Я был его помощником, и вот уже месяц командую людьми, мы пытаемся построить плот достаточно надежный, чтобы доплыть до материка.

— Ты знаешь что-нибудь о черном храме?

— Да, конечно, мы с моими парнями однажды попали туда, но там всюду таилась беда, и мы больше там не появлялись. — Сигурд задумчиво посмотрел на запад, где алый солнечный шар только что коснулся синей линии горизонта. — Зажарь меня на медленном огне, парень, но все эти мрачные джунгли и бегающие чудовища разбудили во мне жажду. Пойдем в мой лагерь и посмотрим, не найдется ли капля вина выпить за ваше здоровье. Вина, правда, в самом деле мало, но я думаю, мы его заслужили.

9. КОРОНА КОБРЫ

Зароно рвал и метал, когда, вернувшись на корабль, узнал об исчезновении Чабелы. Матросы, стоявшие на вахте у каюты Чабелы и на корме, по приказу Зароно были протянуты под килем.

К вечеру следующего дня вся команда за исключением нескольких человек была снова отправлена на берег. Многие часы были проведены в поисках принцессы, которая была основной частью плана. Нашли несколько обрывков ее платья, но они лишь подтвердили, что она где-то здесь и не могли указать ее местонахождение.

Корсары также нашли остатки лагеря Сигурда, но от Бараканских пиратов не осталось и следа.

Перед заходом солнца Зароно, более неистовый, чем обычно, вернулся на "Пестрел".

— Менкара! — заорал он.

— Да, капитан Зароно?

— Если твое волшебство и пригодно на что-нибудь, то сейчас время показать это. Покажи мне, куда уплыла эта малютка, пропади она пропадом!

Вскоре Зароно сидел в своей каюте и наблюдал, как Менкара устанавливал свой аппарат для колдовства, которое он уже делал в подвале князя Вилагро. Угли зашипели, маг запел:

— Ийе, Сотех...

Ядовитое зеленое облако дыма стусилось и в нем показался морской пейзаж. По тихому морю плыл на всех парусах красивый легкий карак. Но ветер был слабый и паруса были едва наполнены.

— "Вестрел" Конана, очевидно, — сказал Зароно, когда картина прояснилась, — но где?

Менкара развел руками.

— Извините, но мое искусство ничего об этом не говорит. Если бы было видно солнце, я, по крайней мере, мог бы сказать вам в каком направлении они плывут. А так...

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что они могут быть где угодно за горизонтом, но ты не знаешь где?

— Я не великий Тот-Амон. Делаю, что могу.

— Ты можешь увидеть, на борту ли девушка?

— Нет, но я уверен, что она там, а иначе бы мы не увидели корабля. Она несомненно спит в одной из кают.

— Надо было мне попользоваться этой шлюхой, когда была возможность, — прорычал Зароно. — Но что же теперь делать?

— Я думаю, "Вестрел" может направляться к берегам Куша: но более вероятно, что они направляются обратно в Кардаву. Твой капитан Конан поспешит возвратить принцессу, в надежде на щедрое королевское вознаграждение.

— Сможем ли мы перегнать его, если пойдем на север?

— Я думаю, нет. Океан велик, и штиль, в который попал "Вестрел", захватит и нас. Они могли пойти на северо-восток, чтобы высадиться на берегу Схем и попытаться найти королевского брата Товарро. У нас нет возможности узнать. Но вы забыли нашу главную цель!

— Девушка и сокровище было нашей целью.

— Нет. Я говорю о великом Тот-Амоне. Если мы заручаемся его поддержкой, нам будет безразлично, вернется ли принцесса к королю или останется в доме своего дяди. Повелитель волшебников сможет так легко управлять сюз, как кукольник дергает за веревочки марионеток. Мы

возьмем курс на северо-восток к берегам Стигии. Если мы по дороге захватим корабль Конана — хорошо, если нет, то это не имеет значения.

С побережья Стигии Зароно и Менкара двинулись караваном в Центральные районы. Половина команды была оставлена на корабле для охраны, а другая половина, вооруженная до зубов, пошла за своим капитаном. Путешествие стоило Зароно круглую сумму, что весьма расстроило скупого зингаранца.

Как большинство моряков, Зароно чувствовал себя беспомощным на земле. Хотя пустыня может быть единственной земной аналогией моря, она все же чужда ему. Ему не нравилось ритмичное покачивание равнодушных верблюдов, сухой воздух пустыни, высасывающий из организма всю жидкость до капли.

Но эти неудобства были неизбежны. И вот на горизонте на третий день показался оазис Хайджар. Он представлял собой темное и одиноко стоящее скопление неподвижных пальм, окружавших темный странный бассейн. Сквозь листву проглядывали контуры массивного сооружения.

Они осторожно приблизились к оазису. Менкара ехал впереди, так чтобы его одежда слугителя света была видна любому наблюдателю.

Спокойствие царило над оазисом. Птицы не скакали возле бассейна и не было слышно их пения и чириканья в пальмовой листве. Часовой не окликнул их. У границы оазиса они спешидись. Верблюды легли по команде, опасно качнув пассажиров.

— Присматривай за погонщиками верблюдов, — сказал Зароно боцману. — Эти собаки напуганы и могут попытаться улизнуть и оставить нас в дураках.

Зароно и Менкара обошли таинственный черный бассейн и направились к стоящему позади зданию. Зароно бассейн явно не понравился. Черный, как жидкий уголь, он ярко сверкал под лучами полуденного солнца. Нефтяные кольца медленно извивались и вращались, как живые на неподвижной поверхности. С одной стороны стоял блок красного камня, служившего алтарем. Темные ржавые пятна виднелись на вершине и стенках алтаря. Зароно с его обычными человеческими пороками, побледнел и содрогнулся при мысли о том, что могло временами появляться из черного бассейна за лежавшей на алтаре жертвой.

Они миновали опасный бассейн и приблизились к жилью Тот-Амона. Когда пальмы расступились перед ними, они увидели, что это строение было как и алтарь сложено из красного песчаника. Это было массивное строение, скорее дворец, чем просто дом. Поверхность и края камней были сглажены веками.

Черный вход зиял, как открытый рот в неуклюжей, грубой массе песчаника. Менкара без колебания вошел в эти раскрытые челюсти и начертил в воздухе таинственный знак. Зароно заметил, вздрогнув от ужаса, что после того как палец начертил линии, они еще некоторое время светились в воздухе зеленоватым пламенем.

Внутри были темные камни и звонкая тишина. Не было видно ни охраны, ни слуг. Менкара уверенно шел вперед, так что Зароно оставалось только следовать за ним.

За прихожей каменные ступеньки с закругленными от древности краями, вели в темноту, вниз. Они спустились ниже уровня пустыни и вышли на ровное место. Пройдя вперед, они оказались в зале.

Здесь был свет, — призрачное зеленое сияние, исходящее от змеевидных светильников из полированной меди. Вдрожащем и изумрудном свете, Зароно смог разглядеть, что вдоль стен стояли в два ряда огромные монолитные колонны, изрезанные знаками, подобными тем, что были над входом. У дальнего конца колонного зала, на троне из блестящего черного камня, сидел человек. Когда они подошли ближе, Зароно смог его разглядеть.

Это был могучий гигант, широкоплечий, с резкими, ястребиными чертами лица. Кожа, от выбритой макушки до одетых в сандалии ног, была глубокого коричневого цвета. Черные глаза завораживающе сверкали из глубоких глазниц. Он был одет в простой белый хитон. Единственным его украшением был браслет, по виду медный, в виде змеи, сделавшей три оборота вокруг его мускулистой руки и державшей свой хвост в пасти.

Из простоты здания и отсутствия украшений на могучем маге, Зароно, после некоторого размышления, смог кое-что понять в характере Тот-Амона. Перед ним был человек, для которого материальные блага и видимое богатство не значили ничего. Его страсть была вещи неосязасмая — власть над людьми.

Когда они остановились на некотором расстоянии от трона, Тот-Амон сказал чистым, сильным голосом:

— Привет тебе, Менкара, младший брат.

Менкара рухнул на четвереньки и, коснувшись каменных плит, прошептал:

— Именем Отца Света, Повелителя Тьмы, я пришел сюда.

Зароно с беспокойством подумал, что даже Менкара напуган. Он и сам вспотел, несмотря на сухость воздуха.

— Кто этот черный зингаранец, которого ты привел в мой дом? — спросил Тот-Амон.

— Капитан Зароно, корсар, повелитель, посланцев Вилагро, князь Кордавы.

Холодные, змеиные глаза лениво оглядывали Зароно сверху вниз. Тот почувствовал, что разум, скрытый за этим туманным взглядом, так долек от земных размышлений, что дела человеческие были для него пустым звуком.

— Что же я должен сделать с Зароно, или Зароно со мной? — спросил Тот-Амон.

Менкара открыл рот, но тут Зароно решил, что пришла его очередь. С храбростью, которой он на самом деле не чувствовал, он вышел вперед,

преклонил перед троном колени и достал из дублета пергамент с письмом Велларго. Он вручил его Тот-Амону, и тот взял его рукой с медным кольцом и положил его на колени.

— Величайший из магов, — начал Зароно, — я принес вам сердечное приветствие от князя Кардавы, который приветствует вас и предлагает богатые дары взамен небольшой услуги, о которой расскажет это послание.

Тот-Амон не развернул письма, казалось он знает его содержание полностью. Временами он улыбался.

— Это приятно моему сердцу, повергнуть в прах проклятый культ Митры и вознести Отца Света, — пробормотал он. — Но я занят могучими колдовскими операциями, и золото Вилагро значит для меня мало.

— Это не все, повелитель, — сказал Менкара, доставая из-под рясы книгу Скалоса. — Глубоко уважая желания князя, мы просим вас принять из наших рук этот дар. — Он положил древний том к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон шелкнул пальцами, и книга поднялась в воздух, и, раскрывшись, мягко опустилась на колени к магу. Тот бесцельно перевернул несколько страниц.

— И в правду, редкий дар, — сказал он. — Я не думал, что существует третья копия, или вы обокрали королевскую библиотеку Аквилепии?

— Нет, о повелитель, — усмехнулся Менкара. — Случайно нашли на безымянном острове, что лежит на западных морях...

Его голос прервался, когда фигура мрачного гиганта неожиданно поднялась перед ним, дрожа от напряжения. Холодный огонь вспыхнул в черных змеиных глазах. Воздух, казалось похолодел, и чувство неотвратимой беды охватило Зароно. У него захватило дух, что такое они сделали, чтобы разгневать великого мага?

— Что еще вы взяли с алтаря Теафогуа Бога-Жабы? — спросил Тот-Амон мягко, как входит шпага в ножны.

— Больше ничего, повелитель, кроме сумки с камнями... — пролепетал Менкара.

— Которые лежали у алтаря на книге, не так ли?

Менкара кивнул, дрожа.

Тот-Амон вскочил и адские огни вспыхнули в его черных глазах. Комната озарилась зеленым пламенем и пол затрясся, как под ногами гиганта. Маг пророкотал громовым голосом:

— Вы тупые идиоты! И такие идиоты служат мне, Тот-Амону! Свет, могучий Свет, Отец, дай мне в услужение рабов умнее этих! Аи, канцхог, Иза!

— Величайший! Повелитель магов! Чем мы прогневали тебя? — взмолился трясущийся Менкара.

Мрачный взгляд могучего мага упал на двух стоящих, сверкая от смертельного гнева. Его громкий голос перешел в змеиное шипенье.

— Знайте же, идиоты, что то, что было спрятано под идолом, гораздо дороже всех богатств земных, и по сравнению с ними Книга Скалоса не более чем оберточная бумага. Я говорю о короне Кобры!

Зароно ахнул! Он слышал об этом священном талисмане змеев — людей Ралусии — самом могучем волшебном средстве, бывшем когда-либо на Земле — корона королей-змеев, с помощью которой они управляли все землей, всей земной империей в пращеловчатые времена. А они взяли книгу и алмазы, оставив главное сокровище на месте!

10. ВЕТЕР В СНАСТЯХ

Несколько дней “Вестрел” лежал в дрейфе недалеко от Безымянного острова. Матросы сидели вдоль борта, свесив лески в воду. А в полкабельтовых впереди корабля матросы в шлюпке, привязанной к “Вестрелу”, налегая на весла, дюйм за дюймом, вели карак к несведомым берегам континента.

Конан ругался и призывал киммерийских богов, но все впустую. День за днем паруса мертво свисают с рей. Слабый, мягкий ветерок скользнул мимо судна. На юге громоздились грозные тучи и на горизонте по ночам вспыхивали зарницы, но там, где лежал “Вестрел”, все было спокойно.

Могучий киммериец беспокоился. Корабль Зароно мог напасть на него, если только местный штиль не захватил и его. “Петрел” Зароно либо тоже лег в дрейф за горизонтом, либо искал другое направление и ушел от острова, упустив таким образом “Вестрел”.

Какое бы черное дело не замыслил Зароно, думал Конан, все же очень хорошо, что он ушел не столкнувшись с ними. У них и без того хватало забот. Во-первых, у них не хватало пищи и свежей воды. Во-вторых, был Сигурд и его команда. Конану понравился честный, бесстрашный рыжебородый моряк из Ванахейма и он предложил Бараканским пиратам место среди своих людей. Он знал, что это могло привести к неприятностям, так и случилось. Между зингаранскими корсарами и пиратами — в основном Аргосеанцами — существовала давняя вражда. Они слишком часто воевали друг с другом, чтобы на короткое время между ними могла возникнуть самая малая симпатия.

Однако, моряк есть моряк и должен следовать своим традициям. Хотя во многих вещах Конан был безжалостен, сейчас он чувствовал, что не может уйти, оставив потерпевших крушение моряков воле случая. Кроме того, он считал, что они с Сигурдом смогут поддержать мир между своими людьми. Однако случилось иначе. Зингаранцы задирали злополучных иноземцев, пока не вспыхивали драки. Несмотря на то, что Конан и

Сигурд принимали грубые методы, приводя в чувство особо рьяных, драки вспыхивали снова и снова.

Мертвый штиль лишь разжег ненависть между матросами. Томся от безделья, Конан неистово ругался, сжимая до боли в пальцах перила. Он полагал, что если проклятый ветер когда-нибудь поднимется и даст матросам настоящую работу, у них не останется времени на драки.

И еще одна проблема угнетала Конана. Чабела рассказала ему все, что она узнала от Зароно и змееглазого Стигийца. Кое-что они не держали в секрете, некоторые вещи она подслушала, а остальное — об их намерениях и целях путешествия — заключила сама. Она поняла многое в этом заговоре против короны, и обо всем этом поведала Конану.

Теперь Конан стоял перед дилеммой. Он был простым корсаром, и династические конфликты в королевстве также мало касались его, как и сам Федруго Зингаранский. По правде говоря, старый король назначил его королевским корсаром и Кордова служила ему безопасным портом. Но того же самого он мог ожидать от любого монарха Зингарана. Следующий по счету мог потребовать, вполне вероятно, меньшую долю добычи.

Однако в таких делах его грубое благородство киммерийца брало верх над его личными интересами. Было бы просто жестоко не замечать просьб прекрасной зингаранской принцессы и стоять сложа руки, пока коварные заговорщики и стигийский колдун постепенно не убьют его старого отца.

Честно говоря, решение Конана не было продиктовано просто чело-веколюбием. У него были и свои интересы. Он не собирался всю жизнь быть простым корсаром. Если бы ему удалось спасти короля Зингара и его дочь от заговорщиков, и таким образом поддержать пошатнувшийся трон, то почему бы не потребовать награды? Княжество? Адмиральское звание?

Конан иногда даже мечтал о руке принцессы Чабелы и звании королевского преемника. За время его диких приключений, многие женщины предлагали Конану остаться навсегда. Но, хотя киммериец обходился с женщинами весьма учтиво, он избегал любых форм брачных уз. Он всегда исполнял брачные обязательства, а для человека, в крови которого с детства были путешествия, приключения, битвы — одна лишь мысль быть привязанным к одному месту с постоянными заботами о семье, была немислима.

Однако, ему уже было за тридцать пять, первая молодость прошла. Хотя время оставило на его лице лишь множество шрамов, он не сможет продолжать далекие и опасные путешествия. Он должен подумать о своем будущем. Чабела была милая, красивая девушка, сильная и умная. И, кажется, он ей понравился. Там будет видно...

Размышляя над этим, Конан отошел от перил, лениво опустился в каюту и развалился на стуле. Сверкание камней привлекло его взгляд и он довольно усмехнулся. По крайней мере, его усилия были не в пустую. На столе перед ним, сверкая и переливаясь, стояла Корона Кобры, когда

луч полуденного солнца проник через иллюминатор, он высек пламя из ее камней.

На своем обратном пути от утеса, с которого свалился идол, Конан с товарищами снова зашел в храм. Теперь, казалось, наполнявший ранее воздух запах беды, исчез. Таинственное нагромождение черных камней лежало, купаясь в солнечных лучах. Тайный ужас и сверхъестественные предчувствия не охватывали больше посетителей.

Конан осторожно приблизился к мрачному месту, к плите, служившей тронном сидевшему на ней многие века идолу. На том месте где он сидел виднелось черное отверстие. Когда Конан наклонился над ним, его острый глаз уловил сверкание камней в глубине.

Неужели Зароно чего-нибудь не заметил? Конан быстро просунул руку в отверстие и вынул Корону Кобры.

Это был полый золотой конус, усыпанный тысячами прозрачных сверкающих камней. Конан подумал, что это обточенные алмазы, хотя искусство огранки и полировки самого твердого камня было почти неизвестно в его время. Короне была придана форма змеи, кольца которой составляли коническое изголовье, и ее шея поднималась сзади и, обогнув верхушку короны, опускалась вниз, так что плоская голова была над бровями носившего корону. Так что, в конце концов, путешествие на Безымянный остров было не в пустую.

Возбужденный крик вывел Конана из состояния задумчивости:

— Грудь Фригги и хвост Шайтана!

Конан улыбнулся, узнав голос Сигурда. Секундой позже рыжебородая голова, пылавшая от возбуждения, просунулась в дверь. До того, как он успел что-нибудь сказать, Конан уже знал причину возбуждения. Его ушей достигли хлопки парусов и пение ветра в снастях, каюта раскачивалась. Ветер, наконец, пришел.

И какой ветер! Два дня и две ночи, "Вестрел" только на штормовых парусах неся меж гигантских волн на крыльях самума, из-за которого моряки Хайборианской эры не рисковали плавать в эти моря.

Когда ветер кончился, "Вестрел" бросил якорь недалеко от побережья континента. В каком месте побережья, Конан не знал, потому что тяжелые тучи закрыли солнце и звезды во время их бешеного плавания. Конан знал, что они держались восточного направления. По видневшимся на побережье джунглям, Конан заключил, что они находятся к югу от берегов Схеа; но приплыли ли они к стигийцам, королевству Куша или к неизвестной черной стране, оставалось невыясненным.

— Незнакомые места, капитан, — пробормотал Зелтран, — где бы это могло быть?

— Черт его знает, ну, да и дьявол с ним, — прохрипел Конан, — главное — найти воды. Баки пусты и полны грязи. Собери береговую партию и ступай с ними. Быстро!

Зелтран поспешил на нижнюю палубу собирать людей. Когда партия собралась и уселась в шлюпку, Сигурд мрачно посмотрел на береговую

линию и пробормотал одно из международных ругательств. — Ванрей надел широкую перевязь!

— В чем дело, парень? — спросил Конан.

— Может быть и ничего, — пожал плечами Сигурд. — Только эта земля не больно-то похожа на побережье Куша.

— Ну, так что с того? Мы достигли бы Куша, если взяли бы восточнее.

— Если так, то эти земли не райский уголок для честного морехода. Черные дьяволы могут через день сожрать всех, а могут и подождать. И еще есть легенды о народе женщин-властительниц, которые сражаются даже искуснее мужчин.

Конан уставился на воду и плывущую к берегу шлюпку.

— Может и так, но нам нужна вода, да и провизия на исходе. Когда наполним трюмы, то пойдем на север к Кордаве.

11. ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они вошли, лежала в устье небольшой речки, берега которой поросли густым кустарником и высокими красивыми пальмами. Шлюпка замедлила ход, и несколько корсаров, прыгнув в воду, вытащили ее на берег. Оставив охрану, отряд пошел вверх по течению, захватив пустые бочонки. Скрывшись из виду, они продолжали свой путь, останавливаясь временами и пробуя на вкус воду.

Конан, прибывший на берег со второй партией, стоял скрестив руки на могучей груди и, нахмурившись, наблюдал за побережьем. Очертания устья реки казались мучительно знакомыми и неожиданно название реки Зикамбры пришло ему в голову. Он мог однажды видеть линии этого побережья на карте, или действительно был здесь много лет назад в одно из своих путешествий с Балитой. Выражение сурового, иссеченного шрамами лица Конана смягчилось, когда он вспомнил о всегда бывшей рядом Балите, и ораве ревуших и черных корсаров за их спинами. Балит — прекрасная, сильная женщина — пантера. Балит — чьи глаза подобны черным звездам — его первая и самая сильная любовь...

Со скоростью тропического шторма ревушая толпа обнаженных чернокожих выскочила из кустов, их эбонитовые тела сверкали сквозь перья и военную татуировку, на их плечах были шкуры диких животных, в руках они сжимали опретенные копья.

Изумленно вскрикнув, Конан выхватил со свистом тесак из кожаных ножен и заорал:

— Ко мне, корсары! К оружию! Ко мне и быстрее!

Вождь чернокожих воинов был гигант, напоминающий мускулистым телом вырубленную из черного мрамора сверкающую статую

гладиатора. Как и на остальных, на нем, кроме шкур леопарда и ожерелья, ничего не было. На голове раскачивалась корона из перьев. Умные черные глаза смотрели с величавым достоинством.

Окинув его быстрым взглядом, Конан решил, что он выглядит на самом деле удивительно знакомым. Но ему некогда было размышлять. Он помчался по берегу, сверкая сталью тесака, и встал в ряд быстро собравшейся команды лицом к лицу с чернокожими воинами.

Неожиданно предводитель черных вытянул перед собой могучую руку и крикнул:

— Самзмане, уоте!

По этой команде весь отряд замер, все кроме одного, стоявшего сзади вождя и приготовившегося метнуть ассегии в Конана. Его рука начала двигаться вперед, когда вождь обрушил свою палицу на его голову. Жертва рухнула на песок и застыла.

Конан крикнул своим людям не начинать атаки. Несколько долгих минут две группы вооруженных людей стояли лицом к лицу, держа мечи и стрелы наготове. Конан и черный гигант смотрели друг на друга в мертвой тишине. Неожиданно белые зубы вождя сверкнули в улыбке.

— Конан! — воскликнул он на гирканском языке, — неужели ты забыл старого товарища?

Когда он заговорил, Конан как будто проснулся.

— Джума! Кром и Митра! Джума! — заорал он.

Бросив тесак, он прыгнул вперед и заключил улыбающегося вождя в могучие объятия. Корсары с изумлением наблюдали, как два гиганта обнимались восторженными ударами по спине и по плечам.

Много лет назад Конан служил в легионсрах короля Юлдиса Туранского далеко на востоке. Джума Кушит был наемником. Они вместе участвовали в экспедиции в далекую Гирканию, сопровождая одну из дочерей короля Юлдиса к ее будущему мужу.

— Ты помнишь ту битву в снегах Телакмаса? — спросил Джума. — И этого неуклюжего маленького бога — короля, не помню по имени. Что-то вроде Джулунг-Фонгла.

— Как же! И как зеленый идол, высотой с дом, ожил и раздавил единственного сына повелителя демонов Яна, как жука! — порывисто ответил Конан. — Кром, вот это было время! Но что, во имя девяти адских печей, ты здесуделаешь? И как ты стал вождем?

— А где же и быть чернокожему воину, если не на черном берегу? — улыбнулся Джума. — И куда возвращаться домой кушиту, если не в Куш? Но я могу задать тебе этот же вопрос, Конан. Как ты стал пиратом?

— Человек должен как-то жить, — пожал плечами Конан. — Я не пират, а законный корсар с зингаранским патентом, подписанным королем Зингера. Если подумать, то между пиратом и корсаром не много разницы, но все же. Но Расскажи мне о своих приключениях. Как ты покинул Туран?

— Я привык к саваннам и джунглям, Конан. В отличие от тебя, я не родился на севере. Кроме всего прочего, я устал мерзнуть каждую зиму в Туране.

Кроме того, после того, как ты уплыл на север, мы жили без приключений. И мне захотелось снова увидеть пальмы и потискать полных черных девушек под кустами. Так что я расторг свой контракт и поплыл на юг к черным королевствам, став со временем королем.

— Королем? — ухмыльнулся Конан. — Королем кого? Я не знаю вокруг никого, кроме банд нищих разбойников.

— Так и есть, — снисходительно улыбнулся Джума, — вернее так и было до тех пор, пока не пришел Джума и не научил их искусству воевать.

Джума повернулся и сказал несколько слов своим людям, которые стояли позади него, слушая как их вождь разговаривает с чужим вождем на непонятном языке.

Негры успокоились и уселись на песке. Корсары Конана тоже сели, не спуская, однако, настороженных глаз с чернокожих.

— Оказалось, — закончил Джума, — что мое племя враждовало с соседним племенем. Мы победили соседей и они слились с нами. Я стал военным вождем. Когда мы победили два других племени, меня избрали военным князем. Теперь я управляю всем побережьем на протяжении пятидесяти лиг и мы уже близки к тому, чтобы стать нацией. Я даже собираюсь построить столицу, когда до этого дойдут руки.

— Черт возьми, — сказал Конан. — Ты взял у так называемой цивилизации гораздо больше, чем я. По крайней мере, ты идешь в гору. Удачи тебе! Когда твои головорезы выскочили из кустов, я подумал, что боги устали играть с нами и собираются успокоить нас на неведомом берегу. Мы высадились за водой, только что покинув остров, полный призраков и змей, и бегающих статуй.

— Ты найдешь достаточно воды, чтобы наполнить корабль, — пообещал Джума, — и погрузив на борт все необходимое, вы будете гостями в моей деревне всю ночь. У нас будет такой праздник, какого вы давно не видели. У нас новый урожай, и банановое вино должно удовлетворить даже вашу жажду.

В эту ночь большинство команды Конана сидело на травяных матах в деревне Джума Кулало. Кулало — по размерам город — представляла собой скопление конических бамбуковых хижин, крытых соломой, спрятавшихся за высокими палисадниками и оградами кустарника.

В центре города была вырыта огромная яма. В яму были помещены дрова, на которых поджаривались бараны, свиньи, антилопы. Из рук в руки передавались деревянные кувшины сладкого, вкусного вина. Пока черные музыканты выстукивали сложные ритмы, играли на флейтах и лирах, молодые черные женщины, едва прикрытые перьями и листьями, танцевали перед оранжевыми языками пламени, прихлопывая руками и выкрикивая хором, сложный танец, который явился бы украшением

императорской танцевальной группы. Моряки налегли на свинину, мучные пирожные и горы фруктов.

Люди Сигурда присоединились на празднике к партии Конана. Теплый сердечный прием восхитил агроссеан. Зингаранцы и агроссианцы были слишком благодарны за пищу, чтобы ссориться друг с другом. Не одна полная, волоокая эбонитовая соблазнительница, возбуждавшая желания матроса, была уведена в тень хижины, чтобы вернуться потом с плавающим лицом, помятым телом и умиротворенным сердцем.

Конан беспокоился именно об этих вещах. Его корсары неделями не видели женщин. Он был приятно удивлен, однако, что черные воины короля Джумы, казалось, не обращали внимания на это. Фактически, они, казалось, воспринимали как комплимент, если их жены оказывались предметом внимания — часто корсар, удовлетворив желание, встречал супруга своей избранницы с подарком в протянутой руке. Удостоверившись, что по женской части неприятности не предвидятся, Конан подумал, что в первобытном образе жизни что-то есть.

Принцесса Чабела, однако, нашла такое животное поведение неприятным и сказала об этом. Она сидела между Конаном и Джумой. Беседуя с Джумой, вспоминая свои приключения после расставания в Туране много лет назад, Конан восхищался холодным выражением лица принцессы, когда она смотрела на копошащиеся в тени фигуры.

Конан немного опасался, что Джума в ответ на свое гостеприимство, мог ожидать для себя Чабелу в виде вознаграждения. Для кушитов это было бы просто хорошим тоном. Пока Конан старался отогнать эти мысли, Джума показал, что он достаточно хорошо знает манеры цивилизованных людей и понимает, что там иные правила, так что с его стороны принцессе ничего не угрожает.

— Клянусь Кромом, друг, — сказал Конан, — это настоящая жизнь. Я не мог прочесть по этим проклятым звездам, где мы находимся, да и карты у нас не было. Кроме того, что мы находимся в сказочной стране амазонок, я не знал ничего. — Он проглотил еще одну чашку бананового вина.

— Кстати, ты верно говоришь, — нахмурился Джума. — По крайней мере, женщины из Гамбуру — их главный город — считают этот берег своей территорией. Но у них сейчас не хватает сил, чтобы подтвердить свои права, потому что между моей страной и ними есть еще другие племена.

— Вот как? Я слышал, с этими ведьмами трудно драться. Хорошо, что я не встречу с ними, ибо драться с женщинами не в моих принципах. У тебя были неприятности с ними?

— Немного, в самом начале. Я старался научить моих ребят стрелять, как руранцы, — грустно покачал головой Джума. — Но это трудно. В окрестностях нет деревьев, пригодных для луков, а мои воины даже не оперяли стрел. Они любили повторять: так было всегда с тех пор, как Дамбалах создал мир, потому так и должно быть. Иногда я думал, что

легче научить зебру играть на флейте. Но несмотря ни на что, у меня теперь лучшие лучники в Куше. В последний раз, когда амазонки пытались нарушить нашу границу, мы истыкали некоторых стрелами, как дикообразов.

Конан улыбнулся, но затем приложил руку ко лбу. Банановое вино на вкус было легким и слабым, и сладким, но все же хмельным. Пробормотав извинения, Конан встал, слегка пошатываясь, и пошел прилечь за ближайшую хижину. Тут он решил переночевать. Вернувшись к королевскому ложу, он забрал принесенный с корабля мешок. В нем лежала корона Кобры, завернутая в наволочку. Он не оставил ее на борту "Вестрела", так как блеск камней мог соблазнить даже самого преданного из его людей. Поскольку он был к ним привязан, то предпочитал лучше убрать соблазн, чем вздернуть кого-нибудь на рее.

Пробормотав спокойной ночи Сигурду, Зелтрану, Джумо и принцессе, он поплелся к предназначенному ему жилью. Скоро он храпел, как далекий гром.

Опьянев, Конан не заметил мрачного выражения на лице одного из воинов Джумы, угрюмого парня по имени Бвату. Это был тот человек, который чуть было не бросил в Конана копье, и которого сразил Джума. Этот удар вывел его из себя. Он был одним из военнопленных Джумы и считал себя глубоко оскорбленным, что с ним обошлись, как с простым воином. В течение всего праздника, его угрюмый взгляд снова и снова возвращался к лежащему у ног Конана мешку. По обращению с ним Конана можно было заключить, что в нем содержится что-то ценное.

Бвату хорошо запомнил, в какую хижину ушел Конан. Он встал, покачиваясь, как пьяный, хотя практически ничего не пил, и покинул продолжавшийся при свете луны праздник, побрел в тень. Как только он скрылся из виду, то сразу же побежал назад по чернильно-черным дорожкам между хижинами. Серебряный луч луны сверкнул на широком лезвии кортика — кортика, который он только что получил в подарок от одного матроса.

Далеко на севере, в Оазисе Хаджар в Стигии, Тот-Амон часами исследовал звездные планы, чтобы хоть что-нибудь узнать о местонахождении реликвии змее-людей древней Валусии. Когда Менкара и Зароно спали в своих альковах вдали от его лаборатории, могучий стигиец убедился, наконец в безнадежности своей задачи. Он сидел, неподвижно глядя в пустоту.

Тени плавали и колебались внутри огромного кристалла, поддерживаемого невидимыми руками у его трона. Слабое, дрожащее веяние, испускаемое движущимися фигурами, бросало расходящиеся тени на украшенные скульптурами стены комнаты.

Тот-Амон установил, что Корона Кобры больше не лежит на своем месте под каменным идолом Теафоттуа, бога-жабы. Только другая партия моряков, высадившихся на острове случайно или преднамеренно, могла унести корону Кобры... С помощью кристалла Тот-Амон фут за

футом обыскивал весь остров. Пропала не только корона, на острове не осталось ни одного человека. Не было ни следа принцессы Чабелы, о побеге которой рассказал ему Зароно. Исчезновение принцессы и короны, и разрушение идола — все указывало на то, что было вторжение какой-то неизвестной партии.

Тишина в комнате ничем не нарушалась. Тени мелькали на стенах и фигуре, сидевшей на троне столь неподвижно, что казалась тоже изваянной из камня.

12. ГИБЕЛЬНАЯ ПАУТИНА

Сон редко сваливал Конана с ног, как случилось в этот раз. Коварное вино погрузило его в глубокий сон, из которого его вырвало подсознательное чувство опасности. Он медленно очнулся, слабо понимая, что что-то не так. Некоторое время он не мог сказать, что именно его не устраивало.

Наконец он понял. В плетеной стене хижины зиял длинный разрез. Он начинался с высоты человеческого роста и шел до земли, холодный ночной воздух, прикипавший через него, обдувал тело Конана.

Конан протянул руку к мешку, который он положил рядом с собой. Выругавшись, он вскочил на ноги, обшаривая глазами хижину. Короны Кобры не было.

Черный гнев закипал в сердце Конана, его рев потряс шаткие стены хижины. Выхватив тесак, он выскочил из хижины, выкрикивая грозные ругательства.

Праздник еще продолжался для тех воинов, которые могли держаться на ногах. Гигантское племя спало. Звезды сверкали подобно гроздьям алмазов над качающимися пальмами, и почти полная луна показывала свой серебряный лик. Среди тех кто не спал, Конан заметил Сигурда и Джуму. От его рева они вскочили на ноги.

В нескольких словах он рассказал, что случилось. Поскольку корона была их единственной добычей за все путешествие, Конан был охвачен слепой яростью из-за потери.

Все корсары были на месте, хотя отнюдь не все в полном сознании. Однако после проверки людей Кулало, оказалось, что один исчез.

— Бвату! Разрази его Дамбалла! — закричал в гневе Джума, от того, что один из его людей ограбил гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заорал Конан, не следя в гневе за выражениями.

Джума мрачно кивнул.

— Это угрюмый парень, которого ты сшиб на берегу? — спросил Конан.

— Тот самый. Я думаю, что он возненавидел нас обоих.

— Если он заметил алмазы в мешке, — прибавил Сигурд. — Где этот негодяй мог спрятаться, король Джума? Клянусь бородой Ахримана и огненными челюстями Шайтана, мы должны схватить его, как бы далеко он не успел убежать.

— Он мог податься в земли наших врагов, Матамба, — Джума указал рукой на северо-восток. — Дальше к северу он может попасть в руки работорговцев, которых так особенно много. С другой стороны он не мог уйти далеко к юго-востоку, потому что там лежит...

Стоять и выслушивать предположения Джумы, пока сказочное богатство уходит все дальше в ночь, было выше сил Конана. Внезапно он оборвал Джуму.

— Ты можешь так болтать хоть всю ночь, — прорычал он. — Где здесь дорога в Матамбу?

— Выход через восточные ворота и далее просека ведет на северо-восток...

Не дослушав до конца, Конан помчался к своей хижине. По пути он остановился и вылил на голову остаток ледяной воды из котла. Он мчался, пытаясь, как морское чудовище, но голова перестала болеть и мысли прояснились.

Когда он откинул с глаз волосы, то увидел завернутую в простыню Чабелу, выглядывающую из своей хижины.

— Капитан Конан! — позвала она. — Что случилось? На город напали?

— Ничего, принцесса, — покачал головой он, — все дело в алмазах, которые у меня стащили, пока я спал. Спите спокойно и не думайте об этом.

Подскочил Сигурд и отдышался.

— Лов! — сказал он. — Джума и его помощники стараются поднять спящих воинов. Не лезь в джунгли один. Боги знают, какие чудовища могут там прятаться, так что подожди Джуму...

— Будьте вы все прокляты! — заорал Конан, глаза которого сверкали как у зверя на охоте. — Я успею схватить Бвату, пока не остыл его след, и жаль мне того зверя, который встретится на моем пути.

С этими словами он умчался. Как разъяренный буйвол он вылетел в восточные ворота и исчез из виду.

— Проклятый киммерийский характер! — пробормотал Сигурд. Он бросил на принцессу умоляющий взгляд и помчался в темноту за товарищем, крича: подожди меня! Не беги один!

Деревня стала гудящим ульем. Джума и его помощники ходили среди спящих, будили их пинками, поднимали на ноги и отдавали им приказы.

И никто не заметил, как Чабела вошла в свою хижину и переоделась в грубую одежду, которую ей дал Конан, когда они покидали корабль. Одетая, обутая и вооруженная, она выскользнула на улицу и прячась в тени, добралась до восточных ворот.

— Если этот пройдоха думает, что может приказывать королевской принцессе из дома Рамиро... — гневно прошептала она.

Однако, был и другой, более важный повод, кроме сопротивления приказу Конана, который заставил ее покинуть Кулало и в одиночку следовать за Конаном. Несмотря на свою грубость, он хорошо обходился с ней и защищал ее. Когда он обещал невредимой доставить ее к отцу, то это были не пустые слова. Поэтому она чувствовала себя с Конаном в большей безопасности, чем в окружении корсаров или людей Джумы. Размышляя об этом, она исчезла в джунглях, где во тьме был слышен рев охотившегося леопарда.

Несколько часов мчался Конан по дороге в Матамбаленд, оставив Сигурда далеко позади. Когда он остановился перевести дыхание, то подумал о том, чтобы подождать корсаров. Но тут он подумал, что любая остановка даст возможность кушиту убежать еще дальше, и с удвоенной энергией помчался вперед.

Конан хорошо знал джунгли Куша с того времени, когда десять лет назад он на некоторое время был вождем северного племени Бамула. Если менее опытный человек, подумал, что идти одному в джунгли значило подвергать себя возможным опасностям, то Конан думал иначе. Дикие коты, например, хоть и коварны, но трусливы. Лишь единицы способны вступить в единоборство с человеком, если не смертельно голодны или не выжили из ума от старости.

По правде говоря, в джунглях жили и более опасные, чем дикие коты, животные: огромная горилла, бешеные носороги, дикие бизоны и могучие слоны — будучи травоядными они редко нападали на человека, в основном, во время охоты. К счастью, Конан, не встретил ни одного из них.

Когда с приближением рассвета небо посветлело, Конан присел у родника, напился и ополоснул руки и грудь. Шипы и колючки изорвали его белую блузу и до крови расцарапали грудь и руки.

Выругавшись, он провел тыльной стороной ладони по глазам, откинул назад волосы и минутку отдохнул. Наконец, тяжело вздохнув, он поднялся и двинулся вперед, положившись на свое железное здоровье. Он проверял свои возможности много раз за годы своих диких приключений и знал, что он может превзойти любого обычного человека, даже очень сильного.

Солнце встало над джунглями Куша и осветило влажное, туманное утро. Огромные коты прятались после удачной охоты по своим норам, подальше от дневных лучей...

При свете утра Конан заметил на грязной дороге следы больших голых ступней. Он был уверен, что это следы бежавшего Бвату. Хотя эта погоня изнурила бы большинство людей, вид этих следов вдохновил Конана, вдохнул новые силы.

Достаточно скоро Чабела пожалела о своем необдуманном поступке, о решении последовать за Конаном в джунгли. Конан и Сигурд, не зная,

что она следует за ними, очень скоро намного ее обогнали. Она скоро сбилась с пути, и потеряла всякую ориентацию. Когда пропала луна, джунгли сделались черными, как деготь. Из-за деревьев она не могла видеть звезд и определить свое положение. Она беспомощно бродила кругами, стучаясь о деревья и спотыкаясь о корни и кустарники.

Ночь жила звуками и шумом ночных насекомых. Ей не встретилось ни одного дикого животного, которого она так боялась. Но от далекого рева или звука продиравшегося через кусты огромного тела, сердце ее уходило в пятки.

Ближе к рассвету, дрожащая от страха и холода, изможденная девушка упала на груды мха. Зачем она сделала эту глупость, и заперла себя в этой мышеловке? Не помня себя от усталости, она уснула.

К полудню Конан, как и предполагал, настиг Бвату. Тот, однако, был не в состоянии возратить корону. Он был мертв — и с пустыми руками.

Черный грабитель лежал на дороге лицом вниз в луже крови. Он был практически разрублен на куски. Конан склонился над телом и осмотрел раны. Они казались сделанными стальными лезвиями шпаг, а не бронзовыми или железными наконечниками копий местных жителей. Бронзовое и медное оружие быстро ломается и тупится при употреблении и поэтому оставляет рваные раны, но здесь были чистые разрезы, характерные для стального клинка. Черные народы Куша не знали искусстваковки стали. Поэтому железо и сталь были здесь редкостью и его доставляли сюда наиболее цивилизованные народы Дарфара и Екшана.

Конан подумал, что вора могли убить Амазонки, унеся с собой корону и, таким образом, ограбив его самого дважды: забрав право мести и корону. Когда он поднялся, оскалив зубы от злости, тяжелая сеть упала на него сверху. Он запутался в ее звеньях. С яростным криком он выхватил тесак, но сеть не поддавалась и сжимала его все туже и туже.

Как паутина огромного паука, сеть повалила его на землю и сдерживала его удары. Одетые в халаты и тюрбаны чернокожие, неожиданно выскочившие на дорогу, быстро и деловито обмотали Конана сетью, так что он стал похож на гигантского шелкопряда. Несколько человек слезли с деревьев, и один из них оглушил Конана дубиной.

Падая вперед в темноту, Конан выругал себя за непростительную глупость. Никогда раньше не мог он себе позволить попасться в такую примитивную ловушку, и быть пойманным в сеть как дикий кабан. Но сожалеть было слишком поздно...

13. ГОРОД ЖЕНЩИН-ВОИТЕЛЬНИЦ

В Оазисе Хаджар была темная, как деготь, ночь. Плотные облака закрыли небо, поглотив сияние луны, о присутствии которой можно было догадываться лишь по слабой серой люминесценции, сочившейся сквозь облака.

Темно было и в тронном зале дворца Тот-Амона. Зеленое пламя торшеров потухло до простого сияния, напоминавшее светлячка. Стигийский волшебник казался сросшимся со своим тронном, столь неподвижно он сидел. Если бы присутствовал посторонний наблюдатель, то он заметил бы, что его могучая грудь не поднимается и не опускается. Его мрачный лик был неподвижен как неодушевленная маска. Его тело казалось неодушевленным.

Так и было. Не сумев найти следы Короны Кобры на астральном плане, Тот-Амон освободил свое КА от брэнной оболочки-тюрьмы и воспарил в высшие сферы, акшик. И здесь, в призрачном, темном королевстве душ не было понятия о времени. Прошлое, настоящее и даже подернутое дымкой будущее лежало видимым для всепроникающего взгляда сопричастного, напоминая четырехмерную карту. И здесь дух Тот-Амона мог ясно видеть прибытие "Петрела", высадку Конана, пробуждение идола, его гибель, пропажу Короны Кобры и дальнейшее плавание Конана к Черным берега. Все это наблюдал Тот-Амон перед тем, как позволить своему КА снова опуститься в нижние сферы космоса. КА должно вернуться перед тем, как оно потеряет свою связь с материальным телом.

И Тот-Амон, вновь обретя свое тело, почувствовал острое ощущение, прошедшее по нервам, когда мертвая кожа снова стала одушевленной. Ощущение было подобно онемению и покалыванию после того, как восстановится прерванное кровообращение: но в этом случае покалывание прошло через все тело. Он стойко перенес боль. И тогда...

— Зароно! Менкара! — голос Тот-Амона прокатился, как раскаты грома по гулким подземным коридорам дворца.

— Да? — сказал Зароно, натягивая дублот, и выходя из комнаты, позевывая после сна. — В чем дело, господин волшебник?

Вслед за ним молча вошел Менкара.

— Приготовьтесь вернуться к Черным Берегам сию же минуту. Я узнал куда делась Корона Кобры и ваша принцесса Чабела. Обе находятся в Кулало, столице Джумы Кушита.

— Как они там очутились? — спросил Зароно.

— Ваш друг Конан Киммериец привез их туда.

— Этот проклятый варвар! — заорал Зароно. — Я ...

— Если ты его найдешь, поступай как знаешь. Я не люблю его — он слишком много причинил мне беспокойства. Но ваша главная задача —

привезти принцессу. Даже я не могу управлять ее волей на таком расстоянии.

— А Корона?

— Корону я возьму на себя.

— Вы поедете с нами, господин?

— Нет, телом нет, — слабо улыбнулся Тот-Амон. — Это потребует такой магии, которую могут делать лишь несколько волшебников на Земле, и это потребует высшего напряжения моих сил, но я достигну Кулало раньше вас. Не теряйте времени, вы двое, а собирайте ваше снаряжение и вперед. Не дожидаясь вечера!

Конан очнулся в подавленном настроении. Голова болела в равной степени от излишка бананового вина и удара по голове. Кроме того, он был обезоружен и беспомощен в руках работорговцев. Хотя это и случилось с ним, он никогда не доходил до такой степени ярости! Чисто звериного чувства!

Шло время, скрашиваемое редкими проникающими сквозь густую листву солнечными лучами. По состоянию своих израненных рук и ног Конан заключил, что его выволокли на то место, где он находился, через дремучий кустарник. На руках были тяжелые кандалы. Через упавшие на глаза волосы он поглядел вокруг, заметив количество, вооружение и расположение охранников.

Он был удивлен увидев напуганную, с лицом белее мела, Чабелу в окружении мрачно глядевших чернокожих. Он даже не мог предположить, что она в плену. Он, однако, не видел Сигурда среди пленников. Это могло быть как хорошим, так и плохим знаком.

В это время на поджарой кобыле прискакал чернокожий в сером халате работорговца. Он был черным, как и все остальные, но тонкий и гибкий, с острыми чертами лица, что было необычно для местных переман. Конан предположил, что работорговцы были Гхнатами, о которых совсем накануне рассказывал Джума. Это была нация негров-кочевников, населяющих пустыни вдоль нижних границ Стигии. В то время как кушитские и стигийские работорговцы охотились за народами Гхната, Дарфера. Гхнаты, в свою очередь, охотились еще южнее, в экваториальных джунглях.

Этот мужчина подсказал ближе и обменялся несколькими словами с начальником захватившей Конана группы. Тот обернулся, щелкнул хлыстом и крикнул надсмотрщикам команду поднимать рабов в путь.

Пленников выстроили в двойную колонну. Они были все вместе скованы кандалами, так чтобы в одиночку освободиться никто не мог. Гигант киммериец возвышался над окружающими его чернокожими и бросал яростные взгляды вокруг себя. Худой работорговец осматривал толпу пленных холодным презрительным взглядом.

— Клянусь Замби, — проворчал он, сплюнув. — Эта шваль принесет нам только убытки в Гамбуру!

— Точно, господин Мбонани, — кивнул его лейтенант. — По-моему, они год от года слабее, должно быть, нация вырождается...

В этот самый момент работорговец хлестнул Конана по плечу своим хлыстом. Как только хлыст коснулся кожи, Конан включился в действие. Быстрее мысли он схватил закованными руками хлыст и дернул с нечеловеческой силой.

Потеряв равновесие, работорговец рухнул к его ногам. От тут же вскочил, выкрикивая ругательства и выхватил из ножен тяжелый острый, как бритва, гханатанский нож — скорее, короткий меч.

До того, как оружие покинуло ножны, Конан ударил работорговца, снова сбив его на землю. Конан тут же нагнулся, повалив закованных вместе с ним негров, и схватил выпавший нож. Еще один работорговец мчался к Конану, размахивая над головой топором и явно намереваясь раздробить ему голову. До того, как топор успел опуститься, Конан вонзил ему нож в живот по самую рукоятку, так что острие вышло со спины над самыми почками.

Как только работорговец, поблдев рухнул на землю, тишину разорвали рев и крики людей. У закованного Конана не было ни одного шанса. Все же потребовалось пять человек, чтобы держать его, в то время как трое дубинами старались выбить из его головы остатки сознания.

Мбонана, стараясь держать своих помощников под контролем, смотрел на Конана с воодушевлением.

— Неплохо, — пробормотал он, — один, по крайней мере, подходящий. Да еще белый. Откуда он взялся?

— Я уже прежде говорил вам о нем, — ответил помощник. — Есть еще белая женщина, вон там, подальше.

Мбонани оценивающе поглядел на Чабелу.

— Эти двое — лучшее из всех, — сказал он. — Обходитесь с ними хорошо, Зуру, иначе с тобой обойдется плохо.

Мбонани подъехал к тому месту, где стоял, пошатываясь Конан с лицом, напоминавшим кровавую маску. Когда Конан поднял окровавленную голову, Мбонани хлестнул его по щеке кавалерийским хлыстом.

— Это за одного из моих людей, белый человек! — рявкнул он.

Удар был болезненный, но варвар не моргнул и не вздрогнул. Он смотрел на работорговца с холодной, невыразимой ненавистью. Мбонани улыбнулся волчьей улыбкой, сверкнув ослепительно белыми зубами.

— Мне нравится твоя бодрость, белый человек, — сказала он. — Сохрани ее, и амазонки заплатят за тебя хорошую цену. А теперь вперед!

Сопровождаемая оборванными работорговцами, двойная колонна пленников двинулась по дороге в Гамбуру.

Конан шел вместе с остальными, его железное тело стойчески переносило жару, жажду, мух и палящее солнце. Он подумал о потере Короны Кобры, но это была пустая мысль.

Он давно уже усвоил, что когда рискуешь жизнью, добыча становится просто посторонним фактом.

Со временем он заметил выпуклость на одном из седельных мешков Зуру. В глазах Конана мелькнул мрачный юмор. Лейтенант мог сколько угодно кланяться и заискивать перед капитаном Мбанани, но он, очевидно, был себе на уме.

Гханатанские работорговцы вывели своих пленников из джунглей на просторы саванны. На следующий день на горизонте показался сверкающий в лучах солнца каменный город Гамбуру.

Конан оценивающе посмотрел на город. В сравнении с блестящим Агарапуром — столицей Турана — или даже Мерое — столицей Куша — Гамбуру не производил впечатления. Однако, в стране, где большинство домов были незамысловатыми цилиндрами из высушенной травы и веток, да и вообще “городом” именовалась большая деревня по меркам северных стран, Гамбуру заметно выделялся.

Вокруг города была стена в два человеческих роста, сложенная из нецементированных каменных блоков. В стене было четыре входа, над воротами каждого возвышалась сторожевая башня с бойницами для лучников. Массивные створки ворот были из дерева.

Конан заметил кладку стен. Некоторые камни были обычно грубо обтесанные, полевые. Другие были из древнего гранита. Когда колонна прошла через западные ворота, Конан заметил, что дома внутри города демонстрировали ту же смесь. Большинство домов были в один — два этажа с соломенными крышами. Нижний этаж в большинстве случаев был сделан из старого, хорошо обработанного камня, верхний же выкладывался из нового и грубого. Тут и там кусочки скульптур, как например, мрачное демоническое лицо, виднелись на поверхности камня.

Основываясь на прежних знаниях о разрушенных городах, Конан пришел к своему заключению. Некий древний, возможно, прачеловеческий народ первоначально построил здесь город. Столетия назад предки нынешнего поколения овладели городом. В процессе постройки они использовали старые камни и повторяли, хотя и довольно грубо, методы строительства своих предшественников.

Копыта лошадей поднимали с каменной мостовой облачка пыли. Когда колонна вышла на главную улицу, прохожие расступились и дали им дорогу.

Взгляд Конана перескакивал с одного на другое. Он заметил, что в этом городе различие между полами было необычным. Женщины были высокие и сильные, они ходили гордо, как большие черные пантеры, перепоясанные бронзовыми мечами. На шеях были ожерелья, они носили военные уборы из перьев, на плечах были львиные шкуры.

Мужчины же, наоборот, были маленькие, невзрачные чернокожие, на несколько дюймов ниже женщин: они убирали улицы, возили колесницы и таскали носилки. Конан, с большим даже для киммерийца ростом, возвышался над ними, как башня.

Колонна пересекла базар, с лежавшими под навесами товарами, и опустилась по широкой улице к центральной площади. Это огромное

пространство, шириной в полет стрелы, с одной стороны ограничивалось королевским двором, древним сооружением из красного песчаника, весьма внушительно выглядевшим. У входа стояла пара массивных грубых изваяний из того же материала. Это были не изображения людей — видно было хотя бы из пропорций — но что они изображали, сказать было трудно, настолько они были изношены временем и погодой. Они могли быть и обезьянами, и совами, и пралюдьми.

Далее внимание Конана переключилось на странную яму в центре площади. Эта неглубокая впадина была добрых сто футов в поперечнике. Ее края опускались вниз в виде ступеней, как ряды каменных скамьей в амфитеатре. Дно ямы было посыпано песком, на котором виднелись несколько луж от недавнего дождя. В центре этого песка стояла группа странных деревьев.

Конан за свои долгие путешествия не видел ни разу таких арен. Однако, он едва успел взглянуть на нее, как всех пленников загнали в сарай. Здесь они были оставлены до утра под сильной охраной.

Но и за это короткое время Конан успел заметить одну необъяснимую деталь. У основания странных деревьев на желтом песке лежала груда белых обглоданных костей — человеческих костей, какие находят в пещере льва-людоеда.

Конан размышлял об этой странности, пока шел до сарая. Он знал, что Агроссеанцы иногда скармливают людей львам на арене осужденных преступников: но эти арены были построены с таким расчетом, чтобы лев не мог выскочить и напасть на людей. Для этой цели яма была совершенно непригодна — лев мог бы выскочить без труда.

Чем больше думал Конан об этом явлении, тем тяжелее становилось у него на душе.

14. КОРОЛЕВА АМАЗОНОК

Рассвет оранжевым пламенем полыхал над приземистыми башнями города Амазонок. Это продолжалось недолго, поскольку в этих широтах солнце практически сразу появляется над горизонтом. С рассветом Конан, Чабела и другие вновь пойманные рабы, были выведены из сарая и приведены на площадь базара. Здесь их раздевали и по одному выводили на помост, показывая покупателям, назначали цену и уводили обратно.

Все покупатели были женщины, правящий пол в Гамбургу. Высокий, стройный Мбонани стоял сбоку, сохраняя бесстрастное выражение, пока покупательницы торговались с его лейтенантом Зуру. Женщины-воительницы уважали гханатанцев за их талант вылавливать рабов и ценили их значительно больше своих мужчин.

Когда пришла очередь Чабелы, она залилась краской стыда и на помосте старалась прикрыться руками. Когда Зуру привел ее обратно, она рыдала.

— Пять квиллов, — раздался голос из толпы.

Зуру окинул взглядом толпу гамбурианцев и сказал:

— Продано!

Поскольку оба говорили на испорченном гханатанском, служившим языком торговли в королевстве Куша, Конан все понял. Он удивился, что никто не перебивал такую низкую цену. Квилл представлял собой кусочек пера большой птицы, наполненный золотым песком: в стране Амазонк еще не умели применять монетную систему. Все же Конан удивлялся, что молодая красавица-аристократка была оценена так низко. Женщина, сидевшая в носилках за пологом и назначившая цену, была, должно быть, важной персоной и никто не осмеливался торговаться с ней, подумал Конан.

Он устал, хотел есть и находился в самом мрачном расположении духа. Его избili до потери сознания. Его заставили брести под палящим солнцем не одну лигу, почти не кормили и не поили, и чувствовал он себя, как лев с зубной болью. Так что, когда один из работорговцев дернул его за цепь, чтобы вывести его на помост, он почти, но еще не совсем — вспыхнул.

Еще несколько лет назад, Конан прикончил бы работорговца, не думая о последствиях. Но его кровью добытый опыт сейчас остановил его. Он мог убить этого стражника, и, возможно, еще нескольких, до того, как они, несомненно, одолеют его. Это были суровые люди, которые имели дело со многими непокорными рабами. Десять раз подряд один из них мог попасть метательным ножом в кольцо, сделанное большим и указательным пальцами.

Если Конан атакует их, он сможет нескольких убить, но остальные изрешетили бы его копьями и изрубили ножами, до того, как он успел бы наполнить легкие воздухом, чтобы рявкнуть боевой клич. И тогда — кто будет заботиться о Чабеле? Встав на ее сторону, он — хоть и не хотел в этом признаться — принял на себя ответственность за ее судьбу. Он должен выжить.

Его глаза прищурились, губы сжались в тонкую нить, на шее вздулись вены от еле сдерживаемого гнева. Его руки дрожали, когда пересилив себя, он взшел на помост. Ближайший стражник принял эту дрожь за признак страха, и, улыбаясь, что-то прошептал товарищу. Конан послал стражнику холодный, суровый взгляд, мигом согнавший с лица того улыбку.

— Эй, ты, раздевайся! — крикнул Зуру.

— Помоги мне снять ботинки, — спокойно сказал Конан. — Мои ноги сбились от долгой ходьбы. — Он уселся на помост и вытянул ногу.

Зуру присел и потянул ботинок. Мгновение он возился с ним. И тут Конан мягко подведя одну ногу сбоку, ударил. Зуру отлетел, как выпущенный из катапульты камень и упал лицом в лужу.

С яростным воплем он вскочил на ноги. Выхватив кнут у стоящего рядом стражника, он с полуулыбкой на мрачном лице приблизился к Конану.

— Я проучу тебя, белый пес, — прошипел Зуру, свистнув кнутом.

Как только бич из кожи гиппопотама обвился вокруг него, Конан протянул руку и схватил его. Затем он, не вставая с помоста, подтянул Зуру к себе.

— Поосторожнее, малыш, — ухмыльнулся он. — Тебе бы не хотелось испортить свой товар, не так ли?

Мбанани наблюдал эту сцену, стараясь подавить улыбку.

— Белый пес прав, Зуру, — сказал он, — пусть его новый хозяин научит хорошим манерам.

Но Зуру был ослеплен яростью, чтобы послушаться даже своего хозяина. Незаметным движением он выхватил свой нож. Конан вскочил на ноги и собрал скрывавшую его руки цепь, намереваясь использовать ее как оружие.

— Стой! — раздался из палантина властный голос. Его тон остановил даже разъяренного Зуру.

Из-за массивных занавесок, скрывавших пассажира от глаз толпы, показалась черная, вся в бриллиантах рука. Затем из палантина вышла женщина, и Конан в изумлении широко раскрыл глаза.

Женщина была шести с лишним футов высотой — почти такая же высокая, как Конан, и прекрасно сложенная. Черная, как блестящий эбонит, и солнечные лучи отражались от изгибов ее полных грудей, блестящих бедер и длинных мускулистых ног. Ее густые черные волосы были украшены бриллиантами и страусовыми перьями и сверкали голубым, розовым и изумрудно-зелеными цветами. В ее ушах сверкали несообразанные рубины и нити жемчуга вокруг шеи испускали мягкое сияние. Браслеты чистого, мягкого золота украшали ее запястья и лодыжки. Кроме этого, единственной одеждой женщины была юбка из шкуры леопарда.

Нзинга, королева Амазонок, задержала взгляд на Конане. Над базаром повисла тишина. Медленно ее губы раздвинулись в тонкой улыбке.

— Десять квиллов за белого гиганта, — сказала она.

Других предложений не было. Новая жизнь рабыни оказалась для Чабелы почти невыносимой. Было достаточно плохо, что она любимая дочь могучего монарха, должна исполнять все прихоти черных женщин. Еще хуже было то, что рабыни выполняли все работы нагими, одежда полагалась лишь для свободных людей племени.

Она спала на грубой подстилке в комнате для рабынь. Могучая управляющая хриплым голосом и пинками поднимала их с первыми лучами солнца стирать и готовить, мыть и выскребать полы, прислуживать за

королевским столом. Ей было тяжело видеть бывшего корсара Конана, лежавшего на возвышении, потягивающего банановое вино, закусывая рыбными пирогами и сладостями.

Ее уважение к неустрашимому киммерийцу пропало. Она не знала такого слова, как “Джигало”, но ситуацию понимала достаточно хорошо. Ее отношение к Конану усугублялось еще и тем, что тот, казалось, не сопротивлялся статусу “любовника королевы”. Ни один настоящий мужчина, достойный этого имени, думала она, не пал так низко бы, чтобы довольствоваться таким положением. Опыт еще не научил ее, как научил Конана, принимать навязанные условия, если нет возможности их изменить.

Поскольку Конан был единственным человеком в этом городе, кого она могла бы назвать своим другом, Чабела совсем пала бы духом, если бы Конан в редких нескольких случаях, когда их никто не видел, не подмигивал ей. Это подмигивание значило — по крайней мере, она надеялась что так — “Смелее, девочка! Мы еще выберемся отсюда!”

С другой стороны, даже Чабела должна была признать, что королева Нзинга была великолепная женщина. Девушка старалась представить себе их поведение в постели, однако, при ее деликатном воспитании, ее знаний для этого не доставало. Она не могла предположить, что блестящая львица Гамбуру, будучи повелительницей народа, в спальне была лишь рабыней Конана.

Для королевы Нзинги это было тоже что-то новое. Ее опыт, и вся культура ее королевства предполагали, что женщина является естественным повелителем мужчины. Сотни королей правили до нее с Трона из Слоновой Кости. Все они притесняли и помыкали своими мужчинами, используя их в качестве слуг и машин для получения удовольствия и продолжения рода, сбрасывая со счетов, когда те заболели или устали. Так вела себя и она.

Пока гигант не вошел в ее жизнь, она с легкостью управляла мужчинами. Но Конаном нельзя было управлять: его воля была крепче стали, он был даже выше и сильнее ее. В его могучих руках — амазонка познала удовольствие, никогда ранее не испытанное. Она стала ненасытной в своих желаниях.

Она также стала легко ревновать Конана ко всем женщинам, которых он знал до нее. О них он, однако, ничего не говорил, игнорируя ее вопросы. В таких делах Конан проявлял грубое благородство, как она не умоляла и не терзала его, он оставался безмолвен, со слабой улыбкой на губах.

— А что ты скажешь об этой толстой, маленькой девчонке, которую поймали вместе с тобой? — требовала Нзинга. — Она была твоей любовницей, да? Ты находил ее мягкое, ухоженное тело желанным, не так ли? Более желанным, чем Нзинга?

Глядя на нее в моменты страстной ненависти, с пылающими глазами и дрожащими эбонитовыми грудями, Конан должен был признать, что со

времени своей первой любви, Черной Пантеры, он не встречал женщины прекраснее Нзинги. Но теперь, когда он знал о ревности к Чабеле, он должен быть осторожнее, чрезвычайно осторожен. Он должен найти возможность рассеять это подозрение, иначе пострадает Чабела. Нзинга была способна отдать приказ разложить голову любому, мужчине или женщине, вызвавшему ее гнев.

Конан старался сделать все, что было в его силах, чтобы хоть немного облегчить жизнь Чабелы. Теперь, однако, он не мог делать даже этого, чтобы не привлечь внимания Нзинги.

— Чабела? — зевнул он. — Я едва знаю это дитя. Она высокородная зингаранка, а этот народ придает преувеличенное значение девственности. Если бы я любил ее, то она была бы не здесь.

— Что ты имеешь ввиду?

— Она покончила бы с собой, как они это делают на родине.

— Я не верю тебе! Ты стараешься защитить...

Конан схватил Нзингу в могучие объятия, опрокинул ее спиной на подушки и стал неистово целовать влажные губы. Только так можно было победить ее плохое настроение. В нынешней ситуации это был единственный выход заставить ее забыть о ревности...

15. ПОД КНУТОМ

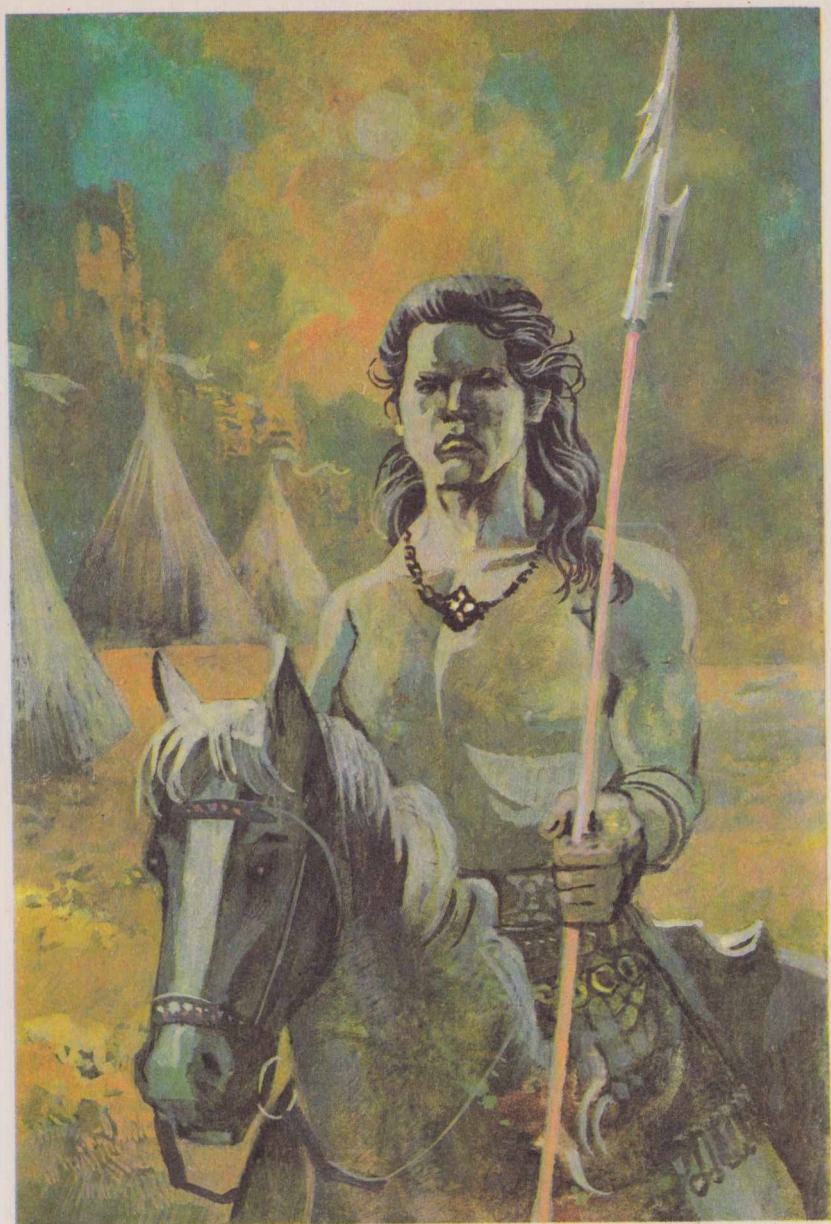
Несколько дней прошли без происшествий. И вдруг...

Нзинга нежилась на подушках в своем серале или интимных апартаментах. Два дня назад перед белой рабыней Чабелой была поставлена тяжелая, изматывающая задача. Приказания отдавались на глазах у Конана. Нзинга позаботилась об этом, тщательно спланировав наблюдение за ним.

Зная о внимании королевы, Конан надел маску безразличия, хотя он внутри кипел, видя такое обращение с пленной принцессой.

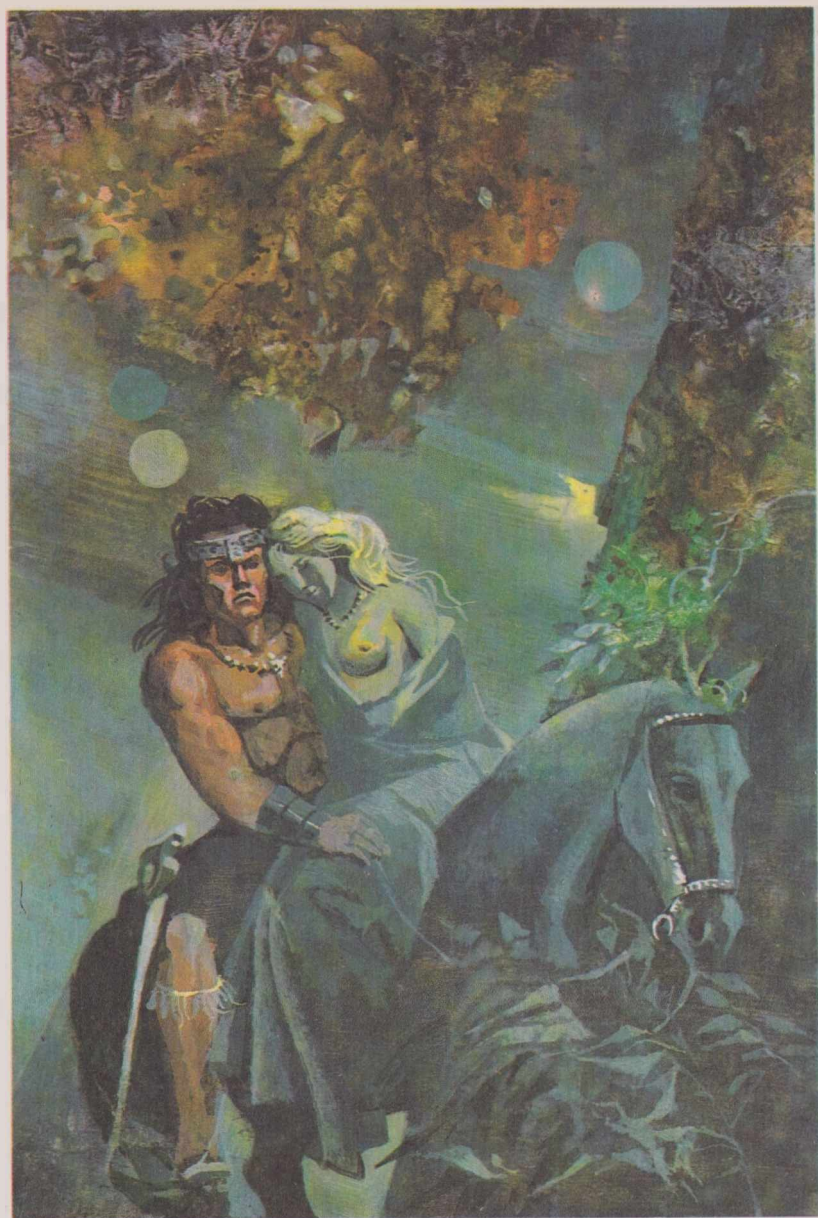
Не сумев ничего узнать от Конана, Нзинга задумала разыграть финальную сцену, рассчитывая, наконец, узнать настоящие чувства Конана. Она объявила маленький праздник для нескольких ее приближенных амазонок-офицеров, могучих, сурово выглядевших, иссеченных шрамами женщин, в некоторых, по мнению Конана, было столько же женственного, сколько в боевом топоре.

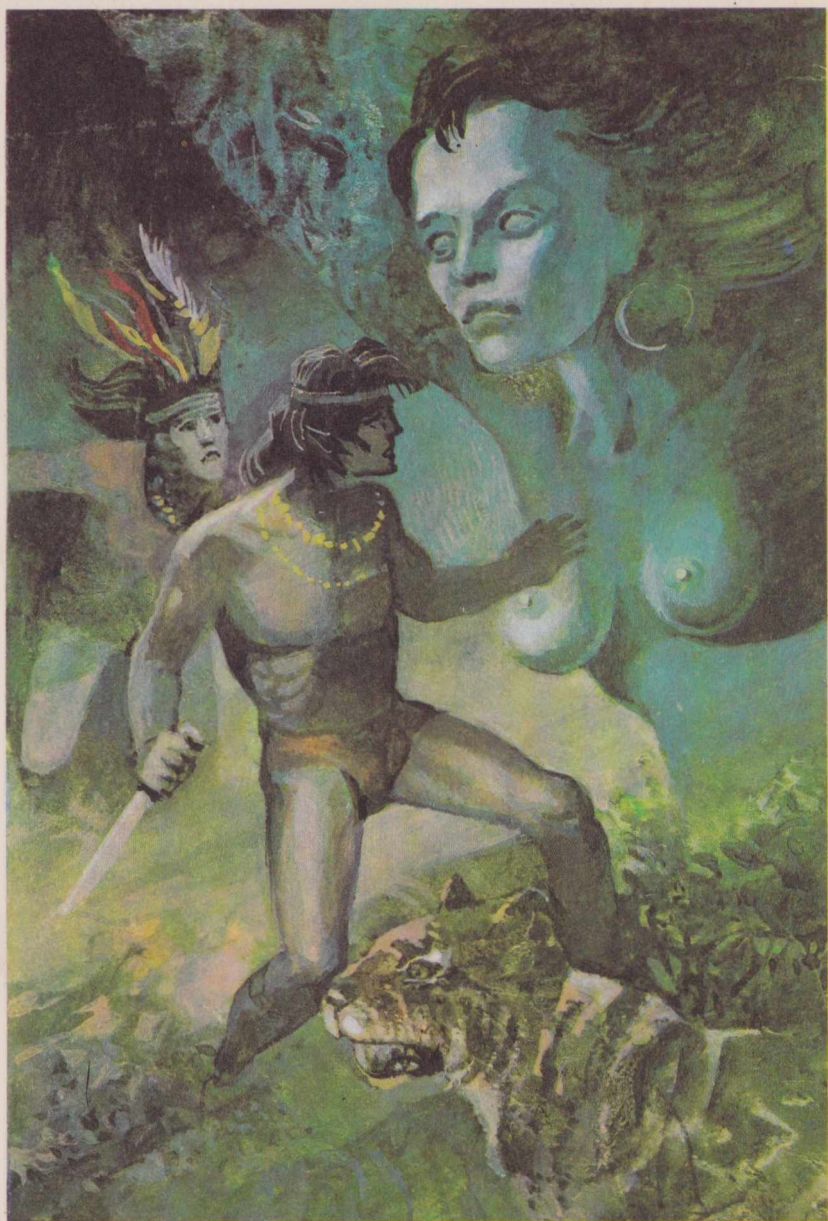
Во время праздника Чабела исполняла прихоти своей хозяйки и ее гостей. Когда она разливала вино, одна из амазонок толкнула ее ногой. Вскрикнув от неожиданности, Чабела потеряла равновесие и опрокинула кувшин вина, обрызгав нескольких гостей. Одна из них, могучая амазонка по имени Тута, вскочила с бранью на ноги и с ужасной силой ударила

304. SHOT. COWBOY, 1900-1901

провинившуюся рабыню ладонью по лицу. Девушка рухнула на земляной пол.

В глазах амазонки вспыхнули искры садистского удовольствия: вид съехившейся нагой девушки, казалось, добавил ей ярости. В мертвой тишине она приблизилась к рабыне, как пантера подкрадывается к своей жертве. В одной руке она сжимала остроконечный бронзовый кинжал.

В комнате было тихо, слышно лишь было, как блеснувшее в свете факелов лезвие с шипением покинуло ножны. С лицом, ставшим кровавым, Тута наклонилась над рабыней и занесла кинжал.

Как загипнотизированная глядела Чабела за приближающимся оружием. Она знала, что надо вскочить и бежать, даже если ее все равно поймут. Но ужас и беспомощность положения отняли у нее силу ног, так что она лишь могла безнадежно смотреть. В следующее мгновение лезвие войдет в ее полную грудь.

Но тут амазонка застыла, как будто ее запястья сжали тиски. Подавляющая сила могучих рук парализовала ее, как до этого ее приближение парализовало Чабелу. Клинок выпал из ее рук, ударившись о пол со слабым металлическим звуком. Приподняв ее одним могучим движением, Конан швырнул полупарализованную женщину в дальний угол зала.

Конан прекрасно осознавал, к чему стремилась Нзинга. Он не мог позволить умереть дочери короля Федруго. С другой стороны, он понимал, что Нзинга сочтет такое вмешательство подтверждением своих подозрений и обратит свою ревность либо на одного из них, либо на обоих. Он выдавил улыбку.

— Конечно королева Гамбуру не столь расточительна, чтобы позволить убить свою рабыню за несколько капель вина, — сказал он улыбаясь насколько можно любезно.

Королева Нзинга смотрела на него холодно и невыразительно. Затем она сделала знак Чабеле, которая вскочила с пола и выбежала из комнаты. Напряжение спало. Конан вернулся на свое место. Чаша вина снова пошла по кругу, возобновилась застольная беседа.

Конан надеялся, что острый момент прошел. Он постарался утопить свои тяжелые мысли в сладком вине. Он не мог не заметить, что Нзинга время от времени смотрела на него сурово и задумчиво.

Как только Чабела вышла из зала, могучие черные руки подняли ее и быстро понесли. До того, как она успела закричать, ей вставили и закрепили веревкой кляп. А затем на голову натянули мешок. Руки связали за спиной. Ее быстро понесли по коридорам и лестницам в ту часть дворца, о которой она ничего не знала. Наконец, ей развязали руки, чтобы снова привязать над головой к медному кольцу, висевшему на цепи, свисавшей с потолка. После этого ее оставили одну.

После остановки кровообращения в руках, боль в руках пропала, но руки онемели. Она слабо стонала в тихой комнате, моля, чтобы Конан узнал о ее положении.

Но Конан сам в этот момент нуждался в помощи. Он лежал на ковре в обеденном зале, глаза его были закрыты, и он храпел, как далекий гром. Хотя он выпил весьма умеренно, его вдруг охватила неожиданная слабость. Он подумал, с усилием собравшись с мыслями, что, вероятно, Нзинга что-то подсыпала ему — но прежде, чем он успел что-то предпринять, его охватил столь глубокий сон, что и землетрясение не смогло бы его разбудить.

Нзинга скользнула по нему взглядом и приказала вынести из комнаты. Затем она поднялась и пошла по коридорам в комнату, где висела Чабела. Пока она шла, ярость разгоралась в ее сердце подобно пламени в треножнике, и в ее суровых глазах вспыхнуло пламя в предвкушении предстоящего.

С головы Чабелы сняли мешок и вынули кляп. Перед ней стояла хищно улыбающаяся Нзинга. Рабыня в ужасе вскрикнула.

— Кричи сколько хочешь, белокожая тряпка, — ухмыльнулась амазонка. — Это тебе нисколько не поможет!

Нзинга оглядела злорадно прекрасное тело, висевшей перед ней жертвы. Затем она отвернулась и выбрала из висевших на стене пыточных инструментов, кнут. Шестифунтовый кнут из великолепного хвоста гиппопотама лежал на полу, как свернувшаяся змея. Чабела смотрела на него с ужасом. Королева вновь неприятно улыбнулась.

— Губы Конана никогда тебя не пугали, — сказала она, — так как напугает поцелуй моего любимца. И никогда его руки не ласкали, как приласкает кнут.

— Что я сделала такого, за что вы меня так мучаете?

— Ты отняла у меня сердце Конана с первой нашей встречи, — крикнула Нзинга. — Я никогда не знала такого мужчины. Но его руки сжимали тебя в ласках, его губы оставили пылающие поцелуи на твоей белой груди... Я знаю это... и я воспользуюсь знанием! Когда тебя не будет, он вернется ко мне и будет любить меня всем своим могучим сердцем. Я сделаю его королем Гамбуру — этого не добивался ни один мужчина за тысячу лет! — она щелкнула кнутом.

— Это неправда, — простонала Чабела, — он ни разу не коснулся меня!

— Ты лжешь, но поцелуй кнута вырвет из тебя правду!

Нзинга отвела руку назад и кнут, свистнув, обвил талию Чабелы. Девушка вскрикнула от острой боли. Кнут оставил алый след, из которого медленно сочилась кровь.

Нзинга медленно отвела руку для следующего удара. В комнате было слышно лишь порывистое дыхание Чабелы.

Снова свистнул кнут и крик страдания вырвался у девушки, когда он обвился вокруг ее бедер. С кровавым вождением, исказившем ее прекрасное лицо, глядела Нзинга на извивающуюся в своих оковах обнаженную девушку. Она ударила снова, теперь ее эбонитовое тело блестело от

мелких капелек пота. Вновь вскрикнула Чабела. Королева улыбнулась, облизав полные губы.

— Кричи в свое удовольствие, хилая рабыня! Никто тебя не услышит, никто не осмелится придти и спасти тебя. Конан лежит в глубоком сне, из которого ему не вырваться несколько часов. В целом мире нет никого, кто бы помог тебе!

С дьявольским пылающим лицом амазонка ласкала глазами блестящее от пота и крови тело рабыни, отведя руку для следующего удара. Она собиралась продолжать истязание, пока девушка не умрет под кнутом.

Чабела не представляла себе, что кожа может выдержать такие пытки. Привыкшая к роскоши придворной жизни, она никогда не испытывала настоящей боли. К физической боли присоединились и душевные муки. Как единственная дочь старого любящего короля, она привыкла идти своим путем, редко советуясь со своим царственным отцом. И теперь от ударов кнута ее тело страдало от боли, а душа от унижения.

Зингаранская знать часто держала черных рабов — их привозили из Куша стигийские и схемитские работорговцы — и Чабела знала, что их часто наказывали за подлинные или мнимые проступки, как это сейчас было с нею. Но в самых диких снах не могла она себе представить, что роли могут поменяться и черная женщина будет истязать ее, как последнюю рабыню с зингаранских плантаций.

Удар следовал за ударом и Чабела сквозь кровавую пелену вдруг остановила взгляд на блестящем предмете, который лежал у противоположной стены на маленьком табурете: золотом головном уборе, украшенном бесчисленными бриллиантами, в форме свернувшейся змеи. Ну конечно! Она узнала Корону Кобры, которую Конан вынес из черного храма на Безымянном острове. Она попыталась сконцентрировать внимание на короне, чтобы забыть о страшной боли...

Корона, как она помнила, была украдена у Конана в Кулало — когда? Казалось, несколько лет назад. А что потом? Работорговцы, поймавшие ее и Конана, должно быть, отняли корону у первого вора.

Нзинга остановилась, чтобы глотнуть вина. Отдохнув, она снова продолжала кровавую забаву. Приготовившись к следующему удару, Чабела широко открыла глаза. Сквозь спутанные волосы, она наблюдала удивительную картину.

Позади полуобнаженной Нзинги происходили странные вещи. Сперва появилось слабое сияние — фосфоресцирующее излучение, напоминающее болотные блуждающие огни.

Затем зеленое свечение стало ярче и по размерам больше. Через миг в нем появилось сгущение высотой с человека.

Чабела затаила дыхание. Увидев, что девушка рассматривает что-то позади нее, Нзинга обернулась. В это время сияние превратилось в слепящее изумрудное пламя, а затем потускнело и пропало. На его месте стоял человек.

Человек был темнокож, высок и могуч. Его лицо напоминало бронзовую маску с резкими чертами, острыми черными глазами и орлиным носом. Его голова была недавно выбрита, так что кожа почти просвечивала сквозь ежик черных волос. На нем был простой белый хитон, оставивший руки обнаженными.

С того времени, как Зароно и Менкара увидели его на троне, Тот-Амон заметно постарел. На лбу его блестели капли пота, так как магическая операция перенесшая его тело сюда из оазиса Хаджар, относилась к числу самых могучих, известных братству магов. Лишь несколько волшебников способны были выполнить ее, и это потребовало даже у Тот-Амона наивысшей отдачи. Нзинга была изумлена, что посторонний — к тому же презренный мужчина — неожиданно появился в ее камере пыток. Такое вторжение, бесцеремонное и необъяснимое, заслуживает смерти. Она открыла рот, чтобы крикнуть охрану, одновременно размахнувшись кнутом.

Стигиец смотрел со спокойной, загадочной улыбкой на смуглом лице. Заметив отведенный для удара кнут, он вытянул руку к черной королеве. Из его пальцев в пространство поднялось ядовито-зеленое сияние, которое становилось все ярче и ярче, пока эбонитовая фигура Нзинги не потонула в ее свете.

Королева слабо вскрикнула и упала на земляной пол. Сияние ослабло и исчезло.

Какое-то предчувствие заставило Чабелу прикинуться потерявшей сознание и беспомощно повиснуть на веревках. Она уронила голову вперед, так что густая масса блестящих черных волос закрыла ей лицо.

Тот-Амон едва взглянул на нее. Она, очевидно, была рабыней, наказанной за какой-то проступок и была вне его интересов. Он никогда не видел Чабелы близко, и не мог себе представить, что перед ним была принцесса, за которой Зароно и Менкара охотились по всему Черному берегу. Волшебники так же как и простые люди тоже могут промахнуться.

Когда Тот-Амон послал свое КА в мир духов, Конан и Чабела были еще в Кулало: Бвату еще не украл Корону Кобры. В то время будущее было еще слишком туманно возможными альтернативами для точного заклинания.

После того, как его единомышленники отбыли на поиски принцессы, Тот-Амон еще раз решил обратиться к волшебному камню. Прежде чем начинать могучее колдовство, способное перенести его в любую точку земли он хотел и, как можно точнее, определить положение Короны Кобры.

Поскольку он мог оставаться в конечной точке своего путешествия лишь ограниченное время, он не мог себе позволить оказаться на расстоянии нескольких лиг от места поиска.

Между тем, Бвату украл корону и был убит работоторговцами. Зуру спрятал Корону и привез ее в Гамбуру, где королева Нзинга обогатила

его на всю жизнь. Поэтому после колдовства с кристаллом Тот-Амон с некоторым удивлением узнал, что Корона теперь не в Кулало, а в Гамбуру.

О Конане и Чабеле он не беспокоился. Он полагал, что Чабела была еще в Кулало, где ее и найдут Зароно и Менкара. Во всяком случае, волшебство, перенесшее его в Гамбуру не годится для переноса еще одного человека обратно.

Что касается Конана, то Тот-Амон считал его лишь небольшим неудобством, вроде писка комара. Если Конан встанет на его пути, то он раздавит его как насекомое, но он не свернет со своего пути, чтобы преследовать Конана. В его игре ставки значительно выше, чем жизнь авантюриста-варвара.

Если бы Тот-Амон сфокусировал на Чабеле свой оккультный взгляд, он скоро бы узнал ее. Однако, именно сейчас все его внимание было сосредоточено на Короне Кобры. Его глаза восхищенно вспыхнули, когда он узнал предмет на табурете. Он быстро перешагнул через бесчувственное тело Нзинги и подошел к Короне. Дрожащими от волнения руками он поднял Корону и стал рассматривать ее в свете факела, проводя ласково сильными коричневыми пальцами по изгибам колец и огромным прозрачным бриллиантам, украшавшим ее.

— Наконец-то, — выдохнул он, сверкнув глазами. — С этим вся мировая империя в моих руках. И святое правление Отца Сета восстановится здесь и по всему свету.

Мрачная улыбка осветила его обычно бесстрастные черты. Тот-Амон сказал волшебное слово и сделал странный жест. Пульсирующая паутина зеленых лучей охватила и скрыла его. Сияние ослабло, превратилось в простую зеленую флюоресценцию и пропало.

Оставшись в комнате один на один с неподвижным телом королевы, Чабела освободилась от состояния страха и отвращения. Встав на цыпочки, она почувствовала, что может ослабить давление петли на руки. И хотя запястья были туго связаны, теперь, покрытые потом, они легко скользили в петле. Она попыталась освободить сначала одну руку, а потом другую. После бесконечных усилий одна рука, наконец, выскользнула, а за ней и другая.

Измощенная Чабела рухнула на пол. Ее руки так затекли, что она не могла пошевелить даже пальцем. Скоро, однако, кровообращение восстановилось, пальцы стали покалывать. Она сдерживала стоны, чтобы не разбудить своего врага, королеву.

Мало по малу, руки отошли. Она встала пошатываясь, и склонилась над телом Нзинги. Великолепная грудь королевы мерно вздымалась и опускалась, как при обычном сне.

Чабела побрела через комнату, туда, где стоял кувшин с вином, которым освежалась Нзинга. Принцесса пила сладкую жидкость жадными глотками. В ее тело вливалась новая сила.

Ее внимание снова привлекла королева. Глаза Чабелы заметили на ее поясе кинжал. Что мешает ей достать его из ножен и вонзить в грудь королевы? Она дрожала от ненависти к Нзинге. Она вытерпела от нее такие муки...

Но Чабела колебалась. С одной стороны, она не знала насколько глубок сон королевы. Положим, она достанет кинжал. Но это движение может разбудить Нзингу, которая будучи сильнее маленькой, нежной Чабелы, связала бы ей руки и либо запорола бы ее насмерть, либо крикнула стражу. Даже, если Чабела получит оружие, не разбудив врага, ее первый удар может быть и не смертельным, и тогда королева успеет до второго удара позвать на помощь.

Ее удержало еще и другое. Кодекс чести Зингарана, по которому она жила с малых лет, категорически запрещал убивать спящего врага. На самом деле, зингаранцы нарушали этот кодекс так же как и другие народы. Но Чабела всегда старалась жить высшими идеалами своей нации. Если бы она смогла убить королеву без опасности для себя, она, может быть, и пересилила свое инстинктивное презрение к измене. Однако, все не так просто.

Она быстро пересекла комнату и отодвинула занавес, закрывавший вход. Сбравшись с духом, девушка вступила вперед во тьму.

В комнате слабо светили факелы, их мерцающий свет вспыхивал на свешивающемся с потолка кольце, на кровавом кнуте и на распростертом теле черной королевы.

16. ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Покинув комнату пыток, Чабела заколебалась. Она никогда не была в этой части дворца и не знала, куда идти. Однако, она намеревалась любой ценой избежать нового плена.

Вглядываясь в пустые каменные коридоры, она решила, что, вероятно, находится в подземельях, расположенных, по слухам под королевскими покоем. Эти подвалы, понимала она, ревниво охраняются от глаз посторонних, поэтому она могла в любую минуту оказаться в руках стражи. Выбрав коридор, который, казалось, поднимался вверх, она устроила короткую передышку.

Тишина была полной, лишь далекие капли воды, слабые шорохи нарушали ее... Факелы из просмоленного дерева, укрепленные в бронзовых держателях, на больших расстояниях друг от друга освещали коридор слабым желтым светом... Но так далеки были эти факелы, что темнота пространства между ними сгущалась в темный мрак. В этой

темноте Чабела заметила пару горящих, как рубины, глаз на кровле пола, как будто спешащий грызун остановился поглядеть на нее.

В зловещей тишине сквозь мрак скользила обнаженная девушка, напоминая белое приведение, дрожа от ужаса. Она чувствовала давление незримых глаз — или это были лишь нервы?

Коридоры изгибались и пересекались. Вынужденная пересекать дорогу, Чабела скоро поняла, что заблудилась и скитается наугад. Она без сомнения могла пойти по своим старым следам, но они привели бы ее к страшной комнате Нзинги. Делать нечего, нужно идти, моля Митру вывести ее на чистый воздух.

Пройдя еще немного, Чабела увидела, что достигла тюрьмы. По обе стороны стояли двери с медными решетками. Внутри темных камер виднелись заключенные, некоторые стонали и плакали, но большинство молчали.

Девушка вглядывалась в первые камеры, но вид был столь отталкивающий, что скоро она смотрела только на дорогу перед собой. Некоторые заключенные превратились в настоящие скелеты, как после многолетнего поста. Другие смотрели бешеными глазами сквозь спутанные волосы. Тела были грязные, все в лишаях и коросте, было несколько мертвых, и голодные крысы обглаживали их тела до костей.

Завернув за угол коридора, Чабела удивленно увидела в камере Конана.

Его массивное тело лежало на соломенной подстилке в углу. Она встала, как вкопанная, размышляя, что либо она сошла с ума, либо человек в клетке — могучий Конан.

Это был действительно киммериец. Он лежал так неподвижно, что она сочла его мертвым. Но когда ее глаза привыкли к мраку камеры, она заметила, как дышит его могучая грудь. Он, очевидно, был без сознания.

Поколебавшись, она позвала его, но ответом был лишь храп спящего варвара. Она подергала дверь камеры, но та была надежно заперта.

Чабела задумалась, размышляя, что предпринять. В любой момент стража Нзинги могла выйти из-за угла и найти ее. Самое мудрое было — спешить вперед, и все же она не могла оставить в беде могучего корсара, который рисковал собой из-за нее на Безымянном острове.

Она снова позвала его срывающимся шепотом. Тут она заметила стоящий на земле кувшин. Проверка показала, что в нем была вода. Должно быть, это было предназначено для обитателей камер.

Чабела поднесла кувшин к двери камеры. К счастью, спящий Конан лежал в камере так, что его голова была у самой двери. Поэтому девушке удалось вылить содержимое кувшина через решетку на голову Конана. Рыча, кашляя, и отфыркиваясь, тот начал тяжело просыпаться. Он с усилием принял сидячее положение и невидящими глазами огляделся вокруг.

— Клянусь ледяными полями Имра, — пробормотал он. Тут его бессмысленный взгляд остановился на бледном испуганном лице Чабелы и он мигом проснулся.

— Вы? Во имя Крома, что случилось, девушка? — прорычал он. Оглядевшись вокруг в изумлении, он продолжал: — Заклинаю адом — где это мы? Что произошло? Моя голова в таком состоянии, как будто все демоны Пира колотили ее целый день...

В нескольких словах Чабела рассказала о своих недавних злоключениях. Конан поскреб челюсть, его львиный взгляд потемнел.

— Значит, Нзинга опоила меня, не так ли? Я мог бы это предвидеть, зная ее черное ревнивое сердце. Она не хотела, чтобы я проснулся и помешал ей в ее планах. Она, должно быть решила, что моя квартира в гареме не слишком безопасна, и приказала своим слугам, чтобы они перенесли меня вниз, в более спокойное место. — Он потрогал подстилку на которой лежал и тихо усмехнулся. — Какая роскошь! Похоже, что она снова собиралась меня использовать по-старому, после того, как сведет с вами счеты.

— Что же нам делать, капитан Конан? — спросила Чабела, чуть не плача. Тяжелое испытание значительно убавило запаса ее смелости.

— Делать? — Конан вскочил и потянулся. — Помешать этому! И сначала открыть дверь.

— Но у меня нет ключей...

— К черту ключи! — рявкнул он, положив руку на один из засовов. — Эти засовы из мягкой меди и стоят здесь целую вечность. Их уже коснулась коррозия, и если она зашла достаточно далеко, мне не понадобится ключ. А теперь отойдите назад!

Поставив ногу против засова, Конан согнул плечи и налег на зеленый от времени засов. Вся сила могучей спины, плеч и коричневых рук слились в одно титаническое усилие. Его лицо потемнело, дыхание стало хриплым. В свете факелов блестели капли пота на его высоком лбу. Его тело сверкало бронзовыми изгибами, как металлическая скульптура.

Чабела затаила дыхание и закусила губу.

Со слабым скрипом засов выскользнул из нижнего паза в дверном переплете, металл согнулся и подался. Затем с сильным треском засов сломался. Звук походил на щелканье огромного кнута.

Конан бросил засов на подстилку. Он прислонился к двери, жадно глотая воздух. Затем он ударом ноги распахнул дверь в коридор.

Чабела смотрела, широко открыв глаза.

— Я никогда не видела такой силы! — выдохнула она. Конан разминал руки.

— Слава богу, я работаю так не каждый день, — сказал он с улыбкой. — Конан вглядывался в темноту коридора. — Куда идти? Как нам выйти отсюда? И кто так исхлестал вас? Нзинга?

Она кивнула и в нескольких словах рассказала о событиях после случая в обеденном зале. Конан нахмурился, глаза его сверкали.

— Странная история, — сказал он, — и самое странное в этом волшебное появление стигийского волшебника, я думаю, что это был он. Я встречался с ему подобными в прежних путешествиях. Но я не знаю, как его имя. Вы уверены, что это не скелетоподобный пес Менкара? Он был в одной компании с Зароно в Кордаве.

— Нет, — покачала головой Чабела. — Я видела Менкару на борту “Вестрела” и сразу бы узнала его. Это худой, мрачно выглядевший мужчина среднего роста, который говорит глухим, шелестящим голосом, как будто ему опротивел весь мир. Этот же человек, хотя, по-моему, и одной с ним расы, слишком отличен от него: много выше, сильнее, довольно красивый, привыкший приказывать.

Слушая одним ухом, Конан между тем осматривал коридор. Он интуитивно чувствовал необходимость действий. Если они и смогут когда-нибудь убежать из города амазонок, то только сейчас, пока королева лежит без сознания. Как долго будет продолжаться действие зеленых лучей стигийца, он не мог сказать.

Конан решил идти по идущему вверх ветренному коридору. Он остановился и вытащил из держателя тяжелый факел. Он довольно взвесил его в руке. По крайней мере, у него теперь есть чем защитить себя. Факел представлял собой палицу из твердого дерева, обмотанную промасленными тряпками. Одной из задач Чабелы было заменять факелы на новые и следить за их износом.

Неожиданный поворот коридора и Конан с Чабелой оказались лицом к лицу с отрядом вооруженных женщин. Это были высокие, суровые женщины, с могучими руками, высокой грудью и широкоскулыми лицами. На них были грубые кожаные нагрудники, окованные бронзовыми пластинами, и кожаные юбки.

— Схватить их! — раздался повелительный голос, и Конан заметил позади угрюмых рядов амазонок Нзингу. Прекрасное лицо черной королевы было искажено яростью.

Он безжалостно улыбнулся: выход был один — драться.

Конан был варваром из Киммерии, и для него многие южные обычаи казались излишне мягкими и смешными. Но у него было свое понятие о благородстве, и ему не нравилась идея драться, и, возможно, убивать женщин. Однако, поскольку это был вопрос жизни или смерти, он дрался.

Он не стал ждать атаки и одним прыжком оказался в гуще амазонок, размахивая горящим факелом направо и налево. Он мгновенно свалил двух огромных женщин, пробив им головы. Разъяренная амазонка замахнулась на него коротким мечом, он сунул ей факел в лицо. Она с криком упала назад: стараясь потушить вспыхнувшие волосы. Ему в грудь уперлось копьё, он выхватил его свободной рукой и отбросил в сторону. Двигаясь со скоростью пантеры, он замахнулся факелом для следующего удара — и замер.

Нзинга обошла борющихся женщин. Теперь она стояла, обхватив одной рукой Чабелу, а другой рукой приставила к ее горлу кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сука захлебнется в собственной крови! — скомандовала королева амазонок холодным мертвым голосом.

Конан обреченно выругался, но делать было нечего. Факел ударился о камни.

Амазонки окружили его, связали руки канатами из высохшей травы и привязали к бокам. Металлурги отсталой страны амазонок еще не научились изготавливать сложные замки. Замок из двери камеры, по предложению Конана, оставался от прежних обитателей города.

— Теперь он не страшен, о Королева, — доложила одна из женщин, — почему бы его не прикончить тут же?

— Нет, — сказала Нзинга, задумчиво глядя на сверкающее от пота тело Конана. — Я держу для него что-то получше. Он, растоптавший мою любовь, не достоин легкой смерти. Посадите их до утра в барак рабов. А утром притащите их к дерсьвям куламту.

Конану показалось, что при упоминании этого неизвестного ему названия, вздрогнули даже суровые амазонки. Но что может быть ужасного в простом дереве?

17. ДЕРЕВО — ЛЮДОЕД

Конан моргнул и прищурился от лучей показавшегося над джунглями солнца. Он с удивлением огляделся.

Амазонки привезли его и Чабелу на центральную площадь Гамбуру. С одной стороны стоял королевский дворец с охранявшими вход древними статуями. Конан лежал в широкой яме посреди площади на песчаном полу. Когда он первый раз увидел яму, она напомнила ему прежние дни в Агрессеанской долине Мессаните. Но площадь в Мессаните имела двери, через которые на арену выпускались гладиаторы или дикие животные. Здесь этого не было.

Другой непонятной вещью была роща в центре песчаной ямы. Должно быть это и были кулампу, о которых говорила королева.

Он пригляделся поближе и заметил, что такие деревья он раньше не встречал, хотя по виду они напоминали банановые. Ствол выглядел мягким и пористым, но вместо того, чтобы разветвляться наверху, он кончался круглой, влажной, похожей на рот воронкой. Ниже ее окружали огромные листья, каждое почти размером с человека — длинные, широкие и толстые, покрытые похожими на волосы наростами с ноготь длиной.

Амазонки, одетые в шкуры леопардов, украшенные страусовыми перьями и примитивными ювелирными изделиями, заполняли каменные

скамьи вокруг арены. Среди них было много знатных, которых Конан видел на праздниках Нзинги.

Он незаметно проверил веревки. Груды мускулов на руках напряглись, брови сдвинулись в усилии. Но травяные веревки сопротивлялись его могучим усилиям — немного поддались, но остались на своих местах вокруг ног и рук, связанных в голених, коленях и запястьях. В этом есть некоторая ирония, подумал он, что он, который разрывал железные цепи, должен лежать связанным травой! Однако, те кто связал его, знали свое дело.

Скамьи были почти заполнены. По приказу Нзинги, сидевшей среди своих офицеров, охрана подтащила Конана и Чабелу поближе к роще странных деревьев. Затем они поспешно отошли, оставив пленников беспомощно лежать на песке.

Сидевшие на скамьях амазонки, громкобеседовали, улыбаясь и показывая на них пальцами.

Чабела вскрикнула. В это же время Конан почувствовал прикосновение к ноге и посмотрел в чем дело.

— Кром! — выдохнул он.

Один из огромных листьев кулампу опустился вниз и обвился вокруг его лодыжки. Чабела вскрикнула снова, и Конан увидел, что ее руки и ноги исчезли в листе дурного дерева.

Конан сжал зубы. Он не знал этой части Куша. Но много лет назад, когда он путешествовал вдоль Черного Берега с Балит, он слышал ужасные рассказы о джунглях от своего проводника. Эти слухи включали и истории о дереве-людоседе: но Конан принял их за рассказы предубежденных варваров.

Но теперь его загорелое лицо побледнело, потому что он понял происхождение высохших человеческих костей у деревьев. Толстые листья медленно оплели его тело, стараясь поднять к воронке, чтобы потом забросить его туда. Дьявольское дерево сожрет его живым. Кислота, выделяемая внутренними тканями, растворит кожу и, в конце концов, от него останется куча белых костей.

К тому времени его тело обвили три листа, несмотря на его попытки откатиться. Медленно они стали поднимать его вверх. Каждый волосок крепко прилип к его телу. Ужас и злость придали ему прилив силы.

Наконец, сквозь крики со скамеек, Конан услышал слабый звук страшно его обрадовавший. Это был треск лопнувшей веревки. Затем еще одной.

Конана осенило, что листья тоже выделяют разъедающую жидкость, которая растворяет и ослабляет травяные веревки. Он бешено задергался и разорвал оставшиеся путы. Освободившейся рукой, он отодвинул приблизившийся к нему лист. Он оторвал остальные листья и упал на песок. Его тело, там, где прикоснулись листья, было покрыто красными точками.

По реву скамеек, Конан заключил, что такое здесь случилось впервые. Нет сомнения, что прежде амазонки были достаточно осторожны и кормили деревья лишь ослабевшими от пыток жертвами. Они никогда не предлагали растениям-людоедам человека необычного размера и силы, в расцвете своих возможностей. Оторвав последний лист, Конан решил извлечь максимум пользы для себя из их ошибки.

К этому времени, Чабела, спеленатая с головы до ног листьями, как мумия, уже почти достигла воронки. Конан подпрыгнул, ухватился за поймавшую ее крону, и дернул. Его вес листья не выдержали. Они обломались, некоторые наполовину, а другие совсем отвалились от ствола. Конан упал на песок сжимая девушку в руках. Он быстро сорвал облепившие ее листья, которые извивались, как от боли. Как и у него кожа Чабелы была покрыта красными точками. Затем он разорвал ее травяные путы. Они тоже были съедены наполовину, так что больших усилий не потребовалось.

Крики на трибунах превратились в рев. Несколько стражниц спустились на арсену и спешили к ним, сверкая бронзовым оружием. Конан снял последний лист с лица Чабелы, чтобы она могла дышать, и приготовился встретить своих лютых врагов.

Они не набросились на него с мечами и копьями, как он ожидал. Вместо того, они встали в нескольких ярдах от него и, потрясая оружием, выкрикивали оскорбления и угрозы. Наконец, он понял, что перед ними стояли не просто безоружные пленники, а деревья за ними. Их колебания могли быть вызваны простым страхом деревьев-людоедов, либо деревья почитались, как божества. Но какова бы ни была причина их колебаний, она подсказала ему мысль.

Повернувшись, он налег плечом на дерево, собиравшееся пожрать его. Теперь оно раскачивало сломанной верхушкой и не пыталось схватить его. Ствол выглядел мягким и пористым и, возможно, нетверже был бананового дерева, которое он напоминал.

Конан всем телом налег на ствол и почувствовал, что тот легко поддается. Еще одно усилие, и из земли показались маленькие отростки, служившие дереву корнями.

Крик возмущения святотатством раздался с трибун, когда Конан сломал дерево. От корня до вершины оно было около десяти фунтов и где-то фунт толщиной, на удивление легкое для своих размеров.

Конан напал на амазонок, используя дерево как таран. От его атаки они растерялись и отступили. Он довольно ухмыльнулся. Амазонки, очевидно, боялись своего священного дерева и предпочитали не приближаться к нему. Поворотом ствола он сбил двух стражниц на землю, а остальные побежали к трибунам.

Но тут на него железным дождем обрушились дротики. Один из них воткнулся в ствол рядом с рукою Конана. Несколько метательных ножей просвистело над головой, как бумсранги.

— Чабела! — крикнул он. — Бери одно из этих копий и следуй за мной.

Они побежали к трибунам. Конан впереди, толпа амазонок перед ним рассеялась, когда он размахнулся верхним концом дерева, брызгая разедающим соком во все стороны. Они вдвоем выскочили на площадь и помчались по улицам к Западным воротам.

Выскочив из ямы, Конан ожидал увидеть половину Гамбургской армии, собирающейся атаковать его. Вместо этого, на площади была удивительная пустота. По воздуху носились горящие стрелы, ближайшие крыши пылали. На камнях лежало несколько трупов с копьями в груди. Военный крик потряс город. Город Амазонок атаквали.

Толпа черных воинов, несомненно мужчины, заполнили улицы у Западных ворот. Они встали в ровные ряды и медленно продвигались, осыпая отряды амазонок стрелами и копьями.

Над головой стрелков Конан заметил старого товарища Джуму и окликнул его. Тот заметил его, улыбнулся и крикнул команду своим людям. Шеренга сломалась и стрелки со щитоносцами окружили Конана, размахивающего деревом, и Чабелу. Затем отряд начал отступать с площади, отчаянно обороняясь и не нарушая строя.

Конан улыбнулся и хлопнул Джуму по плечу.

— Я рассчитывал, что ты придешь, — сказал он. — Как раз вовремя! Джума прикрыл Конана щитом от летящих стрел.

— Не знаю, но мне кажется, что у тебя и так все в порядке!

Пока они продвигались к Западным воротам, Джума объяснил Конану, что его люди в конце концов напали на след работорговцев в Гамбуру, тогда он собрал армию черных воинов и двинулся на столицу амазонок.

— Я боялся, что мы не застанем тебя живым, — закончил он. — Я должен признать, что ты, как обычно, был в центре боя и захватил весь город голыми руками.

Достигнув ворот, Конан увидел золотую бороду и голубые глаза Сигурда, который был оставлен с отрядом моряков держать свободным путь отступления черной армии. Они приветствовали друг друга, но времени для объяснений не было.

Выйдя из ворот, Конан улыбнулся, радуясь, что видит город королевы Нзинги в последний раз. Королева была восхитительной женщиной и любовницей, но Конан не был из тех, кто может удовлетворяться ролью Господина Короля, он подозревал, что до него не один любовник черной королевы был отдан в жертву деревьям-людоедам после того, как Нзинга уставала от их ласк.

— Я вижу, что ты имел ввиду, когда говорил, что тренируешь своих стрелков в "Гуранском стиле", — сказал он Джуме.

Из ворот вышел преследующий их отряд амазонок, но воины Джумы сплотили ряды и осыпали их дождем стрел, пока оставшиеся в живых не ушли обратно в город.

Скоро они достигли леса. Здесь отряд остановился на отдых и Конан с Сигурдом радостно обнялись. Сигурд посмотрел на Чабелу и преклонил колено.

— Принцесса, — сказал он шокированно. — Клянусь грудью Иштар и бездонным брюхом Кедха, но вы должны быстрее одеться. Что сказал бы ваш отец? Вот возьмите это.

Он скинул рубашку и протянул ее девушке, которая надела ее и закатала рукава. Благодаря огромному росту Сигурда, рубашка его была Чабеле почти до пят.

— Благодарю вас, Мистер Сигурд, — сказала она, — вы правы, конечно, но я так долго ходила нагой среди нагих людей, что стала привыкать.

— Куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но с меня достаточно этих джунглей. Если москиты и слепни еще не съели тебя живьем, то львы будут счастливы доесть то, что осталось.

— Назад, к Кулало, — ответил Конан, — а потом, не откладывая, на борт “Вестрела”. Если оставленная команда не дождалась нас и уплыла, я сдеру с них шкуру живьем.

— Но вы обязательно должны быть на нашем празднике победы, — запротестовал Джума. — Теперь, когда мои воины победили амазонок, моя империя несомненно завоюет всех соседей. Мои люди жаждут утонуть в банановом вине...

— Благодарю друг, — ответил Конан, — но наше место в Зингаране, где готовится заговор против короля. Наша победа еще впереди.

18. КРУШЕНИЕ “ВЕСТРЕЛА”

Переход через джунгли от Гамбуру до столицы Джумы Кулало и дальше до устья Зикамбы, где они оставили “Вестрел”, занял несколько дней. Чабела слишком устала, чтобы путешествовать пешком и поэтому чернокожие быстро сделали маленький палантин из бамбука и грубой материи, в котором принцесса путешествовала в относительном комфорте.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка вина и огромный кусок мяса полностью возродили его. Не в первый раз Конана выручила его поистине звериная воля к жизни, намного превосходившая силу людей тех стран, по которым он путешествовал, но он особо не гордился своим физическим превосходством, полагая, что это дар предков или богов и, следовательно, не является поводом для гордости.

К закату солнца они достигли пальмовых берегов Зикамби. К тому времени, когда они дошли до устья, показалась луна, похожая на медный щит. Здесь река впадала в море.

Тихо шумел пресноводный поток, темный от морских наносов. И здесь их ждала потрясающая картина.

Сигурд вздохнул, приходя в себя и пробормотал несколько замысловатых проклятий. Конан молчал, но бесстрастная бронзовая маска его лица потемнела от гнева.

“Вестрел” лежал на киле, полузатопленный, с залитой водой палубой. Вместо мачт с обгорелой палубы торчали черные пеньки. Из этих фактов в виде десятков могильных холмиков на берегу, Конан заключил, что здесь был бой, и что “Вестрел” потерян.

Звук приближающейся братии Джумы, поднял часовых. Послышались предупреждающие крики и шум шагов. Свет факелов сверкал на обнаженных кортиках в руках суровых моряков. Конан отодвинул воинов в сторону и сам вышел вперед.

Они были в жалком виде. На большинстве висели грязные тряпки, головы и тела были неумело перевязаны. Помощник Зелтран торопливо вышел вперед. Его правая рука была перевязана, а кортик он держал в левой.

— Капитан! — вскричал он. — Вы ли это? Утонуть мне в луже, если мы думали, что снова увидим вас. Джунгли, казалось, проглотили вас!

— Я жив, Зелтран, — сказал Конан. — Но что здесь случилось? Были большие неприятности, я вижу, но кто их доставил?

Зелтран грустно покачал головой. Когда-то толстый, маленький помощник, сильно похудел.

— Этот пес Зароно! — прорычал он. — Три дня назад его “Петрел” захватил нас врасплох... Было достаточно часовых, мой капитан, — но все часовые в мире не смогли бы заметить “Петрел”. На нас опустился плотный туман — такой плотный, что эти глаза ничего не видели. Видно было, как через гранитную плиту.

— Да, капитан, святая правда, — подтвердил матрос. — Я вам скажу, это было колдовство — Черная магия, спорить мне на этом месте.

— И под покровом этого таинственного тумана “Петрел” подошел и уничтожил корабль, не так ли? — прорычал Конан.

— Да, сэр, — сказал Зелтран, — именно так оно и случилось. Сперва мы услышали скрип борта Зароно о наш, и тут же его люди перескочили через борт и бросились на нас. Клянусь, мы честно дрались — посмотрите на наши раны, но на их стороне было численное превосходство и неожиданность. В конце концов, они покидали нас за борт. Я старался прикрыть отступление.

— Точно, капитан, — вмешался в разговор другой матрос. — Вы бы только видели — и вы бы гордились — как он работал своим кортиком.

— Но тут что-то стукнуло меня по голове, — продолжал помощник, когда я пришел в себя, то оказалось, что меня привязали к мачте, и эти

псы Зароно стоят вокруг и насмеваются. Тут пришел и сам черный Зароно, очень элегантно выглядевший в своем кружевном воротнике, и с ним этот змеиный священник Менкара.

“Эге, мой милый, — сказал Зароно, — а где же твой хозяин, варвар Конан?”

“Ушел на берег, сэр”, — ответил я.

Зароно ударил меня по зубам. “Я это вижу, глупец, — сказал он, — но куда на берег?”

“Я не знаю, сэр, — сказал я, не понимая, что его так могло взбесить. — Он друг предводителя отряда черных воинов, которые здесь живут, и он ушел их навестить”.

“А где эта зингаранская девчонка, что была с ним?” — спросил Зароно.

“Ушла с ним, насколько мне известно”, — ответил я.

“Но куда? Куда и как далеко?” — спросил Зароно.

Я настойчиво твердил, что не знаю, где находится Джума, даже, когда они прижигали мне правую руку раскаленным железом. Я покажу вам ожоги, мой капитан, когда они немного заживут. Потом Зароно и стигийский священник отошли в сторону и шепотом посовещались. Священник установил на верхней палубе волшебный аппарат и бормотал и кружился до тех пор, пока перед ним не вспыхнул красный свет. Наконец, он сказал Зароно: “Я вижу, как ее несут в паланкине могучие воины через джунгли. Больше я ничего сказать не могу”.

Это прямо взбесило Зароно, должен сказать. Он несколько раз ударил меня по лицу, просто чтобы выместить свою злобу. “Как, во имя богов, — сказал он, — я смогу прочесать огромные джунгли Куша, чтобы найти девушку, да еще отбить ее потом от армии могучих варваров? Это все равно, что забраться на луну!”

Еще немного посовещавшись, Зароно и Менкара решили сжечь и затопить “Вострел”, и идти в Кордаву. Они собирались по дороге зайти в Стигию, чтобы захватить с собой их союзника, которого зовут, если я правильно понял, Тот-Амон.

— Тот-Амон? — переспросил Конан. — Наши пути пересекались и прежде. Это самый опасный из всех врагов. Но продолжай. Эти псы, кажется, не стеснялись тебя в разговоре.

— Э, капитан, они не собирались оставлять меня в живых, чтобы рассказать вам все эти истории! Зароно отдал приказ. Одна группа матросов села в шлюпку и продырявила корпус нашего корабля ниже ватерлинии. Другая обложила хворостом мачты и подожгла их.

— А ты был привязан к одной из них?

— Точно, сэр, к фок мачте. Естественно, мне не понравилась идея поджариться живьем, так что пока люди Зароно готовились к отплытию обратно на “Петрел”, ведь они не хотели спорить вместе с нами, — я молил Митру и Иштар, и Асуру, и всех других богов, чтобы они помогли

мне отвязаться. Не знаю, были ли услышаны мои молитвы, но не успел "Петрел" скрыться за горизонтом, как начался дождь.

Тем временем "Вестрел" все погружался в воду, пока не лег килем на грунт. А я вертелся и кружился вокруг мачты, пока не освободил руки.

В это время дождь окончился. И когда я совсем отвязался, то стал сбивать пламя, хотя мачты, снасти спасти не удалось. Вот и все.

— С его стороны было бы умнее не пытаться сразу поджечь и потопить корабль, — пробормотал Конан, — либо то, либо другое, — но два способа взаимно исключают друг друга. — Он потрепал Зелтрана по плечу, от чего тот болезненно сморщился. — Я верю тебе и ребятам, что вы сделали все, что смогли. Но теперь мы должны подумать, как сделать "Вестрел" снова годным для плавания, и как можно скорее.

— Нет, мой капитан, — грустно покачал головой Зелтран, — я не вижу способа как это сделать, если не затратить на это несколько месяцев. Здесь нет верфи, да и кораблестроители в джунглях найти не так просто.

— Мои люди помогут вам восстановить судно, — тихо выступил вперед Джума. — Много сильных рук облегчит задачу.

— Возможно, и я тебе благодарен за это, — задумчиво сказал Конан. — Но что понимают твои воины в восстановлении судов.

— Ничего: мы не народ-мореплаватель. Но нас много и мы сильны, и среди нас много искусных ремесленников-столяров. Если твои люди будут руководить ими и покажут, что делать, они будут работать, как титаны, пока не окончат работу.

— Прекрасно, — сказал Конан бодрым голосом, и обратился к команде. — Друзья, мы проиграли битву, но мы еще не проиграли войну! Черный Зароно, который победил нас благодаря черной магии, плывет сейчас к берегам Зингара, где он надеется свергнуть нашего покровителя и друга старого короля Федруго. Люди короля Джумы помогут нам привести судно в порядок. И тогда, не откладывая, мы поплывем мстить негодяю и спасем нашего короля от его козней. Что скажете?

— Мы потеряли немало добрых моряков, — сказал боцман, кивнув на земляные холмики.

— Но с нами агроссианцы Сигурда! Если вы забудете о вражде, то вместе мы сможем своротить горы. Так что скажете? Скажите громко и ясно!

Моряки заревели, выражая согласие и их кортики сверкали в лунном свете.

Конан никогда не видел, чтобы люди работали так упорно. Они привязали к створевшим пенькам мачт тросы и подняли корабль. Они ныряли в трюм и достали инструменты. Они валили деревья, распиливали их и забивали пробоины в корпусе. Они откачали воду, так что корабль снова смог держаться на воде.

Они свалили несколько деревьев, чтобы обтесав их сделать мачты. Пока женщины изготавливали новую ткань, мужчины Кулало добывали

деготь из смолы. Работа кипела день и ночь, и даже маленькие дети свестили, держа факелы высоко над головой.

Наконец пришел день отплытия. Буканиры шатались от усталости или от вина, или от того и другого, но "Вестрел" был готов отплыть с первым бризом. Всю ночь люди Джумы несли через джунгли провизию на берег: бочки воды, мешки с пирогами, корзины со свежими фруктами, копченым бататом и ямсом, и другими овощами, провизии было достаточно, чтобы корсары могли доплыть до другого края земли.

Когда небо на востоке побледнело, Конан попрощался с Джумой. Когда-то бок о бок воевали в легионах короля Юлдиса Туранского, потом вместе шли по бескрайним пескам Такамаса навстречу маленьким узкоглазым воинам с их удивительными кожаными латами и каменному движущемуся идолу из неизвестной долины Меру. В этот раз они вместе дрались в долинах Куша, в душных Кушитских джунглях.

Молча улыбаясь сквозь слезы, они сжали друг друга в могучем объятии. Они не говорили ничего, потому что оба догадывались, что им не встретиться больше в этом мире.

"Вестрел" поднял паруса. Поймав попутный ветер, они натянулись и загудели.

Черные воины с женами и детьми стояли вдоль берега, и махали на прощанье, а "Вестрел" вышел в голубые воды и курс его был на Зингаран.

19. В КОРОЛЕВСТВЕ ВСЕ СПОКОЙНО

На закате дня "Вестрел" вошел в Кардавский порт. К ночи тяжелые облака закрыли звезды.

Несколько глаз заметили легкий каркас, молча скользнувший вдоль портовой косы, и приставший к редко используемой пристани вдали от набережной. Конан решил, что надо войти в город как можно незаметнее, так как он не знал, захватил ли Вилларго власть, и как давно Зароно и Тот-Амон в городе. То, что они опередили его, стало ему ясно, когда Зелтран тронул его за руку и показал:

— "Петрел" Зароно! — прошипел он. — Мой капитан, мне кажется, что поскольку никого поблизости и нет, могли бы разбить и потопить его...

— Держи себя в руках, мой боевой петушок, — задумчиво улыбувшись, пробормотал он. — К чему безрассудство? В нашей игре высокие ставки. Вероятно, наши друзья не здесь, а в замке Федруго, распускают свою паутину, чтобы поймать старика.

— Поспешим же во дворец, капитан Конан, — нетерпеливо тронула его за плечо Чабела. — Ваши люди поспеют потом. Мы должны предуп-

редить отца о готовящемся заговоре, а не то эти предатели Зароно и Виларго могут...

— Поспокойнее, — сказал Конан, улыбаясь, — спешить пока некуда. Я давно научился не лезть в капкан, если могу обойти его. Мятежный князь и Тот-Амон могли захватить власть, и идти во дворец, все равно, что играть в муху и паука. Нет, у меня другая цель...

— Какая цель? — спросила Чабела.

— Сначала мы должны посетить одно место в Кардаве, где я буду в безопасности: Девять Нарисованных Шпаг.

— Девять Нарисованных Шпаг? — повторила она.

— Это не из тех мест, где бывают девушки вашего круга, но для наших целей оно подходит. Верьте мне, девушка! Зелтран, я беру десять человек. Дай плащи и фонари, и позаботься, чтобы они были все хорошо вооружены.

Улицы были тихи, как в некрополе. Сигурд, суеверный, как все моряки, содрогался, идя рядом с Конаном по булыжникам, и сжимая рукой рукоятку кортика.

— Я уверен, что они все мертвы или заколдованы, — пробормотал он, опасливо оглядываясь по сторонам. Конан приказал ему замолчать из боязни привлечь внимание.

Так, незамеченная никем, кроме кардавских котов, группа моряков, завернувшись в плащи, и пряча под шляпами лица, подошла к Девяти Нарисованным Шпагам. Когда они вошли, старый Сабран раскинув руки подошел к двери.

— Прошу прощения, но мы закрылись на ночь, — сказал он. — Правительство приказало всем тавернам закрыться этой ночью с заходом солнца. Так что я прошу вас... о!

Конан снял шляпу и плащ, и приблизив лицо к кабатчику, пробормотал:

— В чем дело, мой друг?

— О, как я не узнал вас с первого взгляда... Но, конечно, Девять Нарисованных Шпаг всегда открыта для Конана-киммерийца, по закону или без него. Входите, друзья, входите. Я мигом разведу огонь и спущусь в подвал, и вы получите все, что пожелаете.

— Зачем правительству понадобилось закрывать тебя сегодня ночью так рано? — спросил Конан, сев на место, откуда была видна дверь.

— Только Митра знает, — пожал плечами кабатчик, — королевский указ появился вчера вечером... Это было странное время, в самом деле, странное. Сперва капитан Зароно приплыл бог знает откуда, с целым отрядом стигийцев и направился во дворец короля Федруго, как в свой собственный. Ему не сказали ни слова, как будто он заколдовал королевскую свиту. И потом все эти новые декреты: городские ворота закрываются с закатом и так далее. Князь Виларго стал маршалом полиции и в городе воцарились железные законы. Странно, капитан, странно и непонятно. И ничего хорошего из этого не выйдет, попомните мои слова!

— Это удивительно, — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — спросил Конан.

— Клянусь глазом Дагда и ногой Орвандела! Твой друг сказал, что город закрыт, как барабан, но мы беспрепятственно вошли в порт. Почему Вилларго не поставил своих головорезов охранять порт.

— Они думают, что “Вестрел” все еще лежит на песке в устье Зикам-бы, — сказал Конан.

— Ах, да! — вспомнил Сигурд, — я и забыл. Зароно никак не мог предположить, что мы даже с помощью людей Джумы починим корабль так быстро.

— Все правильно, рыжебородый, — кивнул Конан. — Если все пойдет хорошо, король Федруго будет обязан твоим черным воинам, о которых он никогда не слышал и не видел.

— Я раньше ценил чернокожих невысоко, — сказал Сигурд. — Они всегда мне казались набитыми предрассудками и детскими страхами. Но твой друг Джума открыл мне глаза. Он прирожденный вождь, даже не хуже тебя. Да, в каждой нации и у каждого народа есть свои герои и свои предатели.

Но болтать времени не было. Конан расспросил Сабрана, и тот толково объяснил ему многие вещи, которые как предполагал и боялся корсар, могли произойти. Вилларго еще не захватил трон, но это могло быть делом нескольких часов. Верные гарнизоны под тем или иным предлогом были отправлены за границу, или исчезли, или были арестованы и посажены в тюрьмы по смехотворным обвинениям. С вечера сегодняшнего дня дворец был изолирован от города. Ключевые посты заняли люди Вилларго. Некая церемония имела место во дворце, но какая именно, Сабран не знал. Что-то должно было произойти.

— Отречение от престола и я полагаю, — пробормотал Конан, мечась по таверне, как разъяренный лев. — Мы должны попасть во дворец, но как? Вилларго и Зароно полностью блокировали его. Этот Тот-Амон должен держать Федруго под ногтем. Но если нам удастся предстать перед королем с его дочерью, шок может развеять колдовство... И тогда мы сможем победить предателей. А, кстати, где этот чертов Минус?

Сигурд удивленно поднял брови. Конан спросил у Сабрана о здоровье маленького друга — священника. Кабатчик ответил, что тот выздоровел и вернулся к исполнению своих обязанностей в храме. Поэтому Конан поручил матросу привести его в таверну.

— Кто этот Минус? — спросил Сигурд.

— Я знаю его уже несколько лет, — пожал плечами Конан, — с тех пор, как мы были ворами в Заморо. Он вернулся в Зингаран, когда даже благословенный город Заморо стал слишком опасен для него. Здесь он повстречался с одним миссионером культа Митры, который убедил его, что священники в этом мире только и делают, что гуляют на праздниках и наживаются на глупости прихожан. Будучи одним из тех людей, которые знают куда ветер дует, он мигом впал в религиозность и стал свя-

щенником Митры. Но если и есть в Кардаве человек, который знает тайный вход во дворец Федруго, так это он! Он был умнейший вор, которого я знал — умнее даже Тауруса Немедийского, которого люди называли королем воров. Он мог найти двери, которые никто...

Напряженные уши Конана уловили звук гонга. Чабела вздрогнула и впилась в его руку.

— Колокола башен всех богов! — выдохнула она. — О, Конан, мы слишком поздно!

— Что вы имеете ввиду? — впился в нее глазами Конан. — Да не тяните же!

— Колокола — они извещают, что король собирает аудиенцию! Мы слишком поздно появились — она почти уже началась...

Конан и Сигурд обменялись быстрыми взглядами и, открыв окно, взглянули на дворец на горе.

Здесь и там вспыхивали огни. Чабела была права, церемония началась.

20. КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

Обстановка в тронном зале короля Федруго напоминала напряженную драму. Небо освещалось частыми сполохами, и в высоких остроко-нечных окнах сверкали серо-голубые молнии.

Зал был большой и высокий. Круглые стены и ряды колонн из серого гранита, украшенные резным мрамором, поддерживали высокий потолок. Этот дворец был архитектурным шедевром королевства Федруго.

Ярко светили толстые, величиной с руку воина, свечи в золотых подсвечниках. Свет факелов и ламп отражался в зеркальных щитах и блестящих шлемах стражников, стоявших вдоль стен зала.

Охраны присутствовало значительно больше, чем в обычных случаях. Это само по себе вызывало неуверенность и подозрение в группе вельмож и офицеров, вызванных королевскими герольдами. Им было приказано тихо и быстро прибыть во дворец, чтобы присутствовать при чтении королевского указа. Была и еще причина для беспокойства — одежда стражи. Хотя некоторые носили мундир Легиона Трона — личной гвардии короля, большинство были цвета Вилларго — князя Кордавы.

В центре зала, на огромном постаменте из блестящего зеленого ма-лахита, стоял трон розового мрамора. На нем сидел Федруго Третий.

Собравшаяся знать в последнее время редко видела своего короля. Они с удивлением смотрели на него, насколько он постарел за это время. Его кожа казалась пергаментом, а руки его дрожали. Щеки впали так, что выступили скулы. Свет ламп бросал глубокие тени на его лицо, и

глаза его спрятались в темных впадинах глазниц под седыми бровями. Свет вместе с худобой делали его похожим на призрачного скелета.

На его голове, казавшейся слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, покоилась древняя корона короля-героя Рамиро, основателя династии. Это был простой эллипсоид из золота, окруженный золотым ободом, и корона напоминала башню замка, окруженную стеной.

В слабых, восковых руках король держал большой пергамент, обвешанный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом, король читал этот пергамент. Длинное формальное предисловие, бесконечное перечисление титулов, придворный жаргон, лишь поддерживающий беспокойные мысли собравшихся. Все чувствовали приближение важных событий.

На полу перед пьедесталом, напротив трона стояло два человека. Один из них был Князь Кардавы. В отсутствии принца Товарро, младшего брата короля, Вилларго был после самого короля, самым влиятельным пэром королевства. Выражение на его худом лице могло бы быть описано как смесь ожидания и нервного предвкушения.

Рядом с Вилларго стояла другая фигура, неизвестная для большинства присутствующих. Бритой головой, ястребиными чертами, темной кожей и могучим телом он напоминал стигийца. Он был, однако, хорошо одет, так, что была видна лишь его голова.

На его бритой голове покоился странный головной убор — корона, сделанная в виде золотой змеи, свернувшейся вокруг головы и украшенная тысячами прозрачных сверкающих алмазов. Некоторые вельможи начали удивленно перешептываться, когда пришелец, откинув капюшон, сверкнул камнями короны. Если, шептали они, камни настоящие бриллианты, изготовление которых было неизвестно в Хайборианскую эру — стоимость короны тогда неисчислима. Когда неизвестный слегка двигался, камни, отражая свет источников, сверкали тысячами лучей всех цветов радуги.

Темнолицый человек производил впечатление глубоко погруженного в себя. Он настолько был поглощен своим занятием, что, казалось, не видел ничего вокруг. Казалось, что вся его энергия была направлена на один объект.

Среди свиты Вилларго можно было заметить мрачное лицо Зароно и закутанную фигуру священника Менкара, которого при дворе называли одним из конфидентов Вилларго.

Федруго заметно устал, но уже приближался к концу документа. И здесь все замерло в удивлении, услышав невероятное:

— ... итак, исходя из вышесказанного, мы Федруго Зингаранский, оставляем престол нашей дочери и наследнице, Королевской принцессе Чабеле, и заочно выдаем ее замуж за ее избранника и вашего будущего короля, высокородного князя Тот-Амона Стигийского! Да здравствует королева и король! Да здравствует Чабела и Тот-Амон, король и королева древнего и нерушимого королевства Зингарана!

Все в зале от изумления онемели. Но самый большой шок испытал князь Вилларго. Он выпучил глаза на короля Федруго, его желтое лицо побледнело, как саван. Его тонкие губы раздвинулись в немом ругательстве, обнажив желтеющие зубы.

Вилларго обернулся, чтобы что-то сказать высокой тихой фигуре рядом с ним. Бесстрастный стигиец спокойно улыбнулся ему, и отстранив протянутую руку, начал подниматься на вершину пьедестала, чтобы услышать поздравительные рукоплескания. Но поздравлений не было — поднимался изумленный недоверчивый шум.

Над возраставшим шумом послышался величественный голос короля Федруго:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец подошел к трону и опустился на колени. Он поднял руки, снял корону Кобры и бережно положил ее на зеленый камень рядом с собой.

Федруго вышел вперед и снял с головы простую древнюю корону короля-героя Рамиро. Он повернул ее и дрожащими руками возложил ее на бритую голову Тот-Амона.

Осознав предательство союзника, Вилларго скривился, как от боли, и сжал рукоятку висевшего на поясе кинжала. Возможно, он ее собирался, забыв об осторожности, вонзить в спину коленопреклоненного волшебника. Но тут его глаза остановились на лежавшей рядом с Тот-Амоном короне Кобры, и он опустил кинжал. Он кое-что знал, или думал, что знал о ее силе. В своем отчете Зароно объяснял:

“Из того, что мне рассказал Менкара и что мне удалось узнать за путешествие от Тот-Амона, она действует так: она во много раз увеличивает способность человеческой мысли воздействовать на другого человека. Так Менкара, лучший из средних магов, может контролировать мысли одного человека — в нашем случае — короля. Тот-Амон волшебник большего ранга, может одновременно контролировать несколько человек. Но обладающий короной Кобры, если умеет с ней обращаться, может с помощью короны управлять мыслями сотен и тысяч людей. Он, например, может безрассудно бросить в бой отряды солдат, пока никто не останется в живых. Он может командовать львом, ядовитой змеей, направляя этих страшных зверей на врагов.

Никто не устоит против обладателя короны. Его нельзя убить или отравить, поскольку корона передаст ему мысли убийцы и никто не сможет подойти к нему ближе, чем на выстрел катапульты, без того, чтобы не попасть под его власть. Смертные, как я и вы, Ваша Светлость, не могут даже наказаниями добиться повиновения — мои матросы позволили принцессе сбежать с корабля. Но Тот-Амон не боится неповиновения. Когда он даст мысленную команду, она будет точно выполнена, даже если это будет стоить человеку жизни”.

И теперь, чтобы узаконить вступление Тот-Амона на трон, Федруго собственными руками возлагал корону, древнюю корону Зингара на

бритую голову Стигийца. Но чтобы сделать это, Тот-Амону было необходимо снять корону Кобры. И здесь был шанс князя Вилларго.

Двигаясь со скоростью, необычной для своего возраста, князь сбросил бархатный плащ и помчался наверх пьедестала. Поскольку волшебник снял корону, он не мог знать о намерениях своего бывшего союзника, до тех пор, пока Вилларго не схватил корону и не надел ее на голову.

Когда Вилларго побежал наверх, он услышал слабый предупреждающий вскрик, в котором он узнал голос Менкара. Надев корону, он обернулся и увидел быстро бегущего вверх Менкара с обнаженным кинжалом в костлявой руке.

Как только Корона Кобры оказалась на его голове, Вилларго почувствовал целый поток ощущений, льющихся в его мозг. Казалось, что все невысказанные мысли людей в комнате, обрушились на его сознание одновременно, в шумном смятении. Не будучи волшебником, Вилларго не мог сортировать эти случайные мысли.

Как только Менкара приблизился к нему, князь в отчаянии сфокусировал свои мысли на нем, вытянув к нему руку, так как по его мнению это был магический жест. Из всех сил он сконцентрировался на мысленной картине Менкара, падающего вниз, как от сильного удара.

И Менкара действительно скатился по ступенькам вниз. Он лежал на спине, как после сильного удара. Его кинжал со звоном выпал.

Львиный рев сзади заставил Вилларго снова обернуться. Он исходил от Тот-Амона, который встал на ноги и обернулся.

— Собака! Ты подохнешь от этого! — вскричал стигиец на зингаранском с сильным акцентом.

— Подыхай сам, — ответил Вилларго, протянув руку в его направлении.

Могучего волшебника было нелегко одолеть даже с помощью Короны Кобры, тем более, что ее нынешний обладатель совершенно не умел ею пользоваться. В напряженной звенящей тишине два человека стояли лицом к лицу в смертельном поединке желаний.

Сила Вилларго в короне грубо равнялась силе Тот-Амона, одного из величайших волшебников своего времени, но без всяких приспособлений. Они стояли в напряжении, шатаясь, но молчали.

Внизу, онемев от удивления, сцену наблюдали вельможи и придворные. Среди них было много храбрых людей, которые знали, на чьей стороне они находились раньше — но в этот хаотический момент, кто мог сказать кто за кого? Неизвестный король, опасный иноземец-волшебник, алчный, коварный князь... кто мог сказать, за кем правда?

Вилларго услышал, как Менкара бормочет внизу заклинания. Он почувствовал, как его мысленная сила слабеет. Перед ним Тот-Амон, казалось, рос в своей силе и могуществе.

Неожиданный каскад звуков обрушился в комнату и приковал внимание и все взгляды к входной двери. Толпа вооруженных моряков неожиданно прорвалась на балкон. Во главе отряда стоял бронзовый

гигант с нечесаной гривой черных, как воронье крыло, волос и горящими вулканическими глазами под густыми черными бровями, с огромным тесаком в могучей руке.

— Конан! — в изумлении вскричал Зароно. — Именем всех богов и дьяволов, Конан!

Увидев столь неожиданно появившегося яростного варвара, Зароно побледнел. Затем его худое, волчье лицо помрачнело и суровые черные глаза гневно вспыхнули. Он выхватил из ножен рапиру.

Вмешательство смутило и Тот-Амона, повернувшего к лестнице увенчанную золотой короной голову. Если бы у него была Корона Кобры он узнал бы о приближении Конана и его людей еще до их появления, но он только что упустил ее.

Взглянув на пришедших, Вилларго тут же вернул внимание на Тот-Амона. Он знал, что стигиец пока наиболее опасный враг. Если бы ему удалось, неумело используя корону, одолеть Тот-Амона, Конана он легко победил бы тем же способом. Но если бы он обратил все свое внимание на Конана, то Тот-Амон легко бы раздавил его, как насекомое.

Конан встал на верхней ступеньке и поднял руки.

— Хо, люди Зингара! — рявкнул он, — мерзкий предатель и черный колдун захватили вашего короля в свои лапы! — Загорелая рука указала на стигийца. — Он не принц Стигии, а мерзкое порождение ада! Колдун из глубины Стигии пришел похитить древний трон Зингара из королевского дворца. На Земле еще не было человека, страшнее Тот-Амона! Мысли вашего короля были украдены каким-то колдовским способом, и так, что он не знает, что говорит, он как попугай повторяет мысли, которые нашептывает ему этот узурпатор!

Ассамблея взволновалась: одни поверили словам Конана, а другие нет. Один знатный всельможа крикнул:

— Что это за чушь? Грязный пират с безумными глазами врывается во дворец во время священной церемонии, размахивая мечом и выкрикивая ерунду! Стража! Арестовать этого негодяя!

Волнение усилилось, и Конан крикнул:

— Посмотрите на короля и удостоверьтесь в правильности моих слов, вы, простофили!

Рядом с тронном бледный и дрожащий Федруго в волнении пощипывал бороду.

— Что... Что здесь происходит, Господи? — бормотал он. Его безумный взгляд скользнул по лицам придворных. Тут он заметил в руках документ. — Что... что это такое? Неужели я прочел это? Но это не имеет значения...

Было очевидно, что король Федруго не узнает документа, который только что прочитал. Тот-Амон, выбитый из колеи вмешательством Вилларго и Конана, упустил контроль над мыслями Федруго. Сейчас его внимание с новой силой вернулось к князю. Когда Тот-Амон повернулся к Конану, Вилларго направил усиленное в сотни раз желание в могучий

мозг стигийца. Тот-Амон покачнулся, как от удара, чуть не упав, и оперся рукой о трон. Зингаранская корона, которая была слишком мала для него, упала и громко звякнула о камень пьедестала.

Он снова собрался. Завораживающе сверкнули белки глаз, он послал Вилларго в ответ могучий мысленный удар.

— Отдай мне Корону Кобры, идиот! — прорычал он.

— Никогда! — крикнул Вилларго.

Князь почувствовал увеличение мысленной силы противника. Он, не видя, чувствовал, что сила Менкара прибавилась к силе Тот-Амона. Священник Сета встал на сторону своего повелителя. Вилларго чувствовал, что слабее и тут его зашита рухнула.

Глаза вновь вернулись к Конану и его корсарам. В воздухе повисла подозрительность. Это был один из тех моментов, когда судьбы нации балансируют на лезвии ножа, когда одно слово, взгляд, жест могут изменить течение событий и разрушить империю.

И тогда, в мертвой тишине, слово было сказано. Рядом с Конаном показалась фигура девушки. У нее были округлые формы, оливковая кожа и сверкающие глаза. Хотя ее полное тело было одето в грубый морской костюм, зингаранским вельможам показалось, что они видели ее и раньше, в более подходящей обстановке.

— Принцесса! — задохнулся князь.

— Э? Чабела? — пробормотал старый король, нервно оглядываясь. Все увидели, что это действительно она. Но упреждая поток вопросов, она заговорила сама:

— Дворяне Зингара! Капитан Конан говорит правду! Вот тот стигийский колдун опутал моего отца волшебной паутиной. Конан освободил меня от колдуна и вот мы пришли в Кардаву, чтобы пресечь его узурпацию. Стража, хватайте его!

Капитан королевской стражи отдал приказ солдатам, и, выхватив шпагу пошел вперед.

Конан и девять матросов сбежали вниз по лестнице, сверкая обнаженными лезвиями. Чабела осталась наверху вместе с Минусом, священником Митры. Маленький человек упал на колени и бешено молился.

— О, повелитель Митра, великий принц Света! — завывал он. — Будь с нами в этот час против темной силы Света. Божественным именем Сраоша и немыслимым именем Зурван повелителем бесконечного времени, умоляем мы тебя. Убей их святым огнем, чтобы Старый Змей рухнул со своего возвышения!

То ли Тот-Амон ослабел от мысленного напряжения, то ли Вилларго научился использовать Корону Кобры, то ли Митра снизошел к молитвам, но Тот-Амон, казалось, побледнел, задрожал и отступил назад. Вилларго открыл рот для торжественного крика.

Перед тем, как крик слетел с его губ, Тот-Амон выложил последнего козыря. Он вытянул по направлению к князю длинный, смуглый палец.

Вокруг него возникло бледно-голубое свечение, превратившееся в изумрудное сияние.

Луч коснулся головы князя Вилларго и алмазной короны, охватив их слепящим изумрудным облаком. Затем красным цветом засветилось и золото короны.

Вилларго издал приглушенный крик. Он отшатнулся назад, трясая головой, как бы пытаясь сбросить корону. Появился черный дым, как будто загорелись волосы.

Тут комната потонула в слепящем голубом свете вспыхнувшей снаружи молнии. Одно окно со звоном распахнулось. Внутрь залетели капли дождя. Некоторым показалось, от испуга неожиданной молнии, что часть молнии проникла через сломанное окно и хлестнула Вилларго, как все-ленский кнут.

Вилларго упал на пол лицом вперед. Корона Кобры упала и покатилась по мраморному полу, оставив тело Вилларго с сожженными волосами и почерневшей по месту касания с кожей на голове.

Тем закончились честолюбивые мечты князя Вилларго, который, не довольствуясь княжеским титулом, возжелал королевскую корону и умер, задавленный мыслями.

21. АЛАЯ КРОВЬ И ХОЛОДНАЯ СТАЛЬ

Три удара сердца держало это удивительное событие всех в состоянии мертвого шока. Первым опомнился Тот-Амон.

— Менкара! Зароно! — крикнул он. — Сюда! — Когда явился священник Сета и корсар с рапирой в руке подошли, стигийский маг сказал. — Соберите своих людей и воинов Вилларго! Действуйте быстро и решительно! Если не успеете, ответите головой! С Конаном на стороне короля вам не удастся жить в мире со старым режимом!

— Где же ваше колдовство? — пробормотал Зароно. — Почему вы не отбросите ваших врагов одним движением руки?

— Я делаю, что могу, но магия тоже имеет пределы. К оружию же!

— Вы правы, — сказал Зароно, поворачиваясь на каблуках. — Воины! — крикнул он. — Князь Вилларго мертв, но стигийский принц жив. Если наши шпаги возведут его на трон, мы все будем пэрами! Ко мне!

— Все верные зингаранцы ко мне! — заорал Конан, — постоим за короля и принцессу, и спасем Зингаран от правления дьявола из стигийского ада!

В зале произошло сильное движение и партии разделились. Большинство воинов Вилларго устремились к Зароно, а большинство дворян и офицеров столпились вокруг Конана и его матросов. Некоторые,

незнающие чью сторону принять, или просто от трусости, выскочили из зала.

Скоро стало видно, что партия Зароно больше. Хотя некоторая часть дворцовой гвардии присоединилась к Конану, большая часть людей Вилларго отошла к Зароно. Все эти солдаты были в легких латах, что давало им в битве преимущество.

— Нас больше! — крикнул с пьедестала Тот-Амон, — сдавайтесь и вам сохранят жизнь!

Конан громко и невежливо ответил ему, что Тот-Амону сделать со своим предложением.

— Шпаги вон за Тот-Амона, короля Зингарана! — крикнул Зароно, обрушившись на ближайшего воина из отряда Конана.

Повсюду раздавался звон шпаг. Обе партии смешались. Зал наполнился криками сражающихся людей. Вот упал воин, обливаясь кровью, другой. Кровоточили раны, слышались крики агонии на смерть зарубленных людей.

Конан жестоко улыбался, сверкнув белыми зубами на бронзовом лице. Время для болтовни прошло. Хотя годы научили его ответственности и осторожности, под его налетом зрелости было все то же варварское желание во всем, а здесь, похоже, будет самая славная битва за многие годы.

Он соскочил с лестницы и прыгнул к ближайшему человеку Зароно. Удар был так силен, что у того сломался позвоночник. Приземлившись, как кот, на четвереньки, он ударил следующего головой в живот и сунул тесак между ребер подскочившему на помощь.

Он пошел вперед, двигаясь, несмотря на размеры, легко, как пантера, рубя зингаранцев направо и налево. Он, как башня возвышался над ними, и их легкие шпаги не могли сдержать ударов его огромного тесака. За ним, вращая кортиками шли корсары.

Большинство зингаранцев с обеих сторон были искусными фехтовальщиками, но Конан всю жизнь провел в сражениях и владел мечом не хуже их. В течение зимовки в Зингаре он совершенствовал свое искусство великого Мастера Авлерио, школа которого была известна далеко за пределами королевства.

Поэтому молодые дворяне из сторонников Зароно были обескуражены, ожидая, что дикого варвара проткнуть будет так же легко, как яблоко маленьким кинжалом. Несмотря на свое сложение и тяжесть кортика, он легко отражал атаки. Он, используя ловкие приемы защиты и нападения, убивал или смертельно ранил одного за другим. Цвет королевства в ужасе отступал перед неистовым варваром, и он как ураган беспрепятственно продвигался вперед.

И тут высокая, худая фигура в черном бархате встала на его пути. Черный Зароно был готов скрестить с ним шпаги. Конан был несколько раз ранен, но управлялся с клинком так же легко, как и прежде.

Зароно был не трус, но безжалостный испытанный боец. Он был подлым, но никто не сомневался в его силе и храбрости. С другой стороны, он был расчетлив и умен. Он умел использовать удобный случай. Если бы он хорошо подумал, то, вероятно, воздержался бы от встречи с Конаном. Но его ослепила ненависть к Конану, который несколько раз опередил его и помешал осуществлению плана князя Вилларго и его собственных. Он жаждал мести с первой встречи в Девяти Нарисованных Шпагах, когда удар Конана едва не снес ему голову с плеч.

Зароно не питал иллюзий относительно благодарности Тот-Амона, которую он мог ожидать, окажись стигиец на Зингаранском троне. Все значительные посты, несомненно, займут стигийские священники Сета. Но Тот-Амон, вероятно, найдет и для него источник существования, с другой стороны, если победят защитники старой династии, ничего, кроме топора или петли, он ожидать не мог.

Рапира Зароно — лезвие клинка было значительно тяжелее, чем у большинства воинов Зароно — лязгнуло о тесак Конана. Зароно сделал быстрый выпад, но Конан отбил его. Киммериец, в свою очередь, обрушил на него мощный удар сверху. Зароно отскочил в сторону, и тесак просвистел мимо.

Вокруг кипела битва. Многие пали. Битва превратилась в бойню. Стало сказываться численное преимущество партии Зароно. Верные династии были разделены на две группы и оттеснены: одна к лестнице, по которой спускался Конан, а другая, среди которой находился старый король, в угол.

Конан и Зароно все еще сражались. Зароно начал понимать, что совершил ошибку, вызвав Конана на поединок. Хотя, как фехтовальщик он не уступал Конану, но в его руках не было силы и выносливости Конана. Он почувствовал усталость, но ярость и самолюбие поддерживали его. Либо он убьет Конана, либо погибнет сам.

Тем временем, как всегда невозмутимый Тот-Амон спустился с пьедестала. Избегая сражающихся, он спокойно шел по кровавому, усеянному трупами полу, к лежавшей на мраморе короне Кобры. Несколько раз он касался того или иного из воинов Конана, но они даже не пытались убить его. Казалось, что он невидим для них.

На самом деле он, используя мысленную силу, подавлял в них желание причинить ему любой вред. Он был настолько поглощен собственной безопасностью, что не обращал внимания ни на Конана, ни на других вождей вражеской партии. Без волшебных аппаратов и отсутствия тишины и одиночества, необходимых для эффективного колдовства, он ничем не мог помочь своим сторонникам. Используя зеленый луч, он не мог его применять в течение еще нескольких часов.

Тот-Амон безразлично перешагнул через убитого неизвестной рукой Менкара. Подойдя к короне, он остановился и поднял ее. Она все еще была раскалена, но Тот-Амон сжимал ее без видимой боли. Он быстро осмотрел ее, а затем, выругавшись, отбросил в сторону, как ненужную

жестянку. Неожиданно сверху раздался рев еще одного отряда. Команда Конана во главе с Сигурдом и Зелтраном, ринулась вниз по лестнице, размахивая кортиками и шпагами. Когда Конан ушел с Минусом, он послал Сигурда на корабль с приказом привести оставшихся на корабле корсаров во дворец по секретному туннелю, о котором рассказывал Минус.

Это неожиданное подкрепление изменило ход битвы. Оттесненные сторонники короля снова ринулись вперед. Фронт Стигийской партии дрогнул и распался. Толпа разнесла Конана и Зароно в разные стороны.

Зароно решил держаться до конца и, расталкивая бегущих локтями, пытался остаться на месте. Тут он почувствовал, как кто-то схватил его руку с рапирой. Он попытался стряхнуть чужую руку, но тут увидел, что это был Тот-Амон.

— Мы проиграли, — крикнул стигиец, — Корона испорчена — сгорела.

— Пусти меня! — в ярости закричал Зароно. — У нас еще есть хороший шанс, и я еще не прикончил эту свинью!

— Боги решили, что Конан выиграет эту битву.

— Откуда ты это знаешь?

— Я много чего знаю, — пожал плечами Тот-Амон. — Я уйду, можешь идти со мной или оставайся.

Стигиец повернулся и пошел к выходу. Зароно нерешительно двинулся за ним.

— Стой! — раздался голос Конана. — Эти две собаки не уйдут так просто!

Тот-Амон вытянул палец с массивным кольцом в виде кусающей хвост змеи к одной из портьер. “Я хок-хай хафайкал фангуг! Нгех хай-хах!”

Портьера ожила. Она вздрогнула, дернулась и оторвалась от державших ее колец. Как огромный истопырь, она отделилась от стены и полетела над головами дерущихся, повисла над головой Конана и тут же упала на него, полностью накрыв его.

— Поспешим, если не хочешь поплатиться головой, — сказал Тот-Амон Зароно.

За те несколько секунд, пока Конан пытался освободиться от портьеры, Тот-Амон и Зароно пропали. Вокруг, преданные своими вождями, их стражники бросали оружие и сдавались.

Сжимая тесак в руке, Конан выбежал через вестибюль к главному входу. В тишине он услышал лишь удаляющийся звук копыт.

Утренний бриз был свежий и сильный. Он нес соленые водяные брызги и гудел в парусах вышедшего из Кардаванской гавани в открытое море "Вестрела".

На капитанском мостике вымытый, выбритый, одетый во все новое, Конан полной грудью вдыхал влажный морской воздух. Хватит черной магии и сражений с бесплотными тенями! Дайте ему легкий корабль и команду отчаянных головорезов, шпагу за пояс и спрятанное сокровище — и у него будет все, что он мог бы пожелать для полного счастья.

— Клянусь грудью Иштар и черным Негралом, но ты все же свихнулся! — пробормотал Сигурд Конану.

— Почему? Потому что я не позволил Чабеле выйти за меня замуж? — улыбнулся Конан.

— Она прекрасная девушка, — кивнул головой Сигурд, — и принесла бы тебе прекрасных сыновей, и по первому твоему требованию трон Зингара. Несомненно, что после пережитых потрясений старый Федруго долго не протянет. И тогда эта девушка наследует корону, королевство и все остальное!

— Благодарю покорно, но я не желаю быть мужем королевы, — прорычал Конан. — Я сыт по горло жизнью в Гамбургу. И ведь Нзинга была сильная, зрелая женщина, а не глупая романтическая девочка, в два раза меня моложе. Кроме того, Федруго может протянуть еще довольно долго. Теперь, когда его мысли освободились от стигийского колдовства, он как бы помолодел на десять лет и приступил к делам с новыми силами. Он сразу же аннулировал свое отречение и помолвку между Чабелой и Тот-Амоном. Что касается Чабелы, то она мне нравится, я даже люблю ее как дочь. Между нами, я даже мог бы принять ее предложение, если бы не видел своего предназначения.

— Как так?

— Это было во время моего выздоровления после битвы. Я несколько раз обедал с королем и его дочерью, и Чабела мне все уши прожужжала своими планами моего перевоспитания. Мой разговор, моя одежда, мои манеры за столом, мой идеал прекрасного — все должно измениться. Я должен был бы стать совершенным зингаранским джентльменом, размахивающим перед носом надушенным платком во время представления королевского балета.

Сейчас я быть может и не такой мудрый, как любимый философ короля Родриго, но я знаю, что мне подходит. Нет, Сигурд, если Кром пожелает, я когда-нибудь завоюю себе трон, но получу его на конце шпаги, а не в качестве свадебного подарка.

Кроме того, Федруго был щедр. Он отдал мне корону Кобры, которую я заложил королевскому ювелиру Джулио: вот откуда новая оснастка и снаряжение для ребят. — Конан ухмыльнулся. — И вот я, не дожив еще

до сорока, стал почти ростовщиком! Но лучше, пока не поздно, вернуться к честному ремеслу корсара, пусть и не столь прибыльному.

Спасение королей — дело неподходящее для честных разбойников, да не перевелись еще торговцы-толстосумы, бороздящие моря от Агросса до Схема. И хватит стонать над моим отказом от этой луволикой красавицы, пора подумать и о делах. Пойдем поглядим на карту в моей каюте. Мастер Зелтран! Будьте любезны, зайдите ко мне в каюту.

Конан пошел вниз. Несколько минут Сигурд с открытым от удивления ртом смотрел ему вслед, а затем, в отчаянии махнув рукой, пошел за капитаном.

— Клянусь зеленой бородой Ллира и молотом Тора, — пробормотал он, — с этим киммерийцем спорить невозможно!

Скрипели снасти, и под плеск волн и крики часк, “Вестрел” шел на юго-восток, неся Конана к новым приключениям.

ПО ТУ СТОРОНУ ЧЕРНОЙ РЕКИ

1. Конан теряет топор

В первобытной тишине лесной тропинки даже осторожные шаги ног в мягкой обуви казались излишне шумными. Вовсяком случае, так думал путешественник, старавшийся ступать с максимальной аккуратностью, необходимой каждому человеку, углубившемуся в леса за Черной рекой. Идущий был среднего роста, с открытым лицом и спутавшимися каштановыми волосами, не прикрытыми шлемом или шапкой. Одежда его была обычна для пограничья — короткая, стянутая поясом туника, кожаные штаны до колен и высокие замшевые сапоги, из-за голенища одного из которых торчала рукоять ножа. На широком поясе висел тяжелый меч и сумка. Напряженные глаза его внимательно ощупывали зеленые стены, окаймляющие тропу, и в этом взгляде не было страха. Несмотря на рост, путник был крепкого телосложения, что подтверждали узловатые, бугристые руки, выглядывавшие из рукавов туники. Последние дома поселенцев остались далеко позади, но человек шел беззаботно — несмотря на грозную опасность, тенью нависшую над древней пущей. Шума он все же производил меньше, чем ему казалось, но он прекрасно знал, что и самый тихий шаг встревожит немало ушей в предательской зеленой чаще. И поэтому беззаботность была лишь позой, скрывающей настороженность слуха и зрения, ибо взор не проникал в путаницу листьев дальше, чем на пару футов в каждом направлении. И скорее инстинкт, чем разум, приказал ему остановиться и положить ладонь на рукоять меча. Он замер, как вкопанный, посреди тропы, подсознательно сдерживая дыхание и задумываясь над тем, что за звук он слышал, и слышал ли его вообще. Тишина выглядела полной, белка не пискнула, птица не запела; и взгляд его устремился в гущу зарослей, пытаясь прорваться хоть на несколько шагов от тропы.

Наконец перед ним колыхнулась ветка — колыхнулась, несмотря на отсутствие ветра. Волосы путника встали дыбом, мгновение он стоял в нерешительности и чувствовал, что любое его движение неминуемо вызовет вылетевшую из чащи смерть.

Среди листьев неожиданно возник отзвук тяжелого удара, заросли вздрогнули, и оттуда просвистела стрела — вверх, исчезая в кронах деревьев. Отпрыгнув в сторону, человек наблюдал ее вертикальный взлет. Притаившись за толстым пнем с мечом в дрожащей руке, он смотрел, как кусты раздвинулись, и на тропу не спеша вышел рослый мужчина. Чужак также носил штаны и тунику, но шелковую, и поверх нее была надета кольчуга из серо-стальных звеньев, а грива волос была прикрыта шлемом. Шлем этот и обратил на себя внимание странника —

на нем отсутствовал привычный султан, который заменяли бычьи рога. Не ковали подобные шлемы в цивилизованных странах; да и лицо чужака было лицом варвара. Темное, покрытое шрамами и освещенное горящими голубыми глазами, оно было таким же диким и неукротимым, как окружающая их первобытная пуша. В правой руке его был огромный меч, и острие его отливало пурпуром.

— Вылезай! — крикнул он с неизвестным акцентом. — Уже безопасно. Этот пес был один, вылезай!...

Путешественник неуверенно покинул свое укрытие и посмотрел на кричавшего. Рядом с гигантской фигурой он резко ощутил собственное ничтожество — массивная грудь, покрытая железом, узловатые от мышц руки, опаленные солнцем, и обогренное кровью оружие. Двигался чужак с грозным изяществом пантеры, слишком много было в нем хищной пружинистости, чтобы предположить, что он — дитя цивилизации, даже такой непрочной, как угрюмая твердыня пограничья. Когда чужак нырнул обратно в кусты, раздвигая хлещущие ветки, путник с востока потянулся за ним, не вполне понимая, что же все-таки произошло.

В кустах лежал человек. Темнокожий, мускулистый, имеющий из одежды лишь набедренную повязку и ожерелье из человеческих зубов. За пояс был засунут маленький меч, а правая рука еще сжимала тяжелый черный лук. Волосы его были цвета воронова крыла — и это все, что можно было сказать о его голове, представлявшей сплошную мешанину костей, крови и мозга: череп раскололся до зубов.

— Пикт, клянусь богами! — воскликнул путник, оказавшийся совсем молодым человеком.

— Ты удивлен?

— Нет. Мне говорили в Велитриуме, а потом в домах поселенцев, что эти дьяволы иногда прокрадываются через рубеж, но я не ожидал встретить кого-нибудь из них так далеко, в глубине края.

— Ты находишься всего лишь в четырех милях на восток от Черной реки, — заметил незнакомец, — а пиктов убивали иногда и в миле от Велитриума. Ни один поселенец между Рекой Молнии и фортом Тускелан не чувствует себя в безопасности. Я напал на след этого пса сегодня утром, с юга от форта, и с тех пор шел по следу. И я настиг пикта в тот миг, когда он готовился всадить в тебя стрелу. Еще минута, и новый гость уже вступал бы в ад. Но я испортил ему выстрел.

Путешественник смотрел на гиганта, совершенно ошеломленный открывшимся фактом: этот человек шел по следу одного из лесных дьяволов и убил его — убил неожиданно. Подобное искусство следопыта было фантастично даже здесь, в Конайохаре.

— Ты из гарнизона форта? — неуверенно спросил путник.

— Я не солдат, хотя получаю плату и имею звание линейного офицера. Мое место в пуше. Валаннус знает, что я принесу гораздо больше пользы, бродяжничая вдоль реки, чем вой от скуки в форте.

Он равнодушно затолкал тело подальше в кусты, замаскировал место ветками и пошел по тропинке. Путешественник заторопился за ним.

— Меня зовут Бальфус, — представился он, — последний раз я ночевал в Велитриуме. И я еще не решил, взять ли мне кусок земли в аренду, или завербоваться в армию.

— Лучшая земля у реки уже разобрана, — буркнул воин, — много доброй земли между Скальповым ручьем и фортом, но уже чертовски близко к рубежу. Пикты там переправляются через реку, чтобы жечь и убивать, и, как правило, приходят поодиночке, как тот убитый. Когда-нибудь они попытаются вышвырнуть всех поселенцев из Конайохары. И, может быть, им это удастся... Скорее всего, удастся. Вся эта затея с поселенцами — сплошное безумие. Много хороших земель есть на востоке от Боссонского пограничья. Если бы аквилонцы поотхватывали тут и там от больших баронских угодий, да засеяли бы зерном места, где сейчас охотятся на оленей — не было бы нужды переходить границу и отбирать у пиктов их земли.

— Станные разговоры для человека, находящегося на службе у губернатора Конайохары!

— А мне наплевать. Я наемник, продаю свой меч тому, кто больше платит; пшеницу никогда не сеял и сеять не буду. Свой урожай я собираю с помощью оружия...

А вы, гиборейцы, слишком широко размахнулись. Вторглись в пограничье, сожгли несколько деревень, вырезали два клана и установили границу по Черной реке. Только вряд ли вы удержите то, что захватили, а дальше на запад вам границу уж точно не передвинуть. Жаль, что ваш глупый король совершенно не понимает, что здесь творится. Если он не даст подкреплений, у поселенцев не хватит сил отразить нападение из-за реки.

— Но пикты разделены на кланы, — возразил Бальфус, — и никогда не объединятся. А каждый клан в отдельности мы легко разобьем.

— Даже три или четыре вместе, — согласился гигант. — Но когда-нибудь найдется человек, способный объединить тридцать-сорок кланов, как это случилось у киммерийцев много лет назад, когда гундеры попробовали передвинуть границу на север; хотели оттяпать южную часть Киммерии: уничтожили несколько небольших кланов и построили пограничный форт Венариум. Что было дальше — ты знаешь.

— Знаю, — глухо ответил Бальфус, и лицо его исказила злобная гримаса. Память об этом кровавом поражении лежала позорным пятном на истории его гордого и воинственного народа.

— Мой дядя был в Венариуме, когда киммерийцы прорвались через стены. Он чудом избежал смерти. Я много раз слышал его рассказ об этой бойне. Варвары неожиданно скатились с гор дикой ордой, с безудержной яростью бросились на стены и штурмом взяли Венариум. Уничтожили всех — мужчин, женщин, детей... Венариум до сих пор — груда развалин. Аквилонцев вышвырнули с границы, и они уже больше никогда не

пытались колонизировать земли киммерийцев... Но ты говоришь об этом со знанием дела. Ты что, был там?

— Был, — пробурчал воин, — Я был один из той орды, которая прорвалась через стены. Тогда я не видел еще пятнадцати снегов, но мос имя уже повторяли у костров Совета.

Бальфус невольно отодвинулся и недоверчиво посмотрел на незнакомца. Ему казалось невероятным, что рядом с ним спокойно шагал по тропинке человек, который был одним из разъяренных кровожадных дьяволов, прыгавших в тот далекий день со стен Венариума, чтобы залить улицы кровавым потоком.

— Так ты варвар! — вырвалось невольно из уст Бальфуса.

Гигант согласился, не выразив обиды.

— Конан Киммериец.

— Я слышал о тебе! — Бальфус с интересом взглянул на Конана.

Не было ничего удивительного в том, что пикт стал жертвой собственного коварства — киммерийцы были варварами не менее грозными, чем пикты, но гораздо более хитрыми и опасными. Конан много лет провел среди людей цивилизованных, но это не ослабило его первобытные инстинкты. Опасения Бальфуса перешли в удивление, когда он обратил внимание на кошачью походку киммерийца и легкость, с которой тот соблюдал тишину, двигаясь по тропе. Даже звенья его кольчуги были смазаны и не звенели; Бальфус понял, что и через самую густую чащу гигант Конана проскользнет так же бесшумно, как и любой пикт.

— Ты не гундер? — это скорее было утверждением, чем вопрос.

Бальфус покачал головой:

— Я из Таурана.

— Встречал я воинов из Таурана; в пуще они неплохи. Но боссонцы слишком много столетий ограждали вас, аквилонцев, от пограничной жизни. Твердости вам не хватает.

Это было правдой; боссонское пограничье, с его укрепленными селами, населенными отважными лучниками, долго служило Аквилонии защитой от варварских племен. Сейчас среди поселенцев за рекой Молнии уже росло поколение лесных людей, способных противостоять варварам на равных, но число их было еще невелико. Большинство обитателей приграничья были сродни Бальфусу — в основном это были пахари, а не следопыты.

Солнце еще не зашло, но уже исчезло из виду, скрывшись за стеной леса. Тени заметно удлинились.

— Стемнеет, пока дойдем до форта, — равнодушно заметил Конан.

И внезапно добавил:

— Слушай!

Он застыл на месте, чуть наклонившись вперед, с обнаженным мечом в руке — словно хищник, само воплощение подозрительности и угрозы, готовый к прыжку или удару. Бальфус тоже услышал дикий вопль, оборвавшийся на высокой ноте. Вопль человека, охваченного смертельным

ужасом или умирающего. Конан молниеносно рванулся по тропе, и каждый шаг стремительно увеличивал расстояние между ним и его товарищем, безуспешно пытавшимся нагнать киммерийца.

Бальфус выругался. В поселениях Таурана он слыл быстроногим, но Конан оставил его далеко позади с ошеломляющей легкостью. В следующее мгновение он позабыл о своем раздражении, потому что в уши его ворвался самый жуткий крик, который ему когда-либо приходилось слышать. На этот раз не человеческий. Это было какое-то демоническое хриплое мяуканье, отвратительный триумф по поводу гибели человека, гремевший эхом в мрачных глубинах леса, почти вне границ человеческого сознания.

Бальфус невольно замедлил бег, на теле его выступил холодный пот; но Конан, не останавливаясь, исчез за поворотом тропы. Бальфус, оставшийся один на один с этим чудовищным криком, все еще разносившимся по лесу, в панике заставил себя ускорить бег и броситься за Конаном. Выскочив из-за поворота, он резко остановился, едва не налетев на киммерийца, стоявшего на тропинке над неподвижным телом. Но взгляд Конана был устремлен не на останки несчастного, лежавшего перед ним во влажной от крови пыли; он всматривался в чашу по обе стороны тропы. Бальфус пробормотал проклятие. Перед ними лежало тело мужчины — низкорослого толстого человека, одетого, несмотря на жару, в обшитую горностаем тунику богатого купца и обутого в дорогие, украшенные золотом сапоги. На его бледном жирном лице застыло выражение ужаса. Толстая шея была перерезана от уха до уха каким-то острым, как бритва, орудием. Короткий меч, оставшийся в ножнах, говорил о том, что человек был атакован внезапно и ничего не успел сделать.

— Пикт? — вопросительно прошептал Бальфус, всматриваясь в густеющие тени пущи.

Конан покачал головой и выпрямился, бросив хмурый взгляд на мертвое тело.

— Лесной дьявол. Это уже пятый, клянусь Кромом!

— Что ты имешь в виду?

— Слышал ли ты когда-нибудь о колдуне пиктов по имени Зогар Саг?

Бальфус неуверенно покачал головой.

— Живет в Гвавеле, ближайшей деревушке за рекой. Три месяца назад он спрятался возле этой тропы и увел несколько выючных мулов из направлявшегося в форт каравана, — каким-то образом подсунил погонщикам наркотик. А мулы принадлежали вот этому — Тиберию — купцу из Велитриума, — Конан равнодушно пнул ногой тело.

— Мулы были нагружены бочонками с пивом, и старый Зогар, прежде чем перейти границу, сделал остановку, чтобы выпить кружечку. Следопыт Сорактус напал на его след и привел Валаннуса и трех воинов в чашу, где колдун спал, пьяный вдрызг. По настоянию Тиберия Валаннус бросил Зогара Сага в тюрьму, а это — самое страшное оскорбление, какое только

можно нанести пикту. Старик ухитрился убить охранника и смыться, да еще при этом передал, что прикончит Тиберия и тех лятерых, что его поймали, причем сделает это таким образом, что аквилонцы будут дрожать от ужаса пару ближайших столетий...

Сорактус и солдаты уже мертвы. Сорактус убит над рекой, солдаты — под самым фортом. А теперь погиб и Тиберий. И ни одного из них не убил пикт. Каждая жертва, за исключением Тиберия, осталась без головы. Уверен, что эти головы украшают алтарь божества, которому служит Зогар Саг.

— Почему ты думаешь, что их убили не пикты?

Конан указал на тело купца.

— Думаешь, такое можно было сделать ножом или мечом? присмотрись получше — и ты увидишь, что только когти могут оставить такую рану. Тело разорвано, а не перерезано.

— Может быть, пантера?.. — робко предположил Бальфус.

Конан нетерпеливо прервал его.

— Даже человек из Таурана не спутает это со следом от когтей пантеры. Нет.

Это демон леса, вызванный Зогаром Сагом для свершения его мести. До чего же глуп был Тиберий, если решился ехать в одиночку в Велитриум, да еще и вечером. И, по-моему, каждую из жертв перед смертью охватывало безумие — и рок наступал ее.

Смотри сюда, здесь ясные следы. Тиберий ехал на своем муле, наверное, со связкой лучших шкур выдры — вез их на продажу в Велитриум — и нечто прыгнуло на него сзади, из тех зарослей. Вон там еще видны поломанные ветки...

Тиберий успел крикнуть только раз — потому что ему тут же разорвали горло, и он уже продавал свои шкуры в аду. А мул убежал в чашу. Слышишь, он все еще продирается через кусты? У демона не было времени забрать голову Тиберия — когда мы подоспели, он испугался.

— Это ты подоспел, — уточнил Бальфус. — Может, не так уж и страшна эта бестия, если она убегает при виде одного воина. Кстати, это мог быть и просто пикт с каким-нибудь крюком, который не режет, а рвет. Ты видел это Нечто?

— Нет. Видел только, как качались кусты, когда он убегал. Но Зогар Саг, призвав на помощь демона, наверняка сказал, кого надо убить, а кого — оставить в покое. Потому-то он и сбежал при виде нас. А если тебе нужны еще доказательства — смотри!

Убийца вступил в лужу крови возле трупа. Вон его след на обочине. Может, ты скажешь, что это человеческий след?!

Бальфус содрогнулся. Ни человек, ни один из известных ему зверей не мог оставить этот невероятный, чудовищный трехпалый след, похожий на след птицы и пресмыкающегося одновременно, но не принадлежавший ни тому, ни другому.

Осторожно, чтобы не дотронуться, Бальфус растянул пальцы над отпечатком, и из его груди вырвался удивленно-испуганный вздох — он не смог охватить след!

— Что же это?! — прошептал он. — В жизни не видел скотины, которая оставляла бы такое!

— И ни один человек в здравом уме не видел ничего подобного, — угрюмо добавил Конан. — Это демон топи. На болотах за Черной рекой они роятся, как нетопыри. Слышно иногда, как они воют, словно проклятые души, когда в жаркие ночи приходит сильный южный ветер.

— Что будем делать? — робко спросил аквилонец, всматриваясь в глубокие гранатовые тени. Его преследовало выражение ужаса, застывшее на лице убитого. Он думал о том, какая жуткая морда высунулась из-за ветвей, чтобы заморозить смертельным страхом кровь в жилах несчастного.

— Не стоит и пробовать идти по следу демона, — угрюмо пробурчал Конан, доставая из-за пояса короткий лесной топор. — Я уже пытался это сделать, когда был убит Сорактус; через несколько шагов потерял след. Может быть, у него выросли крылья, и он улетел, а, может, погрузился в землю и ушел в ад. Не знаю. Мула искать мы тоже не будем — он либо вернется в форт, либо попадет к какому-нибудь поселенцу.

С этими словами он срубил два деревца длиной футов по десять каждое, очистил их от веток, затем, нарубив лиан, сплел примитивные, но крепкие носилки.

— Единственное, что мы можем сделать — это не отдать демону голову Тиберия, — буркнул он. — Отнесем тело в форт. Это чуть больше трех миль. Никогда я не любил жирных дураков, но нельзя же позволять пиктам делать все, что им заблагорассудится, с головами белых!

Вообще-то пикты тоже были белыми, хотя и довольно смуглыми, но жители пограничья их белыми не считали. Бальфус взялся за задние ручки носилок, на которые Конан бесцеремонно бросил тело несчастного купца. Киммериец, несмотря на зловещий груз, шума производил не больше, чем раньше. Из пояса покойного он сделал петлю на рукоятках носилок и нес свою часть ноши левой рукой, сжимая в правой обнаженный меч. Его беспокойные глаза все время ощупывали мрачную стену леса. Тени густели. Голубоватый туман смазывал очертания деревьев. Лесная чаща погружалась в сумерки, превращаясь в средоточие тайны, скрывающей нечто неподвластное человеческому воображению.

Они прошли уже около мили, и у Бальфуса понемногу начали побаливать мышцы рук, когда из чащи донесся новый пронзительный крик. Конан рванулся, и Бальфус уронил носилки.

— Это женщина! — воскликнул Бальфус. — О, великий Митра, там зовет о помощи женщина!

— Жена поселенца заблудилась в лесу, — проворчал Конан. — Наверное, искала корову и... Останься здесь, — как волк, почуявший след, он нырнул в зеленую чащу. У Бальфуса волосы встали дыбом.

— Здесь? С трупом и дьяволом, укрывшимся в чаше? Я с тобой!

И он помчался вслед за Конаном. Тот оглянулся на него и ничего не сказал, хотя и не замедлил бег. Пока Бальфус расходовал дыхание на проклятия, Конан, подобный бесшумно скользящему среди деревьев призраку, далеко обогнал его, вылетел на поляну и застыл, чуть наклонившись вперед, с искаженным от злобы лицом, с поднятым мечом в руке.

— В чем дело? — осведомился, задыхаясь, подоспевший Бальфус, утирая пот с лица и тоже вынув из ножен меч.

— Кричали с этой поляны или откуда-то поблизости, — ответил Конан. — Я никогда не ошибаюсь в определении направления звука, даже в чаше; но где...

Внезапно вопль раздался вновь, позади них, со стороны тропы, которую они оставили. Крик вознесся над лесом пронзительно и жалобно — крик женщины, охваченной ужасом — и тут же неожиданно он перешел в воющий, торжествующий смех, который мог исходить лишь из уст демона из глубочайшей бездны ада.

— Что, во имя Митры... — лицо Бальфуса казалось бледным пятном в окружающем полумраке.

Со злобным проклятием Конан рванулся в обратном направлении. Ошеломленный аквилонец машинально поспешил за ним и вскоре налетел на внезапно остановившегося киммерийца, ударившись о его могучую спину, как о спину железной статуи. Тяжело дыша, он слушал, как Конан что-то шипит сквозь зубы. Казалось, что киммериец оцепенел от неожиданности. Выглянув из-за плеча, Бальфус помертвел от страха. Нечто пробиралось через заросли. Оно не шло и не летело, но, казалось, ползло, как змея. Но оно не было и змеей. Контур его были расплывчатые, но оно явно было выше человеческого роста, хотя и не казалось очень массивным. Существо поблескивало странным светом, словно внутри него мерцал слабый голубой огонек. По сути, это призрачное сияние и было единственной достаточно хорошо различимой его чертой. Это могло быть воплощением пламени, которое по какой-то неведомой причине и ради какой-то неведомой цели ползет по лесу.

Бессильное ругательство сорвалось с губ Конана, и в следующее мгновение он с невероятной силой метнул в чудовище свой топор. Но бестия продолжала двигаться дальше, даже не изменив направления. Только еще в течение нескольких минут можно было видеть за деревьями размытый контур рослого таинственного существа из туманного пламени, скользившего через лес. Потом оно исчезло, и пуща застыла в полной тишине. Злобно ругаясь, Конан продрался через заросли к тропинке. Его богохульства, долетавшие до ушей Бальфуса, были страстными и красноречивыми. Наконец, киммериец остановился возле носилок, на которых лежало тело Тиберия. Головы у тела уже не было.

— Одурманил он нас своим проклятым мяуканьем! — бесновался Конан, в гневе крутя над головой "мельницу" своим огромным мечом.

— Я должен был знать! Должен был подозревать ловушку! Теперь все пять голов украсят алтарь Зогара Сага!

— Да что ж это за зверь такой, который рыдает, как женщина, хохочет, как демон и ползает между деревьями, светясь магическим огнем?! — сопел Бальфус, вытирая пот с бледного лица.

— Я ж говорил — демон топи, — угрюмо ответил Конан. — Берись за носилки — так или иначе, заберем труп. Во всяком случае, нести его уже будет легче.

Они подняли носилки и двинулись дальше в молчании.

2. Чернокнижник из Гвавелы

Форт Тускелан возносился на западном берегу Черной реки, волны которой омывали основание палисада. Он был построен из толстых бревен, так же, как и все строения внутри его — даже смотревшая на хмурую реку возвышавшаяся над частоколом башня, в которой находилась квартира губернатора. За рекой простиралась гигантская пуша.

Днем и ночью стражники выхаживали вдоль бревенчатых парапетов, неусыпно наблюдая за плотной зеленой стеной. Изредка на том берегу появлялась какая-нибудь зловещая фигура, и стражники знали, что и за ними тоже наблюдают с извечной ненавистью дикие, голодные и беспощадные взоры. Неискушенному глазу пуша за рекой казалась безлюдной и мертвой, но на самом деле в ней кипела жизнь — не только птицы, змеи и животные, но и люди — самые свирепые и опасные из хищных зверей. Цивилизация кончалась фортом. Форт Тускелан был последним форпостом цивилизованного мира на северо-западе, крайней точкой экспансии гибборейских племен. За рекой свирепствовал первобытный мир: в тенистых пушах, в крытых ветвями хижинах, где, оскалив зубы, висели человеческие черепа, в городищах, окруженных глинобитными стенами, где горели костры, гремели барабаны и точили копыя руки смуглых молчаливых людей с черными спутанными волосами и змеиными глазами. Эти глаза часто смотрели на форт за рекой. Когда-то эти люди строили свои хижины там, где стоял форт, где теперь тянулись поля и стояли деревянные дома светловолосых поселенцев; когда-то земли пиктов простирались даже за Велитриум, этот грубо стесанный, беспокойный пограничный город на берегу реки Молнии, омывающей боссонское пограничье. Сначала сюда устремились купцы и жрецы Митры, которые шли богами и были безоружны, и в большинстве своем погибли мученической смертью; но за ними пошли солдаты и мужчины с топорами в крепких руках, и женщины, и дети на запреженных быками возах. Огнем

и сталью туземцы были отброшены за реку Молнию, а потом — еще дальше, за Черную реку. Но смуглокожие люди никогда не забывали, что когда-то Конайхара принадлежала им.

... Стражник за воротами спросил пароль, через зарешеченное окошечко блеснул свет фонаря, отразившись в стальном шлеме и подозрительных глазах.

— Открой ворота! — рявкнул Конан. — Не видишь, что это я?! — Солдатская дисциплина приводила его в бешенство.

Ворота открылись и Конан с товарищем прошли через них. Бальфус успел заметить, что с каждой стороны ворот находились сторожевые башенки, вершины которых поднимались над палисадом. Увидел он и бойницы для лучников. Заметившие зловещую ношу пришельцев, стражники вскрикнули.

— Что, никогда труп без головы не видели? — зло осведомился Конан. В свете фонарей лица солдат были бледными.

— Это Тиберий, — пробормотал один из них, — узнаю его подбитую мехом тунику. Теперь Валериус будет должен мне пять лунов. Я сразу ему сказал, что Тиберий услышал зов — как только увидел его проезжающим через ворота на своем муле, с остекленевшими глазами и каменным лицом. Вот и побился об заклад, что вернется без головы.

Конан буркнул что-то непонятное и жестом приказал Бальфусу следовать за ним к квартире губернатора. Аквилонец с интересом оглядывался по сторонам; у самых стен располагались казармы и конюшни, ближе к центру форта — жилые дома. В самом центре находился плац, на котором в мирное время проводилась муштра, а сейчас горели костры, и отдыхали свободные от службы солдаты. Все спешили к воротам, чтобы присоединиться к возбужденной толпе, собравшейся вокруг носилок. Здесь были и высокие фигуры аквилонских копьеносцев и лесных следопытов, и низкорослые мускулистые боссонские лучники.

Бальфуса не особенно удивило то, что губернатор принял их лично; аристократическое общество со своей чопорностью и замкнутостью осталось далеко на востоке от границы.

Валаннус был еще молодым, крепко сложенным человеком, с благородными чертами лица, которым, однако, труд и тяжелая ответственность уже придали хмурое выражение.

— Я слышал, ты оставил форт перед рассветом, — обратился он к Конану, — я уж боялся, что пикты, наконец, нашли тебя.

— Если пикты когда-нибудь будут коптить мой череп, об этом узнает вся река, а вопли пиктских женщин над убитыми будут слышны до самого Велитриума. Я был в разведке. Один. Слушал, что говорят барабаны за рекой.

— Они каждую ночь говорят, — напомнил губернатор, глядя на Конана и прекрасно понимая, что к словам этого человека необходимо прислушиваться.

— В последнюю ночь было что-то новое, — продолжил Конан. — Это началось с той минуты, когда Зогар Саг переправился обратно через реку.

— Надо было или щедро одарить его и отправить домой, или повесить, — вздохнул губернатор. — Ты предупреждал меня об этом, но...

— Нелегко вам, гиборейцам, понять обычаи границы, — ответил Конан. — Полно говорить об этом, но не будет мира на границе до тех пор, пока Зогар Саг жив и помнит тюрьму, в которую его бросили. Я шел по следу воина, который переправился через реку, чтобы сделать пару насечек на своем луке. И когда уже раскрыл ему череп, встретился вот с этим парнем. Его зовут Бальфус, он прибыл из Таурана, чтобы помочь нам удерживать границу.

Губернатор одобрительно окинул взглядом открытое лицо и крепкую фигуру молодого человека.

— Рад приветствовать тебя, молодой господин. Хотелось бы, чтобы сюда пришло побольше твоих земляков. Нам очень нужны люди, привычные к жизни в лесу. К сожалению, многие наши солдаты, да и поселенцы, пришли сюда из восточных провинций и ничего не знают не только о лесной, но и о крестьянской жизни.

— Таких полно и в Вилитриуме, — добавил Конан, — но слушай, Валаннус, мы нашли на дороге мертвого Тиберия...

В нескольких словах он рассказал всю эту печальную историю; Валаннус побледнел.

— Я не знал, что он ушел из форта. Для этого надо было сойти с ума!

— Он и сошел, — отрезал Конан. — Как и те четверо. Каждый из них, когда приходил его час, терял разум и бросался в лес навстречу смерти, как кролик, прыгающий в пасть удава. НЕЧТО вызывало их из глубины пуши, НЕЧТО, что люди именуют ЗОВ; да, пожалуй, это наиболее точное название. Но слышать его могут лишь люди, обреченные на смерть. Зогар Саг пустил в ход свои чары, против которых бессильна аквилонская цивилизация.

Валаннус ничего не ответил, лишь вытер лоб дрожащей ладонью.

— Солдаты знают об этом?

— Мы оставили тело у восточных ворот.

— Надо было скрыть это, оставить труп где-нибудь в лесу. Солдаты и так обеспокоены.

— Все равно узнали бы другим способом. Тело Сорактуса специально привязали к воротам с наружной стороны, чтобы наши люди увидели его утром.

Валаннуса передернуло. Он подошел к окну и долго молча смотрел на реку, черную блестящую в свете звезд. За рекой эбеновой стеной возносились джунгли. Тишину на мгновение разорвал далекий рев пантеры. Наступала ночь, голоса солдат под блокадом стали приглушеннее, один за другим гасли костры. Ветер что-то шептал среди черных ветвей, покрывая рябью мрачную поверхность реки. На его крыльях долетал какой-

то низкий пульсирующий звук, грозный, как чуть слышные шаги приближающегося леопарда.

— А вообще, — проронил наконец Валаннус, как бы разговаривая сам с собой. — Что знаем мы... Что знает хоть кто-нибудь о тайнах пуши? До нас доходят какие-то слухи об огромных реках и болотах, о лесах, о неизмеримых просторах и взгорьях, заканчивающихся на побережье Западного океана. Мы не осмеливаемся даже думать о том, что может таиться между рекой и океаном. Ни один белый человек, вошедший в эти дебри, не вернулся живым, чтобы рассказать об этом. Предель наших знаний здесь — на западном берегу этой старой реки. Кто знает, какие существа, земные или неземные, таятся за узким кругом, освещенным нашей наукой? Кто знает, каких богов чтут во мраке этого языческого леса, какие демоны выползают из черной трясины болот? Кто может иметь уверенность в том, что обитатели этой жуткой страны — существа нашего, привычного мира?.. Зогар Саг... Мудрецы из городов востока скорчили бы презрительную гримасу — но ведь он довел до безумия и убил пятерых мужчин способом, который никто не может понять. Иногда я задумываюсь над тем, а является ли он вообще человеком?

— Если бы я настиг его на расстоянии броска топора, сомнений бы больше не было, — проворчал Конан.

Не спрашивая разрешения, он налил вина и толкнул стакан Бальфу-су, который нерешительно посмотрел на губернатора.

Губернатор повернулся к Конану и задумчиво поглядел на него.

— Нет на свете ничего такого, чего бы не рассекла холодная сталь. Я метнул топор в этого демона; может, он и не причинил ему вреда — но ведь я мог и промахнуться в сумерках; может, ветка помешала. Я не сворачиваю с пути, чтобы разглядывать демонов, но и не уступаю дорогу, чтобы пропустить какого-нибудь из них.

Валаннус поднял голову и посмотрел Конану в глаза.

— От тебя сейчас зависит больше, чем ты можешь себе представить. Ты знаешь, что наша провинция — это острое, вошедшее в неукротимые дебри. Знаешь также — жизнь всех поселенцев западной границы зависит от существования форта. Если форт падет, окровавленные топоры разнесут ворота Велитриума раньше, чем всадник домчится до развалин форта. Его Величество — или советники Его Величества — игнорировали мою просьбу о подкреплениях. Они ничего не знают о местных условиях и противятся любым расходам на эти районы. Судьба пограничья полностью зависит только от людей, охраняющих его. Ты знаешь, что отозвана часть армии, которая покорила Конайохару. Знаешь, что силы, которые мне оставлены, недостаточны, особенно с тех пор, как этот дьявол Зогар Саг отравил наши запасы воды, и сорок человек погибло в один день. Из оставшихся есть много больных, или укушенных змеями, или раненых дикими зверями, которые сейчас особенно кишат

возле форта. Солдаты верят в похвалбу Зогара, что он может вызвать зверя, чтобы убить своего врага.

У меня три сотни копьеносцев, четыре сотни боссонских лучников и около пяти десятков искусных, хотя и не таких, как ты, следопытов. Каждый из них стоит десятка солдат, но и их слишком мало. Искренне тебе говорю, Конан, положение наше становится слишком серьезным. Солдаты потихоньку шепчутся о дезертирстве, они боятся, они верят, что Зогар наслал на нас демонов. Они боятся черной смерти — чудовищной черной смерти из болот. Когда я вижу больного солдата — я дрожу от страха — страха увидеть, как он чернеет, высыхает и умирает на моих глазах.

Конан, если зараза действительно падет на нас — солдаты дезертируют до последнего! Граница останется несохраняемой, и ничто не сможет сдержать натиск темнокожих орд до самых стен Велитриума, а, может, и дальше. Если форт падет, гарнизон не удержит город.

Конан, если мы хотим удержать Конайохару, Зогар Саг должен умереть. Ты проникал в пушу дальше, чем кто-либо другой, ты знаешь, где находится Ггавела, знаешь тропы за рекой. Можешь ли ты взять несколько человек и попытаться убить его или похитить? Знаю, что это безумие. Не больше одного шанса из тысячи за то, что кто-то из вас вернется живым. Но если мы от него не избавимся — смерть настигнет всех нас.

— Дюжина воинов здесь пригодится больше, чем полк, — подумав, ответил Конан, — пять сотен солдат не пробьются в Ггавелу и обратно, но дюжина может проскользнуть.

Но только я сам буду выбирать людей. Солдаты мне не нужны.

— Позволь мне пойти с тобой! — с горячностью воскликнул Бальфус. — В Тауране я всю жизнь охотился на оленей.

— Хорошо, Валаннус, мы подкрепимся там, где собираются следопыты, и я выберу подходящих людей. Выйдем через час. На лодке подплывем до места чуть ниже их деревушки и проберемся в нсе лесом. Если останемся в живых — вернемся на рассвете.

3. Крадущиеся во тьме

Река казалась широкой полосой тумана между нависающими стенами леса. Весла, толкающие лодку в тени восточного берега, производила шума не больше, чем осторожный клюв цапли. Могучие плечи воина, сидящего перед Бальфусом, отливали голубишной. Молодой человек понимал, что даже зоркий взгляд следопыта на носу не может различать путь далее, чем за несколько футов; но Конан вел лодку инстинктивно, благодаря отличному знанию реки.

Все молчали. Бальфус успел хорошо присмотреться к своим товарищам, прежде чем они незаметно вышли из-за палисада и направились к ожидавшей на берегу лодке. Это шли люди особого рода — люди границы, которых нужда заставила научиться лесному искусству. Вообще все аквилонцы западных провинций походили друг на друга; одевались в кожаные штаны, туники и козловые сапоги, на поясах у всех висели топоры и короткие мечи. Все они были отмечены шрамами, сосредоточены и жилисты, и взгляд их был холоден и тверд.

Но между суровостью аквилонцев и поведением Конана лежала пропасть. Дети цивилизации, очутившиеся у границ варварства впервые за тысячи поколений, они учились укрываться и скрытно подходить, он — родился с этим инстинктом. Он превышал их даже в умении двигаться. Волки — и тигр.

Бальфус восхищался следопытами, восхищался их вожаком и гордился собой — допущенным в подобное общество. Его весло производило не больше шума, чем их весла, но умение следопыта, вынесенное из охоты на оленей в Тауране, не шло ни в какое сравнение с навыками людей пограничья.

Ниже форта река описывала полную дугу. Скрылись из виду фонари постов, но еще с милю лодка шла вперед, избегая мелей и дрейфующих пней с невообразимой точностью. Потом, после короткого, едва слышимого бормотания Конана, лодка изменила курс и двинулась к противоположному берегу. Когда она вышла из тени густых зарослей на открытый фарватер — она стала видимой, но звездный свет был слаб, и Бальфус понимал, что лишь специальный наблюдатель способен заметить темный силуэт лодки. Они свернули под нависшие ветки западного берега, и Бальфус ухватился за выступающий корень. Никто не произнес ни слова. Все уже прозвучало до выхода из форта. Тихо, как большая пантера, Конан перемахнул через борт и исчез в зарослях. Так же тихо скрылись вслед за ним девять воинов. Бальфусу, который с веслом на коленях держался за корень, казалось невероятным, как могут девять здоровенных мужчин одинаково бесшумно нырять в незнакомую поросль. Юноша изготавился ожидать, и следопыт, оставшийся с ним, напряженно молчал. Бальфус знал свою задачу — ждать. Если же Конан со следопытами не вернутся к рассвету — плыть в форт и сообщить о том, что джунгли вновь собрали свою извечную жатву.

Тишина давила на уши, ни один звук не доходил из невидимого леса. Много часов молчали барабаны. Напрасно напрягал он зрение, бессознательно стараясь разглядеть хоть что-то в окружающем мраке. Дышать становилось все тяжелей из-за испарений реки и влажного леса. Где-то поблизости послышался звук, подобный плеску крупной рыбы. Корпус лодки слегка дрогнул, и Бальфус подумал, что рыба совсем рядом. Потом корма медленно отошла от берега — видимо, человек, державший выступ, бросил опору. Бальфус шепнул предупреждение, но темный силуэт

на корме не двигался. Мысленно обругав спящего, Бальфус ухватил его за плечо, и от его прикосновения тело товарища качнулось и бессильно сползло на дно лодки. С колотящимся сердцем Бальфус наклонился и ощупал следопыта. Лишь судорожно сжатые челюсти сдержали крик, когда юноша нащупал зияющую рану на горле. Горло следопыта было перерезано от уха до уха.

Бальфус глянул вверх, и тут же неведомая мускулистая рука тисками сжала его глотку. Лодка закачалась. Судорожным рывком Бальфус выхватил нож из-за голенища и стал яростно колотить наугад. Клинок утонул в мягком, сатанинский рев разорвал тишину, и мрак ожил. Со всех сторон откликнулся звериный вой, и множество рук ухватили юношу. Под массой тел лодка качалась с борта на борт, и прежде, чем она перевернулась, в голове Бальфуса вспыхнуло яркое пламя. А потом спустилась тьма, осветить которую не смогли даже звезды.

4. Звери Зогага Сага

Пламя вновь ослепило Бальфуса, и сознание медленно вернулось к нему. Молодой человек заморгал и затряс головой. Блеск ранил ему глаза. Вокруг мелькала некая странная смесь звуков, становившаяся все более выразительной по мере возвращения былой остроты чувств.

Бальфус с трудом поднял голову и огляделся. Его окружали черные силуэты на фоне пурпурных языков пламени. Память и понимание нахлынули внезапно. Он стоял, привязанный к столбу, окруженный странными и страшными фигурами. За ними горели костры, поддерживаемые нагими темнокожими женщинами. Дальше высились хижины, сплетенные из ветвей и обмазанные глиной, и частокол с широкими воротами. Все это различалось боковым зрением. Даже таинственные смуглые женщины с высокими прическами не вывели юношу из свособразного ступора. И внимание его привлекли мужчины, внимательно и молчаливо глядевшие на пленника. Мускулистые, широкоплечие, с могучей грудью и стройными бедрами, вся одежда их состояла из скудных набедренных повязок. Блеск огня выразительно оттенял рельеф напряженных мышц; и глаза крадущегося тигра блестели из бесстрастных масок. Руки сжимали топоры и мечи. Некоторые пикты были примитивно перевязаны, и кровавые полосы засохли на смуглой коже. Они недавно побывали в смертельном бою. Бальфус отвернулся от лиц победителей и вскрикнул в ужасе. В нескольких футах от него возвышалась отвратительная пирамида, сложенная из отрубленных голов; он увидел лица следопытов, ушедших с Конаном в пущу; но Бальфус не смог различить, есть ли там голова

киммерийца. Пирамиду составляло никак не менее десяти или одиннадцати голов. Тело охватила слабость, юноша с трудом подавил приступ рвоты. За пирамидой лежало полторы дюжины пиктских трупов. Это доставило молодому человеку жестокое удовольствие. Следопыты тоже собрали свой урожай.

Рядом с Бальфусом обнаружился еще один столб, к которому был привязан полуобнаженный человек. Кровь сочилась из разбитого рта, текла из раны на боку. Бальфус узнал одного из людей Конана. Следопыт с трудом выпрямился, облизал окровавленные посиневшие губы и спросил шепотом, едва различимым в реве пиктов:

— Тебя тоже достали?

— Подкрались по воде и перерезали горло часовому, — прохрипел Бальфус. — Мы не заметили их, пока дикари не свалились нам на голову. Во имя Митры, как можно двигаться столь тихо!

— Можно, — буркнул следопыт, — они — дьяволы. Должно быть, следили за лодкой, когда мы миновали середину реки. Вот и попали в ловушку... Прежде чем мы успели опомниться, стрелы уже сыпались со всех сторон. Большинство погибло сразу. Конан не виноват, да и у него оставалась возможность ускользнуть — с его-то реакцией... Во всяком случае, я не видел его головы. В общем, постов здесь не оставили, и мы бы благополучно дошли до деревеньки, да напоролись на большой отряд, идущий по реке с юга. Чертовщина, слишком много здесь пиктов! И не все из Гвалсы, есть и из западных племен, и с верховьев реки.

Бальфус глядел на дикие фигуры. Хотя и немного знал он о жизни пиктов, но понимал, что число находящихся здесь воинов никак не пропорционально размерам деревушки. Да и хижин, чтоб разместить всех, явно не хватало. И стала видна разница в боевой раскраске лиц.

— Дьявольщина, — бормотал следопыт, — может быть, они сошлись посмотреть на ворожбу Зога... Ну уж и выкинет он штучки над нашими трупами. Что ж, следопыт и не ждет смерти в кровати, но лучше уж кончиться в своей компании...

Вопли пиктов усилились. По толкотне в шеренгах Бальфус понял, что грядет приход важного лица. Повернув голову, юноша увидел, что столбы их вкопаны перед хижинкой, отличавшейся от остальных большими размерами и человеческими черепами под кровлей. У входа возникла танцующая фантастическая фигура.

— Зога! — вскрикнул следопыт, и черты его исказила гримаса лесного волка, попавшего в капкан. Бальфус увидел человека среднего роста, покрытого колышущимися креплениями. Перья удивили юношу. Он знал, что страусы водятся чуть ли не за полмира отсюда, на юге. Перья зловеще дергались и шушали от кривляний и прыжков шамана.

Продолжая танцевать, Зога вошел в круг и завертелся перед связанными пленниками. Другой на его месте выглядел бы смешным — глупый дикарь в дурацких перьях; но грозное лицо, выглядившее из массы украшений, придавало всей сцене зловещий вид. Не мог быть смешным

человек с таким лицом, и напоминал дьявола, кем и был на самом деле. Внезапно оперение дрогнуло и опало, и Зогар застыл на месте, подобно статуе. Шаман стоял прямо и неподвижно. Казалось, он растет и увеличивается до невероятных размеров.

Бальфус с трудом сопротивлялся иллюзии, что шаман презрительно глядит на них с высоты дерева, хотя и понимал, что Зогар невысок. Колдун начал говорить резким гортанным голосом, напоминающим шипение кобры. Он вытянул голову на длинной шее к раненому рядом с Бальфусом, глаза шамана засветились кровавым оттенком — и следопыт плюнул ему в лицо.

С сатанинским воем шаман отпрыгнул назад, а от рычания воинов дрогнули звезды. Толпа рванулась к человеку у столба, но Зогар остановил их и послал несколько воинов к воротам. Они открыли их и помчались обратно. Человеческий круг в отчаянной спешке разделился пополам. Бальфус обратил внимание, что женщины и голые дети укрылись в хижинах и выглядывают из дверей. Широкая аллея вела к открытым воротам, за которыми стоял черный лес, наступающий на освещенной пространство. Воцарилась полная тишина, когда Зогар Саг повернулся к лесу и, приподнявшись на цыпочках, послал в ночь страшный нечеловеческий призыв.

Где-то далеко, в глухих дебрях, откликнулось низкое рычание. Бальфус задрожал, когда понял, что звук этот исходит не из людской груди. Он вспомнил слова Валаннуса — будто бахвалился шаман, что способен вызывать зверей по своей воле. Под кровавой маской следопыт у столба выглядел трупно-бледным и спазматически облизывал губы. Деревня затаила дыхание. Зогар Саг не двигался, и лишь перья его колыхались. И внезапно ворота перестали зиять пустотой.

Вдох ужаса пронесся по деревне, люди стали в панике отступать, проталкиваясь между хижинами. Бальфус почувствовал приближение обморока. Зверь, стоящий в воротах, выглядел воплощением кошмарной легенды. Благодаря особенно блеклой масти, он казался призрачным и нереальным в полумраке створок, но ничего нереального не наблюдалось в низко опущенной огромной голове и гигантских кривых клыках. Дух прошлого крался на бесшумных кошачьих лапах. Пережиток древнейших мрачных времен, чудовищный людоед из забытых преданий — саблезубый тигр.

Зверь, медленно приближавшийся к привязанным людям, был длиннее и массивнее обычного полосатого тигра и силой мог сравниться с медведем. Плечи и толстые передние лапы спорили со львиными; страшные клыки торчали и низколобого черепа.

Мало было там мозга, да и инстинктов немного пылало в нем — кроме инстинкта уничтожения. Хищный каприз природы, забава эволюции, щедро раздающей когти и зубы. Вот какого урода призвал Зогар Саг из пущи.

Бальфус уже не сомневался в действенности его магии — лишь черное искусство способно обеспечить власть над таким зверем. Тихим шепотом родилось в сознании юноши имя божества тьмы и извечного страха, божества людей и зверей, дети которого, как тайно шептались в углях цивилизации, таятся в самых темных убежищах мира.

Тигр, не оглянувшись, миновал штабель тел и пирамиду голов. В своей жизни, посвященной убийству, он охотился только на живые существа. Диким голодом пылали желтые неподвижные зрачки, и не одним голодом пустого желудка, но и голодом по чужой смерти. Из разверстой пасти капала слюна.

Шаман отступил, и рука его указала на следопыта. Большой кот припал к земле. Зогар пронзительно закричал, и чудовище прыгнуло.

Бальфус не способен был представить этого прыжка — прыжка ожившей гибели, воплощенной в гигантский узел железных мышц и рвущих когтей. Тело зверя ударило в грудь следопыта.

Столб сломался у основания и рухнул на землю. Кривые когти разорвали тело в клочья, а мощные клыки пробили череп, как нож пробивает бумагу. Ременные узлы лопнули, и саблезубый исчез за воротами, унося отвратительные кровавые лохмотья, отдаленно напоминающие человека. Ворота опустели, и страшное рычание потрясло пушу, замирая в отдалении. Пикты по-прежнему неподвижно стояли между хижинами, а шаман глядел в сторону ворот, открытых для входа ночи.

Приступ рвоты потряс Бальфуса. Кто войдет теперь, чтобы превратить его тело в падаль?! И напрасно старался он разорвать ремни.

Черная и первобытная ночь давила на робкий круг света, и огни блестели факелами ада. Юноша почувствовал на себе взгляды пиктов — сотни голодных, жестоких глаз. Они не выглядели людьми — демоны черных джунглей, как и чудовища, покорные сатане в перьях.

Зогар послал в ворота следующий призыв, ничем не напоминающий первый. Шипение стлы в нем, и холод охватил Бальфуса.

Ответ не прозвучал, и в наступившей тишине Бальфус слышал биение собственного сердца. Потом за воротами возник шорох, шелест листьев, и в проеме показался удивительный силуэт.

Древние легенды... Снова в их ореоле узнал Бальфус создание, которое ползло, неся на высоте роста мужчины свою треугольную голову, величиной с голову лошади, и матово поблескивало извивающееся тело. Из пасти высовывался раздвоенный язык, и отсветы огня играли на острых клыках.

Бальфус перестал что-либо чувствовать; чудовищность судьбы парализовали его.

Древние звали огромную рептилию Призрачным Змеем, и был он ужасом ночей, проскальзывая в спящие хижины и пожирая целые семьи. Он душил жертвы, подобно питону, но зубы его содержали яд, несущий безумие и смерть. Змей этот тоже считался исчезнувшим — но Валаннус

оказался прав. Ни один человек городов не догадывается, какие существа способны обитать в Великой Пуще за Черной рекой.

Змей полз бесшумно, и толстая шея его отклонилась назад, готовясь к удару. Загипнотизированным, остекленевшим взглядом всматривался Бальфус в отвратительную пасть, которая должна была поглотить его, уже ничего не чувствуя, кроме приступов рвоты. А потом нечто блеснуло в свете пламени, нечто выстрелило из тени между хижинами, и огромное пресмыкающееся забилося в конвульсиях. Как во сне, видел Бальфус короткое копьё, пробившее шею чудовища ниже челюстей; наконецник торчал с одной стороны, древко — с другой.

Бешено извивающийся змей оказался в круге людей, и они подались назад. Копьё не сумело раздробить позвоночник, оно лишь пронзило плотные мышцы. От ударов хвоста свалилась дюжина воинов, нескольких человек обрызгал яд, жгучий, как огонь. Среди всеобщего визга, воплей и проклятий дикари бросились врассыпную, топча друг друга. Гигантский змей вкатился в костер, и боль умножила его и без того страшную силу. Под таранным ударом хвоста треснула и повалилась стена хижины, из валящегося помещения выскочили кричащие люди. Толпа неслась через костры, разбрасывая головни и искры, пламя погасло, и лишь слабый багровый отблеск освещал кошмарную сцену. Бальфус ощутил рывок у кисти и понял, что свободен; крепкая рука оттащила его назад. Ошеломленный Бальфус обернулся и увидел Конана, чью железную хватку и ощутил на своем плече. Кровь запеклась на кольчуге киммерийца, на лице и огромном мсче. Диким призраком казался он в лунном свете.

— Бежим! Пока они не опомнились!..

Бальфусу в ладонь скользнула рукоять топора. Конан тянул парня за собой, пока сознание молодого человека не прояснилось, а ноги не стали передвигаться самостоятельно. Тогда Конан отпустил его и вбежал в хижину, украшенную черепами. Бальфус устремился за ним. В хижине стоял слабо освещенный каменный алтарь, пять человеческих голов скалило зубы с него, и ужасающе знакомой выглядела самая большая — голова купца Тиберия. За алтарем высился идол, тусклый, невыразительный, звериный и одновременно человекоподобный. Страх сковал Бальфуса, когда фигура эта неожиданно встала, звеня цепями и протягивая к небу бесформенные руки. Мелькнул меч Конана, крушащий плоть и кости, и уже варвар тянул Бальфуса дальше, мимо извивающегося на полу лохматого тела, к заднему выходу. Выскочив из дверей, они оказались в двух шагах от частокола. За домом пиктской святыни господствовал мрак. Пикты не осмелились заглянуть сюда. Подле стены Конан остановился, и, как ребенка, поднял Бальфуса на высоту вытянутых рук. Бальфус уцепился за концы кольев, вскарабкался на них, не обращая внимания на содранную кожу, и протянул руку товарищу.

В это время из-за угла хижины возник бегущий пикт. Увидев человека на ограде, он застыл, как вкопанный. Конан метнул топор со смер-

тоносной точностью, крик тревоги, вырвавшийся из груди воина, оборвался, и пикт упал с раздробленным черепом.

Но крик был услышан. На секунду воцарилась тишина, потом раздался многоголосый ответный вопль, и около сотни воинов устремились к палисаду. Конан высоко подпрыгнул, схватил руку Бальфуса повыше локтя и подтянулся. Бальфус стиснул зубы, сдерживая крик боли, но Конан был уже наверху, и беглецы соскочили на другую сторону.

5. Дети Юхиббола Сага

— В какой стороне река? — Бальфус потерял ориентацию.

— К реке нам сейчас не пробиться, — буркнул Конан, — пуща между деревней и рекой кишит воинами. Вперед! Направимся туда, где нас ждут меньше всего — на запад!

Погружаясь в чащу, Бальфус оглянулся и увидел частокол, из-за которого торчали головы дикарей. Пикты выглядели ошарашенными. Поспешив к ограде отбивать атаку, они увидели тело убитого воина, но врагов не нашли.

Бальфус понял, что пикты еще не знают, что узник бежал. По доносившимся звукам он догадался, что воины под пронзительные команды шамана добивают взбесившегося змея. Через минуту тон криков изменился. Раздались вопли бешенства. Конан угрюмо рассмеялся. Ведя Бальфуса по узенькой тропинке на запад, он бежал так быстро и уверенно, словно перед ним расстиралась широкая освещенная дорога. Бальфус с трудом поспевал за варваром, оглядываясь на зеленые стены леса.

— Теперь они пойдут за нами. Зогар видел, что моей головы нет в куче перед храмом... Пес! Жаль, не нашлось второго копья! Тропы придерживайся, не суетись... При блеске факелов нас трудно выследить, а из деревни ведет по меньшей мере дюжина тропинок. Сначала они кинутся к реке и растянут кордон воинов на пару миль вдоль берега, рассчитывая на нашу попытку пробиться. Дудки, мы не свернем с тропы, пока нас не вынудят к этому. Ну а теперь, Бальфус, беги так, как никогда не бегал раньше.

— Быстро же они опомнились, — вздохнул Бальфус, ускоряя бег.

— Они ничего не боятся слишком долго, — ответил Конан.

Некоторое время они бежали молча. Бальфус ни минуты не сомневался в правильности решений киммерийца. Через некоторое время Конан заговорил опять.

— Когда уйдем достаточно далеко от селения, сделаем крюк и свернем к реке. Другой деревни нет на много миль от Гвавелы, а все пикты

собрались вокруг нее. До рассвета на нас не выйдут, а мы к тому времени уже свернем с тропы в лес.

Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы Бальфуса. Он чувствовал сильную боль в боку, бег превращался в мучение.

Внезапно Конан остановился, обернулся и внимательно прислушался.

— Свернем в лес? — прохрипел Бальфус.

— Дай мне свой топор, — тихо прошептал Конан.

— Может быть, оставим тропу?

Конан замотал головой и втянул товарища в кусты. Взошла луна, освещая тропу слабым светом.

— Мы не можем драться с целым племенем, — шепнул Бальфус.

— Человек не смог бы так быстро напасть на наш след и так быстро идти по нему. Молчи!

Наступила грозная тишина, и Бальфусу казалось, что прерывистый стук его сердца разносится на много миль вокруг. Потом внезапно, без единого звука, на тропинке показалась голова зверя. Сердце Бальфуса заколотилось еще сильнее, в диком предчувствии силуэта саблезубого. Но эта голова была меньше, и принадлежала она леопарду, молча обнажившему клыки и обнюхивающему дорогу. К счастью, слабый ветерок дул в сторону спрятавшихся людей. По спине Бальфуса поползли мурашки — хищник несомненно преследовал их. Подозрительно целеустремленный леопард поднял узкую морду, глаза его блеснули желтым огнем; хищник глухо зарычал.

В это мгновение Конан метнул топор. Вся сила могучего плеча вложилась в стремительный бросок, и полоска серебра сверкнула в лунном свете. Еще не успев до конца осознать происходящее, Бальфус увидел конвульсивно корчащегося леопарда. Рукоять топора торчала из черепа. Конан выскочил из зарослей, выдергивая оружие, и втаскивая убитого зверя в кусты, пряча его от случайных взглядов.

— Теперь вперед и быстро! — бросил он, сворачивая на юг от тропы, — воины шли за этим котом. Как только разум вернулся к шаману, Зогар послал его за ними. Пикты, бегущие за хищником, отстали, а он кружил у деревни, пока не напал на след. Они идут, вслушиваясь в его рычание. Ха! — вряд ли они еще раз услышат его, но зато увидят кровь на траве и пададь в кустах. К сожалению, тогда же они увидят и наши следы. Так что иди осторожнее.

Без всяких усилий уклоняясь от колючих кустов, Конан скользил между деревьями, не касаясь стволов и ступая в самые укромные места. Для Бальфуса подобная прогулка была мучительной.

Ни один звук не раздавался за их спиной. Пройдя около мили, Бальфус вновь открыл рот:

— Разве Зогар Саг способен хватать леопардов и делать из них гончих псов?

Конан покачал головой:

— Этого он вызвал из пуши.

— Но, — настаивал Бальфус, — если он способен приказывать животным, отчего бы ему не послать весь лес в погоню за нами?!

Некоторое время Конан молчал, после ответил — но крайне неохотно:

— Не всем зверям может приказывать шаман, а лишь помнящим Юхиббола Сага.

— Юхиббол Саг, — Бальфус с удивлением повторил древнее имя. Три или четыре раза за свою жизнь он слышал его от стариков.

— Было время, когда его призывали все живущие существа. В те времена люди и звери говорили на одном языке. Все забыли: и люди, и звери. Немногие помнят. Помнящие Юхиббола Сага — братья, они имеют общую речь.

Бальфус ничего не ответил; в памяти своей он мучился у пиктского столба и видел, как пуца шлет своих детей по зову шамана: жуткие зубастые кошмары.

— Люди цивилизации смеются, — тем временем продолжал Конан, — но никто из них не способен объяснить, каким образом Зогар Сага зовет из пуши питонов, тигров и леопардов, заставляя их покоряться своей воле. Таков нелепый обычай городских — не хотят верить в то, чего не может объяснить их недоношенная наука.

Тауранский люд был ближе остальных аквионцев к необычному, живы были обычаи, укоренившиеся в древности. А Бальфус повидал многое, от чего кровь стыла в жилах, и не мог возразить против правды в словах варвара.

— Я слышал, что где-то здесь находится древняя роща, посвященная Юхибболу Сагу, — говорил Конан, — но я не нашел ее. Роща эта помнит зверей больше, чем я видел за всю свою жизнь.

— Теперь они пойдут по нашему следу?

— Уже пошли, — спокойно ответил Конан. — Зогар не поручит поиски одному зверю.

— Что же нам делать? — с тревогой спросил Бальфус, сжимая топор и вглядываясь в своды листвы, ожидая появления рвущих когтей и клыков.

— Погоди! — Конан неожиданно встал на колени и стал чертить на земле какой-то странный знак.

Наклонившись и выглядывая из-за широкого плеча, Бальфус задрожал, сам не зная отчего. Ветра не было, но листья качнулись над ними, и злобный стон пробежал по ветвям. Конан загадочно посмотрел вверх, потом встал и хмуро покосился на нарисованный символ.

— Что это? — шепнул Бальфус. Рисунок казался ему архаичным и непонятным. Он думал, что лишь неосведомленность мешает ему распознать один из обычных знаков доминирующих культур. Но будь на его месте образованный художник — и он ни на шаг не приблизился бы к пониманию.

— Я видел этот знак на камне пещеры, где миллионы лет не ступала человеческая нога, — проговорил Конан, — среди необитаемых гор за морем Вилайет, за полсвета от пуши. Позднее видел, как черный музыкант из страны Куш чертил его на песке у безымянной реки. Он сказал мне, что знак принадлежит Юхибболу Сагу и созданиям, признающим его. Смотри!

Они спрятались в густой зелени кустов и молча ждали. На востоке рокотали барабаны, и гул с севера и запада доносился, как ответ этому призыву. Бальфус похолодел, хотя понимал, что много миль отделяет его от обнаженных мужчин, бьющих в барабаны, глухой грохот которых служил ужасной увертюрой грядущей кровавой драмы.

Бальфус ощутил, что подсознательно сдерживает дыхание. Потом заросли расступились, и вышла великолепная пантера. Полосы лунного света, проникающего сквозь крышу ветвей, играли на ее блестящей шкуре, под которой легко перекатывались звериные мышцы.

Она шла в их сторону, низко опустив голову и обнюхивая след. Вдруг животное остановилось, почти касаясь ноздрями знака. Несколько минут зверь стоял неподвижно, и вдруг длинное тело распласталось на земле перед знаком, склоняя хищную голову. В позе хищника сквозил страх и бесконечное обожание. После пантера приподнялась и, касаясь земли брюхом, отползла назад. Она повернулась, как бы охваченная паникой, и исчезла в лесу. Дрожащей рукой Бальфус стер пот со лба и посмотрел на Конана. Глаза варвара сияли огнем, который никогда не вспыхивал во взгляде человека, вскормленного молоком цивилизации. В эти минуты варвар был абсолютно дик и забыл о существовании человека рядом с ним. В горящем взоре киммерийца Бальфус увидел первобытные видения и полуреальные воспоминания; тени рассвета жизни, отброшенные развитыми расами — приведения, не названные и безымянные.

А спустя мгновение огни погасли, и Конан молча углубился в лесные дебри.

— Зверей больше не стоит бояться, — сказал он.

— А людей? Ведь мы оставили знак, который они могут прочесть.

— Им нелегко будет выйти на след без помощи животных, и до знака пикты не будут уверены в том, что мы свернули на юг. Хотя лесные тропинки кишат воинами, ищущими нас; поэтому днем идти нельзя. Как только отыщем укромное место — пересидим там и дождемся ночи. Тогда повернем и пойдем пробиться к реке — надо предупредить Валаннуса. Если мы дадим себя убить, то ничем ему не поможем.

— Предупредить Валаннуса?!

— Да. Дьявольщина! Лес у реки кишел пиктами — вот почему нас достали. Воснные черты Зога — не просто нападение. Он добился того, чего на моей памяти не добивался ни один пикт — он объединил до шестнадцати кланов. Все дело в магии — за колдуном пойдут дальше, чем за вождем. Ты видел толпу в деревне, но есть еще сотни туземцев на побережье. И легионы их движутся из дальних селений. Наберется никак

не менее трех тысяч... Я лежал в кустах и слышал разговор проходящих мимо — они хотят ударить по форту, но время выступления неизвестно. Впрочем, Зогар не станет долго ждать. Он собрал их, довел до безумия, и если час битвы отдалится — все перегрызутся между собой. Племена подобны тиграм, ошалевшим от запаха крови.

Я не знаю, возьмут форт или нет, но, так или иначе, мы должны переправиться через реку и предупредить их. Поселенцы возле велитрийской дороги обязаны укрыться в форте или бежать в Вилитриум. Когда пикты осадят форт, остальные их отряды прочешут дорогу далеко на восток — вплоть до Реки Молнии, не исключая густозаселенный район Велитриума.

Говоря это, Конан все углублялся в девственную чащу. Наконец, он удовлетворенно хмыкнул. Беглецы дошли до места, где поросль была редко, и появлялся ведущий к югу скальный гребень. Бальфус почувствовал себя спокойно — даже пикт не обнаружил бы их следов на голом камне.

— Хочу спросить тебя, Конан: как тебе удалось уйти?

Киммериец похлопал себя по кольчуге и шлему.

— Если бы пограничники чаще носили такое железо — меньше черепов висело бы в храмах пиктов. К сожалению, большинство мужчин слишком шумят, надевая подобное снаряжение. Нас ждали по обеим сторонам тропы, а когда пикт стоит неподвижно — его не заметит даже идущий мимо зверь. Они обнаружили нашу переправку и выбрали точное место. Если бы засада скрывалась в месте причала, я бы догадался о ней. Но там и лист не дрогнул. Сам дьявол прошел бы рядом. У меня проснулись подозрения лишь от шуршания — так шуршит стрела при натягивании тетивы. Сам я упал и людям крикнул, чтоб ложились, но действовали они слишком медленно, вот и взяли их врасплох. Большинство наших погибло от первых же стрел. Хотя часть из них угодила в пиктов на противоположной стороне тропы — я слышал их визг.

Лицо варвара искривилось в ядовитой улыбке.

— Пережившие обстрел бросились в схватку. Сам я с трудом пробился и, не обращая внимания на павших пленных, в темноте ушел от размалеванных дьяволов. Пикты были повсюду. Клянусь Кромом, я крался и полз на брюхе, как гнусный шакал! Хотел сначала пробиться к реке, но догадался о засаде. В общем-то, вернее было прорубить себе дорогу и попытаться счастья вплавь — но тут зарокотали барабаны в деревне, и я понял, что кто-то взят живым. Их так увлекло колдовство Зогара, что мне удалось перелезть через частокол у храма. Это место стерег один воин, но он тоже из-за угла смотрел на церемонию. Я свернул ему шею прежде, чем он понял, что происходит. Копье воина я бросил в змея, а топор держу сейчас в руке.

Бальфуса передернуло.

— А что это... та бестия, которую ты убил в храме?

— Один из богов Зогара. Потомок Юхиббола, которых надо держать прикованными к алтарю. Обезьяна-бык. Пикты посвятили ее волосатому божеству Луны — божественной горилле Гуллах.

Конан огляделся.

— Светает. Хорошее место для укрытия. Все равно придется ждать ночи, чтоб идти к реке.

Перед ними вздымалось невысокое взгорье, опоясанное рощами и мелкой порослью кустов. Конан скользнул в лабиринт небольших скал, где путники могли укрываться и наблюдать за местностью, оставаясь при этом невидимыми. Бальфус все еще вздрагивал при мысли о зверях Зога и сомневался в действенности оставленного знака. Но Конан уже забыл о происшедшем.

Мрак меж ветвей посветлел, видимые кусочки неба сменили оттенок с фиолетового на голубой. Бальфус ощутил терзающие его когти голода, хотя жажду они утолили у ближайшего ручья.

Стояла полная тишина, изредка прерываемая писком какой-то птицы. Память Бальфуса вернулась к сцене перед храмом.

— Перья страуса на теле шамана... я видел их на шлехах восточных рыцарей, когда те навещали баронов приграничья. А в пуще страусы не водятся, не так ли?

— Они из Куш, — ответил Конан. — Это далеко отсюда. На западе лежит берег моря — корабли зингарцев приходят туда и торгуют с прибрежными племенами. Оружие, украшения и вино за шкуры, медную руду и золотой песок. Иногда торгуют и страусовыми перьями, полученными от стигийцев, а те, в свою очередь, покупают их у черных племен Куш, к югу от Стигии. Пиктские шаманы хорошо за них платят, да торговля слишком рискованна. У пиктов есть дурная привычка: сначала пытаться завладеть торговым кораблем бесплатно. Я плавал у побережья с пиратами Барраха, острова к юго-западу от Зингары.

Бальфус с удивлением глянул на товарища.

— Я так понимаю, что не всю жизнь ты провел на границе. В словах твоих упоминалась парочка весьма далеких мест. Ты много странствовал?

— Да — и дальше, чем кто-либо из моего племени. Я видал все крупнейшие города гиборейцев — а также шемитов, стигийцев и гирканцев. Бывал в неизвестных странах к югу от черной Куш, и к западу от моря Вилайст. Капитан наемников, корсар, бродяга без гроша, генерал — дьявольщина! Я был всем, кроме короля цивилизованной страны, но возможно побуду и им перед смертью.

Мысль эта доставила Конану удовольствие. Он пожал плечами и вытянулся на скале во весь рост.

— Собственно, и эта жизнь не хуже иной. Не знаю, долго ли я проторчу на границе: неделю, месяц, год. Бродяжная у меня натура. А граница... Ну что ж, пусть пока граница.

Бальфус напряженно всматривался в простирившийся внизу лес, ожидая появления в листве страшных раскрашенных лиц. Но время шло, и ничья крадущаяся поступь не нарушала тишины. Бальфус решил, что пикты потеряли след и прекратили погоню. Но беспокойство Конана возрастало.

— Мы должны обнаружить отряды, которые прочесывают лес за нами. Если погоня отложена, значит, они нашли лучшую добычу. Они вполне способны переправиться через реку и ударить на форт.

— Если они потеряли след, то зачем пойдут так далеко на юг?

— След утерян, иначе эти дьяволы сидели бы у нас на шее. В обычных условиях заросли давно были бы прочесаны — и хотя бы парочку мы увидели бы сверху. Значит — переправа. И мы должны рискнуть и пробиваться к реке.

Спускаясь по скалам, Бальфус испуганно оглядывался в ожидании лавины стрел, готовый вылететь из листвы. Но убежденность киммерийца в отсутствии врагов подтвердилась.

— Мы далеко на юге и двинемся к реке. Не знаю, где враги, но надеюсь, что мы дальше.

Поспешность, с которой они двинулись на восток, казалась Бальфусу неразумной, но лес выглядел вымершим. Конан считал, что все пикты собрались у Гвавелы в преддверии переправы: но он не верил, что они решатся на это днем.

— Кто-нибудь из следопытов обязательно увидел бы их и поднял тревогу. Так что пойдут они выше или ниже форта. Потом оставшиеся сядут в лодки и двинутся на частокол у воды. И когда штурм начнется, спрятавшиеся в чаще атакуют форт с восточной стороны. Пробовали они и раньше нечто подобное, но оставались с дырявыми брюхами и выпущенными кишками. Только сейчас у них хватает, наконец, людей, к нашему сожалению.

Они шли без задержки, хотя Бальфус с тоской поглядывал на снующих по деревьям белок, так соблазнительно подбегающих на бросок топора. Парень со вздохом затянул свой широкий пояс. Вечная тишина и мрак первобытного леса угнетали его.

Он поймал себя на том, что в воспоминаниях все чаще возвращается к перелескам и солнечным лугам Таурана, к отцему дому с остроконечной двускатной крышей и алмазно искрящимися окнами.

Перед его глазами проходили стада жирных коров, жующих сочную густую траву, и компании пастухов с обнаженными загорелыми руками. Несмотря на присутствие товарища, Бальфус чувствовал себя одиноким. Конан был в той же степени своим в пуще, насколько Бальфус — посторонним. Киммериец мог провести годы в больших городах, шагать рядом с владыками, он способен был даже стать королем государства — всякое случалось под луной! — но Конан никогда не перестал бы в душе оставаться варваром, и лишь простейшие законы жизни интересовали его. Для Конана не имели значения теплота и сердечность, сантименты и банальности городов. Волк остается волком, даже если судьба забросит его в стаю цепных псов. Кровопролитие, насилие и жестокость являлись неотъемлемыми звеньями образа жизни киммерийца; он не понимал, да и не мог понять милых мелочей, столь дорогих цивилизованным мужчинам и женщинам.

Тени заметно удлинились, когда беглецы достигли реки и выглянули из зарослей. Поверхность реки казалась пустынной. Конан посмотрел на противоположный берег.

— Теперь надо рискнуть. Может, тот лес кишит пиктами, но переправиться необходимо. Мы примерно в шести милях от Гвавелы...

Внезапно он согнулся, услышав звон тетивы. Стрела белой полосой света скользнула сквозь кусты. Тигриним прыжком Конан пересмахнул поросль, и Бальфус увидел блеск и услышал предсмертный крик. Он кинулся за варваром.

Пикт с проломленной головой лежал на траве, его пальцы еще судорожно царапали землю. Полдюжины остальных туземцев клубились вокруг Конана с поднятыми мечами и топорами; непригодные к рукопашному бою луки отлетели в сторону.

Щеки нападающих были раскрашены белой краской, резко контрастирующей с темной кожей лица; узор на мускулистой груди отличался от ранее виденного Бальфусом. Один из пиктов швырнул свой топор в молодого человека. Бальфус уклонился и перехватил возникшую руку со стилетом. Сражающиеся упали на землю. Пикт выл диким зверем; Бальфусу приходилось напрягать последние силы, чтобы не выпустить вооруженную руку врага и пустить в ход топор — но пока все попытки заканчивались неудачей. Пикт бешено вырывался, судорога свела его пальцы на топоре Бальфуса, и колено методично било в живот, изголодавшийся живот молодого человека. Внезапно пикт попытался перебросить стилет в левую руку, и как раз в этот момент, с трудом приподнявшись, Бальфус разбил его раскрашенный череп.

С трудом встав, Бальфус стал искать взглядом товарища, содрогаясь от мысли о том, что увидит его побежденным. И лишь тогда понял он, насколько грозен киммериец в бою. Двое нападавших уже лежали разрубленными до пояса; на глазах Бальфуса Конан избежал лезвия топора, нырнул под меч и очутился рядом с воином, нагибавшимся за луком. Меч варвара обрушился на хребет пикта, застряв в широких костях грудины. Летящий топор Бальфуса уложил бегущего дикаря, и Конан повернулся к последнему — повернулся с голыми руками. Широкоплечий и низкорослый пикт прыгнул, отпуская топор и одновременно выхватывая нож. Но рука с топором увязла в железной хватке Конана, а нож сломался о кольчугу. Бальфус услышал треск костей. В следующее мгновение киммериец поднял врага над головой и ударил оземь с такой силой, что тело несколько раз перевернулось, пока замерло неподвижно.

— Пошли! — Конан высвободил свой меч и поднял топор. — Бери лук, пригоршню стрел и бежим! Крики они явно слышали, значит, будут здесь через минуту. И если мы рискуем переправляться в этом месте, то нас настигнут стрелами раньше, чем мы доплывем до середины!

6. Кровавые топоры пограничья

Конан не углублялся в лес. Через несколько сотен шагов он сменил направление и побежал параллельно берегу. Бальфус понял — киммериец не хотел далеко отходить от реки, переправившись через которую он намеревался предупредить гарнизон форта. За спиной все громче раздавались вопли лесного люда. Бальфус уверился в том, что пикты достигли полянки, где произошло побоище. Следующая порция криков обозначила начало погони. След, оставленный беглецами, был ясен для любого туземца. Конан увеличил скорость, и угрюмо стиснувший зубы Бальфус держался за ним, чувствуя, что каждую минуту может потерять сознание. Казалось, минули столетия с тех пор, когда он ел в последний раз; и лишь усилие воли двигало его ногами. Кровь так неистовствовала в ушах, что он не успел сориентироваться, когда вопли за спиной смолкли.

Конан внезапно остановился, и Бальфус в изнеможении привалился спиной к дереву, тяжело дыша.

— Отстали! — проговорил глядевший исподлобья варвар.

— Подкрадываются?... К нам?! — выдохнул Бальфус.

Конан покачал головой.

— Когда погоня коротка, как сегодня, дьяволы верещат на каждом шагу. Вернулись, отстали... Кажется, кто-то орал за их спинами как раз перед тем, как они замолчали. Отозвали их. Для нас это хорошо, а вот для гарнизона... значит, воинов собирают из пущи для штурма. Напавшие на нас из племен, живущих у истоков реки, они шли в Гвавелу, чтоб присоединиться к нападению на форт. Проклятье! — Мы обязаны переправиться через реку!

Свернув на запад, киммериец поспешил сквозь чащу, не делая ни малейших попыток скрыться. Бальфус устремился за ним, впервые чувствуя боль в руке и груди, куда ранили его острые зубы пикта. Молодой человек как раз продирался через береговые заросли, когда Конан оттянул его назад. Послышался ритмичный плеск, и в щели между ветками показалась плывущая против течения долбленка. Единственный сидящей в ней воин усиленно работал веслом, борясь с течением. Это был крепко сложенный пикт с белым пером цапли, прижатым к спутанной гриве волос медным обручем.

— Человек из Гвавелы, — прошептал Конан, — посланец Зогара. На нем белое перо гонца. Он нес слово мира истокам реки, а теперь хочет успеть приложить лапы к резне.

Одинокий эмиссар уже возник на уровне их убежища, когда Бальфус чуть не подпрыгнул, услышав у самого уха жесткий гортанный говор пиктов. Лишь секунду спустя он сообразил, что Конан обращается к гребцу на его наречии. Человек в лодке вздрогнул, глянул на берег,

крикнул что-то в ответ и, низко склонившись, повел лодку к западному берегу. Все еще не до конца понимая происходящее, Бальфус, ошарашенный резкой сменой событий, почувствовал, как Конан берет из его рук взятый на поляне лук и накладывает стрелу.

Пикт подошел совсем близко к берегу и вновь крикнул. Ответ прозвучал шелчком тетивы, и стрела по самое оперение вошла в широкую грудь. Со сдавленным стоном воин согнулся и рухнул в воду. Конан мгновенно бросился в реку, подхватывая лодку. Еще не пришедший в себя от изумления, Бальфус проковылял за ним, карабкаясь на борт. Конан взгромоздился на корму и направил лодку к восточному берегу. С завистью наблюдал Бальфус игру могучих мышц под загорелой кожей; варвар казался ему человеком, не ведающим усталости.

— Что ты сказала пикту? — спросил он у киммерийца.

— Чтобы пристал к берегу, потому что на другой стороне его хочет подстрелить белый следопыт.

— Не совсем честно... Он-то думал, что его зовет друг. Но говорил ты на их языке отлично...

— Лодка нужна, — буркнул Конан, не переставая грести. — Это был единственный способ приманить его к берегу. Лучше обмануть пикта, готового содрать с нас шкуру, чем подвести людей, жизнь которых зависит от нашей с тобой расторопности!

Несколько минут Бальфус размышлял над деликатностью этой этической проблемы, затем пожал плечами:

— Как далеко мы от форта?

Конан указал на ручей, впадавший в Черную реку на расстоянии выстрела из лука.

— Это нужный ручей. От его устья до форта девять миль. С этой стороны нападение не грозит. Другая граница — северный ручей, девять миль выше форта. И за ним болота. Вот почему штурмующие пойдут от Черной реки. Конайохара подобна копьё с наконечником в девять миль шириной, погруженному в пиктскую пущу.

— А почему бы нам не остаться в лодке и не проплыть оставшийся путь?

— Потому что нас задерживает борьба с течением, да и поворотов слишком много. Пешком быстрее, кроме того, Гавела лежит южнее форта, и если пикты станут переправляться — мы попадем прямо им в лапы.

Сумерки опустились, едва они пристали к восточному берегу. Без малейшей задержки Конан двинулся вперед; Бальфус с трудом поспевал за ним, проклиная гудящие ноги.

— Валаннус хотел построить форты у устьев ручьев. Прав был, умница... всю реку можно было стеречь. Да правительство не согласилось. Жирные глупцы! Сидят на бархатных подушках, а голые девки им вино на коленках подносят... Знаю я их! Дальше дворцовой стены ничего не видят, дипломаты!.. Ад бы их поглотил! Хотят победить пиктов.

теориями, об этой, как ее... территориальной экспансии. А Валаннус и ему подобные вынуждены подчиняться приказам банды выживших из ума идиотов. Им так же удастся захватить ликтские урочища, как и восстановить Вснариум! И придет время, когда они увидят варваров под стенами восточных городов!

Неделю назад Бальфус бы рассмеялся от таких пророчеств, но сейчас он ничего не сказал. Вздвогнув, он бросил взгляд на реку, едва различимую в просвете зарослей, на колоннаду деревьев у берега; он предполагал, что ликты уже переправились и теперь устроили засаду между ними и фортом.

Еле слышимый шорох впереди заставил сердце Бальфуса бешено заколотиться. Меч Конана блеснул в воздухе и медленно опустился, когда из кустов выбралась огромная, тощая, вся покрытая шрамами собака и стала всматриваться в идущих людей.

— Клянусь Кромом! Это же пес поселенца, строившего дом у реки, на пару миль южнее форта! Ясное дело, его убили, а дом сожгли. Но не сейчас, раньше. Мы нашли труп на пепелище, а пес валялся рядом полумертвый, между тремя ликтами, которых он загрыз. Мы забрали его в форт, выходили, но он потом удра! в пущу и одичал. Ну как, Грызун, ищешь убийц своего хозяина?

Собака не зарычала и не оскалила зубы. Тихо, как призрак, она встала между ними.

— Пошли, — согласился Конан. — Он почует дьяволов раньше, чем мы их увидим.

Бальфус усмехнулся и ласково погладил загривок задрожавшей собаки, давно забывшей, что такое ласка. После этого пес рванулся вперед. Сумерки сменились полной темнотой.

Ми!и таяли под спотыкающимися ногами; собака казалась немой. Но внезапно пес застыл на месте с настороженными ушами. Потом люди услышали далеко впереди слабые отголоски демонического визга.

Конан яростно выругался:

— Опоздали! Штурмуют форт! Быстрее...

Они побежали, доверяя чутью Грызуна на засады. Бальфус забыл о голоде и усталости. По мере их продвижения вопли их усиливались, уже стали различимы команды и крики солдат. Конан бежал от реки по широкой дуге, которая привела их на вершину небольшого холма. Отсюда панорама сражения просматривалась поверх деревьев; стал виден форт, освещенный мерцающим светом фонарей на длинных шестах. На краю поляны бесновалась толпа нагих разрисованных фигур. Река кишела челнами. Форт был полностью окружен. Град стрел из леса обрушивался на частокол. С волчьим воем пара сотен обнаженных воинов с топорами мчалась к восточным воротам. Они оставались на расстоянии ста пятидесяти шагов от цели, когда залп защитников форта устал землю трупам, а остальные поспешно отступили под защиту деревьев.

Люди в лодках направили свои суденышки на береговые укрепления, но их встретили камни и бревна башенных баллист. Полдюжины лодок утонули, неповрежденные вышли из зоны поражения. Рев триумфа раздался со стен, встреченный злобным завыванием.

— Попробуем пробиться? — спросил Бальфус, дрожа от возбуждения.

Конан отрицательно качал головой. Он стоял, сложив руки, угрюмый и задумчивый.

— Форт пропал, конец. Дикари впали в боевое безумие и не остановятся, пока не убьют всех. А пиктов слишком много, слишком. Пробиться не сможем, да и зачем? Чтобы умереть рядом с Валаннусом?

— Так что, будем спасать собственные задницы?!

— Да. Чтобы предупредить поселенцев. Ты понимаешь, почему пикты даже не пытаются сжечь форт горящими стрелами? Не хотят, мерзавцы, чтобы пламя напугало людей на востоке. Они разнесут форт и двинутся на восток прежде, чем кто-либо догадается о падении форта. В конце концов, они способны перейти Реку Молнии и взять Велитриум. Но уж наверняка вырежут всех живых на этих территориях. Не удалось нам предупредить гарнизон... Но, в любом случае, это ни к чему бы не привело. Еще несколько таких атак — и пикты разобьют ворота. Но предупредить поселенцев в стороне Велитриума мы все же можем. Идем!

Они пошли, слыша в полях дикарей растущие нотки близкой победы. И восточная дорога открылась перед ними, прежде чем Бальфус догадался об этом.

— Теперь бегом! — бросил Конан.

Бальфус стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, да добрых пять до Скальпова ручья, где начинались первые поселения.

Аквилонцу казалось, что они целую вечность сражаются и бегут, бегут и сражаются, но кипящее в крови возбуждение позволяло делать последние нечеловеческие усилия.

Грызун бежал перед ними, низко опустив голову. Он глухо зарычал, и это был первый звук, услышанный от него. Конан опустил на одно колено и глянул вперед.

— Пикты. Не знаю сколько, но отряд небольшой. Не могли дожидаться взятия форта — решили застать поселенцев в кроватях. Бежим!

Через несколько минут сквозь деревья пробилось зарево, и послышался дикий вой. Дорога поворачивала, и они побежали напрямик, через лес. Отвратительная сцена предстала перед их глазами. На дороге стоял воз с убогим скарбом. Он горел. Быки лежали с перерезанными глотками. Неподалеку валялись изуродованные тела мужчины и женщины.

Пятеро пиктов с окровавленными топорами исполняли фантастический танец, с головокружительными прыжками и пируэтами. Один из воинов истоптанно размахивал разорванной женской рубашкой.

Багровый туман поплыл перед глазами Бальфуса. Он поднял лук, целясь в танцующий силуэт, черный на фоне пламени, и спустил тетиву.

Грабитель конвульсивно подпрыгнул и упал с пробитым сердцем. А потом на ошеломленных дикарей свалились двое белых мужчин и собака. Конана вдохновлял дух борьбы и старая расовая ненависть. Бальфуса вел гнев.

Первого пикта, вставшего на его пути, Бальфус встретил жестоким ударом и, перепрыгнув через труп, кинулся на остальных. Но Конан уже убил одного из воинов, и прыжок аквилонца запоздал. Еще один пикт рухнул, пронзенный длинным мечом киммерийца. Бальфус повернулся к последнему, но над его телом стоял Грызун с окровавленной пастью.

Немой Бальфус смотрел на тела, лежавшие у горящего воза. Оба были молоды, она — почти ребенок. По страшной иронии судьбы, пикты не тронули ее лица, и даже в смертной муке оно было прекрасным. Но юное тело покрывали порезы от острых ножей и черные кровоподтеки. Бальфус с трудом проглотил слюну. Ночная трагедия совершенно обессилила его. Хотелось плакать упасть, упасть на землю и грызть траву.

— Какая-то молодая пара, решившая зажить собственным домом, — сказал Конан, бесстрастно вытирая меч. — На полпути к форту их встретили пикты. Парень намеревался стать воином или взять землю в верховьях. Ну что ж, такая судьба ждет каждого по эту сторону реки, если мы не загоним их в Велитриум.

Бальфус вновь устремился за Конаном, и колени его дрожали. В легком пружинистом шаге киммерийца не наблюдалось ни малейших следов усталости. Между ним и большим худым зверем, бежавшим рядом, существовало некое глубинное подобие. Грызун уже не рычал. Дорога перед ними была свободна. Еле слышно доносились крики из-за реки, но Бальфусу хотелось верить, что форт еще держится.

Неожиданно Конан остановился и выругался. Он указал Бальфусу на колею, ведущую на север от дороги; старая колея, заросшая кустами — и кусты эти были примяты! Бальфус почувствовал это пальцами, а Конан в темноте, как кот. Киммериец показал юноше широкий след повозки, глубоко отпечатавшийся в лесном грунте.

— Поселенцы поехали к лизунцу за солью, — сказал Конан. — Край болот, примерно девять миль отсюда. Проклятье! Они будут окружены и вырезаны до последнего! Слушай... Одного человека вполне достаточно. Ты предупредишь тех, кто живет дальше по дороге. Я же пойду за теми, кто грузит соль. Они разобьют лагерь у лизунца. Но на дорогу мы уже не выйдем, двинемся прямо через лес.

С этими словами Конан свернул в сторону и исчез. Бальфус поглядел ему вслед и быстро зашагал по дороге. Пес присоединился к юноше. Но не прошли они ста шагов, как пес зарычал. Бальфус глянул в сторону и вздрогнул, увидев слабый призрачный отблеск, погружавшийся в пущу как раз за спиной ушедшего Конана. Шерсть на спине Грызуна поднялась дыбом, глаза блеснули зелеными огненными шариками. Бальфус вспомнил призрак, похитивший голову купца Тиберия, и заколебался. Призрак несомненно гнался за киммерийцем, но гигант неоднократно доказывал свою способность к выживанию в любых условиях, и Бальфус

решил, что его помощь нужнее поселенцам, оказавшимся на пути кровавого урагана.

Перейдя Скальпов ручей, он дошел до первого дома — длинного низкого строения из грубо отесанных бревен.

Заспанный голос спросил, что ему нужно.

— Вставайте! Пикты перешли реку!

Ответ был немедленным. В доме раздались крики, женщина в короткой рубашке открыла дверь. Ее длинные волосы беспорядочно рассыпались по плечам, в одной руке она держала свечу, в другой топор. Лицо женщины побледнело, глаза округлились от ужаса.

— Войди! — умоляюще шепнула она. — Будем защищаться в доме.

— Нельзя. Нужно идти в Велитриум. Форт их не сдержит, возможно, он уже пал. Бери детей и идем.

— Но мой муж ушел за солью! — крикнула она, ломая руки. Из-за спины женщины выглядывали головки троих перепуганных малышей.

— Конан пошел за ними и приведет их в безопасное место, а мы должны спешить, чтобы успеть предупредить других.

Женщина радостно улыбалась.

— Хвала Митре! Если туда пошел Конан — они спасены, насколько может быть спасен смертный человек!

Они прислушались. Со стороны дороги не доносился ни один звук.

— Лошадь есть?

— В конюшне. Но поторопись!

Бальфус отодвинул засов и вывел лошадь. Он усадил детей на конскую спину, приказав держаться за гриву и друг за друга. Дети серьезно глядели на пришельца и молчали. Женщина взяла повод и пошла вперед. В руке она все еще держала топор, и Бальфус понял, что за детей она будет сражаться с яростью дикой пантеры.

Он шел позади и вслушивался. Его преследовала мысль, что темнокожие орды идут в сторону Велитриума, пьяные от резни и ошалевшие от жажды крови. И налететь они способны со скоростью стаи голодных волков.

Бальфус увидел впереди силуэт следующего дома. Женщина намеревалась раскрыть рот в тревожном оклике, но Бальфус остановил ее, подбежав к двери и стуча в косяк. Ему ответил женский голос. Он повторил предупреждение, и из дома вышли его обитатели: старушка, две молодые женщины и четверо детей. Их мужья, ничего не подозревавшие об опасности нашествия, также отправились за солью. Одна из женщин никак не могла прийти в себя, другая была близка к истерике. Но старушка, суровая и опытная жительница приграничья, успокоила ее и помогла Бальфусу вывести из конюшни двух лошадей и усадить на них детей. Юноша попытался усадить на лошадь и старую женщину, но она покачала головой и уступила предложенное место кричавшей.

— Ждет ребенка, — объяснила она, — а я могу идти... И сражаться — если понадобится.

Когда они наконец двинулись в путь, одна из женщин сказала:

— Тут в сумерках проезжала по дороге молодая пара, мы еще предложили им переночевать в нашем доме, но они хотели успеть добраться до форта. Они... где они?..

— Они встретили пиктов, — коротко объяснил Бальфус, и женщина заплакала. Едва дом скрылся из виду, как за их спинами раздался протяжной высокий вой.

— Волк! — зашептались дети.

— Разрисованный волк, да еще с топором в руке, — буркнул Бальфус. — Идите вперед! Поднимите всех поселенцев вдоль дороги и берите их с собой. Я посмотрю, что делается сзади.

Старушка молча пошла впереди своих подопечных. Когда они исчезли во мраке, Бальфус увидел бледные овалы детских лиц, обращенных в его сторону. Он вспомнил своих близких из Таурана, и голова юноши закружилась. Он застонал и упал на траву. Рука Бальфуса легла на шею Грызуна, а влажный язык стал облизывать его лицо.

— Пошли, друг, — пробормотал Бальфус, вставая на ноги, — нас ждет работа.

Багряное зарево внезапно осветило лес. Видимо, пикты подожгли ближайший дом. Бальфус злобно усмехнулся. Как, наверное, сейчас бесился Зогар Саг, увидев, что дух уничтожения взял верх в душах его воинов. Ведь огонь вызывает панику у всех, живущих вдоль дороги! Но вскоре юноша опять нахмурился. Медленно идущих женщин, с перегруженными лошадьми, пикты догонят быстро, разве что...

Он встал за кучей выкорчеванных пней у дороги. Западнее дорога освещалась заревом пожара, и когда пикты приблизились, он увидел их первым — серые крадущиеся силуэты. Натянув лук до уха, он спустил тетиву, и одна из фигур повалилась на землю. Оставшиеся мгновенно укрылись в зарослях по обеим сторонам дороги. Грызун скулил рядом, дрожа от возбуждения. Неожиданно тень появилась у обочины и поползла к пням. Щелкнула тетива, пикт взвыл и покатился по земле с пробитым бедром. Диким прыжком Грызун вылетел из-за завала и помчался в заросли. Кусты колыхнулись, и пес спокойно стал у ноги Бальфуса — и пасть его отливала пурпуром.

Никто больше не появился на дороге. Бальфус уже занервничал, не подкрадываются ли к нему сзади, — и выстрелил наугад, целясь на шорох слева. Стрела ударила в дерево, и юноша выругался. И снова нырнул в заросли тощий Грызун, раздался треск, хрипение, и собака подошла к Бальфусу. Кровь текла из раны на лохматой шее, но звуки в листве утихли. Вероятно, прячущиеся люди поняли, какая судьба постигла их товарища, и пришли к выводу, что лучше открытая атака, чем страшная смерть от клыков невидимого и неслышного демона.

Хотя, возможно, пикты также поняли, что за пнями скрывается всего один человек. Так или иначе, но ударили они все сразу, одновременно выскочив из кустов. Трое упали, пробитые стрелами, пара заколебалась.

Один побежал обратно, но второй с поднятым топором прыгнул через пни. У Бальфуса подвернулась нога, и это спасло ему жизнь. Падающий топор срезал прядь волос на голове, а пикт не сумел удержать равновесия, и в следующее мгновение пес перегрыз ему горло.

Наступила напряженная тишина. Бальфус задумывался, был ли бежавший воин последний из отряда. Вероятно, это оказалась небольшая банда, не захотевшая атаковать форт или посланная в разведку. Шли минуты, и каждая из них увеличивала шансы на спасение у женщин и детей, спешивших в Велитриум. И вдруг рой стрел засвистел над его головой. Или уцелевшие воины наткнулись на подкрепление, или подошел следующий отряд. Подожженный дом еще горел, давая слабый ответ. В его свете Бальфус заметил атакующих, послал три последние стрелы и отбросил ненужный лук. Пикты надвигались — без привычного воя, в убийственной тишине.

Бальфус прижал к себе голову рычащего пса.

— Держись, приятель, настало наше время!

Он вскочил на ноги, вздымая топор; темные фигуры выросли у пней, и завертелся бешеный вихрь мечей, стилетов и рвущих клыков.

7. Демон в огне

Когда Конан сворачивал с велитрийской дороги, он рассчитывал на девять миль бега. Но не прошел и четырех, как услышал шум группы людей, и это были не пикты. Конан остановился и окликнул их.

— Кто идет? — спросил суровый голос. — Стой на месте, если не хочешь заработать стрелу.

— Ты и в слона промахнешься, — раздраженно заявил Конан. — Успокойся, дубина, это я Конан. Пикты перешли реку!

— Подозревали мы подобное, — сказал предводитель поселенцев, когда к киммерийцу приблизились рослые, плечистые мужчины с серьезными лицами и с луками в руках. — Один из наших ранил антилопу и шел по ее следам почти до Черной реки. Он услышал вой лесных дьяволов и прибежал в лагерь. Мы оставили возы и соль, распрягли быков и кинулись обратно. Если пикты осаждают форт, то банды грабителей направятся к нашим домам.

— Ваши семьи в безопасности, — ответил Конан. — Мой друг пошел вперед, чтобы увести их в Велитриум. Но если мы выйдем на главную дорогу, то можем напороться на целую орду. Лучше пойдем через лес на юго-запад. Пошли! Я прикрою тыл.

Через пару минут все были в пути. Конан шел медленней, держась позади на расстоянии голоса, и проклинал шум, производимый

спутниками. Пикты и киммерийцы умели ходить по лесу, делая не больше шума, чем ветерок между деревьями.

Пройдя небольшую поляну, варвар обернулся. Первобытный инстинкт подсказал ему, что сзади кто-то есть. Несподвижно стоя в зарослях, он слышал удаляющиеся голоса поселенцев.

— Конан, подожди! — донеслось сзади.

— Бальфус? — удивился гигант. — Я здесь!

— Подожди меня, друг! — интонации стали более выразительными. Хмурый Конан вышел из тени.

— Во имя Крома, какого дьявола ты появился тут!?

Вдруг киммериец почувствовал дрожь, пробежавшую по спине. Отнюдь не Бальфус выходил из чащи по другую сторону поляны. Странное сияние пробивалось меж стволами; дьявольский зеленый магический огонь, идущий умышленно и сознательно.

Остановившись в нескольких футах от всматривающегося Конана, блестящие контуры призрака затуманились. Мерцающее пламя имело материальный скелет, зелень огня была его одеждой, маскировавшей ожившее и враждебное существо, но ни силуэта, ни лица Конан так и не смог распознать. А потом удивленный воин услышал голос — голос, обращающийся к нему и идущий из глубины зеленой колонны.

— Что ж ты стоишь, как баран перед резником, Конан?!

— Баран?! — гнев подавил в варваре изумление. — Уж не думаешь ли ты, что я испугаюсь проклятого пиктского демона болот?! Меня звал мой друг.

— Я звал тебя его голосом, — ответил демон. — Мужи, за которыми ты шел, принадлежат моему брату, их кровь оближет острие его ножа. Но ты мой! Жалкий глупец, ты пришел с далеких гор Киммерии, чтобы найти свою смерть в пущах Конайохары!

— У тебя и раньше появлялась возможность добраться до меня, — фыркнул Конан. — Почему ты не убил меня тогда — если мог?!

— В то время брат мой еще не вычернил череп за тебя, не бросил его в вечный огонь на алтаре Гуллаха. Не шепнул имени твоего черным духам, приходящим на вершины Земли Мрака. Но нетопырь пролетел над Мертвыми горами и начертал твой узор на шкуре белого тигра, висящей перед большим домом четырех спящих братьев Ночи. Большие змеи выются у их ног, и звезды светляками горят в их волосах.

— Почему же боги мрака решили предназначить мне смерть? — спросил Конан.

Нечто неопределимое — ладонь, стопа или коготь — вынырнуло из огня и начертило на земле символ. Он блеснул, нарисованный пламенем, и исчез, но не прежде, чем варвар узнал его.

— Ты осмелился вспомнить знак, который могут чертить лишь жрецы Юхиббола Сага. Гром раскатился над Мертвыми горами, и храм Гуллаха разрушил вихрь из Залива Духов. Нур, посланец братьев Ночи, прилетел и шепнул мне твое имя. Ты уже мертв. Твой череп повиснет в храме моего брата.

— А кто же твой брат, во имя сотен дьяволов? — заорал Конан, крепче сжимая обнаженный меч и осторожно вынимая из-за пояса топор.

— Зогар Саг, дитя Юхиббола Сага, который до сих пор навещает его священную рошу. Женщина из Гвавелы спала некогда в священной роше и зачала Зогара. Да и я дитя Юхиббола, но зачатое с огненным существом дальней страны. Зогар Саг вызвал меня из Обители Туманов своими заклинаниями и собственной кровью придал мне телесный облик вашего мира. Мы соединены невидимыми узами. Его мысли — мои мысли, удар, направленный в него, ранит меня, он кровоточит, когда я ранен. Но я и так сказал уже слишком много. Вскоре дух твой будет говорить с духами Земель Мрака, и они расскажут новичку о древних богах, никогда не исчезавших. Боги спят в безднах и изредка просыпаются.

— Интересно, как ты выглядишь, — проворчал Конан, вынимая топор. — Ты, оставляющий след птицы, горящий огнем и говорящий человеческим голосом.

— Увидишь, — отозвался огонь, — узнаешь и знание свое возьмешь во мрак.

Пламя взметнулось и стало гаснуть и исчезать. В нем возникло демоническое лицо, и Конану показалось, что перед ним стоит сам Зогар Саг в зеленом огне. Те же раскосые глаза, остроконечные уши, тонкие губы; но глаза пылали раскаленными углями, а лицо поднялось выше немалого роста киммерийца. Потом он увидел узкий торс, покрытый змеиной чешуей, но с человеческими очертаниями. Руки тоже выглядели людскими, а ходулеобразные ноги заканчивались плоскими трехпалыми лапами, подобными лапам огромной птицы; вдоль всего тела пробежали голубые мерцающие огоньки.

Внезапно демон навис над Конаном, хотя варвар и не успел заметить движения. Длинная рука, вооруженная кривыми серповидными когтями, взлетела и стала падать на его шею. С диким криком Конан отскочил в сторону, одновременно бросая топор. Демон избежал удара, молниеносно отведя голову, и вновь двинулся вперед. Но когда он убивал свои жертвы, на его стороне был страх.

В душе Конана страху не нашлось места. Он твердо верил, что любое материальное существо может быть рассечено материальным оружием, при самом отвратительном внешнем виде.

Удар когтистой лапы сбил шлем с его головы. Чуть ниже — и варвар остался бы не только без шлема, но и без головы. Но киммерийца охватило чувство жестокой радости, когда меч его глубоко погрузился в подмышечную впадину чудовища. Конан уклонился от следующего взмаха, вырывая оружие из раны. Когти перепахали его грудь, разрывая кольчугу, как гнилую тряпку; но следующая атака варвара была подобна прыжку голодного волка. Он очутился между отчаянно размахивавшими руками и могучим ударом всадил меч в живот врага. Конана окружало холодное, как лед, пламя, когти рвали кольчугу на спине; а потом Конан вырвался из слабющих объятий и еще раз рассек воздух страшный меч.

Демон повалился на бок, голова его едва держалась на узенькой полоске кожи. Окутывающие тело огни внезапно выстрелили вверх, они стали красными, как фонтан крови. Смерд горящего тела наполнил ноздри Конана.

Стерев с лица кровь и пот, варвар повернулся и неуверенным шагом устремился в пущу. Где-то далеко, на юге, пылало зарево, вероятно, горел чей-то дом. За ним нарастал дикий вой.

Конан ускорил бег.

8. Конец Конайохары

Война бушевала над Рекой Молнии; жестокие бои шли под стенами Велитриума; топор и пламя гуляли по берегу, и не одно жилище поселенцев обратилось в пепелище, прежде чем раскрашенная орда отступила.

После бури наступила особенная тишина. Люди собирались и говорили, понизив голос, а суровые мужчины с окровавленными повязками пили пиво в прибрежных тавернах.

В одной из них к Конану Киммерийцу, угрюмо отхлебывавшему из большого кубка, подошел худой следопыт с обвязанной головой и рукой на перевязи. Он единственный из гарнизона форта Тускелан остался в живых.

— Ты был с солдатами на руинах форта?

Конан кивнул.

— А я не смог, — хмуро буркнул следопыт. — Боя не видел?

— Пикты бросились через реку. Что-то отняло у них отвагу, и лишь пиктский дьявол может сказать, что именно.

Следопыт постоял молча. Потом разлепил сухие губы:

— Говорят, что не нашлось тел для захоронения?

— Пепел. Прежде чем уйти за реку, пикты свалили все трупы в одну кучу и подожгли. И своих, и людей Валаннуса.

— Да... Валаннус пал последним в рукопашном бою. Хотели взять его живым, но он вынудил их убить его. Десять из нас, ослабевших и не способных драться, попали в плен. Девятерых прирезали на месте. И тогда сдох Зогар Саг, а мне представился случай удрать.

— Зогар мертв?! — воскликнул Конан.

— Мертв. Сам видел. Вот почему пикты штурмовали Велитриум столь вяло. Странное дело, однако. В бою он не получил ни царапины. Плясал, подлец, среди мертвых, топором размахивал, которым и срубил голову последнему из моих товарищей. Да и ко мне двинулся, воя по-волчьи... и вдруг зашатался, выронил топор, свернулся колесом и завизжал так, что подобного визга не слышал я ни от человека, ни от зверя. Упал между мной и костром, для меня же и разведенным, пена

пошла у него изо рта — и застыл. Пикты завопили, а я в суматохе освободился от веревок и помчался в лес.

Видел его. Потом. В блеске огня. Ни одно оружие не коснулось шама-на — а меж тем, были на нем следы от удара мечом подмышкой, на животе и на шее. Последний удар почти отделил голову от тела. Ты что-нибудь понимаешь?

Конан ничего не ответил. Но следопыт знал сдержанность варвара и продолжал:

— Жил магией и помер от магии. Собственно, смерть эта и отняла у пиктов босвой дух. Ни один из видевших гибель Зогара Сага не пошел на штурм Велитриума — все вернулись в пушу. А оставшихся оказалось слишком мало, чтобы взять город. Я шел за ними — единственный уцелевший из гарнизона. Так и прошел в город. Ну а ты благополучно привел своих поселенцев, а их жены и дети вошли в ворота вообще раньше крашенных дьяволов. Если бы молодой Бальфус с Грызуном не задержали пиктов, смерть настигла бы всех в Конайохаре. Я видел то место, где парень с псом приняли бой. Они лежали у штабеля мертвых пиктов; семеро, зарубленных топором или разорванных клыками, и другие, наспигованные стрелами.

О боги, какая это была битва!

— Настоящий мужчина, — сказал Конан. — Пью за тень его, и за тень пса, не знавшего страха.

Он отпил часть вина и особенным таинственным жестом вылил остаток на пол, разбивая кубок.

— Десять пиктских голов оплатят его жизнь, и семь — пса, который оказался лучшим воином, чем многие мужчины.

И следопыт, глядя в суровые голубые глаза, знал, что клятва варвара будет выполнена.

— Форт не отстроят?

— Нет. Конайохара утрачена для Аквилонии. Границу перенесли за Реку Молнии.

Следопыт вздохнул и покосился на свою ладонь, огрубевшую от рукоятей меча и топора. Длинная рука Конана протянулась через весь стол за кувшином вина.

Следопыт сравнил киммерийца с людьми, сидящими вокруг, с павшими над рекой и с дикарями из пуши.

Конан не замечал его испытующего взгляда.

— Варварство — естественное состояние человека, — наконец пробормотал следопыт, хмуро глядя на Конана. — Это цивилизация неестественная, она лишь — стечение обстоятельств. И, в конце концов, варварство победит окончательно.

ДРАГОЦЕННОСТИ ТРАНИКОСА

После событий, перечисленных в повести "По ту сторону Черной Реки", Конан быстро возвращается в Аквилонскую армию. В качестве генерала, он разбивает пиктов в большой битве при Велитриуме и кладет конец заговору. После этого он возвращается в столицу Тарантию, чтобы там его чествовали как героя. Однако, там он возбуждает недоверие и ревность испорченного и безрассудного короля Нумидидеса. В вино Конана добавляют снотворное, и его оглушенного тащат в железную башню, где его держат в плену и приговаривают к смерти. Но у варвара в Аквилонии есть не только враги. Его друзья помогают ему бежать и дают ему хорошего коня и крепкий меч. Вернувшись на границу, он обнаруживает, что его боссонские отряды рассеяны по всей стране, а за его голову назначена награда. Он переплывает реку Гром и через темные леса Страны пиктов направляется к отдаленному океану.

1. РАСКРАШЕННЫЕ

Только что поляна была пуста, а теперь на ее краю, возле кустарника стоял мужчина, напрягая все свои органы чувств. Ни один звук не предупредил о его приходе, но птицы, греющиеся в солнечном свете, испугались его внезапного появления и возбужденно галдящей стаей взмыли вверх. Мужчина наморщил лоб и поспешно оглянулся назад, откуда он только что появился, испугавшись, что птицы могут выдать его присутствие. Потом он осторожными шагами пересек поляну.

Несмотря на свою огромную, мощную фигуру, мужчина двигался с уверенной гибкостью леопарда. Кроме набедренной повязки на его бедрах, на нем больше ничего не было, его кожа была исцарапана колючками и покрыта грязью. Его мускулистая правая рука была перевязана коричневой, заскорузлой тряпичей. Лицо под растрепанной черной гривой волос было напряжено и утомлено, а его глаза горели как у раненого волка. Быстро спеша по узкой тропинке, перескакающей поляну, он немного прихрамывал.

Пройдя, примерно половину пути, он внезапно остановился, и мягко, как кошка, оглянулся назад, услышав позади себя в лесу пронзительный крик. Он звучал почти как вой волка, но он знал, что это не волк, потому что он был киммерийцем и знал голос леса, как цивилизованный человек знает голоса своих друзей.

Ярость сверкнула в его налитых кровью глазах, когда он снова повернулся и побежал дальше по тропе, которая проходила по краю поляны, мимо густого, заполняющего все пространство между деревьями, кустарника. Между ним и тропой лежал глубоко погрузившийся в покрытую травой землю поляны ствол дерева. Увидев его, киммериец остановился и оглянулся назад, через поляну. Неопытный глаз не заметил бы здесь никаких следов того, кто здесь только что прошел. Однако для его знакомых с дикой природой глаз, след этот был четко виден. И он знал, что его преследователи тоже без труда прочитают его след. Он беззвучно зарычал, как загнанный зверь, готовый вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Быстро и с наигранной беспечностью, он опустил на тропу и тоже намеренно притаптывал тут и там траву. Однако, достигнув задней части ствола, он вспрыгнул на него, повернулся и легко побежал назад. Кору на стволе давно уже не было и на голой древесине не оставалось никаких следов. Никакой, даже самый острый глаз не мог различить, что человек этот вернулся назад. Достигнув самого густого кустарника, он, как тень, исчез в нем и позади него не шевельнулся ни один листок.

Время тянулось очень медленно. Серые белки снова беззаботно занялись своими делами на деревьях, а потом, внезапно, молча спрятались в ветвях. На поляну снова кто-то вышел, так же бесшумно, как и киммериец, появились трое мужчин. Они были темнокожими, приземистыми, с мускулистой грудью и сильными руками. На них были расшитые бисером набедренные повязки, а в их черных волосах были воткнуты перья орла. Их тела были разрисованы сложными узорами, а в руках у них было простое оружие из кованой меди.

Они осторожно выглянули на поляну, потом, готовые к прыжку, вплотную друг к другу, как леопарды, вышли из кустарника и нагнулись над тропой. Они двигались по следу, который оставил за собой киммериец, а это было непросто даже для легавой собаки. Они медленно крались по поляне. Тут первый преследователь остановился, что-то пробормотал и указал своим копьём с широким наконечником на примятую траву, где тропа снова уходила в лес. Его товарищи тотчас же остановились и их черные глаза-бисеринки стали обыскивать густую стену леса. Но их жертва спряталась хорошо. Наконец, они снова тронулись в путь, на этот раз быстрее. Они шли по слабым следам, которые, казалось, показывали, что их жертва от усталости и отчаяния стала неосторожной.

Едва они миновали то, место, где тропа близко подходила к чаще кустов, как киммериец выпрыгнул позади них, крепко сжав оружие, которое он вытащил из набедренной повязки: в левой руке кинжал с длинным медным лезвием и секирой с медной рубящей частью в правой. Нападение было таким быстрым и неожиданным, что у сзади идущего пикта не было никаких шансов спастись, когда киммериец вонзил ему кинжал между лопаток. Клинок вошел в сердце, прежде чем пикт вообще понял, что он подвергся опасности.

Оба других пикта обернулись с быстротой захлопывающейся ловушки, однако за это время киммериец успел вытащить кинжал из тела своей первой жертвы и взмахнул правой рукой, с зажатой в ней секирой. Второй пикт повернулся, когда секира взвилась и обрушилась на него, расколов ему череп.

Оставшийся пикт — предводитель, схватил алое медное острие своего орлиного пера и с невероятной быстротой напал на киммерийца. Он бросил острие в грудь киммерийца, когда тот вырывал секиру из головы убитого. Киммериец воспользовался своим недюжинным умом и оружием в каждой своей руке. Обрушившаяся секира отбросила острие противника в сторону, а кинжал в его левой руке распорол раскрашенный живот снизу до верху.

Сложившись пополам и истекая кровью, пикт издал ужасный вопль. Это не был крик страха или боли, это был крик удивления и звериной ярости. Дикий вопль множества глоток ответил ему издали к востоку от поляны. Киммериец пригнулся как загнанный волк с оскаленными зубами и смахнул пот с лица. Из-под повязки на его левой руке сочилась кровь.

Сдавленно бормоча неразборчивые проклятия, он повернулся и побежал на запад. Он больше не старался скрыть свои следы, но бежал со всей быстротой своих длинных ног, черпая силы из глубокого, почти неистощимого резервуара своей выдержки, что было компенсацией, данной природой за его варварский образ жизни. Некоторое время в лесу позади него было тихо, потом с того места, которое он покинул, раздалась резкие, демонические вопли. Итак, его преследователи обнаружили убитых. Впрочем, киммерийцу не хватало дыхания, чтобы проклинать кровь, капающую из вновь открывшейся раны и оставляющую позади него след, который мог бы проследить и ребенок. Он надеялся, что эти три пикта преследовали его на протяжении вот уже сотни миль. И при этом он знал, что эти волки в человеческом образе никогда не оставляют кровавый след.

Теперь все снова было тихо. Это значило, что они бегут за ним, а он не мог остановить кровь, которая выдавала его путь.

Западный ветер дул ему в лицо. Он нес с собой соленую влагу. Это уже близко к морю, значит, преследование его длится намного дольше, чем он думал.

Однако, скоро оно подойдет к концу. Даже его жизненная сила волка истощалась от непрерывного напряжения. Дыхание с трудом вырывалось из его горла и в бок у него кололо. Ноги его дрожали от усталости, а прихрамывающая нога болела при каждом шаге, словно в ее сухожилия вонзали нож. До сих пор он следовал инстинкту дикаря, который был его учителем, каждый нерв и каждый мускул его был напряжен и каждый его трюк служил для того, чтобы выжить. Однако теперь, в своем бедственном положении, им овладел другой инстинкт: он искал такое место, где он, прикрыв спину, мог продать свою жизнь, как можно дороже.

Он не покинул тропу и не нырнул в чашу налево или направо. Он знал, что безнадежно было прятаться от преследователей. Он бежал дальше, а кровь все сочилась, в ушах у него стучало и каждый вдох вызывал боль в его пересохшем горле. Позади него раздался дикий вой. Это значило, что пикты уже почти наступают ему на пятки и рассчитывают вскоре схватить его. Как голодные волки, они теперь каждый свой прыжок сопровождали диким воплем.

Внезапно деревья кончились. Перед ним находилась каменная стена, которая отвесно поднималась вверх. Взгляд налево и направо сказал ему, что здесь есть только одна скала, которая, как каменная башня, возвышается над лесом. В юности киммериец как коза карабкался по скалам и горам у себя на родине. Может быть, будь он в лучшем состоянии, он смог бы преодолеть эту стену, но теперь, с его ранениями и при его потере крови у него не было никаких шансов на это. Он не взберется выше двадцати или тридцати футов, прежде чем пикты выбегут из леса и пронзят его своими стрелами.

А скала? Может быть, с другой стороны она менее крутая. Тропа, выходящая из леса, поворачивала направо и вела к скале. Он торопливо побежал по ней и увидел, что она ведет между кромками каменных глыб и расколотыми камнями к широкому карнизу, находящемуся возле вершины скалы.

Этот карниз был не более худшим местом, чтобы умереть, чем какое-либо другое место. Мир перед его глазами заволокло красным, но он захромал вверх по тропе, а потом опустился на колени и на четвереньки, зажав кинжал между зубами.

Он еще не достиг выдающегося вперед карниза, как около сорока раскрашенных пиктов-дикарей, воя как волки, столпились вокруг скалы. Их вой поднялся до дьявольского крещендо, когда они обнаружили его. Они бегали у подножия скалы, выпуская в беглеца стрелу за стрелой. Стрелы свистели вокруг киммерийца, который упрямо карабкался вверх. Одна стрела вонзилась в его икру. Не останавливаясь, он вырвал ее и отбросил в сторону. На плохо нацеленные стрелы он не обращал внимания. Эти стрелы разбивались о камни вокруг него. Он с яростью перевалился через край карниза и обернулся. Он взял в руки кинжал и секиру и лежа на карнизе, уставился вниз на преследователей. Видны были только его черная грива и горящие глаза. Мощная грудь его быстро вздымалась и спадала, когда он огромными глотками втягивал в себя воздух, однако, потом он вынужден был сцепить зубы, чтобы бороться с подступающей дурнотой.

Над ним просвистело еще несколько стрел. Отряд преследователей понял, что жертва его остановилась. Пикты легко прыгали с камня на камень у подножия скалы. Первым крутой части достиг сильный воин, орлиные перья которого были покрашены, и указывали на то, что это был вождь. Он ненадолго задержался внизу у начала вьющейся крутой тропы. Он положил стрелу на тетиву и наполовину натянул ее. Потом он

откинул голову и приоткрыл губы в диком крике триумфа. Но стрела эта так никогда и не была выпущена. Вождь застыл в неподвижности как статуя, и жажда крови в его черных глазах сменилась испуганным удивлением. С ревом он отпрянул назад и далеко вытянул руку, чтобы остановить своих наступающих товарищей. Хотя киммериец на уступе слышал их разговоры, но он находился слишком высоко над ними, чтобы понять смысл выкрикиваемых вождем приказов.

Во всяком случае, всеобщий воинственный рев смолк и все уставились вверх — но не на человека на карнизе, а на скалу. Без дальнейшего промедления они ослабили тетивы своих луков и сунули стрелы в кожаные колчаны у себя на поясах, потом они повернулись, мелкой рысью побежали по тропе, по которой они пришли и исчезли за обломками камней, ни разу не оглянувшись.

Киммериец озадаченно уставился им вслед. Он достаточно хорошо знал пиктов, чтобы понять, что преследование прекращено окончательно, и что они больше не вернуться назад. Они, несомненно, уже находились на пути в свои деревни, расположенные на расстоянии около сотни миль на восток.

Но все это казалось ему необъяснимым. Что в его убежище было такого, что заставило военный отряд пиктов отказаться от своей жертвы, которую они преследовали с настойчивостью голодных волков? Он знал, что это было священное место, которое могло использоваться различными кланами в качестве убежища, и беглецу, который нашел там укрытие от клана, к которому он принадлежал, нечего было бояться. Но другие кланы не придерживались такой же точки зрения на это место. И люди, которые преследовали его так далеко, конечно, не считали святым его, это место, находящееся на таком огромном расстоянии от их дома. Это были люди Орла, чьи деревни находились далеко на востоке, вблизи границ пиктов племени Волка.

Волками были именно те, которые взяли в плен киммерийца, когда он, после своего бегства из Аквилонии, исчез в дремучих лесах. И они передали его людям Орла в обмен на находящегося у них в плену вождя племени Волка. У пиктов племени Орла были кровавые счета к огромному киммерийцу. И этот счет стал еще более кровавым, потому что его бегство стоило жизни одному из известных военных вождей. Поэтому они преследовали его так неустанно, через широкие реки и крутые горы, не обращая внимания на то, что они сами становились объектом охоты для враждебных племен.

И теперь, уцелевшие после такого длительного преследования, пикты просто повернули назад, хотя именно в это время жертва их остановилась, и у нее больше не было никакой возможности ускользнуть от них. Киммериец покачал головой. Нет, он не мог этого объяснить.

Он осторожно поднялся, голова у него кружилась от чудовищного напряжения и он был едва в состоянии понять, что травля его прекратилась. Члены его ооченели, раны болели. Он выплюнул сухую пыль

и быстрым движением руки протер налитые кровью глаза. Моргая, он осмотрелся вокруг. Под ним длинными, непрерывными волнами тянулась зеленая чаща, а над западным краем повисла сине-стальная дымка, которая, как он знал, должна была теперь висеть над морем. Ветер играл его черной гривой и соленый воздух освежил его. Он большими, поспешными глотками втягивал его в свою распухшую грудь.

Потом он повернулся, выругался от боли в своей кровоточащей икре ноги и осмотрел карниз, на котором стоял. Позади него поднималась крутая каменная стена, увенчанная на высоте футов тридцати высоким каменным гребнем. Ямки для рук и ног, похожие на узкую лестницу, вели вверх. А на расстоянии пары шагов в стене находилась щель, которая была именно такой ширины, чтобы в нее мог пролезть человек.

Он захромал туда, заглянул в нее и быстро выругался. Солнце, высоко стоящее над северным лесом, осветило расщелину. Там находилась туннелеобразная пещера, а в ее конце была довольно большая, окованная железом дверь. Он неверяще прищурил глаза. Эта страна была совершенно дикой. Киммериец знал, что этот западный берег был безлюден на тысячу миль, если не считать деревень диких прибрежных племен, которые были еще менее цивилизованы, чем их родственники, живущие в лесу.

Ближайшим форпостом цивилизации были пограничные селения вдоль реки Грома, в сотне миль к востоку. И киммериец был уверен еще кое в чем: в том, что он был единственным белым, который когда-либо пересекал эти безбрежные леса, находящиеся между рекой и побережьем океана. Однако, эту дверь, несомненно, изготовили отнюдь не пикты.

То, что он не мог объяснить этого, возбудило его недоверие, так что он приблизился к ней полный подозрения, держа в руках топор и кинжал. Когда его глаза привыкли к мягким сумеркам после яркого солнца, которое просачивалось к той двери через специальное отверстие для освещения, он заметил кое-что примечательное. Туннель продолжался также и за дверью, а вдоль его стен громоздились огромные кованые медью и железом, поставленные друг на друга сундуки. Он попытался понять, для чего они здесь. Он нагнулся над одним из них, стоящим на полу, но крышка сундука не открывалась. Он уже поднял вверх свой топор, чтобы разбить замок сундука, но вдруг передумал и вместо этого похромал к массивной сводчатой двери. Теперь он был более уверен и его оружие осталось висеть на поясе. Он нажал на дерево, украшенное искусной резьбой. Дверь открылась без сопротивления.

Но внезапно его уверенность исчезла. С проклятием на губах он отступил назад. Он выхватил свой боевой топор-секиру и кинжал. Мгновение он стоял замерев в угрожающей позе, подобно статуе и вытянув шею, чтобы видеть дверь.

Он заглянул в пещеру, в которой было гораздо темнее, чем в коридоре, но пещера эта была освещена слабым светом, исходящим от большого драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре

огромного стола из черного дерева. Вокруг него сидели молчащие фигуры, присутствие которых так удивило его в первое мгновение.

Они не пошевелились, не обернулись к нему. Однако, голубой туман, висевший над сводами пещеры на высоте его головы, зашевелился, как будто он был живым.

— Ну, — пробурчал киммериец, — что они там все мертвые что-ли?

На его бурчание не последовало ответа. Киммерийца было совсем не так-то легко вывести из себя, но это пренебрежение к его появлению взбесило его.

— Вы могли бы, по крайней мере, предложить мне хотя бы немного вашего вина, — грубо сказал он. — Во имя Крома, вы что считаете, что того, кто не принадлежит к вашему братству, не стоит и принимать дружески? Вы хотите...

Он смолк и молча уставился на эти фигуры, которые так необычно тихо сидели вокруг огромного стола из черного дерева.

— Они не пьяны, — пробормотал он, наконец. — Они вообще не пили. Что, во имя Крома, все это значит?

Он переступил через порог. Голубой туман сейчас же начал двигаться быстрее. Он слился, сгустился и вот уже киммериец вынужден бороться за свою жизнь с огромной черной рукой, которая легла ему на горло.

2. ПИРАТЫ

Большим пальцем ноги в изящной туфельке, Белеза пнула одну из раковин, перевернув ее, и ее розовый край был похож на первый проблеск нового утра над туманным берегом. Хотя утренний рассвет наступил уже давно, но утреннее солнце, гонящее жемчужно-серый туман над водой, еще не взошло.

Белеза подняла свое лицо с тонкими чертами и взглянула на чуждое сооружение, казавшееся отталкивающим, и некоторые подробности этого сооружения действовали на нее угнетающе. Под ее маленькими ножками простирался коричневый песок, он уходил к пологим волнам, которые терялись в голубой дымке горизонта на западе. Она стояла на южном изгибе широкой бухты, на юге местность заканчивалась низким каменным гребнем, который образовывал южную оконечность бухты. С этого гребня можно было видеть безрадостную гладь воды на юге, тянувшуюся до самого горизонта. То же самое было на западе и на севере.

Повернувшись в сторону суши, она отсутствующим взглядом посмотрела на форт, который уже в течение полутора лет был ее домом. В размытую голубизну неба, полощась, поднималось золотое с алым знамя ее дома. Но красный сокол на золотом фоне не возбуждал никакого

воодушевления в ее девичьей груди, хотя он так победно реял после многочисленных побед на юге.

Она видела людей, работающих в саду, и на полях вокруг форта, которые в свою очередь, казалось, с испугом оглядывались на мрачную стену леса, протянувшуюся на север и на юг, насколько хватало глаз. Они боялись этого леса, и вместе с ними, этот страх разделяло каждое маленькое поселение на этом берегу. Этот страх был отнюдь не безоснователен. В шепчущей глубине леса, подстерегала смерть — ужасная смерть, медленная и жуткая — скрывающаяся под военной раскраской, неизбежная и беспощадная.

Она вздохнула и вяло побрела к кромке воды. Каждый день, проведенный здесь, был монотонным и похожим на все другие, и мир городов и поместий полный радости и удовольствий, казался не находящимся за тысячи километров, а затерянным в бесконечной дали прошлого. Она снова задумалась над тем, что побудило графа Зингары бежать на этот дикий берег вместе со своей свитой и челядью, удалившись на тысячи миль от своей страны, что вынудило его сменять дворец своих предков на эти блокгаузы.

Взгляд Белезы стал мягче, когда она услышала тихие шаги по песку. Девочка, еще ребенок, совершенно обнаженная, бежала к ней от гребня по низкой песчаной прибрежной полосе. Ее волосы цвета льна были мокрыми, они приклеились к ее небольшой головке. Голубые глаза расширились от возбуждения.

— Леди Белеза! — крикнула она, произнося зингаранские слова с мягким офицерским акцентом. — О, леди Белеза!

Задыхаясь от бег, малышка делала непонятные жесты. Белеза, улыбаясь, обняла ее рукой, не обращая внимания на то, что ее одежда из ее тонкого шелка промокла. В своей жизни Белеза всю свою нежность дарила этому ласковому существу, этой бедной сиротке, которую она отняла у ее жестокого хозяина во время их долгого путешествия с южных берегов.

— Что случилось, Тина? Сначала переведи дух, ладно?

— Корабль! — крикнула девочка и указала на юг. — Я плавала в пруду, оставшемся на песке после отлива — по ту сторону каменного гребня — и я увидела его! Корабль, плывущий сюда с юга! — дрожа всем телом от возбуждения, она тянула Белезу за руку. При мысли о скором посещении, сердце молодой девушки забилось быстрее. С тех пор, как они высадились на этом берегу, она еще не видела ни одного паруса.

Тина стрелой помчалась впереди нее по желтому песку, огибая глубокие лужи, оставшиеся после прилива. Она вбежала на низкий, волнистый гребень и ожидающе остановилась — стройная белая фигурка с развевающимися волосами и рукой, протянутой к становившемуся уже ярким небу.

— Посмотрите туда, моя леди!

Белеза уже видела его: белый, надутый ветром парус, вздымающийся на расстоянии всего лишь нескольких миль и приближающийся ко входу в бухту. Сердце ее забилося медленнее. Даже самое незначительное происшествие могло внести окраску и возбуждение в ее монотонную жизнь, но и у Белезы было неприятное предчувствие, что этот корабль не принесет им счастья, и что он не случайно появился здесь. На севере не было портов, хотя, конечно, к ледяным берегам можно было приставать, а ближайший порт на юге находился на расстоянии тысячи миль от них. Что привело чужаков в эту бухту Корвелы — так ее дядя называл это место с тех пор, как они здесь высадились.

Тина плотнее прижалась к своей госпоже. Страх исказил черты ее милого личика.

— Кто это может быть, моя леди? — пробормотала она, и удары ветра вернули краску на ее побледневшие щеки. — Это тот человек, которого боится граф?

Белеза, наморщив лоб, глянула на нее сверху вниз.

— Почему ты говоришь это, детка? Откуда ты знаешь, что мой дядя чего-то боится?

— Так должно быть, — наивно ответила Тина. — Почему же он тогда укрылся в этом диком месте? Посмотри, моя леди, как быстр этот корабль!

— Мы должны сообщить об этом дяде, — пробормотала Белеза. — Рыбачьи лодки еще не вышли в море, поэтому парус не видел еще ни один человек, кроме нас. Берись за дело, Тина. И поспеши!

Девочка побежала вниз по склону, к пруду, в котором плавала, когда заметила корабль. Она подобрала свои сандалии, тунику, а так же пояс, которые были разбросаны по песку. Затем она побежала назад, к гребню, одеваясь на ходу.

Белеза озабоченно смотревшая на корабль, догнала ее, взяла ее за руку и они вместе поспешили в форт.

Сразу же после того, как они прошли через дверь палисада крепости, прозвучал резкий звук рога и испуганные рабочие в саду и на полях побежали к крепости, так же, как и люди, только что открывшие двери деревянных сарайчиков на боне, чтобы спустить на воду рыбачьи челны.

Каждый находящийся вне крепости, отложил или бросил все, чем он занимался, и не оглядываясь, и не теряя времени на то, чтобы обнаружить причину тревоги, побежал к крепости. Только достигнув ворот, все без исключения люди оглядывались через плечо на темный край леса на востоке.

Они пробегали через ворота и осведомлялись у охранников на подмостках под оградой палисада.

— Почему нас отозвали назад? Что случилось? Пришли пикты?

Вместо ответа, один из скупых на слова охранников указал на юг. С его высокого помоста был виден парус. Люди карабкались на помост и смотрели на море.

Из маленькой обзорной башенки на крыше главного здания — которые, как и все строения внутри ограды палисада, были выстроены из стволов деревьев — граф Валенсо из Корзетты наблюдал за приближающимся парусом, за тем, как он огибает оконечность южного рога бухты. Граф был худым, мускулистым мужчиной лет примерно пятидесяти, у него было мрачное лицо. Его узкие штаны и его куртка были из черного шелка. Единственным, что у него было другого цвета, это сверкающие драгоценные камни на рукоятке его меча и винно-красная накидка на его плечах. Он нервно крутил свои усы, потом мрачно взглянул на своего мажордома — человека со скучным лицом, одетого в сатин и сталь.

— Что вы думаете об этом, Гальбро?

— Это карака, милорд, — ответил мажордом. — Карака с такелажем и парусами, как у кораблей бараханских пиратов — смотрите, там!

Он почти прокричал свои последние слова. Этот корабль уже обогнул выступ суши и теперь плыл наискось через бухту. Все увидели флаг, который внезапно затрепетал на вершине мачты: черный флаг с контурами алой руки. Люди в форте в испуге уставились на это ужасное знамя. Все глаза теперь повернулись к башне, на которой стоял их угрюмый хозяин в развевающейся накидке.

— Да, это бараханец! — пробурчал Гальбро. — И если мне не изменяет память, это “КРАСНАЯ РУКА” Стромбанни. Что он ищет у наших берегов, таких мрачных и безотрадных.

— Для нас это, несомненно, не значит ничего хорошего, — пробурчал граф. Взгляд вниз сказал ему, что тяжелые ворота тем временем уже были закрыты, и капитан охраны, вооруженный блестящей сталью, распределял своих людей по постам. Некоторых на бруствер у ограды, других к нижним бойницам. Свои главные силы они разместили вдоль западной части палисада, в центре которой находились ворота.

Сто человек — солдаты, вассалы, крепостные и их семьи — последовали в изгнание вместе с Валенсо. Среди них было сорок опытных воинов, которые уже надели доспехи, нахлобучили шлемы и вооружились мечами, боевыми топорами и арбалетами. Последние были рабочими без кольчуг, но на них были прочные кожаные туники. Они также были сильными, храбрыми людьми, которые могли обращаться с охотничьими луками, топорами дровоссков и охотничьими копьями. Все они заняли свои места и мрачно глядели на своих заклятых врагов — потому что вот уже больше столетия пираты с Бараханских островов — маленькой группки островков на юго-западе от побережья Зингары — делали жизнь на побережье опасной.

Люди на подмостках наблюдали за каракой, латунные части которой блестели на солнце. Они видели на палубе пиратов и слышали их крики. Вдоль поручней блестела сталь.

Граф покинул башню и приказал своей племяннице и ее подзащитной укрыться в доме. После этого он надел шлем и нагрудные латы, а потом поднялся на подмостки, чтобы взять на себя командование защитой. Его подданные наблюдали за ним с мрачной покорностью судьбе. Они намеревались продать свои жизни как можно дороже, однако, несмотря на свою сильную позицию, у них едва ли были шансы победить нападавших. Полтора года в этой пустыне, при постоянной угрозе нападения пиктов из темного леса у них за спиной, все время грызли их и сделали пессимистами. Их женщины молча стояли у дверей их деревянных хижин или пытались успокоить детей.

Белеза и Тина смотрели из одного из окон главного дома и молодая женщина почувствовала, как дрожит девочка. Она защищающе обняла ее рукой.

— Они бросили якорь у лодочной станции, — пробормотала Белеза. — Да, вот они бросили его — это на расстоянии примерно трехсот футов от берега. Не бойся, малышка. Они не смогут захватить форт. Может быть, им просто нужны свежая вода и мясо. Или они ведут в этих водах погоню за кем-то.

— Они плывут к берегу в длинной лодке! — воскликнула девочка. — О, моя леди, я так боюсь! Какие огромные мужчины в доспехах! Посмотри же, как блестят на солнце их пики и шлемы! Они нас сожрут?

Несмотря на свой страх, Белеза рассмеялась.

— Конечно, нет! Как ты могла так подумать?

— Зингелито рассказал мне, что бараханцы едят женщин.

— Он только пошутил. Бараханцы ужасны, но они не хуже зингаранских регенератов, которые называют себя каперами. Зингелито однажды был капером.

— Это было ужасно, — пробормотала девочка. — Я так рада, что пикты разбили ему голову.

— Но, девочка! — Белеза передернула плечами. — Ты не должна так говорить. Посмотри, пираты высадились на берег. Они вышли из лодки и теперь один из них едет к форту. Это, должно быть, сам Стромбанны.

— Эй там, в форте! — донес ветер хриплый голос. — Я пришел сюда под белым флагом!

Одетая в шлем голова графа появилась над оградой палисада и его серьезное лицо повернулось в сторону пирата. Пират остановился в пределах слышимости. Это был огромный мужчина без головного убора, с золотистыми волосами, какие иногда появляются в Аргосе. Из всех морских грабителей мало кто был известен так же, как он.

— Говори! — приказал Валенсо. — Хотя у меня нет никакого желания выслушивать людей такого сорта!

Стромбанны улыбнулся губами, но не глазами.

— Когда ваш галеон, в прошлом году во время шторма, недалеко от Транлибеса ускользнул от меня, я не мог даже подумать, что мы встретимся снова на пиктойском берегу, Валенсо. Но я уже тогда

понимал, куда вы держите путь. Я понял это у Митры и сразу же начал вас преследовать. Я был приятно удивлен, когда некоторое время назад я увидел полощущееся знамя на ветру над фортом и с красным соколом именно там, где я и ожидал, на голом пустынном берегу. Итак, я вас нашел!

— Кого нашли? — фыркнул Граф.

— Не пытайтесь спорить! — этого огромного пирата внезапно прорвало. — Я знаю, почему вы прибыли сюда. И я прибыл сюда потому же. Где ваш корабль?

— Тебе не найти вообще ничего!

— У вас даже больше нет корабля! — с триумфом воскликнул пират. — Я вижу часть мечты галеона на заборе вашего палисада. Вы потерпели кораблекрушение, высадились здесь и теперь, я наконец, получаю так долго ускользавшую от меня добычу!

— Проклятье, о чем это ты вообще говоришь! — вскричал граф. — Добыча? Может быть я бараханец, которого можно ограбить? Однако, если бы это и было так, что я мог бы добыть на этом пустынном берегу?

— То, за чем вы пришли сюда! — холодно ответил пират. — То, за чем я прибыл сюда и что намереваюсь забрать, но от меня легко отделаться. Дай мне товар, мы исчезнем и оставим вас в покое.

— Ты должно быть сошел с ума! — проревел Валенсо. — Я пришел сюда в поисках мира и уединения и я наслаждался этим, пока из-за моря не приполз ты, желтокожая собака! Убирайся прочь! Я не хочу больше говорить с тобой, я устал от пустых разговоров. Забери своих негодяев и исчезни!

— Если я и исчезну, то только превратив твой жалкий форт в кучу золы и углей! — яростно проревел пират. — Я спрашиваю в последний раз, хотите вы спасти свою жизнь и выдать мне мою добычу? Здесь вы не получите от меня никакой пощады. У меня с собой сто пятьдесят человек, которые едва могут дождаться, когда им будет позволено перерезать вам горло!

Вместо ответа граф сделал быстрый знак людям за оградой палисада. Сейчас же сквозь бойницу вылетела стрела и ударилась о нагрудный панцирь Стромбанны. Пират яростно закричал и побежал назад, к берегу, а стрелы свистели вокруг него. Его люди взревели и размахивая клинками стали приближаться.

— Проклятая собака! — в ярости воскликнул граф и ударил скверного лучника по голове своей закованной железной рукой. — Почему ты не попал ему в горло? Будьте наготове, люди! Они идут!

Но Стромбанны добежал до своих людей и остановил их. Пираты растянулись длинной линией, достигающей угла западной части палисада и стали осторожно приближаться, изредка стреляя из луков. Хоть их лучники были лучше зингаранских, им при каждом выстреле приходилось выпрямляться. Этим пользовались зингаранцы, которые

защищенные палисадом, могли со своей стороны выпускать стрелы и болты из арбалетов хорошенько прицелившись.

Длинные стрелы бараханцев по крутой дуге летели через ограду палисада и дрожа впились в карниз окна, через которое Белеза наблюдала за боем. Тина вскрикнула, глядя на дрожащее древко стрелы.

Зингаранцы не отвечали на обстрел. Они целились тщательно, без ненужной спешки. Тем временем, женщины забрали всех детей в хижаны и покорились судьбе, которую уготовили им боги.

Бараханцы были известны своей яростной тактикой нападения, но они были также осторожны, как и быстры, и не так глупы, чтобы гибнуть во время штурма палисада. Растянувшись широкой цепью, они ползли вперед, используя малейшие укрытия, такие как ямы, одиночные кусты, но их было не так уж и много, потому что земля вокруг форта была очищена, чтобы пикты во время своих атак не смогли укрыться здесь.

Когда бараханцы приблизились к форту, защитникам стало легче целиться и попадать в наступающих. Тут и там лежали трупы, латы которых блестели на солнце. Некоторые были пробиты арбалетными болтами, из тел других торчали стрелы, особенно из их незащищенных шей или подмышек. Раненые плавали в лужах крови и стонали.

Пираты были гибкими как кошки, они постоянно перемещались с места на место, и из-за этого постоянного движения представляли из себя плохие мишени, кроме того, латы защищали их. Их непрерывный обстрел угрожал людям в форте и заставлял их нервничать. Несмотря на это, было очевидно, что преимущество было на стороне укрывшихся за стенами зингаранцев, пока шла только перестрелка.

Однако, возле ангара для лодок, на берегу пираты работали топорами. Граф яростно выругался, увидев, что они сделали с их лодками, которые его люди соорудили из досок, с таким трудом напиленных из толстых стволов деревьев.

— Они строят передвижной защитный щит, — в ярости воскликнул он. — Нужна вылазка, прежде чем они его изготовят, пока они еще рассыпались по берегу...

Гальбро покачал головой и взглянул на безоружных рабочих с их неуклюжими охотничьими копьями.

— Наши стрелы убьют многих, кроме того, мы не можем вступать с ними в рукопашную. Нет, мы должны оставаться за оградой палисада и положиться на свою защиту.

— Великолепно, — пробурчал Валенсо, — но только в том случае, если они не вторгнутся в форт.

Время шло и стрелки с обеих сторон продолжали свою дуэль. Наконец, группа примерно из трех десятков пиратов приблизилась к форту, толкая перед собой гигантский щит, сколоченный из досок лодок и дерева лодочного ангара. Они нашли арбу и прикрепили ее колеса к щиту; колеса эти были сделаны из дубовых досок. Катя перед собой это тяжелое

сооружение, они были защищены от стрел защитников форта, которые могли видеть только их ноги.

Щит все ближе подкатывали к воротам. Растянувшись цепью, стрелки бежали к щиту, стреляя на бегу.

— Стреляйте! — ревел Валенсо, лицо которого сильно побледнело. — Остановите их прежде, чем они достигнут ворот!

Стрелы свистели над оградой палисада и вонзались в толстое дерево, не причиняя никакого вреда. Насмешливые крики были ответом на этот залп. Стрелы пиратов теперь попадали в бойницы. Одни из солдат пошатнулся и, хрипев, со стрелой в горле упал на бруствер.

— Стреляйте в ноги! — крикнул Валенсо, а потом: — сорок человек с пиками и топорами к воротам! Остальные остаются на палисаде!

Песок брызнул у ног пиратов, катящих щит, когда туда ударили арбалетные болты. Пронзительный вой показал, что одна из стрел попала в цель. Один из пиратов оказался из-за щита. Он ругался и прыгал на одной ноге, пытаясь вырвать болт из другой ноги. Сразу же в него вонзилась дюжина стрел.

Но пираты с триумфальными криками уже подкатили щит к воротам. Через отверстие в центре щита был просунут таран с железным наконечником, сделанный из одного из стропил разнообразного лодочного ангара. Ворота затрещали и немного поддались, в то время, как стрелы и болты градом сыпались на нападающих, время от времени, попадая в цель. Однако, морские волки были полны жажды боя.

С громкими криками они раскачивали тяжелый таран, в то время, как их товарищи, не обращая внимания на несколько ослабевший обстрел, устремились к форту со всех сторон, на бегу отвечая на этот обстрел своими стрелами.

Граф, ругаясь вытащил свой меч, прыгнул с бруствера и побежал к воротам. Отряд его солдат все еще вел беглый обстрел. Каждое мгновение ворота могли поддаться еще больше и тогда защитники закроют образовавшуюся в них брешь своими собственными телами.

Тут шум боя перекрыл новый звук: со стоявшего у берега корабля, прозвучал рев трубы. Человек, сидевший на мачте, дико размахивал руками.

Стромбанни услышал его в то мгновение, когда он обхватил руками тяжелый таран. Он покрепче уперся ногами в песчаную почву, чтобы удержать таран, когда он в результате отдачи пойдет назад. Мощные мускулы вздулись на его руках и ногах. Он прислушался, капли пота блестили на его лице.

— Стойте! — проревел он. — Проклятье, да остановитесь же! Вы слышите?

В наступившей тишине звук трубы стал слышен еще лучше и голос проревел что-то, что людям внутри палисада не удалось понять.

Но Стромбанни понял это. Он снова прорычал сопровождаемый проклятиями приказ. Пираты бросили таран, а щит стали оттаскивать от

ворот как можно быстрее. Пираты, по которым осажденные в форте снова открыли огонь, быстро помогли подняться своим раненым и торопливо потащили их назад, к берегу.

— Смотри! — крикнула Тина у своего окна, подпрыгивая от возбуждения и нетерпения. — Они бегут! Все! Они бегут к берегу! Смотри они даже бросили свой щит! Они прыгают в шлюпку и гребут к своему кораблю! О, моя леди! Неужели мы их победили и они уходят?

— Я думаю нет, — Белеза взглянула на море, потом снова перевела взгляд на девочку. — Посмотри!

Она отодвинула занавески в сторону и высунулась из окна. Ее звонкий молодой голос перекрывал звуки голосов, недоуменно переговаривающихся друг с другом защитников форта. Она сначала поглядела вверх, потом туда, куда указывала ее хозяйка. Тина удивленно вскрикнула, когда увидела еще один корабль, величественно огибающий южную оконечность бухты. Пока она наблюдала за ним широко открытыми глазами, он поднял королевский флаг Зингары.

Пираты Стромбанни вскарабкались на борт своей караки и стали поднимать якорь. Прежде, чем новый корабль пересек половину бухты, "КРАСНАЯ РУКА" исчезла за северной частью ее оконечности.

3. ТЕМНЫЙ ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Голубой туман сгустился в ужасную темную фигуру, контуры которой расплывались. Она заполняла всю переднюю часть пещеры и скрывала за собой молчаливые фигуры у стола. Конечно, киммериец не был уверен, но ему, казалось, что он видит косматый мех, острые уши и два стоящих друг возле друга рога.

Пока длинная рука, как щупальца сжимало его горло, киммериец мгновенно обрушил на нее свой пиктийский топор. От силы удара рукоятка топора сломалась о стену. Однако, насколько он мог видеть, клинок вообще не проник в тело противника. Для того, чтобы ранить демона, недостаточно простого оружия. И когти уже сомкнулись на его горле, чтобы сломать ему шею, словно это была сухая ветка. С тех пор, как Конан боролся с Баалитефом в замке Ханумана в Замбуле, никто больше не схватывал Конана с такой силой.

Когда волосатые пальцы коснулись его кожи, варвар напряг стальные мускулы своей сильной шеи и глубоко втянул голову в плечи; он сделал это для того, чтобы у его сверхъестественного противника было как можно меньше площади для захвата. Он уронил кинжал и сломанный топор, схватив за толстые, черные когтистые пальцы, вскинул обе ноги

высоко вверх и изо всех сил ударил пятками по груди чудовища, вытянув свое тело в прямую линию.

Чудовищное сопротивление сильной стопы ноги киммерийца высвободило его из смертельного захвата и сила удара отшвырнула его назад, в туннель, по которому он пришел сюда.

Он упал спиной на твердый каменный пол и, перекувырнувшись, оказался на ногах, не обращая внимания на свои раны. Он был готов бежать или бороться, смотря по тому, что ему предстоит.

Пока он тяжело дыша стоял и, как волк скалил зубы, смотрел на дверь, ведущую в пещеру, он немного пришел в себя и стал ждать, что произойдет дальше. Но ничего не произошло. Потому что едва Конан освободился от захвата чудовища, оно растворилось и стало голубым туманом, из которого оно сгустилось.

Киммериец стоял готовым к прыжку или к тому, чтобы повернуться и помчаться по туннелю. Суеверный страх варвара грыз его. Хотя он и был совершенно бесстрашен, когда дело касалось обычных людей или животных, но все сверхестественное всегда будило в нем холодный ужас.

Итак, именно поэтому пикты не использовали свои шансы, а вместо этого повернули назад. Собственно он предполагал нечто подобное. Он постарался вспомнить все, что слышал о демонах в своей юности в покрытой облаками Киммерии, а потом во время странствий по большей части цивилизованного мира — и что пережил сам. В то мгновение он не мог вспомнить ни того, ни другого. Но когда этот воздушный дух обрел материальную форму, он увидел все его ограничения. Гигантское неуклюжее чудовище не могло бегать так же быстро, как смертное животное его размеров и очертания. Конан был уверен, что сам он сможет бежать быстрее, чем вот такое чудовище.

Он собрал все свое мужество и с колотящимся сердцем проревел.

— Эй ты, ужасный монстр! Не потрудишься ли ты выйти?

Он не получил никакого ответа.

Голубой туман клубился под сводом пещеры, больше не ступаясь в демона. Внезапно Конан вспомнил Сагу пиктов о демоне, которого заколдовал один колдун, чтобы демон этот убил группу чужеземцев, пришедших из-за моря. Но он запер демона в той же пещере, где он заточил свои жертвы и в которой он убил их, чтобы демон, которого он вызвал из ада, не мог напасть на него и разорвать его на клочки.

Киммериец впервые обратил свое внимание на сундуки, стоящие вдоль стен туннеля...

В форте граф приказал:

— Быстрее наружу! — он рванул засов ворот. — Уничтожьте щит, прежде чем чужаки высадятся на берег.

— Но Стромбанни бежал! — воскликнул Гальбро. — А новый корабль плывет под флагом Зингары!

— Делай то, что я тебе сказал! — прогремел Валенсо. — Мои враги не только иностранцы. Наружу, собаки! Тридцать из вас должны втащить щит в форт!

Прежде чем зингаранский корабль бросил якорь, тридцать самых сильных мужчин подкатили щит к воротам и постарались протаскать его в форт.

Тина удивленно спросила из окна главного дома.

— Почему это граф снова запер ворота? Он боится того человека, который находится на корабле?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, детка, — обеспокоено ответила Белеза. Хотя граф был отнюдь не тем человеком, который боится своих врагов, он никогда не говорил, почему он ушел в это добровольное изгнание. Во всяком случае, предположение Тины было беспокоящим и не таким уж и невероятным.

Девочка, казалось, не слышала ее ответа.

— Все люди снова внутри форта, — сообщила она. — Ворота заперты и все вернулись на свои посты. Если новый корабль преследует Стромбанни, почему же он тогда не плывет за ним? Это не военная карака, а обычная галера. Посмотри, лодка с корабля идет к суше. На ее носу сидит человек в черном плаще.

Лодка заскребла по песку. Человек в темной накидке спокойно шагнул на песок, а за ним последовало три его товарища. Он был высок, строен и под его черным плащом блеснул черный шелк и сталь.

— Стойте! — прогремел граф, когда они подошли ближе. — Я буду иметь дело только с вашим предводителем!

Высокорослый чужак снял свой шлем и поклонился. Его товарищи остановились и еще плотнее закутались в свои плащи. Моряки позади них, опершись на весла, смотрели на флаг, развевающийся над палисадом.

Когда чужак подошел так близко к воротам, что уже не нужно было кричать, чтобы понять друг друга, он сказал:

— Конечно, между людьми чести не должно быть недоверия.

Валенсо яростно посмотрел на него. У чужака была темная кожа, узкий нос хищной птицы и тонкие черные усы. На его шее, так же, как и на рукавах, были видны тонкие кружева.

— Я знаю вас, — сказал Валенсо, колебавшись. — Вы корсар, которого зовут Черный Зароно.

Чужеземец снова поклонился.

— Нет также никого, кто не знал бы красного сокола Корзетты.

— Мне кажется, что этот берег является местом встречи негодяев всех южных вод, — пробурчал Валенсо. — Чего вы хотите?

— Но мой лорд, — сказал Зароно порицающим тоном. — Что это за приветствие для того, кто сослужил вам такую большую службу? Разве это аргоссианская собака, Стромбанни, не хотел протаранить ваши ворота? И разве он не смазал пятки, когда мы обогнули мыс?

— Это так, — нехотя согласился граф. — Хотя я не вижу разницы между пиратом и корсаром.

Зароно рассмеялся, не чувствуя себя оскорбленным и подкрутил усы.

— Вы очень откровенны, мой лорд. Поверьте мне, я хотел только попросить вашего разрешения бросить якорь в вашей бухте и отправить своих людей на охоту в лес, чтобы обеспечить себя мясом, а также набрать воды. А что касается меня, то я думаю, что вы, может быть, пригласите меня на стаканчик вина.

— Я не знаю, как я могу удержать вас от этого. Но позвольте мне сказать одно, Зароно. В мой форт не войдет ни один из ваших людей. Если один из них приблизится к нему, хотя бы на сотню футов, он получит стрелу в горло. И я предупреждаю вас, держите подальше руки от моего сада и моего скота. Я дам вам на мясо одного быка, но не больше! И если вы задумаете что-нибудь еще, могу вас заверить, что мы в форте сможем удержаться против ваших людей.

— Против Стромбанны, как мне кажется, вам этого не удалось, — немного насмешливо напомнил ему пират.

— Но вы больше не сможете найти дерева для постройки щита, если только вы не свалите пару деревьев или не возьмете со своего корабля, — свирепо сказал граф. — Кроме того, ваши люди не бараханские лучники и поэтому они не лучше моих. Не говоря уже о том, что та ничтожная добыча, которую вы сможете взять здесь, в форте, не стоит таких хлопот.

— Кто говорит о добыче и о нападении? — возразил Зароно. — Нет, мои люди хотят только снова ощутить землю под ногами, и от однообразного питания на борту грозит вспыхнуть цинга. Вы позволите им высадиться на берег? Я ручаюсь за их хорошее поведение.

Валенсо с неохотой дал согласие. Зароно чуть насмешливо поклонился, и с достоинством, размеренными шагами отошел назад, словно он находился при дворе Кордавы — где он действительно, если слухи не были преувеличенными, когда-то был желанным гостем.

— Не пускай в форт никого, — Валенсо повернулся к Гальбро. — Я не доверяю этим ренегатам. Тот факт, что он прогнал Стромбанны от наших ворот, еще не гарантирует того, что он не перережет нам горло.

Гальбро кивнул. Он конечно, знал о соперничестве и вражде между пиратами и зингаранскими корсарами. Пираты большей частью были аргоссианскими моряками, которые пошли против закона. К исконной вражде между Аргосом и Зингарой здесь добавлялась еще и конкуренция, так как бараханцы и зингаранские корсары делали жизнь людей в городах на южном побережье небезопасной и с такой же яростью они нападали друг на друга.

Таким образом, когда корсары вышли на берег, никто из них и не подумал направиться к палисаду. Загорелые парни носили пестрые шелковые одежды и блестящую сталь, на головах у них были платки, а в ушах золотые кольца. Около ста семидесяти человек разбили лагерь на берегу. И Валенсо заметил, что Зароно установил посты на обоих краях бухты.

К саду они не приближались вообще. Они только взяли быка, на которого Валенсо указал им с палисада, погнали его к берегу и там зарезали. Там был разведен костер, а на берег были вытащены оплетенные бочонки с пивом и откупорены. Другие бочонки корсары наполнили водой из источника недалеко к югу от форта, а несколько мужчин направились в лес. Увидев это, Валенсо почувствовал себя обязанным окликнуть Зароно.

— Не позволяйте своим людям ходить в лес. Возьмите лучше из моего стада еще одного быка, если вам недостаточно мяса. Если ваши люди войдут в лес, может легко случиться так, что пикты убьют их. Незадолго до того, как вы высадились здесь, мы отбили их нападение. С тех пор как мы здесь, они, одного за другим, убили шестерых из наших людей. Однако, в настоящее время между нами вооруженное перемирие, которое висит на волоске.

Зароно бросил заметно испуганный взгляд на темный лес, потом поклонился и сказал.

— Я благодарю вас за предупреждение, мой лорд! — хриплым голосом, составляющим полный контраст с его вежливым тоном разговора с графом, он отозвал своих людей назад.

Если бы взгляд Зароно мог проникнуть сквозь стену леса, он, конечно, вздрогнул бы, увидев мрачную фигуру, которая с нетерпением ожидала там и своими черными свирепыми глазами наблюдала за высадившимися на берег чужаками. Это был жутко разрисованный воин, который за исключением набедренной повязки из кожи диких животных и пера птицы-носорога над левым ухом, был совершенно обнажен.

С наступлением вечера, с моря на сушу надвинулась тонкая серая стена и затмила небо. Солнце село красное, и его кровавые лучи окрасили верхушки черных волн. Туман все приближался. Он клубился у подножия деревьев и, как дым, вползал в форт. Костер на берегу сквозь его дымку казался кроваво-красным и песни и рев корсаров звучали глухо, словно доносились издалека. Корсары захватили с собой с корабля старый парус и вдоль берега — где на вертелах все еще жарились куски говядины, а пиво постепенно кончалось — была возведена просторная палатка.

Большие ворота форта были крепко закрыты. Солдаты с копьями на плечах несли охрану на подмостках палисада. Капли тумана блестели на их шлемах. Они, казалось, были мало обеспокоены костром на берегу позади себя и все свое внимание сконцентрировали на лесе, который казался сквозь туман всего лишь нечеткой темной линией. Двор форта был безлюден. Сквозь щели хижин слабо мерцали свечи и свет струился из окон главного здания. Не было слышно ничего за исключением шагов охранников, стука капель воды, падающих с крыш и далекого пения пиратов.

Последнее слабо доносилось в большой банкетный зал, где граф Валенсо с его незванным гостем сидели за бутылкой вина.

— Ваши люди действительно рады, — пробурчал граф.

— Они рады снова ощутить землю под ногами, — ответил Зароно. — Это было долгое путешествие для меня, упорная охота, — он чокнулся с молодой женщиной и сделал глоток.

Вдоль стен стояла обслуга — солдаты в шлемах, лакеи в застиранных ливреях. Поместье Валенсо в этой дикой стране было всего лишь жалким подобием его двора в Кордаве.

Главный дом, как он любил его называть, без сомнения в этом окружении был настоящим чудом. Сто человек работали день и ночь, возводя его. Хотя его фасад был сделан из безыскусных бревен, так же, как и все остальные хижины в форте, но внутри он напоминал дворцы Корзетты — насколько это было возможно. Бревна внутренних стен были скрыты за шелковыми занавесями, расшитыми золотом. Обработанные и отполированные до блеска корабельные балки образовывали высокий потолок. Ковры покрывали пол, а широкая лестница вела вверх и ее массивные перила были раньше перилами на корабельной палубе.

Огонь в широко открытом камине прогнал леденящий холод ночи. Свечи в великолепных серебряных подсвечниках, стоящие на большом столе из красного дерева, освещали помещение и бросали длинные тени на лестницу.

Граф сидел во главе стола, его племянница сидела справа от него, а мажордом слева. Кроме того, за столом находились еще начальник охраны и корсар Зароно. Это маленькое общество занимало стол, за которым могло разместиться человек пятьдесят и от этого он казался еще больше.

— Вы преследуете Стромбанны? — осведомился Валенсо. — Как давно вы его преследуете?

— Да, я преследую Стромбанны, — рассмеялся Зароно. — Но он не уйдет от меня. Он идет то же, что нужно и мне.

— Что могут пираты и корсары искать в этой голой стране? — пробормотал Валенсо и посмотрел на играющее вино в своем бокале.

— Что могло привлечь сюда графа из Зингары? — спросил Зароно.

— Разложение королевского двора может заставить поступиться честью любого человека.

— Честные корзеттцы выносят его вот уже на протяжении нескольких поколений, — сказал Зароно без всяких обиняков. — Мой лорд, утолите мое любопытство — почему вы продали свое поместье, нагрузили ваш галеон скарбом из вашего двора, а потом просто исчезли из поля зрения короля и знати Зингары? И почему вы осели именно здесь, если ваше имя и ваш меч могли обеспечить вам власть в какой-нибудь цивилизованной стране?

Валенсо играл золотой цепочкой, висевшей у него на шее.

— Почему я покинул Зингару, — сказал он, — это только мое дело. То, что я обосновался здесь — это чистая случайность. Я всех своих людей высадил на берег, а также выгрузил все упомянутые вами вещи, чтобы некоторое время побыть здесь. К моему прискорбию, мой корабль, сто-

явший на якоре в бухте, бросило на скалы северной ее оконечности и разбило вдребезги. Все это сделал неожиданно налетевший с моря шторм. Такие штормы в некоторые времена года здесь случаются весьма часто. Поэтому мне ничего не оставалось как только остаться здесь и устроиться получше.

— Итак, если у вас будет возможность, вы снова вернетесь к цивилизации?

— Но не в Кордаву. Может быть, в дальние страны, в Вендхию или даже Китай...

— Здесь не слишком скучно для вас, моя леди? — Зароно в первый раз обратился непосредственно к Белезе.

Желание увидеть, наконец, хоть одно новое лицо и услышать хоть один новый голос, пригнало девушку в банкетный зал, однако теперь ей хотелось оказаться в ее комнате вместе с Тиной. В значении взгляда Зароно нельзя было ошибиться. Хотя речь его была холеной, тон вежливым, а лицо его серьезным и благородным, но это была только маска, сквозь которую она видела властолюбивый и угрюмый характер этого человека.

— Здесь очень мало разнообразия, — ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — без обиняков спросил Зароно у своего хозяина, — покинули бы вы тогда форт?

— Может быть, — ответил граф.

— У меня есть корабль, — сказал Зароно. — Если мы придем к соглашению...

— Соглашению? — Валенсо поднял голову и недоверчиво взглянул на гостя.

— Я удовлетворюсь только некоторой долей, — объяснил Зароно. Он быстро забарабанил пальцами по столу. Они были похожи на какого-то отвратительного паука. Было заметно, что они дрожали и глаза корсара сверкали от возбуждения.

— Доля чего? — Валенсо, заметно удивленный, уставился на него. — Деньги, которые я захватил с собой, утонули вместе с моим кораблем и в отличие от разбитого дерева, их не выбросило на берег.

— Нет, не это! — жесты Зароно стали нетерпеливыми. — Не будем втирать друг другу очки, мой лорд. Вы утверждаете, что только случайно вы высадились именно здесь, хотя вы могли выбрать тысячу других мест на этом побережье?

— Я не вижу никаких оснований для того, чтобы утверждать, — холодно ответил Валенсо. — Мой рулевой Зингелито раньше был корсаром. Он знал эти берега и посоветовал высадиться мне именно здесь. Он сказал мне, что у него на это есть основания, о которых он расскажет мне позже. Но он так и не сделал этого, потому что еще в день нашего прибытия сюда он исчез в лесу. Позже мы нашли его обезглавленный труп. Очевидно, его убили пикты.

Зароно некоторое время пристально смотрел на графа.

— Ну хоть что-то! — сказал он, наконец. — Я всерью вам, мой лорд. Корзеттцы не искусны во лжи, какими бы другими способностями они не обладали. Я делаю вам предложение. Должен признаться, что бросая якорь в этой бухте, я имел совсем другие планы. Я считал, что вы уже заполучили драгоценности, и я намеревался хитростью или силой захватить этот форт и перерезать горло всем находящимся здесь. Но обстоятельства сложились так, что мне пришлось изменить свои намерения... — он посмотрел на Белезу взглядом, от которого у нее покраснели щеки, и она постаралась придать своему лицу высокомерное выражение. Зароно, как ни в чем ни бывало, продолжил:

— У меня есть корабль, который вам пригодится для того, чтобы убраться отсюда вместе со своей семьей и парой других людей, которых вы берете. Другим, может быть, придется выбираться отсюда своими силами.

Обслуга вдоль стены незаметно и озабоченно обменялась взглядами. Зароно заметил это, но ничем не показал.

— Однако, сначала вы должны мне помочь найти сокровища, за которыми я плыл за многие тысячи миль.

— Во имя Митры, какие сокровища? — рассержено спросил граф. — Теперь вы говорите, как эта собака Стромбанны.

— Вы когда-нибудь слышали о Кровавом Траникосе, величайшем из бараханских пиратов?

— Кто же о нем не слышал? Он был тем, кто ворвался в крепость на острове, где находился в изгнании принц Стигии Тотмекри, убил там всех людей и похитил сокровища, которые принц прихватил с собой, бежав из Кемы.

— Верно. Это известие о драгоценностях, как падаль стервятников, привлекло людей всего Красного Братства — пиратов, буконьеров и даже свободных корсаров со всего юга. Траникос, опасаясь предательства со стороны своих людей, бежал на север на своем корабле и больше никто никогда его не видел. Это произошло всего около ста лет назад.

Но согласно слухам, один из его людей пережил это путешествие и снова вернулся на Бараханские острова, однако, его корабль захватила боевая зингаранская галера. Но прежде чем его повесили, он рассказал свою историю и своей кровью нарисовал на пергаменте карту. Как-то, через кого-то, ему удалось передать ее кому-то. Он рассказал следующее:

Траникос удалился далеко в неизведанные воды и, найдя на пустынном берегу одинокую бухту, бросил там якорь. Он сошел на берег, взяв с собой драгоценности и одиннадцать человек, которым он доверял больше всего. По его приказу, корабль крейсировал вдоль берега, а примерно через неделю снова должен был вернуться в бухту, чтобы забрать на борт Траникоса и его людей. А тем временем, Траникос хотел спрятать драгоценности где-то поблизости. Корабль в условное время вернулся, но нигде не было никаких следов Траникоса и его людей, если не считать примитивной хижины, стоящей на берегу.

Эта хижина была уничтожена, а вокруг нее были четко видны отпечатки голых ног, однако ничто не указывало на то, что здесь произошел бой. Не было также никаких следов драгоценностей, ни тайника. Пираты отправились в лес на поиски своего предводителя. С ними был боссонец, который мог великолепно читать следы, потому что раньше был лесным жителем и смог обнаружить следы ушедших на старой тропе. Они вели на восток на многие мили. Когда пираты после долгого похода так и не обнаружили Траникоса и изрядно устали, один из пиратов влез на дерево. Человек этот сообщил, что впереди, недалеко отсюда из леса, как башня поднимается скала. Они направились к этой скале, однако на них напал отряд воинов-пиктов и вынудил их вернуться к кораблю. Прежде чем они вернулись на Бараханские острова, сильный шторм разбил корабль и в живых остался только один человек.

Эта история о драгоценностях Траникоса, которые напрасно ищут уже целое столетие. Известно, что существует карта, но где она находится — неизвестно.

Мне было позволено взглянуть на эту карту. Со мной были Стромбанни, Зингелито и один немедиец, примкнувший к бараханцам. Мы видели ее в Мессантии, где мы, замаскировавшись, провели недурной вечерок. В одном из кабаков, где мы кутили, кто-то толкнул лампу и кто-то закричал в темноте. Когда свет зажгли снова, старому скряге, которому принадлежала эта карта, воткнули в сердце нож. Карта исчезла и вбежала охрана со своими копьями, чтобы выяснить кто и почему кричал. Мы поняли, что нам пора убираться, и каждый из нас ушел своим собственным путем.

В течении года, я и Стромбанни выслеживали друг друга, потому что каждый из нас думал, что карта находится у другого. Ну, теперь ясно, что это не так. Но совсем недавно я услышал, что Стромбанни поплыл на север и я последовал за ним. Вы оказались концом этой погони.

Как я уже говорил, я только мельком видел эту карту, когда она лежала на столе перед стариком, но поведение Стромбанни доказывает, что он считает, что это именно та самая бухта, где высадился Траникос. Я думаю, Траникос спрятал свои драгоценности на скале, которую увидел наблюдатель пиратов, или возле нее. Однако на обратном пути на них напали пикты и убили их. Во всяком случае, пикты не завладели драгоценностями, потому что иначе эти драгоценности появились бы где-нибудь. Все-таки уже много торговцев подходило к этим берегам и вело меновую торговлю с прибрежными племенами. Но никто из этих племен не предлагал ни золота, ни драгоценных камней.

А теперь вот мое предложение: мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами. Если мы будем сотрудничать, мы сможем их разыскать. Мы сможем начать поиски и у нас в форте останется достаточно людей, чтобы продержаться, если на нас нападут. Я совершенно уверен, что тайник находится неподалеку. Мы найдем его, погрузим драгоценности на мой корабль и поплывем к одной из дальних гаваней, где я смогу золотом

стереть память о своем прошлом. Я не хочу такой жизни. Я хочу вернуться назад, к цивилизации и жить как богатый человек, в изобилии, с многочисленной прислугой и с женой благородной крови.

— Ах так? — граф, полный подозрений, поднял брови.

— Отдайте мне в супруги вашу племянницу, — без обиняков потребовал корсар.

Белеза вскрикнула и возмущенно вскочила. Валенсо тоже поднялся, лицо у него побелело. Его пальцы судорожно стиснули бокал, словно он намеревался запустить его в голову своему собеседнику. Зароно не пошевелился. С руками на столе, с пальцами, вытянутыми и согнутыми как когти, он сидел совершенно неподвижно. Но глаза его блестели страстью и угрозой.

— Как вы могли отважиться ... — воскликнул Валенсо.

— Вы, кажется, забыли, что вы уже вылетели из седла, граф Валенсо — пробурчал Зароно. — Мы здесь не при дворе Кордовы, мой лорд. На этом пустынном берегу нужно сменить благородство на мускульную силу и оружие — а уж об этом-то я позаботился. Чужой живет в вашем дворце в Корзетте, а все ваше состояние лежит на дне моря. Если я не предоставлю в ваше распоряжение свой корабль, вы весь остаток жизни проведете на этом берегу как отшельник.

Вам не придется раскаиваться в породнении между нашими домами. Под новым именем и с новым богатством, Черный Зароно начнет свою жизнь среди дворянства этого мира, и вы получите зятя, которого вам не придется стыдиться в Корзетте.

— Вы сошли с ума! — граф рассержено вскочил. — Вы... что это?

Это был перестук легких ножек. В банкетный зал вбежала Тина. Она рассеянно сделала реверанс и поспешила к столу, чтобы вцепиться своими пальцами в пальцы Белезы. Она тяжело дышала, ее щеки были мокрыми и ее льняные волосы приклеились ко лбу.

— Тина! Как ты здесь оказалась? Я думала, что ты находишься в своей комнате!

— Так это и было, — ответила девочка, переведя дыхание. — Но я потеряла нитку кораллов, которую вы мне подарили... — она подняла ее вверх. Это было не ценное украшение, но она любила его больше, чем все остальные вещи, потому что это был первый подарок Белезы. — Я боялась, что вы не позволите мне ее искать, если вы об этом узнаете. Жена одного солдата помогла мне выйти из форта и снова вернуться назад. Но только прошу вас, моя леди, не требуйте от меня, чтобы я назвала ее имя. Я обещала, что не выдам ее. Я нашла нитку на берегу пруда, где плавала сегодня утром. Накажите меня, если я сделала что-то плохое.

— Тина! — простонала Белеза и прижала девочку к себе. — Я тебя еще никогда не наказывала. Но ты не должна покидать форт, на берегу расположились корсары и все еще существует опасность, что пикты подберутся к форту. Идем, я отведу тебя обратно снять мокрую одежду...

— Да, моя леди, — пробормотала Тина. — Но сначала позвольте мне рассказать о черном человеке.

— Что? — сорвалось с губ графа Валенсо. Бокал выскользнул из его пальцев и со звоном разбился о пол. Он обеими руками вцепился в крышку стола. Его фигура согнулась, словно в нее попала молния. Лицо его мертвенно побледнело, глаза запали глубоко в глазницы.

— Что ты сказала, девочка? — задыхаясь произнес он. Он так грозно и дико глянул на девочку, что та испуганно прижалась к Белезе. — Что ты сказала?

— Черный человек, мой лорд, — произнесла Тина, в то время как Белеза, Зароно и обслуга обеспокоено смотрели на графа. — Когда я бежала к пруду, чтобы найти свою ниточку жемчуга и кораллов, я увидела его. Ветер дул и жутко стонал, а море кипело словно от страха — и тут появился он. Он приплыл на странной черной лодке, окруженной голубыми струями пламени, которые, конечно, не были факелами или лампами. Он вытащил свою лодку на берег около южного рога бухты и зашагал к лесу. В тумане он казался гигантом — высокий, сильный человек, темный, как кушит...

Валенсо пошатнулся, словно ему нанесли смертельный удар бичом. Он схватился за горло и поспешно сорвал золотую цепь. С выражением лица сумасшедшего, он затолкал ее в карман и вырвал девочку из объятий Белезы.

— Ты маленькое чудовище! — прокаркал он. — Ты лжешь. Ты слышала, как я говорил во сне, и теперь ты лжешь, чтобы помучить меня. Признайся, что ты лжешь, пока я не оторвал твою голову от плеч!

— Дядя! — воскликнула Белеза испуганно и возбужденно и попыталась освободить Тину от хватки графа. — Вы в своем уме? Что все это значит?

Он с ворчанием оторвал ее пальцы от своей руки, повернулся и толкнул ее так, что она споткнувшись оказалась в руках Гальбро, который смотрел на нее с нескрываемым любопытством.

— Пошадите, мой лорд, — всхлипнула Тина. — Я не солгала вам!

— А я говорю, что ты лжешь! — прогремел Валенсо. — Гобелез!

Вызванный слуга равнодушно схватил ребенка и сорвал платье с ее спины. Он поднял Тину и повернув ее, завернул ее тонкие ручонки за спину и снова поднял ее, бьющуюся и молящую ногами во все стороны, с пола.

— Дядя! — закричала Белеза и постаралась защититься от захвата Гальбро, в котором была заметна страсть. — Вы, должно быть, сошли с ума! Не можете же вы ... О, не можете же вы ... — крик придушенно застрял в ее горле, когда Валенсо потянулся за бичом из воловьей кожи с украшенной камнями рукояткой и с дикой яростью так хлестнул девочку по спине, что между ее голых лопаток появилась красная полоса.

Крик Тины пробрал Белезу до самых костей. Ей стало плохо. Мир перед ней внезапно затрещал по всем швам. Как в кошмаре она видела

лица солдат и слуг, но в выражении их не было никакого сочувствия. Надменное лицо Зароно тоже было частью этого кошмара. Она почти ничего не видела в этом кровавом тумане, который надвинулся на нее. Она только и видела белос тело Тины, спина которой до самой шеи была покрыта красными полосами, крест-накрест пересекающими друг друга и не слышала ничего, кроме ее криков боли и тяжелого дыхания Валенсо, когда он сумасшедшими глазами избивал ее и ревел.

— Ты лжешь! Проклятье, ты лжешь! Поклянись, что ты лжешь, или я оторву тебе голову. Он не может преследовать меня здесь!

— Пощадите, мой лорд, молю вас! — визжала девочка. Она напрасно пыталась спрятаться за широкие спины слуг. От боли и отчаяния она не подумала о том, что ложь могла спасти ее. Кровь красными жемчужинами скатывалась по ее ногам. — Я видела его! Я не лгу! Пощадите! А-а-а-а!

Разум, казалось, вновь вернулся к Валенсо. Он выронил бич и опустился на край стола, за который он так слепо держался. Казалось, на него накатился приступ лихорадки. Его волосы мокрыми прядями приклеились ко лбу и пот блестел на его лице, которое превратилось в маску ужаса. Гебелез отпустил Тину и она жалким плачущим комочком опустилась на пол. Белеза вырвалась из рук Гальбро. Она, рыдая, подбежала к девочке и опустилась на колени возле нее. Она прижала ее к себе с рассерженным выражением взглянула на дядю, чтобы потрясти его праведным гневом. Но он даже не взглянул в ее сторону. Он, казалось, забыл о ней и о своей жалкой жертве. Она не поверила своим ушам, как он сказал Виллирсу.

— Я принимаю ваше предложение, Зароно. Во имя Митры, мы разыщем эти проклятые сокровища и исчезнем с этого дьявольского берега.

При этих словах огонь ее гнева превратился в золу. Не способная больше сказать ни слова, она подняла плачущую девочку на руки и понесла ее вверх по лестнице. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Валенсо сидит за большим столом и вливает в себя вино из огромного бокала, держа его дрожащими руками, а Зароно, как стервятник, пригнувшись, стоит перед ним. Очевидно, он тоже был ошеломлен происшествием, но он также готов был использовать эту перемену настроения графа. Он говорил с ним тихо, но твердым голосом, и Валенсо тупо кивал, словно он едва слышал, что ему говорят. Гальбро задумчиво стоял в тени, обхватив пальцами подбородок, а слуги вдоль стен украдкой переглядывались друг с другом, пораженные надломом своего господина.

Войдя в комнату, Белеза положила наполовину потерявшую сознание девочку на кровать и стала промывать кровавые полосы на спине, затем стала мазать смягчающим боль маслом. Тина слабо всхлипывала, однако не сопротивлялась нежным рукам своей госпожи. Белезе показалась, что мир рухнул. Она чувствовала себя жалкой и дрожала от последствий шока, вызванного ужасными переживаниями. Она боялась своего дяди и ярости, проснувшейся в его сердце. Она никогда не любила его.

Он был строг, не проявлял никаких теплых чувств и, кроме того, был скуп и алчен. Однако, по крайней мере, до сих пор она считала его справедливым и храбрым. Она содрогалась от отвращения, вспоминая его помутневшие глаза и искаженное побелевшее лицо. Что-то до потери сознания испугало его. Почему-то он считал существо, запавшее ему в сердце, таким ужасным, что решил продать свою племянницу этому печально известному морскому грабителю. Что скрывалось за этим сумасшествием? Кто был тот черный человек, которого видела Тина?

Девочка бормотала в полубреду.

— Я не лгала, моя леди! Я действительно не лгала! Я видела черного человека на черной лодке, которая держалась на голубом огне. Это был очень большой человек, темный, почти как кушит, и на нем был черный плащ. Я так испугалась, когда увидела его, что у меня кровь застыла в жилах. Он вышел из лодки, вытащил ее на берег и отправился в лес. Почему граф избил меня только за то, что я видела этого человека?

— Тсс, Тина, — Белеза попыталась успокоить девочку. — Лежи тихо и боль пройдет.

Дверь позади нее открылась. Белеза выпрямилась и схватила украшенный драгоценными камнями кинжал. На пороге стоял граф Валенсо. При взгляде на него, у нее по спине пробежали мурашки. Он, казалось, постарел, его лицо было серым и напряженным, в его глазах был страх. Он никогда не был близок ей, однако теперь, она чувствовала, что их разделяет чудовищная пропасть. Тот, кто стоял перед ней, теперь не был ее дядей, он был чужаком, который пришел ее мучить.

Она подняла кинжал.

— Если вы еще раз поднимите на нее руку, — прошептала она. — Я воткну клинок вам в сердце, клянусь Митрой!

Он вообще не обратил внимания на ее слова.

— Я поставил охрану вокруг главного дома, — сказал он. — Завтра Зароно приведет в форт своих людей. Он не покинет бухту, пока не найдет сокровища. Как только он найдет их, мы отплываем. Куда поплывем — решим по пути.

— И вы хотите продать меня ему? — прошептала она. — Во имя Митры...

Он бросил на нее мрачный взгляд. Она отшатнулась от него, потому что прочла в его лице бессмысленный ужас, от которого этот человек почти сошел с ума. Но почему? Это было загадкой.

— Ты сделаешь то, что я тебе прикажу, — сказал он, и в голосе его чувств было не больше, чем в звоне оружия. Он повернулся и покинул комнату. Белеза бессильно опустилась на кровать Тины.

4. ЧЕРНЫЙ БАРАБАН ГРЕМИТ

Белеза не знала, как долго она была без сознания. Затем она почувствовала на себе руку Тины и услышала ее рыдания. Она встала и взяла девочку на руки. Сухими глазами она невидяще уставилась на мерцающее пламя свечи. В доме было совершенно тихо. Даже корсары на берегу больше не пели. Тупо, почти против своей воли, она начала думать над этой проблемой.

Совершенно очевидно известие о появлении этого таинственного черного человека повергло Валенсо в состояние, близкое к сумасшествию. Чтобы ускользнуть от этого черного человека, он хотел оставить форт и бежать вместе с Зароно. В этом не было никакого сомнения. Было также ясно, что он был готов пожертвовать ей, чтобы получить возможность бежать. Она не видела для себя никакого проблеска. Слуги и солдаты были бесчувственными, тупыми созданиями, а их жены ограниченными и равнодушными. Они не отваживались помочь ей, они вообще не хотели делать этого. Она была совершенно беспомощна.

Тина подняла заплаканное лицо, словно прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу. Понимание ребенком отчаянных мыслей было почти невероятно, так же, как и понимание ее ужасной судьбы и единственного пути к бегству, который у нее еще оставался.

— Мы должны бежать отсюда, моя леди! — всхлипнула девочка. — Зароно не должен получить вас. Уйдем в лес и будем идти, пока не устанем. Потом мы ляжем и умрем вместе.

Трагическая сила последнего пути бегства наполнило все существо Белезы. Это был единственный выход из страны теней, в которую она погружалась все глубже и глубже со времени их бегства из Зингары...

— Да, так мы и сделаем, моя девочка.

Она поднялась, нащупала свой плащ, затем обернулась, услышав тихий зов Тины. Девочка, напрягшись, стояла перед ней. Она прижала палец к губам, а ее глаза расширились от страха.

— Что случилось, Тина? — искаженное страхом лицо девочки заставило Белезу непроизвольно снизить голос до шепота и ледяная рука сжала ее сердце.

— Кто-то там в коридоре, снаружи, — прошептала Тина, схватив Белезу за руку. — Он остановился перед нашей дверью, потом тихо скользнул дальше, к комнате графа в другом конце коридора.

— Твои уши слышат лучше, чем мои, — пробормотала Белеза. — Но это ничего не значит. Вероятно, это был сам граф или Гальбро.

Она хотела открыть дверь, но Тина обвила руками ее шею и Белеза почувствовала, как бешено бьется сердце этой маленькой девочки.

— Нет, моя леди! Не открывайте дверь. Я так боюсь. Я не знаю почему, но я чувствую, что по близости находится что-то недоброе!

Находясь под впечатлением слов девочки, Белеза обняла одной рукой Тину, а другую потянула к маленькому металлическому кружку, закрывающему крошечное смотровое отверстие в центре двери.

— Он возвращается! — прошептала Тина. — Я слышу его!

Теперь Белеза тоже кое-что услышала — странные скользящие шаги, которые не могли принадлежать никому из тех людей, кого она знала: она знала также, что это был не Зароно, который носил сапоги. Теперь и ее наполнил непреодолимый страх. Может быть, это корсар шел босиком по коридору, чтобы убить во сне своего гостеприимного хозяина? Она вспомнила о солдатах, которые несли охрану внизу. Даже если корсару удалось пробраться в комнаты главного дома, Валенсо, несомненно, поставил охрану перед дверью своей комнаты. Но кто же, в таком случае, крался по коридору? Кроме нее, Тины, графа и Гальбро никто не спал в верхнем этаже.

Торопливым движением она погасила пламя свечи, чтобы свет не мог проникнуть в смотровое отверстие, когда она сдвинет в сторону металлический кружок. В коридоре не было никакого света, хотя обычно он был всю ночь освещен светом свечей. Кто-то двигался вдоль темного коридора. Она, скорее почувствовала, чем увидела, как размытая фигура скользнула к ее двери. Она различила только, что это был мужчина. Ледяной ужас охватил ее. Она непроизвольно пригнулась и не могла произнести ни звука, хотя крик вот-вот должен был сорваться с ее губ. Это был не тот ужас, который она теперь испытывала перед дядей, это был не такой страх, который она испытывала перед Зароно, это был не такой страх, который нагонял на нее темный лес. Это был слепой, необъяснимый ужас, который стиснул ее сердце и парализовал язык.

Фигура скользнула дальше к лестнице, где она быстро пересекла полосу слабого света, струящегося снизу. Несомненно это был мужчина, но не из тех, кого она знала. На мгновение она увидела гладко выбритую голову и лицо, с резкими чертами хищной птицы. Кожа незнакомца была коричневого цвета и блестящей, намного темнее, чем у тоже далеко не светлокожих людей из прибрежных племен. Голова его была посажена на широкие, сильные плечи, на которые был накинут черный плащ. И чужак уже исчез.

Белеза затаила дыхание и стала ждать оклика солдат, находящихся в банкетном зале, которые должны были увидеть незнакомца. Но в главном доме все было тихо. Вдали стонал ветер. И все еще ничего не было слышно.

Руки ее были влажны от страха, когда она нащупала свечу, чтобы снова зажечь ее. Она все еще дрожала от ужаса, хотя она не могла сказать, что было такого ужасного в этой черной фигуре, которую осветил красноватый отсвет огня в зале внизу. Она знала только, что его вид лишил ее всякого мужества и недавно обретенной решимости.

Свеча замерцала и осветила бледное лицо Тины.

— Это был черный человек! — прошептала девочка. — Я знаю это! Моя кровь застыла теперь также, как и тогда, когда я увидела его на берегу. Однако, там внизу солдаты, как же они не заметили его? Нужно ли нам сообщить графу об этом?

Белеза покачала головой. Она не хотела, чтобы снова повторилась та сцена, которая последовала за первым упоминанием Тины о черном человеке. И, кроме того, она теперь не отваживалась выйти в коридор.

— Теперь мы не можем бежать в лес, — голос Тины дрожал. — Он подстерегает нас там!

Белеза не спросила, откуда девочка знает, что черный человек остался в лесу, потому что, в конце-концов, лес был естественным укрытием всего зла, человеческого и сверхъестественного. И она знала, что Тина была права. Теперь она не могла отважиться покинуть форт. Она теперь не могла решиться уйти из жизни по своей собственной воле. Она беспомощно опустилась на край кровати и закрыла лицо руками.

Тина наконец заснула. Слезы блеснули на ее ресницах. Она беспомощно металась от боли. Белеза осталась сидеть.

Под утро Белеза осознала, что воздух стал невероятно тяжелым и душным. С моря доносился глухой рев и грохот. Она задула почти полностью сгоревшую свечу и подошла к окну, откуда ей было видно море, а также часть леса.

Туман рассеялся и на восточном горизонте появилась узкая, бледная полоска, первый признак рассвета. Но на западе над морем собралась темная масса облаков. Молнии пронизывали ее, гремел гром, совершенно неожиданно отдававшийся в темном лесу.

Испуганная Белеза сосредоточила свое внимание на темной стене леса. Оттуда до ее ушей доносился странный, ритмично пульсирующий звук, который, несомненно, не был боем барабанов пиктов.

— Барабан! — вскрикнула Тина. Она судорожно стиснула и расслабила пальцы во сне. — Черный человек... в черном... бьет в черный барабан... в черном лесу! О, Митра, защити нас!

Белеза содрогнулась. Темная туча на западном горизонте изменялась, клубилась, вспухала, расширялась. Береза удивленно наблюдала за ней. В прошлый год в это время здесь не было штормов и такой тучи, как эта, она никогда не видела.

Туча эта приближалась с края мира гигантской массой пульсирующей черноты, пронизываемой голубыми молниями. Казалось, что ветер вспучил самое ее нутро. Ее гром заставлял содрогаться воздух. Потом к ужасному грому примешался другой, не менее ужасный звук — голос ветра, мчащегося вместе с ней. Чернильно-черный горизонт разрывали и искажали молнии. Она увидела, как далеко в море вздымаются волны, увенчанные короной пены. Она слышала жуткий грохот, который по мере приближения тучи становился оглушающим.

Однако, на берегу еще не было ни ветерка. Духота была чудовищной. Каким-то образом разница между приближавшимся буйством сил природы и давящей тишиной здесь казалась нереальной. Внизу в доме с хлопанием закрыли ставни и какая-то женщина высоким голосом вскрикнула от страха. Однако, большинство людей в форте, казалось, спали и не замечали приближающегося шторма.

Как ни странно, но таинственный грохот барабана в лесу все еще был слышен. Белеза посмотрела на темный лес и почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки. Она ничего там не видела, однако, перед ее мысленным взором была ужасная черная фигура, которая присев под темными деревьями и бормоча заклинания, била в странный барабан.

Белеза отогнала эту призрачную картину и снова посмотрела на море, где молнии разрезали небо. В их коротких ослепительных вспышках она видела мачты корабля Зароно, палатки пиратов на берегу, песчаный гребень южного рога, бухты и скалы северного рога. Все это было видно как при свете солнца. Вой ветра становился все громче и теперь проснулись люди в главном доме. По лестнице затопали ноги, и в громком голосе Зароно слышались нотки страха. Распахнулись двери и ему ответил Валенсо. Он должен был реветь, чтобы его можно было понять.

— Почему меня не предупредили об этом шторме с запада? — свирепо проревел корсар. — Если сорвет с якоря...

— В это время с запада еще никогда не приходили штормы! — проревел Валенсо, выбегая из своей комнаты с побелевшим лицом, растрепанными волосами и в ночной рубашке. — Это работа... — следующие слова были заглушены топотом ног, когда он взбежал по лестнице на башню обзора, корсар следовал за ним по пятам.

Белеза испуганно присела у своего окна. Ветер ревел все сильнее, пока наконец, не заглушил все другие звуки, все кроме сумасшедшего грохота барабана в лесу, звук которого, кажется, поднялся в тоне и стал триумфальным. Шторм с грохотом налетел на берег, пригнав перед собой пенный гребень волны длиною в милю. А потом на берегу разразился ад. Ливень хлестал по берегу, гром гремел, а ветер с ревом налетел на строения форта. Волны накатились на прибрежную полосу песка и залили лагерный костер корсаров.

В свете молний, сквозь завесу ливня, Белеза увидела, как палатка моряков была сорвана и унесена прочь, а сами люди, с огромным трудом, потому что шторм норовил бросить их на землю и покатить, побрели к форту.

В свете следующей молнии она увидела, что корабль Зароно сорвало с якоря и с чудовищной силой расплющило об испещренные трещинами береговые утесы.

5. ЧЕЛОВЕК ИЗ ГЛУШИ

Шторм утих и утреннее солнце показалось на ясном, голубом, вымытом дождем небе. Пестрые птицы на ветвях пели свои утренние песни, а на свежих зеленых листьях, мягко колышимых легким бризом, как бриллианты блестели капли дождя.

У ручейка, извивавшегося по своему руслу к морю, за кустами и последними деревьями на краю леса, пригнулся человек, чтобы вымыть руки в чистой воде ручейка. Он занимался утренним туалетом так же, как и другие его сородичи, брызгаясь и полоща горло как буйвол. Затем, прекратив полоскаться, он внезапно поднял голову. Вода сбегала по его волосам и потекла ручейком между его мощными плечами. Он напряженно прислушался и схватился за меч. Он стал пристально вглядываться в глубь суши.

Мужчина, даже больше и сильнее, чем он сам, направился по песку прямо к нему. Глаза светловолосого пирата расширились, когда он увидел плотно облегающие шелковые штаны, высокие сапоги с широкими длинными отворотами, развевающийся плащ и головной убор, какие были в моде около ста лет назад. В руке приближающегося человека была широкая сабля, которой он и замахнулся.

Узнав этого мужчину, пират побледнел.

— Ты! — недоверчиво выдохнул он. — Во имя Митры, ты!

Проклятье сорвалось с его губ, когда он поднял меч. При звоне клинков пестрые птицы испуганно взлетели с ветвей. Когда клинки ударились друг о друга, посыпались голубые искры и песок захрустел под каблуками их сапог. Потом звон стали завершиться глухим ударом и мужчина, захрипев, опустился на колени. Рукоятка меча выскользнула из его ослабевшей руки и он опустился на покрасневший песок. В последнем усилии он ощупал свой пояс и что-то вытащил из него. Он попытался поднести его к губам, но тут по телу его пробежала дрожь и пальцы его разжались.

Победитель нагнулся над ним и высвободил из пальцев то, что было зажато в них.

Зароно и Валенсо стояли на берегу и мрачно смотрели на обломки дерева, которые собирали их люди. Жалкие осколки мачт и разбитые доски. Шторм с такой силой разбил корабль Зароно о прибрежные скалы, что не осталось ни одной целой доски. Немного позади них стояла Белеза, обняв рукой Тину. Она была бледна и апатична. Она без интереса прислушивалась к разговорам. Знание того, что она являлась беспомощной пешкой в чужой игре, угнетало ее. При этом, ей было все равно, как это все закончится: проведет ли она остаток своей жизни на этом безотрадном берегу, или, став женой человека, которого она призывает, вернется к цивилизованной жизни.

Зароно грубо выругался, а Валенсо был словно оглушен.

— Сейчас не время для штормов, — пробурчал граф, повернув свое осунувшееся лицо к людям, которые собирали на берегу обломки корабля. — Это не случайность, шторм был наслан, чтобы разбить корабль и сделать невозможным мое бегство отсюда. Бегство? Я сижу как крыса в западне, как это и было задумано. Нет, не только я, мы все в западне...

— Я не имею никакого представления, о чем вы говорите, — пробурчал Зароно и резко дернул за свой ус. — Мне не удалось услышать от вас ни одного разумного слова с тех пор, как эта светловолосая девочка так напугала вас своим рассказом о черном человеке, который пришел из-за моря. Но я знаю, что мне не хочется провести остаток своей жизни на этом проклятом берегу. С кораблем погибли десять моих людей, но у меня осталось еще сто шестьдесят человек и у вас есть около сотни. В вашем форте есть инструменты, а в лесу имеется достаточно деревьев. Как только мы наловим из моря достаточно обломков, я отправлю своих людей валить деревья. Мы построим новый корабль.

— На это нам потребуются месяцы, — пробурчал Валенсо.

— Вы можете предложить лучший способ провести время? Мы застряли здесь и мы уберемся отсюда только в том случае, если построим новый корабль. Мы создадим нечто вроде лесопилки. До сих пор, если я чего-то хотел, я всегда добивался этого. Я надеюсь, что шторм разбил также и корабль Стромбани. Пока наши люди строят корабль, мы отыщем драгоценности Траникоса.

— Мы никогда не сможем построить корабль, — вздохнул Валенсо.

Зароно рассерженно повернулся к нему.

— Когда же вы, наконец, будете говорить так, чтобы я смог понять вас? Кто такой этот проклятый черный человек?

— Да, действительно, проклятый, — пробормотал Валенсо, уставившись на море. — Тень моего кровавого прошлого, которая хочет забрать меня в ад. Из-за нее я бежал из Зингары и надеялся, что после моего путешествия по дальним морям она потеряет мой след. Но я должен был знать, что она, в конце концов отыщет меня.

— Если этот парень высадился на берегу здесь, должно, укрылся в лесу, — пробурчал Зароно. — Мы прочтем лес и отыщем его!

Валенсо хрипло рассмеялся.

— Легче поймать тень от облака, закрывающую луну, или клочок тумана, поднявшийся в полночь из болота. И гораздо менее опасно голый рукой пытаться в темноте нащупать кобру.

Зароно бросил на графа странный взгляд. Очевидно, он сильно сомневался в здравом уме Валенсо.

— Кто этот человек? Откажитесь от этих ваших мелочных тайн.

— Тень моей собственной жестокости и алчности: ужас из прошлых времен — не смертный из мяса и костей, а ...

— Эй, там парус! — проревел наблюдатель на северном роге бухты.

Зароно повернулся и его голос раздался в воздухе.

— Ты узнаешь этот корабль?

— Ага! — ответил наблюдатель. Корабль из-за большого расстояния трудно было различить. — Это "КРАСНАЯ РУКА".

— Стромбанни! — в ярости воскликнул Зароно. — Ему помогает сам дьявол! Как ему удалось ускользнуть от шторма? — голос корсара превратился в рев, раздавшийся по всему берегу. — Назад, в форт, собаки!

Пока "Красная рука", очевидно мало поврежденная огибала рог, берег обезлюдел, зато за палисадом вплотную друг к другу торчали одетые в шлемы и повязанные платками головы. Корсары примирились со своими новыми союзниками, они обладали приспособляемостью искателей приключений, а люди графа смотрели на них с равнодушием крепостных.

Зароно скрипнул зубами, когда к берегу направилась длинная лодка, и он увидел на ее носу светловолосую голову своего конкурента. Лодка подошла к берегу и Стромбанни один направился в форт.

Он остановился на некотором расстоянии от форта и проревел зычным голосом, который был хорошо слышен в тишине утра.

— Эй, в форте! Я пришел, чтобы вести с вами переговоры.

— Почему же, во имя всех семи кругов ада, ты этого не делаешь? — мрачно ответил Зароно.

— Когда в последний раз я пришел сюда под белым флагом, в мой нагрудный панцирь ударила стрела! — проревел пират.

— Ты сам вынудил нас к этому! — крикнул ему в ответ Валенсо. — Я тебя предупредил, что ты только зря теряешь время!

— Во всяком случае, я требую гарантии, что подобное больше не повторится!

— Я даю тебе свое слово! — насмешливо крикнул ему Зароно.

— Твое слово проклято, зингаранская собака! Я требую слова Валенсо!

Граф еще сохранил какую-то часть своего достоинства. Когда он ответил, голос его, несомненно, все еще внушал уважение.

— Подойди ближе, но смотри, чтобы твои люди остались там, где они есть. В тебя больше не будут стрелять!

— Этого мне достаточно, — тотчас же заверил его Стромбанни. — Какие бы грехи Корзетты ни были на вашей совести, на ваше слово можно положиться.

Он подошел поближе и остановился у ворот. Он усмехнулся Зароно, яростно сверкающему на него глазами.

— Ну, Зароно, — насмешливо произнес он, — теперь у тебя кораблем меньше, чем во время нашей последней встречи. Но вы, зингаранцы, никогда не были особенно хорошими моряками.

— Как тебе удалось спастись, ты, мессантийская крыса? — прогремел корсар.

— В паре миль к северу отсюда, находится бухта, защищенная длинной песчаной косой, которая укротила ярость шторма, — ответил

Стромбанны. — Я укрылся там, хотя якорь сорвало, но вес "Красной руки" удержал ее вдали от берега.

Зароно мрачно наморщил лоб. Валенсо молчал. Он ничего не знал об этой бухте. Он вообще исследовал только маленький лятачок суши. Страх перед пиктами и необходимость занять работой в форте своих людей, удерживали его от этого.

— Я здесь для того, чтобы заключить с вами договор по обмену, — равнодушно объяснил Стромбанны.

— Нам нечем с тобой меняться, кроме обмена ударами мечей, — пробурчал Зароно.

— Я придерживаюсь другого мнения, — улыбка играла на тонких губах Стромбанны. — Уже достаточно того, что вы убили и ограбили Галакуса, моего Первого Офицера. До сегодняшнего дня я считал, что драгоценности Траникоса находятся у Валенсо. Но если бы это было так, вам не нужно было бы преследовать Галакуса и убивать его, чтобы завладеть его картой.

— Картой? — воскликнул Зароно и пожал плечами.

— Как будто не знаешь! — Стромбанны рассмеялся, но в глазах его сверкала ярость. — Я знаю, что она у вас. Пикты не носят сапог!

— Но ... — смущенно начал граф, однако быстро умолк, когда Зароно сделал ему предостерегающий знак.

— Ну, если у нас есть карта, чем тогда ты сможешь нас заинтересовать?

— Впустите меня в форт, — предложил Стромбанны. — Там мы можем спокойно поговорить, — он не ответил на вопрос, хотя люди на платформе палисада хорошо понимали, что пират имеет в виду свой корабль. Этот факт был главным, безразлично, приводил ли он к войне, или к торговле. Безразлично, у кого он был в руках, он имел главенствующее значение. Кто бы ни отплыл на этом корабле, все равно здесь должно было остаться много людей. Все молчаливые люди на платформе думали об одном и том же.

— Твои люди останутся там, где они есть, — предупредил Зароно и указал на длинную лодку на берегу, и на корабль, стоящий в бухте на якоре.

— Очень хорошо — но не воображай, что ты можешь взять меня как простофилю. Я требую честного слова Валенсо, что я покину его форт живым, придем ли мы к соглашению, или нет.

— Я даю тебе слово, — заверил его граф.

— Ну, хорошо. Итак, ты сейчас открось ворота, потом мы открыто поговорим друг с другом.

Ворота были открыты, потом снова закрыты, предводитель пиратов исчез из виду, люди по обе стороны остались на своих местах, внимательно наблюдая друг за другом: люди за палисадом и люди у лодки, присевшие на корточки, между ними полоса песка и узкая полоска воды между пиратами, находящимися у перил арки с мечами, блестящими на солнце.

На широкой лестнице над банкетным залом, пригнувшись, спрятались Белеза и Тина, незаметные для людей внизу, которые сидели за длинным столом: Валенсо, Гальбро, Зароно и Стромбанны. Кроме них в большом зале не было никого.

Стромбанны выпил свое вино одним глотком и поставил на стол пустой бокал. Он симулировал откровенность выражением искренности, но в глазах его были жестокость и коварство. Он без обиняков перешел к делу.

— Мы все сильно заинтересованы в драгоценностях, которые старый Траникос упрятал где-то поблизости от этой бухты, — сказал он. — У каждого из нас есть что-то, что нужно другим. У Валенсо есть рабочие, снаряжение, припасы и форт, дающий нам защиту от пиктов. У тебя, Зароно, есть моя карта. У меня есть корабль.

— Я не понимаю одного — пробурчал Зароно. — Если у тебя все время была карта, почему ты давно не взял себе сокровища?

— У меня ее не было. Этот пес Зингелито заколол старого скрягу и в темноте свистнул у него карту. У него не было ни корабля, ни экипажа и ему потребовалось больше года, пока он нашел и то и другое. Когда он, наконец, был уверен, что сможет заплучить сокровища, пикты помешали ему высадиться, убили многих из его людей и вынудили его вернуться обратно в Зингару. Один из пиратов выкрал у него карту и недавно продал ее мне.

— Итак, именно поэтому Зингелито выбрал именно эту бухту, — пробурчал Валенсо.

— Вас привел сюда этот пес, граф? — спросил Стромбанны. — Я хочу поблагодарить его за это. Где он?

— Наверное, в аду, в конце-концов, раньше он был корсаром. Очевидно, пикты убили его, когда он пошел в лес искать сокровища.

— Великолепно! — довольно произнес Стромбанны. — Меня интересует, что карта была у моего Первого? Я доверял ему, и мои люди верили ему больше, чем мне. Итак, я передал карту возле самого леса, он отделился от остальных и когда мы его нашли, он, очевидно, был заколот в поединке. Люди уже были готовы обвинить в этом меня, но тут, к счастью, мне удалось найти следы его убийцы и я доказал этим идиотам, что эти отпечатки не могли быть оставлены моими сапогами. Я также сразу же увидел, что этого не мог сделать никто из моих людей, потому что ни у кого из них не было сапог с такими подметками. А пикты вообще не носят сапог. Поэтому этого зингаранца должны были убить вы!

Итак, теперь у вас есть карта, однако, нет сокровищ. Потому, что если бы они у вас были, вы не пустили бы меня в форт. Теперь я установил это наверняка. Вы не можете выйти наружу, чтобы отправиться на поиски сокровищ, потому что мы не спускаем с вас глаз и, кроме того, у вас нет корабля, на котором вы могли бы увезти их отсюда.

Итак, послушайте мое предложение: Зароно, ты даешь мне карту. А вы, Валенсо, обеспечиваете меня свежим мясом и другими продуктами. После долгого путешествия нам не хватает многого и моим людям грозит цинга. А за это я доставлю вас троих, и леди Белезу, с ее опекаемой, куда-нибудь, откуда вы легко сможете достичь одного из зингаранских портов. Зароно я охотно высажу там, где ему захочется и где он сможет встретить корсаров, потому что в Зингаре его, несомненно, ждет петля виселицы. И кроме того, я буду великодушен и дам вам некоторую часть сокровищ.

Корсар в задумчивости подергал усы. Конечно, он сомневался, что Стромбанни даже на мгновение подумал о соблюдении этого договора. Кроме того, у Зароно не было намерения соглашаться на подобное предложение, даже если бы у него была карта. Однако, если он просто отклонит это предложение, возникнут споры. Поэтому он задумался над тем, как ему обмануть пирата, потому что корабль был нужен ему не меньше, чем утерянные сокровища.

— Что тогда нам помешает схватить тебя и вынудить твоих людей отдать нам твой корабль?

Стромбанни издевательски рассмеялся.

— Ты действительно считаешь меня таким дураком? Мои люди получили приказ: при первых же признаках предательства поднять якорь и покинуть бухту: они сделают то же и в том случае, если я не вернусь в условленное время. Вы не получите корабля даже в том случае, если перед их глазами с меня живьем сдерут шкуру. Кроме того, граф Валенсо дал мне слово.

— Я еще никогда не нарушал своего слова, — мрачно произнес Валенсо. — Достаточно угрозы, Зароно.

Корсар молчал. Он был всецело занят проблемой, как ему заполучить корабль Стромбанни и продолжить переговоры, не показывая, что у него нет карты. Он спрашивал себя, кто, во имя Митры, на самом деле забрал ее?

— Позвольте мне взять на корабль своих людей, — сказал он. — Я не могу бросить на произвол судьбы свой верный экипаж...

Стромбанни презрительно фыркнул.

— Почему ты не требуешь также мою саблю, чтобы перерезать мне горло? Чтобы не бросить своих верных людей на произвол судьбы — ха! Ты продашь дьяволу своего родного брата, если тебе заплатят за него достаточную цену. Нет, ты сможешь взять с собой не более двух людей, а этого ни в коем случае недостаточно для захвата моего корабля.

— Дай нам один день, чтобы все обдумать, — спокойно просил Зароно, чтобы протянуть время.

Стромбанни ударил кулаком по столу так, что из бокалов выплеснулось вино.

— Нет, во имя Митры! Я требую немедленного ответа!

Зароно вскочил. Его ярость одержала верх над хитростью.

— Ты, бараханская собака! Ты сейчас получишь ответ — прямо в твое поганое брюхо...

Он отбросил плащ в сторону и схватился за меч. Стромбанны тоже вскочил. Он поднялся так быстро, что стул позади него опрокинулся и упал с громким стуком. Валенсо встал и протянул руку, чтобы отделить друг от друга двух мужчин, которые уже наполовину вытащили свои мечи, и с искаженными ненавистью лицами смотрели друг на друга.

— Господа! Я вас очень прошу! Зароно, я же дал ему слово...

— К черту ваше слово! — корсар оскалил зубы.

— Остановитесь, мой лорд! — произнес пират веселым голосом, полным жажды крови. — Вы дали мне слово, что в отношении меня не будет никакого предательства. Но я не считаю нарушением слова с вашей стороны, если я в честной борьбе обменяюсь с этой собакой несколькими ударами меча...

— Это верно, Стром! — внезапно произнес позади них глубокий сильный голос, казавшийся одновременно и свирепым, и веселым. Все повернулись и непроизвольно открыли рты и глаза. Белеза с огромным трудом смогла подавить крик.

Из двери, ведущей в соседнее помещение, вышел человек. Он без колебаний, но и без лишней поспешности, подошел к столу. Он оказался хозяином положения. В воздухе повисло напряжение.

Чужак был еще больше, чем корсар и пират, и у него была еще более мускулистая фигура. Несмотря на это, он двигался с гибкостью пантеры. На нем были сапоги с длинными отворотами, штаны из кожи и белого шелка, а под открытым небесно-голубым развевающимся плащом была видна шелковая рубашка с открытым воротом и алый кушак вокруг талии. У плаща были желудкообразные серебряные застёжки, сатиновый воротник, карманы и обшлага. Он был украшен золотой вышивкой. Блестящая кожаная шляпа завершала костюм, какие носили около ста лет назад. На боку чужака висела тяжелая сабля.

— Конан! — воскликнули корсар и пират одновременно. Валенсо и Гальбро разом затаили дыхание, услышав это имя.

— Так точно, Конан, — гигант насмешливо улыбаясь застывшим как статуи присутствующим, подошел к столу.

— Что вы здесь делаете? — запинаясь, произнес мажордом. — Как вы прошли сюда незванным и так незаметно?

— Я перелез через палисад с восточной стороны, пока ваши глупцы толпились у ворот, — ответил Конан. Он говорил по-зингарански с варварским акцентом. — Все они вывихнули себе шею, смотря на запад. Я вошел в дом, когда Стромбанны пропустили в ворота. С этого времени я с интересом прислушивался к вашей беседе, находясь в соседней комнате.

— Я считал, что ты мертв, — протяжно произнес Зароно. — Три года назад, на одном из усеянных рифами берегов, видели обломки твоего корабля и с тех пор о тебе не было ничего слышно.

— Я не пил с командой своего корабля, — ответил Конан. — Великий Океан все еще не принял меня к себе на дно. Я выплыл на сушу и некоторое время был солдатом в Черных Королевствах, а потом в Аквилонии. Можно сказать, что я стал знаменитой личностью, — он по-волчьи оскалился. — Во всяком случае, до недавнего времени, пока Нумедидесу внезапно не перестало нравиться мое лицо. Но теперь, к делу, господа.

Наверху, на лестнице, Тина уставилась вниз, через балюстраду, в возбуждении схватив Белезу за запястье.

Белеза знала, что видит перед собой воплощенную в кровь и плоть легенду. Кто из людей на побережье не знал диких и кровавых историй о Конане, искателе приключений, бывшем однажды капитаном барханских пиратов и настоящим бичом Западного Океана? Дюжина баллад о его отваге и преступлениях. Он был человеком, которого никто не мог убить. Он пришел сюда и стал доминирующим элементом в этом беспорядке. Белеза со страхом спросила себя, что будет, если точка зрения Конана не совпадет с точкой зрения остальных и он не будет на их стороне. Будет ли он презирать ее так же, как Стромбани, или он так же страстно возжелает ее, как Зароно?

Валенсо оправился от шока, вызванного внезапным появлением чужака в своем доме. Он знал, что Конан был киммерийцем, что родился и вырос в суровой пустыне на севере, и потому во многих вещах он не испытывал затруднения и не знал границ, которым подчинялись цивилизованные люди. Так что было совсем не странно, что он незаметно вздрагивал при мысли, что вслед за ним могут проникнуть сюда и другие варвары — например, пикты.

— Что вам здесь надо? — грубо спросил он. — Вы пришли с моря?

— Нет, из леса, — киммериец кивком показал на восток.

— И вы жили среди пиктов? — холодно осведомился Валенсо.

В голубых как лед глазах гиганта вспыхнул гнев.

— Даже зингаранец должен знать, что между пиктами и киммерийцами никогда не было мира и, может быть, никогда не будет, — он дико выругался. — С начала времен между нами царит кровавая вражда. Если бы вы сделали это замечание одному из моих диких сородичей, весьма возможно, что он разбил бы вам череп. Но я достаточно долго жил среди так называемых цивилизованных людей, чтобы понять ваше невежество и ваш недостаток вежливости и гостеприимства по отношению к чужаку, который прошел через леса, раскинувшиеся на тысячи миль вокруг. Но забудем об этом, — он повернулся к обоим морским грабителям, уставившимся на него. — Если я правильно расслышал, существует какая-то карта, из-за которой между вами возникло расхождение во мнениях?

— Это тебя вообще не касается, — проворчал Стромбани.

— Может быть, вот эта? — Конан зловеще усмехнулся и вытащил из кармана что-то довольно сильно помятое, клочок пергамента, на котором было что-то изображено красным цветом.

Стромбанны вздрогнул и побледнел.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— От твоего рулевого Галакуса, после того, как я убил его, — ответил Конан, свирепо усмехнувшись.

— Ты, собака! — взвыл Стромбанны и повернулся к Зароно. — Так у тебя вообще не было карты! Ты солгал...

— Я никогда и не утверждал, что она у меня есть! — пробурчал Зароно. — Ты сделал совершенно неверные выводы. Не будь дураком. Конан один. Будь с ним его люди, он давно бы уж перерезал горло всем. Мы отнимем у него карту...

— Это так похоже на вас! — рассмеялся Конан.

Оба мужчины ругаясь ринулись на него. Конан равнодушно отступил на шаг и бросил скомканный пергамент на пылающие угли в камине. С бычьим ревом Стромбанны ринулся на него, но удар кулаком в ухо заставил его, почти потерявшего сознание, опуститься на пол. Теперь Зароно выхватил свой меч, однако, прежде чем он смог ударить им, сабля Конана выбила его из рук.

С дьявольски сверкающими глазами Зароно отшатнулся назад, на стол. Стромбанны с трудом поднялся. Глаза, его казалось, остекленели, из его разбитого уха капала кровь. Конан слегка нагнулся над столом и его вытянутая сабля уперлась в грудь графа Валенсо.

— Не пытайтесь звать ваших солдат, граф, — предупредил его киммериец. — Ни звука — и ты тоже, собачья морда, — последнее относилось к Гальбро, который ни в коем случае не думал о том, чтобы навлечь на себя гнев гиганта. — Карта сгорела дотла и теперь бессмысленно проливать кровь. Садитесь, вы все!

Стромбанны поколебался, взглянул на свой меч, потом пожал плечами и тупо упал на стул. Другие тоже сели. Только Конан остался стоять, он глядел на них сверху вниз. А его враги наблюдали за ним глазами, в которых сверкала ненависть и злоба.

— Я предупреждаю вас, чтобы вы ничего не предпринимали, — сказал он. — Я здесь из тех же оснований.

— Что ты сможешь нам предложить? — насмешливо спросил Зароно.

— Только драгоценности ТРАНИКОСА!

— Что? — все вскочили и нагнулись вперед.

— Садитесь! — прогремел Конан и ударил по столу широким клинком своей сабли.

Они напряженно повиновались, побелев от возбуждения. Конан ухмыльнулся. Он, по всей видимости, наслаждался действием своих слов.

— Да, я нашел драгоценности еще прежде, чем заполучил эту карту. Поэтому я сжег ее. Теперь никто не найдет драгоценности, если я не покажу, где они находятся.

Они уставились на него, в их глазах пылала жажда убийства.

— Ты лжешь, — без убеждения сказал Зароно. — Ты уже однажды солгал нам! Ты утверждал, что не жил среди пиктов. Но каждый знает, что эта страна — сплошная глушь и в ней живут только дикари. Ближайшие форпосты цивилизации — это аквилонские поселения на берегах реки Грома. В сотне миль на восток отсюда.

— И именно оттуда я и пришел сюда, — невозмутимо ответил Конан. Я думаю, что я первый белый человек, который когда-либо пересекал пиктийскую глушь. Когда я бежал из Аквилонии в Страну Пиктов, я наткнулся на отряд пиктов и убил одного из них. Но в рукопашной схватке, в меня попал камень из пращи и я потерял сознание. Поэтому дикари смогли взять меня в плен живым. Эти парни были из Племена Волка. Их вождь попал в руки клана Орла и они обменяли меня. Орлы почти сотню миль протащили меня на запад, чтобы сжечь меня в деревне вождя. Но однажды ночью мне удалось убить трех или четырех воинов и бежать.

Вернуться я не мог, потому что они были позади меня и они погнали меня на запад. Пару дней назад мне посчастливилось отделаться от них и, слава Крому, я нашел убежище именно там, где Траникос спрятал свои сокровища. Я нашел все: сундуки с одеждой и оружием, целые кучи монет, драгоценностей и золотых украшений и среди них драгоценный камень Тотмекрис, сверкающий как застывший звездный свет! Старый Траникос и одиннадцать его доверенных помощников сидели вокруг стола из черного дерева. Все они, вот уже в течение сто лет, неподвижно уставились на эту драгоценность.

— Что?

— Да, — Конан рассмеялся. — Траникос умер около своих драгоценностей и все другие вместе с ним! Их трупы не разложились, ни иссохли. Они сидят там в своих сапогах с отворотами, длинных плащах и кожаных шляпах, у каждого из них в руке стакан вина и сейчас они сидят так же, как сидели в течение всей этой сотни лет.

— Это же невероятно! — пробурчал Стромбани, полный неприятных чувств. — Это уже не шутки. В конце-концов, нам нужно сокровище. Говори дальше, Конан.

Теперь киммериец тоже сел за стол, налил в бокал вина и опустошил его.

— Во имя Крома, это первое вино с тех пор, как я покинул Аквилонию, — произнес он. — Эти проклятые Орлы так наступали мне на пятки, что я едва успевал подкрепиться ягодами и орехами, которые находил на пути. Иногда мне попадалась лягушка и я проглатывал ее сырой, потому что не отваживался разжечь костер.

Его нетерпеливые слушатели, ругаясь, объяснили ему, что их интересует не его питание, а сокровище.

Он насмешливо ухмыльнулся и продолжил:

— Ну, после того, как я случайно наткнулся на сокровище, я отдохнул пару дней, сделал и установил силки на кроликов и залечил свои раны. Тут я увидел на западной части небосклона дым, но, конечно, подумал, что это какая-то деревушка пиктов на побережье. Я остался около сокровища, потому что случайно укрылся в том месте, которого избегают пикты. Если меня действительно выслеживало какое-нибудь из местных племен, они, по крайней мере, должны были показаться.

Вчера ночью я, наконец, направился на запад, намереваясь выйти на берег парой миль севернее того места, где я наблюдал дым. Я был недалеко от берега, когда ударила буря. Я спрятал драгоценности под каменным выступом и стал ждать, пока буря не кончится. Потом я забрался на дерево, чтобы посмотреть на пиктов, но вместо этого я увидел караку Строма, стоящую на якоре и его людей, гребущих на лодке к берегу. Я направился к лагерю Строма и на берегу встретил Галакуса, у нас были старые счеты, мы на месте разрешили наши проблемы и он умер.

— Какова причина этой вражды? — спросил Стромбанни.

— О, несколько лет назад он отбил у меня девушку. О том, что у него была карта, я вообще не знал, пока он, умирая, не попытался проглотить ее.

Я конечно сразу же узнал ее, и подумал, что мне делать, когда одна из ваших собак придет сюда и обнаружит труп. Я лежал поблизости, укрывшись в чаще, пока ты и твои люди рыскали вокруг. Я не считал этот момент подходящим для того, чтобы показаться вам, — он рассмеялся прямо в искаженное яростью лицо Стромбанни.

— Ну, пока я лежал там и слушал вас, я достаточно узнал о положении вещей, а также о том, что Зароно и Валенсо находились на берегу всего в паре миль отсюда. Когда я услышал, как ты сказал, что Зароно должно быть, убил Галакуса и забрал карту, и ты должен будешь иметь с ним дело, чтобы получить возможность убить его и забрать у него карту...

— Собака! — пробурчал Зароно.

Стромбанни хотя и побледнел, но дружески улыбнулся.

— Может быть, ты думаешь, что я был бы честным с такой собакой, как ты? Рассказывай дальше, Конан.

Киммериец усмехнулся. Было очевидно, что он намерен разжечь пламя ненависти между этими двумя морскими грабителями.

— Осталось рассказать немного. Я побежал через лес, в то время, как ты поплыл вдоль берега и был у форта задолго до тебя. Твое предположение, что шторм уничтожил корабль Зароно, было правильным — но тебе эта бухта тоже была известна.

Итак, дело теперь выглядит таким образом: у меня есть сокровища, у Строма есть корабль, у Валенсо провиант. Во имя Корма, Зароно, я не знаю, что можешь предложить ты, но чтобы избежать дальнейших стычек, я подключаю тебя также. Мое предложение просто.

Мы разделим добычу ровно на четыре части, отплывем в море на "Красной руке". Ты, Зароно, а также ты, Валенсо, останетесь здесь со своими долями. Вы можете сделаться королями глуши или построить корабль из стволов деревьев — как вам будет угодно.

Валенсо побледнел, Зароно выругался, а Стромбанны усмехнулся.

— Ты действительно настолько легкомысленен, чтобы вместе со Стромбанны подняться на борт его корабля? — яростно спросил Зароно. — Он перережет тебе горло, прежде чем этот берег исчезнет из виду.

Конан рассмеялся. Он весело сказал:

— Эта головоломка о козе, волке и капусте. Как их нужно перевезти через реку, чтобы один не съел другого.

— Это типичный киммерийский юмор, — пробурчал Зароно.

— Я не останусь здесь! — глаза Валенсо дико сверкали. — Со-кровища, или нет, я должен немедленно убраться отсюда.

Конан задумчиво посмотрел на него.

— Ну, хорошо, тогда я предлагаю такой план: мы разделим сокровища, как и предполагалось. Потом на корабле поплывут Стромбанны, Зароно и вы, лорд Валенсо, а также те из ваших людей, кого вы возьмете с собой. Вы поплывете на "Красной руке". А я остаюсь полным хозяином этого форта, вместе с остатками ваших людей и людей Зароно, и сам строю корабль.

Лицо Зароно побледнело.

— Итак, мне предоставлен выбор: остаться здесь в изгнании, или бросить своих людей и подняться на борт "Красной руки", чтобы позволить там перерезать себе горло.

Смех Конана гулко прозвучал в огромном зале. Он по-товарищески ударил Зароно по плечу, не обращая внимания на жажду убийства сверкающую в глазах корсара.

— Это так, Зароно, — подтвердил он. — Оставайтесь здесь, а я и Стром уплывем отсюда, или плыви со Стромбанны и позволь своим людям остаться здесь со мной.

— Будет лучше, если Зароно отправится со мной, — откровенно сказал Стромбанны. — Ты можешь восстановить против меня моих собственных людей, Конан, и они убьют меня, прежде чем мы увидим на горизонте Бараханские острова.

Пот выступил на побледневшем лице Зароно.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не достигнут суши живыми, если мы доверимся Стромбанны, — сказал он. — Сейчас вы оба в моей власти, потому что мои люди находятся в форте. Что удержит меня от того, чтобы убить вас обоих?

— Ничего, — улыбаясь ответил Конан. — Кроме того факта, что люди Стромбанны, если ты это сделаешь, уйдут в море и оставят вас здесь, на берегу, где пикты скоро убьют вас всех; и того, что я расколю череп, если ты попытаешься позвать своих людей.

Говоря это, Конан смеялся, словно его предположение было невероятно смешным, но даже Белеза чувствовала, что он говорит то, что думает. Его блестящая сабля лежала у него на коленях, в то время, как Зароно положил свой меч на стол вне досягаемости своей руки. Гальбро не был воином, Валенсо, очевидно, был не в состоянии принять решение.

— Да, — пробурчал Стромбани. — Так легко тебе с нами не справиться. Я согласен на предложение Конана. А что думаете вы, Валенсо?

— Я должен убраться отсюда! — прошептал граф, глядя пустыми глазами. — И я должен поспешить... я должен убраться... прочь... и как можно быстрее!

Стромбани наморщил лоб, удивленный странным поведением графа и злобно усмехаясь, повернулся к корсару.

— А ты, Зароно?

— Разве у меня остается какой-нибудь выбор? — пробурчал Зароно. — Позвольте мне взять с собой на борт трех офицеров и сорок человек моих людей, и я согласен.

— Офицеры и тридцать человек!

— Ну хорошо.

— Итак, все в порядке.

Этим пакт был заключен, без рукопожатий и без тостов. Оба капитана сверкали друг на друга как голодные волки. Граф дрожащими пальцами перебирал свои усы, но полностью углубился в свои мрачные мысли. Конан беззаботно потянулся как огромная кошка, выпил вино и улыбнулся присутствующим, но это была улыбка спрятавшегося в засаде тигра.

Белеза ощущала убийственные намерения каждого из них в отдельности. Ни один не думал о том, чтобы выполнить соглашение, за исключением, может быть, Валенсо. Каждый из морских грабителей хотел заполучить в свои руки корабль и все драгоценности. Никто из них не хотел удовлетвориться меньшим.

Но как? Что приходило в голову каждому из них? Киммериец, несмотря на свою необычную открытость, был не менее хитер, чем остальные — и еще более опасен. Главенству в этой ситуации он был обязан не только своим физическим силам — хотя его могучие плечи и бицепсы, толщиной в шею человека, казались невероятно мощными — но также и его железной выдержке, которая удивила даже Стромбани и Зароно.

— Отведи нас к сокровищам, — потребовал Зароно.

— Подожди немного, — осадил его киммериец. — Мы должны разделить наши силы, чтобы ни один из нас не мог повредить другому. Мы сделаем следующее: люди Строма — с полдюжины или около этого — высадутся на берег и разобьют там лагерь таким образом, чтобы обе эти группы могли держать друг друга под наблюдением и быть уверенными в том, что ни одна из них не смется тайком, когда мы найдем сокровища и не нападет на нас из-за засады. Оставшиеся на "КРАСНОЙ РУКЕ"

люди выведут корабль из бухты, чтобы оказаться вне пределов досягаемости обеих групп. Люди Валенсо останутся в форте, однако ворота должны быть открыты. Вы идете с нами, граф?

— В лес? — Валенсо вздрогнул и плотнее завернулся в плащ. — Не пойду, даже за все золото Траникоса!

— Ну, хорошо. Мы возьмем с собой тридцать человек, чтобы нести сокровища, по пятнадцать из каждой команды и сейчас же отправимся в путь.

Белеза, внимательно наблюдавшая за тем, что происходит внизу, увидела, как Зароно и Стромбани обменялись тайными взглядами, а потом быстро опустили глаза, подняв бокалы, чтобы скрыть свои злобные намерения. Белеза обнаружила в плане Конана смертельно опасную слабость и удивленно спросила себя, как это он мог допустить ее. Может быть, он был просто уверен в своих силах? Но она знала, что он не вернется из леса живым. Как только сокровища окажутся в их руках, оба мошенника убьют этого человека, которого они так ненавидят. Она вздрогнула и сочувственно посмотрела на приговоренного к смерти. Было странно видеть этого могучего бойца, сидевшего там, внизу и пьющего вино, живым и невредимым, и знать, что он уже обречен на гибель.

Вся эта ситуация была нездоровой. Зароно свалил бы Стромбани и убил бы его, будь у него шанс. И она не сомневалась в том, что пират также вынес смертный приговор Зароно и ее дяде тоже. Если бы Зароно оказался победителем, по крайней мере, она осталась бы в живых — но когда она посмотрела на корсара, который крутил свои усы, на лице которого сейчас проявились все гнусные черты его характера, она поняла, что не знает, что ей лучше выбрать: смерть или Зароно.

— Как далеко нам идти? — осведомился Стромбани.

— Если мы выйдем немедленно, в полночь мы уже сможем вернуться, — ответил Конан. Он опустошил свой бокал, поправил пояс с оружием и взглянул на графа. — Валенсо, это вы сошли с ума и убили пикта в охотничьей раскраске?

Валенсо пораженно заморгал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Значит, вы не знаете, что ваши люди вчера ночью убили в лесу пикта?

Граф покачал головой.

— Ни один из моих людей прошлой ночью не был в лесу.

— Во всяком случае, в лесу кто-то был, — пробурчал киммериец, вцепившись в стол. — Я видел голову пикта на дереве на краю леса, и на ней не было боевой раскраски. Так как там не было отпечатков сапог, я решил, что это произошло еще до шторма. Но там было множество других следов: отпечатки мокасин на влажной почве. Итак, пикты были там и видели голову на дереве. Это, должно быть, воины какого-то другого племени, иначе они забрали бы ее с собой. Если у них случайно заключен

мир с племенем убитого, они, конечно, побежали в его деревню, чтобы сообщить обо всем.

— Может быть, они его и убили? — произнес Валенсо.

— Нет, конечно, нет. Но вы, как и я, знаете, кто и почему это сделал. Эта цепочка была обмотана вокруг обрубка шеи и застегнута на нем. Вы, должно быть, сошли с ума, если это сделали.

Он бросил на стол перед графом что-то, граф придушенно застонал, схватившись руками за горло.

— Я узнал печать Корзетты, — сказал Конан. — Одна эта цепочка укажет любому пикту, что это убийство мог совершить только белый.

Валенсо молчал. Он уставился на цепочку, словно это была ядовитая змея, которая может ужалить.

Конан некоторое время наблюдал за ним с мрачным выражением, потом вопросительно посмотрел на остальных. Зароно сделал быстрый жест, показывающий, что граф не совсем в своем уме. Конан сунул свою саблю в ножны и надел кожаную шляпу.

— Ну хорошо, теперь мы можем идти, — сказал он.

Оба морских грабителя опустошили свои бокалы. Они тоже спрятали свои клинки в ножны. Зароно положил свою руку на руку Валенсо и слегка потряс ее. Граф вздрогнул и внимательно осмотрелся, потом он оцепенело вышел из зала вместе с остальными. Цепочка болталась в его пальцах. Но не все покинули этот зал.

Белеза и Тина все еще сидели наверху лестницы и смотрели через балюстраду, они видели, что в зале остался Гальбро, ожидая, пока за остальными закроется тяжелая дверь. Потом он поспешил к камину и осторожно начал копать в тлеющих углях. Наконец, он нагнулся, очень пристально рассмотрел что-то, затем поднялся, поспешно осмотрелся и вышел через другую дверь.

— Что он искал в очаге? — прошептала Тина.

Белеза пожала плечами, потом любопытство одержало верх и она спустилась в пустой зал. Мгновением позже она нагнулась над тем же местом, что и мажордом и увидела, что он изучал.

Это были обугленные остатки карты, которую Конан бросил в огонь. Каждое мгновение они могли рассыпаться, однако на них все еще были заметны светлые линии и пара слов. Слов этих она прочитать не смогла, но линии, казалось, представляли из себя гору или утес, а крестики вокруг, вероятно, означали лес или по крайней мере, группу стоявших друг возле друга деревьев. Она не знала, где находится эта гора, но по поведению Гальбро она заключила, что ему было известно это место. Он был единственным из форта, кто отваживался углубляться в лес на значительное расстояние.

6. ГРАБЕЖ ПЕЩЕРЫ

В зное полудня, последовавшем за бурей, в форте было необычно тихо. Голоса людей за палисадом звучали приглушенно. Такая же усталая тишина царила и на берегу, где обе соперничающие команды, вооруженные до зубов, разделенные всего парой сотен футов, разбили свои лагерь. Далеко от берега, в бухте находилась "КРАСНАЯ РУКА" с горсточкой членов экипажа на борту, готовая при малейших признаках предательства выйти в море. Карака была козырной картой Стромбанни, его лучшей гарантией против возможных трюков его соперников.

Белеза снова поднялась по лестнице и остановилась под взглядом графа, сидящего за столом и вертящего в руках порванную цепочку. Без всякой симпатии, с порядочной долей страха она взглянула на него. Он жутко изменился. Он, казалось, попал в ад, и страх, захлестнувший его, стер все человеческие черты с его лица.

Конан все спланировал искусно, чтобы исключить возможность коварного нападения той или иной стороны, но, насколько поняла Белеза, он забыл защитить себя от коварства своих спутников.

Он исчез в лесу, чтобы провести двух пиратов и дважды по пятнадцать человек их людей. Зингаранка также была уверена в том, что она больше никогда не увидит его живым.

Наконец, она открыла рот и испугалась своего голоса, который прозвучал у нее в ушах хрипло и напряженно.

— Варвар с этими людьми в лесу. Как только Стромбанни и Зароно заполучат это в свои руки, они убьют его. Что будет, когда они вернутся с сокровищами? Должны ли мы действительно погрузиться на борт этого корабля? Можем ли мы доверять Стромбанни?

Валенсо с отсутствующим видом покачал головой.

— Стромбанни нас всех убьет, чтобы получить нашу долю сокровищ. Но Зароно прошептал мне свой план. Мы взойдем на борт "КРАСНОЙ РУКИ", не как гости, а как владельцы корабля. Зароно позаботился о том, чтобы они не управились во время, и ночью разбили лагерь в лесу. Он найдет возможность убить во сне Стромбанни и его людей. Потом он и его люди украдкой проберутся на берег. Незадолго до рассвета я тайно пошлю из форта своих рыбаков. Они должны подплыть к кораблю и захватить его. Потому не надо думать ни о Стромбанни, ни о Конане. Зароно и его люди выйдут из леса и вместе с корсарами на берегу нападут в темноте на бараханцев, а я выведу из форта своих солдат, чтобы поддержать Зароно. Без капитана пираты станут для нас легкой добычей. Потом мы вместе со всеми сокровищами выйдем в море на "КРАСНОЙ РУКЕ".

— А что будет со мной? — спросила она.

— Я обещал тебя Зароно, — сурово ответил граф. — Без этого он вообще не возьмет нас с собой.

— Но я не хочу выходить за него замуж, — беспомощно возразила она.

— О, нет, ты сделаешь это, — мрачно сказал он без следа сочувствия. Он поднял цепочку и она блеснула в косо падающих лучах солнца. — Я, должно быть, потерял ее на берегу, — пробормотал он. — Он нашел ее, когда вышел из лодки.

— Вы не потеряли ее на берегу, — повторила Белеза голосом, таким же безжалостным, как и его. Ей показалось, что сердце ее окаменело. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда избивали Тину. Я видела эту цепочку, лежащую на полу, прежде чем покинула зал.

Он взглянул на не. Его лицо посерело от страха.

Она усмехнулась, прочитав невысказанный вопрос в его расширившихся глазах.

— Да! Черный чужеземец! Он был здесь! В этом зале! Он, должно быть, нашел цепочку на полу. Охранники не видели его, но ночью он был перед дверью вашей спальни. Я видела его через глазок в двери, когда он крался по коридору.

Некоторое время ей казалось, что он умрет от страха. Он снова опустился на свой стул. Цепочка выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на стол.

— В главном доме! — прошептал он. — Я думал, что охрана и запоры помешают его проникновению. Глупец! Какой я был глупец! Я так же не могу защититься от него, как и ускользнуть! У моей двери! — это докучало его. — Почему же он не вошел? — простонал он и рванул воротничок, словно тот его душил. — Почему он не положил конец этой ужасной игре? Как часто я видел во сне, как он прокрадывается в мою спальню, нагибается надо мной и смотрит. И адский голубой огонь мерцает вокруг его головы. Почему...

Припадок кончился, но он невероятно ослабил графа.

— Я понимаю, — задыхаясь, произнес он. — Он играет со мной в кошки-мышки. Убить меня ночью ему кажется слишком легким и милосердным. Поэтому он уничтожил корабль, на котором мне, может быть, удалось бы бежать. Он убил этого бедного пикта и обмотал мою цепь вокруг его головы, чтобы дикари подумали, что убил его я. Он достаточно часто видел эту цепочку на моей шее.

Но почему? Какого дьявола он все это затеял? Чего он этим добивается? Наверное все это настолько чудовищно, что человеческий разум не может этого понять.

— Кто этот черный чужеземец? — спросила Белеза, и почувствовала, как у нее по спине побежали мурашки.

— Демон, которого я освободил своей алчностью и жадностью, не подумав о том, что он будет мучить меня целую вечность! — прошептал граф. Он растопырил свои длинные пальцы на крышке стола и взглянул на Белезу запавшими, странно блестящими глазами, однако у нее появилось ощущение, что он ее не видит, что он смотрит сквозь нее в мрачное полное мучений будущее.

— В моей юности при дворе у меня был враг, — сказал он больше для себя, чем для нее. — Он был могущественным человеком и стоял между мной и моими амбициями. В своей алчности к власти и богатству, я стал искать помощи у Черной магии и обратился к колдуну, который по моему желанию вызвал демона из мрака. Этот демон покончил с моими врагами, моя власть и мои богатства выросли и никто больше не мог состязаться со мной. Однако, я задумал обмануть колдуна в обещанном ему вознаграждении, которое должен был выплатить ему смертный, который будет нуждаться в его помощи.

Колдуном этим был Тот-Амон из Ринга, изгнанный из своей родной Стигии. Во время царствования короля Ментуфорры он бежал из страны. Когда Ментуфорра умер и на трон Люкура из слоновой кости взошел Ктесфон, Тот-Амон мог вернуться на родину, но он остался в Кордаве и постоянно напоминал мне о том, что я должен расплатиться с ним. Однако, вместо того, чтобы отдать ему обещанную половину моего состояния, я донес на него своему монарху, так что Тот-Амону не оставалось ничего другого, как только поспешно и тайно вернуться в Стигию. Там он быстро приобрел благосклонность нового правителя, а со временем также и огромное богатство и могучую магическую силу, пока не сделался настоящим правителем этой страны.

Два года назад, находясь в Кордаве, я получил известие, что Тот-Амон внезапно исчез из Стигии. А потом однажды ночью я увидел его дьявольское коричневое лицо, подстерегающее меня в темном углу зала в моем дворце.

Он не явился тогда лично, а послал свой дух, чтобы превратить мою жизнь в ад. На этот раз у меня для защиты не было короля, потому что после смерти Федруго и принятия регентства в стране, как ты знаешь, страна распалась на два лагеря и регент оказался во вражеском лагере. Прежде чем Тот-Амон появился в Кордаве во плоти, я бежал в море. К счастью, его власть имеет свои границы. Чтобы преследовать меня по морю, это чудовище должно оставаться в своем теле, один его дух не может странствовать по морям. Несмотря на это, при помощи своих жутких сил он, теперь выследил меня в этой глуши.

Он прибыл сюда, чтобы заманить меня в западню или убить меня как обычного смертного. Если он спрячется, его никто не сможет найти. Он невидимый, скользит в ночи и тумане, и ни замки, ни засовы не смогут его остановить. Глаза охранников он смежает сном. Он имеет власть над духами воздуха, гадами в глубинах и демонами мрака. Он может вызвать шторм, чтобы топить корабли и сравнивать дома с землей. Я надеялся, что мои следы растворятся в голубых волнах — но он меня выследил, чтобы жестоко отомстить мне...

Глаза Валенсо горели, когда он уставился в бесконечную даль сквозь завешанную коврами стену.

— Но я его перехитрю! — прошептал он. — Если он только не ударит этой ночью! Завтра под моими ногами уже будет палуба, и между мной и его мстостью снова будет лежать океан.

— Проклятье!

Конан, взглянув вверх, внезапно остановился. Моряки позади него тоже остановились двумя следующими вплотную друг за другом недоверчивыми группами, держа луки наготове. Они шли по старой охотничьей тропе пиктов, ведущей прямо на восток. Хотя они прошли всего несколько сот футов, берега уже не было видно.

— Что случилось? — подозрительно спросил Стромбанни. — Почему ты остановился?

— Ты что, слепой? Смотри!

На густых ветвях, нависающих над тропой, на них скалился череп, темное раскрашенное лицо, обрамленное пышными волосами, в которые над левым ухом было воткнуто перо птицы-носорога. Лицо это печально смотрело вниз.

— Я сам снял эту голову и спрятал ее в чаще! — пробурчал Конан и прищурившись, внимательно осмотрел лес. — Какой сукин сын снова повесил ее здесь? Это все выглядит так, словно кто-то силой пытается натравить пиктов на форт.

Люди мрачно посмотрели друг на друга. Новая дьявольщина, все это было так запутано и достаточно опасно. Конан вскарабкался на дерево, взял отрезанную голову и отнес ее в подлесок, где бросил в протекающий мимо ручей и посмотрел, как она утонула.

— Пикты, следы которых были видны вокруг этого дерева, не были из племени Птицы-Носорога, — объяснил он, вернувшись. — Раньше я достаточно часто подходил к этому берегу на своем корабле и немного познакомился с прибрежными племенами. Если я верно читаю отпечатки мокасин, это Кормонары. Я могу только надеяться, что они находятся на тропе войны против племени Птицы-Носорога. Однако, если между ними мир, они уже на пути к деревне племени Птицы-Носорога и скоро здесь разверзнется ад. Я, конечно, не имею никакого представления, как далеко находится эта деревня, но как только эти дьяволы узнают об убийстве, они помчатся по лесу как голодные волки. Для пиктов не существует худшего злодеяния, чем убийство одного из них, если он не носит боевой окраски, и вывешивание его головы на дереве, чтобы ее могли обклевать стервятники. Проклятые странности происходят на этом берегу. Но так бывает всегда, когда "цивилизованные" люди появляются в глуши. Они просто не способны вести себя иначе. Идем.

Двигаясь в глубь леса, люди ослабили мечи в ножнах и стрелы в колчанах. Люди, привыкшие к простору моря, неуютно чувствовали себя среди незнакомой им зеленой чащи леса, путались во выющихся растениях, которые все время мешали им. Тропа извивалась как змея, так что большинство моряков не могло понять, в каком направлении находится берег.

Но Конан беспокоился не из-за этого. Он снова и снова изучал тропу, пока, наконец, не пробормотал.

— Кто-то прошел по ней незадолго до нас. И этот кто-то носит сапоги и незнаком с лесом. Быть может, он именно тот глупец, который нашел череп пикта и снова повесил его на дерево? Нет, это не мог быть он, иначе я обнаружил бы под деревом его следы. Но кто же это был? Кроме следов пиктов, которые я уже видел, я больше не обнаружил ничего. Кто же этот парень, который прошел здесь перед нами? Может быть, один из вас, сучьих детей, почему либо отправил сюда своего человека?

Как Стромбанны, так и Зарово горячо отрицали это, подозрительно и недоверчиво поглядывали друг на друга. Ни один из них не мог прочитать следы, на которые указывал Конан, едва видимые отпечатки на лишенной травы плотно утопанной тропе, которые оставались скрытыми от их глаз.

Конан ускорил шаги, и они побежали вслед за ним. Тем временем у грабителей зародилось новое подозрение: когда тропа повернула на север, Конан покинул ее и стал прокладывать путь между деревьями в юго-восточном направлении. Тем временем, солнце перевалило за полдень; люди тяжело дышали, продираясь через чащу и перелезая через стволы упавших деревьев.

Стромбанны, идущий вместе с Зарово в арьергарде, прошептал своему спутнику.

— Как ты думаешь, не ведет ли он нас в западню?

— Все возможно, — ответил корсар. — Но как бы там ни было, без него мы никогда не найдем дорогу обратно на побережье, — он бросил на Стромбанны многозначительный взгляд.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — пробормотал пират. — Это, возможно заставит нас изменить свои планы.

Чем дальше они продвигались, тем больше росло их недоверие и они уже почти были готовы удариться в панику, когда, наконец, вышли из дремучего леса и прямо перед собой увидели голую скалу, поднимавшуюся из мшистой почвы. Едва заметная тропинка вела из леса на восток, проходила через россыпь обломков и поднималась к плоскому карнизу вблизи вершины.

Конан, одетый в причудливый костюм, какие носили пираты сто лет назад, остановился.

— Это тропа, по которой я поднялся на скалу, когда меня преследовали пикты из племени Орла, — сказал он. — Она ведет в пещеру за карнизом там, наверху. В ней сидит мертвый Траникос и его люди, сидят вокруг драгоценности, которую они отобрали у Тотмекриса. Однако, я должен сказать еще кое-что, прежде чем вы подниметесь наверх, чтобы забрать сокровища: если вы убьете меня здесь, вы, конечно, не найдете обратного пути назад — я имею в виду, к побережью. Я знаю, что вы моряки и в глухом лесу совершенно беспомощны. Вам также не поможет то, если я скажу вам, что берег находится точно на запад отсюда, потому что, когда вы будете тяжело нагружены сокровищами — если они не обманут ваших ожиданий — вам на обратный путь потребуются не часы, а дни.

И я не думаю, что лес безопасное место для белых, особенно тогда, когда люди племени Птицы Носорога узнают об убийстве своего охотника.

Он улыбнулся им безрадостной улыбкой, и они поняли, что он видит их насквозь. И он понял, о чем они думали: варвар должен был обеспечить нам безопасность и отвести нас к тропе, ведущей к побережью, а там мы все равно убьем его.

— Кроме Стромбанны и Зароно все остаются здесь, — сказал Конан морякам. — Нас троих вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры и спустить их вниз.

Стромбанны насмешливо улыбнулся.

— Я должен идти один с тобой и Зароно? Ты меня считаешь дураком? Я возьму с собой по крайней мере одного человека!

Он указал на боцмана, мускулистого гиганта с обнаженным торсом и широкой набедренной повязкой, в ушах которого болтались золотые кольца, а голова была повязана красной косынкой.

— А я возьму с собой своего Первого! — пробурчал Зароно. Он сделал знак коренастому парню с лицом, похожим на череп мертвеца, на костистом плече которого лежал кривой меч, подойти к нему.

— Я не возражаю! — пробурчал Конан. — Следуйте за мной.

Поднимаясь по тропе к утесу, они почти наступали друг другу на пятки. Они протиснулись вслед за Конаном в щель в скале позади карниза, глубоко втягивая в себя воздух и увидели окованные железом сундуки, стоящие по обе стороны прохода.

— Здесь довольно ценные вещи, — сказал Конан равнодушно. — Шелк, кружева, одежда, украшения, оружие, — добыча, взятая в южных морях. Но основное сокровище находится там, за дверью.

Тяжелая дверь была полуоткрыта. Конан наморщил лоб. Он хорошо помнил, что он закрыл ее, прежде чем покинуть пещеру. Но он не подал никакого знака своим спутникам, а только отошел в сторону, чтобы пропустить их.

Они заглянули вглубь пещеры. Она была освещена странным голубым светом и под ее сводами кое-где мерцал клубящийся голубоватый туман. Огромный стол из эбенового дерева стоял в центре пещеры, а в деревянных резных креслах с высокими спинками и широкими подлокотниками — эта мебель, может быть, раньше принадлежала какому-нибудь горожанину или находилась в замке зинтаранского барона — сидели огромные легендарные фигуры членов Братства Траникоса. Мощная голова самого Траникоса была опущена на грудь, рука его все еще сжимала инкрустированный камнями бокал. На нем была лакированная кожаная шляпа, длинная куртка с золотой вышивкой, застёжки из драгоценных камней которого блестели в голубом сиянии, сапоги с высокими голенищами и накладками и оружейный пояс с золотой пряжкой, на котором висели позолоченные ножи с мечом, рукоятка которого была также украшена драгоценными камнями.

А вокруг огромного стола сидели одиннадцать его людей, каждый уперся подбородком в свою украшенную кружевами грудь. Голубоватое сияние освещало их странно беспокоящим светом. Оно исходило от огромного драгоценного камня на подставке из слоновой кости, стоящей в центре стола. Оно отражалось также от необычно отполированных драгоценных камней, которые довольно большой кучкой лежали перед креслом Траникоса — это были драгоценности Тотмекриса, ценность которых превосходила всех других драгоценных камней вместе взятых.

Лица Зароно и Стромбани в этом голубом сиянии казались бледными. Их люди широко открытыми глазами уставились через плечо своих капитанов.

— Идите туда и возьмите все это, — пробурчал Конан.

Зароно и Стромбани протиснулись мимо него, в ярости отталкивая друг друга. Два человека следовали вплотную за ними. Зароно пинком ноги широко распахнул дверь — и ступив сапогами на порог, остановился, глядя на фигуру, которую до сих пор скрывала дверь. Это был скорчившийся лежащий на полу человек, лицо которого было искажено в смертельной агонии.

— Гальбро! — пораженно воскликнул Зароно. — Мертвый! Что... — он с внезапным недоверием просунул голову в пещеру и поспешно отпрянул назад. — В пещере смерть! — воскликнул он.

В то время как он кричал, туман в пещере зашевелился и сгустился. В то же время Конан всем своим весом бросил четырех человек, закрывающих дверное отверстие, вперед и все они пошатнулись — но, к сожалению, не влетели сломя голову в туманную пещеру, как он задумал. В своем опасении попасть в ловушку, и при виде мертвеца, пираты обратили внимание на формирующегося демона. Так что хотя мощный удар Конана заставил их потерять равновесие, однако он не достиг желаемого результата. Зароно и Стромбани упали на колени, наполовину переступив порог, боцман был сбит с ног, а Первый Офицер ударился о скалу.

Вместо того, как намеревался Конан, чтобы втолкнуть всех людей в пещеру и закрыть за ними дверь, а потом подождать, пока демон покончит с ними, Конан должен был повернуться и защищаться против яростного нападения Первого Офицера, который бросился на него.

Корсар промахнулся по киммерийцу, когда тот пригнулся и меч его ударился по стене. Искры посыпались сплошным потоком. В следующее мгновение голова Первого покатилась по полу туннеля, отрубленная саблей Конана.

В это мгновение боцман встал на ноги и с обнаженным мечом напал на Конана. Клинок ударился о клинок и звон был оглушающим.

Тем временем капитаны, до смерти напуганные тем, что произошло в пещере, перевалились назад, через порог. Они сделали это настолько быстро, что демон не успел полностью сформироваться; они покинули магическую границу и оказались вне его досягаемости. Пока они стояли за порогом, чудовище снова растворилось в тумане.

Конан, сражающийся с боцманом, удвоил свои усилия, чтобы избавиться от него, прежде чем к нему придут на помощь. Он отогнал пирата назад, тот при каждом шаге терял кровь и в отчаянии звал на помощь своих товарищей. Прежде чем Конану удалось покончить с ним, оба капитана с обнаженными мечами в руках бросились на него, зовя своих людей.

Киммериец отпрыгнул назад, на карниз. Хотя он, вероятно, мог бы убить всех троих, каждый из которых был великолепным бойцом, он предпочел бегство, чтобы не попасть в руки спешащим сюда на зов своих капитанов пиратов.

Однако они не появились так быстро, как он ожидал. Хотя они слышали сдавленные крики из пещеры, однако никто из них не осмеливался взобраться наверх по тропе, боясь, что он получит удар меча в спину. Обе группы наблюдали друг за другом. Когда они увидели Конана, выпрыгнувшего на карниз, они все еще колебались. Пока они нерешительно стояли с натянутыми луками, Конан вскарабкался по высеченной в скале лестнице и исчез из поля зрения морских грабителей за каменным гребнем.

Капитаны вывалились на карниз. Люди, увидев своих вожakov, и установив, что они не убили друг друга, перестали угрожать друг другу и пораженно уставились вверх, на скалу.

— Собака! — заревел Зароно. — Ты хотел заманить нас всех в ловушку и убить! Предатель!

Конан ответил сверху:

— Чего же вы ожидали? Вы двое планировали перерезать мне горло, как я покажу вам добычу. Если бы не этот идиот Гальбро, я бы запер там вас всех четверых и объяснил бы вашим людям, что вы необдуманно подвергли себя смертельной опасности.

— А после нашей смерти, ты забрал бы мой корабль и всю добычу! — бушевал Стромбанны.

— Да. И лучших из обоих ваших экипажей. Я уже давно тешился мыслью снова уйти в море, как только представится такая возможность.

Впрочем, следы, которые я обнаружил на тропе, были следами Гальбро. Я только не знаю, как он узнал об этой пещере и спрашиваю себя, как он хотел в одиночку забрать отсюда сокровище.

— Если бы не увидели его труп, мы бы попали в западню, — пробормотал Зароно, с все еще пепельно-серым лицом.

— Что это, собственно было? — спросил Стромбанны. — Ядовитый газ?

— Нет, это двигалось, словно живое и принимало дьявольскую форму, прежде чем мы отступили назад. Это демон, который заключен в этой пещере при помощи колдовства, — сказал Зароно.

— Ну что вы теперь будете делать? — насмешливо крикнул Конан сверху. Пираты не могли его видеть.

— Да, — Зароно повернулся к Стромбанны. — Что теперь мы будем делать? Мы не можем живыми войти в пещеру с сокровищами.

— Конечно! — крикнул сверху Конан. — Сокровища вы не получите. Демон задушит вас. Он почти задушил меня, когда я вошел в пещеру. Слушайте, я расскажу вам историю, которую пикты рассказывают в своих хижинах, когда костер постепенно прогорает.

Однажды из-за моря пришли двенадцать чужеземцев. Они напали на одну из деревень пиктов и всех там убили, кроме немногих, которым удалось бежать. Потом они обнаружили пещеру и затащили в нее золото и драгоценные камни. Но шаман убитых пиктов — он был один из тех, кому удалось бежать — начал колдовать и вызвал демона из глубины ада. При помощи чар шаман вынудил демона войти в пещеру и задушить двенадцать чужеземцев, которые сидели за столом и пили вино. А чтобы демон больше не появлялся в стране пиктов и не причинял вред самим пиктам, шаман при помощи магии запер его в пещере. Эта история рассказывается во всех племенах, и с тех пор все кланы избегают этого проклятого места.

Когда я подошел к пещере, чтобы ускользнуть от племени Орла, мне стало ясно, что легенда является правдой и относится к Траникосу и его людям. Смерть охраняет сокровище Траникоса.

— Люди должны подняться наверх! — вскипел Стромбанны. — Мы заберемся наверх и уничтожим его!

— Не будь дураком! — пробурчал Зароно. — Неужели ты действительно думаешь, что кто-то стащит его вниз, пока он со своей саблей охраняет лестницу? Но, несмотря на это, мы пошлем людей наверх и они устроятся на карнизе, чтобы пронзить его стрелами, как только он осмелится показаться. Мы еще не забрали драгоценности. У него, несомненно есть план, как их забрать, хотя для их переноски потребуются не меньше тридцати человек. А если он может сделать это, то и мы сможем. Мы изогнем клинок одной из наших сабель так, что он сможет служить крюком, привяжем к нему веревку, забросим крюк за ножку стола и подтянем его к двери вместе с драгоценностями.

— Весьма не глупо, Зароно! — насмешливо похвалил Конан. — Именно это я и намеревался сделать. Но как вы вернетесь назад, на тропу? Стемнеет задолго до того, как вы достигнете берега, если даже вам удастся проложить путь сквозь лес. А я последую за вами и буду убивать вас в темноте, человек за человеком.

— Это не пустая угроза, — пробурчал Стромбанны. — Он может двигаться в темноте так же быстро и бесшумно, как призрак. Если он последует за нами через лес, немногие из нас доберутся до берега.

— Тогда мы убьем его здесь, — заскрежетал зубами Зароно. — Некоторые из нас будут обстреливать его, пока остальные будут карабкаться на скалу. Если он не будет убит стрелами, мы прикончим его мечами. Почему он смеется?

— Потому что смешно слышать, как мертвецы строят планы! — крикнул Конан, заметно повеселевшим голосом.

— Не спускай с него глаз! — мрачно сказал Зароно. Потом он крикнул людям внизу, приказывая подняться на уступ к нему и Стромбанны.

Моряки начали карабкаться вверх по тропе и один из них проревел свой вопрос, повернув голову вверх. Одновременно с этим раздалось жужжание, словно от шмеля, которое закончилось глухим ударом. Корсар замолк посреди слова. Он захрипел и кровь хлынула изо рта. Он упал на колени и остальные увидели древко стрелы, выступающее у него из спины. Испуганный крик вырвался из глоток моряков.

— Что случилось? — проревел Стромбанны.

— Пикты! — закричал один из пиратов. Он поднял свой лук и выстрелил наугад. Товарищ возле него застонал и упал со стрелой в горле.

— В укрытие, вы, идиоты! — прогремел Зароно. Со своего высокого места он видел раскрашенные фигуры, скрывающиеся в кустарнике. Один из людей на тропе умирая, скатился вниз. Остальные поспешно отбежали и, рассыпавшись укрылись за обломками камней у подножья скалы. Они не были очень искусными в поисках укрытия и не привыкли к сражениям подобного рода. Стрелы со свистом вылетали из кустов и разбивались о каменные обломки. Люди на карнизе поспешно кинулись на камень.

— Теперь мы попали в ловушку! — лицо Стромбанны побледнело. Он был мужественен, когда под ногами палуба, но это молчаливое нападение действовало ему на нервы.

— Конан сказал, что они боятся этой скалы, — вспомнил Зароно. — Когда наступит темнота, наши люди смогут забраться сюда. Мы уже находимся на карнизе. Пикты не станут штурмовать его.

— Это так, — с насмешкой ответил Конан. — Они не полезут на скалу, чтобы добраться до вас. Они всего лишь окружают ее и подождут пока вы не умрете с голоду.

— Он прав, — беспомощно прошептал Зароно. — Что же нам делать?

— Заключить с ним военное перемирие, — предложил Стромбанны. — Если кто-то и сможет вывести нас отсюда живыми, то только он. Позже мы все еще сможем перерезать ему горло, — он крикнул во весь голос. — Конан, забудь на время наше расхождение во мнениях. Ты попал в такое же неприятное положение, как и мы. Спускайся и помоги нам выбраться отсюда.

— Я сижу совсем не в той лодке, в которой вы, — крикнул он им в ответ. — Мне нужно только подождать, пока стемнеет, потом я смогу спуститься по другой стороне скалы и исчезну в лесу. Проскользнуть сквозь оцепление пиктов мне не трудно. Потом я вернусь назад, к форту и сообщу, что вас всех убили дикари — и это будет чистая правда.

Стромбанны и Зароно с посеревшими лицами уставились друг на друга.

— Но я этого не сделаю! — проревел им Конан. — Не потому, что я считаю вас, собак, на что-то годными, а потому что не могу и позволить, чтобы белые — даже если это мои враги — были убиты пиктами как скот.

Голова киммерийца со спутанной гривой волос появилась из-за каменного гребня.

— Прислушайтесь повнимательнее. Там внизу, всего лишь маленький боевой отряд. Когда я смеялся некоторое время назад, я видел этих дьяволов, крадущихся в кустах. Кроме того, если бы их было много, ни одного из ваших людей внизу уже не было бы в живых. Я думаю, что там всего лишь пара мобильных пеших бойцов, идущих впереди большого боевого отряда, который послал их, чтобы отрезать нам путь к побережью. Да, я уверен, что в нашу сторону движется огромный отряд.

Я думаю, что эти дьяволы охраняют только западную часть скалы, а не восточную. Я спущусь там вниз и прокрадусь в лес, им в тыл. А вы тем временем спускайтесь по тропе и вместе с вашими людьми укрывайтесь за обломками камней. Скажите им, что они должны держать луки наготове и вытащить мечи. Когда вы услышите мой крик, бегите к деревьям на западной стороне поляны.

— А как насчет сокровищ?

— К дьяволу сокровища! Мы можем считать себя счастливыми, если нам удастся спасти свои шеи!

Черноволосая голова исчезла. Оба капитана прислушивались к звукам, которые свидетельствовали, что Конан подполз к другой стороне скалы, которая была почти отвесной и стал спускаться вниз, но потом они не слышали ни звука. Внизу, в лесу тоже было тихо. Ни одной стрелы больше не попадало в обломки камней. Но они знали, что черные глаза дикарей со смертным нетерпением смотрят за ними.

Стромбанны, Зароно и боцман осторожно стали спускаться по выходящей тропе. Они преодолели около половины тропы, когда стрелы снова запели вокруг них. Боцман охнул и сполз вниз по склону. Древко стрелы торчало у него из груди. Все новые стрелы отскакивали от нагрудных панцирей капитанов, пока они спускались по тропе. Оказавшись внизу, они бросились под защиту каменных обломков.

— Не оставит ли Конан нас здесь одних? — выругавшись, спросил Зароно.

— В этом отношении мы можем ему доверять, — заверил его Стромбанны. — У таких варваров, как он, свой собственный кодекс чести. Киммериец никогда не бросит на произвол судьбы человека своей расы, чтобы люди с другим цветом кожи убили его. Он поможет нам в борьбе с пиктами, даже если он планирует собственноручно убить нас — эй!

Леденящий кровь крик разорвал тишину. Он доносился со стороны деревьев на западе и одновременно что-то вылетело из-за леса, отскочив от земли и подсакивая. Это была отрубленная голова с жутко разрисованным искаженным лицом.

— Сигнал Конана! — прогремел Стромбанны. Отчаявшиеся морские грабители поднялись как волна прибоя из-за своих камней и устремились в лес.

Из-за кустов полетели стрелы, но их поспешный полет был не слишком точен. Упали только три человека. Потом морские волки проломились через подлесок и набросились на голые разрисованные фигуры,

поднявшиеся перед ними из чащи кустарника. Некоторое время было слышно тяжелое дыхание дерущихся врукопашную. Сабли и мечи ударились о боевые тропы. Сапоги топтали голые тела, а потом босые воины, уцелевшие в короткой резне, ударились в бегство в чащу леса. Они оставили на мхе и искровавленной траве семь своих сородичей. Глубоко в лесу были слышны звуки боя, но скоро они смолкли и появился Конан. Он потерял свою кожаную шляпу, его плащ был разорван, а с сабли капала кровь.

— Что теперь? — прокаркал Зароно. Он знал, что они одержали победу только потому, что неожиданное нападение Конана в тыл к пиктам нагнало на них страху и помешало им перебить пиратов и корсаров. Но он дико выругался, когда Конан нанес удар милосердия одному из корсаров, лежащему на земле с раздробленной ногой.

— Мы не можем тащить его с собой, — объяснил Конан. — И ему будет хуже, если мы оставим его здесь и пикты захватят его живым. Теперь идем!

Он стал пробираться между деревьями и они последовали за ним. Без него они бы часами блуждали по лесу, пытаясь выйти — без тропы они вообще не могли бы выйти. Но киммериец безошибочно вел по хорошо освещенной дороге. Морские грабители заревели от облегчения, когда перед ними внезапно появилась тропа.

— Идиот! — Конан схватил пирата, который бросился бежать, за плечо и отшвырнул его назад, к его товарищам. — Ты не выдержишь долго этого бега, и мы находимся еще в нескольких милях от побережья и не должны переутомляться, потому что последнюю часть пути нам придется бежать изо всех сил. Поэтому сохраняйте дыхание. А теперь идем!

Они направились по тропе равномерным шагом. Люди устремились вслед за ним, стараясь приспособиться к темпу его движения.

Солнце коснулось волн Западного океана. Тина стояла у окна, из которого Белеза наблюдала за бурей.

— Заход солнца превратил море в кровь, — пробормотала она. — Парус караки только белое пятно на красной воде. На лес уже спускается ночь.

— А что с моряками на берегу? — устало спросила Белеза. Она с закрытыми глазами опустила на диван, положив руки на голову.

— Оба лагеря готовятся к ужину, — ответила Тина. — Они собирают плавник и разводят костры. Я слышу, как они перекликаются друг с другом — что это?

Внезапное напряжение в голосе девочки заставило Белезу вскочить. Тина схватилась за подлокотник и лицо ее побелело.

— Слушайте! Вой вдали, словно воем множество волков!

— Волков, — Белеза вскочила. Ледяная рука сжала ее сердце. — Волки в это время года не охотятся стаями.

— О, смотри! — закричала девочка и указала на что-то — Из леса бегут люди!

Белеза уже была у окна и с широко открытыми глазами уставилась на крошечные фигурки, выбегавшие из леса.

— Морские грабители! — воскликнула она. — С пустыми руками! Я вижу Зароно... Стромбани...

— Где Конан? — прошептала Тина. Белеза покачала головой.

— Послушай! Послушай! — закричала девочка и ухватила за свою госпожу. — Пикты!

Теперь все в форте могли это слышать: поднимающийся и затихающий вой ожидания и дикой жажды крови доносился из глубины темного леса. Он подгонял задыхающихся людей, которые еще быстрее, шатаясь, побежали к форту.

— Быстрее! — хрипел Стромбани, черты лица которого были искажены от усталости. — Они уже наступают нам на пятки. Мой корабль...

— Мы не успеем достигнуть его, он слишком далеко от берега! — прокричал Зароно. — Мы должны укрыться в форте! Люди на берегу уже видят нас!

Он начал дико размахивать руками, но пираты и корсары на берегу и так поняли значение этого страшного воя, доносящегося из леса. Они бросили свои костры и котлы с пищей на произвол судьбы, и побежали к воротам палисада. Они уже вбежали в них, когда, выбежавшие из леса обогнули южный угол форта и сразу же после этого вбежали в ворота. Эти отчаявшиеся беглецы были полумертвыми от усталости. Ворота позади них поспешно закрылись. Отдохнувшие на берегу люди поднялись на бруствер, чтобы примкнуть к солдатам графа.

Белеза, выбежавшая из главного дома, остановила Зароно.

— Где Конан?

Корсар указал пальцем на темный лес. Его грудь тяжело вздымалась и опадала. Пот стекал по его лицу.

— Их шпионы наступали нам на пятки, прежде чем мы достигли берега. Конан остановился, чтобы убить парочку из них и дать нам возможность добраться до форта.

Он бросился к палисаду, чтобы занять место на бруствере, куда же вскарабкался Стромбани. Валенсо тоже стоял там, закутавшись в плащ, бдительный и молчаливый. Его лицо превратилось в застывшую маску.

— Смотрите! — проревел один из пиратов, перекрыв оглушающий рев еще невидимой орды.

Из леса выбежал человек и побежал к воротам.

— Конан! — по-волчьи оскалился Зароно. — Теперь мы в безопасности. Мы знаем, где сокровище. Теперь я не вижу, почему бы нам не пристрелить его?

— Нет! — возразил Стромбани и схватил его за руку. — Нам нужна еще его сабля. Смотри!

Позади мчащегося киммерийца из леса с ревом высыпала дикая орда — сотни голых пиктов. Их стрелы жужжали вокруг бегущего. Парой огромных прыжков он достиг восточной стороны палисада, схватился за

острие кольев, подпрыгнул и перемахнул через палисад, держа в зубах саблю. Стрела вонзилась в дерево, где он только что находился, Его плаща на нем больше не было, его белая рубашка была изорвана и запачкана кровью.

— Остановите их! — проревел он, опустившись на бруствер. — Если они, как я, перепрыгнут палисад, с нами будет покончено.

Пираты, корсары и солдаты тотчас же повиновались и град стрел ударил в приближающуюся толпу.

Конан увидел Белезу, в руку которой вцепилась Тина и ругательство его было очень живописным.

— Марш в дом! — не терпящим возражений голосом приказал он. — Их стрелы дождем сыплются через палисад. — Ну, что я сказал! — Черное древко вонзилось в землю под ногами Белезы, дрожа, как змея, готовая к нападению, Конан схватил арбалет и вложил в него болт.

— Эй, вы, несите сюда факелы! — проревел он, перекрывая шум сражения. — В темноте мы не сможем сражаться с ними!

Солнце зашло в мрачной красноте. Снаружи, в бухте, люди на борту караки подняли якорь и "КРАСНАЯ РУКА" со все увеличивающейся скоростью поплыла к красному горизонту.

7. ДИКАРИ ИЗ ЛЕСА

Опустилась ночь, но факелы слабым светом освещали эту сумасшедшую сцену. Раскрашенные, обнаженные дикари устремились вперед, как волна прибоя, накатились на палисад. Их белые зубы и сверкающие глаза блестели в свете факелов. Перья птицы Носорога были воткнуты в их черные гривы; здесь были также перья кормарака и морского орла. Пара воинов, наиболее диких, вплела в свои волосы зубы акулы. Прибрежные племена со всех сторон прибыли сюда, чтобы очистить берег от вторгшихся белокожих людей.

Плечом к плечу бросались они на палисад, осыпая его градом стрел и не обращая внимания на стрелы и арбалетные болты, которые уже сразили многих из них. Иногда они подходили так близко, что могли бить боевыми топорами в ворота, а их копыя могли проникать внутрь через бойницы. Но каждый раз этот людской поток откатывался назад, оставляя позади себя множество трупов. В таком виде борьбы у морских волков был огромный опыт и они в нем были очень искусны. Их стрелы и болты пробивали брешы в орде, а их сабли сбивали с палисада пиктов, которым удалось забраться туда. Однако дикари снова и снова штурмовали форт.

— Они как бешеные собаки! — пропыхтел Зароно, отсекая хватающихся за острия кольев палисада темные руки, не обращая внимания

на раскрашенные останки, которые с оскаленными зубами смотрели на него снизу вверх.

— Если мы сможем удержать форт до утра, они потеряют мужество, — пробурчал Конан и с точностью опытного бойца ударил саблей по раскрашенной голове. — Ага, они уже отступают!

Волна людей откатилась назад. Люди на бруствере смахнули пот со своих лиц, подсчитали погибших и обтерли залитые кровью рукоятки своих сабель и мечей. Как опьяненные жаждой крови волки, которые вынуждены отказаться от намеченной жертвы, пикты отпрянули за освещенное пространство. У палисада остались только трупы.

— Они ушли? — Стромбанни смахнул с лица мокрые от пота волосы. Сабля в его кулаке была иззубрена, а рука забрызгана кровью.

— Они все еще находятся поблизости, — Конан кивком головы указал на тьму. Он видел, как там что-то изредка двигалось, кроме того, там время от времени блестели чьи-то глаза и матово поблескивало медное оружие.

— Все же они на некоторое время отступили. Установите на бруствере охрану и позаботьтесь о том, чтобы другие люди тем временем поели и попили. Полночь уже минула. Мы безостановочно сражались целых четыре часа. Эй, Валенсо, как там у вас?

Граф, в помятом, забрызганном кровью шлеме и нагрудных латах, мрачно подошел к Конану и обоим капитанам. Он что-то неразборчиво пробурчал в ответ. Тут из темноты внезапно раздался голос, громкий, четкий, прозвучавший по всему форту.

— Граф Валенсо! Из Корзетты! Вы слышите меня? — в этом голосе был несомненно стигийский акцент.

Конан услышал, как граф застонал, словно от смертельного удара. Валенсо пошатнулся и схватился за колья палисада, чтобы удержаться на ногах. Лицо его в свете факелов было пепельно-серым. Голос продолжал:

— Это я, Тот-Амон из Ринга! Неужели вы думаете, что сможете ускользнуть от меня? Слишком поздно. Ваши хитрые планы больше не нужны вам, потому что сегодня ночью я пошлю к вам курьера-демона, охраняющего сокровища Траникоса! Я освобожу его из пещеры и возьму к себе на службу. Он позаботится о том, чтобы ваша судьба настигла вас, и чтобы вы многократно получили за то, что заслужили: мучительную, медленную, тяжелую и бесчестную смерть. Хотелось бы мне посмотреть, как вы ускользнете от этого.

Его слова завершил мелодичный смех. Валенсо издал громкий крик, соскочил с бруствера и бросился к главному дому.

Когда в бою наступила пауза, Тина проскользнула к окну, от которого она отошла, боясь, что случайная стрела может попасть в нее. Она молча смотрела, как люди собрались вокруг костра. Белеза читала письмо, которое служанка принесла к дверям ее комнаты.

“Граф Валенсо своей племяннице”

Приветствую тебя. Мой неизбежный конец близок. Ну, я с этим примирился; ты должна знать, что это далось мне нелегко и мне было ясно, что я использовал тебя таким образом, какой несовместим с честью графа из Корзетты. Я сделал это только потому, что обстоятельства не позволяли мне сделать выбор. Хотя теперь слишком поздно обвинять себя за то, я прошу тебя, не суди меня жестоко и, если ты пронесешь это через сердце и тебе случайно удастся пережить эту ночь ужаса, молись Митре за грешную душу брата, советую тебе оставаться подальше от банкетного зала, чтобы тебя не коснулось то, что для меня неотвратимо.

“Будь здорова”.

Рука Белезы, сжимающая письмо, дрожала. Хотя она никогда не чувствовала симпатии к своему дяде, она увидела в этом письме человеческий порыв — может быть, самый человеческий из всех его порывов.

Тина у окна сказала:

— На бруствере должно быть больше охраны. Предположим, что Черный человек вернется.

Белеза, подошедшая к ней и тоже выглянувшая наружу, вздрогнула.

— Я боюсь, — пробормотала Тина. — Я надеюсь, что Зароно и Стромбанни будут убиты

— А Конан, нет? — удивленно спросила Белеза.

— Конан не причинит нам никакого вреда, — убежденно ответила девочка. — Он живет по своему варварскому кодексу чести, а оба других бесчестны.

— Ты очень умна для своих лет, Тина, — пробормотала Белеза с беспокойством, которым каждый раз наполняла ее эта таинственная проницательность маленькой девочки.

— Смотри! — Тина замерла. — Охранник у южной стены палисада исчез. Я только что видела его на бруствере, а теперь его больше нет!

Из их окна были видны острые колья палисада, поднимающиеся над косыми крышами хижин, которые простирались во все стороны. Нечто вроде открытого коридора около двенадцати футов шириной образовалось между стеной палисада и задними стенами домиков, протянувшихся сплошным рядом. В этих домиках жили семьи слуг.

— Куда же мог деваться охранник? — прошептала Тина.

Белеза посмотрела на ближайший конец домиков, находящихся недалеко от главного дома. Она могла поклясться, что позади домиков проскользнула призрачная фигура и исчезла в двери. Был ли это охранник? Почему этот человек покинул свой пост и почему он пробрался в дом украдкой? Нет, она не верила, что это был охранник, которого она знала. Неопикуемый страх сжал ее сердце.

— Где, граф, Тина? — спросила она.

— В банкетном зале, моя леди. Он сидит, уткнувшись в плащ, один за столом, пьет вино и лицо у него белос, как у мертвеца.

— Иди и Расскажи ему о том, что мы видели. Я буду наблюдать из окна, чтобы пикты незаметно не перелезли через палисад.

Тина выбежала из комнаты. Внезапно Белеза вспомнила о предупреждении в письме графа: держаться подальше от банкетного зала. Она подошла к двери и услышала легкие шаги девочки, идущей по коридору, а потом спускающейся по лестнице.

Но прежде чем она достигла двери, чтобы позвать Тину назад, она услышала пронзительный крик ужаса, от которого ее сердце чуть не выскочило от страха. Она выбежала из двери и помчалась по коридору, почти не соображая, что она делает. Посреди лестницы она остановилась, словно окаменев.

Она не закричала, как кричала Тина. Она не была способна ни пошевелиться, ни издать какой-либо звук. Она увидела девочку и почувствовала, как ее руки отчаянно вцепились в нее. Но это была единственная реальность в этом мире, в этом непредставимом ужасе.

На дворе Стромбанны только покачал головой на вопрос Конана.

— Нет, ничего не слышал.

— А я слышал! — инстинкты киммерийца пробудились в нем. — Это донеслось с южной стороны, из-за домиков.

Он вытащил саблю и направился к палисаду. Со двора не было видно южной стены и находящихся там охранников. Воодушевленный примером Конана, Стромбанны отправился вслед за ним.

В начале прохода между домиками и стеной палисада он увидел остановившегося Конана. Ход этот был скудно освещен двумя факелами, находящимися на концах коридора. И примерно в центре него на земле лежала скорчившаяся фигура.

— Бракус! — выругался Стромбанны. Он подбежал к нему и опустился на колени. — О, Митра! Его горло перерезано от уха до уха.

Конан внимательно осмотрелся. Кроме него, Стромбанны и мертвеца в проходе никого не было. Он посмотрел в бойницу, в кругу факелов ничего не двигалось.

— Кто мог это сделать? — спросил он скорее себя, чем Стромбанны.

— Зароно! — зашипел и вскочил Стромбанны. — Он послал своих собак, чтобы те убили моего человека. Он хочет уничтожить меня! Дьявол! У меня есть враги внутри палисада!

— Подожди! — Конан схватил Стромбанны за руку, чтобы удержать его. — Я не думаю, что Зароно...

Но возбужденный пират вырвался, и ругаясь побежал по проходу. Конан последовал за ним. Стромбанны помчался прямо к костру, у которого сидел Зароно и пил из кружки пиво.

Его удивление было неподдельным, когда кружка была выбита у него из рук, и ее содержимое пенясь побежало по нагрудному панцирю, а самого его схватили безжалостные руки. Он с искаженным лицом уставился на капитана пиратов.

— Ты, проклятая собака! Убийца! — прогремел Стромбанни. — Ты убиваешь в спину моих людей, хотя она также защищает твою шкуру, как и мою!

Конан подбежал к ним. По всему двору люди перестали есть и пить и уставились на эту сцену.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Зароно.

— Что ты послал своих людей убивать моих людей, находящихся на посту, — проревел бараханец.

— Ты лжешь! — ненависть вдруг вспыхнула всепоглощающим пламенем.

С криком ярости Стромбанни выхватил свою саблю и обрушил ее на голову корсара. Зароно отразил удар и искры каскадом хлынули из-под клинка. Он устремился вперед, выхватывая из ножен меч.

В следующее мгновение, они как берсерки, бросились друг на друга. Клинки звенели и сверкали в свете костра. Их люди слепо и быстро отреагировали на это. Раздался громкий рев, когда пираты и корсары ринулись друг на друга. Оставшиеся охранники покинули свои посты и с обнаженными саблями прыгнули вниз во двор. Сейчас же возникла ужасная неразбериха боя. Некоторые из солдат и слуг графа были втянуты в эту рукопашную, а солдаты у ворот повернулись к ним. Они пораженно раскрыли глаза и забыли о затаившемся снаружи враге.

Все это произошло так быстро — тлеющая ненависть вылилась во внезапное кровопролитие — что люди сражались друг с другом уже по всему двору, прежде чем Конан успел добраться до обезумевших капитанов. Не обращая внимания на их мечи, он с такой порывистостью отпихнул их друг от друга, что они отступили назад, а Зароно даже вытянулся во весь рост на земле.

— Вы проклятые идиоты! Вы хотите поставить на карту жизнь всех нас?

Стромбанни вскипел от ярости, а Зароно стал звать на помощь.

Один из корсаров подбежал к Конану и ударил его сзади. Киммериец полуобернулся, схватил руку нападающего и поднял ее вместе с саблей.

Что-то в его голосе привлекло внимание этого обезумевшего сброда. Люди остановились посреди удара или укола и вытянули шеи, чтобы посмотреть. Конан указывал на одного из солдат на бруствере. Человек зашатался, взмахнул руками, попытался что-то крикнуть, а потом упал вниз головой. Тут все увидели черное древко стрелы, выступающее у него из спины.

Все испуганно взревели. За этим ревом последовали дикие крики, заставившие застыть кровь в жилах, а затем сильные удары в ворота. Пылающие стрелы взлетели над палисадом и вонзились в домики. Тонкий дымок заструился вверх. И за домиками, вдоль задних стен прокрадывались темные фигуры.

— Пикты в форте! — заревел Конан.

Разразился ад. Моряки перестали сражаться друг с другом. Некоторые повернулись к дикарям, другие вскочили на бруствер. Пикты все еще

выбегали из-за домиков во двор, их боевые топоры звенели о сабли моряков и мечи солдат.

Зароно попытался подняться на ноги, когда один из раскрашенных дикарей устремился к нему и разбил ему голову топором.

Конан, с группой моряков позади себя, сражался с пиктами в форте. Стромбанны с большей частью своих людей поднялся на бруствер и сбивал темные фигуры, непрерывно лезущие на палисад. Пикты, пробравшиеся незамеченными, нападали со всех сторон. Почти все без исключения солдаты Валенсо собрались у ворот и пытались обороняться от ревушей толпы дикарей, которые били в ворота огромным стволом дерева.

Все больше пиктов перелезало через незащищенную южную часть палисада и пробегало по проходу за домиками. Стромбанны и его люди были оттеснены от северной и западной сторон палисада и тотчас же двор затопила волна хлынувших через палисад голых дикарей. Они, как волки, валили защитников на землю и рвали их. Бой шел в водовороте раскрашенных тел. Пикты, солдаты, моряки лежали по всему двору и ноги, не обращающих ни на что внимания сражающихся, топтали их.

Забрызганные кровью дикари с ревом ворвались в домики и к шуму боя примешались крики женщин и детей, умирающих под ударами топоров. Солдаты, услышавшие эти крики покинули свои посты у ворот, и в следующее мгновение пикты хлынули в форт и через них. Над некоторыми домиками вверх взметнулись языки пламени.

— К главному дому! — проревел Конан. Дюжина людей сомкнулась вокруг него, когда он начал пробивать себе путь сквозь толпу дикарей.

Стромбанны был около него и его сабля казалась вращающимся крылом ветряной мельницы.

— Мы не сможем удержать главный дом, — произнес он.

— Почему не сможем? — Конан был занят сражением и бросил на него только быстрый взгляд.

— Потому что... О-О! — Охотничий нож одного из дикарей глубоко вонзился в спину пирата. — Дьявол тебя побери, собака! — Стромбанны повернулся и разможил череп пикта, затем пошатнулся и упал на колени. Кровь хлынула изо рта.

— Потому что его сожгут! — прохрипел он и рухнул на землю.

Конан быстро осмотрелся. Все люди, окружавшие его, лежали на земле. Индеец, прощавшийся с жизнью, был последним, кто преграждал ему путь. Вокруг него кипел бой, но сам он в это мгновение стоял совершенно один.

Он находился недалеко от южной стены. Парой прыжков он мог достигнуть палисада, перелезть через него и исчезнуть в ночи. Но тут он вспомнил о беспомощных девушках, находящихся в главном доме, из которого валил густой дым.

Один из вождей, с украшенной перьями головой, пробился от ворот к нему, поднял боевой топор, а за ним устремились другие дикари. Однако, не успел он остановиться, как взлетевшая сабля парировала удар топора

и разmozжила череп вождя. Мгновением позже Конан побежал через дверь, захлопнул ее и запер. Он больше не обращал внимания на удары топоров, молотивших в дверь, ни на дикие крики.

Дым шел из банкетного зала. Он ел глаза, но Конан наощупь пробирался вперед. Где-то истерически всхлипывала женщина. Конан вышел из облака дыма и остановился.

Из-за дыма в зале было темно и призрачно. Серебряный светильник лежал на полу, свечи были потушены. Единственным освещением были угли в камине. И в свете пламени Конан увидел человека, болтавшегося на конце веревки. Лицо мертвеца повернулось к нему. Оно было искажено до неузнаваемости, но он знал, что это граф, который повесился на балке в своем доме.

Но в зале было еще кое-что. Конан разглядел это сквозь облако дыма: ужасная черная фигура, поднимающаяся над пламенем. Различные очертания ее были почти человеческими, однако тени не было.

— Кром! — выругался Конан, которому тотчас же стало ясно, что он видит перед собой создание, которое не может убить ни один меч. Он увидел у подножия лестницы Белезу и крепко вцепившуюся в нее Тину. Черное чудовище выпрямилось и растопырило огромные руки. Размытое лицо пристально уставилось на него сквозь дым. Оно было демоническим и ужасным. Конан увидел близко растущие друг к другу рога, зияющую пасть, стоящие торчком уши. Чудовище приближалось. И вместе с отчаянием в Конане проснулись старые воспоминания.

Возле ног киммерийца лежал опрокинутый светильник, бывшая гордость дворца в Корзетте — пятьдесят фунтов массивного серебра, искусно украшенные изображениями богов и героев. Конан схватил его и поднял над головой.

— Серебро и огонь! — крикнул он громовым голосом и швырнул светильник со всей силой своих мускулов. Светильник ударился о чудовищную черную грудь. Даже демон не мог выдержать удар этого снаряда. Светильник сбил демона с ног и тот упал в камин, превратившийся в бушующую огненную пасть. Ужасный рев потряс зал, рев адского существа, погибающего на земле. Оправа камина разлетелась, камни полетели из дымохода и погребли под собой черное тело. Горящие балки полетели с потолка и пламя быстро охватило кучу обломков.

Языки пламени теперь лизали лестницу, когда Конан достиг ее. Он одной рукой подхватил потерявшую сознание девочку, а другой поставил Белезу на ноги. Сквозь треск пламени был слышен стук боевых топоров и потрескивание двери.

Конан осмотрелся. Он обнаружил дверь напротив лестницы и побежал к ней, держа Тину под мышкой и волоча за собой Белезу, казалось, оцепеневшую. Достигнув комнаты позади этой двери, он услышал оглушительный треск показавший, что потолок в зале обвалился. Облака дыма грозили задуть его, но Конан уже увидел открытую дверь, веду-

щую наружу. Протащив в нее своих подзащитных, он увидел, что петли ее были сорваны, а засовы и замки разбиты.

— Этот... дьявол проник в дом через эту дверь! — истерически вскрипывала Белеза. — Я... видела его... но... я не знаю...

Они преодолели дюжину футов от ряда домиков к южной стене, пробежали по охваченному огнем двору. Один из пиктов бросился им навстречу с поднятым топором. Его глаза сверкали в свете пламени.

Конан отодвинул Белезу в сторону и убрал Тину из-под удара топора, одновременно вонзив саблю в грудь нападающего. Затем, схватив Белезу другой рукой, он побежал к южной части палисада.

Облака дыма скрывали многих сражавшихся, но, несмотря на это, беглецы были замечены. Голые воины, черные на фоне пылающих домов, устремились к ним, подняв боевые топоры над головами. Они были еще в дюжине футов от них, когда Конан нырнул в проход между домами. Все новые и новые дикари спешили к другому концу прохода, чтобы отрезать беглецам путь к отступлению.

Конан остановился, изо всей силы забросил на бруствер сначала Белезу, а потом Тину, а затем вскочил сам. Он тотчас же поднял Белезу над палисадом и уронил ее на песок снаружи. Тина последовала за ней. Один из боевых топоров вонзился в бревно около его плеча, однако, Конан уже перепрыгнул через палисад и подобрал своих подзащитных. Когда пикты, наконец, достигли этого места, здесь больше не было видно никого живого.

8. БОЕЦ ИЗ АКВИЛОНИИ

Новое утро тронуло воду дуновением бриза. Далеко в сверкающем море, из тумана поднималось белое пятно-парус, который, казалось, повис между небом и морем. На поросшем кустарником мысе, Конан держал разорванный плащ над костром из сырого дерева. Когда он убирал плащ, вверх поднимались маленькие облачка дыма.

Белеза, обняв Тину, сидела недалеко от него.

— Вы думаете, что они могут увидеть и понять эти дымовые знаки? — спросила она.

— Это они, конечно, смогут сделать, — заверил ее Конан. — Они всю ночь крейсеровали недалеко от берега в надежде обнаружить оставшихся в живых. Страх глубоко въелся в их души. Их только около полудюжины и никто из них в достаточной мере не разбирается в навигации, чтобы вернуться к бараханским островам. Они поймут мой сигнал — это код моряков. Они будут счастливы, если я приму на себя командование кораблем, потому что я единственный капитан, которому удалось выжить.

— Но, предположим, что пикты тоже видели этот дымовой сигнал? — Белеза содрогнулась. Она оглянулась назад, туда, где в нескольких милях на север еще поднимался дым.

— Это невозможно. После того, как я укрыл вас в лесу, я прокрался обратно в форт и увидел, как они выкатывают из подвала бочки с вином. Большинство из них там уже было пьяно. Теперь они наверняка упились до смерти. С сотней человек я мог бы уничтожить весь их род — Кром и Митра! — внезапно проревел он. — Это не “КРАСНАЯ РУКА”, а военная галера. Какая цивилизованная страна направила сюда корабль своего флота? Возможно, это кто-то, кто хочет свести счеты с твоим дядей. В таком случае, мы конечно, должны заклинать его дух.

Он взглянул на море и постарался разглядеть сквозь туман подробности очертаний корабля. Галера приближалась носом вперед, так что видна была только позолоченная фигура на носу, а также маленький парус, надуваемый прибрежным бризом идвигающиеся весла.

— Ну, — произнес Конан. — По крайней мере, они приплыли сюда, чтобы забрать нас на борт. Это будет слишком долгая прогулка в Зингару. Пока мы не узнаем, кто они такие и какие у них намерения, я прошу вас не упоминать о том, кто я. Пока они пристают к берегу, я придумаю достоверную историю.

Конан подошел к костру и дал Белезе почти негодный для носки плащ. Потом он лотянулся как дикая кошка. Девушки удивились и были восхищены. Его равнодушие не было наигранным. Ночь огня и крови, а потом бегство через мрачный лес, казалось, ничем не повредило ему. Он был так беспечен, словно всю ночь праздновал и веселился. Пара легких ран была перевязана полосками ткани от одежды Белезы, потому что он бежал из форта, не захватив с собой ничего.

Белеза больше не боялась его. Напротив, в его присутствии она чувствовала себя увереннее, чем когда-либо. Он не был таким цивилизованным, как капитаны морских грабителей, однако он руководствовался кодексом чести и ни в коем случае не был таким беспечным, как они. Конан жил по естественным, написанным законам своего народа, который был варварским и кровавым, однако, сам он никогда не нарушал странный кодекс чести.

— Вы думаете, что он мертв? — спросила Белеза.

Конан знал, что она имеет в виду.

— Я уже думал об этом, — ответил он. — Серебро и огонь смертельны для злых духов — и он получил более чем достаточно и того, и другого.

— А как насчет его хозяина?

— Тот-Амона? Он, вероятно, уже вернулся в какую-нибудь подземную обитель в Стигии. Этот колдун — довольно своеобразное отродье.

Больше из них никто не коснулся этой темы. Белеза содрогнулась еще раз, представив себе, как черная фигура проникла в банкетный зал, чтобы совершить ужасную месть.

Корабль тем временем подошел ближе, но прошло еще некоторое время, прежде чем он смог направить к берегу шлюпку. Белеза вопросительно взглянула на Конана.

— В главном доме вы упоминали, что были в Аквилонии генералом, но потом вы были вынуждены бежать оттуда. Можно попросить вас побольше рассказать об этом?

Конан усмехнулся.

— Я не должен был доверять этому вероломному Нумедидесу. Он сделал меня генералом, потому что я смог одержать пару небольших побед над пиктами, а потом, когда я уничтожил впятеро больше пиктов в бою при Велитриуме, чем потерял своих людей и разбил союз, который отдельные племена заключили между собой, меня пригласили в Тарантию, чтобы принять при дворе и отпраздновать победу. Это польстило моему тщеславию. Я сидел рядом с королем, а прекрасные девушки в это время засыпали меня розами. Но потом этот сукин сын во время банкета подсыпал мне в вино снотворное. Когда я проснулся, то обнаружил, что закован в железной башне и меня должны казнить.

— Да, но почему?

— Как я мог знать, что взбредет в голову этому тупоумному королю? Может быть, какой-то другой генерал в Аквилонии, которому не понравилось, что какой-то чужеземный варвар получил это священное звание, натравил Нумедидеса против меня. Или, возможно, моим невзначай высказанным замечаниям о его странной политике и о том, что он приказал по всей Тарантии установить золотые статуи вместо того, чтобы золото, которое пошло на статуи, использовать для защиты границ своей страны, он вдруг почувствовал себя оскорбленным.

Филосов Алкимедес незадолго до того, как я выпил вино со снотворным, сообщил мне, что он намеревается написать книгу о необдуманности как об основе управления государством. Он хотел привести в пример Нумедидеса. К сожалению, я был слишком пьян, чтобы понять, что он хочет мне сказать.

К счастью, у меня были друзья, которые позаботились о том, чтобы я смог убежать из железной башни и приготовили для меня меч и лошадь. Я поехал назад, в Боссонию, намереваясь вместе со своими отрядами поднять восстание. Но когда я приехал туда, я узнал, что все мои преданные боссонцы были отправлены в другую провинцию, а в их городе была размещена бригада дураков из Турана. У этих дураков были коровьи глаза. Большинство из них никогда ничего не слышали обо мне. Они хотели арестовать меня и мне ничего не оставалось, как только пробивать себе путь к свободе. Стрелы свистели вокруг меня, когда я проплывал Реку Грома — и вот я здесь.

Он наморщил лоб, рассматривая приближающийся корабль.

— О, великий Кром, я могу поклясться, что судя по штандарту на фок-мачте, что это отряд из Понтиана. Но это же невозможно! Идем!

Он повел обеих девушек вниз, к прибрежной полосе, откуда были слышны команды рулевого. Галера не выслала шлюпки, а сама уткнулась в мягкий песок. Когда люди спустились с носа судна, Конан проревел:

— Просперо! Трокеро! Что, во имя всего святого, вы здесь делаете...

— Конан! — закричали они. Бросились к нему и начали дружески хлопать его по спине и пожимать ему руки. Они заговорили все одновременно, но Белеза не поняла бы их, даже если бы они говорили по отдельности, потому что они использовали аквилонский язык. Тот, которого Конан назвал Трокеро, должно быть, был графом Понтии. Это был широкоплечий узкобедрый мужчина, который несмотря на серебряные нити в его волосах, двигался грациозно, как леопард.

— Что вы здесь делаете? — спросил Конан.

— Мы прибыли, чтобы забрать тебя, — ответил Просперо, стройный молодой человек в замшевой куртке.

— Откуда вы узнали, где я?

Могучий мужчина с растрепанными волосами, которого звали Публиус, указал на четверых, одетых в развевающиеся одежды священников Митры.

— Декситеус нашел вас при помощи своего магического искусства. Он поклялся, что вы живы и пообещал привести нас к вам.

Одетый в черное человек поклонился.

— Ваша судьба связана с Аквилонией, Конан из Киммерии, — сказал он. — Я всего лишь крошечное звено в цепи вашей судьбы.

— Я все это понимаю недостаточно хорошо, — пробурчал Конан. — Кром знает, как я рад, что меня заберут из этой забытой богом песчаной дыры. Но что произошло?

Трокеро серьезно посмотрел на него.

— Мы порвали с Нумедидесом, мы больше не можем терпеть его сумасбродства и политики подавления. А теперь мы ищем генерала, который сможет командовать вооруженными силами восставших. И этот человек — вы!

Конан от всего сердца рассмеялся и большим пальцем указал на пояс с оружием.

— Как хорошо, что существует кто-то, кто может оценить мой успех. Я согласен, друзья! — он осмотрелся, и взгляд его упал на Белезу, которая робко держалась в стороне. Он сделал ей знак подойти и представил ее с грубоватой вежливостью. — Господа, это леди Белеза из Корзетты, — он снова обратился к ней на ее языке. — Мы можем отвезти вас назад в Зингару, но что вы там будете делать?

Она беспомощно покачала головой.

— Я не знаю. У меня нет ни денег, ни друзей и я не воспитана, что бы себе самой зарабатывать на жизнь. Может быть было бы лучше, если бы одна из стрел пронзила мое сердце.

— Вы не должны так говорить, моя леди! — испуганно воскликнула Тина. — Я буду работать для нас обоих!

Конан вынул из своего пояса кожаный мешочек.

— Хотя я не получил сокровищ Тотмекриса, — пробурчал он, — но здесь у меня есть пара камешков, которые я нашел в сундуке, из которого взял одежду. — Он высыпал кучку пылающих рубинов. — Они составляют значительное состояние, — он ссыпал их обратно и вложил в руку Белезы.

— Но я же не могу принять этого... — запротестовала она.

— Конечно, вы возьмете это. Вы что хотите голодать? Тогда я могу покинуть вас так же, как это сделали пикты, — он серьезно посмотрел на нее. — Я знаю, как быть в гиборийской стране без средств к существованию. В моей стране кое-где существует голод, но ни один из наших людей не будет голодать, пока у кого-нибудь в Киммерии существует что-нибудь съестное. В цивилизованных же странах, одни люди обжираются, в то время как другие падают от голода. Я тоже иногда голодал, однако, я тайно или силой брал то, что мне нужно. Но вы не сможете делать этого. Итак, возьмите эти рубины. Продайте их. На вырученные за них деньги вы купите дворец, наймете слуг и приобретете прекрасную одежду. А после этого вам нетрудно будет найти себе супруга, потому что все цивилизованные мужчины хотят иметь жену, обладающую состоянием.

— А как насчет вас?

Конан усмехнулся и указал на аквилонцев.

— Они — это все, что мне нужно. Они настоящие друзья. С ними я добуду все богатства Аквилонии.

Тут вмешался огромный Публиус.

— Ваше щедрость делает вам честь, Конан, но мне хотелось бы, чтобы вы сначала посоветовались со мной. Потому что революция стоит денег. Солдатам нужно не только восстановление справедливости, но и золото. А Нумедидес забрал все золото Аквилонии себе. И мы не знаем, где нам взять денег, чтобы привлечь наемников на свою сторону.

— Ха! — рассмеялся Конан. — Я дам вам так много золота, что вы сможете купить любого человека в Аквилонии, способного держать меч! — в нескольких словах он рассказал о сокровище Траникоса и о разрушении форта Валенсо. — Демон больше не охраняет пещеру, а пикты вернулись в свои разбросанные по всему лесу деревни. С отрядом хорошо вооруженных людей мы можем отправиться к пещере и вернуться назад, прежде чем кто-либо узнает, что мы находимся в стране Пиктов. Что вы на это скажете?

Все торжествовали так громко, что Белеза испугалась, что шум привлечет внимание пиктов. Конан лукаво улыбнулся и сказал ей позингарански, не слышно для других в шуме голосов:

— Как вам понравится Король Конан? Неплохо звучит, а?

**ВОЛКИ ПО ТУ СТОРО-
НУ ГРАНИЦЫ**

1.

Революция распространяется как пожар. В то время, как дворяне и их солдаты в сверкающих доспехах нападают друг на друга на равнинах Аквилонии, вдоль пиктийских границ бушует братоубийственная война между мятежниками Конана и вооруженными силами короля Нумедидеса. Конечно, пикты используют эту возможность. Это рассказ о некоторых событиях в одной из охваченных восстанием областей, рассказанный одним из уцелевших в этой чудовищной стычке. Гиборийское время было эрой волнующих событий во многих местах и во многих временах не только там, где был Конан.

Меня разбудил глухой барабанный бой. Я неподвижно лежал среди кустов, в которых нашел укрытие и наострил уши, чтобы понять, откуда он донесся, потому что в дремучем лесу легко можно было ошибиться в определении направления. Вокруг меня все было тихо. Оплетенные вьющимися растениями колючие ветви образовывали надо мной плотную крышу, а над ними простирались разлапистые ветви высокого дерева. Сквозь этот живой свод не было видно ни одной звезды. Низко нависшие облака, казалось, задевали вершины деревьев. Луны тоже не было видно. Ночь была мрачна, как ненависть колдуна.

Но так было лучше для меня. Если я не могу увидеть своих врагов, они тоже не смогут выследить меня. Но этот ужасный барабанный бой доносился из темноты — бумм-бумм-бумм. Монотонное бисение, скрывающее жуткую тайну. Да, это было несомненно. Только один вид барабана во всем мире мог издавать этот низкий, угрожающий глухой рокот: военный барабан пиктов, в который били раскрашенные дьяволы, которые делали опасными глухие леса по ту сторону границы.

И я находился по ту сторону границы, один, спрятавшийся в укрытии из колючих веток, посреди огромного леса, в котором эти голые дикари с давних времен чувствуют себя дома.

Ага, теперь направление, с которого доносились удары барабана, стало ясно. Барабанный бой доносился с запада и, как я думаю, не с такого уж большого расстояния. Я крепче затянул свой оружейный пояс, сунул боевой кинжал в расшитые стеклянными бусами ножны, натянул тяже-

лый лук и убедился, что мой прибор для добывания огня находится на своем месте, на левом бедре. Потом я стал наощупь пробираться в почти абсолютной темноте, прополз между колючими кустами и стал осторожно красться в направлении барабанного боя.

Я не верил, что передаваемое сообщение как-то касалось меня. Поэтому что если бы лесные люди обнаружили меня, я давно бы уже получил кинжал в спину. Несомненно, боем они сообщали не о моем присутствии. Но в пульсации этого боя было что-то, чем не должен был пренебречь ни один дикарь. Это было предупреждение и угроза, обещание беды для всех незваных пришельцев, которые будут угрожать полянам и одиноким хижинам, сделанным из стволов деревьев, стоящим в этой первобытной глуши. Это значило огонь и пытки пылающими стрелами, которые как звездная чешуя летели в темноте, и кровавые топоры, разбивающие черепа мужчин, женщин и детей.

Итак, я крался сквозь черноту ночного леса между стволами, иногда полз на локтях и коленях, и временами сердце мое подскакивало к горлу, когда усик ползучего растения касался моего лица или вытянутых рук, потому что в этом лесу было много больших змей, которые иногда свисали, цепляясь за ветки деревьев хвостами, чтобы обвиться вокруг жертвы. Но создания, которых я искал, были опаснее любой змеи и барабанный бой становился все громче, по мере того, как я напряженно прокрадывался по направлению к нему, словно шел по обнаженному лезвию ножа. Наконец, я увидел красноватое свечение между деревьями и услышал бормотание варварских голосов, которые смешивались с пульсацией барабанного боя.

Какая призрачная церемония проходила там, под черными деревьями и было более чем вероятно, что вокруг расставлены посты. Я знал, как неподвижно и молчаливо могут стоять пикты и как они умеют растворяться в темноте леса — незаметные и неожиданные, пока не вонзят клинок в сердце своей жертвы. Моя кожа чесалась при мысли, что я могу в этой темноте неожиданно наткнуться на охранника. Я вытащил свой кинжал и держал его в вытянутой руке. Но я знал, что ни один пикт не увидит меня в этой темноте под всепоглощающей крышей из ветвей и затянутыми облаками небом.

Красноватый свет исходил от костра, вокруг которого, как черти вокруг адского огня, сидели черные фигуры — были видны только их контуры.

Я прижался к стволу могучей лиственницы и стал наблюдать за окруженной деревьями поляной и за фигурами, которые там двигались.

Это были сорок или пятьдесят пиктов, на которых за исключением набедренных повязок не было ничего и которые были страшно раскрашены; они широким полукругом сидели лицом к костру и спиной ко мне. Соколиные перья в их густых черных волосах сказали мне, что они из племени Сокола, которое также называют Онайага. В центре поляны находился простейший алтарь, сложенный из неотесанных камней. При

этом зрелище по спине у меня побежали мурашки, потому что я раньше видел такой алтарь, как этот, закопченный, забрызганный кровью, однако я видел его только на пустой поляне. Я никогда еще не был свидетелем ритуала, в центре которого был этот алтарь, но я слышал о нем от людей, которые были взяты в плен пиктами, но которым все же удалось бежать от них и от свидетелей, которые, также, как и я могли наблюдать за ним.

Шаман с украшениями из перьев танцевал между костром и алтарем. Медленный тягучий танец был неожиданно гротескным и перья колышались в такт ему. Черты лица танцора были скрыты ухмыляющейся алой маской, которая была похожа на морду лесного дьявола.

В центре полукруга воинов сидел один из пиктов с огромным барабаном между колен. Он ритмично ударял по нему кулаком и извлекал из него глухой грохот, казавшийся далеким громом.

Между воинами и танцующим пиктом стоял еще один мужчина, который, несомненно, не был пиктом, потому что он был такого же роста, как и я, кожа его, насколько я видел в мерцающем свете костра, была светлой. Но на нем была только набедренная повязка из шкуры дикого животного и мокасины, его тело было раскрашено, и в его волосах также было воткнуто перо сокола. Он должно быть, был лигуреанцем, одним из тех светловолосых и светлокожих дикарей, которые живут маленькими кланами в огромном лесу, постоянно находятся с пиктами в мире или в состоянии войны и иногда заключают с ними союз. Его кожа была светлее, чем у аквилонца. Пикты, тоже собственно, белые, потому что они не чернокожие, ни коричневокожие, ни желтокожие. Но у них черные глаза, черные волосы и темная кожа. Однако ни они, ни легуреане не признаются "белыми" жителями за западной границей. По их понятиям белым может быть только человек гиборийской крови.

Пока я наблюдал, три воина вытащили в круг света костра человека — еще одного пикта, голого и забрызганного кровью. В его растрепанные волосы было воткнуто перо, указывающее на его принадлежность к племени Ворона, с которым племя Сокола было в постоянно вражде. Воины подняли его на алтарь и связали ему руки и ноги. Я увидел, как его мускулы напряглись, когда он тщетно пытался разорвать крепкие кожаные ремни.

Потом шаман снова начал танцевать и с поднятыми руками стал рисовать узоры над алтарем и человеком, который лежал на нем. Барабанщик буквально впал в транс. Он как сумасшедший молотил по барабану. И внезапно с нависающей ветви упала большая змея, одна из тех, о которых я уже упоминал. Свет от костра отражался от ее чешуи, когда она скользнула на алтарь. Ее глаза — бусинки блестя, а ее раздвоенный язык беспрерывно скользил взад и вперед. Хотя она проползла всего лишь в нескольких футах от воинов, они, казалось, не боялись ее. Я нашел это

очень странным, потому что змеи были почти единственным, чего боялись пикты.

Рептилия вытянула голову, слегка изогнув шею над алтарем. Шаман теперь танцевал, делая своеобразные движения, еле передвигая ноги. С ним вместе танцевала змея, казалось, подражавшая каждому его движению, пока шаман не издал сквозь маску призрачный вой, который был похож на шум ветра, когда тот проносится над зарослями сухого камыша. Змея медленно поднималась выше и выше, и стала обвиваться вокруг алтаря и лежащего на нем человека, пока тело его не исчезло под сверкающей чешуей, и на виду осталась только голова, возле которой раскачивалась ужасная голова рептилии.

Рев шамана поднялся до визга дьявольского триумфа и он что-то бросил в огонь. Из костра поднялось большое зеленое облако и собралось над алтарем, так что эта, так непохожая друг на друга пара, почти скрылась под ним и были видны только размытые очертания. Однако, в центре этого облака я увидел вызывающее ужас волнение и изменение — очертания изменилось, сливаясь вместе неопишуемым образом и в следующее мгновение я не мог сказать, что было змеей, а что человеком. Полный ужаса вздох донесся от собравшихся пиктов и звучал он как дуновение ночного ветра в ветвях деревьев.

Потом дым рассеялся. Змея вяло лежала на алтаре, и я счел и ее, и пикта мертвыми. Но шаман схватил рептилию за шею и смотал ее толстое тело с алтаря, потом позволил змее соскользнуть на землю и оттащил человека с камней. Тот упал на землю возле рептилии, затем шаман перерезал кожаные ремни на его руках и ногах.

Потом он снова начал тяжело танцевать вокруг них. Он снова напевал монотонную мелодию и рисовал в воздухе руками странные узоры. Наконец, воин из племени Ворона, задвигался. Но не поднялся. Его голова перекачивалась из стороны в сторону, а его язык то появлялся между губами, то исчезал снова. И, о Митра! Он пополз на животе от огня, извиваясь всем телом как змея.

Змею, напротив, сотрясали короткие рывки. Она подняла голову и попыталась выпрямиться, но снова упала. Она снова и снова пыталась сделать это, но напрасно, как человек, который отчаянно пытается встать и пойти на двух ногах, хотя он и потерял обе свои ноги.

Дикий вой пиктов разорвал ночь. Мне было ужасно плохо. И я боролся с тошнотой. Теперь я понял значение этой ужасной церемонии, о которой уже слышал. Это черное первобытное колдовство только что состоялось в лесу. Разрисованный шаман поместил душу своего пленного врага в вызывающее отвращение тело змеи. Это была месть дьявола! И рев воодушевленных пиктов был похож на вопли демонов.

Жертвы этого отвратительного колдовства мучительно извивались на земле, человек и змея, затем меч в руке шамана взлетел вверх и отрубил обе головы одновременно. И, о боги! Было тело змеи,

которое коротко вздрогнуло и затихло, и тело человека, который покати́лся и начал извиваться, как обезглавленная змея. Слабость накати́лась на меня, и я был близок к тому, чтобы потерять сознание, потому что какой цивилизованный человек может оставаться равнодушным во время такого мрачного дьявольского обряда? Пикты с их военной окраской были охвачены такой дикой радостью при этом ужасном конце, что показались мне не людьми, а мерзкими чудовищами из мрака, которые никак не могли быть живыми.

Шаман высоко подпрыгнул. Он остановился перед полукругом воинов, сорвал с лица маску, откинул голову назад и завыл как волк. Когда свет костра упал на его лицо, я узнал его и тогда весь ужас и все отвращение превратилось в жгучую ярость и все мысли о моей личной безопасности, так же как и о моей миссии и о моем высшем долге были прогнаны прочь. Шаманом был старый Тейанога из племени Южных Соколов, мой враг, который живьем сжег на костре моего друга, сына Джона Гальтера.

В своей всеподавляющей ненависти я действовал почти инстинктивно. Я поднял свой лук, положил стрелу на тетиву и выстрелил в него. Все произошло мгновенно. Свет костра был обманчивым, но расстояние было небольшим, а мы на Западной границе жили только благодаря своим лукам. Старый Тейанога взвыл как собака, зашатался и упал на спину. Его воины завyli от неожиданности, внезапно увидев древко стрелы, выступающей из груди. Высокорослый, светловолосый воин вскочил, и тут я впервые увидел его лицо — и, во имя Митры, это был гибориец!

Шок на мгновение парализовал меня, когда я это увидел, а это почти что означало мой конец. Потому что все пикты тотчас же вскочили и, как пантеры, устремились в лес, чтобы найти врага, который выпустил стрелу. Они уже достигли края подлеска, когда я пришел в себя и помчался в темноту, уклоняясь от деревьев, однако инстинкт мой все же имел какое-то значение, потому что сам я их не видел. Я знал, что пикты не могут последовать по моим следам и будут охотиться за мной так же слепо, как бежал я. Когда я, наконец повернул на север, я услышал позади себя ужасный вой жажды кровной мести, этого было достаточно, чтобы заставить застыть кровь в жилах любого жителя леса. Они, очевидно, вытащили мою стрелу из груди шамана и установили, что она гиборийского происхождения. Поэтому они решили без усталости преследовать меня.

Я побежал дальше. Сердце мое отчаянно билось от страха, возбуждения и ужасного кошмара, который я пережил. Что при этом присутствовал гибориец, и по-видимому, он был почетным гостем — потому что был вооружен, это я видел сам: я видел на его поясе кинжал и топор — и это было чудовищно, что я начал спрашивать себя, а не было ли это все действительно кошмаром? Потому что гибориец никогда не мог присутствовать при танце Превращении Змеи, кроме как будучи пленным или

незамеченным наблюдателем, каким был я. Что все это значило, я не знал, поэтому меня начали мучить самые худшие предположения и черный ужас.

И из-за этого ужаса я стал менее осторожен, чем обычно. Даже при всей своей спешке я старался двигаться как можно бесшумнее, изредка я налетал на деревья, которые, будь я осторожнее, смог бы обождать. Я не сомневался, что пикты следуют за мной, руководствуясь этими звуками, потому что они не могли видеть меня в смоляной темноте.

Позади меня больше не было слышно рева, но я знал, что пикты, с горящими глазами, как волки рыскают по лесу, растянувшись широким полукругом и бегом прочесывают его. То, что они не напали на мой след, доказывало их молчание, потому что они были только тогда, когда были уверены, что их жертва находится перед ними и когда они были уверены, что она не ускользнет от них.

Воин, услышавший звуки, производимые мной, несомненно не мог принадлежать к тем воинам на поляне, потому что он находился слишком далеко впереди. Он, должно быть, был следопытом, который рыскал по лесу, чтобы воспрепятствовать неожиданному нападению с севера на своих братьев.

Теперь, во всяком случае, он услышал, как я пробежал поблизости. Он сейчас же, как дьявол бросился на меня. Я узнал о его приближении только тогда, когда услышал быстрые шаги его босых ног. Я обернулся, но не смог различить его очертаний. Но тихие шаги неудержимо приближались.

Он крался в темноте как кошка. Мне было ясно, что он меня видел и обнаружил, где я нахожусь, хотя я ему казался расплывчатой массой в темноте. Но мой вслепую поднятый топор ударился о его вытянутый нож, а сам он, бросившись на меня, налетел на мой кинжал. Крик его агонии разнесся по лесу. Ему ответил дикий рев в футах в трехстах к югу от меня, а потом пикты помчались через подлесок, все еще вой, как волки, загоняющие свою добычу.

Теперь я полностью положился на свои ноги, причем мне было безразлично, когда мне придет конец, потому что я мог положиться только на свою быстроту и надеяться, что я не разобью себе голову о дерево в этой темноте.

Но мне повезло, лес немного поредел. Здесь больше не было подлеска и сквозь ветви действительно просачивалось что-то похожее на свет, потому что облака очевидно частично разошлись. Как проклятая душа, за которой гонятся дьяволы, я мчался через лес. Рев моих преследователей сначала был резким, кровавым и триумфальным, однако постепенно их триумф перешел в гнев, а потом в дикую ярость, когда они все больше начали отставать, потому что ни один пикт не мог соперничать в беге на длинные дистанции с длинноногим лесным бегуном. Конечно, был риск, что впереди меня находятся другие разведчики этой группы воинов, которые, как только слышат меня, могут отрезать мне путь, но

я вынужден был пойти на этот риск. Однако ни один разрисованный дикарь, как фантом, не вынырнул на меня из темноты. И, наконец, через снова сгустившуюся чашу выющихся растений, которая указывала на близость ручья, я увидел вдали яркий свет, который мог быть только ярко освещенным фортом Кваниара, южным форпостом Шохиры.

2.

Может быть уместно, прежде чем продлить эту хронику кровавых лет, что-то рассказать о себе, и о том, почему я пробивался ночью, один, через лес пиктов.

Меня зовут Голт, сын Хагара, и я родился в провинции Конайохара. Но за два года до начала этой истории пикты пересекли Черную Реку и захватили форт Тускелан, и вырезали всех людей, за исключением одного человека, а потом начали охоту за всеми жителями провинции севернее Реки Грома. Конайохара снова стала частью глуши, в которой жили только дикие люди и дикие звери. Бывшие жители ее рассыпались по всей западной границе: в Шохиру, Канавагу и Орисконию, но многие из них уехали дальше на юг и осели вблизи форта Тандары, одинокого форпоста на Реке Боевого Коня. Там со временем к ним примкнули другие поселенцы из старых перенаселенных провинций и в конце концов, здесь образовалась Свободная Провинция Тандары, потому что она не была как другие провинции, ленным поместьем Великого Лорда, основанным на восточных плодородных землях и заселенным его людьми, а областью, созданной в дикой местности самими людьми, без помощи аквилонской знати. Нам не нужно было платить никакой подати никакому барону. Наш Земельный Совет не назначался Лордом, а выбирался самими людьми и он был подвластен только самому королю. Мы построили и заселили собственные форты и были самостоятельными как в развязывании войны, так и в заключении мира. И Митра знает, что нам постоянно угрожали войной, потому что мира между нами и нашими соседями из племен Пантеры, Аллигатора и Гадюки никогда не существовало.

Но наша маленькая страна цвела и развивалась, и нас мало интересовало то, что происходило в Восточных Плодородных Землях, откуда пришли наши отцы. Однако, потом мы почувствовали влияние событий, происходивших в Аквилонии. Мы слышали, что там вспыхнула братоубийственная война и один из воинов восстал, чтобы захватить себе трон древней династии. Искры этих огненных страстей зажгли пожар и на границе, и даже здесь, теперь сосед выступил против соседа, брат против брата. Потому что всадники в сверкающих доспехах сражались и

умирали на равнинах Аквилонии, а я спешил в одиночку через зону глуши, отделяющую Тандару от Шохиры, чтобы передать сообщение, могущее очень сильно повлиять на судьбу всей Западной Границы.

Форт Кваниара был маленьким форпостом, деревянный блокгауз, окруженный палисадом, построенный на берегу Реки Кинжала. Бледно-розовое знамя, полощась поднималось в утреннее небо и тут я заметил, что оно было только одно: знамя провинции. Королевского Знамени, которое всегда было рядом с ним, и на котором была изображена золотая змея, не было видно. Это могло значить очень многое, а могло и не значить вообще ничего. Мы на границе не особенно заботились о неукоснительном соблюдении этикета, который был так важен для Лордов Плодородных Земель.

Я пересек Реку Кинжала, которая была не шире широкого ручья и на бросе глубина была мне по колено. Один из охранников — высокий мужчина в кожаной одежде стража — окликнул меня с другого берега. Когда я сказал ему, что пришел из Тандары, он удивился.

— Во Имя Митры! — вырвалось у него. — Но это должно быть так дьявольски важно, что ты из-за этого пересек лес, вместо того, чтобы подождать или выбрать другой, более безопасный путь?

Как я уже напоминал, Тандара находится в стороне от других провинций и между нашей страной и этой боссонийской провинцией находится полоса леса. Сравнительно безопасная дорога идет в обход нескольких провинций, но это долгий и утомительный путь.

Потом он спросил меня, что нового в Тандаре. Но я ответил ему, что не знаю, потому что только что вернулся из длительной разведки в местах обитания племени Гадюки. Это была ложь, но я не имел никакого представления, на чьей стороне в этой войне стоит Шохира и не хотел высказывать своего собственного мнения, прежде чем я не узнаю этого. Я спросил его, находится ли в форте Кваниара Хакон, сын Строма и мне ответили, что его нет в форте, что он находится в городе Шондара, который расположен милю на восток.

— Я надеюсь, что Тандара сражается на стороне Конана, так как это делаем мы, — словно самому себе сказал охранник. — И именно я должен охранять здесь границу с горсткой лесных стражей. При этом я без сожаления отдал бы свой лук и боевой шлем, чтобы оказаться сейчас в нашей армии, которая находится под Тенитеи у ручья Огаха и ждет нападения Брокасса и Торха и его проклятых ренегатов.

Я удивленно молчал. Это ли была не новость! Барон из Торха был Лордом Конаваги, а не Шохиры, которая находилась под защитой и управлением Лорда Таспераса из Кормона.

— А где Тасперас? — спросил я. Лесной страж ответил мне резко.

— Он сражается за Конана, — он сузившимися глазами взглянул на меня, словно ему только что пришло в голову, что я могу быть шпионом.

— Есть ли в Шохири кто-нибудь, хоть один человек, — спросил я словно самого себя, — который имеет настолько хорошие связи с пиктами, что он целый и раскрашенный, принимает участие в их церемониях и...

Я внезапно остановился, увидев, как лицо лесного стража исказилось от ярости.

— Будь ты проклят! — задыхаясь произнес он, едва владея собой. — Что заставило тебя прийти сюда и так оскорбить нас?

Он был прав. Обругать человека ренегатом было самым худшим оскорблением на Западной Границе, хотя я, конечно, не имел в виду ничего такого. Но я уже видел, что этот человек ничего не знает о том парне, которого я видел. Я больше ничего не стал говорить ему, просто сказал, что он неверно меня понял.

— Я тебя понял очень хорошо, — пробурчал он, дрожа от ярости. — Если бы не твоя темная кожа и не твой южный акцент, я считал бы тебя шпионом из Конаваги. Но шпион ты или нет, ты не прав, оскорбляя таким образом людей из Шохиры. Если бы я не был на посту, я бы снял свой пояс с оружием и ты бы увидел какой тип людей в Шохири.

— Я не ишу ссоры, — заверил я его. — Но я сейчас направляюсь в Шохиру, где тебе будет не трудно найти меня, если мой вопрос действительно так глубоко оскорбил тебя. Я Голт, сын Хагара.

— Я приду, — яростно произнес он. — Я Отхо, сын Крома, и меня знают в Шохири.

Я бросил на него быстрый взгляд, но он продолжал обход, положив руку на рукоятку меча, а другую на рукоятку топора, словно ему не терпелось испытать их оба. Я тоже продолжил свой путь, обогнув форпост, чтобы избежать встречи с охранниками и разведчиками. Потому что в это сумасшедшее время легко можно было навлечь на себя подозрения и тебя легко могли принять за шпиона. Но если к такой мысли придет Отхо, сын Крома — а он уже наверное пришел к такой мысли, — он, несомненно теперь испытывает ко мне ненависть. Даже если он не арестует меня как шпиона, из нашего поединка не получится ничего хорошего. В нормальное время никто бы не стал допрашивать и задерживать гиборийца, пересекшего границу, но теперь произошло восстание и весьма может быть, что господин-защитник Конаваги вторгся на земли своих соседей.

Деревья вокруг форта были спилены в радиусе более чем ста футов, и лес вокруг этой поляны образовывал зеленую стену. Я, обходя форт, придерживался леса, но не наткнулся ни на кого, хотя пересек не одну тропу, шедшую от форта. Я направился дальше, на восток, избегая полян и хуторов. Солнце еще стояло высоко в небе, когда я увидел перед собой крыши домов Шохиры.

Лес заканчивался примерно в полумиле от этого прекрасного пограничного города с украшенными домами, в большинстве своем бревенчатыми, но среди них были и каменные, каких у нас в Тандаре не было.

Однако, здесь не было ни защитного рва, ни палисада, как вокруг других городов, и это меня удивило. Потому что в Тандаре мы строили дома не только как жилища, но и как крепости для защиты от врага. Хотя наши поселения еще были небольшими — мы еще слишком недолго жили в этой местности — но мы строили великолепно защищенные дома — блокауз защищал блокауз.

Справа от городка находился еще один форт — построенный в обычном стиле, с палисадом и рвом, а на высокой платформе стояла поворотная баллиста. Он был значительно больше форта Каниара, но над палисадом я видел мало голов — всего лишь пару в шлемах и нескольких в шляпах. И только Сокол Шохирь полоскался на флаге над фортом. Я спросил себя, была ли Шохира на стороне Конана, потому что там не было его знамени: золотого льва на черном фоне — это было знамя полка, которым он командовал как генерал наемников в Аквилонии.

Слева, на краю леса, среди фруктовых и декоративных деревьев, я увидел большой каменный дом. Это, должно быть, был дом Лорда Валериана. Это был самый богатый землевладелец в Шохире. Сам я его никогда не встречал, но я знал, что он был силен и могущественен. Однако, теперь его дом казался покинутым.

Город тоже казался пустым и покинутым, по крайней мере, мужчинами. Женщин и детей там было полно. Мне кажется, мужчины отвели свои семьи туда, где, как им казалось, они были в безопасности. Я видел очень много боеспособных мужчин. Пока я поднимался вверх по дороге, множество глаз недоверчиво следили за этим, но никто не говорил со мной, кроме как коротко отвечая на мои вопросы.

В таверне за столами сидела только пара стариков и калек, которые тихо переговаривались между собой. Когда я вошел внутрь, все смолкли и все глаза повернулись ко мне.

Когда я осведомился, где мне найти Хакона, сына Строма, в воздухе повисло многозначительное молчание. Хозяин объяснил мне, что Хакон незадолго до восхода солнца отправился в Тенитею, где размещались военные силы, и что он скоро должен вернуться. Я устал и был голоден, мне накрыли один из столов и пока я ел, я чувствовал на себе вопросительные взгляды. Затем я улегся в углу на медвежью шкуру, которую дал мне хозяин и заснул. Я все еще спал, когда незадолго до захода солнца вернулся Хакон, сын Строма.

Это был могучий человек с длинными руками, ногами и широкими плечами, как и большинство жителей Западной Границы. Как и на мне, на нем была одежда охотника, украшенные бахромой штаны из шкуры дикого животного и мягкие мокасины. Его сопровождало с полдюжины лесных стражей. Они сели за стол около двери и, потягивая пиво из кружек, стали наблюдать за ним и за мной.

Когда я назвал свое имя и сказал, что у меня есть для него сообщение, он посмотрел на меня и пригласил меня сесть с ним за столик в углу, куда сразу принесли кружки с пенящимся пивом для него и для меня.

— Вы знаете о том, как обстоят дела в Тандаре? — спросил я его.

— Мы не знаем ничего наверняка, только слухи.

— Ну, — сказал я, — сообщение, которое я принес вам, передает вам Брант, сын Драго из Земельного совета Тандары и Совета Знати. Благодаря этому знаку, вы должны понять, что я действительно тот, за кого себя выдаю, — при этом я погрузил палец в пиво и начертил на столе символ, который тотчас же снова стер. Он кивнул. Глаза его блестели, я видел, что он был заинтересован.

— Вот это сообщение, — сказал я. — Тандара решила выступить на стороне Конана, готовы помочь ему и сразаться с его врагами.

Черты лица Хакона смягчились в улыбке облегчения и он горячо пожал мне руку.

— Великолепно! — воскликнул он. — Но я не ожидал ничего другого.

— Кто же в Тандаре может забыть Конана? — ответил я. — Тогда, в Конаджохаре я был еще ребенком, но я хорошо помню его, когда он был таким следопытом и разведчиком. Когда его всадники прибыли в Тандару, чтобы сообщить нам, что Понтайн побежден и Конан претендует на трон — он, конечно, не искал добровольцев, а всего лишь просил, чтобы мы не восставали против него — и мы передали ему следующее сообщение: “Мы не забыли Конаджохары!” Сразу же после этого барон Аттелиус выступил против нас, однако мы устроили ему засаду в Малой Чаше и разбили его армию. А теперь, как я думаю, нам больше нечего опасаться нападения на Тандару.

— Мне хотелось бы, чтобы я мог сказать то же о Шохире, — голос Хакона звучал яростно. — Барон Тасперас дал нам знать, что мы свободны решать, что мы будем делать, я лично он за Конана и присоединяется к его армии мятежников. Но он не потребовал никакого обязательства. Нет, как он, так и Конан знали, что на Западной Границе нужен каждый человек, чтобы защищать границу.

Однако, он отозвал свой отряд назад из форта, и мы пополнили им наших лесных стражей. Конечно, при этом среди нас возникли некоторые разногласия и прежде всего в Койяге, где жили крупные землевладельцы и некоторые из них поддерживали Нумедидеса. Теперь, во всяком случае, эти королевские прихвостни наконец, вместе со своими свитами бежали в Конавагу или сдались и дали слово оставаться нейтральными, как, например, лорд Валериан из Шондары. Бежавшие королевские прихвостни угрожали вернуться назад и перерезать горло нам всем. И вот теперь лорд Брокасс направляется к границе.

В Конаваге крупные землевладельцы и лорд Брокасс поддерживают Нумедидеса. Мы слышали об их ужасных выступлениях против простого народа, поддерживающего Конана.

Я кивнул, потому что это не удивило меня. Конавага была большой и богатой, находилась в самой густонаселенной провинции западной части страны и там было много могущественных землевладельцев благо-

родной крови — в противоположность нашей Тандаре — и Митра видит, что нам трудно будет сражаться с ними.

— Это открытое вторжение с целью покорить всех нас, — продолжал Хакон. Брокасс приказал нам поклясться в верности Нумедидесу. Этот сучий сын, хочет захватить всю западную часть страны и править там в качестве наместника Нумедидеса. С армией аквилонских солдат, боссонских лучников, королевских прихвостней их Конаваги и ренегатов из Шондары он остановился при Койяге, в десяти милях от реки Огаха. Тенитея распухла от беглецов с востока, который он опустошил почти начисто.

Мы не боимся его, хотя силой он превосходит нас. Он должен пересечь Огаху, если он хочет выступить против нас, а мы укрепим берег реки, а дороги блокированы, чтобы не пропустить его кавалерию.

— Насчет этого мы и заключим договор, — сказал я. — Я имею полномочия предложить вам услуги стапятидесяти наших лесных стражей. Мы в Тандаре все за Конана, и среди нас нет никакой гражданской войны. Во всяком случае, без такого количества людей мы можем обойтись в нашей войне с пиктами из племени Пантеры.

— Это воистину хорошее сообщение для командующего фортом Кваниара!

— Что? — воскликнул я. — Я думал, что командующий этим фортом — вы!

— Нет, — ответил он. — Это мой брат, Дирк, сын Строма.

— Если бы я это знал, я обратился бы прямо к нему! — сказал я. — Брант, сын Драго, думал, что Кваниарой командуете вы. Но это не имеет никакого значения.

— Мы оба выпьем еще по кружке пива, потом направимся в форт, чтобы Дирк получил известие из первых рук. Мне не доставит никакого удовольствия посылать туда это сообщение. А отряд разведчиков я лучше оставляю при себе.

Хакон был неподходящим человеком для роли командующего форпостом или большим отрядом вооруженных сил, потому что он был безумно храбр и действовал без раздумий. Но он был мужественным человеком и верным товарищем.

— У вас не особенно много людей для охраны границы, — сказал я. — А как обстоят дела с пиктами?

— Они придерживаются мира, который с нами заключили, — ответил он. — В течение нескольких месяцев на границе царит спокойствие за исключением пары небольших недоразумений между представителями обоих рас.

— Поместье лорда Валериана выглядит покинутым.

— Лорд Валериан живет теперь один и у него осталось только пара слуг. Куда исчезли его воины, не знает никто, известно только, что он куда-то ускакал их. Если бы он не дал нам своего слова, мы вынуждены были бы держать его под охраной, потому что он — один из немногих

гиборийцев, о которых пикты говорят с уважением. Если бы ему пришло в голову направить их против нас, нам было бы трудно защищаться с одной стороны против них, а с другой стороны против Брокасса.

Пикты из племени Сокола, Дикой кошки и Черепахи уважают его. Он однажды даже посетил деревню пиктов из племени Волка и вернулся назад целым и невредимым.

Если это так, то это действительно очень странно, потому что каждый знает, что о жестокости объединенного клана, носящего имя Волка, который живет на западе, по ту сторону охотничьих границ маленьких племен, которые перечислил Хакон. Племя Волка обычно держится далеко от границ, но его ненависть была постоянной угрозой.

Хакон поднял взгляд, когда к стойке подошел высокорослый мужчина в узких брюках, высоких сапогах и алой накидке.

— Так вот же он пришел, — сказал Хакон. — Это лорд Валериан.

Глаза мои широко открылись и я вскочил на ноги.

— Это лорд Валериан? Я видел его прошлой ночью по ту сторону границы в лагере Соколов, когда он принимал участие в церемонии Превращения Змеи! — воскликнул я.

Валериан услышал меня. Он повернулся ко мне. Его лицо побледнело, а глаза пылали как у пантеры.

Хакон тоже вскочил.

— Что вы тут болтаете? Лорд Валериан дал нам слово чести...

— Может быть, и дал, но не сдержал его! — поспешно сказал я и шагнул к дворянину. — Я спрятался под лиственницей и очень хорошо рассмотрел его. Это лицо хищной птицы — в нем нельзя ошибиться. Я говорю вам, он был там, голый и раскрашенный, как пикт...

— Проклятье, ты лжешь! — проревел Валериан, он отбросил в сторону свою накидку и схватился за меч. Однако, прежде чем он выхватил его из ножен, я сам бросился на него и повалил его на пол. Он вцепился обоими руками в мое горло, ругаясь на чем свет стоит. Потом послышались быстрые шаги и нас оторвали друг от друга. Сильные руки крепко держали лорда, бледного как полотно, стоявшего с моим галстуком, который он сорвал с меня.

— Отпустите меня, вы собаки! — бушевал он. — Уберите от меня свои грязные крестьянские руки.

— Это не клевета, а чистая правда, — сказал я немного тише. — Как я уже говорил, прошлой ночью я лежал под лиственницей и наблюдал, как старый Тейаного поместил душу вождя племени Ворона в тело древесной змеи. Я пронзил стрелой тело этого проклятого шамана. И я видел вас там — вы гибориец, голый и раскрашенный как один из тех, кто принял вас к себе.

— Если это так... — начал Хакон.

— Так ли это? Вот вам доказательство! Посмотрите на его грудь!

При схватке куртка и рубашка на Валериане оказались разорванными, и на его груди хорошо были видны очертания белого черепа, который носили только пикты, когда они выходили на тропу войны с гиборийцами. Валериан попытался его смыть, но краски пиктов смыть было трудно.

— Разоружите его, — приказал Хакон с побледневшем лицом.

— Отдай обратно мой галстук, — потребовал я. Но лорд плюнул на меня и сунул галстук в карман своей рубашки.

— Когда ты получишь его назад, — проворчал он, — он удавкой затянется вокруг твоей мятежной шеи.

— Отведем его в форт, — предложил я. — Комендант должен взять его под арест. По тому, что он принимал участие в Танце Змеи, можно предположить самое худшее. Эти пикты были в военной раскраске и знаки на его груди свидетельствуют, что он тоже думал принять участие в войне, для которой они танцевали.

— Великий Митра! — выдохнул Хакон. — Это непредставимо. Гибориец, науськивающий этих дьяволов на своих друзей и соседей!

Лорд Валериан молчал. Он стоял между мужчинами, которые держали его за руки. Его лицо было бледным, губы были поджаты в такой злобной усмешке, что обнажились желтые зубы. И в его глазах горел адский желтый огонь. Мне показалось, что я вижу в них сумасшествие.

Хакон был все еще нерешителен. Он не отваживался отпустить Валериана, но с другой стороны, он боялся его влияния на простых людей здесь, когда они увидят, что лорда взяли под арест и ведут в форт.

— Они захотят узнать, почему мы делаем это, — думал он вслух. — И если они узнают, что он заключил союз с пиктами и носит их военную раскраску, может разразиться паника. Мы запрем его здесь, в местной тюрьме и пришлем сюда Дирка, чтобы тот сам забрал его.

— В такой ситуации опасно делать что-либо наполовину, — коротко ответил я. — Но решение зависит от вас. Вы здесь командуете всем.

Итак, мы тайно провели лорда через заднюю дверь. Тем временем стемнело и мы достигли тюрьмы незамеченными, тем более, что людей на улицах было не слишком много. Тюрьмой была бревенчатая хижина почти вне городской черты, с четырьмя камерами, из которых была занята только одна и то одним пьяным, который буянил и лез в драку. Он заметно вздрогнул, узнав нашего пленника. Ни одного слова не слетело с губ Валериана, когда Хакон запер за ним дверь и оставил одного из своих людей в качестве охраны, но демонический огонь горел в его глазах, когда он с дьявольским триумфом рассмеялся, сказав бледную маску своего лица:

— Вы оставили охранять его только одного человека? — с удивлением спросил я Хакона.

— Больше и не нужно, — ответил он. — Валериан не может вырваться и нет никого, кто освободил бы его.

Я нашел, что Хакон в общем и целом поступил легкомысленно, но, в конце концов, это было не мое дело и поэтому я промолчал.

После этого мы с Хаконотом отправились в Форт, где я встретился с Дирком, сыном Строма, командующим не только фортом, но и теперь являющимся заместителем в городе Джона, сына Маркоса. Джон, назначенный наместником лорда Таспераса, командовал теперь военными силами, находящимися под Тенитеей. Дирк казался очень серьезным, когда я рассказал ему свою историю, и сказал, что как только он сможет покинуть форт, он пойдет в тюрьму и поговорит с лордом Валерианом, хотя он не верил, что он сможет узнать от него что-то, потому что Валериан очень высокомерен и упрям. Конечно, он рад предложению Тандары предоставить в его распоряжение сто пятьдесят человек. Он предлагает послать в Тандару курьера с сообщением о том, что он с радостью принимает это предложение, если у меня возникнет желание некоторое время побыть в Шохире. И я этому был очень рад, потому что мне это подходило.

Потом мы с Хаконотом вернулись назад, в таверну, где мы намеревались переночевать, чтобы ранним утром отправиться в Тенитею. Разведчики сообщили шохирцам о приближении к ним армии Брокасса и Хакон, который только что вернулся, из лагеря сказал, что Брокасс еще не сделал никакой попытки выступить против нас. Об этом я и думал сейчас. Я думал о том, что он, вероятно, ждет пока Валериан не подведет своих пиктов к границе, а потом я сказал об этом Хакону. Но несмотря на все, что я ему рассказал, он все же придерживался мнения, что Валериан нанес пиктам дружеский визит, как это часто бывало раньше. Но я обратил его внимание на то, что ни одному гиборийцу, как бы он не был дружен с пиктами, никогда не позволят принимать участия в такой церемонии, как Танец Превращения Змеи. Чтобы принять в нем участие, нужно быть братом по крови членам клана.

3.

Я внезапно проснулся и выпрямился на своей постели. Окно в моей комнате было открыто, как ставни, так и рамы, чтобы пропустить внутрь хоть немного ночной прохлады. Я спал в помещении на первом этаже и поблизости от окна не было никакого дерева, на котором или за которым мог спрятаться злоумышленник. Когда я выглянул в окно я обнаружил вырисовывавшуюся на фоне звездного неба огромную уродливую фигуру. Я спустил ноги с кровати, спрашивая себя, кто это позволил вторгаться сюда и попытался нащупать свой боевой топор. Но черная фигура уже достигла меня. И прежде чем я успел встать, шею мою обхватили лапы и

начали душить меня. Прямо перед моим лицом появилась ужасная рожа. В темноте я, конечно, не смог разглядеть многого, только пылающие красные глаза и заостренный череп. Запах хищного зверя ударил мне в ноздри.

Я схватил за запястье лапу этого зверя. Она была волосатой, как у обезьяны и у нее были железные мускулы. Тем временем я нащупал свой топор. Я поднял его и одним ударом расколол уродливый череп. Лапы на моей шее разжались и чудовище опустилось на пол. Переведя дыхание и дрожа всем телом, я вскочил на ноги. Я нашел огниво, кремь и трут, и зажег свечу. Тяжело дыша, я рассматривал чудовище, лежавшее на полу передо мной.

У него была почти человеческая фигура, но безобразная, неуклюжая и полностью покрытая волосами. Его когти были когтями хищного животного: длинные, острые, черные и крепкие, а череп без подбородка и с низким лбом напоминал обезьяний. Этим чудовищем был чакан — одно из тех получеловеческих существ, которые жили в лесу.

Я услышал стук в дверь, потом голос Хакона, который спросил, не произошло ли чего-нибудь. Я предложил ему войти. С боевым топором в правой руке он ринулся вперед. При виде чудовища, лежащего на полу, его глаза широко открылись.

— Чакан! — простонал он. — Я видел такую тварь далеко на западе, когда она вынюхивала наши следы. Эта проклятая алчная собака! Что это у нее там в лапе?

У меня по коже пробежали мурашки, когда я увидел галстук, который чакан крепко сжимал в своих когтях — галстук, который он, как удавку, обернул вокруг моей шеи, пытаясь задушить меня.

— Я слышал, что шаманы пиктов захватывают этих чудовищ, укрощают их, и как собак, насылают на своих врагов, — задумчиво произнес Хакон. — Но как это сделал лорд Валериан?

— Я этого не знаю, — пробормотал я. — Во всяком случае это чудовище получило мой галстук, напало на мой след и хотело сломать мне шею. Посмотрим теперь, не произошло ли чего-нибудь в тюрьме?

Хакон разбудил шестерых своих стражей и мы все вместе тотчас же отправились в путь. Человек, которого Хакон оставил охранять Валериана, с перерезанным горлом лежал перед открытой дверью камеры. Хакон стоял, словно окаменев, затем слабым голосом позвал нас. Мы повернулись к нему и увидели белое лицо пьяницы, вероятно, уже протрезвевшего, который пораженно смотрел на нас из соседней камеры.

— Он ушел, — сказал тот. — Лорд Валериан ушел. Послушайте, как это было: около часа назад меня разбудил шум. Не шевелясь, я открыл глаза и увидел темную женщину, вышедшую из тени от домика для охраны. Охранник поднял лук и приказал ей остановиться. Но она рассмеялась и взглянула ему в глаза, а затем мне показалось, что он сошел с ума. Он невидящим взглядом уставился перед собой и — о Митра! — она взяла у него из-за пояса его собственный кинжал и перерезала ему горло.

Когда он мертвым упал на землю, она достала у него из-за пояса ключи и открыла дверь. Валериан, улыбаясь, как демон, вышел ей навстречу и поцеловал ее, а потом они рассмеялись. Но она пришла не одна. Что-то дергалось позади нее в тени — что-то бесформенное, что я только с большим трудом мог различить, потому что оно так и не вышло в свет фонаря, висевшего над дверью.

Я слышал, как она сказала, что лучше будет убить также и этот мешок с жиром в соседней комнате. О, Митра! Я чуть не умер от страха, услышав это. Но Валериан ответил, что это не нужно, потому что я пьян в дымину и теперь меня ничто не разбудит. За это я готов был расцеловать его. Потом они ушли, и я услышал только, как лорд сказал, что он должен послать их сопровождающего кое-куда как можно быстрее, а потом они пойдут к деревянной хижине на берегу реки Рыси, чтобы встретить там свою свиту, которая скрывается там с тех пор, как они ушли отсюда. Он сказал, что Тейанога тоже придет туда, а потом они направятся к границе и возьмут с собой пиктов, чтобы перерезать горло нам всем.

Лицо Хакона, освещенное светом фонаря, побелело.

— Кто эта женщина? — заинтересованно спросил я.

— Его любовница, полукровка, один из родителей которой был пиктом из племени Сокола, а другая лигуреанка. Я сам еще никогда не видел и не верил тому, что рассказывают о ней и о лорде Валериане. Но, очевидно, это не было преувеличением.

— Я думал, что смертельно ранил старого Тейаногу, — пробормотал я. — Но этот дьявол не убит! Я уверен, что стрела глубоко вонзилась в его грудь, я видел, как дрожало ее древко. Что же нам теперь делать?

— Мы должны пойти к хижине на реке Рыси и убить их всех, — мрачно сказал Хакон. — Если они натравят пиктов на границу, здесь разразится ад. Мы не сможем взять с собой людей из города, ни из форта. Мы должны сделать все сами. Хотя я не знаю, сколько их там, но мне это безразлично. Эффект неожиданности на нашей стороне.

Теперь мы выпустили этого протрезвевшего парня из камеры и Хакон поручил ему отнести в форт сообщение. Потом мы при свете звезд отправились в путь. Все было тихо, в городе горело лишь несколько огоньков. На западе, как затаившийся хищник, поднимался темный лес: опасность для всех, кто отважится войти в него.

Мы сделали это, идя гуськом, у каждого натянут лук в левой руке и боевой топор в правой. Наши мокасины не производили шума в мокрой от росы траве. Мы шли по тропе, вьющейся между дубами и ольшаником. Мы соблюдали дистанцию друг между другом в пятнадцать шагов, впереди шел Хакон. Наконец, мы достигли травянистой низины и увидели хижину, а потом заметили свет, падающий через щель между ставнями одного из окон.

Хакон сделал знак остановиться. Он приказал своим людям ждать, а мы прокрались поближе, чтобы произвести разведку. Мы ударили посто-

вого — мохирианского ренегата, который, очевидно, выпил слишком много вина. Труп мы спрятали в высокой траве и прокрались к хижине, чтобы заглянуть через щель между ставнями.

Мы увидели Валериана, глаза которого теперь горели как у сумасшедшего и девушку дикой, мрачной красоты, на которой была набедренная повязка из шкуры дикого животного и украшенные стеклянным бисером мокасины. Ее черные блестящие волосы были стянуты необычно выкованным золотым обручем. Кроме того, в хижине находилось еще с полдюжины шохирских ренегатов — мрачных парней в шерстяных штанах и куртках крестьян, с короткими саблями за поясами; три лесных стража в своей обычной кожаной одежде и с полдюжины гундарианцев, мощно сложенных солдат со светлыми волосами, слегка выступавшими из-под их железных шлемов. На них были кольчуги и доблеса отполированные латы. Вооружены они были мечами и кинжалами. Гундарианцы — люди с белой кожей, лучшими глазами и языком, который очень сильно отличается от языков западной области. Они известны как мужественные бойцы из-за своей дисциплинированности и они очень популярны в качестве охранников среди землевладельцев вдоль всей границы.

Они все смеялись и возбужденно разговаривали друг с другом. Валериан хвастался своим удачным побегом. Ренегаты ругали своих бывших друзей. Лесные стражи в основном слушали. Гундарианцы ухмылялись и изредка вставляли пару слов. Они казались дружелюбными, но я знал, что за дружеским выражением их лиц скрывается абсолютная безжалостность. Девушка-полукровка, которую звали Кварада, смеялась и шутила с Валерианом, который странным образом развлекался этим.

Хакон дрожал от ярости, слыша хвастовство Валериана.

— ... освободиться было по-детски легко. И, слава Митре, я послал этому танданскому предателю неожиданного посетителя, который не даст ему больше вдохнуть ни глоточка воздуха. И если у меня будут пикты и я приведу их на границу, чтобы неожиданно напасть на мятежников с запада, в то время, как Брокасс нападет от Койяги, мы получим то, что заслужили!

Потом мы услышали легкие шаги и прижались к стене. Дверь распахнулась и вошли семь пиктов, ужасные фигуры в боевой раскраске, украшенные перьями. Их вел старый Тейанога, грудь которого была перевязана. Итак, моя стрела глубоко вонзилась в эти могучие мускулы. Но я произвольно спросил себя, не был ли этот дьявол действительно оборотнем, которого обычным оружием убить нельзя, как он охотно всем хвастался и ему многие верили.

Хакон и я вели себя тихо и услышали, как Тейанога сказал на ломаном аквилонском языке:

— Ты хочешь направить Соколов, Диких Кошек и Черепах к границе. Если мы сделаем это, племя Волка опустошит наши земли, пока мы будем

сражаться с Шохирой. Волки сильны, очень сильны. Соколы, Дикие Кошки и Черепахи должны заключить мир с племенем Волка.

— Хорошо, — сказал Валериан. — Когда вы заключите этот мир с Волками?

— Вожди всех племен соберутся сегодня ночью на краю Болота Призраков. Будут говорить с Колдуном Болота. Все сделают то, что скажет колдун.

— Гм, — пробормотал Валериан. — Сейчас еще не полночь. Если мы поспешим, мы достигнем Болота Призраков за два часа. Посмотрим, не сможем ли вынудить колдуна Болота посоветовать Волкам заключить союз с другими племенами.

Хакон прошептал мне на ухо.

— Иди и позови остальных, быстрее! Скажи им, что они должны окружить хижину и разжечь огонь!

Итак, он намеревался напасть, хотя мы были в меньшинстве. Но я был разозлен этим всеобщим заговором, который мы подслушали и я был также возбужден, как и он. Я прокрался назад, к хижине и привел остальных. Мы парами встали у окон, некоторые с натянутыми луками, другие с поднятыми топорами, готовые разбить ставни. Один из нас должен был развести огонь, чтобы в хижине возник пожар. Когда я вернулся к Хакону, стоящему возле двери хижины, я услышал внутри голос Валериана:

— Вперед мужчины! Мы должны немедленно уйти!

Потом мы слышали шорохи и топот ног, когда мужчины в хижине встали и разобрали свое оружие. Хакон был ужасно нетерпелив, пока хижину не охватило пламя, которое было добыто при помощи кремня, огня и трута. Когда хижина загорелась по настоящему, остальные подтащили к горящим стенам ветки, чтобы воспользоваться ими как факелами.

Тут Хакон ударил в дверь своим топором, который был не таким легким, как у пиктов. В то же время другие воины обрушили стрелы внутрь хижины, попав в некоторых людей, находящихся там. Остальные забросили свои факелы на крышу, чтобы еще больше усилить пожар. Но крыша была покрыта наложенными друг на друга кусками коры и была еще слишком влажна после недавно прошедшего дождя, поэтому она не запылала сразу, как надеялись нападающие.

Валериан и его люди в замешательстве даже не попытались защитить хижину. Они задули свечи, но свет от огня проникал внутрь и позволил лесным стражам выбирать себе цели.

Валериан и его сброд, наконец, ринулись к двери и столкнулись с Хаконем и некоторым из его людей и, конечно, со мной. Некоторых мы смогли убить, но с остальными нам пришлось вступить в жаркую рукопашную как снаружи, так и внутри хижины.

Я увидел перед собой приземистого, лысого гундарианца. Несомненно, из-за жары он снял свой шлем, и в спешке забыл снова надеть его. Но,

к сожалению, его черная кольчуга была на нем. В правой руке он держал короткий меч, а я — боевой топор. Каждый из нас схватил левой рукой запястье своего противника. Мы бились, потом, задыхаясь, шатались и топтались по кругу, и каждый из нас старался освободить свою вооруженную руку для нанесения смертельного удара. Наконец, я зацепил своей ногой его ногу и уронил его, упав на него сверху. В падении он выпустил мое запястье, но ему удалось схватить мой топор и он вырвал его у меня, когда я на мгновение ослабил свою хватку.

Первый удар топора гундарианца скользнул по моему плечу, потому что он был отвлечен сражающимися, которые все время наступали на лежащих на земле. Моя свободная рука нащупала наполовину погребенный в земле камень, величиной с яблоко. Я вытащил его из земли и ударил им гундарианца по лбу именно тогда, когда он снова замахнулся на меня топором. Я почувствовал, что мышцы его расслабились. Я схватил камень обоими руками и изо всех сил ударил им противника по черепу. Гундарианец вздрогнул еще раз и остался лежать неподвижно.

Я вскочил на ноги, чтобы снова ринуться в бой — но он тем временем уже закончился. Вокруг валялись убитые, некоторые из них были врагами, некоторые — нашими людьми, однако уцелевшие гундарианцы, ренегаты и пикты уже бежали в лес. Я еще успел увидеть спины некоторых из них и услышать свист стрелы, которую выпустил один из наших, но при таком плохом освещении и при такой спешке я не верил, что она достигла цели.

Негодяи все еще превосходили нас числом и, конечно, могли бы уничтожить нас, но наше неожиданное нападение и недостаток их организованности помешали этому. Хакон был предусмотрительным командиром, он велел нам забаррикадировать дверь, чтобы перебить врагов стрелами и сжечь их огнем, когда они попытаются прорваться через дверь, чтобы спастись бегством. Но в своей горячности он всегда действовал сначала, а потом уже думал.

Наши люди, уцелевшие в схватке, тяжело дыша собрались вокруг нас и один из них внезапно проревел:

— Хижина! Валериан еще там, внутри!

Я обернулся и увидел, как на расстоянии древка копья от меня, в открытой двери появились лорд Валериан и его любовница. Не успели мы схватиться за оружие, как Кварада резко рассмеялась и что-то бросила на землю. Это нечто вспыхнуло слепящим пламенем, в глазах наших замелькали пестрые точки и мы ничего больше не могли видеть, кроме темноты. Кроме того, поднялся едкий дым, который драл нам глотки и мы, кашляя и задыхаясь, отступили назад. Когда мы снова смогли видеть и слышать, эта достопримечательная пара уже скрылась.

Хакон пересчитал своих людей. Двое из них были убиты и двое ранены, один в ногу, другой в руку. Мы убили семерых врагов — большинство из них были убиты стрелами в самом начале боя, из них пара человек все еще была жива, но не больше. Некоторые из бежавших

тоже были ранены. Лесного стража с раненой ногой мы должны были оставить подождать, пока кто-нибудь придет из города, чтобы отнести его в форт. Конечно, мы тщательно обработали его рану.

Когда рука другого раненого была перевязана, Хакон приказал ему.

— Беги назад, в Шондару и предупреди Дирка, что пикты вот-вот нападут. Он должен забрать из города в форт всех людей с их переносным скарбом и как можно скорее направить кого-нибудь сюда, чтобы унести отсюда на носилках Карлуса. Мы же отправимся к Болоту Призраков и сделаем, что сможем. Если мы не вернемся назад в Шондару, пусть они предполагают все самое худшее.

Лесной страж кивнул и побежал прочь. Хакон обратился к двум оставшимся невредимыми лесным стражам и сказал им о своем решении преследовать этот сброд Валериана. Я решил идти с ними. Я предложил подождать подкрепления, но Хакон, чувствовавший вину за бегство Валериана из тюрьмы, не хотел терпеть никакой отсрочки. Мы проверили свое оружие. Я взял меч гундарианца, которым он пытался убить меня и вместо лука, потерянного во время бегства от пиктов, я взял себе лук одного из убитых лесных стражей.

К счастью, Хакон и один из его людей, уже ходившие на разведку к болоту, знали дорогу и звезды светили достаточно ярко, чтобы мы не провалились в какую-нибудь дыру или не сбились с пути. Скоро полог из ветвей снова сомкнулся над нами, мы пересекли реку Рыси и исчезли в лесу.

4.

Мы гуськом продвигались вперед и нас могли выдать только легкий шорох ветвей или треск сухого сучка под ногами. Даже пикты не могли ночью пробираться более тихо. Нечто вроде тропы вело от хижины на юг и мы устремились по ней.

Каждый из нас был занят своими мыслями и, конечно, не особенно приятными, потому что мы предприняли отнюдь не увеселительную прогулку. Пиктеленд ни в коем случае не безопасен, даже если не видно дикарей, потому что хищные звери здесь у себя дома: волки, пантеры, а также гигантские змеи, о которых я уже упоминал. Кроме того, там были еще и другие звери, которые в других лесах давно уже вымерли, такие, как саблезубые тигры и один из видов мастодонтов. Хотя я еще никогда не видел мастодонта, но мой брат был однажды в Тарантии и посетил зверинец короля Нумедидеса в тот день, когда король открыл его для посещения народом, и там была пара этих толстокожих животных.

Еще менее приятные соседи — болотные демоны или лесные дьяволы, как иногда их называют. Они огромными ордами обитают в таких местах, как Болото Призраков. Днем они исчезают никто не знает, куда — а ночами они творят свои бесчинства. Они воют как грешные души, но, к сожалению, это не все. Если кто-то подойдет к ним поближе, они своими быстрыми когтями разрывают ему горло от одного уха до другого. То, что колдун Болота живет именно там, где до него хозяйничали уже многие, является доказательством его власти и сверхъестественных сил.

Спустя некоторое время мы вышли к ручью Туллиана. Он был назван по имени одного из жителей Шохиры, который погиб в сражении с одним из военных отрядов пиктов. Ручей Туллиана служил границей между Шохирой и Пиктенлендом, но во всяком случае, по соглашению между дикарями и наместником Шохиры. Конечно, ни та, ни другая раса не будет соблюдать эти границы, если она что-то найдет на другой стороне ручья.

Мы пересекли ручей, друг за другом прыгая с одного выступающего из воды камня на другой. На той стороне ручья Хакон остановился и шепотом посоветовавшись с лесным стражем, которому была известна дорога. После этого они внимательно посмотрели на кусты и подлесок, раздвинули ветки в стороны и тщательно присмотрелись, потом они обнаружили искомую развилку тропы и пошли по левому ответвлению, которое, должно быть, вело дальше на юг, к самому Болоту Призраков. Хакон предостерег нас, чтобы мы теперь производили как можно меньше шума, но одновременно приказал нам поспешить.

— В утренних сумерках мы ни в коем случае не должны находиться поблизости от лагеря пиктов, — прошептал он.

Даже для лесного стража поспешность и бесшумность были почти несовместимы. Чем больше кто-нибудь из нас старался делать это, тем меньше это у него получалось. Несмотря на это, мы продвигались вперед довольно быстро, нагибаясь под низко растущими ветвями и избегая наступать на сухой хворост.

Мы шли по тропе около двух часов. Там, где лес немного поредел, я бросил озабоченный взгляд налево, чтобы установить, не светлеет ли уже небо на востоке. Конечно, сквозь листву я мог видеть только крошечный его кусочек. Но к счастью, я увидел все еще усеянный звездами небосвод. Кроме дыхания людей, да редкого шороха листьев или потрескивания сухой веточки, единственными звуками были гудение и стрекот насекомых и изредка тихий шорох, когда между деревьями пробиралось какое-нибудь небольшое животное.

Однажды мы внезапно остановились и испуганно прислушались к далекому кашлю, пока лесной страж не прошептал:

— Это пантера!

Мы побежали дальше, так как пантера не могла причинить нам никакого вреда. Нам нечего было ее бояться, потому что пантера всегда

охотится в одиночку и никогда не нападает на отряд из нескольких человек. Пикты были совсем другим делом.

Наконец, Хакон сделал нам знак остановиться. Мы услышали далекий слабый звук — но это не были дикие животные, это было тихое, едва слышное бормотание, которое легко можно было принять за шум дождя и которое слышишь скорее телом, а не ушами. Все мы напрягли свое зрение, которое после долгого пути в темноте стало еще острее, чем прежде и мы смогли увидеть между деревьями слабый красноватый свет.

Мы покинули тропу и стали красться налево через лес. Теперь мы должны были забыть о спешке и крались так тихо, как только могли. Мы пригибались и перебегали от кустов к теням деревьев, а затем снова к кустам.

Скоро мы услышали гортанные голоса пиктов. Хакон снова предостерегающе поднял руку. А потом мы увидели их. Три пикта стояли, а, вернее, сидели на тропе. Это была охрана, но, очевидно, она относилась к своим обязанностям не особенно серьезно. Они бросали вверх маленький кусочек дерева и смотрели, какой стороной он упадет. При этом они смеялись, хвастались, подтрунивали друг над другом и не очень отличались от гиборийцев, когда те проводили время за игрой в кости.

Я подполз к Хакону и прошептал.

— Мы должны напасть на них?

— Нет, — ответил он. — Их воинственных клич натравит на нас весь лагерь. Я некоторое время послушаю и, может быть, узнаю, что-нибудь новое и интересное для нас, потом мы прокрадемся дальше.

Он остался на месте и наострил уши. Я тоже прислушался, но я понял всего лишь пару фраз из всего их разговора. Хотя я слышал некоторые слова, которые я знал, но их было недостаточно, чтобы понять смысл разговора пиктов. Однако я понял имя "Валериан", хотя оно и было искажено языком пиктов.

Хакон некоторое время слушал, потом удовлетворенно кивнул и знаком приказал нам следовать за ним. Мы снова повернулись к свету костра, когда ужасный звук заставил нас вздрогнуть. Это был хриплый, пронзительный рев и он звучал так, словно какой-то гигант пытался протрубить в ползаткнутую трубу.

Потом послышался громкий рев, и существо, издавшее этот трубный рев, отдалилось — и мы смогли увидеть его сквозь деревья: это было одно из тех слоноподобных животных, о которых я уже говорил. Высотой оно было с двух мужчин, вставших друг на друга. Оба его бивня, которые были почти прямыми, почти достигали земли и мне показалось, что животное это покрыто короткой шерстью, однако, с такого расстояния при свете звезд я не был в этом уверен. Я слышал, что эти животные спят стоя, как это делают лошади, и этого колосса, несомненно, разбудил шум, производимый нами и наш запах. Я даже не знал, что эти колоссы обитают так далеко к востоку, пока не оказался в западной части страны. Во всяком случае, Хакон и я были единственными людьми и во всей

западной части, которые могли похвастаться, что видели на свободе одного из живых пиктийских слонов-мастодонтов.

Эта встреча не была гибельной для нас, однако она имела плохие последствия. Охваченный страхом Хакон толкнул лесного стража, идущего позади него, а тот в свою очередь, толкнул идущего следом за ним и с такой силой, что тот упал на спину на землю. Мне, вероятно, повезло бы не больше, если бы я гибким прыжком не отпрыгнул в сторону. Все это, конечно, вызвало много шума и пикты обратили на нас внимание. Потом я услышал жужжание первой стрелы Хакона.

Я обернулся и увидел, что пикты длинными прыжками устремились к нам. Они выхватывали свое оружие, ругались и выкрикивали приказы. Стрела Хакона вонзилась в горло одному из них, однако, оба других уже достигли нас. Один из них бросил свое копье и быстро напал на нас со своим боевым топором.

Я сунул руку в колчан, однако, прежде чем я успел выхватить стрелу, пикты были уже рядом с нами. Я схватил лук обеими руками и ударил им одного из пиктов по виску. Дикарь зашатался и я, выронив лук, схватил меч гундарианца. Однако этот парень быстро пришел в себя. Он схватился за свой боевой топор. Мне удалось левой рукой перехватить его, а правой вонзить ему в живот меч. Но этот парень продолжал бороться! Когда второй удар мечом не поверг его наземь, мне удалось дотянуться и перерезать ему клинком горло. Это был его конец.

Тяжело дыша, я осмотрелся и увидел, что на ногах остались только Хакон и я. Хакон только что выдернул свой топор из черепа пикта. Из наших лесных стражей один лежал на земле с разбитым черепом, а другой прислонился спиной к стволу дерева и схватился руками за древко копья, острие которого вонзилось ему в живот.

Хакон выругался. Вся борьба продолжалась едва ли больше дюжины секунд и теперь пикты и наши лесные стражи были или мертвы, или смертельно ранены. Нам повезло только в том, что пикты напали на нас, не издав своего обычного боевого клича. Хотя все это произошло не в глубокой тишине, но пикты в лагере, несомненно, слышали трубный рев мастодонта и приписали весь шум ему. Во всяком случае, ни один из них не появился.

Хакон прошептал:

— Теперь остались только мы вдвоем. Каждый из нас должен сделать все возможное, даже если это будет стоить ему жизни. Валериан и колдун должны быть убиты. Пикты-охранники говорили, что Валериан отправился к Болоту Призраков, чтобы поговорить с колдуном и вождями различных племен. Он большинство своих людей оставил в лагере. Мы обойдем лагерь и пойдем по тропе к болоту. Вы спрячетесь возле тропы и если Валериан пойдет по ней, вы убьете его. Я пойду в болото и посмотрю, как мне покончить с колдуном, а также с Валерианом, если я застану его там.

— Друг Хакон, — запротестовал я. — Вы идете на огромный риск. Но вы офицер — и ваша жизнь для народа более ценна, чем моя. Я, конечно, тоже не трус. Позвольте мне проникнуть в болота, а сами покараульте Валериана возле тропы. — Вступить в болото было самым опасным во всем предприятии, потому что там могли встретиться не только пикты, но и болотные демоны, аллигаторы и трясина.

— Нет, — ответил Хакон. — Я уже однажды был на этом болоте, а вы нет, — я попытался переубедить его, но он промолчал, а потом напомнил мне, что это он отдает приказы.

Тут охнул раненый лесной страж и простонал:

— Не позволяйте мне попасть в руки пиктов. Когда они найдут здесь своих мертвецов, они жестоко отомстят мне.

— Мы не можем тебя нести... — начал Хакон, но лесной страж прервал его.

— Я не это имею в виду. Я знаю, что с этой раной в животе я не могу больше выздороветь. Подарите мне быструю смерть, прежде чем уйдете!

Хакон вытащил кинжал и перерезал горло товарищу, а я отвернулся. Я никогда не мог мириться с такой необходимостью, но, конечно, знал, что он умер более легкой и милосердной смертью, чем если бы мы оставили его и дикари замучили бы его до смерти.

5.

Скоро стало очевидно, что пикты не намереваются сразу же после совещания в Болоте Призраков напасть на Шохиру. Сотни воинов вытянулись в лагере на жестких постелях из ветвей или торопливо возводили хижин и защитные навесы, а от лагерного костра поднималась тонкая струйка дыма. Ни женщин, ни детей не было видно — верный признак того, что здесь находится военный отряд и что здесь место встречи племен.

Если сказать точнее, тут были четыре лагеря: один из них принадлежал Соколам, другой Диким Кошкам, третий Черепахам, а четвертый и самый большой — людям из племени Волка. В лагере не было никакого видимого порядка, так что мы, когда захотели обойти его, чуть было не напоролись. Но, наконец, лагерь остался позади и мы оказались на тропе, ведущей к болоту. Как и прежде, мы крались возле тропы, вместо того, чтобы идти по ней. К сожалению, лагерь находился дальше от болота. Несомненно, воины пиктов не хотели разбивать лагерь вблизи болота, где обитали болотные демоны.

Наконец, мы обнаружили возле тропы группу высокий елей, у корней которых рос папоротник. Здесь было идеальное место для засады. Итак,

я лег на живот, лук был наготове, а Хакон тем временем стал красться по склону вниз к болоту. Когда я взглянул ему вслед, я заметил за деревьями одно единственное озеро чистой воды.

Ночь тем временем шла к концу, и я боялся, что начнет светать, прежде чем мы успеем что-нибудь предпринять. Если это действительно так случится, я намеревался отступить подальше от тропы в густой кустарник и провести так день, чтобы на следующую ночь попробовать еще раз, если пикты останутся здесь. Жажда могла стать проблемой, но к этому я был готов.

Время ползло медленно. Я напряг зрение и слух, и мне захотелось, чтобы Валериан и его спутник приблизились ко мне по тропе. Но все было тихо, за исключением гудения комаров и бульканья аллигаторов. Даже демоны болота решили не выть.

Но несмотря на все добрые намерения, человек не может бесконечно сосредоточивать свое внимание на одном и том же. Я был на ногах почти всю ночь и прошел пешком миль пятнадцать, а также участвовал в двух боях и в каждом убил по человеку. Усталость одолела меня. Мне казалось, я на мгновение закрыл глаза, но тут на меня навалилось мускулистое тело и вокруг меня прозвучал ужасный вой голосов.

Я испуганно проснулся, однако я был еще слаб ото сна, чтобы оказать сопротивление. На меня навалилось множество пиктов. Четверо схватили меня за руки и ноги, а пятый сел на мою спину. Прежде чем я смог что-либо сделать, я уже был обезоружен, связан по рукам и ногам и на меня насыпалось множество пиктов. Мне показалось, что небо посветлело, поэтому должно было пройти довольно много времени с тех пор, как я в последний раз глядел на тропу.

Я услышал удары топора по дереву, и вскоре пикты освободили от ветвей тонкий ствол молодого дерева, который проделали между моими связанными руками и ногами. Два сильных пикта подняли этот шест на плечи и направились к болоту, в то время, как Голт, сын Хагара свисал с шеста как убитая дичь. Остальные пикты следовали за нами, разговаривая друг с другом. Иногда они даже смеялись, что было удивительно для пиктов, потому что они считали открытый смех недостойным и приберегали его для особых случаев, как пытки пленных.

Сначала мне стало стыдно, что меня захватили так неожиданно, и я был угнетен мыслями о том, что мне предстоит. Потом я подумал, что все-таки жив и не должен терять надежду. Итак я начал внимательно осматриваться, чтобы обнаружить возможность для бегства.

Засерело утро, когда мы достигли Болота Призраков. Почти вывихнув шею, я смог увидеть покрытую рябью поверхность воды, из которой выступали камни и стебли водяных растений. Над водой клубились клочья тумана. Тут и там возвышались стволы мертвых деревьев, словно порождение колдовства.

Меня понесли по языку суши, который вдавался далеко в воду. На его конце мои носильщики вошли в воду. Они шли по длинному ряду камней,

которые были положены так, что их поверхность почти не выступала над водой. Мы пересекли болотистую местность, балансируя на камнях и, наконец, пришли к колдуну болота.

Он жил на острове, который поднимался над поверхностью не намного выше, чем другие островки в этом болоте. На этом небольшом возвышении, между деревьями, окружавшими этот островок, находилось кольцо хижин, как в деревне пиктов. Когда мы приблизились к этому месту, один из пиктов побежал вперед, чтобы сообщить о моем прибытии. Повсюду валялись бокалы, доказательство того, что во время ночного совещания было выпито много слабого пива пиктов.

На островке находился колдун, Валериан с парой своих людей, Квадра, Тейанога и около двадцати пиктов. По перьям и раскраске я определил, что это были вожди и воины племен Черепахи, Сокола, Дикой Кошки и Волка. Все они зевали и у всех были покрасневшие глаза. Увидев меня, Валериан усмехнулся как идол пиктов.

— Мятажник из Тандары! — воскликнул он. — Во имя Митры, ты упорен как дьявол! Хотел был я так пруспеть в добродетели, как ты преуспел в своей мерзости. Ну погоди, дружок, мы сыграем над тобой и над твоим другом предателем великолепную шутку. Вы должны быть наказаны за вашу мерзость и предательство.

Пикты, которые несли меня, сняли шест с плеч и небрежно бросили ношу на влажную землю. Перевернувшись, я увидел, что в центре круга хижин в землю врыт столб. К нему был привязан Хакон, сын Строма.

Валериан, все еще не спускавший с меня глаз, кивком головы указал на него.

— Он воображал, что сможет прокрасться мимо колдуна и болотных демонов.

Хакон и я обменялись взглядами, однако мы поняли, что слова сейчас не нужны. Колдун по-пиктийски выкрикнул несколько приказов и группа дикарей отправилась по камням в обратный путь, а другие начали копать яму под столбом, к которому был привязан Хакон.

Колдун не казался обыкновенным. Он был спорбленным от старости и высохшим, и его коричневая пергаментная кожа была так же темна, как у кушита. Его густые, белые волосы и длинная, шелковистая борода ниспадали вниз. Я еще некогда не видел человека с такими чертами лица, как у него. Его нос был широким и плоским, лоб и подбородок скошены назад, а его глаза находились так глубоко под пушистыми бровями, что казались погруженными в две темные пещеры. Теперь я понял истории, которые рассказывали о нем на западной границе страны о том, что он не был ни пиктом, ни лигуреанцем, а был последним населявшим из расы эту страну, прежде чем пикты захватили ее. Воистину удивительное существо из далекого прошлого выжило в пиктийской глуши.

Как и пикты, колдун, кроме набедренной повязки, также был совершенно обнажен. Вместо раскраски пиктов на его груди был узор из продолговатых и кольцевых шрамов. Он что-то сказал пиктам и они вы-

тащили тонкий ствол дерева, на котором они принесли меня и поставили на ноги. Потом он подошел ко мне и внимательно посмотрел на меня. Его черные бусинки глаз сверкали в глубине глазниц. Наконец, он снова повернулся к пиктам и отдал им еще несколько приказов.

Слустья некоторое время вернулись пикты, которые по его приказанию уходили с острова, они принесли с собой ствол дерева, который начали обрабатывать топорами. Другие тем временем выкопали яму глубиной по колено. Они сунули в нее ствол дерева, засыпали яму землей и плотно затрамбовали землю боевыми топорами, подгребая к стволу земли, чтобы он стоял как можно крепче. Таким образом, возле Хакона из земли выступал другой столб.

По знаку колдуна меня подтащили к столбу. Пока двое сильных воинов держали меня за руки, третий кинжалом перерезал мои путы. Потом они сорвали с меня одежду, кроме набедренной повязки, прислонили к столбу и начали привязывать к нему длинными кожаными ремнями.

Я не сопротивлялся, однако, напряг мускулы. Пикты, казалось, не заметили этого, может они думали, что я делаю это из гордости. Скоро я, с висящими по бокам руками, спеленутый, как мумия, был привязан к столбу.

Вожди и Валериан со своей любовницей, стояли около колдуна и беседовали. Маленький вождь племени Черепах, однако отделился от них и с усмешкой ненависти направился ко мне. Он внезапно выхватил из-за пояса боевой топор и метнул его. Он несколько раз перевернулся в воздухе и полетел мне прямо в голову.

Я уже почувствовал себя мертвецом, однако топор вонзился в дерево прямо над моей головой так, что его рукоятка коснулась моего лба.

Вожди племени Черепах и некоторые пикты издали торжествующий крик, очевидно, хвастаясь тем, что я вздрогнул. Пикты обычно начинали пытку своего пленника с того, что пускали стрелы и метали топоры и ножи. Если пленник вздрагивал, это был плюс для них, но я старался не вздрагивать, чтобы не доставлять им удовольствия и показать, что я знаю об их намерениях.

Однако этот бросок топора вызвал ссору среди пиктов. Пара из них поддерживала вождя Черепах, но большинство было против. Я снова слушал пиктийское слово, обозначающее "сейчас", однако другие кричали "позже". Одни из пиктов усердно вырезал маленький кусочек дерева. Он был длинной с ладонь и, вероятно, был предназначен для того, чтобы его воткнули в тело и поджечь.

Наконец, колдун встал на сторону тех, которые говорили "позже". Я повернулся к Хакону и спросил.

— О чем, собственно, идет речь? О времени, когда нас будут пытаться?

— Да, — ответил он. — Вождь племени Черепах и его друзья хотят доказать на нас свою меткость именно сейчас, в то время, как другие предпочитают подождать до победы на Шондарой. Колдун сказал, что мы

его пленники, с которыми он может сделать все, что хочет и что он им уже сказал, когда они смогут насладиться нашими мучениями.

— Если он намеревается устроить нам нечто более худшее, чем пикты пытки... — пробормотал я, но не закончил предложения, сдрожью вспомнив о Танце Превращения Змеи.

Колдун и все вожди исчезли в хижинах. Валериан и Каврада удалились вместе. Два воина-пикта остались нас охранять, все остальные вернулись в лагерь.

— Они сначала выпьются, прежде чем нападут на Шондару, — объяснил мне Хакон. — Из беседы я узнал, что они хотят выступить после полудня, чтобы достигнуть Шондары перед самым наступлением темноты.

— Я могу себе представить, что они избегают нападать при дневном свете, чтобы не быть пронзенными стрелами из баллисты, — сказал я.

— Если я правильно слышал, — ответил Хакон, — у них у самих есть особый вид оружия, который представил в их распоряжение колдун, — он повернулся к одному из охранников. — Эй, ты, — крикнул он ему по-аквилонски. — А как насчет самой малости пива, которое в таком количестве высосали ваши вожди?

Оба пикта непонимающе взглянули на него, потом снова повернулись к нам спинами. Когда Хакон повторил свой вопрос по-пиктийски, их глаза вспыхнули. Однако, один из них пробормотал "нет", а другой сплунул на землю.

— По крайней мере, теперь мы знаем, что они не понимают аквилонского, — сказал Хакон, продолжая наш разговор. — У вас есть идея, как нам удрать отсюда, не повредив при этом наши шкуры?

— Пока еще нет, но мне уж обязательно что-нибудь придет на ум, — заверил я его. — Во всяком случае, мы должны подождать, пока вожди не уйдут. И мы не должны так много говорить, чтобы не разозлить этих негодяев.

Привязанные к столбам, мучимые жаждой, насекомыми и врезавшимися кожаными ремнями, мы провели не особенно приятную половину дня. Хакон очень страдал от солнца, которое мне не причиняло никаких мучений, потому что кожа моя от природы была темной. У нас у обоих на теле были кровоточащие порезы, полученные прошлой ночью во время боя.

Вожди храпели в хижинах. Со стороны лагеря слышались приглушенные голоса, когда там просыпались первые воины.

Наконец, когда солнце уже стояло прямо над нами, из хижины вышел колдун. Он дунул в дудку, вероятно сделанную из человеческих костей. Вскоре после этого из хижин вышли Валериан и пикты. Некоторые из них подкреплялись парой кусков пищи, другие точили клинки.

Через некоторое время колдун созвал их всех и что-то вытащил из своей хижины. Это был огромный кожаный мешок, который был крепко завязан, и с которого свисало множество длинных кожаных шнуров.

Мешок был туго набит, но чем, никто не имел никакого понятия. Однако, это не могло быть что-то тяжелое, потому что колдун вытащил мешок из хижины без посторонней помощи. Я непроизвольно подумал, что он, может просто надут, а потом завязан, чтобы воздух не улетучился из него.

Колдун отдал приказ и пикты привязали мешок от двенадцати до четырнадцати футов длиной к раздвоенному шесту. Наконец, они тронулись в путь. Два простых воина несли загадочный мешок. Тем двоим, которые охраняли пленников всю первую половину дня, пришлось охранять их дальше. Их мрачные глаза и "сердечные" пожелания позволили понять, что они считают, что тоже должны принять участие в походе против Шондары, на который они так надеялись.

Когда последние пикты исчезли между деревьями, колдун потянулся к Хакону и заглянул ему в лицо и проверил его путы, потом он подошел ко мне и сделал то же самое. Мы, не отводя глаз, выдержали его взгляд. Наконец, колдун отвернулся и опустился на скрещенные ноги между двумя хижинами. Он подбросил вверх маленькие кости, а потом, очевидно, попытался прочесть будущее по узору, который они образовали, упав на землю. По-видимому ему не понравилось то, что сказали ему кости и он попытался бросить их снова. Потом своим ломким старческим голосом он запел песню на языке, которого я не знал, но это не был язык пиктов.

Один из наших охранников опустился на землю, прислонившись спиной к стене хижины и, очевидно, заснул. Другой нетерпеливо потоптался возле него, упражняясь с оружием и рассекая воздух. Он имитировал удары кинжалом, прыгая вверх и мгновенно поворачиваясь отскакивал в сторону и размахивал боевым топором. Когда он устал, он опустился возле товарища и попытался заговорить с ним, но тот только что-то грубо пробормотал.

Внезапно бодрствующий пикт толкнул в ребра своего товарища и тихо сказал:

— Смотри!

Он указал на колдуна, который все еще сидел на скрещенных ногах перед своими костями. Однако, он больше не поднимал их, чтобы бросить снова, он сидел совершенно неподвижно и смотрел на болото.

Оба охранника встали и бесшумными движениями приблизились к колдуну. Они посмотрели ему прямо в лицо и один из них свистнул и щелкнул пальцами. Колдун не сделал ни одного движения. Он отправил свой дух в бесконечную даль, чтобы получить там тайное знание.

Оба пикта стали серьезно говорить друг с другом. Они сначала посмотрели на колдуна, потом на нас. Из их слов, я заключил, что они намереваются отправиться вслед за своими братьями, чтобы принять участие в резне в Шондаре. Колдун не мог удержать их от этого, он вообще не замечал ничего из того, что происходило вокруг него.

Наконец, один из охранников, принял решение и размахивая топором направился к нам. Очевидно, он намеревался разбить нам черепа,

чтобы мы не смогли бежать. Я глубоко вдохнул воздух, чтобы ревом привести колдуна в себя. Он, хотя и был не расположен к нам, но все же не хотел, чтобы нас убили прежде, чем другие вернуться из похода. Конечно, я не знал смогу ли разбудить его своим ревом, но это был единственный шанс.

В это время другой охранник что-то крикнул и высокий остановился. После некоторого колебания они оба покинули остров колдуна и пошли по цепочке камней.

— По крайней мере, они ушли, — пробормотал Хакон. — Но, как, во имя всех демонов ада, мы сможем освободиться? Эти парни обходились с нами не особенно церемонно, когда привязывали нас к столбам.

— Посмотрите на меня и вы удивитесь, — ответил я.

Я расслабил мускулы, так что ремни больше не стягивали. Затем я насколько возможно поднял и опустил кисти рук, а затем и руки внутри пут, затем я позволил им соскользнуть на бедра.

Солнце стало склоняться на запад, колдун все еще сидел неподвижно, а я трудился над своими путами. Пот бежал по моему лицу, а рот пересох. Наконец, я ослабил петли и смог просунуть сквозь них палец мизинца правой руки. Это было немного, но я продолжал извиваться и мне удалось просунуть также палец указательного безымянного и среднего пальцев.

Вследствие того, что путы стягивали мою правую руку не очень туго, мне удалось расслабить петли и скоро, палец за пальцем освободил также и свою левую руку.

Вторая половина дня близилась к концу. Стоя из сотни уток летела на болотом, а я все еще трудился на путами. Наконец, я освободил предплечье, потом второе. Остальное было не так трудно. Петли с верхних частей рук и туловища теперь можно было сбросить через плечи. А потом я освободился.

Секунду я постоял неподвижно, затем расправил члены и вздрогнул от боли, когда кровь снова стала беспрепятственно циркулировать в моих жилах. Я взглянул на колдуна, однако тот, к счастью, все еще не шевелился.

Колени мои дрожали, когда я подошел к Хакону. Он был привязан еще крепче, а у меня не было ножа, чтобы перерезать его путы, поэтому я был вынужден напрячь свои пальцы.

— Тебе понадобится на это вся ночь, — задумчиво сказал Хакон. — Посмотри лучше, нельзя ли найти что-нибудь острое.

Я еще раз попробовал перегрызть путы зубами, но дело не пошло быстрее, так что я последовал совету и обыскал хижину за хижиной. К сожалению, гости колдуна не оставили никакого оружия. В хижине колдуна я хотя и обнаружил много всякого хлама и кухонную утварь, но не нашел по-настоящему острого предмета. Единственным оружием был необычный лук и полный колчан стрел. Я осмотрел стрелы, но их наконечники тоже были бесполезными. Очевидно, колдун использовал их, чтобы стрелять гусей и уток. Для большой дичи и людей они были непригодны.

Я вспомнил, что колдун носил на поясе кинжал. И это было единственное пригодное оружие на острове. Итак, мне не оставалось ничего другого, как отнять его у колдуна.

Я подкрался к нему. Душа колдуна, очевидно, еще не вернулась. Я схватил его за белую гриву и оглушил могучим ударом в челюсть.

Удар поверг старика на землю. Его тело слегка вздрогнуло и он упал. Однако, казалось, что сознание снова вернулось к нему и его движения стали целенаправленными. Я схватил его руками за горло и стал душить. Это было невероятно, но в его тощем теле была страшная сила. Он сопротивлялся, повалил меня и бил ногами. Он был словно из кожи и железа. Грязные ногти больших пальцев нащупывали мои глаза, но мне удалось пересхватить их и я получил удар по зубам.

Секунду его глубокие запавшие глаза всматривались в мои, и мне показалось, что моя душа расстается с телом. Что-то внутри меня убеждало, что я сражаюсь не на той стороне. Мне было приказано отпустить колдуна и сделать то, что он мне приказал, потому что он был моим настоящим хозяином и повелителем. Я закрыл глаза, все еще продолжая душить его.

Мы сражались ожесточенно, то стоя, то на коленях, то лежа и катаясь по земле. Он нащупал свой кинжал и даже смог вытащить его, но его силы иссякли и он только поцарапал мне кожу на ребрах. Потом мне удалось прижать его к земле руку с кинжалом и я продолжал сжимать ему горло, чтобы помешать произнести какое-нибудь заклинание, которое отправит мою душу в ад.

Постепенно сопротивление колдуна ослабевало. Однако, даже тогда, когда он лежал на земле, я продолжал сжимать его горло, чтобы он не очнулся и не смог использовать колдовство.

Только тогда, когда я перестал слышать удары его сердца и не заметил больше признаков жизни, я отпустил его и перерезал его горло. Потом я поспешил к Хакону и освободил его. Тот, ругаясь, начал растирать свои руки и ноги.

— Что же, собственно, было в этом мешке? — спросил я его.

— Все болотные демоны отсюда, — ответил он. — Прежде чем штурмовать форт, пикты поднимают над палисадом длинный шест, потом привяжут к нему длинные шнуры и откроют мешок. Болотные демоны устремятся наружу и убьют любого человека, которого они увидят и который стоит выпрямившись.

— А почему они не нападут на Валериана и на его дикарей?

— Колдун наложил на демонов заклятие, о котором говорится во всех легендах. Поэтому те пикты, которые откроют мешок, бросятся плашмя на землю и останутся лежать, пока резня не прекратится и демоны не вернутся в болото.

— Мы должны попытаться остановить их, — сказал я. — Но видит, Митра, здесь нет никакого оружия кроме кинжала старика и лука со стрелами для охоты на птиц.

— Это все же лучше, чем ничего, — ответил Хакон. — Даже стрела для охоты на птиц может сделать что-то, если ее выпустить с очень близкого расстояния. Только вам придется нести лук. Пикты вывихнули мне руку, когда брали в плен. В то мгновение, я не смог защитить себя.

Итак, мы с Хаконом, одетые только в набедренные повязки, отправились вслед за дикой армией Валериана. У меня был лук колдуна, у Хакона его кинжал.

* * *

Мы пересекли ручей Туллиана с большой осторожностью, потому что пикты могли оставить пару постов, и еще осторожнее реку Рыси, но мы не встретили ни одного пикта. Карлуса тоже не было видно, потому что его, очевидно, схватили. Перо из головного украшения и кожаная ленточка от одного из мокасин показали нам, что пикты прошли именно этим путем, однако их не было видно.

Мы увидели их только после захода солнца, когда достигли поля, окружающего Шондару. Пикты большим полукругом заняли позицию на краю поля. Мы укрылись за огромными листьями папоротника и едва отваживались дышать. Посреди этого полукруга мы увидели Валериана с его любовницей и несколько вождей с мешком на шесте. Все они лежали или сидели недалеко от края поля под прикрытием деревьев.

В Шондаре не горело ни одного огня. Очевидно, город был своевременно предупрежден и знал о затаившихся в засаде врагах. Форт, напротив был ярко освещен, оттуда доносился гул голосов, блеяние коз и звуки, производимые другим домашним скотом, который, очевидно, в тесноте форта чувствовал себя не особенно хорошо. Форт, по крайней мере, мог оказать сопротивление, хотя численно пикты многократно превосходили защитников форта и могли захватить его. Даже если старый колдун из болота не помог бы им своим колдовством.

Позади нас сквозь деревья, мы увидели в небе серебристый серп луны, который от света зашедшего солнца был желтовато-красным. На небосводе появились звезды.

— Пока они ждут подходящего времени для нападения, пока совсем не стемнеет, может быть, нам удастся подобраться к мешку на расстояние выстрела из лука, как вы думаете? — прошептал Хакон.

— Что вы хотите сделать? — удивленно спросил я.

— Вы сами скоро увидите это, — ответил он.

Тут план Хакона стал мне совершенно ясен и я снова удивился на этот раз его безумию. Во всяком случае, мы на животах, извиваясь как змеи, подползли к старому дубу. Под защитой его ствола, мы осторожно встали и

сдерживая дыхание, чтобы не привлечь к себе внимание пиктов, которые, как и мы, до этого прятались в кустах на расстоянии двадцати шагов от нас.

Я бесшумно положил стрелу на тетиву. Когда темнота постепенно сгустилась, поблизости послышался бой барабана и сразу же за этим в форте послышались удары гонга тревоги. Мне показалось, что я даже услышал звяканье баллисты, когда ее заряжали и натягивали.

Когда пикты поднялись и группами собрались вокруг своих вождей, не было слышно ничего, кроме легкого шороха, зато их бормотание по всему полукругу было очень громким, хотя вожди озлобленно приказали пиктам молчать.

Потом барабан сменил ритм на быстрое один-два, один-два. Два пикта подняли шест с мешком, так что мешок болтался над их головами.

— Пора! — прошептал Хакон.

Я тщательно прицелился в мешок и вознес молитву Митре. Лук этот был для меня непривычен, свет оказался слишком слабым, а мешок раскачивался.

Звук ударов барабана снова изменился. Послышался свист, звон и резкие приказы. С жутким, воинственным кличем дикари выбежали из леса и ринулись в направлении города и форта.

Я выпустил стрелу и тотчас же понял, что я промахнулся. Я торопливо положил на тетиву вторую стрелу. И теперь раскачивающийся мешок оказался прямо на пути стрелы. Раздался звук, словно лопнул барабан, когда стрела попала в цель.

Пикты, державшие мешок и намеревающиеся бежать, в ужасе взглянули вверх. Треск был ясно слышен и из мешка наружу устремилась клубящаяся масса.

— На землю! — произнес Хакон и бросился лицом в мох, потянув меня за руку. Я тотчас же последовал его примеру.

Мешок утратил свою округлость и как тряпка свисал с шеста. Похожее на дым облако распространилось над военными силами пиктов, бегущими по полю и опустилось на них. Распространившись, облако стало комковатым. Комки превращались в живые существа, высокие, тонкие создания с птицеподобной нижней верхней частью. У каждого существа были тонкие длинные руки и худые когтистые пальцы. Существа эти были ростом с человека, однако, от каждого из этих демонов исходило призрачное сияние, словно он был погружен в холодное пламя болотных огней.

Я не имел никакого понятия, сколько здесь этих существ. Я вжался лицом в мох, чтобы мой взгляд не привлек одного из демонов. Конечно, здесь их была сотня, а, может быть, и пять сотен.

Воя и визжа, демоны летали взад и вперед, убивая своими когтями одного из пиктов. Воя громче болотных демонов, дикари искали спасения в бегстве и бежали во всех направлениях. Но в каждом случае демоны были быстрее. Недалеко от нас дьявольские когти оторвали голову одно-

му из пиктов, но он пробежал еще пару шагов, прежде чем упал в кустарник.

Пара пиктов вспомнила об указании и плашмя бросилась на землю. Однако, большинство из них из-за неожиданности нападения были совершенно запутаны и никто не приказал им броситься на землю, поэтому они бежали, охваченные дикой паникой. Именно это, конечно, и было их гибелью, потому что демоны на своих ногах могли бегать быстрее любого человека.

Постепенно пылающий свет, окутывающий демонов, исчезал вместе с ними в лесу и, наконец, не стало больше видно ни одного живого существа.

Мы с Хаконем поднялись и, расправив наши затекшие члены, направились в Шондару. Перед нами, как вспугнутый кролик, вскочил один из пиктов. Однако, вместо того, чтобы с воинственным криком ринуться на нас, он отвернул голову, словно не видя нас и побежал в лес. То, что мы сделали с пиктами, было вполне достаточно даже для такого дикого и воинственного народа, как эти пикты, которые потеряли все свое мужество.

Вблизи шеста с опавшим теперь пустым мешком, мы обнаружили голову лорда Валериана, его левую руку и жалкие остатки его тела. Его голову мы взяли с собой как доказательство правдивости нашего рассказа. Но Квараду мы так и не увидели, мы не знаем, куда она делась.

Навстречу нам из города вышел один из лесных стражей. Дирк, сын Строма, которого сильно удивило странное поведение пиктов, выслал на разведку одного из своих людей. Когда он услышал наш рассказ, он сразу же бросился обратно в форт и громким голосом сообщил всем, находящимся там, хорошие новости, которые он получил от нас. Сразу же после этого ревушая от радости толпа на руках понесла нас в форт и пронесла через переполненный двор на виду у всех.

Но что было самым незабываемым, так это лицо Отхо, сына Горма, который стоял в ярком свете факелов спиной к внешней стене палисада. Он действительно пришел в Шондару, чтобы отплатить мне за мнимое оскорбление, которое я якобы нанес ему. Лицо его приняло глупое выражение, когда он увидел меня одним из спасителей провинции. Я охотно пошутил бы над ним, но он, очевидно, хотел избежать этого и как можно быстрее вернуться в свой форт Кваниара.

Вскоре до нас дошло сообщение, что бедный Нумедидес умер и Конан стал королем. С тех пор граница стала мирной. Впервые на человеческой памяти, потому что с обеих сторон каждый знал, что Король Конан имеет в виду именно то, что он говорит, и что он не потерпит нарушений договора, все равно, нами ли, пиктами ли. Тандара расцвела и возникли новые города и деревни.

Но, честно говоря, я нахожу прежнюю жизнь более возбуждающей, когда на границе еще не было твердых законов, и каждый жил по своим собственным.

АЛЛАЯ ШИТАДСАЛЬ

...Утрата Конайохары не была единственным поводом кризиса Аквилонии — самого могущественного гиборейского королевства. Бездарность и жестокость короля Нумедида, ставшие источником недовольства и заговоров, привели в конце концов к мятежу, во главе которого и стал Конан.

К тому времени он успел получить звание генерала на аквилонской службе, наголову разбил полчища пиктов под Велитриумом и на собственной шкуре испытал нрав своего владыки, когда тот под предлогом триумфа вызвал Конана в столицу и предательски бросил его в тюрьму.

После побега, материальной базой мятежников стали найденные Конаном в пиктском лесу сокровища, а полководческий гений киммерийца придал боевым действиям необходимую направленность: Тарантия — столица Аквилонии — была осаждена и взята штурмом. Короля Нумедида Конан задушил собственноручно, после чего сел на престол при полной поддержке аквилонских политиков. Но не прошло и года, как новоиспеченному королю пришлось защищать корону и жизнь от стилетов заговорщиков. Хотя это была не последняя и не самая страшная угроза в жизни Конана...

1

... Грохот битвы затих; триумфальные крики победителей неслись над полем боя, заглушая стоны умирающих. Тела павших устилали равнину, как ярко окрашенные листья после осенней бури. Заходящее солнце высекало искры из полированных шлемов, серебряных нагрудников, золоченых кольчуг и поломанных мечей. Тяжелые шелковые полотнища королевских штандартов валялись в грязи, забрызганные кровью.

Повсюду громоздились трупы боевых коней и закованных в сталь рыцарей. Между ними, как нанесенные ветром сугробы, покоились сплетенные и раздавленные тела в кожаных колетах — тела лучников и копьеносцев.

Звуки победных фанфар катились над побоищем, а копыта топтали павших, когда колонны победителей, подобно сверкающим спицам огромного колеса, прокатились к тому месту, где последний уцелевший воин еще вел яростный неравный бой. В этот день Конан, король Аквилонии, увидел, как был разбит, растерзан и уничтожен цвет его

рыцарства. Пять тысяч отборной конницы перешли границу Аквилонии, направляясь на юг, на травянистые пастбища Офира, чтобы оказаться в ловушке — давний союзник, король Офира Амальрус, предал их и объединил против Конана свои силы с армией Страбона, короля Коф.

Поздно, слишком поздно заметил Конан западню, но совершил все, что было в возможностях вождя, имеющего пять тысяч всадников и пехотинцев.

Не имея пехоты, он бросил на надвигающегося врага свою закованную в броню конницу; увидел, как стелются, подобно сжатым колосьям, рыцари Амальруса под аквилонскими мечами, разгромил центр офицерского строя, — и очутился в клещах флангов объединенных против него армий.

Шемитские лучники внесли замешательство в ряды всадников Конана, без промаха попадая в каждую щель панцирей, валя лошадей, а кофские копьеносцы хладнокровно добивали упавших рыцарей. Разбитая в первом столкновении конница Амальруса сомкнула ряды и, поддерживаемая с флангов легковооруженными всадниками, бросилась в атаку, сокрушая аквилонцев численным перевесом. Те не дрогнули — гибли в отчаянном бою, и никто из пяти тысяч не ушел живым с равнины Шома. Только король еще стоял, опершись спиной о штабель мертвых людей и лошадей; офицеры-рыцари пытались достать его копьями, к нему подбирались чернобородые шемиты и темнолицые кофцы, и оглушительный грохот стали неся над полем. Одетый в черную кольчугу король двоился и троился среди нападающих, раздавая сокрушительные удары, вокруг него образовалось кольцо изрубленных тел; наступающие воины, пораженные неукротимой отвагой гиганта, отступали, бледнея и проклиная несокрушимого богатыря.

Расталкивая в стороны толпу, подъехали победители — Страбон, с бегающими глазками на широком, темном лице, шеголеватый сухопарый Амальрус, холодный и опасный, как кобра, и, наконец, — одетый в шелковую тунику Теотха-ланти, жрец с немигающим черным взглядом, напоминающим грифа-стервятника. Об этом кофском чернокнижнике рассказывали жуткие легенды; в деревнях на западе и севере страны крестьяне пугали детей его именем; строптивых невольников можно было принудить к покорности лишь угрозой продажи в руки мага. Ходили слухи о его библиотеке, где магические трактаты были переплетены в кожу, содранную с живых людей. Также говорили, что в глубочайших подвалах, выкопанных под холмом, на котором возвышался его дворец, — в подвалах этих являлся Тсотха-ланти с силами ада, меняя молодых невольниц на безбожные секреты и таинственные формулы, дающие власть над миром демонов.

Жрец был истинным владыкой страны Коф. Сейчас он язвительно усмехался, глядя на обеих королев, натягивающих поводья на безопасном расстоянии от грозной фигуры в черной кольчуге, перед которой теряли смелость самые отважные, едва встретясь с взглядом голубых глаз, пылающим из-под козырька шлема.

Напряженное, покрытое шрамами лицо Конана потемнело от бешенства, кольчуга его была прорвана и залита кровью, а меч окрасился пурпуром по самую рукоять. Покров цивилизации слетел с него в пылу битвы, сейчас он был варваром, насмерть стоящим против завоевателей. Киммириец родом, он вел свою родословную от порывистых и хмурых горцев севера, и сага о его пути, от морского korsara до короля Аквилонии, породила многие песни, славящие подвиги Конана.

Оба короля по-прежнему держались на почтительном удалении. Страбон был вне себя от ярости при виде лучших воинов, лежащих у ног варвара. Не найдя иного выхода, он крикнул лучникам — шемитам, чтобы те стреляли в Конана издалека.

Но Тсотха-ланти покачал головой.

— Возьми его живым!

— Тебе легко говорить! — буркнул Страбон, боясь в глубине души, что гигант в черной кольчуге сможет каким-то чудом прорубить к нему дорогу через лес копий. — Кто способен поймать живьем тигра-людоеда? Во имя Иштар! Он рубит шеи моих испытанных бойцов! Семь лет и горы золота поглотило обучение каждого из них, а сейчас они валяются, подобно свиньям на бойне. Стрелы, говорю я, только стрелы!

— Еще раз: нет! — отрезал Тсотха, слезая с коня.

Он холодно улыбнулся и добавил:

— Разве не знаешь ты, что разум мой сильнее любого меча?

Жрец прошел через шеренги копейщиков, и рослые могучие воины отскакивали в стороны, дрожа от одной мысли, что края его одежды могут коснуться их. Маг переступил через бруствер из трупов и очутился лицом к лицу с грозным королем. Воины затаили дыхание. Наступила предгрозовая тишина: огромная фигура нависла над щуплым, одетым в белое, жрецом, а двуручный меч вознесся для удара.

— Предлагаю тебе жизнь, Конан, — наконец отозвался Тсотха, и в голосе его звучала нотка жестокой радости.

— А я дарю тебе смерть, чернокожик! — проревел король, и меч, ведомый стальными мышцами и кипящей ненавистью, уже готов был рассечь жреца пополам. Но Тсотха сделал молниеносный шаг вперед и ладонью коснулся левого плеча короля в месте разрыва кольчуги. Лезвие меча бессильно опустилось, а одетый в сталь богатырь недвижно свалился на землю.

Тсотха беззвучно рассмеялся.

— Возьмите его и не бойтесь — у тигра вырваны клыки!

Короли пришпорили коней и приблизились, в недоумении глядя на поверженного противника. Конан лежал, как мертвый, и только широко открытые, пылающие бессильным гневом глаза смотрели вверх, на стоящих над ними людей.

— Что ты сделал с ним? — робко спросил Амальрус.

Тсотха поднял ладонь и показал широкий перстень странной формы. Он цепко сжал пальцы, и на внешней поверхности перстня высочил маленький и острый шип, подобный змеиному жалю.

— Он покрыт соком пурпурного лотоса, растущего в степях южной Стигии — прибежища духов, — сказал маг. — Прикосновение его парализует. Закуйте варвара в цепи и уложите на колесницу; солнце заходит, а нам пора возвращаться в Корхемиш.

Страбон повернулся к своему наместнику Арбанусу.

— Мы возвращаемся с ранеными в Корхемиш. С нами пойдет малый отряд гвардии. Ты же на рассвете двинешься к аквилонской границе и начнешь штурм Шамара. Офицеры по дороге доставят тебе фураж, а мы присоединимся с подкреплением при первой возможности.

Было сделано так, как сказал Страбон: армия разбила лагерь недалеко от поля боя, в ожидании рассвета, а оба короля и маг, более могущественный, чем любой властелин, направились под звездным небом к столице Страбона, окруженные дворцовой гвардией в золотых доспехах; за ними тянулась бесконечная вереница колесниц, везущих раненых. На одной из них в цепях лежал Конан, король Аквилонии, и душу разрывала дикая горечь пойманного тигра, переживающего боль поражения.

Яд, парализовавший могучее тело, не затмил разума. Колесница подпрыгивала на ухабах, а Конан все вспоминал, восстанавливая в памяти причины сегодняшнего разгрома.

Несколько дней назад Амальрус прислал к нему гонца с просьбой о помощи против Страбона, который, как говорилось в послании, грабил восточные провинции Офира, лежавшие между границей Аквилонии и королевством Коф. Амальрус просил всего тысячу воинов, но во главе с самим Конаном, для придания отваги офицерским полкам. В великодушии своем Конан взял пять тысяч — в пять раз больше, чем просил предатель Амальрус.

И, ничего не заподозрив, король Аквилонии перешел границу и встал против "врагов", тайно заключивших союз.

"А все-таки боялись, — подумал Конан. — Боялись... Против тысяч — две армии! Боялись..."

Багровый туман поплыл перед его глазами, жилы вздулись, и пульс бешено заколотился в висках. За всю свою жизнь он не испытывал более яростной и одновременно бессильной злобы. Глазами воображения читал он книгу своей жизни — страницы менялись, подобно причудливому калейдоскопу: варвар, одетый в шкуры, наемник в рогатом шлеме, корсар на галере с носом в форме головы дракона, оставляющей за собой кровь и пепелища вдоль всего южного побережья; капитан гвардии в блестящих доспехах, на великолепном вороном коне, король, восседающий на золотом троне, над которым развевался штандарт с желтым львом, у подножья теснились коленопреклоненные придворные и благородные дамы...

Но толчки подпрыгивающей на ухабах колесницы вернули его к реальности — реальности предательства Амальруса и магии Тсохталанти. И единственным удовлетворением для него были стоны раненых, наполнявшие короля чувством злобной радости.

Незадолго до полуночи они достигли границ Офира, а на рассвете на горизонте возникли крыши и высокие башни Корхемиша, окрашенные в

розовый цвет лучами восходящего светила. Над горизонтом нависала багряная цитадель — обитель Тсотха-ланти, построенная на холме со слишком крутыми склонами, чтобы на них можно было взобраться. К цитадели вела лишь одна узкая дорога, выложенная мрамором и перекрытая тяжелыми железными воротами. Со стен крепости открывался чудесный вид на просторные, светлые улицы города, храмы, минареты, резиденции вельмож и ряды магазинов на торговых площадях. Можно было видеть королевские дворцы, расположенные среди великолепных садов; тихо журчали искусственные ручьи, а непрерывно бьющие фонтаны создавали облачка серебристого тумана. И над всем этим величием возвышалась цитадель — горным кондором, склонившимся над своей жертвой, погруженным в мрачную медитацию.

Ворота между башнями внешней стены открылись, и король Страбон въехал в столицу, окруженный блестящим эскортом гвардейцев. Пятьдесят фанфар прогремели приветственным салютом. Но толпы людей не выбежали на белый мрамор улиц, чтобы бросить букеты роз под копыта королевского коня. Страбон опередил весть о победе, и люди, оторвавшиеся от будничных дел, смотрели на необычный отряд Страбона в недоумении, не ведая, победу или поражение означает неожиданный приезд. Жизнь стала медленно возвращаться в тело Конана, и он приподнял голову с пола колесницы, чтобы посмотреть на чудеса города, по справедливости носящего прозвище Королевы Юга. Некогда он мечтал въехать в эти украшенные золотом ворота во главе своих полков, с развевающимся над ними знаменем Аквилонии. И вместо победоносного шествия он лежал теперь на грязном полу вражеской колесницы, как пойманный беглый невольник, обезоруженный опутанный цепями.

Волна издевки над самим собой затопила бешенство, и для солдат-возниц горький смех Конана прозвучал рычанием разъяренного хищника.

2

В цитадели, в комнате с высоким сводчатым потолком из резного гранита и ажурными колоннами — в этой комнате происходила необычная беседа. Конан Аквилонский стоял перед своими победителями. Кровь сочилась из его открывшихся ран. С каждой стороны возле него стояла дюжина чернокожих гигантов, вооруженных топорами на длинных рукоятках.

Перед Конаном замер неподвижный Тсотха. За ним, на бархате покрывал, возлежали Амальрус и Страбон, одетые в шелка и увешанные драгоценностями. Рядом с королями склонился молодой обнаженный невольник, по мере потребности наполнявший винком кубки из резного сапфира.

Странно выглядел в роскоши окружения Конан — хмурый, окровавленный, в одной набедренной повязке, с кандалами на руках и ногах; его голубые глаза блестели под взлохмаченной гривой волос, падающей на широкий лоб. Он возвышался над присутствующими, лишь силой духа затмевая обоих владык, и они понимали это, несмотря на старания казаться величественными.

Робость свернулась в душе королей, робость перед дикой силой, дремлющей в теле варвара. И лишь Тсотха не поддавался этому чувству.

— Наши желания быстро превращаются в наши возможности, — наконец сказал жрец. — А желание наше — расширить пределы королевства Коф.

— И для этого, грязный боров, вы хотите заполучить мою страну?! — прохрипел Конан.

— Ты обыкновенный нахал, завладевший короной, на которую у тебя прав не более, чем у любого варвара-разбойника, — отпаривал Амальрус. — Но несмотря на прошлое, мы готовы дать тебе некоторую компенсацию.

— Компенсацию? — из могучей груди киммерийца вырвался взрыв хохота. — Или плату за бесчестье и предательство? Если я варвар, так я должен продать свое королевство и народ его за цену жизни и вашего подлого золота? Ха! А как же ты сам добился короны, ты и черномордая свинья рядом с тобой?! Ваши отцы преподнесли вам короны на золотых подносах! То, что вы унаследовали, не шевельнув и пальцем, — кроме отравления нескольких братьев — я завоевал себе сам! Восседаете на бархате, пьете вино, в поте лица изготовленное вашими подданными, и болтаете о святом праве наследования — ха! Я вскарабкался на трон из бездны нагого варварства, но свою кровь я проливал так же легко, как и чужую. И если кто-то из нас имеет право властвовать над людьми, то, клянусь Кромом, — это я! В чем ваше преимущество? Я застал Аквилонию под игом свиньи, подобной вам — подлеца, кичащегося тысячетлетней родословной. Страну терзали распри между баронами, а народ задыхался от гнета, налогов и беспощадно взимаемой дани. Сегодня же ни один из аквилонских вельмож не осмелится обидеть беднейшего из моих подданных, а повинности населения, пожалуй, самые легкие во всем свете. А вы? Твой брат, Амальрус, владеет восточной частью твоего королевства и всеми силами стремится сесть на твой трон. А наемники Страбона в эту минуту осаждают замки десятка взбунтовавшихся баронов. Народы изнывают в тенетах поборов и податей, но вам мало — вам надо ограбить и аквилонцев! Будь мои руки свободны — с каким наслаждением я разможил бы ваши черепа о мраморные плиты!

Тсотха злорадно ухмыльнулся, наблюдая неистовство оскорбленных владык.

— Даже если бы все, сказанное тобой, было правдой — не об этом хотим мы говорить с тобой. Наши планы — наше дело, и ответственность твоя закончилась. Тебе необходимо лишь подписать акт отречения от престола в пользу принца Арпелло из Пелии. После чего ты получишь

коня, снаряжение, пять тысяч золотых лунов, — и эскорт доставит тебя к восточной границе.

— Вы хотите превратить меня в того, кем я был, прежде чем перешел границы Аквилонии и стал наемником ее тогдашней армии? Да еще с клеймом предателя на лбу? — зловеще раскатился смех Конана. — Значит, Арпелло! Я подозревал этого пеллийского мясника, чванящегося следами королевской крови в своих жилах! И его руками ты хочешь править Аквилонией? От твоих разговоров на милое смердит мошенничеством! Скорее мы встретимся в аду!

— Глупец! — резко поднялся Амальрус. — Не забывай, что в нашей власти, и при желании мы способны лишить тебя не только короны, но и головы!

Ответ Конана был ответом человека, чья варварская необузданная натура никогда не вписывалась в строгие рамки дворцового этикета — он плюнул прямо в лицо Амальруса.

С воплем бешенства вскочил король Офира, хватаясь за меч, и двинулся на Конана, заноса клинок для удара.

Тсотха-ланги загородил ему дорогу.

— Спокойно, ваше величество: этот человек — мой пленник.

— В сторону, волшебник! — прохрипел Амальрус, доведенный до безумия издевательским взглядом голубых глаз киммерийца.

— Я сказал — стой! — рявкнул Тсотха, и злобная гримаса исказила его черты. Тонкая рука жреца вынырнула из широкого рукава, и облачко пыли окутало лицо Амальруса. Тот вскрикнул, пошатнувшись и роняя меч, и, схватившись за голову, бессильно рухнул на ложе.

Кофские стражники бесстрастно смотрели перед собой, а Страбон, обхватив кубок дрожащими руками, выпил его до дна.

Амальрус отнял руки и потряс головой; глаза его постепенно приобретали нормальное выражение.

— Ты ослепил меня, — простонал он. — Зачем?

— Небольшой фокус, чтобы ты не забывал, кто здесь настоящий хозяин, — бросил жрец, скидывая маску вежливого придворного. — То, что ослепило короля Офира, — всего лишь пыль, найденная мною в стигийской гробнице. Еще раз — и ты будешь блуждать в темноте до конца жизни.

Амальрус вздрогнул, примирительно улыбнулся и потянулся за кубком, пытаясь скрыть злобу и страх. Будучи ловким дипломатом, он умел быстро создавать видимость спокойствия.

Тсотха повернулся к Конану, спокойно наблюдавшему за происходящим.

По знаку волшебника спешащие стражники схватили пленника и вывели из комнаты. Через мгновение они очутились в извилистом коридоре с мозаичным полом и золочеными стенами с причудливым орнаментом; свисавшие с потолка кадиланицы наполняли коридор приятным дымом благовоний. Процессия свернула в узкий переход, мрачный и угрюмый, стены которого были облицованы яшмой и черным

мрамором. Переход завершался бронзовыми дверьми, над которыми в жуткой усмешке скалил зубы человеческий череп. У дверей возвышался рослый, очень толстый субъект с отталкивающей внешностью, поигрывавший связкой ключей — невольник Тсотхи, евнух высшего ранга по имени Шукели; имя его окружали легенды, замораживающие кровь в жилах. Вместо умерших нормальных человеческих чувств им владело одно — звериная жестокость, находившая выход в страсти к пыткам.

За бронзой дверей узкая крутая лестница шла вниз, как бы ведя в самую глубину холма, на котором покоилась цитадель.

Внизу лестница завершалась железными створками, способными выдержать удары осадного тирана. Шукели отворил дверь и отошел в сторону. Конан заметил, что сопровождающие его чернокожие кушиты явно были чем-то взволнованы: и даже евнух с необъяснимым волнением глядел в темноту, царящую за дверью; там находилось еще одно препятствие — решетка из толстых стальных прутьев, снабженная искусным замком, оторвавшимся без ключа только снаружи. Шукели тронул рычаг, и решетка ушла в стену. Они очутились в широком тоннеле, пробитом в скальном массиве. Конан понял, что находится глубоко под землей — ниже основания холма, ниже фундамента цитадели.

Темнота отступила, отталкиваемая светом фонаря в руках Шукели. Кушиты ловко приковали короля к кольцу, укрепленному в стене; фонарь они закрепили в нише над его головой, так что Конан стоял в полукруге слабого света. Стражники сустились, чувствовалось, что они хотят уйти как можно скорее, они что-то тихо бормотали друг другу и бросали беспокойные взгляды в окружающий мрак. Тсотха жестом позволил им выйти, и они толпой кинулись к дверям, отталкивая напарников, как будто опасались, что темнота превратится в хищника и прыгнет им на спины. Тсотха повернулся к королю, и Конан заметил, что глаза его светятся в полумраке, а зубы поблескивают, подобно волчьим клыкам.

— Желаю удачи, варвар, — злорадно бросил маг. — Мне нужно ехать в Шамар, на осаду. Через десять дней я войду в твой дворец в Тарантии. Что мне передать от твоего имени женщинам серала, прежде чем я сдеру с них атласную кожу? Она пойдет на пергаментные свитки, где будет запечатлена хроника побед Тсотха-ланти!

Конан ответил яростным киммерийским проклятием, а его рык сотрясал воздух с силой, способной разорвать барабанные перепонки обыкновенного человека. Тсотха издевательски расхохотался и вышел. Решетка встала на место, и король еще успел увидеть удалявшийся грифобразный силуэт. Тяжелые двери с грохотом захлопнулись, и наступила тишина.

Конан подергал за цепь, испытывая ее крепость, и внимательно осмотрел кольцо в стене, к которому цепь была прикована. Его руки и ноги были свободны, но король понимал, что даже его стальных мышц нехватило бы, чтобы разорвать оковы. Звенья толщиной в палец крепились к железному поясу, охватывающему туловище Конана; сам пояс был в дюйм толщиной и шириной в ладонь. Одной тяжести этих оков

достало бы, чтобы убить более слабого человека. С креплением между цепью и крыльцом не справился бы и кузнечный молот. Само кольцо в стене являлось оканчиванием стального прута, пропущенного через стену и закрепленного с другой стороны. Конан выругался. Бросив взгляд в темноту, обступившую робкий полукруг мерцающего света фонаря, он ощутил накатывающуюся волну беспокойства. Рожденные инстинктом варвара опасения проснулись в его душе, растревоженное воображение населяло мрак подземелья страшными образами, да и разум подсказывал, что брошен он сюда не ради изоляции.

Он понимал, что у Тсотхи нет причин оставлять его в живых, и знал, что может рассчитывать на самую жестокую казнь.

Конан проклинал свою гордую глупость, — мог ведь, мог согласиться на предложенную ему постыдную сделку, но никакое благоразумие не способно было смирить негодование, возникавшее при одной мысли о ней. Он знал — вывести враги его наверх и предложи сделку снова, он, не задумываясь, ответил бы то же. А ведь трон киммериец завоевал для своей — и только своей выгоды. Так, незаметно, в душу авантюриста с обгабренными кровью руками входило сознание истинного владыки, ответственного за судьбы подвластных ему народов.

Конан вспомнил об отвратительной угрозе Тсотха-ланти и застонал от неопишуемого бешенства. Он знал, что это не пустые слова. Ведь человеческие существа, мужчины и женщины, выглядели для жестокого мага извивающимися червями перед исследующим их мудрецом. Мягкие белые руки, ласкавшие короля, пунцовые уста, прижимавшиеся к его губам, алебастровые груди, дрожавшие под его поцелуями — с них должна была быть содрана нежная кожа, белая, как слоновая кость, розовая, как бутон...

Нечеловеческий вопль вырвался из груди варвара, и грохочущее эхо вернуло его к реальности, требующей тщательного обдумывания ситуации. Темнота навевала неуверенность и страшные рассказы об утонченной жестокости Тсотха-ланти. Неприятный холод пополз по его спине. Он окончательно уверился, что находится в так называемых Казематах Ужаса, о которых говорили предания; в этих тоннелях и погребках проводил жрец свои дикие опыты над людьми, животными и даже над существами демоническими, отвратительно играя с самой сутью жизненной природы. Поговаривали о том, что помешанный бард Ринальдо навестил некогда подвалы мага, и тот показал ему кошмары и невообразимых чудовищ, о которых Ринальдо впоследствии вспоминал в поэме "Песнь подземелий". И все описываемое там не было порождением горячечного мозга, хотя мозг этот легко стал пылью под топором взбешенного Конана, когда однажды ночью ему пришлось защищать свою жизнь от заговорщиков — и их привел во дворец сумасшедший бард Ринальдо.

Певец исчез в небытии, но потрясающие слова его мрачной поэмы вновь звучали сейчас в ушах короля, прикованного тяжелой цепью к стене.

Внезапно киммериец замер, услышав тихий шелест, леденящий кровь пришедшим на ум подозрением. Король застыл в оцепенении, до

боли напряг слух — и безошибочно распознал звук, издаваемый гибкой чешуей, скользящей по камню.

Капли пота выступили на лбу, когда за кругом слабого света он заметил колоссальный неясный силуэт, едва различимый, но приводящий в ужас.

Силуэт поднялся вверх, слегка раскачиваясь, и взгляд пылающих желтых зрачков остановился на киммерийце. Постепенно из мрака выплыла большая треугольная голова, а за ней медленно выползло извивающееся змеинное туловище. Это был змей, в сравнении с которым все рептилии, виденные Конаном ранее, казались недоростками.

От морды, размером с голову лошади, и до кончика остроконечного хвоста, он имел не менее восьмидесяти футов.

Белая чешуя сверкала в тусклом свете, подобно инею; змей рос в темноте, однако взгляд его горел — горел острой злобой. Порождение мрака свернулось в титанические кольца напротив прикованного человека и подняло голову, покачивая ею в нескольких дюймах от побледневшего лица короля. Раздвоенный, ритмично высовывающийся язык почти касался губ Конана, а от страшной вони дыхания король с трудом подавил приступ рвоты. Огромные желтые глаза глядели на него в упор. Киммериец боролся с инстинктивным желанием вцепиться в качающуюся толстую шею, но будучи гораздо сильнее любого цивилизованного человека — и однажды после длительной борьбы свернув шею гигантскому питону в бытность свою корсаром, — он понимал, что шелестящий враг к тому же и ядовит. С белых выгнутых клыков в фут длиной капала бесцветная жидкость, и варварский инстинкт киммерийца подсказывал смерть, скрытую в ней. Он способен был раздробить узкий череп ударом своего страшного кулака, но понимал — при малейшей дрожи плеча или хотя бы века, чудовище ударит с быстротой молнии. Разум требовал сделать шаг вперед и ускорить неминуемую смерть, но слепой инстинкт приказал жить, и так сковал все тело варвара, что Конан напоминал бронзовую статую.

Толстая шея поднялась еще выше, а голова нависла над узником. Змей уставился на фонарь в нише над макушкой короля. Капля яда упала на обнаженное бедро человека, и прикосновение ее было подобно удару добела раскаленного стилета; перед глазами Конана заплясали цветные пятна, но он даже не шевельнулся. Не дрогнул ни один мускул, не задрожала ни одна ресница, ничто не выдало боли от ожога. Змей завис над ним, как бы желая удостовериться в наличии искры жизни, тлевшей в непривычной фигуре — и в паузу врезался лязг отпираемой двери.

Осторожное и пуливое, как и все его собратья, пресмыкающееся, с неожиданной для его величины быстротой повернулось и исчезло во мраке. Двери остались открытыми, решетка вошла в стену, и могучая чернокожая фигура встала в коридоре, освещенном пламенем наружного факела. Человек вошел в подземелье и осторожно прикрыл за собой решетку, следя за тем, чтобы засов не защелкнулся. И когда пришелец

вошел в круг света — Конан увидел почти нагого негра гигантского роста. В одной руке негр держал связку ключей, в другой — широкий меч.

Чернокожий заговорил, и говор его был диалектом народов побережья, хорошо знакомым Конану с тех времен, когда он пиратом рыскал у побережья страны Куш.

— Долго же я ждал этой встречи, Амра!..

Он назвал Конана именем, под которым киммериец был знаком кушитам в годы своего корсарства. Амра — Лев. Губы невольника исказила странная гримаса, обнажив белоснежные зубы, а глаза заблестели в свете фонаря красноватыми отблесками.

— Многим пришлось рискнуть мне ради сегодняшней встречи! Смотри, Амра — вот ключи от твоих цепей, украденные у спящего евнуха. Что дашь за них?

— Десять тысяч золотых лунов! — быстро ответил Конан, чувствуя учащенное биение сердца.

— Мало! — крикнул негр. — Слишком мало за такой риск! Любимцы Тсотха-ланти могут выползти из тьмы и сожрать меня, а если Шукели узнает ослушившемся — он подвесит меня за ноги. Мало! Так что ты дашь за ключи?!

— Пятнадцать тысяч и дворец в Пуатэн, — бросил Конан. Чернокожий радостно взвизгнул и высоко подпрыгнул, давая выход своей радости.

— Больше! — выкрикнул он. — Хочу больше! Что дашь?

— Черный пес! — неистовая злоба овладела королем. — Был бы я свободен — дал бы тебе сломанную шею! Или Шукели послал тебя поиздеваться надо мной?!

— Шукели не знает о том, что я здесь, белый человек, — ответил невольник, вытягивая шею так, словно хотел заглянуть в душу Конана. — А я знаю, знаю тебя давню, с тех времен, когда я был вождем свободного племени, прежде чем стигийцы поймали меня и продали на Север. Помнишь ли ты взятие Адомби, когда твои морские волки ворвались в город? Ты убил вождя перед дворцом короля Айяги, другой вождь сумел уйти — убитым был мой брат, Амра, а тот, кто бежал, был я! Хочу цену крови, Амра!

— Освободи меня — и получишь столько золота, сколько вешишь сам! — сказал Конан.

Глаза чернокожего налились хищным блеском.

— Ты, белый пес, сын своей подлой расы — но черному человеку золото никогда не заменяло пролитой крови! Цена, которую ты заплатишь — твоя голова!

Яростным воплем прозвучали последние слова, и гулкое эхо понеслось вдоль коридора. Конан напрягся, подсознательно подтягивая оковы, охваченный отвращением при одной мысли о том, что придется умирать смертью беззащитного ягненка.

И внезапно он замер — над плечом беснующегося негра возник неясный контур ритмично раскачивающегося туловища.

— Тсотха никогда не узнает! — с хохотом кричал черный, слишком упоенный долгожданным триумфом, чтобы обращать внимание на творящееся у него за спиной. — Жрец не войдет в подземелье, прежде чем демоны не обдерут мясо с твоих костей, а кости вырвут из оков. Твоя жизнь будет моей, Амра!..

Невольник широко расставил массивные ноги и обеими руками взмахнул тяжелым мечом. В это мгновение гигантская тень с колоссальной скоростью ринулась вперед и вниз, и клиновидная голова нанесла удар, отзвук которого покатился по тоннелям, вырубленным в скалах. Ни один стон не вырвался из толстых, синюшных губ, открывшихся в гримасе агонии. Конан только успел заметить, как одновременно с ударом жизнь утасла в негге, как пламя свечи под порывом ветра. Отброшенное в сторону тело упало поперек коридора, и чудовищные кольца оплели его, скрыв эбеновую кожу. До ушей Конана долетел хруст ломающихся костей. Внезапно он задрожал — ключи и меч выпали из рук убитого невольника и теперь валялись на каменном полу. Конан наклонился, чтоб поднять ключи, но цепь оказалась слишком короткой. Дрожа от возбуждения, с подкатывающим к горлу сердцем, он зацепил их пальцами ноги, подтянул поближе и судорожно схватил руками, едва сдерживая крик радости.

Через несколько минут он был свободен. Конан поднял лежавший на полу меч и огляделся. Его окружала только тьма, в которой и исчез змей, унося с собой изуродованные останки, лишь отдаленно напоминавшие теперь человеческое тело. Конан повернулся к открытым дверям и в несколько прыжков был уже у них — когда в темноте раздался взрыв хохота, а решетка закрылась перед его вытянутой рукой. Из-за прутьев выглядывало лицо, схожее с маской на статве сумасшедшего скульптора — евнух Шукели пришел за украденными ключами. Но в злорадном торжестве он не заметил меча в руках киммерийца. Выкрикнув проклятье, Конан ударил, подобно кобре. Меч свистнул в прутьях решетки, и смех кастрата сменился предсмертным хрипом. Шукели согнулся в последнем поклоне своему убийце и рухнул грудой жира, напрасно пытаясь удержать ладонями вываливающиеся внутренности. Конан радостно оскалил зубы — но решетка от этого не открылась. Осознание, привычное к металлу, подсказало, что прутья потвердости не уступают клинку, и пытаться их перерубить — означало сломать оружие. Но ощупывая решетку, Конан ощутил на ней следы укусов гигантских клыков и вздрогнул при мысли о чудовищах, оставивших такие углубления на стали прутьев.

Сейчас ему осталось лишь одно — поиски иного выхода. Взяв из ниши фонарь, он пошел по коридору, сжимая в руке меч. За змеем и его жертвой по каменному полу тянулся кровавый след. Тьма, слегка рассеянная светом фонаря, подкрадывалась к варвару на бесшумных лапах; по обеим сторонам тоннеля зияли черные отверстия, и король держался середины, внимательно осматривая пол перед собой, в опасении свалиться в какой-нибудь колодец.

Неожиданно его остановил какой-то странный звук — голос жалобно плачущей женщины. “Очередная жертва Тсотха-ланти”, — подумал он, проклиная чародея, и свернув во влажный и низкий боковой коридор, продвигаясь в направлении, откуда доносился голос; по мере приближения голос усиливался. Подняв фонарь повыше, киммериец обнаружил впереди странные очертания и едва не наткнулся на бесформенную тушу, растянувшуюся на полу. Изменяющиеся очертания встреченного создания напоминали осьминога, но короткие щупальца были слишком ничтожны для такого корпуса, а тело непрерывно дрожало, как студень, одним своим видом вызывая тошноту. Из омерзительной желеобразной массы торчала голова жабы, и Конан заметил в ужасе, что женское рыдание исходило из отвратительных иссиня-черных губ.

Взгляд выпуклых неподвижных глаз остановился на варваре, и плач сменился громким высоким смехом; трясущееся тело неуклюже задвигалось в сторону пришельца. Конан повернулся и побежал, не доверяя силе своего меча. Хотя бестия эта несомненно была соткана из земной материи, но лишь один вид ее потряс киммерийца до глубины души. Он сомневался, сможет ли выкованное человеком оружие нанести рану подобному созданию. Еще некоторое время он слышал отголоски шлепанья за спиной, сопровождаемые диким хохотом; безошибочное ухо варвара улавливало в голосе человеческую нотку, и Конан вспомнил, как точно такой же смех исходил из пухлых чувственных губ блудниц из Шадизара — Города Разврата, когда на невольничьем рынке раздевали донага выставляемых на продажу рабынь. Каким же сатанинским искусством вдохнул Тсотха-ланти жизнь в это чудовище?

Конану казалось, что он видел нечто, самым своим существованием противоречащее законам природы. Он бегом бросился к главному коридору, но прежде чем добежал до него, очутился в маленькой квадратной комнатке на стыке двух тоннелей; и вбегая в нее, заметил он небольшую плоскую фигуру на полу. Прежде чем киммериец сумел остановиться или сменить направление, он зацепился ногой за что-то мягкое, пронзительно пискнувшее — и рухнул во весь рост. Фонарь выпал из руки и погас, ударившись об пол. Конан поднялся, оглушенный падением, и стал нащупывать путь в темноте вытянутыми руками; падая, он потерял ориентацию в пространстве и не мог сообразить, в какой стороне лежит главный коридор. Искать фонарь было бессмысленно, так как без огня нечего было и думать развести огонь. Наткнувшись на стену, он ошупал ее и обнаружил выходы тоннелей, куда и направился наугад. Он не знал, как долго пришлось ему идти в полной темноте. Но инстинкт предостерег варвара, и он застыл на месте. Ему почудилось впереди бездонная пропасть, окруженная мраком. Встав на колени и передвигаясь на четвереньках, он коснулся ладонью края колодца. Скользя и влажная стена уходила вертикально вниз. Вытянув руку вперед, Конан нащупал концом меча противоположный край. Мысль перепрыгнуть колодец мелькнула в его голове и тут же исчезла. Он все же хотел найти главный коридор,

лежащий где-то позади. Слабый сквозняк, поднимающийся из колодца, пошевелил его черную гриву. Конан попробовал убедить себя, что колодец как-то сообщается с внешним миром, но понимал всю невозможность этого — ведь он находился ниже подножия холма, намного ниже уровня улиц города. Так каким же образом воздух мог проникать в подземелье и возноситься вверх? Откуда-то снизу доносился еле слышимый пульсирующий рокот, напоминающий гул барабанов, гремящих глубоко-глубоко под землей...

Король Аквилонии вздрогнул, встал и начал отступать. Когда он отошел — нечто возникло из колодца; что это такое — он не знал. Напрасно пытался Конан пробить взглядом темноту, он чувствовал лишь едва уловимое присутствие невидимого существа, раздраженно летавшего вокруг него. Конан повернулся, собираясь идти в обратную сторону, но заметил маленькую красную искорку и кинулся к ней, сломя голову. Это оказался его фонарь. Пламя погасло, но обугленный конец смоляного фитиля еще тлел. Осторожно раздув огонь, Конан поднял фонарь со вздохом облегчения. Он стоял в той же квадратной комнатке. Рядом находился тоннель, по которому он пришел из главного коридора. Он нырнул в него без колебаний и заметил, что пламя фонаря качается, словно на него дуют чьи-то невидимые губы. Он вновь поднял фонарь и огляделся, ощущая чужое присутствие. Ничего. Но король так и не смог отделаться от впечатления, что невидимое бестелесное существо летает вокруг него и произносит проклятия, которые он не мог слышать, но подсознательно ощущал их отвратительный смысл. Киммериец взмахнул мечом, и лезвие утонуло в гуще некой паутины. Его охватила тревога. Конан что есть сил бросился вперед, спиной чувствуя обжигающее дыхание.

И лишь в главном коридоре ощущение враждебного присутствия покинуло его.

Он быстро пошел вперед, неуверенно озираясь по сторонам, и в любую секунду ожидая появления демонов с волчьими клыками и саблевыми когтями. Да и в коридоре уже не стояла прежняя тишина — из глубины земли отчетливо доносились отголоски потустороннего мира. Слышалось хихиканье, писк, кваканье, взрывы сатанинского ликования. Послышался смех, несомненно исходящий из пасти гниены, внезапно перешедший в человеческую речь, прерванную потоками ругательства; несколько раз слышал Конан осторожные шаги чьих-то ног, а у входов в боковые тоннели виднелись очертания причудливых форм, более темных, чем окружающий мрак. Киммерийцу казалось, что он блуждает по аду — аду, созданному Тсотха-ланти. Но ни одно существо так и не показалось до конца из боковых переходов, хотя он ясно различал алчное чмокание пастей и чувствовал на себе жгучие взгляды хищных глаз. Внезапно до него дошел смысл странного поведения детей мрака — сзади чуть слышно донесся знакомый шелест, и король прыгнул в темноту ближайшего поворота, гася фонарь. Он отчетливо услышал, как по коридору ползет гигантский змей, еще сонный после недавнего пиришества, но уже недовольный ускользнувшей от него очередной жертвой.

По всей вероятности, главный коридор был охотничьей территорией рептилии, и все остальные существа уступали ей дорогу. Из прочих местных кошмаров, змей наименее ужасал Конана. Он даже испытывал к пресмыкающемуся особую симпатию, когда вспоминал хохочущий и трясущийся студень, или бестелесную тварь из колодца, изрыгающую неслышимые проклятия. Во всяком случае, змей был существом земным. Ползучая гибель — но гибель телесная, в отличие от других, покушавшихся на умысел и душу.

Когда змей удалился, Конан раздул фонарь и последовал за ним на безопасном расстоянии. И не пройдя и нескольких шагов, он услышал стон, донесшийся из ближайшего отверстия. Осторожность сдерживала варвара, но любопытство оказалось сильнее. Высоко подняв фонарь, в котором оставался лишь крохотный огарок, он вошел в тоннель. Конан был готов ко многому, но увиденное им привело киммерийца в замешательство. Перед ним была обширная камера, огражденная стальными прутьями, концы которых уходили в пол и потолок. В центре клетки возвышалась фигура человека — или его точная копия.

Фигуру окружало сплетение толстых лиан, подобных лозам винограда. Лианы покрывали листья необычной формы и багряные цветы. Спутанные крепкие стебли обвивали обнаженное исхудалое тело и, казалось, ласкали его. Один огромный цветок навис прямо над ртом человека; звериный хрип вырвался из полукоткрытых губ, широко открытые глаза в упор смотрели на Конана, но не было в них блеска, свойственного взгляду живого существа — они были стеклянными и пустыми глазами безумца. Пурпурный цветок наклонился и в чувственном поцелуе прижал свои лепестки к раскрытым устам. Тело жертвы задрожало от боли, а лианы заколыхались в экстазе, вибрируя по всей длине. Волны изменяющихся оттенков потекли вдоль змеящихся сплетений; их цвет становился все более сочным, все более ядовитым.

Конан не понимал смысла происходящего, но догадывался, что стал свидетелем неведомой чудовищной пытки. Кем бы ни была жертва — человеком или демоном — ее страдания тронули сердце варвара. После недолгих поисков он разыскал вход в клетку — маленькую решетчатую дверцу, запертую на большой замок. Один из ключей связки Шукели подошел к нему. Как только Конан вошел в середину, цветы раздулись капюшонами кобры, стебли грозно заколебались, и все задрожавшее растение повернулось в сторону дерзкого.

Конан чувствовал, что перед ним существо сознательное, обладающее рассудком — растение явно видело его, и он ощущал волну неистовой злобы, излучаемую им. Осторожно приблизившись, король обнаружил место, где из скалы рос основной стебель лиан — солидный, толщиной с человеческое бедро пенёк. Не обращая внимания на листья и стебли, тянувшиеся к врагу с шипением и шуршанием, киммериец взмахнул мечом и одним ударом перерубил пенёк. Жертва хищного винограда мгновенно отлетела в угол, выброшенная судорожным движением стеблей;

они извивались обезглавленными змеями, образовывая огромный клубок неправильной формы; лианы дрожали и выгибались с громким шелестом листьев, а цветы конвульсивно раскрывали и закрывали свои чашечки. В конце концов растение легло недвижимо. Цвет его поблек, и зловонная белесая жидкость начала сочиться из перерубленного пня.

Конана вывел из зачарованного созерцания агонии шорох за спиной. Он обернулся, поднимая меч для удара — и застыл в изумлении: человек, освобожденный от палача, пристально рассматривал варвара; глаза на исхудалом лице уже не были лишены выражения — темные, светящиеся умом и утонченностью, и маска идиота полностью сошла с лица жертвы хищного растения.

Голова его была благородной формы, с великолепным высоким лбом и чертами, наполненными глубокой мудростью. Да и во всей его осанке сквозило нечто аристократическое. Человек заговорил, и первые его слова привели Конана в замешательство.

— Какой у нас сейчас год?

— Год Газели. Десятый день месяца Юлук, — ответил удивленный киммериец.

— Божественная Иштар! — воскликнул незнакомец. — Десять лет!

Он потер лоб рукой, будто стараясь избавиться от опутывавшей мозг паутины.

— Все еще затуманено... Ну что ж, после десятка лет бесплодной пустоты и нельзя ожидать, что мышление сразу восстановится. Кто ты?

— Я Конан. Киммериец родом и король Аквилонии.

Человек удивленно моргнул.

— Да ну? Король... А что случилось с Нумедидом?

— Я задушил его на собственном троне, в ночь взятия столицы.

Нотка гордости в ответе короля вызвала улыбку на лице незнакомца.

— Простите меня, Ваше величество. Я должен был поблагодарить тебя за оказанную услугу. Но сейчас я подобен внезапно разбуженному спящему — и сон мой глубже смерти и полон видениями, страшнее адских. Хотя я понимаю, что освободил меня именно ты. Скажи мне, король, почему ты перерубил мечом пень растения Йотхга, вместо того, чтобы вырвать его с корнем? Я вижу, ты способен на это...

— Жизнь научила меня не касаться руками вещей, которых я не понимаю.

— Прекрасная привычка, свидетельствующая о твоей рассудительности. Если бы ты вырвал эти лианы, то нашел бы на корнях уцепившихся за них — и я думаю, что твой меч стал бы бессилён, ибо корни Йотхга погружены в Ад.

— Но... но кто ты? — заинтересованно спросил Конан.

— Меня звали Пелиасом.

— Что?! — в ужасе воскликнул король. — Пелиас? Чернокнижник, соперник Тсотха-ланги, исчезнувший из этого мира десять лет назад!?

— Исчез, но не совсем, — горько усмехнулся Пелиас. — Тсотха предпочел оставить мне жизнь, но оковы его страшнее ржавого железа.

Меня швырнули в сатанинский цветок, семена которого приплыли через Черный Космос с Проклятого Яга, и они нашли здесь плодородную почву в адских глубинах. Когда этот дьявольский виноград высасывал мою душу в отвратительных ласковых объятиях — я не мог вспомнить моей магии и слов, бывших мощью чародея Пелиаса! Днем и ночью пили лианы мой разум, превращая мозг в треснутый кубок. Десять лет! О Иштар, спаси и помилуй!

Конан не находил подходящих слов и стоял молча, держа в одной руке догорающий фонарь, а в другой — рукоять меча; легко было предположить, что перед ним сумасшедший, но из темных внимательных глаз не выглядывало безумие.

— Скажи мне, — опять заговорил маг, — Тсотха-ланти в Корхемише?.. Впрочем, можешь не отвечать — сила моя пробуждается, и в твоих мыслях читаю я о великой битве и о великом предательстве; и о короле, пойманном в западню. И вижу я Тсотха-ланти, во весь опор скачущего к реке Тибор, со Страбоном и королем Офира.

Тем лучше — я еще слишком слаб после долгого сна, чтобы открыто выйти на Тсотха-ланти; мне необходимо время для восстановления былой мощи. Пойдем, король, выберемся из этих подземелий и утешим наши сердца кубком благородного напитка.

Конан безнадежно махнул связкой ключей.

— Решетка у входа заперта на засов, и открыть ее можно только снаружи. Есть ли другой выход из проклятых казематов?

— Есть один, но мы не станем им пользоваться: он ведет вниз, а не вверх, и вряд ли это выход. Но не будем заранее волноваться, поглядим на твою решетку.

Сказав это, маг неуверенно двинулся по коридору, не до конца доверяя ослабевшим ногам. Конан догнал его, и в голосе киммерийца звучали тревожные нотки.

— В тоннеле ползает дьявольски большой змей — и как бы нам не влезть прямо к нему в пасть!

— Я давно знаком с ним, — хмуро ответил Пелиас. — Я вынужден был смотреть, как он пожирает поочередно десять моих учеников. Его зовут Старый Сатха, и он любимец Тсотха-ланти.

— Так это жрец выдолбил подземелья для своих уродов?

— Нет, не он. Когда три тысячи лет назад здесь основали город, на взгорье уже высились руины другого города, более древнего. Основатель Корхемиша, король Кхосс Пятый, и вознес свой дворец на взгорье, а копая под ним погреб, наткнулся на коридор, перегороденный стеной. Вломившись туда, Кхосс и обнаружил подземелья. Но его великого визиря постигла столь жестокая судьба, что король приказал вновь замуровать вход. Народу объявили, что визирь свалился в колодец, погреб засыпали, и, со временем, король оставил дворец, построив другой, за городом; оттуда он однажды и бежал в панике, обнаружив какую-то черную пыль на полу своей комнаты. Тогда он перенес весь двор к вос-

точной границе королевства и построил новую столицу. А дворец на взгорье постепенно ветшал и превращался в развалины. Когда Аккутхо Первый вернул былое величие Корхемишу, он на месте руин построил крепость. Она выстояла до времен Тсотха-ланти, — превратившего ее в Багряную Цитадель и открывшего вход в подземелья; что бы ни случилось с великим визирем — Тсотха избежал подобной участи. Наоборот, спустившись в одну из штолен, он вернулся с изменившимся лицом, и странное выражение уже никогда не покидало его глаз.

Я видел эту штольню, но не собираюсь искать в ней мудрости. Я чародей, и мне больше лет, чем полагают многие люди, — но я человек.

А что касается Тсотха-ланти, то поговаривают, что однажды ночью танцовщица из Шодизара заснула слишком близко к руинам на Взгорье Дагот и проснулась в объятиях черного демона; вот от этой грешной связи и родилась проклятая помесь, которую теперь называют Тсотха-ланти...

Внезапно Конан издал предостерегающий крик и отскочил назад, потянув за собой Пелиаса. Перед ними возникло гигантское туловище Старого Сатхи, и извечная ненависть к теплокровным пылала в стоячих немигающих глазах.

Конан собрал мышцы в комок, готовясь использовать последний шанс — швырнуть умирающий фонарь в распахнутую пасть и доверить жизнь одному-единственному удару меча.

Но змей не обращал на варвара никакого внимания: он таращился поверх плеча киммерийца на Пелиаса, спокойно скрестившего руки на груди и улыбавшегося.

Ненависть во взгляде змея стала уступать место дикому страху.

Он завертелся на месте, внезапное дуновение воздуха коснулось лиц людей — и рептилия исчезла в глубинах тоннеля.

— Клянусь Кромом! — удивленно пробормотал Конан. — Что могло так напугать эту тварь?!

— Существа, покрытые чешуей, видят скрытое, — загадочно и тихо ответил Пелиас. — Ты видишь мою телесную оболочку, а он увидел мою обнаженную душу.

Холод пополз по спине Конана. Он уже не был уверен, является Пелиас человеком или же демоном из глубин, заманивающим свои жертвы в гибельные ловушки. Конан боролся с желанием немедленно погрузить меч в спину идущего впереди мага, но прежде, чем он решился, они подошли к решетке, выделявшейся темными линиями на фоне света наружного фонаря. Мертвый Шукели сидел в луже крови, привалясь к прутьям плечом.

— Клянусь алебастровыми бедрами Иштар! Кто же наш милый привратник?! — вскричал изумленный Пелиас. — Это же никто иной, как благородный Шукели, любящий вешать за ноги моих воспитанников и сдирать с них кожу! Уж не спишь ли ты, Шукели? Почему застыл ты, с брюхом, распоротым, как у свиньи на бойне?!

— Он мертв, — проворчал Конан.

— Жив он или мертв, — странно засмеялся Пелиас, — но решетку он откроет!

Маг громко хлопнул в ладоши и крикнул:

— Встань, Шукели! Возвратись из ада, встань с окровавленной земли и открой дверь своим господам! Встань, говорю я!

Чудовищный стон пронесся по коридору. Волосы встали дыбом на голове Конана, и холодные капли пота зашекотали его лоб.

Евнух вздрогнул и неуклюже повернулся, волоча непослушные руки. Беспощадный смех Пелиаса, острый, как обсидиановый кинжал, вторил движениям мертвого тела, цеплявшегося за прутья решетки.

Страх овладел Конаном, колени его подгибались. Широко открытые глаза трупа были пустыми и невидящими; внутренности вываливались из живота и путались в ногах Шукели, когда он, подобно огромной кукле, нажал на рычаг засова. Вначале Конану казалось, что евнух каким-то чудом жив, но теперь сомнений не было — Шукели был мертв, мертв уже много часов!

Пелиас вышел через открывшийся проход, а обливавшийся липким потом Конан поспешил за ним, опасаясь коснуться отвратительной шатающейся фигуры, уцепившейся за решетку.

Маг не оглядывался, и Конан брел по его следам, сотрясаемый приступами рвоты. Через полдюжины шагов он услышал глухой стук и обернулся — останки евнуха неподвижно валялись у выхода.

— Он выполнил сказанное, и ад требует его обратно, — небрежно бросил удовлетворенный Пелиас, вежливо не замечая дрожи могучих плеч киммерийца. И они направились вверх по длинной лестнице, через бронзовые двери, украшенные человеческими черепами. Конан крепче сжал рукоять меча, ожидая нападения невольников, но в залах царила тишина. Коридор, следующий, заполненный благовонным дымом — тишина. Нигде никого.

— Невольники и стража располагаются в другом крыле цитадели, — равнодушно заметил Пелиас. — Господин их далеко, и рабы лежат без сознания, опоенные вином или соком лотоса.

Конан выглянул в стрельчатое окно, с оправленным в серебро стеклом, и выругался от удивления при виде звездного неба.

Его швырнули в подземелье при восходе солнца, а сейчас уже было далеко за полночь. В голове киммерийца не укладывался факт, что он так долго пробыл в заточении, и лишь сейчас он ощутил голод и жажду, вцепившиеся во внутренности.

Пелиас ввел его в комнату с золотистым сводом и посеребренным полом; стены из ляпис-лазури резко контрастировали с черным гранитом изысканных колонн.

Со вздохом облегчения маг вытянулся на ложе, покрытом дорогой тканью.

— Наконец-то — золото и шелк! Тсотха прикидывался, будто он выше земных наслаждений, но он наполовину дьявол — а я, невзирая на чародейское искусство, человек. Люблю, знаешь ли, удобства и веселые пирушки. На них и поймал меня подлый жрец — поймал совершенно беспомощного после доброй выпивки. Вино — проклятие, но клянусь

грудью Иштар, даже когда я сейчас вспоминаю о нем, то немедленно чувствую присутствие этого напитка... Прошу тебя, дружище, наполни мой кубок! Впрочем, что это я!? Ты — монарх, позволь мне услужить тебе!

— К чертям! — хрипло сказал Конан, наполняя хрустальный кубок и передавая его Пелиасу. Сам же варвар ухватил пузатый кувшин и сделал глоток прямо из горлышка, вздыхая от удовлетворения.

— Пес Тсотха знает толк в вине! — Конан отер губы ладонью. — Но во имя Крона, Пелиас, неужели мы будем ждать здесь, пока проснувшиеся кнехты перережут наши глотки?

— Не беспокойся, приятель, — спокойно ответил Пелиас, — лучше ответь: не хочешь ли ты посмотреть, как идут дела у Страбона?

Глаза Конана метнули голубые искры, и суставы пальцев побелели на рукояти меча.

— Попадись мне этот ублюдок на длину клинка!

Пелиас поднял с эбенового столика блестящий хрустальный шар.

— Это хрусталь Тсотха-ланти; детская забава, но полезная, когда не хватает времени на более серьезное искусство. Поглядим, Ваше Величество...

Маг опустил шар на столик. Король посмотрел на матовую поверхность; и внезапно внутреннее пространство просветлело, расширилось, и изображение приобрело яркость и четкость.

Конан узнал знакомый пейзаж: равнина плавно опускалась к широкой реке, за которой высилась горная гряда; на северном берегу реки стоял город, окруженный стенами и рвом, обоими концами упиравшийся в реку.

— Во имя Крома! Это же Шамар! Псы Страбона осаждают его!

Захватчики перешли реку; шатры их стояли на узкой полосе ровного пространства, между взгорьем и городом.

Воины толпились под стенами, оружие их блестело в слабом лунном свете; со стен и башен летел град стрел и камней; нападающие дрогнули, откатились и вновь возобновили штурм. Конан открыл было рот, чтобы выругаться, но в шаре уже возникло иное изображение: в тумане появились стрельчатые крыши дворцов и сверкающие купола храмов — король видел Тарантию, свою столицу. Город был охвачен растерянностью и паникой.

Он видел рыцарей из Пуатэн — преданнейших соратников, облеченных доверием и поставленных на охрану города. Они выезжали из ворот под рычание и свист разъяренной толпы. Король видел скопища мародеров, чужие панцири воинов с пеллийскими инсигниями, и те же знаки красовались на башнях и площадях.

А над всем происходящим стояло смуглое, искривленное победной гримасой, лицо принца Арпеллю Пеллийского.

Изображение потемнело и исчезло.

— Проклятье! — бесновался Конан. — Стоило потерпеть одну неудачу, как весь мой народ отвернулся от меня!

— Это не так, — прервал его Пелиас. — Твоим подданным объявили о смерти их короля, и они решили, что никто не защитит их теперь от

внешнего врага и гражданской войны. Вполне естественно в таком случае признать власть сильнейшего вельможи, во избежание ужасов борьбы за трон; памятуя былое, они не верят пуатэнцам, а под рукой оказался Арпелло — могущественный принц центральных провинций.

— Когда я вернусь в Аквилонию — его обезглавленный труп сгниет на помойке у Башни Предателей!

— Увы! Страбон достигнет столицы ранее тебя, — хладнокровно прервал его Пелиас, — а армия кофцев разграбит твоё королевство.

— Ты прав! — Конан взбешенным тигром заметался по комнате. — Даже на лучшем коне я не достигну Шамара к полудню, но и даже успев, я смогу лишь погибнуть при падении города. А ведь он падет, падет через несколько дней!

— От Шамара до Тарантии пять дней пути на сменных лошадях, — все никак не мог успокоиться Конан, — если загонять их насмерть; пока я доскачу до столицы и соберу армию, Страбон уже постучится в ворота — а собрать армию трудно: даю голову на отсечение, что трусливая знать при вести о моей смерти шмыгнула в свои горы. Если уж народ выгнал Троцero Пуатэнца, никто не в состоянии воспрепятствовать Арпелло завладеть короной и казной!

— В обмен на марионеточный трон, Арпелло согласится стать вассалом Страбона, но в нужный момент поднимет мятеж. Бароны его не поддержат, и это будет легальным поводом для кофцев захватить твоё королевство.

— О Кром, Имир и Сет! Если бы у меня были крылья, чтоб долететь до Тарантии!

Сидящий за столом маг выстукивал на яшмовой поверхности некий причудливый ритм и, казалось, не слышал слов Конана, погруженный в свои мысли.

Вдруг яшмовый барабан умолк, и маг вскочил, ведомый внезапным импульсом, и жестом приказал Конану следовать за ним. В полном молчании вззошли они по мраморной лестнице на верхнюю площадку самой высокой башни цитадели. Стояла ночь. Сильный ветер развеивал черные волосы Конана. Далеко внизу мерцали огни Корхемиша, более чужие, чем звезды над головами.

Пелиас выглядел одержимым, внезапно он заговорил странным, изменившимся голосом.

— Есть существа, живущие не только на земле, в воде и в воздухе, но и в небесах, неизвестные людям, рассеянные на неизмеримых пространствах... Но для владеющего Знаками и Словами, лежащими в основе, они доступны и не опасны. Смотри — и не пугайся!

С этими словами он воздел руки к небу и издал протяжный крик, распространившийся в пространстве, вибрирующий и не затихавший. Он неслся все дальше, казалось, достигая миров, неизвестных смертным.

В наступившей тишине Конан услышал шум крыльев, доносившийся со стороны звезд, и вздрогнул, когда из мрака возникло черное, похожее на нетопыря создание и село у его плеча на зубец стены. Оправившись от

потрясения, Конан присмотрелся и увидел большие, нежные глаза, мерцавшие в звездном свете, могучие крылья с размахом не менее сорока футов. Также увидел он, что существо это не было ни птицей, ни летучей мышью.

Пелиас прервал молчание.

— Садись и лети. Будешь в Тарантии перед рассветом.

— Клянусь Кромом! А ты? Не могу же я бросить тебя одного среди врагов!

— Не беспокойся обо мне, — усмехнулся маг. — Нынешним утром люд Корхемиша узнает, что имеет нового господина. Прими с покорностью посылаемое богами; вскоре я увижу тебя на равнине под Шамаром. Лети, король!

Конан осторожно взобрался на ороговевшую спину и ухватился за изогнутую шею летающего незнакомца; происходящее казалось неимоверным сном, и король с трудом сдерживал желание проснуться.

Раздался шелест огромный крыльев, и существо взмыло в воздух. Король глянул вниз и ощутил головокружение. Далеко-далеко внизу блестели маленькие искорки — огни королевской столицы Корхемиша; они удалялись и, наконец, исчезли совсем. Только звездное небо над головой напоминало Конану о том, что он мчится к Тарантии быстрее самого породистого скакуна...

3

...Улицы Тарантии переполняли бурлящие толпы. Люди яростно потирали ржавыми пиками и алебардами, лес сжатых кулаков вздымался над головами разбушевавшейся черни.

На рассвете следующего дня, после битвы под Шамаром, события стали развиваться с головокружительной быстротой. Известным лишь Тсотха-ланти способом весть о поражении и смерти Конана Аквилонского достигла столицы и вызвала переполох. Бароны в панике оставляли город и мчались во весь опор к своим владениям — защищать майораты от алчных соседей. Королевство, хорошо организованное Конаном, балансировало на краю пропасти, а банкиры и купцы дрожали при мысли о возвращении прежних порядков. Народ требовал избрания короля, способного обуздать внешнего врага и взбесившуюся аристократию. Граф Троцери, наместник короля в Тарантии, сделал попытку успокоить толпу, но охваченные страхом мещане тут же припомнили, как этот же Троцери пятнадцать лет назад во время гражданской войны взял Тарантию штурмом и устроил кровавую бойню ее защитникам. Ходили слухи даже об измене графа и его желании разрушить город. Воспользовавшись суматохой, отряды наемников начали грабить и насиловать,

выволакивая из домов причитающих мешанок и трясущихся купцов. Троцero немедленно ударил по распоясавшейся солдатне, устлав улицы трупами, и заставив выживших вернуться в казармы и выдать зачинщиков-командиров.

Но и это ничего не изменило — а голоса недовольных звучали все громче. Люди бежали неизвестно куда и неизвестно зачем. Ширились слухи о том, что Троцero сам спровоцировал грабежи, чтобы иметь возможность их подавить.

Принц Арпелло явился на заседание королевского совета и заявил, что, за неимением у погибшего Конана наследника, он готов принять на свои плечи тяжкое бремя власти, до окончательного решения об особе нового короля.

Пока длились дебаты, подкупленные пеллийцем негодяи шныряли по городу, вопя во всю глотку о примеси королевской крови в жилах Арпелло.

Даже сквозь толстые стекла зала заседаний, до ушей членов совета доносился рев толпы, провозглашавшей здравицы в честь Арпелло, прозванного Спасителем.

Совет капитулировал. Один Троцero отказался отречься от присяги, но толпа выла, свистела, орала и забрасывала его камнями.

Понимая бессмысленность уличного боя с наемниками Арпелло, пуатэнец швырнул свою булаву наместника в физиономию самозванного владыки и начал готовиться к выходу из города. Последним его приказом было официальное распоряжение повесить арестованных командиров наемников-мародеров, после чего граф выехал через южные ворота во главе пятнадцати сотен своих рыцарей.

Как только ворота захлопнулись за тяжеловооруженными всадниками, маска доброжелательности на лице Арпелло уступила место обличью изголодавшегося волка. Разбитые и лишенные командования наемники отсиживались в казармах, и люди Арпелло были единственными вооруженными силами в городе.

Верхом на рослом белом жеребце пеллиец выехал на дворцовую площадь и объявил себя законным властелином Аквилонии, под приветственные клики толпы.

Канцлер Публий, воспротивившийся беззаконию, попал в темницу. Купцы, с восторгом встречавшие новую власть, с удивлением выяснили суммы налогов, установленных на их торговлю. Шестеро самых богатых явились во дворец с просьбой о пересмотре — их головы покатались наземь без долгих церемоний, а также безо всякого суда.

После этой казни в домах зажиточных мешан воцарился страх. Купцы, не сумевшие ничего сделать при помощи золота, по своему обычаю пали на жирные брюха — лизать сапоги сюзерена.

Простых людей не особенно озаботила судьба торговцев, но, выяснив вскоре, что пеллийские солдафоны ничем не лучше туранских головорезов — чернь стала роптать. Под видом наведения порядка армия Арпелло

грабила и убивала, превзойдя в жестокости даже выдавших виды наемников.

Поток бесполезных жалоб хлынул к новоявленному королю, сделавшему своей резиденцией дворец канцлера — в королевском замке за баррикадировались отчаявшиеся члены королевского совета, заочно приговоренные к смертной казни — они со своими слугами пока что успешно отражали атаки гарнизона.

Не в силах взять замок, пеллиец захватил летнюю резиденцию Конана, где жили его жены и наложницы.

Королевские красавицы напрасно пытались вырваться из объятий пьяной солдатни — а были это темноглазые женщины из Пуатэн, черно-волосые девы из Заморры, Зингары и Гиркании, брифинки с льняными кудрями, все одинаково рыдающие от стыда и унижения и не привыкшие к подобному обращению.

На город, погруженный в ужас и тревогу, опустилась ночная тьма. Незадолго до полуночи разнеслась весть о штурме Шамара кофской армией. Люди были потрясены. Никто не задумывался о том, каким образом известие сумело за такой короткий срок достичь столицы, но простонародье обступило дворец и потребовало, чтобы король воссел на коня и двинулся на юг, — отразить нападение и отбросить захватчиков за Тибор.

Но пьяный король презрительно хохотал, стоя у окна.

На рыночной площади студент Афемид взобрался на колонну и громкогласно обвинил Арпелло в сговоре со Страбоном, живописуя перспективы бытия под властью Коф с Арпелло в роли сатрапа; прежде, чем он закончил речь, толпа раскалилась до предела.

Самозванец выслал отряд на поимку студента-бунтаря, но люди забросали солдат камнями и тухлыми яйцами. Рота арбалетчиков окружила площадь, кавалерийский эскадрон врезался в толпу, но студент исчез.

Он тайком выбрался из города и направился к графу Троцero, намереваясь умолить его штурмом взять Тарантию и идти затем на помощь осажденному Шамару. Он застал графа, сворачивающего свой лагерь, разбитый под стенами Тарантии, и намеревающегося направиться в Пуатэн — далекую западную окраину государства. На мольбы юноши Троцero ответил, что сил его недостает не только для противостояния Страбону, но и для штурма Тарантии, даже при полной поддержке населения. Кроме того, жадные соседи стали бросать косые взгляды на Пуатэн, намереваясь поживиться за чужой счет. А так как король мертв, то каждый да позаботится о себе сам. Посему он, граф Троцero Пуатэнский, намерен сражаться с Арпелло и его бандой у себя дома.

В то время, как Афемид пытался уговорить Троцero, жители города в бессильном бешенстве толпились у стен дворца, осыпая Арпелло проклятиями. А тот, стоя на верхней площадке башни, издевался над их беспомощностью. Его лучники уже целились в народ из окон, и пальцы арбалетчиков легли на спусковые крючки.

Принц Пеллийский был среднего роста, массивного телосложения, с темным и жестким лицом. Он был ловким интриганом, к тому же отлично владеющим мечом. Под его расшитым золотом кафтаном блестела лакированная сталь панциря. Длинные завитые и надушенные волосы прятались в серебряную сеточку, и меч на поясе украшали драгоценности.

Широко расставив ноги, он гордо подбоченился и крикнул:

— Войте, глупцы, если это доставляет вам удовольствие. Конан мертв, и король отныне — я!

Ничто не угрожало Арпелло. Сил его хватало для удержания столицы, вплоть до появления Страбона. Аквилонские бароны теперь занимались отбиранием у соседа жирного куска, и пеллийцу угрожала лишь безоружная чернь. Скоро, скоро кофские армады пробьются через жалкие остатки аквилонских полков, как таран военной галеры сквозь пену на волнах.

Надо было ждать и удерживать кипящую столицу. Над восточными башнями вставало солнце, и на фоне розового неба безобидно мелькала черная точка, быстро увеличивающаяся в размерах: нетопырь... нет, пожалуй, уже орел.

Измученный вопль потряс городские стены, когда над ними возникло существо, известное людям из полузабытых легенд, а когда оно снизилось и село на зубец башни — со спины его слез человек. Создание прошлого взмыло в воздух и вскоре скрылось из виду. Люди протирали глаза, но свершившееся не было миражем — на башне высилась огромная полунагая окровавленная фигура, державшая в руке широкий и длинный меч. Из людских глоток вырвался единодушный рев:

— Король! Это — король!

Арпелло окаменел. Потом, оправившись от ужаса и удивления, он выхватил меч и с криком бросился на Конана. Киммерисц легко парировал удар, отбросил свое оружие и, схватив пеллийца за волосы и пояс, поднял над собой извивающееся тело.

— Забирай свою подлость домой — в Ад! — прорычал он и швырнул принца в стопятидесятифутовую бездну.

Толпа расступилась, и падающее тело рухнуло на землю, разбрызгивая кровь и мозг, и замерло в лопнувшем панцире, как растоптанный жук. Арбалетчики шарахнулись от окон и в панике попытались скрыться в дворцовых садах, но из дворца выскочили запершиеся там члены королевского совета, яростно рубя бегущих.

Пеллийские рыцари кинулись врассыпную, ища спасения на улицах города, но окружившая всадников чернь стащила их с коней и разорвала в клочья. Город кипел; тут и там можно было видеть шлем, возвышавшийся над взлохмаченными, непокрытыми головами, одинокий меч, бешено крутящийся среди леса копий и рогатин, и надо всем происходящим раздавались мольбы о милосердии и кровавожадный вой тысяч глоток, заглушавший предсмертные стоны.

А на площадке башни стояла обнаженная фигура со сложенными на груди руками и смотрела на людской водоворот, сотрясаемая взрывами

зычного хохота — смеха, одинаково издевательского для черни, принцев и королей...

4

Солнце, склонившееся к горизонту, бросало гаснущие отблески на воды Тибора — реки, омывающей южные бастионы Шамара. Ослабевшие защитники города понимали, что немногим из них суждено увидеть рассвет завтрашнего дня, и наслаждались в последний раз панорамой заката.

Шатры осаждавших покрывали равнину, подобно снежным завалам. Малый числом гарнизон Шамара не мог воспрепятствовать захватчикам перейти броды; соединенные между собой лодки образовали шаткий мост, по которому вражеские орды и перебрались к городу.

Страбон не отважился углубиться внутрь аквилонской территории, имея за спиной Шамарскую твердыню, и ограничился посылкой вглубь страны отрядов легковооруженной конницы, для грабежа и паники, а сам в это время принялся за строительство осадных машин.

Флотилия Амальруса встала на якорь у городских стен. Некоторые галеры были разбиты вдребезги огромными валунами из башенных баллист, но большинство осталось невредимо, и с носа и кормы лучники вели непрерывный обстрел, прикрываясь соломенными матами. О шемитских лучниках говорили, что они рождаются с луками в руках, и никто не может превзойти их в меткости. Катапульты метали через стены камни и бревна, утыканные гвоздями, легко сносившие стены домов и убивавшие мирных жителей.

Тараны непрестанно били в ворота, отряды землекопов кротами вгрызались в землю, подводя подкопы для закладки мин; ров переполняли камни, земля и трупы людей и лошадей. Толпы воинов под стенами рубили топорами преграды, тащили лестницы, толкали осадные башни, гнущиеся под тяжестью копейщиков — и все это несмотря на бросаемые камни и смолу, льющуюся из громадных бочек.

Город утратил надежду, и лишь полуторатысячный гарнизон по-прежнему стоял насмерть против сорокатысячной армии. Вести не долетали до этой далекой пограничной крепости, и известно было лишь о гибели Конана — о ней все время громко кричали осаждавшие. Участь города была решена, несмотря на крепость стен и отчаянную отвагу защитников. Западная стена уже рухнула под напором тарана, и на ее развалинах закипел яростный рукопашный бой, а падение башен оставалось лишь вопросом времени.

Захватчики готовились к последнему штурму. Запели рога, выровнялись закованные в сталь шеренги; обитые свежесобранными бычьими

шкурами осадные башни с зловещим грохотом покатались к стенам. Гарнизон отчетливо видел королевские знамена Офира и Коф; возлених просматривался шуплый высокий Амальрус в золотом вооружении, мускулистый Страбон в агатовом панцире, а между ними, внушая страх самым отважным, стояла худая фигура жреца в развевающейся одежде.

Копьеносцы рекой расплавленной стали потекли вперед, рыцарская конница шла на рысях, склонив к земле украшенные флажками копья. Воины на стенах перевели дыхание, крепко сжав в ладонях рукояти окровавленных, зазубрившихся мечей — и поручили души свои Митре.

Но неожиданный рев рога прорезал шум битвы, а грохот подков заглушил лязг оружия.

Со склонов невысокой горной гряды, окружавшей равнину с севера, не жалея шпор и пригнувшись в диком страхе к конским гривам, мчались отряды легкой конницы Страбона. И за их спинами солнце сияло на стальных панцирях — шла тяжеловооруженная конница. А над головами рыцарей развевался по ветру большой королевский штандарт Аквилонии.

Неистовый вопль радости вознесся к небесам из уст защитников города. Воины дружно ударяли мечами по щитам, жители — мещане и ремесленники, купцы и проститутки, нищие и дамы в богатых одеяниях — все, плача, пали на колени и со слезами шептали благодарные слова Митре.

Страбон и его наместник Арбанус отдавали беспорядочные приказания, пытаясь развернуть штурмующие полки и отразить неожиданное нападение.

Темнолицый монарх криком пытался вдохновить своих офицеров.

— Нас больше! У них нет резервов за холмами! А если гарнизон отважится высунуть нос — у нас хватит пехоты! Это пуатэнцы! — Троцero бросился в безнадежный бой, теща свою рыцарскую гордыню!

И крик перебит был изумленным воплем Амальруса.

— Я вижу графа Троцero, вижу его капитана Просперо...

НО КТО СКАЧЕТ МЕЖДУ НИМИ?!

— Иштар, спаси и сохрани! — прошептал бледнеющий Страбон.

— Это же король Конан!..

— В своем ли ты уме?! — взвыл Тсотха, от волнения приподнимаясь на стременах. — Уже несколько дней Конан сидит в брюхе Сатки!

Внезапно он умолк, дико тараща глаза на аквилонские полки, спускающиеся с холмов. Взор не обманывал мага — и он не мог не узнать всадника в черных золоченых доспехах на огромном вороном коне, стлавшемся в бешеном галопе под штандартом Аквилонии.

Крик ярости вырвался из уст Тсотха-ланти, клочья пены упали на бороду; Страбон впервые увидел чародея в подобном состоянии и на всякий случай отъехал в сторону.

— Это колдовство! — вопил Тсотха, дергая себя за бороду. — Даже сбежав из подземелья, невозможно за такой срок добраться до столицы

и, тем более, сколотить армию! Я чувствую проклятую руку Пелиаса! — и будь проклята глупость моя, пощадившая врага ради мук унижения!..

Оба короля испуганно переглянулись, услышав страшное имя чернокнижника, уже десять лет числившегося мертвым. Паника владык передалась подданным — все узнали всадника на вороном коне.

Злоба перекосила лицо Тсотха-ланги, увидевшего сломанный строй дрогнувших войск союзников. Догадываясь о причинах суеверного страха, овладевшего солдатами, он крикнул: «Вперед! Все равно мы сильнее! Сегодня вечером мы встретим победу на руинах Шамара!»

Жрец воздел руки к небу и воззвал голосом, леденящим кровь:

— О Сет! Пошли нам победу! Клянусь, что пять раз по сто шамарских девственниц обограт кровью твой алтарь!

Приближающаяся армия уже спустилась на равнину. За рыцарями шли отряды хмурых всадников на крепких коренастых лошадках. Выйдя на простор, они спешили и встали плечом к плечу: отдельно — приземистые боссонские лучники, отдельно — яростные гундеры-копьеносцы с длинными светлыми волосами, выбивающимися из-под шлемов.

Полки, сформированные Конаном за эти безумные часы, представляли собой довольно пестрое зрелище.

Он начал с того, что отогнал озверевшую кровожадную толпу от пеллийских отрядов — и приобрел благодарную испытанную пехоту. За Троцеро ринулся гонец на самом быстром коне с приказом мчаться во весь опор в столицу. Юг был прочесан в поисках рекрутов — и тарантийская знать отдала своих людей в распоряжение короля.

Деятнадцать сотен тяжеловооруженных рыцарей встали под штандарты Аквилонии, и ядро их составляли закаленные бойцы из Пуатен. За счет пеллийцев, новобранцев и отрядов вельмож было сформировано пять тысяч лучников и четыре — копейщиков.

И сейчас эта армия, невеликая числом, но твердая духом, стояла на шамарской равнине. Впереди лучники, за ними торчали копья гундеров, и замыкала строй тяжелая конница.

На скалы их щитов неумолимым приливом накатывалась армия союзников. И у жителей Шамара на стенах дрогнули сердца, когда они увидели малочисленность поддержки.

Замысел Арбануса уповал на численное превосходство — смести пехотой заслон Конана и открыть путь для сокрушительного удара бронированной кавалерии. Пятьсот шагов, четыреста — и дождь шемитских стрел закрыл солнце. Но на пути смертоносного ливня стояли лучники Запада, закаленные в тысячелетних войнах против диких пиктов. Они невозмутимо шли вперед, смыкая ряды над павшими. Их луки уступали шемитским в дальнобойности — но в меткости они не уступали никому. Панцири боссонцев были крепче, и крепче была их дисциплина и боевой дух. Подойдя на триста шагов, боссонцы послали впереди себя убийственный град стрел. Легковооруженные шемиты валились ряд за рядом. Не выдержав, они бросились враспынную —

открыв для обстрела идущих позади кофских копьеносцев, пытающихся спешно выйти на дистанцию рукопашного боя. Кофцы прошли сквозь стрелы и столкнулись с дикими гундерами, уроженцами самых северных провинций Аквилонии, рожденными для строя пехоты.

Родина гундеров граничит с Киммерией, и люди ее не зря гордятся самой чистой гиборейской кровью.

Кофцы, ряды которых весьма поредели от боссонских стрел, недолго смогли выдерживать напор гундеров и в страхе побежали. Страбон зарычал от бешенства, видя бегущую пехоту, и отдал приказ трубить атаку рыцарей. Напрасно Арбанус старался остановить его, указывая на лучников, напрасно советовал временно отступить — Страбон окинул взглядом конницу противника, выглядевшую горсткой приговоренных к смерти, и приказал трубить.

Арбанус поручил свою душу Иштар и поднял золотой рог.

Земля задрожала от конского топота. Полки мчались вперед, давя копытами своих и чужих, и грудью встречая напор стрел боссонцев, не обращая внимания на летящую смерть — и через секунду они должны были врезаться в ряды лучников.

Дождь смерти собирал обильную жатву. Широко расставив ноги, боссонцы стояли плечом к плечу и в ритме коротких окриков натягивали луки и спускали тетиву.

Свалился первый ряд рыцарей. На их напшигованные стрелами тела валились другие, ломая ноги лошадям, предоставляя лучникам возможность стрелять, почти не целясь.

Все завертел адский водоворот, Страбон отдавал одни приказания, Амальрус — другие, а войсками овладел страх при виде человека, которого они считали мертвым.

Конан кивнул трубачу. Тот поднес к губам витой рог и протрубил сигнал. Ряды пехоты расступились, и вперед пошла аквилонская конница. Столкнувшиеся полки, казалось, пошатнули своим грохотом бастионы Шамара. И орды союзников не выдержали удара стального клина, ошетилившегося копьями. Их шеренги были сметены, и в центр прорвались рыцари из Пуатэн, рубя направо и налево страшными двуручными мечами. Клинки гремели по панцирям, подобно тысячам молотов, рушащимся на наковальни.

Даже воинов на башнях и стенах города оглушил грохот жуткого сенокоса. Их взгляды устремились туда, где меж сверкающими лезвиями разсвалились на шлемах пышные султаны, где видны были летящие знамена.

Пал Амальрус, разрубленный огромным мечом Просперо, и тело его свалилось под конские копыта.

Толпы офицеров кружили вокруг неполных двух тысяч всадников Конана и не могли разорвать аквилонский строй. Гундеры и боссонцы, расправившись с остатками бежавшей пехоты, сомкнули ряды и кинулись в самую гущу, беспощадно разя стрелами и копьями.

Конан, мчащийся во главе ударного отряда, издал боевой клич и стал описывать круги мечом, от которых не спасал ни шлем, ни панцирь. Путь его был отмечен кровью и смертью, он несся подобно молнии, прорубая дорогу к бледному Страбону, окруженному гвардией.

Здесь решалась судьба сражения, потому что Страбон по-прежнему обладал численным перевесом, и умелое командование способно было решить исход. Видя своего заклятого врага, подошедшего на длину удара, король Коф с криком махнул топором, высекавшим искры из шлема киммерийца; но Конан привстал на стременах и тяжелый меч его обрушился на голову Страбона. Шлем лопнул вместе с черепом. Конь убитого истошно заржал, встал на дыбы и помчался по полю, волоча мертвое тело. Отчаянный вопль вырвался из уст кофской гвардии, их ряды смешались. Троцero со своими людьми мгновенно прорвался к своему королю, и вскоре большой штандарт Коф зашатался и упал.

Внезапно до ушей сражающихся донеслась многоголосица боевого клича, разнесшегося по равнине. Защитники Шамара открыли ворота и кинулись в отчаянную атаку на почти брошенный вражеский лагерь, рубя охрану, поджигая и валя осадные башни. И эта капля переполнила чашу.

Армия союзников прекратила свое существование, ища спасения в паническом бегстве. Пытаясь уйти от беспощадных преследователей, они кинулись к кораблям, но перепуганные зажигательными стрелами экипажи подняли якоря и отвели флотилию к противоположному берегу. Часть бегущих успели выскочить на мостик из лодок, но горожане перерубили канаты, и лодки понесло течением. Битва превращалась в резню. Захватчики гибли на побережье или тонули под тяжестью доспехов. Ранее они не давали пощады врагам и теперь не рассчитывали на подобное по отношению к себе. Поле покрылось трупами от подножья холмов до круч Тибора, а вода окрасилась кровью.

Около двух тысяч рыцарей пошли с Конаном на юг, и едва пятьсот из них пережило битву под Шамаром, чтобы гордиться шрамами, а лучников и копьеносцев осталось еще меньше. Но среди горстки перебравшихся через лодки — среди них был Тсотха-ланти, несшийся, как ветер, на большом, странного вида коне. Ни одна лошадь не могла сравниться с ним в скорости. Давя копытами кого попало, жрец выскочил на тот берег. Оглянувшись, маг увидел летящего за ним черного всадника; лодки уже начали дрейфовать, но Конан прищепил коня и вынудил его прыгать с лодки на лодку. Тсотха было начал говорить заклинание, но заржавший от напряжения вороной в последнем отчаянном усилии достиг берега. Маг повернул странного коня и понесся прочь, а за ним — размахивающий мечом Конан.

И так неслись они — охотник и добыча — и не мог вороной ни на фут приблизиться к беглецу, хотя и напрягал до пределов выносливости каждый нерв. Солнце клонилось к закату, шум битвы стихал за плечами.

Неожиданно на горизонте показалась точка, постепенно превращающаяся в большого орла, упавшего на шею коня Тсотха-ланти. Перепуганный зверь заржал, встал на дыбы и сбросил всадника.

Тсотха вскочил и повернулся к подъезжающему Конану. Глаза его неестественно блестели, а лицо казалось дикой маской бешенства. В каждой ладони жрец сжимал нечто блестящее, и король понимал, что все, что держит маг — смерть. Киммериец соскочил с коня и пошел на врага.

— Вот мы и сошлись снова, чародей! — злобно засмеялся варвар.

— Держись подальше от своей смерти! — по-шакальи взвизгнул Тсотха. — Я сдеру кожу с твоих костей! Не в твоей власти победить мага! Даже разрубленный на куски, я срastусь вновь для того, чтобы отправить тебя во тьму! Вижу, вижу руку Пелиаса — но я, Тсотха, сын...

Хищно прищурившись, Конан прыгнул, и меч его сверкнул в лучах заходящего солнца. Тсотха взмахнул рукой, но король уклонился, и тусклый шарик пролетел мимо шлема и упал далеко позади, вспыхивая адским пламенем, плавя песок. Но прежде чем поднялась левая рука мага, свистнул широкий меч, и голова Тсотхи упала на песок. Из перерубленной шеи взвился фонтан крови, а тело в белых одеждах зашаталось и сползло наземь. Но черные бешеные глаза продолжали таращиться на варвара, не теряя яростного блеска; а руки шарили вокруг, пытаясь наощупь найти срубленную голову.

И тогда, шумя крыльями, вновь упал с неба гигантский орел, впился когтями в истекающую кровью голову и взмыл в небеса.

Конан застыл на месте, услышав смех, вырвавшийся из груди птицы — страшный смех Пелиаса-чернокнижника.

Но это еще не было концом сегодняшнего ужаса, потому что обезглавленный труп поднялся с земли и, вытянув руки, побежал за точкой на темнеющем небе, удалявшейся со все большей скоростью.

Окаменевший киммериец стоял и смотрел вслед бегущей фигуре, постепенно исчезающей в вечерних сумерках.

— Во имя Крома! — простонал изумленный король. — Да поглотит Ад все чародейские штучки! Пелиас поступил со мной по справедливости, но не хотел бы я встретиться с ним еще раз... Лучше уж иметь в руке благородный честный меч и порядочного врага, в которого этот меч можно всадить! Проклятье! Чего бы я сейчас не отдал за кувшин старого вина...

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

Конану теперь сорок-сорок пять лет, он захватил столицу Аквилонии и в самозащите задушил короля Нумедидеса на ступенях его трона. Он сам претендует на трон и становится королем самой великой гиборийской нации.

Однако, жизнь короля отнюдь не сплошная радость и солнечный свет. В течение года придворный поэт Ринальдо сочиняет выдающиеся баллады, в которых он превозносит "мученика" Нумедидеса. Аскаланте, граф Туны, собирает группу недовольных и с помощью варваров намеревается свергнуть короля Конана с трона. Конан обнаруживает, что улюдей короткая память, и что корона тоже не всегда приносит радость.

1

Темнота и тишина, предшествующие рассвету окутывали башни. В одном из темных переулков, в лабиринте запутанных улочек, вышли четыре фигуры из одной из дверей, которую украдкой открыла для них темная рука. Эти четверо ничего не говорили. Плотнo закутавшись в плащи, они торопливо пошли вперед и бесшумно исчезли в темноте, как призрачные убийцы. За ними, в пустоте открывшейся двери, мелькнуло лицо, оба глаза на котором сверкали злобой.

— Они уходят только в ночь, создания тьмы, — произнес насмешливый голос. — О, вы, глупцы, судьба следует за вами по пятам, как кровожадная собака, однако вы и не подозреваете об этом.

Говорящий закрыл дверь, запер ее, повернулся со свечой в руках и вышел в коридор. Это был мрачный гигант, темная кожа которого выдавала его стигийскую кровь. Он вошел в комнату, в которой на диване, как усталый кот, лежал высокий худой мужчина, одетый в поношенную бархатную одежду и потягивал вино из тяжелого золотого бокала.

— Ну, Аскаланте, — сказал стигиец, отставляя свечу. — Ваши оборванцы, как крысы, полезли из всех щелей на улицу. Странные у вас помощники, инструменты.

— Инструменты? — возразил Аскаланте. — Но именно инструментом они считают меня. Уже целый месяц, с тех пор, как разразилось восстание, меня вызвали сюда с Южного Берега и я живу здесь среди врагов, днем укрываясь в неприметном домике, а ночью прокрадываюсь по темным переулкам. И я достиг того, чего не смогли достичь самые

известные из дворян. Через них и других, из которых только немногие видели мое лицо, я подорвал все государство. Короче говоря, я подготовил свержение короля, который в сиянии славы сидит на троне. О, Митра, я же был государственным деятелем, прежде чем меня объявили вне закона.

— А оборванцы, которых вы предоставили самим себе, используют вас?

— Они до сих пор думают, что я служу им и дальше будут думать также — пока мы не выполним возложенное на нас задание. Кто они такие, чтобы сравняться с Аскаланте? Вольмана, карликовый граф Карабана; Громель, скромный главнокомандующий Черного Легиона; Дион, жирный барон Атталуса; Ринальдо, слабоумный придворный поэт. Я тот, кто собрал их в одном стойле, однако из-за тона, которым они говорят со мной, я их раздавлю, когда придет время. Но все это в будущем. Сегодня ночью король умрет.

— Несколько дней назад я видел королевские эскадры, выезжавшие из города, — сказал стигиец.

— Они отправились к границе. Эти язычники пикты совершили нападение — благодаря крепкой водке, которую я контрабандой отправлял на границу, чтобы подстегнуть их, используя богатство Диона. А Вольмана позаботился о том, чтобы убрать с дороги остатки королевских отрядов. При помощи своей высокородной родни он легко уговорит Нуму из Нумедии пригласить к себе во двор графа Трокуро из Понтаинии, сенешаля Аквилонии. И как подобает высокородному сану, он возьмет с собой королевский эскорт, а так же Просперо, правую руку короля Конана. Итак, в городе останется личная гвардия короля — и, конечно, черный легион. При помощи Громеля, я заколю главного офицера. Около полуночи охрана будет отозвана от дверей в королевскую спальню.

Потом мы с шестнадцатью моими самыми храбрыми людьми проскользнем через тайных ход в замок. Даже если народ не примет нас с ликованием после того, как дело будет сделано, Черного Легиона будет достаточно, чтобы удержать город и корону.

— А Дион воображает, что он сможет взойти на трон?

— Да. Этот жирный дурак утверждает, что трон принадлежит ему, потому что в его жилах есть следы королевской крови. Конан совершил большую ошибку, за которую он поплатится жизнью. Ошибка заключается в том, что он удалил от двора всех, кто принадлежит к древней династии.

— Вольмана снова может получить благосклонность короля, со звоном монет, которые ему щедро отсыпят, как это было при старом режиме, в результате чего он сможет навести прежний блеск на свои владения. Громель ненавидит Поллантида, главнокомандующего Черных Драгунов и жаждет командования над всеми силами. Эту цель он преследует с упорством боссонца. Ринальдо — единственный из нас, у кого нет личных

амбиций. Он видит в Конане грубого варвара с окровавленными руками. Он идеализирует короля, которого Конан убил из-за короны. Он помнит только то, что тот изредка поощрял искусство и забыл о всей несправедливости и бесхозяйственности его правления — и он заботится о том, чтобы народ тоже забыл об этом. Уже открыто поют хвалебные песни Нумедидесу, в которых Ринальдо до небес превознес этого мошенника и проклинает Конана, этого дикаря с черным сердцем из “мрачного ада”. Конан смеется, но народ ропщет.

— Почему он ненавидит Конана?

— Поэты всегда ненавидят тех, кто имеет власть. Для них совершенство всегда находится за ближайшим углом. Они бегут от действительности в свои мечты о прошлом, или о будущем. Ринальдо — фанат идеализма. Он верит, что нужно свергнуть тиранию и освободить народ. А что касается меня — ну, еще пару месяцев назад я не знал честолюбия и мечтал только о том, чтобы весь остаток жизни нападать на караваны. Однако теперь во мне проснулись новые мечты. Конан умрет, Дион взойдет на трон. Потом он тоже умрет. И так один за одним будут умирать все, кто стоит на моем пути: от огня или стали, или отравленного вина, которое ты можешь так великолепно готовить. Аскаланте, король Аквилонии, как звучит?

Стигийец пожал плечами.

— У меня тоже свои амбиции, — сказал он с нескрываемой горечью. — Рядом с вами я кажусь бесцветным и незрелым. Как низко я пал! Мои старые друзья и соперники недоверчиво раскрыли глаза, если бы смогли увидеть, что Тот-Амон находится в кругу иностранцев, служит в качестве раба поставленным вне закона и поддерживает мелочные амбиции баронов и королей!

— Ты полагаешься на магию и колдовство, я полагаюсь на свой разум и меч.

— Что значат меч и человеческий дух против мудрости Тьмы? — пробурчал стигиец. Его черные глаза угрожающе сверкали, под ними пролегли тени. — Если бы я не потерял кольца, наши роли, может быть, поменялись бы.

— Во всяком случае, — рассержено сказал поставленный вне закона грабитель, — на спине у тебя красные шрамы от моего кнута и, вероятно, к ним добавятся еще и другие полосы.

— Не будьте в этом так уверены! — дьявольская ненависть на мгновение промелькнула в глазах стигийца. — Однажды, может быть я найду кольцо, а потом — во имя змеиной западни Сета! — я рассчитаюсь с вами за все...

Атвилонец, пылая от гнева, вложил все силы в этот удар. Тот-Амон отшатнулся. На его разбитых губах выступила кровь.

— Теперь ты будешь менее бесстыдным, — пробурчал Аскаланте. — Берегись! Я все еще твой господин, который знает о твоей мрачной тайне.

Поднимись на крышу и прокричи, что Аскаланте в городе, чтобы свергнуть короля — если ты отважишься!

— Я не отважусь на это, — пробурчал стигиец и вытер кровь с губ.

— Да, ты не отважишься, — высокомерно улыбнулся Аскаланте. — Потому, что если я умру в результате одного из твоих трюков, один священнико-отшельник в южной пустыне узнает об этом и сломает печать на одном свитке, который я передал в его надежные руки. Как только он познакомится с содержанием свитка, по всей Стигии из уст в уста будет передаваться сообщение. И на юге в полночь поднимется ветер и устремится сюда. Куда ты тогда денешься, Тот-Амон?

Раб вздрогнул и его лицо стало серым.

— Достаточно! — Аскаланте сменил тон. — У меня для тебя есть работа! Я не доверяю Диону. Я прикажу ему ехать в его поместье и укрыться там, пока все не кончится. Этот дурак не сможет сегодня скрыть перед королем своей нервозности. Скажи к нему. Если ты не догонишь его по дороге, тогда скажи дальше, в его поместье и оставайся с ним, пока мы не уведомим его, что он находится вне опасности. Не спускай с него глаз. Он едва соображает от страха и может сделать что-нибудь непредвиденное и даже, охваченный паникой может поспешить к Конану и рассказать ему о нашем заговоре, чтобы спасти шкуру и остаться в живых.

Раб поклонился, скрыв ненависть в своих глазах и сделал то, что приказал ему господин. Аскаланте снова откинулся в постели и начал с удовольствием потягивать вино. Над украшенными драгоценными камнями верхушками башен города взошло солнце.

2

*Когда я воином был, все значил для
меня барабанный бой,
Потому что народ клал мне к ногам
славу и власть.
Теперь я король и мне грозит
опасность
От яда и кинжала убийцы из толпы.*

/ Дорога королей /

Помещение было огромным и роскошно обставленным, с коврами на полированных панельных стенах и на полу из слоновой кости. Высокий потолок был покрыт лепкой и украшен серебряной филигранью. За столом из слоновой кости сидел мужчина, широкие плечи которого и заго-

релая кожа так не подходила к этому роскошному окружению. Он выглядел бы лучше где-нибудь в стенах или в холодных, суровых горах. Каждое движение выдавало в нем гибкость и силу его мышц, управляемых острым умом прирожденного бойца. В нем не было ничего степенного. Или он был совершенно спокоен — неподвижен, как бронзовая статуя — или находился в движении, однако с порывистостью нервов, а с гибкостью кошки, за быстротой движения которой глаза уследить не могли.

Его одежда была из ценной материи, но простого покроя. Он не носил не колец, ни прочих украшений и его подстриженная черная грива удерживалась надо лбом при помощи простого серебряного кольца.

Он положил золотое стило, которым он напряженно писал на специальной дощечке, оперся подбородком на кулак и почти с завистью устремил свои голубые глаза на человека, стоявшего перед ним и занятого в это мгновение самим собой. Это значило, что он зашнуровывал золотые латы на боку, стягивая их как можно туже и при этом насвистывал — не совсем обычное повсдение, принимая во внимание, что он находился в обществе короля.

— Просперо, — сказал мужчина за столом. — Эти государственные дела утомили меня. Это такое чувство, которое я никогда не испытывал, с утра до вечера сражаясь на поле боя.

— Все это теперь твоя обязанность, — ответил черноглазый поита-нец. — Ты — король — и это часть твоих повседневных дел.

— Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобой в Нумедию, — зависть Конана возросла. — Мне кажется, что я здесь целую вечность и прошло много десятилетий, как я сидел на коне. Но Публиус утверждает, что некоторые дела в городе требуют моего присутствия.

— Когда я сверг династию, — продолжил он с товарищеской доверительностью, — мне было действительно легко, хотя все было гораздо труднее, чем сейчас. Однако, теперь, когда я оглядываюсь назад, мне кажутся сном все эти дни тяжелой работы, интриг, резни и испытаний.

А теперь мне не о чем больше мечтать, Просперо. Когда король Нумедидес мертвым лежал у моих ног и я отобрал у него корону я достиг предела своих мечтаний. Я подготовился только к тому, чтобы взять корону, но не к тому, чтобы носить ее. В старые времена моей личной радостью был хороший меч и свободный доступ к моим врагам. Теперь мне кажется не существует никакого прямого пути и меч мне больше не нужен.

Тогда, когда я сверг Нумедидеса, я был освободителем — теперь все презирают меня. Они установили статую этого оборванца в храме Митры и люди плачут, жалуются и бросаются перед ней, молятся, как святому, который нашел мученическую смерть от рук варвара. Когда я в качестве наемника привел вооруженные силы Аквилонии к победе, они великодушно забыли, что я чужак, однако теперь они не могут простить мне этого.

Теперь они воскурят благовония и зажигают свечи перед статуей Нумедидеса, даже те, на кого положили глаз его палачи, или те, кого он изувечил, а так же те, чьих жен или дочерей он забрал к себе в гарем. Эти нерешительные глупцы!

— В этом большей частью виноват Ринальдо, — ответил Просперо. — Он поет крамольные песни и подстрекает народ. Заточите его в его дурацком костюме в какую-нибудь башню, пусть он поет там свои песни коршунам.

Конан потряс своей львиной гривой.

— Нет, Просперо, это не имеет смысла. Великий поэт сильнее, чем король. Его песни могут сделать больше, чем мой скипетр. Я знаю по своему опыту, потому что чувствую это сердцем, что он сдастся и будет петь для меня. Я умру и меня забудут, но песни Ринальдо будут жить дальше.

— Нет, Просперо, — продолжил король. — За этим скрывается нечто большее, чем видно снаружи. Я чувствую это! Так же, как в юности я знал, что в высокой траве спрятавшись лежит тигр, хотя я не мог его видеть. Я чувствую какое-то подспудное беспокойство во всей этой стране. Я как охотник у маленького костра посреди леса, который скорее представляет, чем слышит шорохи крадущихся животных и который, напрягши все свои пять чувств, тут и там видит сверкающие глаза хищников. Если бы это было нечто осязаемое, против чего я мог бы выйти со своим мечом. Я говорю тебе это не случайность, что пикты в последнее время стали часто нападать на пограничные области и мы должны просить о помощи боссонцев, чтобы отбить их нападение. Я должен отправиться туда со своим отрядом.

— Публиус опасается заговора. Он думает, что тебя хотят выманить на границу и устроить там западню, чтобы убить тебя, — напомнил ему Просперо, накидывая плащ на блестящее оружие и осматривая в серебряном зеркале свою огромную фигуру. — Поэтому он уговаривает тебя остаться в городе. То, что ты чувствуешь, как ты сказал, это предупреждение и ты обязан этому своим варварским чувствам. Позволить народу роптать! Наемники и армия на нашей стороне, то же самое с Черными Драгунами и каждый способный держать оружие поитанец дал тебе клятву верности. Единственная опасность — это покушение на тебя, но этому помешают твои телохранители, охраняющие тебя день и ночь. Над чем ты, собственно, трудишься?

— Над картой, — полный гордости, ответил Конан. — Придворные карты хотя и не плохи, если речь идет о землях на юге, востоке или западе, но что касается севера, то тут они не точны и ошибочны. Поэтому я сам рисую карту севера. Посмотри вот сюда. Это Киммерия, где я родился. И...

— Асгард и Ванахейм, — Просперо изучил карту. — О, Митра, я считал эти страны почти легендой!

Конан усмехнулся и провел кончиками пальцев по шрамам на своем темном лице. — Если бы ты вырос на северной границе Киммерии, ты бы понял все это лучше. Азгард находится на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии и на этих границах бушует непрекращающаяся война.

— Что это, там, на севере, за люди? — спросил Просперо.

— Они высокорослы, светлокожи и голубоглазы. Их бог — Имир, ледяной гигант и у каждого племени свой король. Они непредсказуемы и дики. Весь день они сражаются, а ночью пьют пиво и орут дикие боевые песни.

— Тогда ты едва ли отличаешься от них, — усмехнувшись сказал Просперо. — Ты много и охотно пьешь и смеешься, и песни, которые ты считаешь лучшими, ты скорее орешь, чем поешь. Конечно, я должен признать, что кроме тебя не знаю ни одного киммерийца, который пил что-нибудь кроме воды, а также ни одного, который смеялся бы и делал бы что-нибудь подобное, когда другие поют печальные песни смерти.

— Это все зависит от страны, которая является вашей родиной, — произнес король. — Есть страны, где нет никаких суровых, частично голых, а частично поросших дремучим лесом гор под всегда серым небом и ветра, который жалобно воет, продувая пустынные долины.

— Нет ничего странного в том, что люди там весьма недружелюбны, — Просперо пожал плечами и подумал о дружелюбных теплых равнинах и ленивых голубых реках своей солнечной родины Поитайна, южной провинции Аквилонии.

— Для них нет никакой надежды, — пробормотал Конан. — Ни для тех, кто будет жить после них. Их боги — Кром и его мрачные братья, владеющие страной Вечных Туманов, Царством Мертвых. Митра, видит Эзир и его боги были мне больше по вкусу.

— Но ты же покинул эти суровые мрачные горы Киммерии, — улыбаясь, сказал Просперо. — Ну, а теперь я должен отправляться. При дворе Нумы я выпью за твоё здоровье кубок изысканного белого вина.

— Хорошо, — пробурчал король. — Но не целуй от моего имени танцовщиц Нумы, если ты не хочешь, чтобы это отразилось на дипломатических отношениях.

Под его сердечный смех Просперо вышел из комнаты.

3

*В подвалы пирамиды крадется в ночи
могучий Сет,
Пока его мрачный народ пробуждается
в тени склепов.
Я говорю старые слова, которые я
прочитал в мрачной глубине—
О великий, могучий Сет, направь
палачей для моей ненависти!*

Солнце зашло и на несколько минут залило золотом зеленый и туманно-голубой лес. Потухающие лучи все еще отражались на толстой золотой цепи, которую Дион из Атталуса непрерывно вертел в руках, глядя на пестрые цветы и на роскошные соцветья деревьев в своем саду. Он беспокойно ерзал на мраморной скамье и украдкой оглядывался, словно пытался захватить врасплох спрятавшегося врага. Дион сидел в центре круга гибких цветов, росших на переплетенных ветвях. По близости журчал источник, а так же другие, рассеянные по всему саду.

Дион был один, если не считать огромной темнокожей фигуры, которая удобно устроилась на скамье неподалеку от него, наблюдая за ним мрачным взглядом. Но Дион не обращал внимания на Тот-Амона. Хотя он знал, что стигиец был рабом, которому Аскаланте полностью доверял, но как и многие богатые люди, он едва обращал внимание на людей, которые ниже его на социальной лестнице.

— Нет никаких оснований для нервозности, — сказал ему Тот-Амон. — Все будет в порядке.

— Как и любой другой, Аскаланте может допустить ошибку, — фыркнул Дион и на его лице выступил пот при одной мысли о такой ошибке.

— Он не сделает ее, — заверил его стигиец с мрачной усмешкой. — Иначе я был бы не рабом, а господином.

— Что это за болтовня? — возмущенно возразил Дион, хотя он прислушивался только в пол-уха.

Глаза Тот-Амона сузились. Несмотря на свое железное самообладание, ему казалось, что он вот-вот лопнет от кипевшей в нем ярости, ненависти и позора, и он был готов использовать самый ничтожный шанс. Он не думал о том, что Дион смотрит на него не как на человека, обладающего душой и разумом, а только как на раба, обращать внимание на которого было ниже достоинства.

— Послушайте меня, — сказал Тот-Амон. — Вы станете королем. Однако, вы не знаете, что происходит в мозгу Аскаланте. Как только Конан будет мертв, вы больше не сможете доверять Аскаланте. Я могу

вам помочь и сделаю это, если вы готовы взять меня под свою защиту, как только возьмете власть в свои руки.

Я знаю это потому, что я большой волшебник. О Тот-Амоне говорят с таким же глубоким уважением, как о Раммоне. Король Ктесфон из Стигии возвысил меня с большими почестями. Он изгнал своих бывших магави, сделал меня своим придворным волшебником. За это они возненавидели меня и боялись меня, потому что я имел власть над существами по ту сторону мира и мне надо было их только позвать, если мне нужна была их помощь. Сет видит, мои враги не имели понятия об этом, когда я посылал эти существа, чтобы они в ночные часы вонзали свои когти в их шеи! Эту мрачную власть давало мне змеиное кольцо Сета, которое я нашел в темном склепе почти в миле под поверхностью земли, где оно было забыто, прежде чем первый человек выбрался на берег морского ила.

Но вор украл мое кольцо и я потерял могущество! Маги объединились, чтобы убить меня, однако, мне посчастливилось бежать. В качестве погонщика верблюда с караваном я отправился в страну Кот, когда на нас напали бандиты Аскаланте. Все в караване кроме меня были убиты. Однако, я смог спасти свою жизнь только тем, что Аскаланте узнал меня и я поклялся служить ему. Таким образом я попал к нему в рабство.

Чтобы удержать меня, он записал мое признание, запечатал свиток и передал его одному отшельнику из Кота. Я не мог отважиться вонзить ему во сне кинжал в сердце или выдать его врагам, потому что тогда отшельник откроет свиток и прочтет его, как это велел сделать ему Аскаланте. И если написанное дойдет до Стигии...

Тот-Амон вздрогнул и его лицо побледнело.

— В Аквилонии меня не знают, — продолжил он. — Однако мои враги в Стигии должны знать, где я нахожусь и мне ничто не поможет, даже если между нами будет находиться полмира и ужасная судьба настигнет меня. Поэтому я открыл вам свою тайну. Только король с его крепостями и вооруженными силами может защитить меня. И однажды я найду кольцо...

— Кольцо? Кольцо? — Тот-Амон недооценил эгоизм этого человека. Дион не обратил никакого внимания на слова этого человека, так глубоко он был погружен в свои мысли. Но слова о кольце ему что-то напомнили.

— Кольцо? — повторил он. — Теперь я вспомнил об этом! Это, должно быть, Кольцо Счастья. Я выкупил его у одного шемитского вора, который утверждал, что украл его у колдуна с далекого Юга, а также то, что это кольцо приносит счастье. Мне захотелось его иметь и, видит Митра, я заплатил за него достаточно. И видят боги, теперь мне понадобится счастье, после того, как Вольмана и Аскаланте втянули меня в свой заговор. Я поищу это кольцо!

Тот-Амон вскочил, кровь ударила в его лицо, а в его глазах вспыхнула ярость, хотя он был поражен, увидев эгоистичную глупость своего собеседника. Дион не обратил никакого внимания. Быстрым движением руки он открыл секретный ящичек в своей мраморной скамье и начал быстро рыться в куче разных безделушек: варварских талисманов, игральных костей, амулетов и тому подобного. Все это будто бы приносило счастье и он собрал это из-за своей суеверной натуры.

— Ага, вот оно! — он с триумфом поднял кольцо великолепной кузнечной работы. Оно было сделано из металла, похожего на медь, имело форму чешуйчатой змеи, которая трижды свернулась кольцами, положив одно кольцо на другое и сунув кончик хвоста себе в пасть. Глазами ее были желтые драгоценные камни, которые злобно блестели. Тот-Амон вскрикнул и Дион обернулся. С широко раскрывшимся ртом и побледневшим лицом он уставился на раба. Глаза стигийца сверкали, он как когти, вытягивал свои темные руки.

— Кольцо! О, Сет! Кольцо! — громко воскликнул он. — Мое кольцо — которое у меня украли!

В руке Тот-Амона блеснула сталь. Он воткнул кинжал в жирное тело барона. Болезненный крик страха Диона перешел в хрипенье и он осел на землю, как гора сливочного масла. До самого ужасного конца он оставался верным своей глупости и умер, так и не поняв почему.

Тот-Амон оттолкнул обмякшее тело, выхватил из рук мертвеца кольцо и забыл об убитом. Он обоими руками держал кольцо и его темные глаза пылали.

— Мое кольцо! — прошептал он в радостном возбуждении. — Я снова обрел свое могущество!

Даже сам стигиец не мог сказать, как долго он простоял неподвижно, с приносящим смерть кольцом в руках, чья ужасная аура повлияла на его опозоренную душу. Когда он закончил свои молитвы, и вернул свою душу из мрачной бездны, в которую ему позволяло заглянуть кольцо, на небе уже появилась луна и бросила длинные тени на спинку мраморной скамьи, перед которой лежало то, что только что было хозяином Атталуса.

— А теперь я покончу с Аскаланте! — прошептал стигиец, глаза которого были красными как у вампира. Он осмотрелся, набрал пригоршню крови из лужи, в которой лежала его жертва, погрузил в кровь глаза медной змеи, пока сверкающая желтизна не насытилась застывающим соком жизни.

— Затемни свои глаза, о волшебная змея, — пел он голосом, от которого у слушателя застыла бы кровь в жилах. — Вбери в них лунный свет и позволь им заглянуть в черную бездну! Что ты там видишь, о Змея Сета? Кого ты призываешь из глубины мрака? Чья тень идет на дрожащий свет? Приведи его ко мне, о Змея Сета!

Круговыми движениями, которые его пальцы снова и снова описывали вокруг исходной точки, он проводил по ясно осязаемой чешуе

Змеинного Кольца, шепча при этом ужасные имена и монотонно читая заклинания, которые мир давно забыл, за исключением самых отделенных мест Стигии, где ужасные фигуры крались в темных склепах.

Воздух над ним начал волноваться, словно в нем появилась огромная рыба. Ледяной ветер пронесся над ним, а потом Тот-Амон почувствовал позади себя что-то, но он не обернулся. Он направил свой взгляд на мраморную скамью перед собой, на которой обозначилась едва заметная тень. Продолжая напевать заклинания, он увидел, что тень выросла и становилась четче, пока не стала совсем четкой. Ее очертания напоминали гигантского павиана. Даже теперь Тот-Амон не обернулся. Из-за своего пояса он вынул сандалию своего господина — которую он уже давно носил с собой в надежде, что когда-нибудь он сможет использовать ее, когда ему повезет — и бросил ее себе за спину.

— Ознакомься вот с этим, раб Кольца! — крикнул он. — Найди того, кто это носил и уничтожь его! Посмотри ему в глаза и взорви его душу, прежде чем ты разорвешь ему горло! Убей его! — после небольшого раздумья он добавил. — И убей всех, кто рядом с ним.

На мраморной скамье, как порождение ужаса, опустился бесформенный череп и как охотничья собака, обнюхал сандалию. Потом ужасная голова снова исчезла. Тот-Амон почувствовал, как чудовище повернулось и как ветер исчезло за деревьями. В адском триумфе колдун возвел руки вверх и его глаза и зубы блеснули в лунном свете.

Постовые снаружи стены в ужасе вскрикнули, когда над стеной пронеслась черная тень с пылающими глазами и исчезла, оставив после себя дуновение ветра. Однако, она исчезла так быстро, что пораженные охранники скоро начали спрашивать себя, было ли это на самом деле, или все это им почудилось.

4

*Когда мир еще юн и люди слабы и
царствуют демоны ночи,
Призвали меня огнем и сталью и
копьем из анчара вступить в бой с
Сетом.
И теперь я лежу в темном сердце по
времени я погребен.
Вы забыли того, кто боролся с змеей и
исконного врага души растоптал?*

Король Конан лежал в большой спальне с высоким позолоченным потолком и видел сон. Сквозь волнующийся серый туман он слышал слабый, словно донесшийся из незримой дали, зов. Он не понял его, но не мог не обратить внимания. С мечом в руке, он наощупь пробирался сквозь туман. С каждым его шагом голос становился все четче, пока он не понял слова, которые ему кричали — это было его имя, проникавшее в его уши через пространство и время.

Туман осветился и он смог увидеть, что он идет по широкому темному коридору, казалось, высеченному в массивной скале. Пол и потолок были отполированы, они тускло блестели, а стены были украшены барельефами древних героев и забытых богов. Он вздрогнул, когда увидел призрачные очертания безымянных богов и каким-то образом он понял, что уже столетия в этом коридоре не появлялся ни один смертный.

Он подошел к широкой лестнице, которая тоже была высечена в скале. Стены шахты были покрыты таинственными знаками, которые были древними и ужасными, что по коже короля Конана побежали мурашки. Ступени были высечены в форме змеи, которой был Сет, так что при каждом шаге нога опускалась на змеинный череп, как это было с давних времен, но он испытывал при этом неприятное чувство.

Однако, голос звал его и, наконец, он прошел через темноту, к странному склепу, в котором на саркофаге сидела белобородая фигура, очертания которой, казалось, расплылись. Волосы на голове Конана встали дыбом, он схватился за меч, но фигура заговорила с ним монотонным голосом.

— О, человек, ты узнаешь меня?

— Во имя Крома, нет! — ответил Конан.

— Человек, — сказал старец, — Я — Эпимитреус.

— Но мудрец Эпимитреус мертв уже пятьсот лет! — выдохнул Конан.

— Слушай, — сказал тот повелительно. — Брось камень в тихую воду и пойдут круги, пока пологие волны не достигнут берега. События в неведомом мире докатили свои волны до меня и пробудили меня от дремоты. Я увидел и выбрал тебя, Конан из Киммерии. Великие события

и большие дела отметили твой путь. Однако, стране грозит несчастье, против которого меч будет бессилён.

— Вы говорите загадками, — сказал Конан. — Покажите мне моего противника, чтобы я мог размоzzить ему череп.

— Обрати свою варварскую ярость против врагов из плоти и крови, — посоветовал ему старец. — Я должен защитить тебя не от людей. Слушай: существуют темные миры, которые едва ли может представить себе смертный и в которых повсюду рыскают бесформенные чудовища — демоны, которые можно вызвать из темных глубин, чтобы те принимали ужасные формы и по приказу черной магии убивали выбранные жертвы ужасными способами. В твоём доме, о король, притаилась змея — да, в твоём королевстве гадюка. Она явилась из Стигии с темной мудростью теней в черной душе. Как спящему снится змея, ползущая возле его кровати, я чувствую пользующееся дурной славой присутствие неофита Сета. Он обладает ужаснейшей властью и змеи, которых он насыляет на своих врагов, весьма возможно, могут положить конец твоему царствованию. И я вызвал тебя чтобы дать тебе оружие против него и его адской своры.

— Почему именно мне? — смущенно спросил Конан. — Легенда гласит, что вы дремлете в черном сердце Голамира, и в случае крайней необходимости ваш дух воспарит на своих невидимых крыльях, чтобы помочь Аквилонии. Но я... варвар, а не аквилонец.

— Не задавай вопросов! — голос раздавался под темными сводами. — Твоя судьба прочно связана с Аквилонией. Кровожадный колдун не должен изменить предназначение королевства. Давным-давно Сет обвился вокруг мира как удав вокруг своей жертвы. Вся моя жизнь продолжалась три человеческих жизни, и все время я боролся против него. Я преследовал его, загнал его в тайник на юге, однако в темной Стигии люди все еще почитают его, который является врагом человечества. И так, как я борюсь против него и против его поклонников, я делаю это. Протяни свой меч!

Конан удивленный повиновался. Старец обоими пальцами описал возле рукоятки странный символ, а на широком клинке нарисовал фигуру, заплывавшую в темноте белым огнем. В следующее мгновение старец и склеп исчезли и Конан пораженно вскочил с постели. Неподвижно стоя на полу и раздумывая над странным сном, он вдруг осознал, что в своей правой руке он крепко сжимает меч. По коже у него пробежали мурашки, потому что на клинке его меча было выгравировано изображение: контуры феникса. Тут он вспомнил, что в своем сне он видел в склепе подобную скульптуру и он спросил себя, действительно ли она высечена из камня. Непроизвольная дрожь пробежала по его спине.

Крадущиеся шаги перед дверью полностью вернули его к действительности. Не задумываясь, он скользнул в латы. И он снова стал варваром, недоверчивым, бдительным, как серый волк.

5

*Я ничего не знаю о вашей роскошной
жизни; о сплошном обмане и
неверном свете.
Я появился на свет в дикой стране, где
следует быть быстрым и сильным.
И нет ни страха, ни игры интриг,
которые в конце концов побеждают
меч,
Так нападайте, вы, черви — и вас
встретит, хоть в королевской
мантии, но человек.*

По тихому коридору королевского замка крались двадцать закутанных человек. Мягко ступая подошвами, босыми или обернутыми в мягкую кожу, они прошли по коврам, а местами по каменным плитам. Факелы бросали на них мерцающий свет, на их кинжалы, мечи, острые клинки их боевых топоров.

— Тише! — прошептал Аскаланте. — Кто это дышит так предательски громко? — Офицер охраны отозвал большинство часовых с их постов, а остальных снабдили вином, так что к этому времени они уже должны быть пьяны. Но, несмотря на это, мы должны быть осторожны. Эй, назад! Идет отряд охраны!

Они спрятались за барельефами колонны. И мимо них прошли десять гигантов в черных доспехах. Они с сомнением глядели на офицера, который отозвал их с постов. Спрятавшиеся заговорщики видели, что лицо офицера было бледно и он дрожащей рукой отирал пот со лба. Он был очень молод и предательство давалось ему нелегко. Втайне он проклинал свою страсть к игре, которая, хотя и ему была обещана огромная сумма денег, сделала его жертвой в руках политиков-заговорщиков.

Клаца сапогами, отряд исчез в коридоре.

— Хорошо, — произнес Аскаланте. — Теперь Конан спит без охраны. Поспешим! Если нас застанут, пока мы его убиваем, нам придется плохо. Однако только немногие станут возбуждать против нас дело за убийство короля.

— Да, поспешим, — прошептал возбужденно Ринальдо, голубые глаза которого блеснули как клинки меча, которым он размахивал. — Мой ловкий любимец испытывает жажду. Пожиратели падали уже собрались! Быстрее вперед!

С беззаботной поспешностью они бросились бежать вдоль коридора, потом остановились перед позолоченной дверью, украшенной королевскими драконами и гербом Аквилонии.

— Громель! — прошептал Аскаланте. — Открой дверь!

Гигант вдохнул воздух и со всей силой бросился на створку двери, которая затрещав, прогнулась под ударом. Он снова ударил по ней. Засов сломался, дерево лопнуло и дверь распахнулась.

— Внутрь! — воодушевленно воскликнул Аскаланте.

— Внутрь! — проревел Ринальдо. — Смерть тиранам!

Однако, они остановились, словно вросли в пол, увидев перед собой стоящего Конана. Не полуголого, не проснувшегося, которого в неведении можно зарезать как барана; перед ними стоял бдительный варвар в латах, с обнаженным мечом в руке.

На мгновение все замерли: четыре предводителя мятежников стояли на пороге разбитой двери, а толпа диких бородатых фигур позади них. Все они казались широкоплечими гигантами со сверкающими, как лед глазами, мгновенно отбирающими мужество у любого противника. Однако, в это мгновение Аскаланте увидел на столике возле королевского ложа серебряный скипетр и узкий золотой обруч, являющийся короной Аквилонии и жадность победила в нем все остальное.

— Вперед, негодяи! — проревел он. — Он один, а нас двенадцать и на нем нет шлема!

Это было правдой, у Конана не было времени надеть шлем, украшенный перьями, а также зашнуровать латы по бокам и даже для того, чтобы сорвать со стены массивный щит. Несмотря на это, Конан был защищен лучше, чем любой из противников, за исключением Вольманы и Громеля, на которых были полные латы.

Король глянул на противников сверкающими глазами и спросил себя, кто это может быть. Он не узнал Аскаланте, потому что лицевая пластина его шлема была опущена, Ринальдо надвинул на самые глаза свою шляпу с широкими полями. Однако, теперь было не время думать над этим. Заревев — и рев этот отразился от потолка — предатели ринулись вперед, а Громель был впереди всех. Он мчался, как бык, опустив голову, далеко вытянув меч, чтобы ударить короля в живот. Конан прыгнул ему навстречу и со всей тигриной силой и ловкостью ударил нападавшего. Широкое лезвие просвистело в воздухе и обрушилось на шлем боссонца. Лезвие и шлем разбились, и Громель упал на пол. Конан отпрыгнул назад, сжимая в руке обломанную рукоятку меча.

— Громель! — фыркнул он. В его глазах появилось удивление, когда лопнувший шлем открыл лицо нападавшего. Однако, остальной сброд ринулся на короля. Острие кинжала скользнуло по ребрам, лезвие меча блеснуло перед его глазами. Лево́й рукой он отшвырнул в сторону человека с кинжалом, он обломком меча, похожим на кинжал, ударил в висок другого противника и размо́зжил ему череп. Тот мертвым рухнул на пол.

— Пятеро к двери! — рявкнул Аскаланте, прыгая вокруг сражавшихся. Он боялся, что Конан может пробиться и ускользнуть через дверь. Негодяи ненадолго отступили назад, когда их во́жак схватил нескольких из них и толкнул к единственной двери. Во время этой пере-

дышки Конан шагнул к стене и сорвал с нее древний боевой топор, который висел там с полсотни лет.

Спиной к стене он встал перед сомкнувшимся полукругом нападающих, потом прыгнул в центр. Он не стал ждать, пока он сомкнется, а предпочел напасть сам, целенаправленно выбирая противника. Любой другой в его положении был уже мертв и Конан тоже не рассчитывал на то, что ему удастся ускользнуть, но он хотел до этого убить как можно больше противников. Им двигала его варварская душа и неслышимые для других военные песни звучали в его ушах.

Он отпрыгнул от стены, его топор опустился вниз и поверг одного из негодяев, на пол с отрубленным плечом, а на обратном пути разможил череп второго. Один из ударов мечом просвистел над ним, однако смерть хотя и была на волоске от него, прошла мимо. Киммериец был так гибок, что его движения трудно уловить. Как тигр перед павианами он прыгнул, отскочил в сторону и повернулся, представляя из себя трудную для поражения цель, а его боевой топор, блестя, описывал круг смерти.

Спустя некоторое время нападающие яростно бросились на него. Однако, они могли бить только вслепую и их количество мешало им самим. Потом они внезапно отступили назад. Это свидетельствовало о ярости и ловкости короля, хотя раны на руках и ногах Конана кровоточили.

— Подлецы! — проревел Ринальдо и сорвал шляпу с головы. Его глаза дико сверкнули. — Вы боитесь сражения? Может быть, деспот должен остаться в живых? На него!

Он ринулся вперед, на Конана, кипя от ярости. Однако, Конан теперь узнал его. Коротким ударом он отбил меч, потом он изо всей силы толкнул его обратно и тот упал на спину, на пол. В это время кончик меча Аскаланте оцарапал левую руку Конана и негодяй смог спастись от удара мстительного боевого топора только пригнувшись и отскочив назад. Толпа снова ринулась на короля. И его топор свистел в воздухе, делая свое дело. Бородатый негодяй нагнулся и обхватил руками ноги Конана, чтобы уронить его, но с таким же успехом он мог уронить каменную башню. Взглянув вверх, он увидел обрушившийся на него топор, однако уже уклониться не мог. Тем временем его товарищ схватив руками свой меч, ударил короля в плечо через латы. Латы Конана наполнились кровью.

Вольмана оттолкнул со своего пути стоящих товарищей и прицелившись, со всей силой ударил в незащищенную голову Конана. Король пригнулся и клинок отрезал черную прядь волос, Конан повернулся на пятках и взмахнул топором. Его лезвие пробило грудной панцирь с левого бока и граф осел на пол.

— Вольмана! — простонал Конан. — Я должен был сразу узнать этого карлика!

Он выпрямился, чтобы встретить нападение Ринальдо, который совершенно безоружный, у которого был только кинжал, ринулся на него. Конан отпрыгнул назад и поднял боевой топор.

— Назад! Я не хочу вас убивать!

— Уми, тиран! — тяжело дыша произнес менестрель и тотчас же бросился на короля. Конан помедлил с ударом, которого он хотел избежать, пока не стало слишком поздно. Только почувствовал кинжал в своем боку, он со слепым отчаянием ударил топором.

Ринальдо упал с разможенным черепом, а Конан отшатнулся назад к стене. Кровь брызнула из-под его пальцев, когда он зажал свою рану.

— На него! — проревел Аскаланте. — Убейте его!

Конан оперся о стену и поднял топор. Он стоял как символ непобедимости, с расставленными ногами, наклонившись вперед, пригнув голову, одна рука оперта в стену, а в другой высоко поднятый над головой топор. Жгуты его мускулов грозили разорвать кожу. Черты его лица искажены маской смертельной ярости. Даже такие беззастенчивые предатели, какими они были, родились и жили в цивилизованном мире, а тот, кто сейчас стоял перед ними, был варваром, более опасным, чем дикий зверь. Они отпрянули назад, подальше от него, потому что даже умирающий тигр может нанести смертельный удар.

Конан почувствовал их неуверенность. Он злобно усмехнулся, оскалив губы.

— Кто хочет умереть следующим? — пробурчал он сквозь прокушенные кровоточащие губы.

Аскаланте прыгнул, как волк, но с невероятной гибкостью он почти застыл в воздухе и упал на пол, чтобы избежать просвисевшей над ним смерти. Он торопливо отвел ноги в сторону и перекатился, когда Конан снова ударил. На этот раз топор вонзился в пол почти на дюйм, ударив возле ног Аскаланте. Еще один отважный бандит выбрал мгновение для нападения. Остальные, колебавшись, последовали за ним. Они намеревались убить Конана, прежде чем киммериец сможет вырвать из пола топор. Но они недооценивали силу короля. Окровавленный топор отлетел вверх и опустился снова. Отважный бандит уже мертвым отлетел к ногам своих товарищей.

В это мгновение пятеро, стоящих у двери, одновременно вскрикнули, потому что на стене неожиданно появилась бесформенная тень. Все, кроме Аскаланте, испуганно вздрогнули при этом. И все, кроме Аскаланте, с криком выбежали в дверь и бросились бежать по коридору.

Аскаланте даже не бросил взгляда через плечо за дверь. Он наблюдал только за раненым королем. Он подумал, что шум сражения разбудил весь дворец и на помощь королю спешат его преданные гвардейцы. Несмотря на это, ему показалось странным, что его бандиты во время своего бегства с таким ужасом кричали. Конан не смотрел на дверь, так как он горящими глазами умирающего волка наблюдал за предателем.

— Все, кажется, потеряно, и, прежде всего честь, — пробормотал он. — Однако, во всяком случае, король умрет стоя... — то, что он хотел сказать, еще не сошло с его губ, потому что бандит использовал то мгновение, когда королю пришлось опустить топор, чтобы вытереть с глаз кровь, и ринулся на него.

Однако, прежде чем он достиг его, он услышал странный звук и чудовищная тяжесть обрушилась на его спину. Головой вперед он упал на пол и острые когти вонзились в его плоть, причиняя чудовищную боль. Он повернулся под своим мучителем и повернул голову. Он увидел прямо перед собой голову из кошмаров. На нем сидела огромная черная тварь, которая не могла быть порождением этого мира. Ее черные зубы приближались к горлу и взгляд пылающих желтых глаз заставлял члены сохнуть.

Эта рожа из-за своей отвратительности не могла принадлежать никакому животному. Она могла принадлежать древней, заколдованной древними силами мумии, которая пробудилась к демонической жизни. В этих ужасных чертах негодяй увидел — как тень в окружавшем его сумасшествии — неясное, но пугающее сходство со своим рабом Тот-Амоном. Однако, потом Аскаланте утратил свой цинизм и с ужасным криком отдал богу душу прежде, чем слюнявые клыки коснулись его горла.

Конан, который вытер кровь с глаз, недоверчиво уставился на чудовище. Сначала он подумал, что на скорчившемся труп Аскаланте сидит собака. Но потом, когда взгляд его прояснился, он увидел что это была не собака, а павиан.

С криком, который напоминал предсмертный крик Аскаланте, он оттолкнулся от стены со всей силой, на которую еще был способен, бросил топор в чудовище, которое ринулось на него. Летящее оружие отскочило от черепа и король от удара пролетел через всю комнату.

Слюнявые челюсти сомкнулись вокруг руки, которую Конан поднял вверх, чтобы защитить свое горло, но чудовище не сделал никакой попытки сразу же убить его. Через окровавленную руку короля оно злобно уставилось в его глаза, в которых обозначился тот ужас, который можно было прочесть в глазах мертвого Аскаланте. Конан почувствовал, как сжимается его душа и покидает его тело, чтобы кануть темные глубины подземного ужаса, в которых мерцал хаос, похищая его жизнь и разум. Глаза чудовища вспухли и стали гигантскими. В них Конан видел мало реальности, только кошунственный ужас, подстерегающий в бесформенной пустоте и черных безднах. Конан открыл окровавленные губы, чтобы криком выплеснуть ненависть и отвращение, однако из его горла донесся только сухой хрип.

Однако, ужас, парализовавший Аскаланте и убивший его, пробудил в варваре ярость. Не обращая внимания на боль, он отполз назад, таща за собой чудовище. При этом его рука коснулась чего-то

и он даже в этом отчаянном положении узнал рукоятку своего сломанного меча.

Он схватил обломок и ударил им изо всех сил как кинжалом. Зазубренное лезвие глубоко проникло в тело чудовища и рука Конана освободилась, когда чудовищная пасть открылась в ужасном крике боли. Короля отшвырнуло в сторону. Когда он поднялся, опираясь на руку, он увидел, что из раны на теле чудовища хлещет мощный поток крови и он извивается в смертных муках, потом чудовище вздрогнуло еще несколько раз и с помертвевшими глазами, застыло на полу.

Конан моргнул, стряхивая с глаз кровь. То, что произошло потом, ему показалось невероятным: огромное чудовище стало расплываться, превращаясь в студенистую массу.

А потом его ушей достиг звук голосов и, наконец, разбуженные придворные — дворяне, придворные дамы, советники и охрана — устремились в комнату. Все задавали друг другу вопросы и стояли на пороге. Черные Драгуны тоже были здесь. Дикая ярость сверкала в их глазах и они ругались на своем родном языке, которого жеманные придворные, к счастью, не понимали. Молодого офицера, отозвавшего охрану от дверей, нигде не было видно, и его так и не нашли, хотя обыскали все королевство.

— Громель! Вольмана! Ринальдо! — выдохнул Публиус, главный советник и заломил свои жирные руки при виде трупов. — Черная измена! За это кто-то будет танцевать на виселице! Позвать охрану!

— Охрана уже здесь, старый ты дурак! — сердито фыркнул Кап-ландидес, главнокомандующий Черных Драгунов, в возбуждении забыв о высоком ранге Публиуса. — Прекрати скулить и лучше помоги перевязать раны короля, пока он не истек кровью!

— Да, да! — вскричал Публиус, который мог составлять великолепные планы, но не был человеком действия. — Мы должны перевязать его раны. Прикажите привести сюда всех придворных врачей! О, мой король, какой это позор для города! Что с вами сделали? Чем мы можем помочь вам?

— Вина! — прохрипел Конан. Его положили на постель. Кто-то поднес к губам полный кубок и король большими глотками осушил его, словно он умирал от жажды.

— Хорошо, — пробурчал он и снова уронил голову на подушку. — От такого сражения пересыхает в горле.

Кровотечение прекратилось и невероятные жизненные силы варвара начали исцелять его тело.

— Сначала позаботьтесь о ране от кинжала на моем боку, — обратился он к главному придворному врачу. — Ринальдо оставил там свою новую кровавую балладу и перо его было остро!

— Мы давно должны были повесить его! — сердито произнес Публиус. — От такого сумасшедшего поэта нельзя ожидать ничего хорошего... Эй, кто это?

Он нервно толкнул носком сапога труп Аскаланте.

— О, Митра! — воскликнул главнокомандующий Черных Драгунов. — Это же Аскаланте, бывший граф Туны! Какой дьявол принес его сюда из пустынного района?

— Почему он застыл в такой позе? — прошептал Публиус, непроизвольно отступив назад и по его спине пробежали мурашки. Другие тоже пораженно умолкли, взглянув на негодея.

— Если бы вы видели то, что видел я, — пробурчал король, несмотря на протесты доктора, — вы бы этому не удивились. Однако, убедитесь сами, там... — он смущенно замолчал, потому что его палец указывал на голый пол. Странные останки чудовища бесследно исчезли.

— О, Кром! — прошептал он. — Адское чудовище превратилось в слизь, из которой оно состояло.

— Король бредит от лихорадки! — прошептал один из дворян. Конан слышал его и не смог сдержать своих варварских ругательств.

— О, Бадб, Морриган, Маха и Немиан! — яростно пробурчал он. — Я не брежу и знаю, что я видел это! Это было нечто среднее между стигийской мумией и павианом. Это чудовище проникло через дверь и негодея Аскаланте сейчас же бросились в паническое бегство от него. Оно убило Аскаланте именно тогда, когда он хотел вонзить мне меч в живот. Потом оно бросилось на меня и я убил его — но я не знаю, как, потому что мой боевой топор отскочил от его черепа как от каменной стены. Но я думаю, что ко всему этому какое-то отношение имеет Эпимитреус...

— Слышите! Он говорит об Эпимитреусе, умершем пять сотен лет тому назад! — украдкой прошептали дворяне.

— О, Имир! — прогремел король. — Я сегодня ночью говорил с Эпимитреусом! Он во сне вызвал меня к себе и я прошел по черному, высеченному в скале коридору с барельефами древних богов и героев к лестнице, ступени которой были высечены в виде змей Сета, потом я достиг склепа. Там находился саркофаг, на крышке которого было скульптурное изображение Феникса...

— Во имя Митры! Лорд Король, замолчите! — эти слова слетели с губ Верхнего Жреца Митры, лицо которого стало пепельно-серым.

Конан откинул голову назад, как лев гриву, и прорычал:

— Что я, раб, чтобы по приказу затыкать свой рот?

— Нет, нет, мой лорд! — Верховный Жрец дрожал всем телом, но не от страха перед гневом короля. — Я не думал оскорблять вас, — он пригнулся к Конану и прошептал ему на ухо. — Мой лорд, это все превосходит человеческое понимание. Только внутренний круг жрецов знает о черном каменном туннеле, выбитом неизвестными руками в

черном сердце горы Коламира и об охраняемом Фениксом склепе, в котором тысячи лет назад был похоронен Эпимитреус. И с тех пор ни один смертный больше не входил, потому что избранные жрецы, унесшие это знание с собой в мотилу, закрыли внешний вход в коридор, чтобы никто больше не смог найти его и сегодня ни один Верховный Жрец больше не знает, где он находится. Только из передающихся их уста в уста рассказов Верховных Жрецов, которые рассказывают это паре избранных, внутри Круга жрецов Митры известна тайна последнего местопребывания Эпимитреуса в черном сердце Коламире. Это основной догмат культа Митры.

— Я не могу сказать при помощи какой магии Эпимитреус вызвал меня к себе, — пробурчал Конан. — Но он говорил со мной и нацарапал знак на моем мече. Каким образом этот символ оказался смертельным для демона, я не знаю, я также не знаю, какой колдун несет ответственность за все это. Однако хотя я и сломал клинок меча о шлем Громея, обломка было вполне достаточно, чтобы убить чудовище.

— Позвольте мне посмотреть ваш меч, — прошептал Верховный Жрец, горло которого пересохло.

Конан взял сломанное оружие и протянул его жрецу Митры. Тот вскрикнул и упал на колени.

— О, Митра, защити нас от Власти Тьмы! — простонал он. — Король действительно говорил с Эпимитреусом! На его мече тайный символ, который никто не в состоянии изобразить, кроме Мудреца — знак бессмертного Феникса, который постоянно охраняет его склеп! Свечу! Быстрее! Посмотрите на то, место, на которое указал король!

Место это находилось в тени одного из сорванных гобеленов. Гобелен оттянули в сторону и свечами осветили пол. И у всех внезапно от ужаса перехватило дыхание. Некоторые упали на колени и молились Митре, другие с воплями побежали прочь.

На полу, там, где чудовище испустило дух, как осязаемая тень осталось большое темное пятно, которое невозможно было удалить никакими средствами. Кровь демона оставила четкий отпечаток его тела и было ясно видно, что такое чудовище не могло появиться на свет в мире обычных смертных. Оно было угрожающим и ужасным, как тени обезьяноподобных богов, которые сидят на алтарях стигийских храмов.

ПОХОД ИЗГОВЕВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Огромный мраморный дворец в Мармбурге со своими шпилями, башнями, куполами, галереями, массивными колоннами отражал красный свет солнца, заходящего за рекой Джаал, и сверкал, как огромный бриллиант. В большом обеденном зале Сигрит, король Бурна и император Серых Стран восседал на троне среди своей знати. Дворяне собрались со всех уголков государства на устроенный королем рыцарский турнир и теперь наслаждались заслуженным отдыхом после дня трудных и не всегда бескровных поединков. Король был огромным мужчиной с густой шевелюрой, светлой бородой и с волевым, как бы высеченным из камня лицом, и все же Голт, юный барон Железных Гор, был по сравнению с ним гигантом. Он на правах победителя нынешнего турнира сидел по правую руку короля. Голт был одет в роскошный камзол, плечи его были широкими, покатыми, грудь выпуклая. Предплечья, на которых выделялись бугры могучих мышц, были толщиной с бедро обыкновенного человека. Сегодня на турнире никто не мог победить его, но сейчас, когда вечер только начался, вино уже сделало то, чего не могли сделать лучшие бойцы империи.

Голт выпил слишком много вина и меда. Капли холодного пота выступили на его лбу, голубые глаза неестественно блестели, речь стала неуверенной, запинаящейся, дважды за последние пятнадцать минут он прикладывался к своему кубку. Когда он потянулся за ним в третий раз, король придержал его руку.

— Тебе не кажется, мой друг, что тебе лучше поесть сейчас, чем пить?

Голт взглянул на своего монарха, в глазах его уже начало двоиться.

— Прошу прощения, Ваше Величество?

Сигрит засмеялся.

— После такого трудного дня, какой был у тебя, слабость поражает даже сильнейших. Вино делает то, чего не смогли соперники.

Голт убрал руку. Он действительно был очень утомлен. Но ему было всего 23 года, он только что превратился в мужчину и не желал слушать ничьих советов, даже короля.

— Я в порядке, — сказал он. — Я в полном порядке.

— Я в этом сомневаюсь. И если ты будешь продолжать пить, тебе придется покинуть нас очень рано, как ни жаль. Мы так редко видим тебя, так далеко лежат твои владения и ты так занят после смерти своего отца и нашего дорогого друга. Управлять огромными поместьями, затем ехать через всю страну, драться на турнире, как ты дрался сегодня — это трудная задача для любого, а ты еще совсем молод. Ты устал больше, чем тебе кажется, и если бы ты не был моим сыном, я приказал бы тебе больше

не пить. Вот... — он пододвинул свое блюдо, полное всяких яств, — поешь, а уж потом можешь продолжать пить.

Голт склонился над едой. Вид ее вызывал в нем отвращение, и все же он понимал, что король прав. Он слишком много пил сегодня. Как сказал Сигрит, ответственность и горе тяжким грузом легли на него. Только в вине он надеялся найти избавление.

Сейчас он собрал все свои силы. Ножом он отрезал кусок жареной оленины, но, поднеся ко рту, покачал головой.

— Я не могу, Ваше Величество.

Сигрит вздохнул так громко, что его было слышно даже в царящем здесь шуме, который производили подвыпившие лорды, рыцари и их дамы.

— Тогда тебе нужна небольшая прогулка по свежему воздуху, — тон его стал повелительным и не допускал возражений, — иди прогуляйся по галерее вдоль висячих садов. Пусть ветер с Джаала освежит твое лицо. Это прояснит твой мозг и возбудит аппетит.

Голт вытер пот с лица рукой, покрытой шрамами, полученными во многих боях. Внезапно он ощутил настоятельную необходимость в прогулке по свежему воздуху.

— Да, как всегда, — слышал он свое бормотание как бы со стороны, — как всегда. Его Величество прав. Я выйду из зала и пойду прогуляюсь, пока голова моя не освежится.

— Хорошо, — сказал Сигрит.

Голт встал и обнаружил, что очень неуверенно держится на ногах. Он не без труда перешагнул через скамью.

— Вернусь через несколько минут, — сказал он и начал пробираться через холм между шутами, трубадурами, охотничьими собаками и всеми теми, кто заполнил пространство между столами.

Однако, не успев дойти до выхода, как чья-то рука коснулась его плеча и остановила его.

— Милорд, — сказал женский голос, — ты уже покидаешь нас?

Голт посмотрел на женщину. Это была опять она: эти огромные темные блестящие глаза неотрывно смотрели на него с того самого момента, как он появился во дворце двадня назад. Они настойчиво преследовали его и можно было безошибочно сказать, чего они хотят. Голт отдернул руку.

— Да, леди Кирена. Но ненадолго, — не в силах удержаться, он окинул ее взглядом с головы до ног; ее волосы цвета вороньего крыла под шапочкой из жемчуга, полную грудь под простой, белой, почти прозрачной тканью, соблазнительный изгиб бедра...

Им владели безумные чувства — желание и страх. Желание потому, что она была совершенно прекрасна и недвусмысленно предлагала ему себя, обещая неопишемое блаженство. Страх, потому что она была женой другого человека.

— Я выпил чересчур много и король отправил меня освежиться. Я иду в висячие сады. Как только туман в моей голове рассеется, я вернусь.

— Такой воин, как ты, имеет право на выпивку, — промурлыкала она. — Разве не так, Гюнтер?

Гюнтер Кирлинг сегодня дважды терпел поражение от юного барона. Он был немного старше барона, но значительно ниже ростом и тоже славился как великолепный боец. Его холодные темные глаза перебегали с жены на Голта.

— Может быть, — натянуто сказал он и вернулся к своему вину.

— Не может быть, а несомненно, — сказала Кирена. — Победителю всегда положен приз. Но ты же не оставишь нас надолго, барон Голт.

— Конечно, — сказал Голт, — я не задержусь, — он повернулся и пошел к выходу.

Сигрит был прав. Холодный вечерний ветерок с Джаала освежил его голову. Голт ходил взад и вперед по галерее вдоль цветущих висячих садов и с этой высоты мог видеть почти весь город.

Город никогда не переставал восхищать его. Его собственные поместья и замки в Железных Горах были по деревенски грубы и нецивилизованны. Здесь же, перед ним раскинулся большой город с широкими улицами и бульварами, чистыми красивыми домами. Даже самые небольшие дома были сделаны из мрамора и выглядели дворцами. Здесь царил покой. Здесь он был чужим. Там, на самом краю империи, откуда он приехал, ему приходилось постоянно вести войны с северными варварами, совершавшими набеги на его земли и замки. Или образование. Сигрит основал здесь центр для распространения знаний, но только самых необходимых. Каждый человек знает, что всеобщее несколько лет тому назад привело к страшной катастрофе. Тогда человек настолько возмнил о себе, что решил занять место среди богов, и боги в гневе свергли мир во мрак. И только теперь люди начали немного приходить в себя. Во всем были виноваты колдуны, и они строго-настрого были запрещены в Бурне и во всех серых странах. Но, конечно, были и такие, кто нарушал запрет Сигрита.

Сейчас, глядя на Мармбург, на последние лучи солнца, заходящего за рекой Джаал и за развалинами старого замка, Голт ощущал необъяснимый страх. Ему казалось, что чья-то рука коснулась его плеча, чьи-то глаза смотрели в его душу. Он понял, чем вызвано это ощущение. Оно было вызвано тем, что он был готов преступить закон Сигрита. На простолюдинов этот закон не распространялся, но Сигрит установил, что жены дворян неприкосновенны, и Голт своим отуманенным алкоголем мозгом понимал, чего он так боится.

Потому что Кирена была рядом с ним с самого момента их первой встречи два дня назад, конечно, не в прямом смысле, но, несомненно она преследовала его, и Голт не был уверен, что сможет долго сопротивляться этому настойчивому желанию. Сейчас он думал об этом, расхаживая взад и вперед по галерее и не торопясь возвращаться в зал. Он понимал, что слишком пьян и не может управлять собой. Им правил сейчас не рассудок, а плотские желания. Быть рядом с леди Киреной в таком состоянии — не значит, подвергать себя страшным мукам, а может...

И поэтому он ходил и жадными глотками впитывал свежий воздух, чистый и сладкий, как будто мир только что родился. И он не торопился вернуться. Он должен протрезветь настолько, чтобы полностью взять контроль над собой. Как хорошо знает Сигрит человеческую натуру! Ведь это он настоял на том, чтобы барон пошел проветриться.

Завтра, размышлял Голт, он должен просить короля о помощи. Теперь он понимал, что должен иметь жену. Женитьба погасит огонь в крови, безжалостно сжигающий его. А к тому же, он теперь барон Железных Гор и должен позаботиться о наследнике. И он попросит короля подобрать ему подходящую жену, такую же одинокую как и он сам. Голт редко имел возможность появляться при дворе и общаться с другими дворянами.

Тем временем, — размышлял он, радуясь, как проясняется в его голове, — тем временем надо не поддаваться искушениям. Сегодня он уже выиграл поединок, и пусть его совесть останется чиста.

До конца галереи Голт повернулся и остановился.

По галерее навстречу ему шла фигура в белом. В сумрачном свете она казалась привидением, но затем он услышал свое имя.

— Милорд Голт?

Это был голос Кирены.

Голт глубоко вздохнул.

— Да, — сказал он.

— Я решила, что тебе хочется пить, и принесла вина, — она подошла к нему, медленно покачивая бедрами и держа в руках большой кубок с вином.

Голт стоял неподвижно.

— Мне кажется, миледи, — услышал он свой голос, — что ты поступаешь неразумно.

Она ласково проворковала:

— Если бы женщины всегда поступали разумно, то люди вымерли бы давным-давно, — и подошла совсем близко к нему.

Он ощутил аромат ее духов и, он выругался про себя, тепло ее тела, Кирена поднесла кубок к его губам.

— Ты выпьешь?

Голт закрыл глаза, глубоко вздохнул, затем снова где-то вдалеке услышал свой голос.

— Да, миледи, я выпью, — и он припал к кубку и сделал большой глоток.

Когда он кончил, Кирена поднесла кубок к своим губам и сделала несколько глотков. Затем она поставила кубок на каменную балюстраду, которая шла вдоль галерей.

— Теперь наши губы имеют одинаковый вкус, — прошептала она, и он почувствовал, как ее руки обвили его шею, как ее пальцы запутались в его волосах. Голт со сдавленным хрипом обнял ее и прижал к себе так сильно, что почувствовал каждую ее линию, каждый изгиб ее податливого тела. Он прижался губами к ее жадному рту.

Он не знал, сколько времени они стояли так, в темноте, мягкой и пахнувшей ароматом цветов. Он знал только, что она зажгла в нем огонь. И было неудивительно, что он не замечал ничего вокруг, пока внезапная жестокая сила не вырвала Кирену из его рук, и в его горло не уперлось острое меча.

— Ты, пес! — прорычал Гюнтер. — Ты, паршивый пес! — и он сильнее нажал на меч.

Голт инстинктивно отступил назад. В глазах его рассеялся туман, и он увидел Кирену, распростертую на полу галереи.

— Ты думаешь, что ты выше законов Сигрита, потому что победил на турнире? Ты знаешь, что сейчас убью тебя? Раздавлю без жалости, как червяка! — меч его был остр, как бритва, и Голт почувствовал, как теплая жидкость стекает по его коже. Еще немного давления и вена будет перерезана...

Голт бросился в сторону и тут же пригнулся. Первый яростный удар Гюнтера чуть задел его плечо, а второй просвистел над головой. Меч барона с шипением выскочил из ножен и метнулся вперед, чтобы скреститься с мечом Гюнтера. Раздался резкий металлический звук. Голт подумал о том, чтобы не убить противника. Он должен только обезоружить его. Он знал, что может это сделать, как сегодня это удавалось ему дважды во время турнира.

Он применил все свое искусство и силы, чтобы потеснить Гюнтера назад и освободить место для маневра. Разгневанный супруг был опасным противником, он проигрывал в силе, но не уступал в искусстве и ловкости. Но все же он не мог сравниться с Голтом, и барон постепенно теснил его вдоль галереи. Дуэль в темноте была чревата многими неожиданностями, могло случиться всякое, и Голт был очень осторожен при каждом ударе, чтобы тот не привел к смерти. Используя все свое искусство, он понемногу оттеснял противника к свету, где он мог бы выбить у него из рук меч. А потом уже извинения, покаяния перед ним и королем — но сначала он должен спасти свою жизнь, так как Гюнтер вознамерился убить его и не желал слушать никаких извинений.

Затем случилось что-то непонятное. Голт ударил, и Гюнтер должен был с легкостью отступить назад и отразить удар. Но вместо этого он вдруг издал какой-то звук и упал вперед. Прежде чем Голт успел убрать меч, он почувствовал на нем тяжесть. Острые наткнулось на кость и Гюнтер издал сдавленный вопль. Лезвие Гюнтера выпало из его рук и со звоном упало на каменный пол. Он опустился на колени, увлекая за собой меч Голта, за который он ухватился руками. По лезвию тонкой струйкой стекала кровь. Гюнтер снова издал ужасный крик и затем, когда похолодевший от всего случившегося Голт выдернул меч из раны, он упал на пол лезвием вниз.

Из темноты раздался страшно возбужденный голос Кирены:

— Милорд, ты убил его!

У Голта перехватило дыхание.

— Клянусь богом, я не хотел этого. Он споткнулся и упал на мой меч... — он посмотрел на Кирену, которая поднялась с пола и стояла там,

где только что стоял Гюнтер перед тем, как упасть. И Голт бессильно опустил меч. — Или его толкнули, — сказал он угасшим голосом.

— Какая разница, — Кирена подошла к нему, и он ощутил ее ароматное дыхание, — он сам напал на тебя, я могу подтвердить, — ее пальцы гладили бицепсы Голта, — и теперь его нет. У него не было детей, и если мы будем вместе, король, несомненно, объединит наши владения... но это не важно. Важно то...

Голт стоял неподвижно с окровавленным мечом в руке почти минуту, а она в каком-то безумии терлась об него всем телом. Затем Голт пришел в себя и отшвырнул ее в сторону еще более грубо, чем это раньше сделал Гюнтер. Он с отвращением сказал:

— Пошла прочь от меня, шлюха!

Она сильно ударилась о колонну. В ее звенящем голосе прозвучал страх и гнев.

— Голт! Ты идиот! Ты знаешь, на что идешь?

Ярость и отвращение в Голте были настолько сильными, что он не мог даже говорить. Наконец, он собрался с силами и с трудом сказал:

— Я отдаю себя на суд королю, — и, не оглядываясь, пошел в обеденный зал.

Хотя юристы и адвокаты были в Бурне, Сигрит ненавидел их, не позволяя им вести важные дела.

— Гиены, — говорил он. — Они сосут кровь народа.

Так что Голта не мог защитить ни один адвокат. Голт знал это, когда после двухдневного заключения, он под охраной шел в тронный зал Бурна.

Зал был огромен. Высокий потолок, разрисованный фресками, поддерживали колонны из радужного мрамора. Солнечный свет проникал через большие полукруглые окна и золотые зайчики отражались от большого трона Бурна в дальнем конце зала, на котором сидел Сигрит, король Бурна и император Серых Стран. Обычно простой, доброжелательный, скромно одетый, сегодня он был одет роскошно, подстать Львиному Трону, на котором он сидел. Он был весь в алом, золотом и белом, на голове золотая корона, вместо скипетра он держал Большой Меч Бурна. Дюжина вооруженных охранников вела Голта по залу, держа мечи наготове. И молодому барону Железных Гор казалось, что это самое длинное путешествие, которое он когда-либо совершал. И когда он приблизился к трону, преклонил перед ним колени, поднялся и взглянул на короля, ему показалось, что он впервые видит этого человека.

Губы Сигрита были плотно сжаты, голубые глаза как бы заглядывали в душу барона, пальцы увешаны кольцами с драгоценными камнями, соперничая в роскоши с усыпанной бриллиантами рукояткой меча. Голт почувствовал, что он не может сказать ни слова, он был полон трепета.

— Ваше Величество, — сказал Альбрехт Вольфсгейм, родственник короля и камергер, — Здесь убийца, Голт, — Альбрехт, весь в черном, стоял рядом с предводителем своей охраны, Эро, полуволом.

Когтистые руки Эро лежали на рукоятке меча и из открытого рта со страшными клыками выглядывал кончик красного языка. Рядом с королем стоял Винчи, капитан дворцовой охраны Мармбурга. Голт хорошо знал и любил его.

— Да, — сказал Сигрит.

Альбрехт развернул свиток.

— Он обвиняется в нарушении королевского закона, в том, что он спровоцировал дворянина Гюнтера Кирлинга на дуэль в стенах королевского дворца. Дуэль была вызвана безнравственным поведением обвиняемого с женой Гюнтера, леди Киреной, дело которой уже рассматривалось в суде. Во время дуэли в стенах дворца обвиняемый убил Гюнтера, который был дворянином и, следовательно, находился под защитой Королевского закона. Такая распушенность нравов и убийство дворянина, как сказано в королевском указе, наказывается смертной казнью.

— Ясно, — сказал Сигрит. — А теперь я хочу, чтобы все оставили нас. Все. Милорд камергер, Винчи, охрана, — его глаза с неудовольствием остановились на полуволке Эро. Их сохранилось много со времен мировой катастрофы, но к ним доброжелательно относились только в герцогстве Вольфсгейм, где они ценились как стойкие и мужественные солдаты. — И ты, добрый Эро, — добавил он, чтобы помощник Альбрехта не почувствовал себя обиженным.

— Но, Ваше Величество, — запротестовал Альбрехт.

— Он безоружен, — король поднял Большой Меч Бурна. — Ты думаешь, я беззащитен?

— Прошу прощения, — пробормотал Альбрехт и рывком приказание охране.

Голт стоял неподвижно, пока они уходили. Их кованные сапоги звенели по мраморному полу. Звуки их шагов эхом раскатывались по залу и затихали под сводами потолка. Когда все вышли и дверь за ними захлопнулась с громоподобным звуком, Сигрит продолжал сидеть неподвижно, пока все звуки не затихли и не воцарилась тишина. Эта тишина показалась Голту совершенно невыносимой. Глаза короля неотрывно смотрели на Голта.

— Ты не сказал ни слова против леди Кирены, — наконец, заговорил король.

— Во всем следует винить только меня, — ответил Голт.

— И понесешь наказание, — холодно сказал Сигрит. — Если бы ты не вел себя по-свински за столом и с ней.

— Ваше Величество правы, — сказал Голт.

— И все же, она тоже виновата в том, что произошло, ее дело уже рассмотрено и она навсегда изгнана из Бурна. Твое преступление гораздо тяжелее. Нарушить королевский указ прямо в стенах дворца, убить дворянина — ты знаешь, как я неумолим в таких случаях.

— Знаю, сэр.

— И если у тебя нет веских оправданий, ты заплатишься своей головой.

Голт долго стоял молча. Было, конечно, обидно, постыдно, ужасно умереть такой глупой смертью, и хорошо, что его отец умер и не видит этого позора. И когда Голт обдумал все, что произошло с ним за последние два дня, он почувствовал, что у него нет желания жить. Сигрит не мог осудить его так сурово, как он сам осуждал себя. Кровь Гюнтера была на его руках и жить с нею было бы более позорно, чем умереть. И он заговорил:

— Сэр, мне нечего сказать.

Сигрит сидел неподвижно. Затем он вздохнул и яростно выругался.

— Будь ты проклят, горячая голова!

— Сэр...

— Молчи, если тебе не дали разрешения говорить!— гневный голос Сигрита прозвучал как удар грома. Он взмахнул мечом и вскочил с трона. Сбросив с плеч горностаевую мантию и сняв с головы корону, он соскочил с возвышения и начал расхаживать по залу. Он стискивал в руке Большой Меч.

Голт стоял, сжав губы, ему было страшно. Ни один смертный не мог смотреть без страха на Сигрита, когда он был в гневе. Затем король остановился, резко повернулся, глаза его метали голубое пламя, рот был перекошен.

— Твой отец,— сказал он,— был моим другом с самого детства. Бок о бок с ним мы сражались во многих битвах против варваров Темных Стран. Не раз его доблесть и воинское искусство спасали мою жизнь, а ты — по всему было видно, что ты должен был стать великим воином, даже более великим, чем твой отец, стать моей правой рукой на северных границах империи, ты, на кого я возлагал надежды, кем гордился как сыном! И ты со своим пьянством и грязной похотью оказался в таком положении!— лицо его побагровело, каждая прядь бороды топорщилась, выражая негодование. Он взмахнул мечом.— Теперь мне придется убить тебя!

— Ваше Величество, если вы этого хотите, я готов,— сказал Голт без всякой напускной бравады. Он был удивлен, что голос его прозвучал твердо и уверенно.

— Ах ты, молокосос!— вскричал Сигрит, приходя еще в большую ярость.— Ты думаешь, что я палач? Если тебе суждено потерять ту глупую погремушку, что сидит у тебя на плечах, то это сделает Большой Меч Бурна. Ты будешь казнен на эшафоте, как обычный преступник.

— Я готов к этому.

Сигрит взглянул на него.

— А почему ты не скажешь, что во всем виновата эта паршивая сука Кирена? Ведь из-за нее все произошло, а мне приходится подвергать тебя наказанию!

— Милорд, я взрослый человек. Я несу ответственность за свои поступки и не возлагаю вину на женщин.

Сигрит долго смотрел на Голта горящими глазами. Затем он глубоко вздохнул.

— Хорошо сказано, — пробормотал он спокойным тоном. — Даже если бы ты возложил вину на нее, это тебе не помогло бы... — он провел ладонями по лицу. — Нет, нет, я не буду казнить тебя. Это было бы слишком легко и просто, — он помолчал, яростно тербя свою бороду. — Я хочу наложить на тебя более суровое наказание. Я потребую от тебя, чтобы ты стал взрослым.

— Ваше Величество? — недоуменно пробормотал Голт. Он решил, что ослышался или неправильно понял короля.

— Да, да! Стать взрослым!!! — прогремел Сигрит, снова впадая в ярость. Затем на лице его мелькнула саркастическая усмешка. — Ты, наверное, думаешь, что это легкое наказание? Скоро ты будешь думать иначе, — затем гнев отхлынул от его лица, глаза стали холодными. — Во-первых, я отбираю от тебя твои владения, — сказал он. — На время баронство Железных Гор переходит в собственность короля.

Это прозвучало как удар по лицу. Никакой физический удар не мог быть страшнее и обиднее. Голт отшатнулся.

— Ваше Величество...

— На время! — рявкнул Сигрит. — Пока ты не докажешь, что стал взрослым мужчиной, — губы короля искривились. — Ты ведь считаешь себя великим воином? Я тебе дам возможность сражаться досыта. Идем со мной, — рука короля схватила Голта за предплечье и толкнула юношу вперед.

Удивленный Голт, подталкиваемый королем, подошел к небольшой двери за троном. Сигрит распахнул ее, толкнул Голта острием меча.

— Сюда! — рявкнул он.

Дверь за ними закрылась. Голт в изумлении осмотрелся вокруг. Он даже не подозревал о существовании этой комнаты.

Она была отделана мрамором, как и весь дворец. Роскошные ковры украшали ее. Через высокие окна с толстыми матовыми стеклами сюда проникало много света. Но Голта больше всего поразило содержимое комнаты. На мраморных стенах были искусно нарисованы карты. Масштаб их был таким, что на них были обозначены малейшие подробности. В промежутках между картами у стен стояли огромные шкафы, забитые тяжелыми книгами в кожаных переплетах. Такого количества книг Голт еще никогда не видел. В другом углу комнаты зисела прекрасная лютия.

Говорили, что Сигрит очень искусный музыкант и виртуозно владеет этим инструментом. Тут и там по комнате были разбросаны безделушки, взятые в качестве трофеев во время постоянных войн с северными варварами. В другом углу стоял письменный стол, заваленный листами пергамента. На столе лежали приготовленные для работы гусиные перья и стояла золотая чернильница.

— Слушай внимательно! — рявкнул Сигрит, видя, что Голт стоит с открытым ртом. Он прошел к дальней стене, на которой была нарисована карта. Голт сразу узнал, что на ней изображено. Это была империя Серых Стран, раскинувшаяся через весь континент от моря до Великих Гор на

востоке. На север от империи были расположены Темные Страны, заселенные дикими варварскими племенами. К югу от Серых Стран располагалась Страна Света, прекрасная страна, где, как говорили, процветали науки и искусство. Эта страна давно оправилась от той страшной катастрофы, в которую был ввергнут весь мир. Голт видел, что Серые Страны и Бурн, лежат между Темными Странами и Страной Света. Сигрит всей своей военной мощью оберегал пробивающиеся ростки знаний от темных северных варваров, которые ради наживы и грабежей втоптали бы прекрасную страну в грязь.

Кончик Большого Меча, который Сигрит использовал как указку, путешествовал по карте.

— Мармбург, — напряженно сказал он. Кончик меча пошел дальше, перешел границу, которая отделяла Серые Страны от Темных. — Страна варваров, — затем указка пошла вправо, дальше вправо. Здесь уже была область, где были обозначены только самые большие горы, реки и озера. В основном, это было пустое пространство, где фантазия художника поселила драконов и прочих сказочных чудовищ. Это была Терра Инкогнита — Неизвестная Земля.

— А здесь, — сказал Сигрит, остановив движение меча, — неизвестная земля.

Что-то в голосе короля заставило Голта затаить дыхание.

— Да, — сказал он.

— Ты знаешь рассказы об этой стране? — глаза Сигрита буквально сверлили барона.

— Да, сэр. Неизвестная Земля. Отделена от ваших владений и страны варваров, Великими Топями Кушна. Она объявлена ничьей землей. Согласно слухам, она населена чудовищами, химерами, порождениями огня и льда, и еще кое-чем похуже.

— Да, возможно. А может быть, там хорошие леса, богатые пастбища, медь и железо, серебро и золото, или другие сокровища, которым нет цены, — король спустил меч. — И я думаю, что там скрываются те, кто бежал от карающего меча нашего закона, преступники, колдуны, маги, чье искусство я объявил вне закона в моем государстве. Никто не знает, что там на самом деле.

Он опустился в кресло.

— Два года назад я решил присоединить эти земли к своей империи. Я тайно послал туда экспедицию под руководством Барта, кузена дюка Вольфсгейма и прекрасного воина. В отряд входила сотня опытных солдат и несколько ученых. Их миссия заключалась в том, чтобы найти путь через топи, войти в Неизвестную Страну, исследовать ее богатства и объявить ее владением Бурна, — он замолчал, и комната погрузилась в тишину на целую минуту. — С тех пор я не получил от них ни единой весточки.

Голт не сказал ни слова. Но надежда пробуждалась в нем. Надежда и возбуждение.

— Больше я не желаю рисковать людьми, — сказал Сигрит, тщательно выговаривая каждое слово, — но в данном случае... — он посмотрел на Голта.

— Но в данном случае, моя жизнь ничего не стоит, — быстро сказал Голт, — она все равно потеряна.

— Да, — сказал Сигрит, с облегчением, — так или иначе, твоя жизнь потеряна.

— Когда мне выходить? — выпалил Голт.

— Подожди. Ты еще не знаешь условий. Я сказал, что не хочу рисковать людьми, но ты не можешь идти один. Тебе нужны люди, но я не хочу жертвовать своими солдатами. Люди... — он замолчал.

— Что люди? — с тревогой спросил Голт.

Сигрит долго молчал. Затем ответил:

— Ты убийца. Следовательно, тебе будет не на что жаловаться, если я поставлю тебя во главе армии таких же, как ты. В тюрьмах Бурна мы наверняка найдем сотню человек, осужденных на смерть, которые предпочтут идти с тобой в Неизвестную Страну, чем встретиться с палачом.

Голт разинул рот.

— Но, Ваше Величество...

— Я же сказал, что не хочу жертвовать своими солдатами, — свирепо ответил Сигрит. — Воры, насильники, убийцы, все отребье королевства! Вот твоя армия, барон Голт! Поход с ними или тюрьма и топор палача — вот твой выбор! Найди путь через топи, исследуй Неизвестную Страну, выясни судьбу лорда Барта и его людей! Затем возвращайся назад, и ты получишь прощение, не только прощение, но и возвращение твоих владений! — он встал. — Правда, скорее всего, ты сложишь голову где-нибудь там. Но решай сам.

Опять в комнате воцарилась тишина. Лицо короля казалось высеченным из мрамора, глаза Голта были прикованы к карте, к тому месту, где на ней было пустое пространство, заселенное воображением художника различными чудовищами, воображаемыми или реальными, кто знает?

— Ну? — сказал Сигрит. — Ну?

— Я пойду, — ответил Голт, — и попытаюсь выполнить волю Вашего Величества.

Король отвернулся.

— Это не своей волей я посылаю тебя в такой путь. Это закон.

В его голосе отчетливо слышалось горе. Затем он встал и взял руку Голта.

— Но если ты сможешь сделать это... если сделаешь это, барон Голт, ты заслужишь больше, чем прощение, больше, чем возвращение своих земель, — он глубоко вздохнул. — Ты заслужишь мою благодарность. И... мою любовь.

— Значит, я буду не напрасно рисковать, — сказал Голт. — Когда Ваше Величество желает, чтобы мы выступили в поход?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эту ночь, находясь под домашним арестом, Голт спал в своей спальне королевского дворца, и ему снился дом.

Старкбург, древняя крепость в Железных Горах. Во сне он снова видел могучие башни, которые вонзались в темнеющее вечернее небо, как гигантские пальцы. Крепость была выстроена высоко в горах, а фундаментом служили огромные камни самих гор. Это был неприступный бастион холода и каменных глыб, вздыбившихся из глубин самой земли. При дневном свете эти укрепления, башни, большая стена, опоясывающая город, чтобы защитить его от нападения снизу, казались серыми и невыразительными.

Но на восходе или закате солнца, когда его лучи освещали крепость под углом ярким светом, горы, в которых было много железной руды, начинали сверкать и весь замок окрашивался в сияющие цвета, которые постепенно переходили в кровавый горящий алый цвет.

Голт стонал, ворочался. Он видел семейное гнездо и гордился им. Видел широкие плодородные поля в предгорьях, видел темные леса, где с малых лет он охотился на зверей. Видел раскиданные укрепленные деревни, где каждый крестьянин был хорошо обученным солдатом, готовым по первому звуку трубы вступить на защиту своего гнезда от вторжения варваров или нападения таинственных существ, которых много расплодилось на земле после всемирной катастрофы. Это было самое сильное и мощное укрепление во всем Бурне, оно закалялось в жестоких битвах, которые вели многие поколения предков Голта. Теперь же, подумал он в полупробуждении, он всего этого лишился в результате пьяной глупости. Но он должен вернуть все назад, во что бы то ни стало.

Он отбросил одеяло, поднялся и в одной сорочке принялся расхаживать по комнате. Он выпил холодной воды из графина. Правда, он предпочел бы что-нибудь покрепче, чтобы прогнать черную депрессию и отчаяние, стиснувшие его душу, но под рукой ничего не оказалось, так как король запретил давать ему спиртное. Он выпил еще воды и, наконец, так как рассвет уже близился, умылся и оделся в одежду, в которой он мог бы появиться при дворе. Затем он подошел к огромному окну и распахнул его, глядя на Мармбург, раскинувшийся перед ним и просыпающийся на рассвете.

Лучи солнца освещали каменные дворцы и весь город казался россыпью драгоценных камней. Свежий воздух трогал его лицо. Голтпил его большими глотками. Непроизвольно его левая рука поглаживала могучие мышцы правой.

“Хорошо, — подумал он. — Жребий брошен, теперь уже не имеет значения, что выпадет, орел или решка. Я должен отбросить всю жалость к себе и всем сердцем отдаться делу, которое мне поручено. Если возвращение баронства Железных Гор зависит от этой сильной и искусной

руки, то дело не так уж безнадежно. Сколько бы воли и сил не потребовал этот поход в неизвестное, я найду их в себе”.

Решение было принято, и настроение сразу улучшилось. Принесли завтрак, и Голт поел с аппетитом. Затем его вызвали к королю, и он шел через лабиринт коридоров широким уверенным шагом. Голова его была гордо поднята, плечи расправлены.

В большом холле не было никого, кроме короля, одетого в охотничий наряд и развалившегося на троне, и старика, в красно-коричневых цветах армии Бурна. Старик стоял рядом с королем, приземистый, толстый. На голове его были совсем седые волосы. Голт опустил на колени, затем поднялся и посмотрел на своего монарха.

Король махнул рукой.

— Ты, конечно, знаком с моим генералом Вальдхером.

— Да, сэр, — поклонился Голт, — он был другом моего отца, и они вместе участвовали в сражениях.

— Верно, — сказал король. — Именно поэтому я решил, что он должен заменить тебя в баронстве, пока ты отсутствуешь. Ты дашь ему письма управляющим и капитанам, что он будет править вместо тебя. Его слово будет таким же законом, как и твое, и ему должны подчиняться, как и тебе, беспрекословно.

— Хорошо, сэр, я сделаю это, — Голт почувствовал приятное облегчение и приступ нежной любви и преданности к своему королю. Ведь при дворе много таких дворян, которые были способны на все, чтобы получить в свое владение такое богатое поместье, как баронство Железных Гор. И даже если бы он вернулся с победой, пришлось бы приложить немало усилий, чтобы выдворить их оттуда. Но Вальдхер был умен, честен и ему можно было довериться без опасения. И, как бы в подтверждение этому, генерал заговорил:

— Милорд, ты понимаешь, что я неохотно берусь за это дело. Меня заставляет только необходимость.

Он помолчал, задумчиво поглаживая седые волосы.

— Но я могу заверить тебя, что мое правление будет справедливым и человечным и, насколько я смогу, мудрым.

— Я не сомневаюсь в этом, сэр. Я только прошу иметь в виду, что по традиции, мой народ имеет более широкие свободы. Мы все там, в Железных Горах, пограничники, и нас трудно вставить в обычные рамки. Но они подчиняются дисциплине, конечно, в тех пределах, в которых находят ее разумной и необходимой, — он повернулся к королю и продолжал: — Благодарю вас, сэр, за столь мудрый выбор. Теперь мой разум будет свободнее, а рука — сильнее.

— Этого я и хотел, — сказал Сигрит. — Благодарю, генерал, ты можешь идти. Мне нужно еще поговорить с бароном Голтом.

Вальдхер поклонился и вышел. Развалившись на троне, король ковырял кончиком кинжала в зубах. Он лукаво взглянул на юного барона.

— Ну, как? Твое мужество еще сохранилось? Твоя решительность еще не исчезла?

— Сэр, если бы мой отряд был уже готов, я бы выехал немедленно. Чем скорее начать, тем скорее кончить.

Король улыбнулся, очевидно, довольный.

— Я же сказал, что хочу, чтобы ты выехал как можно быстрее. Все приказы уже отданы, лошади, мулы, снаряжение — все уже готово. Ты можешь сам убедиться, что в этом смысле я сделал все, чтобы ты мог добиться успеха. Раз уж я не рискую людьми, то с радостью отдаю деньги, — он нахмурился. — С тобой здесь при дворе есть свита?

— Да, Ваше Величество. Линднер, капитан рыцарей, и с полдюжины оруженосцев, лажей... Я хочу отослать их в Старкбург вместе с генералом Вальдхером.

— Они уедут. За исключением... — король залез в карман камзола и достал лист бумаги. — Что ты думаешь об этом послании? Я опушу все формальности, которые идут в начале, и с которыми оно адресуется к нам. Перейду прямо к содержанию.

Он держал лист далеко от глаз. Ведь лет ему было уже много, и зрение его было не таким острым, как в молодые годы.

— ... и как Ваше Величество знает, я заслужил во многих битвах награды, которые получал из ваших рук. Поэтому я осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой. Это был я, кто по поручению его отца вложил меч в его руки, впервые дал поводья в руки молодого барона. Я обучал его воинскому искусству, которым он неоднократно и успешно служил империи. И за это я прошу вашей милости. Я прошу разрешения не нарушать моей клятвы, данной его отцу. Я поклялся, что никогда не оставлю молодого барона, что всегда буду ехать с ним навстречу любой опасности, оберегая его своим мечом. Поэтому я прошу милостивого разрешения Вашего Величества сопровождать барона Голта в его походе в Неизвестные Страны.

Король опустил бумагу.

— Подпись, — сказал он, — Линднер, капитан Голта, барона Железных Гор.

Голт проглотил слюну. Затем он покачал головой.

— Сэр, я прошу, чтобы вы отказали ему. Вы сказали, что поход очень опасен и вы не хотите рисковать никем, кроме меня, так как моя жизнь все равно потеряна. Я очень любил Линднера, который действительно был моим отцом. Я люблю его, может, всего лишь немного меньше, чем родного отца, упокой господи его душу. Из всех людей он единственный, чьей жизнью я не хочу рисковать. Я не хочу брать его с собой, а кроме того, генерал Вальдхер будет нуждаться в нем. Откажите ему, пожалуйста.

— Я не могу, — сказал Сигрит. — Линднер заслужил это право своей службой короне. Но если ты хочешь, ты можешь не брать его. Он ведь на службе у тебя. Если ты не хочешь, чтобы он сопровождал тебя, просто скажи ему.

Голт покачал головой.

— Я не могу сделать этого. Не лицом к лицу. Не прямо в глаза.

Король засмеялся.

— Он честно служил тебе?

— Он не раз спасал мне жизнь.

— Тогда я думаю, он должен ехать. Твоя жизнь представляет большую ценность, и этот поход очень важен для империи, а он зависит от твоей жизни. Но все же, решение остается в твоих руках, — он громко хлопнул в ладоши. — Капитан Линднер!

Зашевелилась портьера. Голт повернулся и увидел человека в шлеме, кольчуге и кожаном плаще, из-под которого был виден меч. Лицо Линднера было жесткое, суровое, с серыми глазами, которые постоянно были настороже, чтобы опасность не застигла врасплох. Он был таким и в молодые годы, а сейчас ему было больше сорока. Он улыбнулся Голту и поклонился ему.

— Так как король согласился с моей просьбой, а ты признал, что не можешь сказать “нет”, то я полагаю, что все улажено и я еду с тобой?

Голт посмотрел на него.

— Черт побери, Линднер, ты вступил в заговор с королем.

— Так я еду? — глаза Линднера встретились с глазами короля.

Голт расслабился, рассмеялся, хлопнул Линднера по плечу.

— Хорошо, Линднер, едем.

Линднер усмехнулся.

— Отлично.

Послышался голос Сигрита:

— Ну, с этим покончено. Линднер, передай дюку Вольфсгейму, чтобы через час все приготовленные к смерти узники были под сильной охраной, и в цепях выстроены на площади возле тюрьмы. Там ты и твой господин подберете себе нужных людей.

Линднер поклонился и, бросив взгляд на Голта, вышел.

— Ну, а теперь, — сказал король, поднимаясь с трона, — остается уладить еще одно дело. Но это дело секретное. Идем.

Он снова привел Голта в забитую книгами и увешанную картами комнату. Указав молодому человеку на кресло, король уселся на край письменного стола, все еще поигрывая кинжалом. Он испытующе смотрел на Голта, затем кивнул, как бы согласившись со своими размышлениями.

— Я решил рассказать тебе дело величайшей секретности.

В голосе короля было что-то такое, от чего дрожь пробежала по телу Голта.

— Веришь ли ты, или имел ли когда-нибудь дело с колдунами? Магами? Волшебниками? — Сигрит наклонился к Голту, пристально глядя на него голубыми горящими глазами. — Скажи мне.

Голт помолчал. Затем покачал головой.

— Сэр, у меня нет никакого опыта в таких делах. Вы ведь запретили появляться им в империи. Я тоже запретил их в своих владениях.

— Конечно, — король поднялся, начал рассказывать по комнате. — Я сделал это потому, что я не верю... а, может, потому, что верю...

— Но, Ваше Величество, это бессмысленно.

— Магия и колдовство обманывают все ощущения человека, насмеваются над его чувствами, превращают их в ничто! Вера в колдовство открывает большие возможности перед нечестными людьми с обычными способностями играть на суеверии людской массы, обманывать людей. Законы природы человека предсказуемы. Их легко можно установить и на их основе создать законы справедливости, гуманности, честности. Законы магии, если они существуют, не знают никаких пределов рациональности, они хаотичны и, следовательно, работают против любого порядка. Поэтому я издал закон, по которому в Бурне и Серых Странах магия и колдовство запрещены и колдуны изгнаны из государства. Это, — рывкнул он, — положило конец анархии в моем государстве, где правит закон и порядок!

— Да, сэр.

— И все же, — король яростно мерил шагами комнату, — и все же... кто знает? Ведь, как говорят легенды, именно колдуны своими заклинаниями и каббалистическими штучками вызвали мировую катастрофу, которую человечество едва пережило. Говорят, что в древние времена были великие колдуны, которые могли вызвать всемирный пожар, послать с помощью своих заклинаний несчастных людей на Луну или звезды, могли видеть через время и пространство! Обо всем этом говорят старые легенды, и пусть эти опасные знания погибнут, если они, конечно, когда-либо существовали.

Потрясенный услышанным, Голт смотрел на короля.

— И еще говорят, что существует искусство еще более древнее, чем то, которым занимаются эти колдуны. Искусство, которое берет начало у истоков самого времени. Искусство, которым колдуны пренебрегают и над которым насмеются, хотя почему люди, сделавшие то, что чуть не уничтожило мир, могут насмеяться над тем, что более могущественно, чем они сами со всем своим искусством. Легенды, говорящие о древнем искусстве, рассказывают о происхождении самой вселенной. Они здесь, — он показал на книги в шкафах, — здесь я нашел их. Эти книги очень старые, никто не сможет сказать, когда они были написаны. Говорят, что они были записаны на листах металла, спрятанных в каменных глыбах, и только катастрофа — всемирный пожар — открыла их миру. В них рассказана история Камня Могушества!

Голт озабоченно заморгал.

— Черо, Ваше Величество?

— Камня Могушества! — рот Сигрита искривился в улыбке. — Отвратительная, но увлекательная история. Она здесь, — Сигрит вытащил старый том в обложке из буйволовой кожи. — Я много дней и ночей изучал ее. С того самого дня, когда древний старик, хотя он был достаточно молод, чтобы иметь дочь, ребенка, пришел ко мне.

Он замолчал, а Голт боялся прервать молчание.

— Я был молод, и не так хорошо знал жизнь, как сейчас. Этот старик, который назвался Ганоном, однажды откуда-то появился со своим ребенком и попросил у меня аудиенции. Через некоторое время я встретился с ними и он заявил, что он занимается древними искусствами. Как я понял, это магия, колдовство, некромания.

— Ясно, — сказал Голт, хотя ему ничего не было ясно.

— Вместе со своей дочерью он принес маленькую шкатулку, оправленную в серебро, так он сказал мне. Он объяснил мне, что лежит в ней, но в таких выражениях, которых я не мог принять в те дни. Тогда я не верил ни во что, что не мог попробовать пальцем, — он глубоко вздохнул. — Я с тех пор многое повидал, многое узнал и теперь не столь ортодоксален, как раньше, — король сел. — Этот старик сказал, что в шкатулке находится талисман. Он похож на кусок камня и называется Камень Могущества. Его происхождение, как сказал он, затеряно где-то в древности, у истоков Вселенной. Но это не обычный земной камень, сказал он, и не драгоценность, нечто совсем другое. Говорят, сказал он мне, что до Всемирного Пожара, до катастрофы, на Земле была жизнь. И тогда камень назывался разными именами — Философский Камень, Святой Грааль и другими. Этот камень был объектом бесчисленных поисков, но тогда не знали, что искать. Тех, кто знал, как выглядит камень, было очень немного и они были объединены в тайные общества, в которых тайна свято хранилась. Но камень обладал огромным могуществом.

Голт сел прямо. Слышать о существовании могущественной магии от человека, который запретил ее, было очень странно.

— Тот, кто обладал этим камнем, приобретал мощь и неуязвимость в битвах. Он называл и имена, которые я никогда не слышал, которые затерялись в вихрях истории, но все они были могущественные воины. Некоторые из них я потом вспомнил. Один из них, по имени Александр, с помощью камня, который он получил в дни своей молодости, когда у него еще не выросли усы, завоевал почти весь мир. Другой, по имени Юлиус, правил там, где теперь столица Страны Света Неорома. Старик говорил еще об одном, чье имя я теперь забыл, но он начал свою карьеру как капрал в армии, а кончил тем, что завоевал полмира. А позже камень перешел еще к одному капралу, вернее, ефрейтору, который был очень близок к тому, чтобы в результате кровопролитных войн, которые велись с помощью странного ужасного оружия, захватить всю Землю. В общем, как я понял, талисман все время попадал в руки нечистоплотных людей и превращал этих людей в оружие завоевания. Все эти люди, в конце концов, терпели поражение, но только в результате того, что хранители камня, члены древней гильдии, снова похищали его. Затем камень снова исчезал, и тот, у кого он оказывался, возносился над миром. И история повторялась; хранители камня снова возвращали его себе, а новоявленный завоеватель погибал. Этот старик был последним из гильдии хранителей. Он почувствовал, что конец его близок, и предложил этот камень мне.

— И, — затаив дыхание, спросил Голт, — вы его не взяли?

— Я не взял его, — снова улыбка перекосила лицо короля. — Я смеялся над ним, не верил, несмотря на все его уговоры. Он сказал мне, что из всех представителей на Земле только мне можно доверить этот камень. Что, возможно, я единственный могу сопротивляться таинственному излучению, которое вселяет в людей жажду власти, завоевания и тирании. И что

он должен поместить этот камень в надежные руки до того, как черная рука смерти коснется его, в противном случае он сгорит в пламени, так как не выполнил страшную клятву, которую дал своей гильдии. Так он говорил мне, а я смеялся. Я только что издал первый закон против искусства магии, который запрещал всех колдунов. И мое неверие в колдунов и в магию было максимальным. Но с тех пор... — он снова показал на шкаф, — ностех пор я узнал очень много. Я читал эти древние книги и нашел в них много того, что подтверждало слова старика. Но было уже поздно.

— Было поздно, сэръ?

— Да, — Сигрит вздохнул. — Я уже издал законы, запрещающие магию в моем королевстве, и он исчез. Он, его дочь и Камень Могущества. Они исчезли в Неизвестной Стране, как и все остальные колдуны. С тех пор я ничего не слышал о талисмани, — он прикусил губу. — И это очень досадно. Я, конечно, не верю всему этому, и все же... читая эти книги, я понемногу начал сомневаться в справедливости своего неверия.

Он поднял голову, посмотрел на Голта.

— Ганон, его дочь и Камень Могущества давно исчезли в Неизвестной Стране. Я послал туда Барта, от которого не имею никаких известий. Теперь я посылаю тебя. Ты должен узнать о судьбе Барта. И... у меня есть еще одно поручение. Я хочу, чтобы ты разузнал о судьбе этого талисмана, Камня Могущества, Философского Камня, или как его еще называют. Если ты найдешь его, и он все еще находится в опечатанной шкатулке, то я прошу тебя принести его мне, не распечатывая шкатулки. Пока он находится внутри, он не может ни на кого воздействовать своей магией. Но когда шкатулка откроется, кто знает, какие злые силы и устремления он может пробудить в людях.

Голт добросовестно переваривал все услышанное. Король терпеливо ждал. Затем барон заговорил:

— Ваше Величество, верю я или не верю в силу этого талисмана, но, предположим, я его добуду. Что может меня остановить от того, чтобы раскрыть шкатулку и присвоить все его могущество себе? Вы говорите, что он делает людей неуязвимыми. Если у меня будет этот камень, что может меня остановить от того, чтобы напасть на королевство и захватить власть? Мне кажется, что вы слишком много доверяете мне, возлагаете на меня слишком большую ответственность. Ведь я даже не смог удержаться от вина.

— Я думал об этом, — сказал Сигрит.

— И?...

— Ты молод и горяч, — сказал Сигрит, — но ты честен. И ты слишком много поставил на карту. Не только баронство Железных Гор, но свою честь. А честь много значит для тебя, барон Голт...

— Ваше Величество, я готов положить голову, чтобы восстановить ее.

— Знаю. Следовательно, если ты найдешь камень в шкатулке, я могу верить, что ты не откроешь ее. Таково мое требование. Вернуть шкатулку нераспечатанной. Вполне возможно, что там самый обычный камень, моя

вера в магию не так уж и велика. Но я хочу иметь этот камень, и хочу, чтобы он был тщательно упакован в свинец и серебро. Тогда я смогу заняться им и решить, чего он стоит и как распорядиться им. Ты понял меня?

— Да. Что бы вы не возложили на меня, я выполню, — Голт встал. — Но один вопрос. Когда вы посылали лорда Барта, вы тоже рассказали ему о камне?

— Нет, — глаза Сигрита сверкнули.

— Могу я спросить, почему, сэр?

— Барт — кузен Вольфсгейма. Они оба великолепные солдаты, но оба обладают амбицией и рвутся к власти. Эти качества я старался направить в русло, где они были бы полезны империи. Я не могу сказать ничего плохого об этих людях, но мне все же хотелось бы, чтобы этот талисман не попал в руки Вольфсгеймов. Если он будет у них, то независимо от того, обладает он могуществом или нет, будут большие неприятности. Будь он самым обыкновенным булыжником, а это вполне может быть, они такие люди, что когда камень будет у них, искушение будет слишком сильным и королевство будет свергнуто в жестокую междоусобную войну. Нет, о камне я не говорил еще никому, ни Барту, ни Вольфсгейму. Я сказал тебе потому, что хочу иметь этот камень сейчас здесь, в Мармбурге, надежно укрытым от всяких посягательств. Если ты найдешь его, ты принесешь его сюда.

Голт помолчал.

— Ваше Величество...

— Да?

— Предположим, Барт уже нашел этот камень.

Сигрит подумал.

— Вряд ли. Ведь он ничего об этом не знает. Более того, я думаю, что Барт погиб. Если бы он нашел камень, то он наверняка объявился бы здесь тем или иным способом, но...

Сигрит вздохнул. Он бросил кинжал, который воткнулся в письменный стол и торчал там, покачиваясь.

— Если камень у Барта, ты должен отобрать его. Если Барт ищет его, ты должен найти его первым. Голт, я хочу этот Камень Могущества. Ты должен принести его мне.

Голт кивнул.

— Сэр, если он существует и если я смогу найти его, он будет здесь.

— Хорошо, — Сигрит сделал паузу. — Может, я дурак. Может, мне следовало послать целую армию опытных солдат, чтобы найти его, или вести отряд самому. Может, этот камень ценнее всего на свете. А может, и нет. Игра. И моя ставка в этой игре — барон Голт и отряд изгоев, — он вырвал кинжал из доски стола и сунул его в ножны. — Сейчас ты пойдешь в тюрьму и наберешь себе людей, — он повернулся к двери. — Я еду на охоту, но мне хотелось бы, чтобы ты выехал завтра на рассвете. Я буду у городских ворот, чтобы увидеть твой отъезд. Все остальное я возлагаю на тебя.

— Сэр, — сказал Голт. — Я выеду завтра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прозвучали трубы.

Мраморные ворота королевской тюрьмы широко распахнулись, чтобы принять молодого барона на сером жеребце. Затем эти ворота толщиной в пять футов, наверху которых были установлены острия, отравленные ядом, закрылись за ними.

Голт въехал в широкий двор. Дальше шли ряды барakov, в которых жили преступники. За бараками помещались подземные камеры, где помещались особо опасные заключенные, приговоренные к смерти.

Законы Сигрита были суровы, но справедливы. Как Голт узнал на себе, эти законы были более жестоки к дворянам, чем к простому люду. Ни один человек не приговаривался к смерти, если имелась хоть малейшая надежда перевоспитать его. Ни одна голова не скатилась с плеч, если это не был убийца, насильник, вор или предатель. Ведь среди людей встречаются настоящие хищники, звери на двух ногах, и с ними Сигрит не церемонился, не проявлял по отношению к ним никакой жалости.

Он защищал своих подданных от этих зверей с помощью тюрьмы или топора, и это не мешало ему спать нормально. Но даже эти преступники имели право на обращение в суд. И поэтому они содержались здесь, пока разбиралось их дело, и пока топор палача не покончит с их земными заботами.

Их было больше трех сотен. Немного больше трех сотен людей, которые вскоре должны были взойти на эшафот. Это не так много, учитывая большие размеры государства. Сейчас они стояли во дворе, в цепях и под тщательным надзором лучников.

Комендант тюрьмы, Линднер, Альбрехт, дюк Вольфсгейм и королевский камергер, его слуга-полуволк Эро, въехали во двор, и Голт присоединился к ним. Барон сидел на своем семилетнем жеребце Ужасе, который верой и правдой служил ему во многих битвах.

— Милорд, — сказал Линднер, увидев своего господина, — эта подлая толпа ждет тебя.

— Да, — подтвердил статный красивый Альбрехт. — Подонки империи, — его губы искривились в сардонической усмешке. — Вот твоя армия, армия проклятых.

— Благодарю, — бесстрастно произнес Глот. Он ударом шпор послал жеребца вперед и проехался вдоль рядов заключенных. Линднер и пузатый комендант сопровождали его. Действительно, подонки! Сердце Голта упало, когда он увидел этих заросших бородами, закованных в цепи, одетых в тюремную одежду людей. Они были бледны от долгих недель заключения под землей, тела их похудели от скудной тюремной пищи. Они были похожи на зверей, ослабленных долгим пленом, но все еще опасных и полных коварства. Сотня вот таких? И это его отряд?

Но это его наказание, и ему ничего не остается, как выбрать лучшее из того, что есть.

Он остановился, обвел их взглядом и затем обратился к ним, громко и отчетливо выговаривая слова.

— Слушайте меня, приговоренные к смерти! Меня зовут Голт. Когда-то я был бароном Железных Гор, а теперь, как и вы, приговорен к смерти на эшафоте.

Шепот удивления пробежал по рядам. Они подняли головы, проявив к нему некоторый интерес.

Он посмотрел на них и продолжал свою речь.

— Я сказал, приговоренный к смерти на эшафоте! Но король своей милостью дал мне шанс спасти свою жизнь. Этот шанс я хочу дать и сотне человек из вас. Если среди вас найдется сотня человек, которые предпочтут сменить ворота ада на свободу от оков, чтобы заслужить прощение короля, восстановление всех своих прав, то я готов взять их с собой.

Снова шепот. Внезапно почти под носом его жеребца раздался чей-то голос:

— Интересно, что они задумали? Ни один дворянин, а тем более король, не даст ничего такому отребью, как мы, без того, чтобы не потребовать больше, чем дал. Какую ловушку они приготовили нам?

Голт посмотрел на говорящего.

Этот человек был гигантом, быть может, даже больше, чем сам барон. Тюрьма не ослабила его могучее тело, на котором громоздились чудовищные бугры мышц, и не затуманила свирепый блеск черных глаз. Под спутанной бородой ухмылялся широкий рот. На лице выделялся уродливый сломанный нос. Щеки все были покрыты шрамами. Голт заметил, что в отличие от своих собратьев, этот тип имеет дополнительные цепи на кистях и коленях.

— Не обращай внимания, барон, — быстро сказал комендант. — Его ты все равно не возьмешь. Все его жалобы отклонены судом и он завтра на восходе солнца будет казнен. По правде говоря, его не следовало приводить сюда. Самый опасный тип во всем этом сброде. Он очень упрям, несговорчив и все время с ним одни неприятности. Для такого один путь — на эшафот.

— Может быть, но он задал вопрос со смыслом. — Голт поднял голову. — Здесь нет ни ловушки, ни западни. Король Сигрит посылает меня в поход для исследования Неизвестной Страны, которая лежит на северо-востоке. Эта земля... — голос его был громкий и разносился по всему двору. — Эта земля — дьявольское место за болотами Кушна, и никто не знает, какие опасности, какие ужасы таятся там. Король не хочет рисковать своими солдатами, он не желает посылать их в такой опасный поход. Он решил послать отряд осужденных на смерть. И я, тоже осужденный, поведу этот отряд. Я ничего не обещаю, кроме того, что те, кто согласится пойти со мной, выполнять мои приказания, будут раско-

ваны, снаряжены и вооружены, как солдаты, и как солдаты они будут сражаться и погибать.

Может, мы все погибнем. Чудовища, колдуны, преступники, как говорят, населяют эту землю. Король уже посылал туда отряд опытных солдат. Отряд не вернулся, возможно, они все погибли. Я предлагаю только это, и не больше — возможность пойти со мной в поход, переносить трудности, встречать опасность лицом к лицу, может быть, умереть. Может, мы все сложим свои кости там, в Невозможной Земле, но те из нас, кто вернется, заслужат полное прощение Сигрита и вернутся свободными людьми, — он взглянул на чернобородого громилу. — Я ответил тебе, приятель?

Человек молчал.

— Отвечай, Гомон! — рявкнул комендант. — Отвечай, когда тебя спрашивает дворянин!

Гомон ухмыльнулся, и глаза его сверкнули.

— Дворянин? Но он же сам признал, что он такой же приговоренный к смерти, как мы. И он хочет положить сотню наших жизней, чтобы спасти свою! — он грязно выругался, а затем взорвался. — Ты думаешь, мы дураки? Идти за каким-то изнеженным дворцовым щеголем, который использует нас, чтобы спасти свою шею? Боги и дьяволы, я лучше выберу эшафот и умру чистой смертью, вместо того, чтобы снова становиться пешкой в руках труса-дворянина, который слишком слаб, чтобы сражаться самому.

Голт поджал губы.

— Скажи мне, человек, что привело тебя сюда? — спросил он. — За что ты осужден?

Гомон неприязненно посмотрел на него.

— За что осужден? Это один из твоих высокородных друзей упек меня сюда. Но теперь ему уже не придется посылать на гибель хороших людей, — он снова выругался. — Чтобы удовлетворить твоё любопытство, я расскажу. Я был сержантом в пограничном районе. Наш капитан был щеголь и трус; второй сын герцога. И он занимал место не благодаря своим заслугам, а благодаря рождению и связям при дворе. Ничего не понимая в военном деле, разодетый, как петух, и такой же глупый, он вел нас, пренебрегая советами опытных солдат, прямо в западню варваров. Из-за его глупости хорошие люди гибли, как мухи, без малейшего шанса спастись, а сам хлыщ бежал, спасая свою шкуру, едва услышал звон мечей. Я спасся, единственный из всех, я пробился через ряды варваров. Я вернулся в лагерь и увидел, что он наслаждается в палатке среди своих прихлебателей. Я ринулся на них.

Я убил пятерых, прежде чем добрался до него, — Гомон хищно обнажил свои скованные железом руки и медленно сжал пальцы, — вот этими руками я убил его медленно. Он просил пощады. Я не пощадил его тогда, не пощадил бы и сейчас. Я сломал ему шею. Петушиная смерть для петуха. Он умер, суча ногами, как цыпленок.

Он засмеялся.

— Это означало смерть и для меня тоже, но что смерть для меня? Ведь я многие годы ходил рядом с ней. И затем я стал разбойником на дорогах. Много кошельков я взял. Толстых дворянских кошельков. И много дворян визжало, когда я шекотал их сталью, пока моя несчастная звезда не привела меня сюда. Меня взяла полиция короля, когда я валялся пьяный. И теперь ты со своими мягкими, изнеженными, слабыми ручками, в богатой одежде и со своими щедрыми посулами! Ты предлагаешь мне идти с тобой, довериться тебе, позволить тебе вести меня и кончить жизнь в пасти какого-нибудь чудовища для твоего обогащения? Да пусть с тобой идут демоны! Я лучше положу голову на эшафот, чем позволю обмануть меня снова!

Голт, глядя на этого взъерошенного громилу, холодно улыбнулся.

— Значит, ты считаешь, что у меня душа цыпленка и мускулы девочки?

Глаза Гомона сверкнули.

— Я никогда не буду служить человеку, который не сможет бросить меня на землю. Я не хочу, чтобы моя сила служила человеку слабее меня, независимо от его рождения.

Улыбка Голта стала широкой.

— Так, — он отдал поводья жеребца Линднеру. — Держи, — затем он повернулся к коменданту. — Сбейте с него цепи.

— Милорд! — запротестовал главный тюремщик.

— Сбейте цепи, я сказал! — выкрикнул Голт.

Испуганный комендант поклонился.

— Хорошо, сэр.

Он отдал приказ. Охранники вывели Гомона из строя. Он стоял на своих толстых ногах, сверля глазами Голта.

— В чем дело?

— Я тебе покажу! — рывкнул Голт. — Пусть они раскуют тебя сейчас и приведут тебя обратно. Если ты не очень ослаб в тюрьме, я покажу тебе, кто из нас цыпленок, а кто боевой петух!

Из-под бороды показалась медленная торжествующая улыбка.

— Милорд, ты хочешь попробовать свою силу на мне?

— Если у тебя хватит мужества.

— Мужества? Ха! — крикнул Гомон. — Свинья, сними с меня только эти железки!

Его увели. Голт отстегнул пояс, протянул его Линднеру. Шлем и кольчуга последовали за поясом. Затем он снял сапоги. Теперь он стоял, обнаженный до пояса. Мышцы его тела сверкали на солнце, как смазанные жиром.

— Милорд, — взмолился комендант, — бороться с этим человеком — значит, обречь себя на смерть. Он вовсе не ослаблен тюрьмой, он отбирал пищу у других. Цепи, которые он рвал голыми руками, могли бы сдерживать льва. Не надо пробовать силы на этом звере.

Голт холодно взглянул на него.

— Мне в походе нужны звери, сэр комендант, и чем злее, тем лучше. Мне нужны сильные и горячие люди. Мы с ним испытаем друг друга. Если

он меня убьет, то мне незачем идти в поход, — он повернулся к Линднеру.
— Что бы ни случилось, держи меч в ножнах.

Линднер улыбнулся. Он не раз видел своего господина в деле.

— Хорошо, милорд, — спокойно улыбнулся он.

Послышалось звяканье доспехов.

Вернулись охранники. Их луки были наготове. Посреди шагал Гомон.

Плечи расправлены, руки напряжены, на них четко выделяются громадные мускулы. В глазах горит дьявольский огонек, губы презрительно улыбаются.

Он встал перед Голтом, поклон его был очень низким и насмешливым.

— Добрый господин, — сказал он, — может, мы начнем наш танец? Затем он напружинил свои могучие руки и встал в позу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Голт широко расставил ноги и пригнулся, чтобы встретить нападение. Гомон шел на него со скоростью, неожиданной для такого громадного человека. Голова его была наклонена вперед и готова была встретить любой удар. Он намеревался обхватить Голта.

Барон понял его тактику — Гомон хотел захватить его руки и изо всех сил нанести удар головой в подбородок. Тогда битва неминуемо закончилась бы, не успев начаться.

Голт выжидал подходящее мгновение, когда Гомон уже считал, что дело сделано, и, резко наклонившись вперед, бросил свое большое сильное тело под руками Гомона ему в ноги. Удар получился очень сильным, и Гомон упал через спину Голта.

Голт подхватил его, резко поднялся и поворотом туловища швырнул бандита.

Гомон полетел, как камень, пущенный из пращи, и приземлился на голову и плечи, сильно ударившись о мраморные плиты.

Такое падение оглушило бы любого человека, но когда Голт повернулся, то увидел, что Гомон легко вскочил на ноги, не хуже акробата и, снова улыбаясь, смотрел на барона.

— А ты кое-что умеешь. Да и спина у тебя крепкая. Теперь я буду это знать...

Он снова пошел на Голта, быстрый и легконогий, как танцор. Затем он провел какой-то прием, против которого барон не нашел защиты. Голт внезапно ощутил себя перышком. Захваченный за ногу и туловище, он легко взлетел вверх, и затем Гомон швырнул его.

Голт приземлился на мраморный пол с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он поднял голову и увидел, что бандит летит на него,

намереваясь обрушиться всей тяжестью на беспомощное тело. Но Гомон не рассчитывал, что Голт так быстро сумеет оправиться от нападения и откатиться в сторону. Гомон упал рядом с бароном, и только одна нога смогла задеть его. Хотя у Голта в голове все звенело от удара, он схватил ногу Гомона и резко рванул ее. Тело бандита описало дугу, перелетев через Голта, и ударилось об пол. Однако во время падения Гомона, Голт успел ухватить его за бороду и сильно стукнуть головой о камень.

Но Гомон уперся ногой в живот Голта и сильно дернул головой, так что в руке барона остались лишь клочья грязных волос, и перебросил его через себя. Голт покатился по полу и вскочил на ноги. Гомон тоже был готов к борьбе. Барон, опустив голову, кинулся на Гомона и сильно ударил его головой в грудь. При ударе он подумал, что у него лопнет голова или сломается шея, однако Гомон не выдержал, ахнул и упал на спину. При этом он успел схватить Голта за руку, потянул его вниз и опять с помощью ноги перебросил его, сильно ударив при этом. Снова барон взвился в воздух. На этот раз бандит не повторил своей ошибки, и не бросился на упавшего противника, но, пока тот поднимался на ноги, ударил его в лицо.

Из носа Голта рекой хлынула кровь. Сзади послышались крики гнева, шум, но Голт повелительным криком успокоил их, приказав хранить тишину. Он вовремя пригнулся, и следующий удар Гомона только просвистел возле уха. Голт схватил ногу Гомона, дернул, и тот рухнул на пол. Пока он поднимался на ноги, Голт увидел своего жеребца, который рвался из рук Линднера и еще нескольких людей.

Жеребец был приучен приходить хозяину на помощь, когда тому становилось трудно. Если лошадь вырвется, то даже Гомон вряд ли уйдет живым от его могучих копыт и челюстей.

Это падение оглушило Гомона, а у Голта в глазах было темно от сильнейшего удара по носу. И тот, и другой уже достаточно пострадали в схватке, так что теперь они разошлись подальше и стояли, тяжело дыша. Их могучие груди вздымались и опускались, мышцы, мокрые от пота, блестели на солнце. Голт откинул светлые волосы со лба, вытер кровь тыльной стороной ладони. Теперь они кружили друг возле друга, выискивая удобный момент для нападения. И теперь барон почувствовал возбуждение, которое уничтожило и боль, и страх. Он любил борьбу, но редко ему встречались достойные противники, с которыми он мог сразиться один на один, и вот теперь такая встреча состоялась. К нему пришло второе дыхание, мускулы снова стали свежими, мозг — ясным и острым, как бритва. Именно теперь пришло время проверить свои силы.

Он бросился на Гомона без всяких ухищрений, стараясь захватить его тело обими руками. Они схватились, как два быка, обхватили друг друга руками, и острый тюремный запах ударил в ноздри барону.

Каждый из этих двух гигантов старался своими могучими руками сокрушить грудную клетку противника, сломать позвоночник, выдавить из груди воздух.

Гомон был ужасающе силен. Голт почувствовал, как ребра его трещат и гнутся. Бандит прошептал на ухо Голту:

— Ну, дворянин, сейчас ты получишь, чего сам хочешь. Я сокрушу твои ребра, как спички.

Голт не тратил драгоценного воздуха на ответ, так как могучие руки все крепче стискивали его. И сам Голт прикладывал все силы, чтобы сломать кости противника. Он дотянулся своей правой рукой до левой, и раз за разом, все сужал и сужал кольцо рук. Он услышал, как дыхание Гомона изменилось, но в то же время остатки воздуха покинули его легкие. Он пытался вдохнуть воздух, но внутри у него, казалось, все перестало работать. Теперь все уже должно было решиться в ближайшие секунды. Ни один из них не смог бы выдержать и минуты такого напряжения. Зрение у Голта затуманилось, легкие горели, ребра трещали, но он все давил и давил. Но то же самое делал и Гомон. В глазах Голта было темно от недостатка воздуха и от боли в груди. Через секунду, через полсекунды его объятия ослабнут, он не сможет сдерживать мощь Гомона, и...

Гомон внезапно крикнул и издал какой-то утробный звук. Его хватка начала почти незаметно ослабевать. Голт вдохнул немного воздуха в свою исстрадавшуюся грудь и с новой силой начал сжимать Гомона.

— Боги! — это был крик отчаяния.

Затем руки Гомона разжались, упали вниз, колени подогнулись, и он чуть не увлек своим весом Голта. Преступник беспомощно распростерся на полу, голова запрокинулась, глаза закатились.

Голт с дрожащими коленями и руками стоял над ним. Он почти ослеп и оглох, и знал только одно — наконец, его противник повержен и лежит у его ног.

— Милорд, оставь его для палача, — полдюжины охранников бросилось на Гомона, прижали его неподвижное тело к земле.

Тот лежал на полу, как мешок с зерном.

Голт отошел в сторону, грудь его болела, когда он вдыхал жадными глотками воздух, из носа текла кровь, кровь выступила и из царапин, оставленных когтями Гомона на его спине. Он покачал головой, вытер пот, посмотрел на тело у своих ног. Разум уже возвращался к нему.

— Он мертв? — прохрипел Голт.

Толстый комендант опустился рядом с Гомоном на колени. Он послушал его грудь, затем поднялся и покачал головой.

— Нет. Любой человек не выдержал бы такого, а этот громила... Но, ничего. Завтра топор доделает то, чего не сделал ты, барон.

— Нет, нет, он мне нужен. Если... — Голт замолчал. Огромная потная грудь Гомона начала работать, как мехи, он постепенно начал хрипло дышать. Вскоре глаза его открылись, рот был широко разинут, вгоняя воздух в легкие. Медленно, мучительно гигант поднялся на колени, бессмысленно мотая головой.

Затем глаза его постепенно просветлели, и он взглянул на Голта, стоящего над ним.

Голт отступил назад. Он вдруг ощутил беспокойство и приготовился к новому бою.

— Хочешь еще?

Тот не слушал Голта, и в конце концов он с трудом выдавил:

— Еще? Боги и дьяволы! — он сел. — Если бы я мог... тренироваться и лучше питаться... а не сидеть взаперти, как рождественский гусь... я уверен... что исход борьбы был бы другим...

Барон взял одежду, принесенную Линднером, вытер кровь и пот с лица.

— Когда мы поедем, ты будешь хорошо питаться, и тогда мы попытаемся бороться второй раз, и ты проиграешь. Но тогда тебе ссылаться будет не на что.

В глазах Гомона вспыхнул огонек. Он с трудом поднялся на ноги, встал, шатаясь и потирая грудь.

— Когда поедем? Это не для таких, как я.

— Ты поедешь, если захочешь подчиняться мне, — Голт встретил его взгляд. — Или ты считаешь, что я из тех щеголей, которым ты служить не можешь? — рот его искривился, в словах прозвучала ехидная насмешка.

— Милорд, ты боролся хорошо, — поспешно вступил в разговор управляющий, — но я опять хочу сказать, что ты не должен брать этого человека. Нет пределов его вероломству и коварству. Он принесет экспедиции гораздо больше вреда, чем пользы!

— Об этом должен беспокоиться я, а не ты, — сказал Голт. — Ну, парень? Завтра эшафот, или хорошая лошадь, добрый меч и шанс на свободу, если ты поедешь со мной и будешь выполнять мои приказы.

В глазах Гомона не было ни особой почтительности, и чувства поражения. Силы возвращались к нему, а с ними и гордость, презрение, чувство собственного достоинства. Он долго молчал, глядя на Голта.

Затем он еле заметно улыбнулся, но вовсе не была приятная улыбка.

— Хорошо, милорд, — сказал он, — я поеду с тобой и буду выполнять твои приказы — но до тех пор, пока буду видеть, что ты лучше меня.

— Отлично, — Голт улыбнулся, преодолевая боль в лице. — Теперь мы с тобой связаны этими условиями. Я должен доказывать свое превосходство над тобой, и пока я это смогу, твой меч — мой, — он повернулся и пошел, слегка прихрамывая. — Смотри за ним, Линднер. Теперь из этих подонков я должен набрать еще девяносто девять.

Действительно, подонки — убийцы, разбойники с большой дороги, воры, сутенеры, насильники... из двух сотен человек, которые изъявили желание поехать с ним, вместо того, чтобы кончить жизнь под топором палача, Голт выбрал очень тщательно, принимая во внимание рост, силу, возраст, ум, отдавая предпочтение тем, кто хорошо владеет оружием. Тем не менее выбор был не так широк, и отобранная сотня привела бы в отчаяние человека, привыкшего командовать опытными преданными и дисциплинированными солдатами. Даже мужество Линднера поколебалось.

— Милорд, как мы будем командовать этой бандой обезьян?

Голт, уже полностью одетый, горько ответил:

— Я думаю, что Гомон поможет нам дать ответ, — он повернулся к укрощенному гиганту, который ходил за ним вдоль рядов, изредка показывая, кого ему взять с собой. Но Голт не всегда следовал его советам. Он вовсе не хотел, чтобы Гомон сколотил группу своих приверженцев. Он сказал: — Гомон, ты будешь выполнять мои приказы, верно?

— Я сказал, милорд.

— Тогда я приказываю, чтоб ты нес полную ответственность за дисциплину этой толпы. Те, кто нарушит ее, будут отвечать перед тобой, и ты можешь поступать с ними по собственному усмотрению. В свою очередь, ты будешь ответственен передо мной, и если ты не сможешь справиться с ними, тогда ты будешь иметь дело со мной. Понял? Ты в ответе за этих подонков, и помоги тебе бог, если будут случаи неподчинения, измены, трусости, отказа идти в бой.

Гомон недоуменно моргал.

— Ты поручаешь мне командование над ними?

— До этой степени.

— Отлично, дьяволы и черти, — Гомон недоверчиво покачал головой. Затем он расхохотался, глаза его горели дьявольским огнем. — Хорошо! — он повернулся к группе и встал, уперев руки в бока, расставив толстые ноги.

— Вы слышите, грязные подонки? Вы согласились идти в поход, воевать, быть армией! Клянусь всеми демонами ада, я прослежу, чтобы вы выполнили свою клятву! Тот, кто нарушит ее первым, конечно, если первым не буду я сам, будет иметь дело со мной, а вы знаете, что я могу сделать! Со мной вам лучше не уклоняться от боя с врагами. Если вы не хотите познакомиться с кулаками и мечом Гомона, то вы будете сами рваться в бой! Вы слышите меня, вонючки? Вы хорошо слышите меня?

По рядам людей пробежал шепот, в котором слышались страх и трепет. Гомон снова засмеялся.

— Они все поняли, милорд. Тебе можно не беспокоиться о них, но только... — он еле заметно улыбнулся, — но только тебе придется присматривать за мной. Если ты потеряешь мое уважение или будешь плохим командиром...

— Я постараюсь, чтобы этого не произошло, — сказал Голт и уселся на коня. Он взглянул на Гомона, охранников и коменданта. — Сбейте с них оковы, вымойте и накормите. Отряд солдат отведет их во дворец, где они получают одежду, лошадей, оружие и прочее снаряжение. Не теряйте времени. Мы должны выехать завтра на рассвете. Едем, Линднер.

И он развернул коня к воротам.

Альбрехт в сопровождении полуволок присоединился к нему, когда он проезжал в ворота.

— Ты очень силен, барон, — его обычная ирония лишила его слова всякой искренности. — Мой кузен Барт тоже был очень сильным. Он

пропал в Неизвестной стране, той самой, куда ты поведешь это войско обрванцев.

Голт внимательно посмотрел на него.

— Ты думаешь, твой кузен мертв?

— Мой дорогой кузен, — сказал Альбрехт, — был очень умен и хитер.

— Это относится ко всей вашей семье.

Альбрехт захохотал, довольный замечанием Голта.

— Действительно, — затем он посерьезнел. — Ты, Голт, учти, Барт был хороший воин, да и отряд его состоял из опытных солдат. Может, он не возвратился не потому, что погиб. Может, он сам решил пока не возвращаться.

— В таком случае, он отправил бы королю донесение.

— Может быть, а может, и нет. Может, он там нашел сокровища или что-нибудь еще, что решил использовать для себя. Я же сказал, что он хитер. Если он жив, то наверняка не хочет, чтобы об этом узнали. Так что добавь еще одну опасность к тем, что ждут тебя впереди. Если Барт остался в Неизвестной Стране по доброй воле, то он наверняка не позволит тебе доставить вести об этом королю. Если это случится, я очень надеюсь, что ты убьешь его, если будет необходимость.

Голт повернулся в седле.

— Странно слышать это, ведь он твой кузен, — он нахмурился. — Мне кажется, ты хочешь, чтобы он был мертв, а если жив, ты желаешь мне убить его.

— Я скажу тебе только то, что там, куда вмешивается Барт, добра не жди. Если он тебе встретится, не доверяй ему. Если он будет угрожать тебе, не давай ему ни малейшего шанса. Он безжалостен, упрям и считает только со своими интересами.

— Я думаю, что говоря все это, ты тоже не забываешь о своих интересах, — намекнул Голт.

— Конечно, — не моргнув глазом, сказал Альбрехт. — Пока его смерть не удостоверена, его земли находятся во владении короны, как и твои. Но когда он будет мертв и это будет доказано, я унаследую земли. Однако я хочу только предупредить тебя — если он жив, не верь ему ни в чем, и при первой угрозе убей первым, сильнее, насмерть. — Он повернул свою лошадь. — Я покидаю тебя, так как у меня много дел. Увидимся завтра. Едем, Эро, — и он, прищипнув коня, поскакал.

Голт посмотрел ему вслед, а затем вместе с Линднером поехал во дворец.

Размышляя по дороге, он решил, что о предупреждении Альбрехта он ничего королю не скажет, но будет иметь это в виду.

Трубац поднялся на стременах, и из его блестящей трубы вырвались золотые звуки. Голт, сидя на своем Ужасе, одетый в сверкающую кольчугу, впивал последние остатки воздуха Мармбурга. Он повернулся и осмотрел колонну всадников и обоз выючных животных. В рядах его разношерстной армии не было никакого порядка, и Гомон разъезжал

вдоль отряда, ругая их, угрожая адскими муками, проклятиями и страшными наказаниями здесь, на земле, если они не выровняют ряды и не будут держать соответствующие интервалы. Звук трубы поднялся вверх и стихли, отражаясь угасающим эхом в мраморных башнях. Голт, стоя на стременах, поднял руку и резко опустил ее.

— Вперед! — приказал он.

Ужас пустился рысью. За ним по мрамору мостовой зазвенели подковы копыт, звяканье металлических доспехов и оружия, фыркание и ржание лошадей, ругань Гомона. Колонна постепенно набирала скорость, выехала за ворота дворца и поехала по просторным улицам города под любопытными взглядами зевак, которые встали в такую рань.

Справа от Голта ехал сам король. Его молочно-белый конь казался огромным, даже рядом с Ужасом. Доспехи короля, украшенные золотом и драгоценными камнями, сверкали в лучах восходящего солнца. Они ехали в тишине по прекрасному бело-розовому городу. Изредка эти нежные цвета оживлялись зеленью парков. Затем перед ними появилась стена, толстая и массивная, сделанная из сверкающего мрамора. Ворота были открыты. Вход в город был свободен для всех желающих. Они проехали через ворота, затем по высокому мосту через рукав Джаала, широкой лентой опоясывающей город. И здесь, над рекой, Сигрит остановился.

— Ну, Голт, — сказал он, — отсюда ты едешь один. Ты знаешь, дорогой барон, что все мои добрые пожелания с тобой, — губы короля под светлой бородой искривились в улыбку, когда он посмотрел на остановившуюся колонну. — Подписать сотню прошений о помиловании и прощении — это большая работа. Но я с радостью продаю ее, если все они вернутся живыми, — глаза его сузились, стали более мягкими и добрыми под золотистыми бровями. — А ты сам особенно, — добавил он.

— Ваше Величество, я сделаю, что смогу, не пожалую ни сил, ни жизни, чтобы поход закончился удачей. Больше я ничего не могу обещать.

— Ты больше и не должен ничего обещать, — Сигрит хлопнул Голта по плечу. Он пристально посмотрел в глаза Голту, и у того перехватило дыхание. — Возвращайся, мальчик, — хрипло сказал Сигрит. — Возвращайся живым, — затем он сильно, хотя в этом не было необходимости, хлестнул своего коня и послал обратно через мост.

Голт смотрел ему вслед. Затем он снова подал сигнал, прозвучала труба, и колонна изгоев тронулась в путь.

В этот день они проехали сорок миль и сделали привал у самых границ Бури. Еще один такой переход, и они будут у северных границ, где от Великих Болот Кушна их будет отделять только тонкий перешеек страны варваров, Темной Страны.

Голт вместе с Линднером ужинал в своем шатре. Вместо вина у них была вода. После долгой изнурительной езды, когда все тело его болело от последствий вчерашней борьбы, Голт предпочел бы вино, но в поход по приказу короля вина не взяли. И хотя вино можно было достать в деревне, Голт удержался и не послал за ним.

Когда все устроились на ночлег, Голт проехал по лагерю. Линднер сопровождал его.

В лагере царило приподнятое настроение, отовсюду слышались веселые песни. Люди праздновали временное избавление от смерти. О том, что ждет их завтра, они не думали, самое главное было то, что они свободны, животы полны, на руках и ногах нет цепей и их не ожидает топор палача.

Да, это крепкие люди, подумал Голт, и если ему удастся удержать их в руках, сделать из них боевой отряд, то с ними можно идти куда угодно.

Вдруг он напрягся, рука потянулась к мечу. Невдалеке раздались крики, самая страшная ругань, какую он когда-либо слышал. С земли вскочили два человека. Их силуэты выделялись на фоне костра, в руках сверкали мечи.

Голт уже приготовился вмешаться, как из темноты появился третий силуэт и раздался голос Гомона:

— Ну, вы, ублюдки! Разве я не говорил, чтобы среди вас не было драк?

Оба повернулись к нему, держа в руках мечи, но он бесстрашно прыгнул между ними, так что они ничего не успели сообразить. Его огромные руки схватили кисти двух спорщиков и сжал их. Меч вывалился у них из рук. Тогда Гомон схватил их за воротники и сильно ударил головами.

Раздался глухой стук, и оба в бессознательном состоянии рухнули у костра. Гомон выругался.

— В следующий раз я сломаю вам шеи, — сказал он и снова исчез в темноте.

Линднер перевел дыхание.

— Этот человек не теряет времени зря.

— Да, — подтвердил Голт, — он держит свое обещание.

— Пока. Новая метла чисто метет.

— И пока она новая, мы можем пойти отдохнуть. Идем в шатер. Завтра долгий путь.

Пришло утро. Они поднялись рано и ехали весь день. Они остановились на ночь у самой границы империи, охраняемой конным отрядом пограничников.

На рассвете следующего дня они пересекли границу и въехали в мрачный лес страны варваров.

Теперь каждую минуту их подстерегала опасность. Голт выслал конные разъезды и разведчиков. Основной отряд пробирался по старому густому дремучему лесу.

Еще до того, как они углубились в него, Голту показалось, что за ними следят. А однажды он увидел человека, закутанного в меха и одетого в рогатый серебряный шлем.

Человек шмыгнул в густые непроходимые заросли и исчез из виду. Голт не был даже уверен, действительно ли он видел кого-то.

Гомон был везде: впереди и сзади отряда, с разведчиками, с конными разъездами.

Вполдень они выехали из леса на равнину, и тут на них напали. Варвары неслись на осторогих красных быках, размахивая боевыми топорами с двумя лезвиями, раздавая военные кличи на незнакомом языке.

Бой был долгим, упорным и кровавым, но варвары, в конце концов, уступили. Голт потерял троих, но это была лишь десятая часть потерь варваров. Один гомон, как успел заметить Голт, прикончил с полдюжины этих свирепых наездников на быках. Он действовал очень умело и мужественно, как старый опытный солдат. Впрочем, он и был им.

Наконец, они скрылись под покровом леса. Варвары, получив хороший урок, больше их не беспокоили и люди, вложив окровавленные мечи в ножны, поехали дальше. Этой ночью они устроили лагерь без костров, и каждый по очереди, не исключая Голта и Линднера, охраняли лагерь. В промежутках между дежурствами Голт проверял посты, но всегда Гомон оказывался там раньше его.

Голт встретил Гомона, когда тот распекал задремавшего часового. Когда он навел порядок, Голт пошел за ним.

— Молодец, Гомон, твое усердие мне нравится.

Он скорее почувствовал, чем увидел в темноте сардоническую улыбку и блеск в глазах, когда гигант посмотрел на него.

— Каждый человек занимается своим делом, милорд. Мое ремесло — война. Я солдат и мастер своего дела. Когда мастер занимается своим делом, он забывает обо всем, а тем более, если от этого зависит моя жизнь. Я всегда уважаю того, кто равен мне по мастерству. Должен сказать, что ты хороший солдат, милорд. Я еще никогда не видел дворянина, который отказался бы от сна, чтобы проверить часовых.

— Значит, ты никогда не служил королю, который в этом деле превосходит нас обоих. Или моему отцу, у которого я постигал военную науку.

Гомон хмыкнул.

— Но все же, ты первый дворянин, который мне понравился в бою. Но время покажет, — он повернулся и бесследно исчез в ночи.

Голт посмотрел ему вслед и вернулся в свой шатер. Он лег спать, положив меч возле себя, как любовницу.

Снова утро, и снова трудный переход по дремучим зарослям. В десять часов новое нападение варваров. Здесь не было места, чтобы построиться и отражать нападение, но лошади были быстрее, чем неповоротливые быки, и Голт отдал приказ отряду скакать вперед. А сзади несколько человек отбивали яростные атаки. К полудню отряд во главе с Голтом вырвался из лесного мрака. И барон выругался, когда его жеребец сбился с ноги, замедлил скорость. Голова отряда попала прямо в болото, в трясину, которая захватывала ноги лошадей, и люди становились легкой добычей лесных людей в рогатых шлемах, которые, ощущая мрачное удовольствие от крови и резни, безжалостно давили их, прижимая к болоту, загоняя в трясину.

Стоял ужасный шум. Лошади жалобно-ржали, пытаясь вырваться из топкой грязи. Сзади в лесу звенела сталь и кричали люди, странные звери кричали впереди, в болоте, и сзади, в лесу. Голт попытался повернуть

жеребца назад, к лесу, чтобы помочь обороняющемуся отряду, но грязь слишком сильно схватила лошадь. Она могла скакать только прямо вперед, утопая по самый живот в грязи. Варвары теснили обороняющихся в болото. Голт кричал и ругался. Поражение казалось неминуемым. А поход еще не успел начаться. Но он ничего не мог поделать.

Вскоре весь его отряд был уже в болоте вокруг него. Варвары выезжали из леса. Широкие копыта их быков давали им большое преимущество перед лошадьми в этой трясине, а так как их было гораздо больше, чем людей Голта, то битва была совершенно безнадежной. Исход ее был очевиден. Но тут случилось чудо. Когда варвары выехали из леса, они остановили своих быков. Они стояли на краю болота и в страхе смотрели на раскинувшийся перед ними бескрайний океан жидкой грязи. Кое-где на поверхности лопались пузыри с каким-то зловещим утробным звуком. Варвары что-то говорили на своем языке. Внезапно они повернули своих неповоротливых быков и исчезли среди переплетенных стволов в лесном мраке.

Это было неожиданно и совсем непонятно. Голт вложил меч в ножны, пытаясь сообразить, что же произошло. Затем он понял. Когда лошадь Гомона с хлопаньем приблизилась к нему и Линднеру, он уже все знал.

Гомон, весь в крови от десятка ран, полученных в битве, ехал на лошади, которая по грудь погрузилась в жидкую массу, прежде чем нашла опору для ног. Лицо Гомона сияло, глаза возбужденно блестели.

— Милорд, мы отбили этих ублюдков!

Губы Голта изогнулись в горькой усмешке.

— Не ты, Гомон... Это болото Кушна. Они прикончили бы и тебя, и меня, и всех остальных. Но их остановили болота Кушна.

Возбуждение постепенно угасло на лице Гомона. Он смотрел вдаль, на унылую серую бескрайнюю грязь.

— Это, — сказал он, — и есть Болота Кушна?

— Это только начало. Вероятно, лесные люди не пожелали забираться сюда.

Голт плюнул с остервенением в грязь и продолжал:

— Должен сказать, что я понимаю их. Во всяком случае, теперь наши тылы в безопасности от них.

Покрытое шрамами лицо Гомона темнело, когда он смотрел на эту мрачную картину.

Он спросил, хмуро посмотрев на Голта:

— И мы должны это пройти? И только тогда мы доберемся до Неизвестной Страны?

Голт хрипло рассмеялся.

— Гомон, это только край болот. Самое начало, — глаза его сверкнули. — Помни — стойкость характеризует солдата. Подожди, мы еще доберемся до трудного места, — он взял поводья и тронул жеребца шпорами. — Поехали, — сказал он и подал знак трубачу. Его огромный жеребец, по грудь утопая в грязи, с трудом пошел вперед.

Остаток дня был сплошным кошмаром. Голт ехал во главе и выискивал твердые участки, где они могли бы проехать. Но в этом море жидкой грязи это было неимоверно трудно. Его жеребец трудился изо всех сил. Каждый шаг отнимал у него столько сил, сколько бы он истратил в скачке по нормальной дороге в течение часа. Сморды лошади слетала кровавая пена, бока поднимались, как огромные кузнечные меха, под бедрами Голта. Но когда он выдохся и встал неподвижно, не в силах двигаться дальше, впереди перед ним простиралось все такое же безбрежное море жидкой грязи.

Во время пути они потеряли еще двоих, которые погибли ужасной смертью. Они сошли с пути, проложенного Голтом, и их лошади увязли в трясине. Они почти мгновенно утонули, только жалобное ржание лошадей да предсмертные крики всадников были погребальной песней на их бездонной могиле.

Хотя их товарищи пытались бросать веревки, но было уже поздно. Дюйм за дюймом грязь засасывала эти открытые в крике рты, затем носы, глаза, и вскоре грязь сомкнулась над их головами и ничто не напоминало об ужасной трагедии.

Они исчезли и, казалось, что их никогда не было. Земля взяла их, поглотила без следа. Зловещее краснеющее небо стало как будто снижаться к болоту. Ядовитые испарения наполнила воздух. Даже Голт почувствовал безысходное отчаяние. Но вот его жеребец поднял голову, встряхнул гривой, закусил удила и снова пошел вперед.

И когда уже начался вечер, Голт с бьющимся сердцем увидел впереди зеленую растительность, а за ней кроны деревьев. Значит, близится суша. Он едва сдержал желание прищипить коня, который и так делал, что мог. Голт взглянул на небо, принявшее кровавый цвет, и вздрогнул.

Высоко над ним, почти на пределе видения, зловеще кружили черные точки, как стая ворон. Но ворон на такой высоте не было бы видно. А эти птицы, может быть, летающие существа, вероятно, были огромных размеров — их были сотни. Как клочья пепла от сожженной бумаги, они кружили и парили над ними. Это было что-то новое для него, новое и пугающее.

Наконец, лошадь с хлопаньем выбралась из чавкающей грязи на твердое место. Эти черные создания развернулись и полстели к северу. Вскоре громадная стая растаяла в вечернем небе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он проводил и лучшие ночи.

За ними был океан грязи и топи, впереди — неизвестность. Вокруг них росли незнакомые деревья и кусты. Люди наломали веток, разожгли костры и собрались вокруг них, недовольно бормоча. Однако они замол-

кали, когда Голт, делая обход, проходил мимо них. Но он чувствовал их недовольство. Погибло шесть человек — трое в бою с варварами, один умер от ран, двоих поглотило болото. Тюрьму и топор палача разум мог понять. Но что ждало их впереди, если то, через что они прошли, всего только небольшая часть и даже не начало. Их мозг отказывался это воспринять.

И все же, несмотря ни на что, ночь прошла спокойно, если не считать пронзительных криков, которыми наполнилась ночь, когда на землю спустилась мгла.

Звуки были самые разнообразные — рев, хрипенье, кваканье, вой. Ни один смертный не мог бы назвать тех, кто производит эти леденящие звуки. Но кто бы это ни был, он держался на расстоянии, оставаясь невидимым. Может быть, огонь удерживал его. И когда пришло утро, все стихло. Люди поднимались, встревоженные, напряженные. Завтрак их не развеселил. Они оседлали усталых лошадей и поехали. Только Гомон был шумен и неутомим, как обычно. Он, безбожно ругаясь, подгонял всех, как будто был пастухом.

Они перевалили через холм и стали спускаться по другой стороне, продираясь через первозданный лес, состоящий из неизвестных им деревьев, перевитых лианами, и колючего кустарника. Туман — нет, не туман, а пар, исходящий из самых глубин земли, скапливался у поверхности.

Уши лошади Голта были прижаты. Она боялась этой земли, где все было незнакомо, чуждо, враждебно.

Они спустились с холма и увидели деревню.

Деревня была очень бедная и, казалось, совсем не приспособленной для человеческого жилья. Стояли избушки, сделанные из ивовых прутьев, обмазанных грязью, крыши были покрыты тростником.

Ничего, более жалкого и несчастного, Голт не видел никогда. Однако, он не стал въезжать в деревню сразу. Он остановил лошадь и стал осматривать окрестность.

Эти жалкие домишки расположились на топкой грязной равнине. За ней виднелись примитивные причалы, о которые бились волны. В гавани качались тростниковые лодки, на берегу сушились растянутые рыбацкие сети. За причалами начинались болота. Заросли тростника поднимались из грязной стоячей жижи, и эти заросли простирались далеко-далеко, насколько можно было видеть глазом. Чайки и цапли кружили над болотами, изредка ныряя вниз за добычей.

Внезапно Голт насторожился. Посреди деревни он увидел небольшую площадь, на которой собрались жители деревни. Они были наполовину обнажены, а вокруг бедер у них были какие-то зеленые повязки, очевидно, сделанные из тростника. Они столпились в самом центре площади вокруг чего-то, чего Голт на таком расстоянии не смог рассмотреть. Что-то большое и зеленое. Голту показалось, что оно привязано к столбу.

Сзади послышался голос Линднера:

— Кажется, эти люди вполне безобидны. Рыбаки, а не воины. Время для них остановилось. Да и нас гораздо больше.

— Да, — сказал Голт. — Мы идем, — он поднял руку и подал сигнал. Отряд двинулся вниз.

Когда звук сотен копыт нарушил тишину жалкой грязной деревни, толпа на площади распалась и все повернулось к пришельцам. Они свободно пропускали отряд, проезжавший мимо с обнаженными мечами. Голт остановился. Он смотрел, как проезжали его люди, с изумлением рассматривавшие жителей деревни. Да, тростник. Их набедренные повязки были изготовлены из тростника. Глаза жителей со страхом и трепетом смотрели на проезжающих. Голт увидел, что они действительно безобидны. Маленькие, щуплые, они имели все признаки вырождения, дегенерации — пустые, ничего не выражающие глаза, полное отсутствие подбородков. Все они были похожи друг на друга, как будто они были члены одной большой семьи, и в деревне жили только братья и сестры, отцы и матери, двоюродные братья и сестры. И если бы они были овцы или коровы из его стада, он бы без жалости перерезал их всех, чтобы избавиться от последствий такого противоестественного кровосмешения.

Но они были всего лишь затерянное племя болотных жителей.

И когда Голт спешился и прошел между ними с обнаженным мечом, они испуганно жались друг к другу, что-то щебеча на странном языке, которого Голт никогда не слышал, хотя сам говорил на трех языках.

Затем, когда они расступились перед ним, он увидел столб на площади и то, что было привязано к нему. Голт остановился, разинув рот от удивления.

После катастрофы, Всемирного Пожара, постигшего Землю, на ней появилось много загадочных и странных существ. До катастрофы, как утверждалось в древних легендах, человек был человеком, а зверь — зверем. Но во время Пожара в воздухе появился какой-то дьявольский дух или что-то другое, и когда Земля чуть не сгорела дотла, все на ней изменилось. Катастрофа породила существа, одним из примеров которых были полу-волки. А это существо, как предположил Голт, тоже было порождением катастрофы, хотя он никогда не видел и не слышал ничего подобного.

Крепко связанное веревками, существо прижималось к столбу, глядя на Голта выпученными глазами, сидящими на безобразной голове. Оно было таким же высоким, как Голт, с могучими толстыми ногами и слабыми тонкими руками.

Это был не человек, но и не лягушка, а какая-то жуткая смесь их обоих размером с человека. Он был покрыт зеленой кожей и имел огромный рот, способный, как ни странно, выражать эмоции. Огромные глаза светились страхом, нет, смертельным ужасом. Мускулистые зеленые ляжки непрерывно боролись со стягивающими их узлами. Белый мешочек кожи под горлом пульсировал в такт дыханию, бесцветный язык, длиной с предплечье человека, высовывался изо рта.

Голт посмотрел на него и почувствовал непреодолимое отвращение от безобразного вида этого существа.

— Боги и дьяволы! — выдохнул Линднер. — Что это за чудовище! На четверть человек и на три четверти жаба! Клянусь бородой отца, он еще безобразнее, чем полуволок!

Голт повернулся к шушукующей толпе деревенских жителей.

— Кто здесь вождь? — спросил он. Но люди выразили полное непонимание. Голт повторил вопрос на языке Страны Света, и опять никто не откликнулся. Затем он перешел на гортанный язык варваров, и хотя большинство людей не поняло его, отозвался какой-то старик, у которого почти не было лба и седые волосы смешивались с бородой.

С ужасом глядя на меч Голта, он чуть не упал в обморок от страха.

— Скажи, — спросил Голт на языке варваров. — Что это за народ? Что они здесь делают, и что это? — он показал на существо, покрытое слизью, что было привязано к столбу.

— Мы жители болот, наша деревня называется Трах. Мы всегда жили здесь, сиятельный.

— Ясно, — пробормотал Голт. — А что это? — он опять показал на привязанное чудовище.

— Это ранах, сиятельный, — старик съежился. — Он был ранен и полз по берегу. Наши юноши схватили его и привезли сюда для развлечения.

— Развлечений?

— Да, сиятельный. Это большой праздник, когда нам в руки попадает ранах. Он умирает так медленно.

— Что? — Голт удивленно посмотрел на него сузившимися глазами.

— Сиятельный никогда не убивал лягушек? Сиятельный не знает, что, когда ноги лягушки поджаривают, они живут, танцуют на сковородке? Разве сиятельный не знает, что если лягушку разрезать на две части, то они будут жить целый день и ползать самым уморительным образом? Таковы все лягушки и таковы ранахи.

И теперь мы поймали ранаха, мы разрежем его на две части и будем развлекаться, глядя, как ползают эти две половинки.

— Ясно, — сказал Глот, стараясь не встречаться взглядом со стариком, в глазах которого сиял восторг. — А эти ранахи опасны? Они рвут ваши сети, крадут рыбу, убивают людей?

Старик расхохотался.

— Ранахи опасны? Нет, сиятельный. Только очень проворны. Мы редко ловим их, хотя Болота Кушна кишат ими. Но когда нам удастся поймать его, у нас большой праздник. Ведь две половинки живут целых двенадцать часов.

— Но почему? — Голт отчетливо выделял слова. — Почему? Ведь они не вредят вам?

Старик посмотрел на него с искренним непониманием.

— Почему? Потому, что это забавно. А почему нельзя? Ведь он, — он почесал голову, подыскивая слова. — Ведь он не человек. Разве этого не достаточно?

— Достаточно. Для таких, как вы, — сказал Голт. Он повернулся и подошел к столбу. Выпученные глаза были действительно не такими, как у людей. Таких глаз он никогда не видел. И все же в глубине этих глаз Голт уловил чувство, разум. Это были глаза жабы и в то же время глаза человека. Они смотрели на Голта с отчаянием и все же с надеждой.

Они умоляли Голта, и тот отвернулся.

— Старик!

— Да, сиятельный.

— Ты сказал, что это существо пришло с болот Кушна. И там много таких, как оно?

— Да, сиятельный.

Голт глубоко вздохнул.

— Тогда освободи его.

Старик заморгал.

— Почему, сиятельный?

— Освободи его. Меня послал могущественный король из страны, которая лежит за болотами. Я принес с собой меч и закон короля. Ни одно существо без его приказа не может быть подвергнуто такой пытке.

— Пытке? Сиятельный, это удовольствие! — старик повернулся и что-то прокричал в толпу. Голт увидел удивленные взгляды. — Присоединитесь к нашему празднику. Посмотрите, как две половинки ранаха будут ползать по площади. Это зрелище, которым никогда не надоест наслаждаться.

Голт посмотрел на него и плюнул. Он повернулся.

— Линднер! — сказал он. — Следи за толпой, я освобожу его, — он своим острым мечом разрезал веревки, которыми был связан ранах.

Большое зеленое существо сильным прыжком отскочило от столба и присело на корточки, глядя со странным выражением на Голта, возвышающегося над ним. Голт отшатнулся, но пересилил себя и остался на месте, когда перепончатая рука, совсем не похожая на человеческую, дотронулась до него сухим, холодным, скользким пальцем. Затем ранах взял его руку и прижал ее к своему холодному широкому рту. Дрожь пробежала по телу Голта.

Крики гнева и разочарования донеслись из толпы зрителей.

— Все нормально, — сказал Голт ранаху, убирая свою руку.

Розоватый шейный мешочек затрепетал, и из широкого рта донесся мурлыкающий звук.

Затем ранах снова сел на корточки, совсем по-лягушачьи.

Голт был удивлен разумным выражением, которым светились глаза гигантской лягушки. И вдруг он понял, что ему надо делать. Он показал рукой, в которой был меч, на свой отряд. Затем он показал на болото.

Ранах выпучил глаза, повертел зеленой головой. Шейный мешочек непрерывно пульсировал. Затем он подпрыгнул, снова квакнул и внезап-

но поднялся во весь рост на своих перепончатых лапах. В этой позе, почти величественной, он был ростом с Голта. Он повернулся и, как человек, пошел к воде.

— Подожди! — инстинктивно крикнул Голт, но ранах продолжал идти. Решительно спустился он по склону неуклюжей походкой, продолжая идти с напряжением, но с гордостью. У края воды он остановился, повернулся и посмотрел на Голта.

Голт взглянул на солнце. Оно было еще высоко. И теперь ему надо было рисковать. Голт задержался на мгновение и взглянул на жителей деревни. Ему показалось, что в огромных глазах человека-лягушки было больше разума, чем в глазах этих идиотов. Они смотрели на него враждебно, ведь он лишил их любимого развлечения. Затем Голт решился, махнул мечом и послал жеребца в воду. Ранах все еще шел на задних лапах, как человек, и все углублялся в болото. Сердце Голта сжалось, когда он направил жеребца за ранахом, и отряд последовал за ним.

Жеребец фыркал и тряс головой, шагая в вонючей стоячей воде. Голт шпорами подбадривал его и конь шел, аккуратно нащупывая копытами твердую почву. Голт ехал за зеленой спиной ранаха, который по пояс высывался из воды и подкованные ноги лошади находили опору под слоем ила, устилающего дно.

Когда весь отряд вошел в болото, на берегу собрались жители. Они вдруг обрели мужество. Они кричали что-то им вслед, кидали грязь, затем разбежались и попрятались по своим хижинам.

Все это долгое утро Голт ехал вперед вслед за зеленой спиной ранаха, которая маячила впереди. Это было не легко. Тугой тростник рос зеленой стеной по краям узкой тропы в болоте, по которой вел их ранах. Странные отвратительные змеи шныряли в тростнике. Они смотрели на людей своими злыми немигающими глазами, показывая клыки и высывая раздвоенные языки. Но они уплывали при приближении людей. Голт не думал, что они боялись людей. Скорее всего, они боятся ранаха.

В этих болотах встречались и другие животные. При их приближении в воздух поднимались птицы, зловеще каркая. Они были больше грифов и имели загнутые хищные клювы. Головы были красные и без перьев. Но это были не те птицы, которые кружили высоко в небе, когда они вышли вчера на болото. Те были намного выше. Все же их противное карканье, хлопанье крыльев и шелканье клювов действовало на нервы. Голт ни разу не вытащил меча из ножен, но все время держал его наготове, пока фыркающий жеребец осторожно нащупывал путь, двигаясь по болоту за этим зеленым существом. Позади него ругался Линднер, слышались недовольные возгласы людей, скорее не возгласы, а бормотанье. Только голос Гомона звучал, как всегда, когда он подгонял отстающих.

— Ну, вы, бараны, держитесь плотнее! Двигайтесь поживее. Если понадобится, идите прямо в ад, прямо в пасть дьявола! Не отставайте! Если вы не можете ехать на лошади, плывите, но не отставайте. Может, вы хотите попробовать мой меч на своей спине? Двигайтесь.

Они шли по темной вязкой воде. На ветру гнулся тростник. Затем болото стало глубже. Вода уже достигала пояса Голта, и лошадям иногда приходилось плыть. Ранах все время шел впереди, иногда замедляя ход, и потому, насколько он погружался в воду, можно было судить, какая дальше глубина. Солнце светило сзади сквозь тонкую дымку облаков. Болото издавало невыносимое зловоние, пахло гнилыми остатками растений и животных.

И вдруг Линднер вскрикнул.

Голт быстро остановил жеребца. Тот поднялся на дыбы, развернулся, стоя на задних ногах, и с брызгами опустился на все четыре ноги, повернувшись к колонне. Голт тут же увидел какое-то ужасное существо, впившееся в бедро Линднера.

Темно-полосатое, покрытое слизью, оно болталось в воде и было длиннее человеческой руки и втрое толще. Рот присосался к ноге Линднера, где его кожаные штаны были порваны во время боя с варварами.

— Убей его! — кричал Линднер. — Ради бога, Голт, убей эту гадину!

Голт ударил шпорами лошадь, и она рванулась вперед. Его меч сверкнул в воздухе и упал вниз. Отрубленное тело гигантской пиявки отвалилось от Линднера и, извиваясь, исчезло в воде.

Но присосавшаяся голова крепко держалась на ноге и продолжала высасывать кровь, алая жидкость вытекала в темную воду, окрашивая ее в алый цвет.

Ранах повернулся, быстро приблизился к ним, схватил эту голову зелеными перепончатыми лапами и оторвал ее. К ужасу Голта, длинный язык выскользнул из широкого рта ранаха, обвинил голову пиявки и исчез во рту. Человек-лягушка проглотил эту ужасную голову. Но Линднер продолжал всхлипывать в ужасе. Он закалился во многих битвах, но это жуткое нападение очень подействовало на его нервы. Кровь продолжала течь из раны, сделанной пиявкой, и они ничего не могли с этим поделать. Голт вспомнил, что у пиявок, даже самых маленьких, в слюне содержатся вещества, препятствующие свертыванию крови. А такая огромная, наверняка вприснула гигантскую дозу такого вещества в тело Линднера, когда присасывалась к нему.

Голт поддержал Линднера в седле, и капитан постепенно успокоился. Он покачал головой.

— Она отпустила меня? — голос его был подозрительно спокоен.

— Линднер, только без паники.

— Нет, нет, я не паникую, — а кровь выходила из раны, — но... но после всего этого... идти в такой поход... как ужасно... Голт я засыпаю, я...

— Линднер, друг держись! Держись! — Голт старался завязать рану, но тряпки моментально пропитывались кровью. — Линднер...

Пальцы капитана судорожно вцепились в его плечи.

— Голт... сын. Всегда любил тебя, спать... проклятое чудовище взяло мою жизнь...

Он покачнулся, но Голт удержал его от падения в воду. Он держал Линднера, прижимая его к груди, как ребенка, и ничем не мог помочь другу. Кровь продолжала хлестать из раны. Слезы текли по щекам Голта,

когда на руках его умирал старый друг. Эти слезы падали в воду, окрашенную кровью. -

Голт не бросил тело в болото. Он положил его поперек седла и привязал кожаным шнуром. В это время к нему приблизился ранах. Он тронул ногу Голта, и тот мгновенно повернулся, непроизвольно подняв меч. Голт вспомнил, как ранах проглотил голову пиявки, и его едва не стошнило. Но Голт сдержался и опустил меч. Он увидел, что делает ранах.

У Голта к седлу была привязана сумка, в которой хранился запас пищи и еще кое-какие мелочи. Рука ранах скользнула в сумку и извлекла оттуда стеклянный пузырек. Ранах поднес его к ране Линднера, а затем показал в том направлении, куда исчезла пиявка. Голт смотрел на него и вдруг все понял.

— Гомон! — крикнул он. Бородатый гигант оказался рядом. Его тоже взволновала смерть Линднера. Лицо его было бледно.

— Милорд!

— Соль! — крикнул Голт. — Ты понял? У нас же есть запасы соли в обозе. Пусть каждый наполнит сосуд с солью, прежде чем идти дальше, и держит его наготове. Здесь, вероятно, много пиявок, но они ведь похожи на садовых улиток и очень боятся соли. Если пиявка прицепится к кому-нибудь, пусть он посолит ее, и она отвалится, а еще лучше посолить воду перед ней.

Голт посмотрел на ранах. Тот как будто понял все, кивнул, а когда соль разделили между людьми, он кивнул в знак одобрения.

Отряд пошел дальше, и соль работала безотказно. Голт вовремя увидел тень в воде, приближающуюся к его бедру. Он увидел, как пиявка свернулась тугим кольцом и после минутного колебания устремилась прочь. Он был доволен, что ему удалось отомстить за друга. Он слышал, как сзади временами слышались испуганные крики, которые затем сменялись радостными восклицаниями. Видимо, люди подвергались нападению пиявок и успешно отражали их с помощью соли.

И они продолжали идти вперед, а небо уже начинало краснеть, а на западе даже багроветь, и однажды в этом багровом свете Голту показалось, что он опять увидел тех гигантских птиц, если, конечно, это были птицы. Они снова в зловещем безмолвии кружили высоко в небе.

Это было мучительное путешествие. Они пробирались по отвратительной болотистой жиже, в которой плавали отвратительные существа, поджидающие свою жертву. И не было никого, включая и самого Голта, чье мужество не поколебалось бы. А что будет, когда наступит ночь? Не могут же они провести всю ночь в седлах.

И вот, когда последний багровый луч заходящего солнца скользнул по их лицам, Голт вздохнул с облегчением. Впереди показался островок. Темный бугорок в стоячей маслянистой темной воде. На нем росло несколько неизвестных им растений странной формы, дно под ногами лошади стало постепенно подниматься и, радостно фыркая, она ускорила шаг, следуя за человеком-лягушкой, надеясь, что ее копыта станут на сравнительно твердую почву.

Здесь они решили устроиться на ночлег, и здесь Голт решил похоронить Линднера. Они вырубili кустарник, зарубили нескольких, по-видимому, ядовитых зловеще раскрашенных змей, устроили небольшой костер и выкопали могилу в топкой земле. Они чересчур устали, чтобы выполнить похоронный ритуал. Голт, чье тело дрожало от безмерной усталости и горя, а в глазах стояли слезы, прочел Последнюю Молитву Солдата над могилой и отвернулся.

И очутился перед Гомоном.

— Милорд...

Что-то в лице Гомона заставило Голта опустить руку к рукоятке меча.

— Что случилось, Гомон?

Гомон показал на кучки людей, сидящих вокруг костров. Он понизил голос.

— Милорд, они говорят о мятеже. Слишком много ужасов. Они на это не рассчитывали... Они хотят вернуться назад. Лучше варвары, лучше преследование короля, лучше даже эшафот, чем все это.

Голт взорвался.

— Прекрати! Прекрати эти разговоры! Ведь ты теперь, после смерти Линднера, мой помощник. Если требуется, расколи несколько черепов... Мне не нужны...

— Нет, — сказал Гомон. — Разве ты не видишь? Я с ними, — его голос резко изменился, и он повелительно крикнул: — Хватайте его! — и выхватил меч.

В то же мгновение полдюжины людей схватили сзади руки Голта, скрутили их. Кончик меча Гомона коснулся подбородка Голта.

— Стой спокойно, милорд. Мы не будем убивать тебя, если ты нас к этому не вынудишь. Ты сильный и мужественный человек, и мы все признаем это. Но мы требуем, чтобы ты повернул назад. Закончи этот поход, мы лучше попытаем счастья в Бурне.

— Нет, — твердо сказал Голт, — я пойду один, если придется, но...

— У тебя нет выбора, — пояснил Гомон. — Ни ты, ни мы не можем идти без проводника.

— Ранах...

— ... обречен, — продолжил Гомон. — Мы схватили его, видишь?

Голт повернул голову и убедился, что это правда. Они каким-то образом захватили врасплох человека-лягушку и накинули на него веревку. И теперь дюжина разбойников подтащила его к дереву и крепко привязывала. Выпученные глаза существа выражали удивление, шейный мешочек пульсировал.

— Когда он умрет, мы не сможем продолжать путь дальше. Ты поведешь нас назад или умрешь на этом острове.

— Поведу назад? Небудь дураком, как я смогу провести вас по этому болоту?

— Ты умеешь ориентироваться, я заметил, что ты внимательно следил за дорогой и изредка делал зарубки. Ты можешь провести нас обратно. Мы убьем ранаха, а ты убьешь короля и ...

— Каких подлецов и трусов я выбрал в свой отряд!— Голт яростно плюнул.— Освободи меня, Гомон. Освободи меня и ранаха, и все будет забыто. В противном случае, я предупреждаю тебя, что тебе не поздоровится.

— Может быть. Но не так, как Линднеру. Милорд, мы все взяли в свои руки. Привяжите его к дереву, люди!

Они прикрутили его к дереву по соседству с человеком-лягушкой. Голт не мог бороться с ними со всеми. Ему ничего не оставалось, как только подчиниться. Он позволил привязать себя. Из груди его вырвались короткие стоны, вызванные яростью и беспомощностью.

Ранах смотрел на него выпученными глазами, в которых светилось изумление и смятение. Затем он повернулся к Гомону, который подошел к нему с обнаженным мечом.

— Мне не хочется делать это, — пробормотал Гомон, — но... — и он поднял меч.

Ранах забился в узлах веревки, внезапно его шейный мешочек затрепетал и раздулся до невероятных размеров. Затем из его рта вырвался самый невообразимый звук, который когда-либо слышал Голт. Этот звук наполовину был громом, наполовину пронзительным звучанием трубы: кваканье гигантской лягушки.

Гомон отшатнулся и остановился в нерешительности. А мешочек раздулся снова, и снова леденящий звук пронесся по погружающемуся в ночной мрак болоту.

Гомон, наконец, справился с собой и снова шагнул вперед, но остановился, когда на призыв ранаха пришел ответ.

Казалось, что звук этот пришел со всех сторон, что его производит самоболото. Этот звук исходил из сотен широких ртов, сотни шейных мешочков трепетали, рождая этот ужасный звук. Это кваканье сотрясало воздух, и вся ночь наполнилась ужасающим грохотом и визжанием сотен труб.

Голт застыл. Бесчисленные орды ранахов выползли из окружающего болота на островок! Целая армия их окружила клочок суши, где к дереву был привязан их собрат, зовущий на помощь.

Лошади в панике ржали и бились. Люди сбились в кучу, обнажив мечи и в ужасе глядя во тьму за кострами, откуда несея этот леденящий кровь звук, откуда на них надвигались эти сверхъестественные существа, собирающиеся со всего бескрайнего болота.

— Боги и дьяволы!— Гомон оцепенел с поднятым мечом.

— Освободи его!— крикнул Голт.— Идиот! Освободи его, или они сомнут вас, несмотря на все ваши мечи, скинут в болото и утопят! Обрежь веревки, идиот!

Шум стал таким, что человеческие уши не могли его выдерживать. Гомон неуверенно двинулся вперед, оглушенный и потрясенный этим, разрезал веревки. Они упали на землю, и в то же мгновение мешочек перестал трепетать и опал. Звуки прекратились.

И тут же установилась внезапная тишина.

И эта тишина была такой же оглушающей, как и невероятный шум. Во мраке что-то шуршало, плескалось, но вскоре все успокоилось...

Ранах прыгнул и приземлился у ног Голта. Как бы предупреждая, он квакнул один раз, и тут же тьма откликнулась грозным хором звуков, исходящих из сотен глоток его собратьев.

Затем снова все стихло. Ранах сделал повелительный жест, в значении которого сомневаться не приходилось.

Гомон поколебался, а затем обрезал веревки Голта.

Голт выпрямился, глаза его были холодны, как сталь.

— Дай мой меч, — сказал он.

Молча Гомон поднял его с земли, протянул Голту и поднял свой.

Движение Голта было быстрым, как молния, глаз не мог бы уловить его. Он сделал выпад, парировать который Гомон не смог. Меч сверкнул, как жало змеи.

Гомон выругался, когда лезвие Голта выбило меч из его рук, и тот улетел во мрак. Еще мгновение — и острие меча Голта уже уперлось в горло мятежника.

— Ты грязный предатель, — сквозь зубы сказал Голт.

— Боги и дьяволы, какой великолепный боец, — выдохнул Гомон, затем его глаза встретились с глазами Голта. — Ну, что же, милорд. Я нарушил слово. Бей. Лучше умереть так, чем погибнуть потихоньку в этом грязном болоте.

— Если тебе придется умереть, ты умрешь, — сказал Голт. — Ты дал мне слово, и, черт бы тебя побрал, ты сдержишь его. Я доказал, что я сильнее тебя и в рукопашной, и в фехтовании, и ты будешь служить мне, или я отдам тебя ранахам, и они будут забавляться тобой всю ночь. Ты слышишь? Отвечай! — сверля взглядом Гомона, он легонько повернул меч. — Ты будешь служить мне? — крикнул он.

Гомон стоял напряженно. Затем он прерывисто вздохнул. Он прямо посмотрел в глаза Голту, и барон увидел в его глазах что-то, чего раньше не замечал. Гомон кивнул. Ни тени страха не было на его лице.

— Хорошо, милорд, — спокойно сказал он. — Хорошо, я буду служить тебе.

Голт еще мгновение держал меч у горла бандита, затем отвел его, наклонился, поднял меч Гомона и бросил его бандиту рукояткой вперед.

Гомон ловко поймал эту сверкающую в свете костра молнию.

— Тогда покончим с этим, — сказал Голт. — Ничего не случилось. Просто день был очень труден, и у всех разгулялись нервы. Даже сам Сигрит вряд ли признал бы нас виновными в минутной слабости. С этим покончено, Гомон.

— Да, милорд, с этим кончено, — он стоял, глядя с удивлением на свой меч, изредка с уважением поглядывая на Голта.

Затем он резко повернулся.

— Вы слышите? Слышите, подонки? — крикнул он. — С этим конечно, этого не было. Голт нас поведет, и мы идем за ним. И все вопросы вы будете решать со мной так же, как я с ним! Вы все поняли?

Ранах повернулся к Голту, и в его глазах был вопрос. Люди пятились назад, испуганные гневом Гомона.

Голт успокаивающе кивнул ранаху и тот, казалось, понял. Затем без всякого предупреждения, он присел на задние лапы и совершил чудовищный прыжок во тьму.

Гомон повернулся.

— Лягушка? — в голосе его послышалось отчаяние. — Ругайте меня! Это из-за меня он ушел, покинул нас!

Голт смотрел во мрак. Там слышалось какое-то перешептывание, всплески, шорох.

— Я не знаю, — сказал он. — Может быть, если нам повезет, он вернется. А сейчас нам ничего не остается делать, как поужинать и ложиться спать. Но поставить надежную охрану.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда пришел день, ранах был уже здесь. Он сидел, весь покрытый слизью, с него стекала вода. Он был готов прыгнуть при первом угрожающем движении. Когда Голт подошел к нему с дружеским жестом, ранах вытянулся во весь рост и, неуклюже ступая на перепончатых лапах, повел их через остров. Люди безмолвно смотрели на них. Гомон шел сзади, когда они подошли к северо-восточному берегу острова, Гомон в изумлении воскликнул:

— Боги и дьяволы! Смотри! Их сотни!

Это было действительно так. Голт увидел огромные зеленые спины среди тростников, тысячи выпученных глаз смотрели на них. Все болото было полно ранахами.

— Спокойно, Гомон, — быстро сказал Голт, так как ранах, стоящий рядом, сделал своей маленькой ладонью успокаивающий жест.

Глаза ранаха и жест были такими выразительными, что Голт все понял. Вероятно, это чудовище оказалось способным понять, почему эти люди прошлой ночью были так враждебны к нему. Он смог понять, что люди очень устали и были подавлены чужой и страшной землей, и это привело к взрыву страстей, в эпицентре которого оказался он. Ранах смог понять — и смог простить. Теперь он пытался сказать Голту, что, несмотря ни на что, он держит свое обещание и, что он выведет их из болота. Но чтобы исключить повторение того, что произошло, он имеет охрану.

Люди не смогли воспринять это хладнокровно — сначала. Они волновались, боясь довериться ордам этих водяных чудовищ. Гомон быстро вывел их из этого состояния, презрительно обругав их.

— Тогда оставайтесь здесь, трусливые черви, оставайтесь и погибайте. Барон и я поедem на северо-восток. По крайней мере, у нас есть шанс

спастись. А те, кто останется здесь или попытается вернуться без проводника, погибнет! — он резко повернулся и твердой походкой пошел к своей лошади. — Едем, милорд, — он вскочил в седло и, дождавшись, когда Голт сядет на лошадь, поехал в воду.

Они проехали всего несколько ярдов, когда слышали сзади шум, лязганье оружия, и вскоре копыта лошадей уже захлюпали в болотной грязи.

Люди боялись ехать вперед и боялись остаться — и из двух зол выбрали меньшее.

Через полчаса их страхи полностью развеялись. Это путешествие отличалось от вчерашнего. Проводник шел впереди, указывая им путь, а вдоль отряда все время кружили остальные ранахи. Они охраняли колонну, создав плотный кордон, через который не могло проникнуть ничто враждебное. Голт не раз видел, как длинные языки хватали гигантских пиявок и отправляли их в огромные рты. Ранахи глотали их целиком.

Огромные, невиданные насекомые, страшно жужжа и выставив длинные острые жала, которые могли убить человека, пикировали на людей. Ранахи выскакивали из воды, хватали их своими языками и тоже отправляли в рот. Им в пищу годилось все, что попадалось на пути. Змей теперь не было видно, а если лошади спотыкались и увязали в трясине, лягушки подплывали, поддерживали их и вытаскивали из топи.

Настроение людей изменилось, теперь они начали смеяться и шутить. Они уже не чувствовали себя одинокими и беспомощными.

К Голту подъехал Гомон и откашлялся.

— Все идет отлично, милорд. Относительно прошлой ночи...

— Я же сказал — все забыто.

— Тобой, может быть, но не мной. — Я вчера снова дал слово служить тебе. Но на этот раз я не ставлю никаких условий. С этого момента я последую за тобой всюду, без колебаний и сомнений, — он печально улыбнулся. — Я бы никогда не подумал, что смогу сказать такое дворянину, но... но это правда, — закончил он.

— Тогда благодарю, — голос Голта был мягок. — Я сказал, что все забыто, и это действительно забыто. Колонна растянулась, иди подгони их.

— Хорошо, милорд, — Гомон поднял руку в знак приветствия и прищипил лошадь.

Ближе к полудню Голт почувствовал, что ранахи как-то странно возбуждены. Проводник подплыл к Голту, встал на ноги и показал вперед. Голт поднялся в стременах, заслонил глаза от сверкания солнца и воды. Затем он замер.

Далеко впереди длинная темная линия отделяла небо от болота. Ранах еще раз возбужденно показал вперед, и Голт понял. Он повернулся в седле, выхватил меч и завертел им над головой. Он показал людям вперед.

— Вот она! — прогремел его голос. — Прямо перед вами! Неизвестная земля!

Послышались радостные крики. Его жеребец как будто почувствовал запах земли, раздул ноздри, поднял уши и ускорил шаг. Вода забурила

вкруг него. Дно под ногами стало постепенно подниматься. Теперь они двигались очень быстро, и земля все приближалась. Сердце Голта билось все быстрее, он напрягал глаза, желая бросить первый взгляд на землю, куда они стремились, на землю, которая будет их судьбой.

Вскоре чернота воды сменилась зеленью. Вода достигла всего лишь до колен. Голт снова приподнялся в стременах. Ему показалось, что он видит узкую полоску белого песка, сверкающего на солнце, а за ним виднелись джунгли, деревья невероятной высоты. Вскоре стало совсем мелко и храбрец пустился в галоп. Отряд двигался стремительно, и ранам приходилось скакать за ним длинными прыжками.

Внезапно к Голту вернулась осторожность. Хотя он и был рад наконец оказаться на суше, нельзя так опрометчиво врываться в незнакомое место, где могут ожидать опасности. Он с трудом остановил коня и просигналил колонне остановиться.

Снова приподнявшись в стременах, он стал внимательно всматриваться в берег.

Он долго смотрел, замерев в благоговейном трепете. Он ожидал увидеть заброшенную дикую землю, непроходимые первобытные джунгли, где не ступала нога человека, но он не был готов к тому, что открылось его глазам. Перед ним был открытый лес необычайной красоты, который начинался сразу за узкой полоской песка. Деревья стремились вверх и были такой высоты, что чуть ли не царапали небо своими ветвями. Земля под ними была чистая, как будто аккуратно подметенная, и ее украшали причудливые светлые пятна, которые бросали на землю лучи солнца, пробившиеся сквозь кроны деревьев. Ласковый ветерок, дувший ему в лицо, приносил аромат цветов и зелени. Этот запах резко контрастировал с запахом стоячей воды и гнили болот. Ветерок приносил и птичье пение, которое вызывало сладостную истому во всем теле. Голт ожидал увидеть ужасы ада, а вместо этого увидел рай.

Гомон остановился возле него.

— Клянусь кинжалом моего отца! — прошептал он. — Посмотрите, милорд...

Голт никак не ожидал, что красота может подействовать на огрубевшую душу этого бандита, но Гомон был так же потрясен и очарован, как и сам барон.

Затем Голт покачал головой.

— Да, — сказал он, — прекрасная земля, но кто знает, что ждет нас за деревьями, — голос его внезапно стал твердым и деловым. — Мы поедем в колонне по четыре. Мечи обнажены и луки наготове. По флангам разъезды. Ты и я будем регулярно объезжать отряд.

— Да, сэр, — Гомон поскакал отдавать соответствующие приказания.

Голт выехал на берег. Глаза его обшаривали лес, чтобы заметить любую угрозу. Но было трудно охранять бдительность: испещренные веселыми солнечными зайчиками тени, птичий голос, ароматный ветерок, мягкий и

ласковый, как прикосновение любовника — все располагало к наслаждению, хотелось бросить оружие, наполнить душу миром и покоем.

Затем ранах тронул ногу Голта. Он смотрел на барона, и Голт мог бы поклясться, что чудовище улыбается широким ртом. Затем ранах поднял зеленую перепончатую руку, как бы прощаясь, и прыгнул. Прежде, чем Голт успел моргнуть ранах исчез, и тут же исчезли все его собратья, как будто их и не было. Мелкая прозрачная вода плескалась под копытами лошадей, и люди остались одни на пороге Неизвестной земли.

С Голтом и Гомоном во главе отряд медленно двинулся на берег, пересекая полосу золотого песка, на котором не было ни единого отпечатка ноги. Лошадь Голта фыркала, когда они въехали в лес. Но Голт знал, что это фыркание выражает удовольствие. Ветерок дул им в лицо, и Голт немного расслабился. Если впереди будет что-то угрожающее, то его умный конь почувствует это. Но конь только звенел сбруей, трепет удовольствия пробежал по его телу. Ему было приятно снова очутиться на твердой земле.

Лес сомкнулся за Голтом и Гомоном, когда они углубились в него. Любопытно, но здесь под деревьями не было опавших листьев. На земле была мягкая трава, кое-где высились моховые кочки.

В траве тут и там мелькали цветы самой разной окраски. Создавалось впечатление, что кто-то заботливо ухаживает за этим прекрасным лесом. А если так, то эти люди великолепно выполняют свою работу. Немногие парки могли бы сравниться по красоте с этим лесом.

Пока никакой опасности они не обнаружили и остановились для отдыха и для того, чтобы впервые за много дней поесть в сносных условиях.

Теплый ветерок высушил их одежду, пища восстановила их силы, аромат цветов, причудливая игра солнечных зайчиков, мягкий зеленый ковер под ними — все это действовало усыпляюще, и Голту стоило немало сил уговорить себя и своих людей снова садиться в седло и продолжать путь.

Лес был чистый, без кустарников и высокой травы. Поэтому разезды могли быстро обнаружить врага, но было маловероятно, что их ждет западня. И все же, когда они ехали, у Голта исчезла сонливость, что-то беспокоило его. Он вертелся в седле, стараясь увидеть то, чего здесь не было. Гомон заметил это и подъехал к нему.

— Ты тоже ощущаешь это?

— Что именно?

Гомон сплюнул.

— С самого полудня, — он стал осматриваться, его черные глаза сузились, — мне кажется, что за нами следят, хотя здесь нет никаких следов людей или зверей. И все же я готов поспорить на свою правую руку, что за нами следят.

Голт кивнул.

— Я думал, мне это только кажется.

— Может, и мне только кажется. — Гомон потер подбородок, — потому что, как это ни странно, я не боюсь. Ведь если кто-то следит и я не вижу его, я должен был бы испугаться.

— Ты прав. У меня тоже нет ощущения опасности. Это действительно странно. Но это не означает, что не нужно быть внимательными. Скажи людям, пусть не теряют бдительность.

Голт тронул поводья, и они поехали дальше. Все то же ощущение слежки и никакого предчувствия опасности. И все так же пели птицы, совершенно не обеспокоенные появлением чужаков. С точки зрения Голта пели они невыразимо прекрасно. Даже несмотря на смутное ощущение беспокойства, ехать по чудесному лесу было прекрасно.

Затем впереди стало светлее. Вероятно, они подъехали к краю леса. И хорошо, подумал Голт, ночь уже близится. Наверное, ее лучше провести на открытом пространстве.

Он прищепил жеребца, и отряд поехал быстрее. Через несколько минут Голт и Гомон выехали из похожего на парк леса, и Голт резко остановил коня.

Теперь все резко изменилось. Они попали из рая прямо в дикую и затерянную страну, какую барон ожидал увидеть с самого начала.

Голт выругался:

— Боги и дьяволы! Что здесь случилось?

То, что лежало перед ними, когда-то было лесом и, может быть, таким, из какого они выехали. И теперь в красном свете заходящего солнца перед ними простиралась выжженная пустыня, такая черная, что душа человека содрогнулась при взгляде на нее.

Здесь свирепствовал Всемирный Пожар. Казалось, все силы ада обрушились сюда и уничтожили поголовно все. Когда жеребец Голта сделал шаг, его копыта поднимали облака, черной мельчайшей пыли. Все было сожжено до самой земли. И везде, насколько хватало взгляда, виднелись обгорелые остатки того, что некогда было могучими зелеными деревьями. Теперь эти столбики стояли печальными древними монументами под кроваво-красным закатным солнцем. Неожиданно над этой черной равниной пронесся ветер и один из столбов рухнул, подняв облако черной пыли. Теперь в ветре уже не было аромата — только запах горелой травы, запах пепла, запах смерти. И не было слышно пения птиц.

Подавленный необычайной грандиозностью опустошения, Гомон посмотрел на Голта.

— Мы поедем дальше?

— Да. По крайней мере, еще час, прежде чем остановимся на ночлег.

И они поехали по выжженной равнине между высокими мертвыми стволами деревьев. Лошади фыркали, люди кашляли. В их рот и ноздри забивался пепел. Вдруг Гомон крикнул:

— Милорд, осторожно!

Голт уже и сам видел. Прямо перед ним огромный ствол зашатался и упал. Он рухнул в нескольких дюймах от Голта. Он почувствовал, как ствол просвистел рядом с ним, и затем туча золы скрыла из виду коня и всадника.

Когда Голт выехал из этого облака, жеребец весь дрожал. Голт вытер запорошенные золой глаза.

Где-то впереди рухнул еще один ствол. А затем снова раздался треск. Еще один. Это поднявшийся ветер развлекался в горелом лесу.

— Прикажи людям, чтобы были внимательнее, — хрипло сказал Голт. — Эти стволы подгнили у основания и могут рухнуть в любую минуту. А каждый из них может угробить половину отряда, — затем он тронул шпорами лошадь и та неохотно пошла дальше.

Путь был очень трудным. Они проехали три-четыре мили по этому черному скелету леса.

Со всех сторон то и дело падали стволы и невозможно было предсказать, когда и который из них рухнет. Один ствол упал поперек колонны, и зазевавшийся всадник и лошадь были убиты. После этого все остальные удвоили бдительность.

Солнце клонилось к горизонту. Небо становилось все краснее.

Голт, обеспокоенный тем, что день кончается, нахмурился.

Далеко впереди он снова увидел громадную стаю черных существ, которых он видел раньше. Они кружили в небе, еле заметные на фоне красного неба.

Если эти существа хищники...

Отряд ехал дальше. Мечи были наготове. Все они были подавлены ужасной смертью товарища и ужасной пустыней, по которой они двигались. Эта пустыня ничего хорошего не предвещала.

Сожженный лес казался бесконечным. Голт начал думать, что совершил ошибку, решив пересечь пустыню в конце дня.

Черные птицы уже скрылись из виду, как будто с наступлением темноты улетели в свои гнезда.

Голт подумал, что только он видел их. И это было хорошо. Остальные и так были встревожены.

— Милорд, — сказал Гомон, — любопытная картина, — и он показал рукой.

— Да, — ответил Голт, — я тоже заметил это.

Тут и там стояли деревья, чудом сохранившиеся, избежавшие пожара. Их распростертые безлистные ветви и сучья образовывали на фоне красного неба жутковатые картины. Они были так же мертвы, как и остальные их собратья. Внизу и по окружности этих деревьев топор сделал глубокие канавки, полностью срубив кору.

— Работа лесника. Эти зарубки убивают дерево, — сказал Голт. — Я думаю, этот лес сгорел неслучайно. Это сделал человек. Те, которые поощадили пожар, были уничтожены топором. Как будто было решено не оставлять ничего живого.

— Я тоже так думаю, — сказал Гомон. — Я слышал, что жители деревень, когда лесные звери опустошают их поля, выжигают участки леса или уничтожают живые деревья, подрубая кору, чтобы в лесу не

могли укрываться те, кто вредит их поселениям. Иногда охотники делают то же самое, чтобы легче было охотиться

Голт повернулся в седле.

— Там, в живом лесу, тебе казалось, что за нами следят. У тебя и сейчас такое же ощущение?

Гомон нахмурился.

— Нет, милорд. Теперь мне это не кажется. Да и кто может здесь укрываться?

— Мне тоже показалось, что слежка пропала, но сейчас я снова ощутил ее,— лошадь шла вперед, а Голт с беспокойством смотрел вокруг.— Я чувствую...

— Там!— крикнул Гомон, прервав его. Он прищепил лошадь, вырвался из отряда и понесся по горелому лесу с поднятым мечом. Голт тоже прищепил коня и поскакал за ним. Затем он тоже увидел — что-то зеленое мелькнуло и скрылось за горелым стволом. Потом кто-то маленький выскочил из-за ствола и побежал по пустыне. Гомон неотступно преследовал его.

Погоня была недолгой, бегущий споткнулся и упал. Гомон соскочил с коня, подняв меч.

— Гомон! — кричал Голт.— Стой! Оставь его живым!— он опять прищепил коня.

Предупреждение пришло как раз вовремя. Одетая в зеленое фигура выкатилась из-под копыт коня Гомона. Тот наклонился над ним и приставил меч к горлу.

— Это мальчик,— сказал он, когда подскакал Голт и прыгнул с седла. Он надавил на меч.— Ну парень, что ты скажешь о себе?

Где-то вдаль с шумом рухнул ствол. Мальчик лежал на спине, глядя на Гомона огромными глазами, которые выделялись на бледном лице. Страх и ненависть отражали эти глаза. Быстро наступала темнота, но все же Голт мог увидеть, что мальчик очень красив. На вид ему было лет пятнадцать.

— Отойди,— сказал он Гомону и отвел меч в сторону. Он наклонился, держа меч наготове, взял мальчика за руку и поднял его с земли. Пленник казался совсем маленьким рядом с двумя огромными воинами, взявшими его в плен.

— Хорошо!— сказал Голт.— Ты шпионил за нами, парень. Кто ты? Кто тебя послал? Скажи нам или тебе будет плохо!

Лицо мальчика казалось бледным пятном в наступивших сумерках. Он только покачал головой. Губы его были плотно сжаты.

— Дай я поработаю с ним, милорд,— сказал Гомон.— Он у меня быстро запоет, как птичка.

— Нет, только не пытка,— ответил Голт.— Может, он просто не понимает языка. Позже я попробую поговорить с ним. Уже стало темно. Прикажи устраивать лагерь и выставить сильную охрану.

Гомон что-то проворчал и неохотно пошел к лошади. Голт позвал мальчика к своему коню.

— Ты видишь эту лошадь? Если ты попытаешься бежать, она догонит тебя и откусит тебе голову своими зубами.

Мальчик не подал виду, что он что-то понял, но стоял неподвижно, пока Голт доставал из сиденья сумки веревку, связывал кисти за спиной, обматывал колени и затягивал узлы.

Люди разбили лагерь, собрали дров и разожгли костры. Часовые заняли свои посты. Голт подвел связанного мальчика к костру, указал место, где тот мог сесть. Затем он сел рядом с ним, пристально глядя в испачканное грязью лицо. Из-под оборванной грязной шапочки выбивались светлые волосы, которые казались почти белыми на фоне испачканного золой лица.

— Ну, парень, — начал Голт, стараясь казаться как можно более грозным, — ты в трудном положении. Тебе лучше говорить и рассказать нам, кто ты и откуда, — он повторил этот вопрос на языке варваров и на языке жителей Страны Света. Но на красивом лице мальчика не дрогнул ни один мускул. Видимо, он ничего не понял.

— Милорд, он заговорил? — это появился Гомон.

— Нет.

Гомон вытащил кинжал.

— Тогда пойді немного прогуляйся и оставь нас вдвоем.

— Спрячь кинжал, — голос Голта был тверд.

— Милорд, если парень не заговорит, это может стоить нам жизни. Кто знает, что нас ждет здесь, — он указал на тьму. — В этой ужасной чертовой пустыне все возможно, нам нужно узнать и все как можно быстрее!

— Согласен. Но если он не говорит на нашем языке, а мы не говорим на его, то что даст пытка? Кроме того, я не хочу применять пытку к такому юному созданию — пока использую все возможное.

— Юный, — презрительно фыркнул Гомон. — Гниды превращаются во вшей. Вероятно, он из тех, кто уничтожил эту землю.

— Может, да, а может, и нет. Но мы испробуем другую тактику. Ласка. Когда он немного отойдет от страха и будет больше доверять нам.

— Ласка? — Гомон даже подскочил. — Со шпионом?

Голт укоризненно посмотрел на него.

— Ранах, — сказал он, — помнишь? Если бы ты поступил с ним жестоко...

Гомон после некоторого замешательства пожал плечами.

— Да, милорд, пожалуй, ты прав.

— Тогда принеси ему воды.

Мальчик с жадностью, но и с некоторой деликатностью, ел грубую пищу. Грязь черными тенями покрывала его лицо, кроме огромных голубых глаз, в которых, как заметил Голт, светился живой разум и пропал страх. После ужина Голт опять попытался поговорить с ним на трех

языках и призвал тех из отряда, кто знал какие-нибудь диалекты. Но мальчик только качал головой. Свет в глазах его потух.

Наконец, Голт сдался. Придет утро, может, тогда удастся что-нибудь выяснить у мальчика, а сейчас он устал, смертельно устал. Отходя от мальчика, он подумал о вине. Что бы он дал сейчас за бутылку вина! Он выпил целый галлон, чтобы уменьшить боль и снять напряжение, которое разрывало его голову. Но вина нет, и это хорошо. Впереди долгая ночь и он должен иметь светлую голову и не терять бдительности.

Он и Гомон по очереди проверяли посты. Люди очень устали и только тревога заставляла их держаться на ногах. Ночь была черной, как смерть, и почти такой же тихой. Тишину нарушали только изредка падавшие с треском стволы деревьев, но эта тишина была более жуткой, чем загадочные крики Великих Болот.

После двух часов Голт подошел к своему месту, чтобы поспать. Отстегивая пояс, он положил меч у седла так, чтобы его можно было легко достать.

Бросив последний взгляд на пленника, который был связан и крепко спал, барон бросился на землю, закутался в плащ и провалился во мрак еще до того, как голова его коснулась седла, которое служило ему подушкой.

И затем, после того, что показалось ему секундами, пришло неожиданное пробуждение. Сердце бешено колотилось в груди, рука непроизвольно потянулась к мечу. Он поднялся на ноги. Костры уже догорали, в них светились только угли — значит, он спал час или больше. И что-то было здесь, он не знал, что, но что-то было — странные тени двигались во мраке, почти беззвучно, но не совсем. Шум, который они производили, отозвался в его мозгу и разбудил его. Он ощущал их присутствие, они были везде. А часовые?... Он открыл рот, чтобы поднять тревогу, затем его схватили.

Сильные и жилистые, они навалились на него, эти создания. Дюжина, а может, больше рук схватили его правую руку, вырвали меч и отбросили его. Рука обхватила его горло, не дала крикнуть. Он наклонился, сбросил с себя нападающих, но ему кинулись под ноги, сбили на землю. Он рухнул, и на него бросились все. Его могучие кулаки делали свое дело, но вскоре руки были схвачены, тяжесть, которую он не мог сбросить, придавила его к земле. В рот его всунули кляп. Сильные руки вертели его, обматывая прочной веревкой. Сквозь шум борьбы он слышал другие шумы. Очевидно, нападение было произведено на всех. Затем он был связан и оказался полностью беспомощен. Во рту у него торчал кляп, а на глаза наложили повязку. Связанный, как свинья, которую везут на базар, он лежал и ругался про себя за свою беспечность, проклиная часовых.

Затем его подняли на ноги. Ноги его не были связаны и он мог идти. Кто-то толкнул его, кто-то потянул, и он понял, что он на веревке, как лошадь. Голт пошел вперед. По звукам он понял, что ведут всех его людей, все они были связаны одной веревкой. Прислушавшись, он понял, что ведут и лошадей, и это было странно. Он не слышал ни одного звука,

который бы произвел его жеребец Ужас. Тот должен был бы поднять тревогу ржанием при нападении на лагерь, он должен был бы отчаянно бороться копытами и зубами, когда его попытались бы захватить. Так он был приучен.

Мозг Голта распух от многочисленных вопросов, но ответа ему было ждать неоткуда. Напавшие на них не разговаривали, а его люди были, несомненно, с кляпами во рту, как и он сам. Они только шли, потому что их тянули на веревке.

Шли они уже несколько часов. Голт по звуку под ногами и вкусу пепла на губах понял, что они пересекли пожарище. И вдруг он пошел по какому-то мягкому упругому грунту. Запах золы и пепла сменился ароматом цветов и трав, под ногами шуршали листья. Они снова были в лесу.

Они опять шли часами в полной тишине, шли по лесу, изредка останавливаясь для отдыха. Местность начала меняться. Они уже шли не по равнине, а по холмам. Они шли, вероятно, весь день, и Голт полностью выдохся. Он даже засыпал на ходу, но и во сне чувствовал, что все время поднимается по плоскому склону. Затем его дернули за веревку, приказывая остановиться.

Кто-то толкнул его вниз, и он уселся на что-то мягкое вроде подушки, и впервые за время прозвучали слова.

— Пока путешествие кончилось, — это был женский голос, мягкий, мелодичный, приятный. — Вы можете спать.

Приглашение было излишним. Голт был сломлен усталостью до того, что заснул еще до конца ее фразы. Он спал на мягкой траве и ему снилось — может, этот сон был навеян легким ароматным ветерком — тенистые леса и залитые солнцем луга, усыпанные цветами.

Затем он проснулся, все еще связанный, с кляпом во рту и повязкой на глазах, но отдохнувший и освежившийся. Хотя он вспомнил все, что случилось ночью, он не испытывал ни гнева, ни страха. Он большими глотками вдыхал ароматный воздух, который был еще немного влажным. Он решил, что, вероятно, еще не кончилась ночь и, следовательно, с момента их пленения прошли сутки. Он немного полежал, потом сделал попытку сесть.

Руки схватили его, стали прижимать к земле. Но снова раздался женский голос:

— Нет, все нормально. Отпустите его. Снимите повязку с глаз и вытащите кляп.

Сначала убрали кляп. Голт облизал пересохший рот, и кто-то смочил его водой. Затем с глаз сняли повязку, и он мог видеть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Это была большая поляна в лесу, ее так освещала луна, что все было видно, как днем. И теперь Голт мог отчетливо рассмотреть тех, кто взял его в плен.

Его окружали люди самые красивые, каких он когда-либо видел. И мужчины и женщины были великолепно сложены — и почти полностью обнажены. Одеждой им служили венки из цветов и гирлянды свежих листьев. Они стояли вокруг и смотрели на него. На их красивых лицах было написано любопытство. Бледный свет серебрил широкие плечи, хорошо развитые мускулы, узкие бедра и длинные ноги мужчин и мягкие округлые формы гибких женщин. Голт поморгал и потер глаза. Он решил, что это ему снится.

Никто не говорил, никто не двигался, и Голт осмотрелся.

Его люди все были здесь, связанные, как и он. Сотни людей, таких же, как окружавшие его, сустились вокруг них, вытаскивая кляпы, снимая повязки.

На краю поляны их верховые лошади с аппетитом ели сочную траву, которая в изобилии росла между громадными деревьями.

Затем снова раздался мелодичный, мягкий женский голос:

— Добро пожаловать, милорд, в Иннисгейл.

Голт резко повернулся.

Появился мальчик, который следил за ними, и которого они взяли в плен. Он стоял, уперев руки в бедра, лицо его было отмыто от грязи. Он улыбался Голту и веселье плясало в его огромных голубых глазах.

— Мы не причиним вам вреда, и вам бояться нечего, конечно, если и вы не причините нам неприятностей, — мальчик снял свою шапочку и роскошные золотые волосы дивным водопадом обрушились на его плечи, затянутые в зеленый камзол.

Это оказалась женщина. Волосы обрамляли лицо такой красоты, что рядом с ней любая другая красавица казалась бы дурнушкой.

— Ты? — глуповато спросил Голт.

— Да, милорд, меня зовут Тайна. Тайна — королева Неизвестной Страны, — она небрежно сбросила с себя зеленый камзол и целое мгновение стояла перед ним в лунном свете полностью обнаженная.

Она совершенно не смущалась, и Голт был поражен, увидев, какие прекрасные, совершенные формы скрывались под грязью одежды.

Слуга принес ей тунику из какой-то легкой прозрачной ткани, переливающейся в лунном свете. Туника была совершенно короткой, и ее длинные стройные ноги оставались обнаженными. Она засмеялась.

— Я знаю, что у тебя голова кипит от вопросов. Когда ты поешь, и выпьешь, я постараюсь тебе на все ответить, — она повернулась, сказала

что-то на неизвестном языке, похожем на птичьи трели, которые он слышал в лесу в день их прибытия сюда.

Двое слуг тут же принесли вазы с какими-то очень вкусными фруктами и бутылки вина, имеющего аромат роз. Хотя Голт выпил очень много этого вина и все нервы и мышцы его расслабились, голова его оставалась абсолютно чистой, не затуманенной винными парами.

По всей поляне его людей обслуживали таким же образом.

Голт услышал, как один из них сказал:

— Гомон, мне кажется, что мы умерли и попали в рай!

Голос Гомона ответил:

— Заткнись! Никто ни на что не отвечайте, пока не разрешит барон.

С Голта срезали все веревки, стягивающие его. Теперь, когда голод и жажда были утолены и все его тело наполнилось бодростью и силой, он поднялся, потянулся, размял руки и ноги.

Тайна, которая сидела поодаль, показала ему на подушки из мягкого мха рядом с собой.

— Иди сюда, барон. Давай поговорим.

Голт опустился рядом с нею на мох. И теперь, сидя совсем рядом с ней, он не нашел изъянов в ее красоте, уже вполне зрелой и совершенной.

— Твой маскарад, — сказал он совершенно искренне, — был великолепен.

— Как и твоя терпеливость. Даже тот чернобородый монстр не смог убедить тебя и склонить к пыткам. Я благодарю тебя за милосердие и хочу отплатить тебе за него гостеприимством, — она пристально взглянула на него. — Ты из Бурна?

— Да. Меня зовут Голт. Я пришел сюда по приказу своего короля Сигрита, императора Серых Стран.

Голос ее стал сухим.

— Полагаю, что ты пришел искать человека короля Барта?

Голт застыл.

— Ты знаешь о Барте?

— Конечно, — она казалась не способной на такие чувства, как ненависть, но жгучая ненависть звучала в его голосе. — Конечно, я его знаю. Ведь это он отнял у меня трон и королевство.

Именно поэтому я переоделась и следила за вами. Мне нужно было узнать, такие же вы жестокие люди, как он, или нет. То, как ты обошелся со мной, убедило меня, что нет. Конечно, я многим рисковала, но надеюсь, что моя игра еще не проиграна.

— Значит, Барт жив? — возбужденно воскликнул Голт.

— Да, еще жив и правит Неизвестной Страной на моем месте, — она приняла сосуд с розовой жидкостью, принесенной слугой, отпила немного из него и предложила Голту. — Но, пожалуй лучше начать с начала. Ганон был мой отец.

Это имя показалось Голту знакомым.

— Ганон — это колдун, которого Сигрит прогнал в Неизвестную Страну с ребенком на руках?

— Да, тот Ганон. Он хотел предложить твоему королю дар, ценность которого неисчислима, и взять с него обещание не использовать его или же использовать с большой осторожностью и разумом. Но, к его великому сожалению, он был изгнан из Серых Стран. И как он рассказывал мне, благодаря своей магии, он спасся от рук варваров и людей болота Кушна и добрался сюда, где и обрел безопасность и убежище.

— Камень Могущества...

— Не торопись. Сначала одно, а потом другое. Ганон, мой отец, добрался до этих стран. Здесь он встретил народ, — и она показала на увешанных цветочными гирляндами жителей лесной долины. — Они называют себя Невинными, и это правда. Это прекрасный безвредный народ, и когда-то они были самыми многочисленными жителями Неизвестной Страны. Этот народ возник после Всемирного Пожара, как и остальные обитатели этой страны. Я думаю, что здесь загадочные люди во время катастрофы были сильнее, чем в остальном мире. Они изменили людей, смешав их с другими живыми существами. Никто из обычных людей не выжил, говорил мой отец, выжили только те, кто не совсем человек и не совсем другое существо.

Голт показал на Невинных.

— Но эти кажутся обычными людьми.

— Да, во многих отношениях они люди... Но... — она опять что-то сказала голосом, похожим на птичье пение. Одна из женщин гибкая и стройная, поднялась с земли, очень грациозно подошла к большому дереву, встала на два огромных корня и обняла дерево обеими руками. И только спустя некоторое время Голт осознал, что трансформация свершилась.

Очертания женского тела заколебались, размылись, превратились во что-то зыбкое и слились с корой старого дерева. В течение секунд она стала частью дерева и дерево стало частью ее.

Затем она снова стала сама собой и, лукаво улыбнувшись, пошла назад, на свое место позади госпожи.

— Так она кормится, — сказала Тайна. — Питается соками самого дерева. Вот так они и живут. Они являются нитью, связывающей людей и растения. Но разве все живое не связано между собой? Они не едят ни мяса, ни птицы, ни рыбы. Им не нужно никого убивать, и так они сохраняют свою первозданную невинность. Они живут только на зеленых цветущих растениях, в основном, на лесных деревьях, от которых они, не причиняя им вреда, берут пищу.

Голт в изумлении потер подбородок.

— Ты не шутишь?

— Нет. Да ты и сам видел это. Это очень мягкие нежные люди, как лес, в котором ты сидишь, как эти деревья, как мох. Но позволь мне продолжать.

— Да.

— Шло время, и ваш король выселил сюда много других людей. Колдуны, бандиты, убийцы — отбросы государства. Многие погибли в болотах, некоторые пробрались сюда. Эти люди вступили в союз с вирами и слитами...

— С кем?

— Это хищные существа, которые живут здесь. Сначала их было немного, и пока не пришли люди, они не были объединены. Они охотились друг за другом. Виры — это жуткая помесь человека и летучей мыши, отвратительные существа с острыми клыками, грубой шерстью и кожаными крыльями...

Внезапно Голт вспомнил черные точки, кружащие в небе.

— Мне кажется, я видел их...

— Да. И они тебя тоже отлично видел. Барт использует их для постоянной разведки, конечно, когда они не висят вниз головой в своих пещерах.

Слиты совсем другие. Это земные существа — помесь человека и змеи. Хладнокровные, невозмутимые, они имеют руки и ноги. Свирепые воины, очень опасные, их трудно убить.

Барт напал на эти два племени, победил их, заставил быть в мире между собой, чтобы использовать против Невинных, но я забегая вперед.

Она снова отпила немного розовой жидкости.

— Пришел мой отец, Ганон. Здесь остался огромный дворец, почему-то не пострадавший во время Мирового Пожара, но короля в этой стране не было.

Ваши люди, изгнанные из королевства, принесли сюда смерть и хаос. А до того, как они появились, здесь царили мир и покой. Мой отец, обладающий некоторым могуществом, покорил их, а также вигов и слитов, объявил себя королем с единственной целью — восстановить мир и порядок.

И мир действительно вернулся. Земля снова превратилась в рай... пока не пришел Барт.

— Что тогда произошло?

— Что-то, чего я не понимаю. Однажды мой отец взял меня на руки. "Мы должны расстаться, — сказал он, — может быть, навсегда". Он говорил в очень туманных выражениях, как обычно изъясняются волшебники. Суть сводилась к тому, что все предопределено могущественными силами, которые недоступны нашему пониманию, что ему была поручена некая миссия. Теперь он все выполнил, и его ждут там, куда он должен вернуться. Он получил приказ. Он не знает, куда пойдет, но это очень далеко, так что мне следует считать его мертвым, унаследовать его трон и править страной так, как учил он, хранить справедливость и мир в стране. И я стала править. И правила почти год. А потом пришел Барт с солдатами. Он разговаривал очень любезно, — горько продолжала она, — и никаких враждебных намерений не выказывал. Я не встречалась с такими людьми, как он, поверила его слову. А он предал меня, отобрал трон — ведь у меня нет армии и нет магических сил. Он замучил бы меня

до смерти, если бы я не сбежала к лес в этим людям. И теперь королевством Иннистейл правит этот человек. Он живет в крепости, которая в древности называлась Брикенхольм, и привязал к себе вигов и слитов обещаниями неограниченного количества жертв для них, — она показала на древесных людей на поляне, — а впоследствии много пищи в огромных странах. Они, Невинные, остались единственными его противниками, но они не опасны — ведь он не воины. И тем не менее он старается истребить их, и для этого он опустошает страну, сжигает и умерщвляет деревья, которыми они кормятся. Осталось совсем немного лесов, где они еще могут жить и укрываться, но он постепенно уничтожит и их огнем и топором, и тогда Невинные вымрут.

— Но зачем это? Ведь король его сюда прислал не для этого. Это была исследовательская экспедиция. С тех пор, как он отправился в поход, прошло много времени. Поэтому я и пришел сюда. Если все, что ты сказала, правда, значит, он предал доверие короля Сигрита.

Тайна горько рассмеялась.

— О, специальность Барта — предательство. И судя по тому, что он сделал со мной, он планирует большое предательство против вашего короля. Слушай, Голт, — сказала она с горячностью, — эта страна очень богата. Вы там, во внешнем мире, очень цените золото и серебро.

Здесь, в шахте Верны, золота столько, что вы не можете даже себе представить его количества. Оно там лежит огромными слитками у самой поверхности.

Вероятно, во время Мирового Пожара его здесь выбросило на поверхность. Барт нашел его и, вероятно, поэтому решился на предательство.

Золота здесь столько, что на него можно купить весь ваш мир. В шахте работают рабы.

Это те из его солдат, кто восстал против предательства и отказался вступить в союз с вирами и слитами. А также те люди, изгнанные из королевства, которые были преданы мне.

Там богатств столько, что искушение оказалось слишком сильным для него.

Но еще более ценное сокровище находится в этой стране. Оно спрятано и Барт неустанно ищет его.

Если он найдет его, то выйдет отсюда с вирами и слитами, завоюет страну варваров и будет непобедим. Самые великие ваши военачальники не устоят против него, если он найдет то, что ищет.

— Камень Могущества...

Голт сказал это, поняв о чем идет речь.

— Да, — она восторженно сказала. — Ты о нем знаешь?

— То, что Сигрит рассказал мне, — он быстро пересказал ей все.

— А это правда? — закончил он свой рассказ вопросом.

Он не мог скрыть возбуждения.

— Этот Камень Могущества действительно существует, и он действительно обладает таким могуществом? — настаивал он, видя, что она не торопится отвечать на его многочисленные и настойчивые вопросы.

Тайна немного отодвинулась от него.

— Да, он существует. И мой отец говорил о нем именно то, что говоришь ты. А мой отец никогда не лжет.

— И ты знаешь, где он?

Она опять отодвинулась.

— Может быть.

— Но почему ты не используешь его против Барта? Если он действительно обладает могуществом, то Барт не сможет устоять против тебя.

Тайна глубоко вздохнула, и ее роскошная грудь затрепетала под прозрачной тканью.

— Потому что я женщина. Камень показывает свое могущество только мужчинам, но не женщинам. Ты думаешь, я не пыталась? В моих руках он просто камень, а в руках Барта — кто знает?

— Значит, Барт хочет найти его, напасть и победить Сигрита, завладеть всем миром?

— Да, он этого хочет.

Голт вскочил на ноги, охваченный странным жгучим чувством. Его клятва королю не прикасаться к камню была забыта.

— Тайна, ты должна дать мне этот камень. У меня маленькие силы, но если у меня будет камень, я смогу выступить против Барта, и если камень действительно обладает могуществом...

Тайна тоже поднялась.

— Нет.

Голт удивленно взглянул на нее.

— Нет? Ты не хочешь свергнуть Барта, не хочешь снова занять свой трон в Иннисгейле?

— Я хочу. Но я не покажу тебе Камень Могущества. Ни тебе, ни другому. Твоему королю предлагали его, и он отказался. Мой отец наказал мне хранить тайну вечно. Камень обладает большим могуществом. Даже самые лучшие люди не смогут сопротивляться его чарам, если они не такие, как мой отец: люди, обладающие большим тайным знанием и мудростью. Никто не получит этот камень, пока не вернется отец и сам решит, можно ли его доверить человеку.

Этот камень был причиной смерти многих миллионов людей за всю историю человечества, Сигрит не поверил отцу и отказался от камня. И никто из ныне живущих не может получить этот камень, так как Сигрит — величайший из людей нашего времени, раз отец выбрал его.

— А если Барт найдет камень?

— Он его не найдет. Я спрятала очень надежно. Именно поэтому он хочет поймать меня. Он уверен, что пытками заставит меня открыть потайное место. Я не думаю, что мне не выдержать пыток. Я дочь своего

отца и не дорожу своей жизнью, — она замолчала. — Но мне дороги жизни вот их, — добавила она и показала на Невинных.

— Они не знают, что такое воевать и убивать. Единственное, чего они хотят, это чтобы их оставили в покое, чтобы они могли мирно жить в зеленой стране. Я не могу видеть, как их уничтожают, и я ничего не могу поделать.

Она отвернулась от Голта.

— Когда пришел ты со своими людьми, — заговорила она, — мой народ следил за вами, когда ты шел через лес. А в сожженной пустыне, когда я следила за вами, вы схватили меня. Но это было к лучшему. Я узнала то, что хотела. У тебя есть армия, Голт, и ты любишь своего короля. Поэтому я привела сюда тебя и твоих людей, не причинив вам вреда. Невинные не могут убивать, а я человек.

Пока вы лежали связанные, я могла бы убить вас всех вашими собственными мечами, если бы захотела, — она повернулась к Голту. — И вы все еще безоружны. Если я захочу...

— Ты не сможешь сделать этого, — сказал Голт.

— Чтобы спасти их, смогу, — ее голубые глаза сверкнули пламенем, которое быстро угасло. — Но я не сделаю этого. Я хочу, чтобы твои цели совпали с моими. Объяви войну Барту, восстанови меня на троне.

Если ты сделаешь это, я обещаю союз с Сигритом. Я отдам эти земли под его защиту с ежегодной выплатой богатой контрибуции. Он должен только гарантировать нашу безопасность, но наши законы должны остаться такими же, какими установил их мой отец. Они очень мудро приспособлены к особенностям нашей страны и ее населения. Сигрит будет получать много нашего золота и серебра. Может, и ты разбогатеешь. Только одно я не обещаю: Камень Могущества. Он останется у меня и не достанется никому.

— Думаю, что Сигрит захочет его.

— Его не получит ни он, ни ты, ни Барт, ни любой другой человек. Все, что угодно, — она протянула руку и положила ее на руку Голта. — Что скажешь ты, барон Голт?

Голт стоял, насупившись. Когда она коснулась его, что-то пробежало между ними, чего он раньше никогда не чувствовал, какая-то магия. Она возбудила ток, протекающий между ними. Голт был оглушен, он лишился всех своих чувств.

Он смотрел в это освещенное лицо, которое было так прекрасно, что он не мог не поддаться его очарованию. Может, это была его первая встреча с колдовством. Он знал лишь то, что он хочет только ее, и если она будет принадлежать ему, он никогда не посмотрит ни на какую другую женщину. В ее прекрасных голубых глазах он прочел то же самое чувство.

Он облизал губы, которые пересохли при ее прикосновении.

— Если все, что ты сказала, правда, — прошептал он, — то у меня есть основания выступить против Барта. Конечно, армия у меня не из лучших,

отребье общества, но я думаю, драться они будут. Я постараюсь сделать все, чтобы восстановить тебя на троне и выполнить приказ короля Сигрита.

Ее пальцы стиснули его руку.

— Без Камня Могущества? — прошептала она.

— Без него. Только с помощью оружия.

Она придвинулась ближе к нему.

— Тогда... тогда закрепим наш договор, — ее губы были слегка приоткрыты, глаза ее смотрели в его глаза.

— Да, — сказал Голт, — я закреплю договор.

Он притянул ее к себе и прижался губами к ее рту.

Поцелуй длился очень долго. Когда он кончился, Голт понял, что, независимо от того, погибнет он здесь или нет, поход в Неизвестную Страну был для него не напрасным. — Тайна...

Она задрожала в его объятиях.

— Такая магия, — прошептала она. — Я раньше никогда не знала, что такое бывает...

Затем Голт пришел в себя. Он резко отстранился от нее.

— Конечно, магия. Но мы здесь в безопасности? Ведь мы не вооружены, а нам необходимо оружие. Прежде чем что-либо начинать, нам нужно вооружиться. Это очень важно!

— Вы получите оружие прямо сейчас. Это место тайное — оно священо для людей-растений. Но теперь виры летают везде, знают все и — но ты теперь дал слово. Ты получишь свой меч, Голт. Но поцелуй меня еще раз.

— С удовольствием... — он потянулся к ней.

И в это мгновение вся поляна наполнилась щебетанием, похожим на птичье, каким-то нестройным шумом.

Тайна отскочила, глаза ее расширились, лицо побледнело в лунном свете.

— О, боги! — выдохнула она. — Быстрее, слиты! Слиты идут! Орудие там! — и она показала, где именно.

— Гомон! — завопил Голт. — Мечи! Вооружай людей! — он бросился через поляну.

В этот момент его жеребец фыркнул, заржал, стал бить копытами. Он что-то ощущал во мраке за поляной. Гомон и остальные солдаты стояли, парализованные удивлением. Они выпили много розового вина, расслабились, многие уже обнимали женщин из племени Невинных.

— Голт! — воскликнула Тайна. — Смотри!

Но было уже поздно.

Они уже были здесь, окружили поляну плотным кольцом, материализовались из тьмы, как тени. Мечи были в руках.

Голт услышал фыркание жеребца, отступившего на поляну. Он знал мужество своей лошади, был уверен, что она ни перед чем не отступит. И только змеи заставят ее попятиться.

И его рука уже почти схватила меч, когда острие меча у горла заставило его остановиться.

— Не двигайся, человек, — прозвучал шипящий голос. — Если ты не послушаешься, то останешься без головы.

Голт медленно выпрямился, заглянул в холодные змеиные глаза, глубоко посаженные на лице, защищенном сверкающей чешуей. Вместо носа на лице были узкие щелочки ноздрей. Рот был широкий, с твердыми губами, из него все время выскакивал нервный раздвоенный язычок.

Слиты были в шлемах, со щитом и были одеты в кожаную одежду. Но настоящие их доспехи были сделаны не из металла, это была чешуя. Она покрывала каждый дюйм их тела — очень длинную шею, покатые плечи, на которых сидела маленькая голова, руки, ноги, живот и длинный хвост, который неумоимо, как у всех рептилий, болтался сзади.

Голт никогда не видел таких отталкивающих существ и таких опасных — даже полуволки Альбрехта были симпатичнее.

Вся поляна была полна ими. Они с обнаженными мечами теснили людей и Невинных, сбивая их в кучу в центре поляны.

Вскрикнула Тайна — два слита поволокли ее, крепко держа за руки.

Острие меча сильнее прижалось к шее Голта.

— Не вздумай сопротивляться, — шипел слит. — Король Барт хочет, чтобы ты был жив, но он приказал убить тебя, если ты будешь сопротивляться, — голова необычайной формы с непрерывно мелькающим языком повернулась. — Фрисс! — позвал слит.

— Да, капитан Насс, — солдат-слит склонил голову.

— Схватить всех людей, связать их. Остальных прикончить.

— Есть, капитан, — тот, кого звали Фрисс, повернулся, прошипел что-то на своем языке, которого Голт не мог понять.

Затем Тайна подняла голову. Прежде чем руки слита успели зажать ей рот, она что-то прошептала по-птичьи. И вся поляна пришла в движение. Невинные, окруженные со всех сторон вооруженными слитами, бросились бежать. Голт слышал крики, когда кого-то из них поражал меч. Люди-змеи были безжалостны, они не щадили ни мужчин, ни женщин. Но в этой неразберихе многим людям-растениям удалось ускользнуть, и они исчезли в лесу. Голт стоял беспомощный, так как острие меча капитана не покидало его горла.

Затем на поляне все стихло. Слышались лишь стоны раненых, которых люди-змеи безжалостно и хладнокровно приканчивали.

Рот Тайны был зажат холодной чешуйчатой ладонью. Каждый из отряда Голта был схвачен покрытыми чешуей воинами. Было странно, что на поляне, несмотря на резню, стоял запах цветов, к которому слегка примешивался запах змей. Вероятно, кровь людей-растений пахла цветами.

Солдаты-змеи связали Голта и Тайну. Голт увидел, что Гомон и его остальные люди тоже связаны.

— Не забудьте лошадей! — скомандовал капитан Насс. — Королю они нужны, — затем он ткнул Голта мечом. — Иди, — прошипел он, — нам нужно в Биркенхольм.

Это был путь, которого Голт никогда не сможет забыть. Путь смерти, каким он представлялся ему.

Им не давали ни пищи, ни воды. Им не позволяли отдохнуть. Слиты, казалось, не знали усталости. И они совершенно не знали жалости. В конце первого дня, когда отряд вышел из леса в выжженную пустыню, некоторые из отряда Голта не выдержали усталости и жажды. Но те, кто упал, были убиты на месте.

Насс вел колонну. За ним шел под усиленной охраной Голт, рядом с Голтом, тоже под охраной, шла Тайна. Голт не мог понять, как она все это выдерживает.

Она качалась от усталости, но не падала. Она шла чисто механически и высоко держала голову. Ни ей, ни Голту не разрешалось говорить и тишину нарушали только предсмертные крики тех, кто погибал под ударами меча. Даже Гомон, которого связали особенно тщательно, хранил молчание.

Любой другой противник, — думал Голт, встретил бы сильное сопротивление со стороны Ужаса, его жеребца. Но запах змей напугал его и теперь он шел кроткий и послушный, как ослик.

Сожженные земли, казалось, никогда не кончатся. Они шли по пепелищу весь день и всю ночь. Там и тут из пепла вставали зеленые ростки, но слиты вырубали их мечами. Когда они вышли из леса, к ним присоединился другой эскорт — высоко в небе кружили черные точки. Они не спускались низко и Голт не мог рассмотреть их. Но он теперь знал, что это и есть виры — люди-летучие мыши. Это именно они выследили их с воздуха и послали на поляну слитов.

Только через день, чуть не падая от голода и жажды, они добрались до конца выжженной пустыни.

Они поднялись на пустынный, без всякой растительности холм, и Тайна глубоко и прерывисто вздохнула.

Голт посмотрел вниз с холма. Склон был покрыт травой. А внизу огромные березы вздымались к самому небу, бросая тени на высокие стены замка.

Эти гранитные стены окружали огромный замок, который проник сюда из тьмы веков, пережил всемирную катастрофу, уничтожившую все на Земле, кроме жизни и этого замка. Шпили башен вонзались в вечернее небо, черепичные крыши сверкали в лучах солнца. Это был замок, крепость, дворец. Он был не хуже любого дворца в Серых Странах. И, несмотря на усталость и истощение, Голт был потрясен открывшимся перед ним величественным зрелищем. Потом его снова толкнули, и он пошел вниз по склону.

Отряд по перекидному мосту переправился через глубокий ров, на дне которого была уложена металлическая полоса с острыми, как бритва,

кольцами. И они очутились в огромном дворе, который был выложен великолепными изумрудами, аметистами и другими драгоценными камнями, названий которых Голт не знал. Слиты провели их через двор в замок. Они шли по коридору, стены которого были сделаны из чистейшего прозрачного мрамора с украшениями из золота, а затем через огромные двери, тоже мраморные, они прошли в тронный зал. Стены и потолок были из золота, и везде стояли прекрасные статуи из того же драгоценного и вечного камня, не подверженного губительному действию времени. И не время было причиной их теперешнего плачевного состояния. Головы прекрасных статуй были оторваны, и через образовавшиеся отверстия видна была пустота внутри статуй. Да и сами статуи были выворочены со своих пьедесталов. В конце тронного зала, на расстоянии трехсот метров от входа, на золотом троне сидел человек.

Весь отряд Голта был окружен и задержан во дворе. Только сам Голт и Тайна прошли по двору, мощенному драгоценными камнями, и предстали пред темной фигурой, которая сидела на троне.

И когда они подошли к нему, они увидели, что за ним стоят воины-слиты с мечами наголо. А рядом со слитами стояли люди совсем иного типа — люди, покрытые коричневым бархатным пухом, глаза щелочками, широкие рты украшены сверкающими клыками, кожаные крылья сложены за спиной. У них тоже были руки и ноги, и они были вооружены мечами, пиками и алебардами. Слиты и виры — почетная гвардия короля.

— Приветствую тебя, барон Голт, — сказал сардонический голос.

Голт посмотрел на человека на троне.

Барт. Точная копия Альбрехта, за исключением того, что у Барта волосы, усы и борода черные, как смоль. Он был одет в камзол из соболей, отливавший голубым цветом. На голове его была золотая корона, украшенная драгоценными камнями необыкновенной красоты. Но камни не добавляли мягкости его узкому мрачному лицу с высокими скулами, крючковатым носом и ртом, похожим на щель.

Голт попытался заговорить, но рот его, запекшийся после долгого путешествия без воды, не повиновался ему, и Голт смог извлечь только храп.

— Дайте ему попить, — сказал Барт, небрежно махнув рукой. — И ей тоже.

Два слуги-человека принесли кубки с водой. Голт и Тайна жадно пили воду. Затем, когда кубки унесли, Голт, перскатывая оставшиеся капли во рту, сказал:

— Барт?

Тонкие губы искривились.

— Для тебя — король Барт.

— Предатель Барт для меня. Сигрит, думая, что ты погиб, послал меня выяснить, что с тобой случилось. Когда он узнает о тебе, твоя голова покатится с плеч.

Черные, как нарисованные, брови Барта выгнулись в изумлении.

— Когда Сигрит узнает обо мне? — он наклонился вперед, его лицо стало свирепым. — Сигрит скоро узнает обо мне. Когда я приду завоевывать его королевство.

— Завоевывать королевство Сигрита? — Голт плюнул в направлении трона, слит ударил его, заломил руки за спину.

— Да, — Барт откинулся на спинку кресла. — Завоевывать его королевство. Завоевывать весь мир. У меня теперь могущества хватит.

— Я думаю, что нет, — спокойно сказала Тайна.

Глаза Барта сверкнули в ее направлении.

— А я думаю, да, — сказал он. — Единственное, чего мне не хватает — это Камня Могущества. Ты мне дашь его. Если не добровольно, по любви, то боль пыток заставит тебя. Так или иначе, но ты мне его дашь.

— Нет, даже если ты будешь резать меня на кусочки, — сказала Тайна. Негодование совершенно изменило ее голос.

Барт вздохнул и выпрямился.

— Если ты думаешь, что я тебя пощажу, то ты меня недооцениваешь.

— Ты меня совершенно не интересуешь. Только я знаю тайну Камня Могущества. И я тебе скажу, что ты его не получишь.

Барт снова откинулся на спинку трона.

— Ты очень смела, моя дорогая. Но сейчас мы не будем обсуждать этот вопрос, — он снова небрежно махнул рукой. — Отведите ее в мои покои и тщательно охраняйте, пока я не приду. Я не задержусь.

Когда слиты утащили Тайну, Барт поднялся с трона. Высокий, мускулистый, он легко спустился по ступеням с возвышения и встал перед Голтом. Он был примерно такого же роста как и барон, но гораздо тоньше и строение.

— Ну, — сказал он спокойно, — значит, Сигрит хочет знать мою судьбу. Он послал тебя, барон Голт, найти меня. Ну, что ж, вольно или невольно он сослужил мне хорошую службу. Люди мрут на шахте Верна, как мухи, и мне нужны рабочие. Мне кажется, что ты и твои люди поработаете там. Правда, недолго, там не такие условия, чтобы там можно было долго прожить. Но, с другой стороны... — он подошел близко к Голту, — с другой стороны, — и он сделал широкий жест рукой, — ты видишь все это богатство? Я хозяин всему. Здесь больше богатства, чем во всем остальном мире. Ты хочешь разделить его со мной, барон Железных Гор? Я знаю, что ты хороший воин и, может, мне лучше обогатить тебя, вместо того, чтобы отправлять на смерть в шахте? Я приведу тебя к таким богатствам, какие даже и не снятся в твоей нищей стране, где богатства измеряются мешками зерна или тушами убитых оленей, — он повернулся, взял в руки золотую голову ангела, оторванную от статуи. — Только здесь, в замке, у меня столько золота, чтобы купить всю армию Сигрита! И это только небольшая часть! За все золото я могу купить весь Бурн и все Серые Страны, вместе с дворянами и простолюдинами.

Губы Голта искривились в презрительной усмешке.

— Не со всеми, — сказал он.

— Со всеми, кроме дураков, а когда у меня будет Камень Могушества, ничто не устоит передо мной. Ты знаешь о Камне Могушества?

— Может быть, — сказал Голт.

Барт испытующе посмотрел на него. Затем он пожал плечами.

— Впрочем, нет, — сказал он совсем другим тоном. — Ты из тех идиотов, что ценят преданность королю превыше всех сокровищ. Ты умрешь за Сигрита, но не предашь его никогда, ни за какие сокровища.

— Сигрит живой, а золото мертво, холодно и тяжело, — услышал Голт свой голос. — Я храню верность Сигриту, Барт.

Барт холодно засмеялся.

— Тебе нужно многому учиться. Ты со своими людьми будешь получать образование в шахте Верна.

Через несколько недель, если ты, конечно, будешь еще жив, ты все увидишь в другом свете. Подумай, барон Голт...

Он выпрямился во весь свой довольно большой рост.

— Я правлю здесь, — продолжал он. — Полностью. Абсолютно. А затем я также буду править миром.

И те, кто не за меня — против меня. Среднего пути нет.

Те, кто со мной, будут благоденствовать, а враги будут повержены и уничтожены.

Подумай об этом на шахте Верна. Время у тебя будет.

Он махнул рукой ожидавшему капитану слитов.

— Возьмите его и остальной сброд, отведите их на шахту, и пусть там работают с остальными.

Человек-змея наклонил свою узкую голову.

— Хорошо, Ваше Величество, — он повернулся к Голту с обнаженным мечом. — Иди, человек, — прошипел он. — Ты слышишь приказ короля Барта. Иди живее, а то я проткну тебя. Путь на шахту долг и труден.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Голт, ветеран войны и походов, думал, что привык переносить трудности и испытания. Но он и понятия не имел, какие трудности ждут его впереди, на шахте.

Верна находилась в двух днях пути от Биркенхольма, среди каменных холмов, мрачных и пустынных. Более жуткое место трудно было себе представить.

Голт и его отряд проделали весь путь пешком в сопровождении батальона слитов. Над головой кружил на своих огромных кожаных крыльях другой отряд охраны — виры. И находясь под такой охраной бежать было невозможно.

Покрытые шерстью крылатые чудовища, с обнаженными мечами, кружили совсем низко, и находили огромное удовольствие в том, чтобы мучить несчастных людей.

Слиты, люди-змен, уже доказали свою ненависть к теплокровным, но они и сейчас доказывали ее, безжалостно убивая истощенных, уставших людей, которые падали от изнеможения.

К тому времени, когда отряд добрался до шахты, все уже представляли жалкую пародию на людей. Даже могучий Гомон, который мог выдержать любые лишения, теперь шел с опущенной головой и поникшими плечами.

Наконец, они подошли к комплексу деревянных зданий, окруженных стеной.

Это были бараки, плавильни, кладовые. И все было окружено стеной из огромных каменных глыб, по верху которой шли отравленные острия. На постах часовых находились виры и слиты. Новоприбывших привели в кузницу, где под угрозой мечей, на Голта, Гомона и всех остальных повесили тяжелые цепи. Цепи, сковывавшие кисти и колени, были такой длины, что не мешали работать.

Затем им вручили кирки и погнали прямо в шахту.

Слиты загоняли их по длинным туннелям, освещенным слабыми лампами, все глубже и глубже в мрачное, лишенное воздуха подземное царство.

Наконец, они добрались до огромной, освещенной дымными факелами штольни, где было много закованных в цепи людей. Голт даже споткнулся при входе.

Стены и потолок этой огромной пещеры были полностью из сверкающего металла — неполированного, но такого чистого, что блеск его ослеплял. Это было золото и серебро.

Изможденные бородатые люди непрерывно работали, подгоняемые мечами надсмотрщиков-слитов, как только ритм работы замедлялся.

В этих глубинах было на удивление жарко — тела рабочих выделяли тепло и влагу, и в таком непроветриваемом помещении тело Голта моментально покрылось потом, не успев он еще поднять кирку.

Но это тепло, казалось, на слитов действовало возбуждающе. Они были везде, кричали, подгоняли, угрожали, кололи мечами тех, кто, по их мнению, недостаточно энергично махал киркой.

Слита, которому поручили наблюдать за Голтом и Гомоном, звали Рисс.

— Берите инструменты, — шипел он, с трудом произнося непривычные слова, которым он, по всей вероятности, совсем недавно научился. — И работайте, пока я не скажу “хватит”. Если вы попытаетесь отлынивать, то меч заставит вас работать. Никто не выйдет из шахты, кроме тех, кому здесь нечего делать, кто умер. Ну, приступайте!

Делать было нечего, надо было работать. Голт и Гомон подняли кирки, от всей души желая, чтобы их удары обрушились на слитов. То же

самое чувствовали и те, кто еще остался от его отряда, и те, кто работал здесь до них.

Их было более трехсот человек, верно, не человек, а жалких теней, истощенных непосильной работой и плохим питанием скелетов.

Голт и Гомон начали со всеми силами, несмотря на жару и усталость, обрушились на серебряную стену.

Голт не знал, что оживило Гомона — разговаривать на шахте было запрещено, а тех, кто нарушал запрет, ждало наказание.

Его самого подбадривали воспоминания о Тайне. Он вспомнил нежность ее губ, ласку ее прикосновения, эти мысли сделали его сумасшедшим, и все свое безумие он обрушивал на серебряную стену. Он отбивал от стены огромные куски, но сам не сознавал, что делает.

“Я должен спасти ее, хотя бы ценой своей жизни, — думал он, не переставая бить киркой. — Что с ней сделает Барт? Ведь прошло уже три дня! О, боги и дьяволы!”

И он снова изо всех сил вонзал в стену тяжелую кирку.

Рядом с ним работал Гомон. Он не проявлял особого рвения, но махал киркой достаточно равномерно, так что меч слита не касался острием его тела.

С другой стороны работал какой-то превратившийся в скелет человек. Он с трудом поднимал тяжелую кирку. Дыхание со свистом вырывалось из его груди. Спина и бока были покрыты запекшейся кровью от бесчисленных уколов мечом. Он не смотрел на Голта, но барон знал, что время от времени он искоса подглядывает на него.

В этот первый день они пятнадцать часов работали в шахте. Куски металла они грузили на тележки, которые другие люди вывозили из шахты, запряженные наподобие лошадей в эти тележки.

И Голт много раз видел, как падали обессиленные люди, у которых подгибались ноги от слабости.

Слиты не теряли времени на жалость. Их мечи сверкали, люди вскрикивали, получая смертельный удар, и их тела вывозили наверх вместе с кусками драгоценного металла на одних и тех же тележках.

Наконец, работа была окончена.

К этому времени Голт был близок к безумию. Почему он не убил Барта, когда тот был совсем близко от него? Надо было убить его, пусть даже пришлось бы погибнуть самому под мечами охраны.

Он не был зол по натуре, но сейчас ненависть переполняла его, ненависть, которая заставляла дрожать все его тело, которая сушила горло и находила выход только в ударах киркой по серебряной стене.

Тайна. Он любил ее...

Голт еще раз ударил по стене и замер.

Стоп. Хватит безумия.

Надо думать. Думать.

— Хватит, — прошипел слит. — Оставь кирку и иди наверх.

Рядом с ним крикнул Гомон. Огромное тело его было покрыто потом, но тяжелая работа не сделала его покорным, придавленным.

Его глаза встретились с глазами Голта, когда они отошли от серебряной стены.

Затем их, и тех, кто еще остался жив, погнали наверх, и никогда еще воздух не казался таким холодным, таким чистым, таким свежим, как этот ночной воздух, который Голт с удовольствием вдыхал полной грудью.

Их загнали в бараки, где прямо на полу валялись жесткие грязные подстилки.

Закованным в цепи людям было приказано ложиться без всякой пищи. Гомон вздохнул, ложась рядом с Голтом. Ноги всех людей были тут же прикованы к цепи, которая тянулась вдоль стены барака.

— Ну, вот, снова в цепях, — тихо сказал Гомон, и тут же меч охранника ткнулся ему в горло.

— Молчать! — скомандовал слит.

Тот изможденный человек, что работал рядом с Голтом, занимал соседний матрас. Все тело его было покрыто незаживающими ранами и кровоточащими царапинами.

Но Голт подумал, что это был когда-то очень сильный человек, судя по его телосложению. Таким будет и он, если ему не удастся вырваться отсюда. И снова ему вспомнилась Тайна.

И хотя он был очень усталым, ему потребовалась немалая сила воли, чтобы не сделать безумную попытку разорвать эти цепи и броситься на охранников с голыми руками.

Но он сдержал себя и погрузился в беспокойный сон.

Наверное, прошло несколько часов, когда он неожиданно проснулся в темноте. Он не понимал, что разбудило его. Затем он ощутил прикосновение.

Его толкал изможденный человек.

— В чем дело? — прошептал Голт.

— Говори тихо. Слиты в дальнем конце комнаты, они не должны слышать, — шепот был едва слышен на фоне стонов и храпа спящих измученных людей. — Ты кто?

— Голт, — он подкатился поближе, насколько позволяли цепи, — Барон Железных Гор.

— Я так и думал. Я видел тебя на турнире. Меня зовут Штурм, полковник королевских всадников. Король послал меня сопровождать Барта. Тебя тоже послал король?

— Да, — с горечью сказал Голт. — Я должен был выяснить судьбу вашей экспедиции. Я нашел вас, и ничего хорошего мне это не сулит.

— Ты знаешь, почему Барт предал?

— Да.

— Когда его планы дошли до меня, я воспротивился. И большинство моих людей тоже. Эти проклятые существа схватили нас и загнали в эту шахту. Нас осталось уже немного, и все стали теньями, вроде меня. Но ты и твои люди, вы еще свежи, не изголодались, полны жизни.

Он замолчал, так как в проходе слышались шаги. По бараку шел слит, держа в одной руке факел, а в другой меч.

Он осматривал каждого пленника и Голт со Штурмом притворились спящими, пока слит не вернулся к себе и поставил факел на место.

Снова донесся голос Штурма:

— Такие, как вы, могут сделать попытку вырваться отсюда, но надо делать это побыстрее, пока вы не потеряли силы. Эти шахты быстро разрушают человека. Через неделю будет уже поздно.

— Вырваться? В этих оковах? И я совершенно незнаком с местностью и порядком охраны.

— Я знаю. Я здесь уже год. Я все хорошо знаю. Нас двое — твоя сила, мои знания — это может привести к успеху. Когда мы пойдем в шахту, посмотрим на вход в туннель, особенно на доски. Пока я больше не скажу ничего... — он повернулся, как будто полностью истощил свои силы.

Голт долго лежал без сна, пока до него не донесся храп соседа.

Задолго до рассвета их растолкали, вывели на улицу, дали по миске супа, жидкого и отвратительного по запаху и вкусу.

Голт заставил себя выпить это гнусное пойло до капли. Он знал, что ему нужно поддерживать силы.

Штурм сказал правду — неделя такой работы, такого отдыха и такой пищи, и ни у кого, даже у Гомона, сил не останется совсем. Если они хотят вырваться на свободу, а не умирать здесь потихоньку, они должны попытаться сделать это как можно раньше.

Когда их вели по туннелю в штольню, Голт старательно запоминал каждый поворот и все подробности пути, насколько неверный свет факелов.

В тех местах, где туннель был вырублен в скальной породе, там не было никаких креплений. Но при приближении к месту работы характер грунта менялся, он становился более рыхлым.

Там были установлены деревянные крепления, чтобы удерживать толщу земли, которая могла бы обрушиться и завалить всех. И несмотря на это, когда проезжали тяжелые тележки, вызывающие вибрацию земли, с потолка сыпался дождь из камней и земли. А при входе в пещеру Голт понял, что имел в виду Штурм.

Последние крепления были установлены не так, как все. Столбы у стен были толстыми, толщиной с туловище человека, но они не прилегли к стене плотно, как другие.

У входа в пещеру туннель немного расширился, и в образовавшуюся щель можно было просунуть руку.

Но эти столбы, такие огромные и тяжелые, да и на поперечный брус давит огромная тяжесть земли — Голт покачал головой.

Если он правильно понял Штурма, то полковник обманывается. Он слишком долго был здесь и у него, вероятно, немного помутился разум.

Этот день был хуже предыдущего, хотя это трудно было себе представить. Изнуряющая жара и непрерывная работа истощали силы с не-

вероятной скоростью. В этом, по крайней мере, полковник был прав. Еще несколько дней, и Голт полностью ослабеет.

Он начал размышлять об этих досках. Это, конечно, невозможно, но все же...

Эти мысли неотвязно преследовали его. Ночью в темноте он сам толкнул Штурма.

— Я видел бревна.

— Да.

— Что ты задумал?

— Ты огромен и обладаешь большой силой. Тот чернобородый тоже не уступит тебе. В пещере нас все время триста человек, а слитов вооруженных мечами и арбалетами, пятьдесят. Наверху у входа в шахту есть еще охранники, готовые спуститься вниз при малейшей тревоге. Пятьдесят охранников внизу, если учесть слабость и истощение работающих, хватит, но сейчас пришли свежие люди и слиты должны были бы увеличить охрану, но они этого не сделали, оставили все, как раньше. Если заблокировать туннель, подкрепление подойти не сможет и триста человек с кирками смогут справиться с пятьюдесятью слитами. Конечно, у нас будут потери, но лучше умереть быстро и в борьбе за свободу, чем медленно и в рабстве.

Голт размышлял. В это время снова пришел охранник с факелом.

Когда он отошел, барон прошептал:

— Чтобы засыпать туннель, нужно выбить бревна.

— Конечно. Это работа для могучих огромных мужчин. Ты и чернобородый смогли бы справиться с этим.

— Вряд ли. Это выше человеческих сил. И мы уже ослабли.

Штурм безнадежно вздохнул.

— Ну, что ж, тогда все. Другой возможности я не вижу. Я здесь долго, и если бы эта возможность была, я бы ее не пропустил. Тогда нам все придется умереть в муках. И в оковах. И тогда все рухнет, может, даже сам Барт. Если Барт найдет Камень Могущества...

— Ты знаешь о нем?

— Да. А ты думаешь, почему во дворце в Брикенхольме все разрушено, головы у статуй оторваны? Это он искал камень. И теперь ты говоришь, что Тайна снова в его руках...

Голт простонал.

— Он не будет церемониться с ней. Он будет отрывать от нее по кусочку, как поступил с Брикенхольмом, пока не узнает тайну. Но если ты, чернобородый, не сможете это ...

Голт думал.

— Это единственная возможность? — спросил он.

— Я уже говорил. Мы завалим туннель, закончим с охранниками, — ответил полковник. — Тогда у нас будет пятьдесят мечей и арбалетов, плюс наши кирки.

Остальные охранники будут разбирать завал, и мы по частям справимся с ними в туннеле. Пробьемся наверх, покончим с ними и захватим их оружие.

Голт снова задумался, и Штурм не прерывал молчание, и не пытался поторопить.

Новая мысль пришла в голову Голта и он спросил:

— А не может произойти так, что они оставят нас в завале погибать от голода и удушья?

Полковник быстро и не задумываясь дал однозначный ответ:

— Маловероятно. Они боятся гнева Барта и будут стараться побыстрее освободить шахту, так как они должны каждый день отправлять в Брикенхольм определенное количество золота и серебра. Это золото добываем мы, и если они нас убьют, им придется работать в шахтах самим. Они не будут раздумывать, а сразу постараются раскопать нас и наказать. Тут-то и начнется самое главное... но что мы теряем?

— Ну, тогда, — сказал Голт после размышления, — если это единственная возможность, то используем ее.

— Отлично, — у Штурма даже дыхание участилось. — Я сообщу всем. Завтра после окончания работы мы задержимся. Ты и чернородый пойдете первыми. Как только вы пойдете, мы отвлечем внимание охраны. Тогда вам нужно действовать, и действовать быстро. Иначе все провалится.

— Это может провалиться в любом случае, — голос Голта звучал решительно, — но, во имя богов, мы попытаемся, — затем он повернулся к Гомону и разбудил его.

Это был самый длинный день в его жизни. Ему казалось, что слиты заподозрили что-то.

Может, у них есть свой доносчик? Они были более грубыми, более требовательными к ленникам, чем обычно, и вместо пятидесяти их было семьдесят.

Они стояли в пещере, настороженные, каждый из них был вооружен арбалетом и мечом.

Надежда на успех была очень слабой, и она все таяла по мере того, как таяли силы Голта, уносимые изнурительной работой. И он, и Гомон работали, не щадя сил. Чернородый гигант был готов на все, лишь бы не возбудить подозрений у слитов, не дать им повода нанести рану мечом. Когда Голт ощутил, что конец работы близок, он решил, что не сможет сделать ничего, руки и плечи его совсем онемели и висели, как иссохшие ветки дерева.

Затем слиты прошипели приказания. И мгновенно Голт и Гомон были у стойки, где складывались кирки до следующего дня. Другие медленно тянулись за ними.

— Живее, живее, — шипел слит по имени Рисс, и острие его меча кололо отстающих.

Голт и Гомон переглянулись, и Гомон еле заметно кивнул. Два слита пошли вперед. Голт и Гомон за ними, двигаясь по пещере к входу в туннель. Они уже дошли до него, а основная масса все еще возилась у стойки с инструментами. Шипение слитов стало громче и яростнее.

— Быстрее! Клади, не задерживайся! Поторапливайся, а то я отрублю твою голову!

И вот в сводчатой пещере послышался громкий крик:

— Пора!

И пещера наполнилась звоном металла. Кирки встречались с мечами, Шедшие впереди слиты обернулись, схватили арбалеты. Их сверкающие глаза смотрели в толпу, бурлящую в пещере у стойки с инструментами.

— Пора! — громовым голосом крикнул Голт.

Он поднял скованные руки и резко крутанул ими. Железные кольца обрушились на одного слита, и тот рухнул на землю. Гомон моментально прикончил другого. Неуклюже, так как им мешали цепи, они бросились к столбам.

Голт наклонился и схватился за первый. Цепи на его руках были достаточно длинны, позволяли обхватить столб. Голт налег на него всеми силами, всей своей массой — и ничего не произошло.

За ними нарастали звуки борьбы, звон оружия, крики людей, шипение слитов. А впереди в туннеле уже слышались шаги, подходило подкрепление.

— Что там у вас случилось? — топот ног слышался все ближе.

Огни и звезды плясали перед глазами Голта, когда он снова налег на столб. И снова столб не пошатнулся. Охранники были уже близко, они уже показались из-за поворота.

Каждый мускул его тела напрягся до последней степени, позвоночник трещал, жилы на висках и шее, казалось, вот-вот лопнут. Но вес многих тонн земли сверху держал столб, и игра уже казалось проигранной. Ему оставались всего две секунды, может быть одна. И он вспомнил о Тайне. Стрела арбалета пролетела над его головой и ударилась в столб, лицо девушки плясало в затуманенном мозгу.

И вдруг он почувствовал прилив сил, которые вдруг вырвались из каких-то резервов, о которых он и не подозревал. Гнев, любовь и горе прибавили ему сил, он выругался и рванул столб еще раз.

И тот двинулся, пошел вниз и освободил столб Гомона.

Голт и Гомон отскочили назад, все еще сжимая в объятиях столбы. Земля сыпалась, когда крепления потеряли опору. Сначала это была пыль, а затем масса рухнула на первые ряды охранников, бегущих на помощь.

Тонны земли и камней падали, грохотали, пыль поднялась столбом, ничего не было видно там, где раньше был туннель. В этом грохоте не слышно было шипения слитов, оказавшихся похороненными под массой обрушившейся земли. И их было много. Теперь туннель был блокирован надежно.

Голт и Гомон откатились в сторону и, собрав последние силы, с трудом поднялись на ноги. Один слит лежал, где застал его удар Голта. Голт наклонился и взял взведенный арбалет.

В центре пещеры звенели кирки и мечи. Слиты, которые не были в свалке, не открывали огонь из арбалетов, боясь убить своих товарищей...

Голт узнал одного — Рисс — и, прицелившись, пустил стрелу. Стрела вонзилась в спину человека-змеи, и тот упал. Голт неуклюже начал доставать другую стрелу из колчана упавшего слита, но тот вдруг шевельнулся.

Из-за спины Голта выскочил огромный Гомон. Он схватил меч слита и, когда тот попытался подняться, отрубил ему голову. Тело рухнуло на землю. Длинный хвост свирепо молотил по земле.

Гомон издал боевой клич, похожий на рев сумасшедшего медведя, и, высоко подняв меч в скованных руках, устремился в гущу боя. Слит повернулся, чтобы встретить его. Гомон двумя руками нанес поперечный удар, и змеиная голова покатилась по земле. И еще одно хвостатое чудовище было разрублено пополам, прежде чем успело пустить стрелу. Голт схватил стрелы и начал стрелять. Он искусно владел этим оружием и хотя его руки были скованы и дрожали от невероятного напряжения, которое он только что испытал, промахивался он очень редко.

Те из учеников, у кого не было оружия, схватили факелы со стен и совали их горящие концы в лица врагов. Вскоре факелы догорели и пещера погрузилась во мрак. Во тьме слышались звуки боя, крики обезумевших людей, шипение слитов, теперь уже не победоносное, а безнадежное. И затем внезапно наступила тишина.

Голт стоял весь в напряжении, арбалет в его руке был в полной готовности. Он резко повернулся, когда вспыхнул один факел, затем другой. Безголовые слиты все еще корчились на полу, длинные хвосты извивались в конвульсиях. Они умирали так же трудно, как и змеи.

Среди них лежало около двадцати человек. Одни были зарублены мечами, другие поражены стрелами арбалетов. Но остальные — странная армия, состоящих из сильных солдат Голта и истощенных оборванных людей, которые уже долгое время провели в этом аду — были живы и теперь в изумлении смотрели друг на друга. Затем изумление сменилось торжеством.

Внезапно их охватило безумное желание уничтожать. С мечами и кирками они набросились на тела слитов, топтали, рубили, рвали их на части.

Этот бессмысленный акт мести, жестокой мести, на которую они имели право, как угрюмо подумал Голт, продолжался несколько минут.

Затем раздался повелительный голос, который заглушил все остальные крики:

— Хватит! Берегите силы, они вам еще понадобятся!

Из бурлящей толпы с мечом в руке вынырнул полковник Штурм. Его костлявое тело было покрыто многочисленными ранами и кровоточило. Но глаза его сверкали, как полированный металл.

Он приблизился к Голту, став теперь выше, сильнее. Он указал на заваленный туннель, на широкий барьер из обломков породы.

— Мы это сделали, — прошептал он. — Мы это сделали...

Голт повернулся. С той стороны завала слышались удары лопат. Слиты уже приступали к расчистке туннеля.

— Да. Пока все идет, как ты и предсказал.

Штурм протянул меч.

— Возьми его. Твои руки сильнее моих. Дай мне арбалет. Глаз мой так же верен, как и раньше. Впереди нас ждет еще очень много, прежде, чем мы можем считать себя свободными людьми.

Он повернулся и голос его прозвучал приказом:

— Вытащите стрелы из каждого трупа. Они нам нужны. Сложите их сюда, и вместо того, чтобы потрошить мертвецов, используйте свою энергию и силы, чтобы сбить цепи кирками. У нас будет еще много врагов, так что каждому хватит, чтобы утолить свою жажду мести.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Она не боролась и не сопротивлялась, когда слиты тащили ее в покои Барта. Любопытно, но Тайна совсем не думала о той страшной опасности, что ждет ее впереди. Не думала о себе. Но этот молодой человек, барон Голт... Она так испугалась за него, что у нее ослабели колени и закружилась голова. Нечто, о чем она думала и мечтала всю жизнь, вдруг пришло, появилось. Прикосновение, поцелуй. И вдруг, столь же внезапно, все исчезло снова. И после этой короткой встречи этот юноша стал ей дороже собственной жизни. Она была уверена, что сможет выдержать все муки, которые Барт придумает для нее. Ведь она дочь своего отца, а Ганон научил ее быть сильной. Но Голт в шахте Верны, в этой адской дыре...

Слиты втолкнули ее в помещение, которое некогда было ее собственными королевскими покоем.

За те месяцы, которые Барт занимал их, они изменились до неузнаваемости. Он буквально разгромил старую мебель в поисках Камня Могушества. Но, конечно, безрезультатно. Новая же мебель была изготовлена плохо и безвкусно, так как все лучшие мастера были заняты работой в шахте, а среди виров и слитов не было искусных ремесленников.

Подталкиваемая мечами виров и слитов, окруживших ее, она упала на грубую скамью в передней комнате покоев. Они пристально с ненавистью смотрели на нее немигающими глазами, и она не могла вынести этих звериных взглядов.

— Идите прочь! — крикнула она, указав на дверь. — Охраняйте там. Я не хочу, чтобы вы стояли у меня над душой.

— Его Величество приказал... — прошипел один из слитов.

— Его Величество! — Тайна вскочила на ноги, резко повернулась к ним, величественно, без страха посмотрела прямо на них. — Узурпатор! Я... я ваша королева, королева Тайна страны Иннисгейл! Я приказываю вам выйти вон! Я не буду пытаться бежать, но я приказываю вам оставить меня!

Ее глаза встретились с их глазами и красные змеиные глаза-щелочки не выдержали ее прямого взгляда. Они неохотно попятились назад и вышли из комнаты, оставив ее одну. Чувствуя торжество от этой небольшой победы, Тайна снова села на скамью.

Нет, она не подчинится Барту. Она королева, и будет ею до конца. Затем она услышала его шаги в коридоре.

Он вошел один, без охраны, одетый в соболий камзол. Золотая рукоять меча выглядывала из золотых, отделанных драгоценными камнями ножен. Он был приятный красивый мужчина, но вид его вызывал отвращение и она отвернулась, чтобы скрыть выражение своего лица. Он иронически улыбнулся ей.

— Ну, вот, королева Тайна, люди из Бурна уже на пути в Верну. Я уверен, что работа на шахте быстро сгонит мясо с их костей и сделает их более сговорчивыми. Теперь моя задача сделать сговорчивее тебя.

— Может, тебе стоит и меня послать в шахту? — презрительно сказала она.

— Я могу сделать и кое-что похуже, — ответил Барт.

— Конечно, Барт, ты способен на все.

Барт кивнул.

— И все же мои способности не пугают тебя, — он воздел руки к небу, беспомощно уронил их и вздохнул. — Ах, Тайна, Тайна. Ты думаешь, что я дурак? Я могу придумать такую пытку, что каждый твой нерв будет кричать от боли, и ты будешь молить меня о смерти. Но ты мне ничего не скажешь. Разве не так?

— Не скажу.

— Я знаю. Я уже говорил, что я не дурак. И поэтому ты можешь успокоиться, физически я не буду тебя пытать. Но... — глаза его блеснули. — Но я должен получить Камень Могущества. Я постараюсь получить.

— Но не от меня.

— От тебя. Я перевернул этот дворец сверху донизу. Я знаю, что он где-то здесь, но он ускользает от меня. И я уже устал дожидаться.

Он стал расхаживать по комнате, черный плащ развевался на поворотах.

— Твое несчастье в том, что ты меня плохо знаешь. Ты считаешь меня чудовищем, а я очень далек от этого... но всю свою жизнь... — он замолчал. — Впрочем, это не имеет значения.

— Продолжай, — сказала она, выигрывая время.

— Хорошо, я продолжу. Всю свою жизнь в Бурне я был вторым при моем кузене Альбрехте. Ведь его отец был старше моего.

Поэтому Альбрехт унаследовал герцогство Вольфсгейм и получил место вблизи короля. На мою долю достались нищие, удаленные от столицы замки, полуразрушенные поместья, пустая казна. Случайность рождения поставила меня на вторые роли, хотя я ни в чем не уступал Альбрехту, а кое в чем и превосходил его. Но поскольку он был близок к королю, ему легко было держать меня внизу, пресекать любую попытку подняться вверх. Самые прекрасные женщины при дворе падали у его ног, а мне приходилось довольствоваться тем, что ему было не нужно. Обязанности, которые были возложены на него королем, были легкими и приносили ему почет. А то, чего Сигрит требовал от меня, было сопряжено с опасностями и плохо оплачивалось. И эта экспедиция, которую я возглавил, была задумана Альбрехтом. Он надеялся, что я никогда не вернусь и все мои земли достанутся ему, — лицо Барта исказила гримаса боли. Сейчас он был совсем человеческим. — Ты никогда не завидовала, Тайна? Зависть к своему родственнику хуже всего. Видеть, что тот повышается, а ты падаешь вниз... нет, ты королева, вернее, была ею, а королевы никому не завидуют, — он вздохнул. — Ну, хватит об этом. Эта безнадежная экспедиция, в которой я должен был погибнуть по замыслу Альбрехта, обернулась самым удачным предприятием в своей жизни.

И скоро я посмотрю, как они оба, Альбрехт и Сигрит, будут жалеть о том, что третировали меня, — глаза его сверкнули. — Скоро они будут преклоняться передо мной и просить моей милости, а самое большое счастье для них будет поцеловать своими погаными ртами носок моего сапога.

Он снова начал ходить по комнате.

— Уже сейчас у меня достаточно богатства, чтобы собрать самую могучую армию, какую когда-либо видел мир. И тем не менее, хотя я воин, равный любому, их двое против меня одного — король Сигрит и дюк Вольфсгейм. Поэтому мне нужен Камень Могущества. Я не должен допустить ни единого шанса проиграть и отомстить. И теперь... — он подошел к Тайне, посмотрел ей в лицо, и его лицо немного смягчилось. Рука его коснулась щеки девушки. — Теперь, если ты дашь мне его, ты не пожалеешь. Ты станешь прекрасной императрицей всего мира, а я буду твоим любящим супругом, в благодарность за то, что ты сделала для меня. За твою помощь. Я не такой бабник, как Альбрехт. Если ты заслужишь мою любовь, я дам ее тебе, и она навсегда будет твоей.

Она отвернулась.

— Нет, — сказала она.

— Императрица всего мира, — слова его потекли быстрее, речь стала возбужденной. — Ты будешь править всем, ты будешь самой счастливой и могущественной женщиной в мире. Подумай, Тайна! Подумай, какая жизнь ждет тебя!

— Я сказала — нет! — голос ее был холодным, твердым, металлическим. — Ты не получишь Камня Могущества, Барт. Чтобы ты ни обещал, что бы ты ни делал, ты его не получишь. И любой другой тоже, я поклялась в этом своему отцу!

Барт вздохнул.

— Ну, хорошо. Я сказал, что не буду пытаться тебя. Это бесполезно, да еще и возможно, что ты когда-нибудь передумаешь и встанешь на мою сторону. Но, мне кажется, что мы можем заключить сделку, Тайна. Я прошу тебя, открыты мне, где находится Камень Могушества и предупреждаю тебя, что если ты откажешься, то подпишешь смертный приговор всем Невинным.

Холод охватил Тайну при этих словах. Она вскочила на ноги.

— Что ты имеешь в виду?

Барт пожал плечами.

— Много их лесов уже выведено. Они пока укрываются в тех, что находятся вблизи Болот. Дальше бежать им некуда. Поэтому я пока воздерживался от уничтожения тех лесов, чтобы покончить с тем народом. У меня были другие задачи. Но теперь, я полагаю, пришло время закрыть это дело. Если, конечно, ты не убедишь меня поступить иначе.

Он улыбнулся, и эту улыбку нельзя было назвать приятной.

— Ну, так что, Тайна? Ты дашь мне камень, и я оставлю твой древесный народ в покое. Пусть они живут без забот в своих лесах. Или ты мне снова откажешь, и тогда я направлю армию слитов и виров, чтобы они сожгли все оставшиеся леса и вырезали всех их жителей. Чтобы все их племя навсегда исчезло с лица земли, если ты не примешь мои условия. Выбор в твоих руках. Скажи мне, где камень. И тогда они будут жить. Мое слово тебе в этом. А если ты снова откажешь, то к концу недели ни одного из них не окажется в живых.

Колени Тайны подогнулись. Он действительно способен на все! Она тяжело опустилась на скамью.

— Камень я использую против империи Серых Стран. Какое тебе дело до них? Ты никогда не видела жителей Серых Стран, ничего о них не знаешь, к тому же, их король изгнал твоего отца оттуда. Почему их судьбы должны беспокоить тебя? А Невинные — да, я знаю, ты их любишь, я знаю, что ты жила среди них. Они твои поданные, королева Тайна, за них ты отвечаешь. Они, а не те, кто живет в Бурне, за Великими Болотами!

Вне себя от страха и отчаяния Тайна умоляюще сложила руки. Затем она уронила голову в ладони.

— Я не знаю, что делать, что ответить... ты должен дать мне время...

— Времени мало. Я теряю терпение. Вполне возможно, что Сигрит направит другую экспедицию, более сильную, чем эта. Сейчас счет идет на часы, королева Тайна.

— Нет, я должна... — она не смогла закончить.

— Я даю тебе один день, двадцать четыре часа. Не больше. И хоть мне очень неприятно причинять тебе боль, но ты будешь думать в полном одиночестве, — он подошел к двери и распахнул ее.

Позвав охрану, он отдал распоряжение. Охранники вошли и взяли ее.

Она даже и не подозревала, что глубоко под дворцом существует эта камера — маленькая, сырая, совершенно темная. Барт, должно быть, обнаружил ее во время своих безнадежных поисков камня.

Она уселась, скорчившись, в углу. Ее бил озноб, так как ее прозрачная одежда не могла служить защитой от сырости и холода. Вскоре она заплакала, но слезы кончились, а она все равно не знала, что же ей делать, как поступить.

Воспоминания толпились в ее мозгу. Перед тем, как пришел Барт, эта страна была настоящим раем. Виры и слиты жили где-то на окраинах и охотились друг на друга. Остальная земля, леса, дивные луга принадлежали Невинным, и в стране царили мир и счастье. Тайна, как ребенок, играла с Невинными, как одна из них. Она участвовала в их праздниках, карнавалах, познавала жизнь растений, впитывала любовь ко всему живому, растущему. Внешний мир, о котором ей не раз рассказывал отец, казался ей ужасно бессмысленным с его войнами и жестокостью. Она никак не могла понять, почему люди не хотят жить, как живут Невинные. Открыто, дружелюбно, любить, когда хочется, никогда не скучать, проводить целые часы, наблюдая строение какого-нибудь цветка или узоры, что рисует вода, протекая между камнями в лесном ручье. Не оплакивать смерть, а радоваться, так как тело возвращается в землю и становится тем, откуда появляется все живое. Да, она действительно любила их всех, и теперь она будет причиной их уничтожения. Или погибнут они, или она отдаст камень Барту, и тогда погибнет весь остальной мир.

Он был прав в одном. Какое ей дело до них, мужчин, женщин, детей Серых Стран? Если они все такие, как Барт, то пусть они уничтожают один другого. Но тут она вспомнила Голта. И что-то внутри нее вздрогнуло и зажглось.

Он и Барт, это как день и ночь. Он остановил руку Гомона, ласково говорил с ней. Да и она, в конце концов, не человек-растение, она просто человек, хоть и дочь колдуна. Значит, есть в Бурне люди, как Голт, женщины, как она сама, дети... и всех их Барт хочет убить. И ее отец доверил ей камень со строгим наказом: что бы ни случилось, чего бы это ни стоило, пока он не вернется, камень не должен попасть в руки смертного.

Пока он не вернется...

Он ушел навсегда, как он сам сказал, и теперь она должна решать сама.

Часы шли медленно и неотвратно. Каждая секунда, каждая минута увеличивала ее страдания. Она не могла решиться.

Хотя ей принесли хлеб и воду, она не могла ни есть, ни пить. У нее ужасно кружилась голова, мозг отказывался работать, мрак и тишина были абсолютными, и это еще больше угнетало ее. В этом подземелье она слышала только удары собственного сердца, пульсирование крови во всем теле. И она не знала, что же ей делать.

Наконец, измученная холодом и страхом, она забылась в беспокойном сне. Сон ее был полон кошмаров. Она видела много погибших

Невинных и знала, что слиты и виры пожирали их трупы. И теперь ее сны были полны этими ужасными видениями. Она проснулась с криком.

Она села, тяжело дыша и озираясь в полном мраке. Затем она постаралась успокоить дыхание, прислушалась. Но в темноте не было слышно ни звука. Конечно, этого не могло быть, она это знала. Но тем не менее ей казалось, что она здесь не одна. Кто-то в камере вместе с ней.

Тайна поднялась на ноги. Голос ее дрожал:

— Кто?... Говори, говори!

Ответа не было. И все же она знала, знала, что здесь кто-то есть. Он был здесь.

— Отец? — голос ее стал жалобным. — Отец?

Опять тишина, только стук ее сердца.

— Ганон, — прошептала она, — если ты вернулся, скажи. О, отец, говори...

Она затаила дыхание.

И затем она услышала. Она не знала, откуда пришел этот голос — откуда-то снаружи или родился в ее голове. Что это? Иллюзия? Галлюцинация? Реальность? Но она слышала его. Глубокий, медленный, сочный голос.

— Ты знаешь, я говорил тебе. Он не должен получить камень.

— Но древесные люди! Если он не получит камня, он убьет их всех!

— Я говорил тебе, он не должен получить камень.

— Отец, отец, где ты? Позволь мне увидеть тебя! Пожалуйста, позволь!

— Этого нельзя делать. Он не должен получить камень. Я не могу объяснить. Верь в мою любовь. Все будет хорошо. Прощай, дочь.

— Отец! — она горячо выкрикнула это слово, вскинула в мольбе руки. И ей показалось, что в этой сырой и темной камере она ощутила теплое прикосновение. Как будто теплая волна коснулась ее щеки и исчезла. Но чувство встречи осталось.

Тяжело дыша, впад в полное отчаяние, Тайна бросилась на сырой каменный пол. Приснилось ей это? Или было на самом деле? Она не знала.

Так она лежала долго. Наконец, она снова поднялась. Что бы это ни было, у нее нет другого решения проблемы. Она ничего не может поделать. И сразу она почувствовала уверенность, успокоение. Теперь она знала, что должна делать. И когда к концу дня придут за ней, она даст ответ сразу. Ответ у нее есть.

Кандалы были сделаны из какого-то неизвестного металла, гораздо более прочного, чем обычная сталь. На самые сильные удары зубилом они не поддавались и чудовищные усилия Гомона, старавшегося разжать звенья с помощью кирки, ни к чему не привели. Наконец, Гомон плюнул и выругался. Все поднялось. Значит, им придется принять бой со слитами, будучи в оковах.

— Наверху, — сказал Штурм, — есть кузница. Если мы прорвемся наверх, мы там найдем нужные инструменты, чтобы сбить кандалы. А пока нам нужно получше подготовиться к бою. Слиты уже здорово продвинулись в своей работе.

Это было верно. Уже было слышно, как стучали лопаты слитов. Звуки все приближались и приближались. Голт расставил людей. Арбалетчиков он поставил рядом с теми, кто имел мечи, чтобы они защищали друг друга. Люди с кирками были поставлены сзади. Он хотел погасить факелы, но Штурм остановил его.

— Слиты хорошо видят в темноте, а если с ними будут вируы, то те видят еще лучше. Нам нужен свет, иначе они будут иметь преимущество.

На время были погашены все факелы, кроме одного. И когда звуки в туннеле стали совсем близки, и стало ясно, что только мгновение отделяет их от начала боя, Голт оставшимся факелом зажег остальные и пещера осветилась неверным светом.

Сам Голт взял меч и встал рядом со Штурмом, вооруженным арбалетом. Звуки послышались совсем рядом, и вот проход открылся.

Никто не произнес ни слова. Лопаты торопливо расширяли отверстие. Слышен был шум катящихся камней. Лопаты застучали быстрее, и вот отверстие открылось совсем.

Вероятно, среди слитов был опытный строитель, так как до последнего момента отверстие перекрывала тонкая стена земли. И когда она рухнула, проход стал таким же широким, как и раньше. Из тьмы туннеля стали появляться слиты. Они шли по двое, стреляя из арбалетов.

Люди вскрикивали, когда стрелы попадали в цель, но мятежники тоже открыли огонь и первая пара упала в пещеру, шипя и извиваясь. Но их трудно было убить. Даже со стрелами в груди, они перезаряжали арбалеты и стреляли в людей. Те, кто шел за ними, перескакивали через из извивающиеся тела.

И затем начался кошмар. Стрелы свистели через пещеру, люди кричали, слиты шипели в агонии. Голт бросился в самую гущу боя, испустив военный клич.

— Бейте кандалами! Бейте кандалами! — он разрубил слита, раздавил его извивающийся хвост и вместе с Гомоном выскочил в туннель. Острая стрела ударила в его плечо, когда его меч пронизал тело другого слита. Даже умирая, слит схватил его. Хвост обвился вокруг тела барона, как железное кольцо. Он сжимал его с чудовищной силой, и внезапно Голт почувствовал, что дышать ему нечем, словно внутри у него что-то лопнуло. Затем это ужасное объятие ослабло, когда меч Гомона отрубил хвост. Тот, извиваясь, упал на землю и сразу мертвое тело слита отвалилось от Голта, все утыканное стрелами. Голт и Гомон бросился вперед и обрушились на отряд слитов, прежде чем те успели выстрелить. Слиты бросили луки и арбалеты и взялись за мечи.

И туннель превратился в дикое смешение борющихся тел. Голт и Гомон с диким ревом обрушивали могучие удары на все, что было впе-

реди, получая ответные удары. И слиты понемногу отступили под натиском бешенных гигантов. Они отступали по туннелю, рассредоточиваясь по боковым ответвлениям, где было больше возможностей для маневра. Солдаты Голта бились, как тигры. Образ жизни, который они вели, сделали их хорошими воинами, хитрыми, ловкими, сильными и не останавливающимися перед любой жестокостью. Во всех туннелях, коридорах шла свирепая борьба. А Голт, пробиваясь через толпы чешуйчатых людей, увидел за отступающими слитами круг света. Он дико вскрикнул и бросился туда.

Теперь слиты перестроились. Они сформировали ряды, дали место своим лучникам и арбалетчикам, которые ждали, когда люди начнут появляться из шахты, чтобы без помех разить их стрелами. Голт был уже у выхода, как вдруг что-то рвануло его назад. Это подскочивший полковник Штурм прижал его к стене туннеля.

— Назад! — крикнул он Голту. — Пошли вперед лучников! Победа и Буря! — испустил он боевой клич и выстрелил.

Слиты ответили градом стрел. Люди прижались к стенам, когда этот град ворвался в туннель. Штурму подали сзади заряженный лук, и он выстрелил снова. И прежде чем стрела попала в цель, он уже пустил другую. Стрелы летели туда и сюда, и полковник Штурм наполнил весь воздух смертельными снарядами. Слиты пригибались и, наконец, не выдержав такого интенсивного обстрела, разрушили строй и побежали.

— Пора! — крикнул Голт и выскочил из туннеля.

Люди вырывались во двор, щурясь от яркого солнечного света. Некоторые падали под стрелами слитов. Голт увидел одного, слившегося в смертельной схватке с человеком-змеей. Могучий хвост обвив кольцами человека, задушил его. Помогать времени не было, надо было убивать, и Голт с бешеной яростью рванулся вперед, сокрушая все на пути. Остальные не отставали от него, и земля, обожженные солнцем камни покрылись зеленоватой кровью слитов.

Внезапно Голт остановился. Он обнаружил, что его мечу нечего делать. Гомон подскочил к нему. Грудь его высоко вздымалась, лицо и глаза светились возбуждением, зубы сверкали из-под черной бороды.

— Клянусь богами, милорд, мы победили, мы завоевали свободу! — луч солнца упал на его лицо, и тут же черная тень закрыла солнце.

Голт взглянул вверх.

— Пока еще нет, — сказал он. Сверху на них пикировали огромные существа с кожаными крыльями. Они держали наготове арбалеты. — Прячьтесь! — крикнул барон и сильным толчком послал Гомона под крышу.

Остальные тоже увидели их, и тот, кто имел арбалеты, выпустили стрелы в эту стаю. Виры тоненько вскрикивали, переворачиваясь в воздухе, и падали на землю, но тех, кто оставался наверху, было намного больше. Их было столько, что они закрывали солнце. Стреляя сверху, они были практически неуязвимы. Люди падали, оставшиеся в живых бежали под защиту крыш. Голт, Гомон и дюжина других оказались под

каким-то навесом. Там на возвышении стояла наковальня, у стены — молоты разных размеров, в печи еще краснели угли. Это была кузница. Голт внимательно осмотрелся.

Старик, который стоял у наковальни, был одет в грубую мешковину, перевязанную по поясу веревкой. Борода его достигала до пупка, космы седых длинных волос обрамляли худое лицо. Глаза, смотревшие на Голта, не были ни голубыми, ни серыми, ни белыми. Они были цвета льда, уже подтаявшего под лучами солнца и сверкающего мелкими кристалликами и сверхъестественными огоньками. Щеки были дряблыми, впалыми, вокруг широкого рта пролегли глубокие морщины. Человек был тощий, изможденный, замученный тяжелой работой. Он заговорил глубоким сочным голосом, когда Голт поднял меч.

— Приветствую тебя, барон Голт. Ты хорошо дрался. Ты тоже, Гомон, и ты, полковник Штурм. Поздравляю, вы хорошо дрались.

Голт опустил меч. Эти кристальные глаза притягивали его. Но Штурм, не захваченный их чарами, шагнул вперед, слегка поклонился.

— Ты кто, старик? Где кузнец?

Бородатый старик медленно повернулся к нему.

— Я кузнец.

— Нет, нет. Кузнец был один из моих людей. Он мастер по металлу, и его заставили работать здесь. Кто ты?

— Я новый кузнец, — сказал старик.

— Нет, ты не кузнец. Нам нужно сбить кандалы, а у тебя не хватит сил для этого.

— Полковник Штурм, — сказал старик, — я уверяю, что я кузнец, который вам нужен. Если ты сомневаешься, клади свои наручники на наковальню.

Штурм, зачарованный его глазами, опустил свой лук.

— Хорошо, — пробормотал он.

Подойдя к наковальне, он опустил руки на железную поверхность.

Над головой в небе слышалось хлопанье крыльев и крики виров. Очевидно, они не рисковали спуститься, но они осыпали дождем стрел крыши с неослабевающей энергией. Под этот непрерывный стук старик взял зубило и небольшой молоток.

— Первый, — сказал он и ударил по первому железному кольцу. Оно со звоном покатилося по полу. — И второй, — еще удар, и правая рука тоже стала свободной.

Штурм отошел в сторону, изумленно глядя на свои свободные руки, как бы не веря случившемуся.

— Теперь ты, барон Голт. Сейчас все будет нормально.

— Да, — Голт медленно положил руки на наковальню.

Два удара освободили его.

Было очень странно видеть свои руки свободными. Голт погладил кисти, глядя в эти ледяные глаза, в которых, тем не менее, чувствовалась теплота.

— Ты не простой кузнец.

— Да, ты прав, Гомон.

Когда кандалы чернобородого гиганта были сбиты, Голт сказал:

— Твое зубило рубит сталь, как масло. Это колдовство.

Седые брови полезли вверх.

— А если и так, то что?

— Тогда я уверен, что ты Ганон. Ты когда-то был здесь королем, а потом ушел.

Лицо седобородого затуманилось.

— Об этом мы поговорим позже. Пока мне нужно работать.

И он начал сбивать кандалы с людей в кузнице. Когда все были свободны, Штурм повернулся, поднял лук.

— Теперь, когда мы свободны, надо приниматься за работу. Нам нужно прикрыть людей, чтобы они смогли пробраться сюда и тоже освободить их от железа.

— Не торопись, Штурм. Я думаю, что нужно подождать.

Штурм резко повернулся к кузнецу. Настоящий живой скелет, но, тем не менее, полный ярости.

— Кто ты такой, что говоришь так?

— Только кузнец. Но я имею чувство погоды. Подождите, приближается шторм.

И как бы в подтверждение его слов послышался удар грома.

— Виры боятся шторма, — сказал старик. — Особенно с молниями. Сегодня было жарко, и я думаю, что молний будет много. И сильный ветер, который разметает, раскидает их, так, что им придется улететь отсюда, только немного подождите.

Раскаты грома слышались все громче. На улице вдруг стало темно. На фоне потемневшего неба виры были уже не видны.

И затем, прямо над головой раздался оглушительный грохот, как будто раскололись небеса.

Налетел сильнейший ветер, полил дождь. Крупные капли забарабанили по крыше. Засверкали молнии, воздух наполнился озоном. Откуда-то сверху рухнули на землю два сожженных молнией вира. Шерсть на них еще дымилась, несмотря на сильный дождь.

Шторм продолжался долго и в воздухе не было слышно криков виров. Только раскаты грома сотрясали воздух. Затем ветер стал стихать.

— Думаю, — сказал старик, — что теперь уже остальные могут без опаски приходить сюда. Иди, Гомон, дай команду.

Чернобородый гигант колебался, но затем выскочил на дождь. Старик положил молоток на наковальню и повернулся к Голту.

— Ты тут кое-что сказал насчет моего имени...

— Ганон — ответил Голт, и в его голосе был трепет.

Старик покачал головой, как бы что-то вспоминая.

— Когда-то меня так звали, — наконец-то ответил он, глядя прямо в глаза Голту. — И, возможно, это снова будет мое имя. Я думаю, ты снова

увидишься с Тайной. Ты должен будешь кое-что объяснить ей. Я пытался сделать это перед уходом, но она не все поняла. Теперь она стала старше, мудрее и все поймет, если ты ей это скажешь.

Старик замолчал, а Голт быстро сказал:

— Если ты хочешь, чтобы я что-то передал, скажи мне, я сделаю.

Ганон с опущенной головой взялся за молоток.

— Первое, что ты ей передашь, это что я люблю ее.

— Хорошо.

— И второе, — продолжал старик. — Скажешь, что я с неохотой покидаю ее. Но когда твое бессмертие находится в твоих же руках, тебе самому надо делать выбор.

Нас немного, таких которые умеют продлевать свои жизни, хотя мы и умираем, но всегда возвращаемся на землю. Мы можем возобновлять себя снова и снова, но всегда наши жизни посвящены определенной цели и проходят циклами. Каждый цикл в образе другого человека. Каждый новый цикл начинается после смерти в старом цикле.

Он улыбнулся Голту тепло и нежно, и продолжал:

— Я вижу, что ты не понимаешь. Неудивительно, что и она не все поняла. Знай, что я сейчас живу восемнадцатую жизнь. Как и все предыдущие, она состоит из юности, средних лет и старости. Во время каждого цикла мы выполняем определенную задачу. И когда мы состаримся одряхлеем, мы должны выбирать снова. Мы можем умирать, как и любой другой человек, а можем снова обновить себя. Но только в том случае, если согласны взять на себя другую задачу, взвалить на себя другую ношу. Мой цикл кончался, мне нужно было либо умереть, либо оставить дочь и идти куда-то для выполнения другой миссии. Я должен был выбирать. Но я не мог остаться с ней. Я мог либо умереть, либо уйти. Меня ждала очень важная работа, и я ушел. Я возобновился и приступил к новой работе. Но сделал ошибку — я оставил здесь работу незаконченной, и мне пришлось ненадолго вернуться сюда, чтобы закончить все. У меня осталось несколько дней от прежнего цикла, и я имею право их использовать. Когда они пройдут, я уйду навсегда. Мне казалось, что я все уладил с Камнем Могушества, но оказалось, что нет. Мое время здесь ограничено, и должен сделать, что возможно. Теперь слушай что я скажу. Виров еще много. Эта буря будет сопровождать вас до Брикенхольма. Я мог предоставить вам только такую защиту от виров. И еще я должен сказать тебе, что пока вы были в Берне, Барт ушел из замка. Он взял свою армию и выступил против лесного народа. Он хочет сжечь лес и уничтожить все племя до единого человека. Таким образом он хочет заставить Тайну отдать ему камень. В Брикенхольме все же осталась сильная охрана под командованием капитана Насса. Охрана сильна, но победить ее можно. Если ты и твои люди смелы и решительны, то вы займете замок, освободите Тайну из подземной камеры. Я не могу гарантировать вам успех, он зависит целиком от вас. Но я защищу вас от виров с помощью шторма, пока вы будете осаждать крепость. Остальное

зависят от вас. Барт с основными силами вигов и слитов может узнать обо всем, и тогда он вернется. Победить его не просто. Он хороший солдат и отчаянный воин. И все же, если ваша решительность не поколеблется, у вас есть шанс.

— Мне нужен только шанс, — сказал Голт.

— Отлично сказано, — ледяной блеск в глазах старика растаял. — Приз, который ты получишь за победу, нельзя назвать незначительным. Моя дочь...

— Да! — вырвалось у Голта. — Я полюбил ее с первой встречи, хотя она была такой короткой!

— Ну, об этом еще рано говорить. А может, и нет. Но нечто более важное, чем любовь, находится в кончике твоего меча — будущее человечества. У меня нет времени говорить тебе больше. Дойди до всего сам. Все заключено в камне, — и он повернулся навстречу вымокшим людям, входящим в кузницу. — Сейчас мне нужно работать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Из трехсот, две трети остались живы. Но некоторые из них были жалкими развалинами, неспособными на то, чтобы бороться и даже просто идти. И все же снятые кандалы, казалось, прибавили сил.

Старый кузнец работал, не жалея сил. Когда, наконец, упало последнее кольцо, последний чело́к был свободен, дождь еще лил. Гром гремел, сверкали молнии. Старик повернулся к Голту.

— Я уже сбил замок со склада оружия, там всем твоим людям хватит мечей. Склад продовольствия тоже открыт, многое из того, что там есть, вам не нужно, но есть хороший хлеб. Пусть твои люди поедят. Им нужно восстановить силы. И затем не теряй времени. Слиты не ездят верхом, поэтому здесь нет лошадей. Вам придется идти до Брикенхольма пешком, и ты должен торопиться, — он положил свой молоток. — Ты понял все, что я говорил тебе?

— Думаю, что да, мастер.

— Тогда выйдем со мной на минутку.

Голт повиновался. Он и Ганон вышли во двор, где хлестал сильный дождь. Сверкающие молнии играли на небе, призрачным светом освещая лицо старика.

Ганон подошел поближе к Голту.

— Я мог бы быть колдуном, — сказал он, — и, возможно, если бы мне пришлось выбирать, я бы стал им и сделал для тебя еще что-нибудь. А потом умер бы, как обычный человек. Но знание накладывает ответственность. Ладно, дело не в этом. Я хочу тебе сказать вот что. Я прожил

восемнадцать веков, и остальные, дети, которые у меня были, все давно превратились в прах. Осталась только Тайна, самая ярчайшая драгоценность из всех. Я знаю все о жизни и смерти, о любви и горе. Моя любовь к Тайне лежит за пределами твоего воображения. Я прошу тебя, барон Голт, люби ее по-настоящему. Если ты будешь любить ее, ты будешь вознагражден, если, конечно, останешься жив, бесценным сокровищем. Не придавай ее никогда.

— Я не предаю. Моя жизнь принадлежит ей, а ее жизнь — мне, если мы оба останемся живы.

— И даже если нет, я думаю, это правда, — старик посмотрел ему в глаза проникновенным взором. — Дай мне твою руку.

Голт протянул руку, старик взял ее в свои сухие холодные руки. Он держал ее несколько мгновений, затем выпустил.

— Боги наблюдают за тобой, — сказал он, повернулся и пошел сквозь дождь.

Дождь лил огромными потоками, фигура старика еле угадывалась за ним. Голт стоял, как завороченный. Ганон все уменьшался, скрывался за вуалью дождя и затем исчез. Голт испустил вздох, повернулся и вошел в полную людей кузницу.

— Нам нужно вооружиться, — сказал он, — и поест. Затем под покровом дождя мы двинемся в Брикенхольм. Мы уничтожим Барта и слитов и виров. Если здесь тот, кто не жаждет мести и не хочет рисковать своей жизнью ради нее, пусть скажет.

Люди молчали.

— Значит, так, — сказал Голт. В нем шевельнулось какое-то теплое чувство к этим измученным, но смелым людям. — У меня есть новости для вас, но сначала луки, мечи и пища.

Штормовые облака неслись низко над пустынной равниной. Яркие молнии пронизывали их, перескакивая из одного облака к другому, вонзаясь в землю. Голт, Гомон и полковник Штурм вели людей без остановки на отдых. Оживленные, пышущие яростью люди шли без жалоб, даже с радостью. Двести человек, двести тюремных и подземных крыс, полуобнаженные, заросшие волосами, изможденные непосильной работой, но все вооруженные, решительные, воодушевленные сообщением Голта, что гарнизон Брикенхольма ослаблен.

Буря сделала свое дело. На горизонте не появился ни один вир. Буря шла впереди них, расчищая им путь. Им понадобилось два дня, чтобы дойти от Брикенхольма до шахты. На обратный путь они затратили полтора. Однако измотанные люди падали по дороге, и их товарищи поднимали их и помогали идти.

Сам Штурм, хоть и был истощен не меньше других, совершенно не знал усталости. Он излучал мужество и весь был, как капля ртути. Он помогал ослабевшим и те обожали его.

Голту пришлось поучиться у него человеческому отношению к людям. Голт вспомнил, что король приказал ему повзрослеть. Он подумал о том, что ему уже пришлось перенести — отчаяние, спасение, любовь, наконец, какой он раньше не знал. Голт решил, что он выполняет приказ короля: он чувствовал себя повзрослевшим на десять лет после начала похода.

Все, чего ему сейчас хотелось больше всего, это встречи с Бартом лицом к лицу. Они пересекли пустыню, которую сделал Барт из некогда цветущей земли. Голт думал о Тайне, думал и о Невинных, этом мягком нежном народе, который был полностью слит с природой. И, конечно, Барт был вполне способен уничтожить их. В нем любой мог почувствовать то же, что и в его кузене Альбрехте.

Некоторые люди вовсе не люди, а по природе или воспитанию звери, и когда приходит время, они начинают действовать в соответствии со своими звериными инстинктами.

Сигрит тоже был грозен и тверд, как Барт или Альбрехт, а в битвах он был гораздо опаснее их, и много жизней забрал его меч в те времена, когда Сигрит участвовал в войнах.

Разница была в том, что Сигрит никогда не убивал ради собственной выгоды. Каждый, кого он убивал, угрожал процветанию его народа. Голт любил войну, но сейчас он думал о ней не как об увлекательном спорте, где можно померяться силами с противником, поставив на карту свою жизнь. Нет, это не спорт. Успешное окончание нынешней войны сделает много добра — даст свободу закованным в цепи, и защитит слабых от сильных и алчных. Да, сказал себе Голт, я вырос.

Было еще многое, что следовало обдумать. Брикенхольм — это большая крепость, сильная, как его родной Старкбург. И хотя Барт с большей частью гарнизона оставил замок, все же там оставались виры и слиты в количестве, превышающем его армию. Нелегкая задача напасть на такую крепость, особенно без военных машин. Из слов Ганона, Голт понял, что на помощь магии ему надеяться не приходится.

Он обдумывал план нападения. Он автоматически осмотрел особенности крепости, когда его привели туда и уводили на шахту. Эти толстые укрепленные стены необходимо было как-то преодолевать. Для этого пригодились бы лестницы, но их нет, а делать нет времени. "Бура защитит тебя от виров, пока ты будешь вне крепости", — вспомнились ему слова Ганона. Старик не сказал "внутри". Значит, кроме слитов будут еще и виры. Это усложняет и без того трудную задачу. Но если он любит Тайну и хочет ее спасти, он должен взять эту крепость.

И вот на склоне холма под дождем решение пришло к нему. Засовывая в рот кусок черствого хлеба, он едва не расхохотался. Барт пошел сжигать не те леса.

Они поднялись после небольшого отдыха и пошли дальше.

И затем под защитой бури они, наконец, увидели Брикенхольм.

Голт смотрел на него с каменистого хребта.

Гигантская крепость, защищенная толстыми стенами и глубоким ровом, она далеко притиралась во все направления. Грозовые облака окутали ее, извергая дождь и молнии. Но под облаками Голт увидел черные точки. Это были дозоры виров.

Он увидел рощу из огромных берез, которая окружала весь замок. Повернувшись к Гомону и Штурму, он улыбнулся им.

— Много ли у нас топоров?

— На всех не хватило мечей, поэтому человек тридцать вооружены топорами, а что?

Таков был Штурм. Он все должен был знать. Голт широко улыбнулся.

— Нужно собрать тридцать человек с топорами. Гомон и я пойдем с ними. Свои мечи и луки отдадим тем, кто послабее.

Штурм нахмурился.

— Я не понимаю.

— Ты что, не видишь эти стены? Нам нужно преодолеть их и взять крепость. Времени делать лестницы у нас нет. Но тридцать сильных людей с топорами, если им повезет, могут свалить пятнадцать высоких берез, которые упадут через ров прямо на стены. Мы будем забираться по ним. Ветви будут служить некоторой защитой от виров, если буря нам изменит. Во всяком случае, это наш единственный шанс. Гомон, получи консультацию от тех, кто когда-то валил лес, и найди лучшего из них. Он пойдет с нами. Мне нужен лучший дровосек.

Темное лицо Гомона прояснилось. Он все понял.

— Хорошо, милорд.

Он соскочил с холма и побежал к отряду.

Часом позже, когда дождь и ветер еще бесновались над крепостью, Голт и Гомон вели отряд, вооруженный топорами. Оставшиеся, согласно приказу, провожали их молчанием.

Буря загнала всех дозорных в помещения, кроме нескольких несчастных, вынужденных стоять на стенах. Двести человек, приближающихся к крепости, были не видны, пока они шли под покровом дождя, под защитой холмов и леса.

Голт вел свой отряд, которому предстояло выполнять очень опасную работу.

На краю леса они имели очень мало шансов, так как были очень легкой мишенью для лучников и арбалетчиков. С лихорадочной поспешностью Голт расположил людей по двое под дерево, и под покровом бушующей бури они начали свою работу.

Почти сразу же присутствие было обнаружено. Голт услышал крики со стены, когда они с Гомоном изо всех сил вонзали топоры в могучее дерево. Щепки летели во все стороны. И вдруг что-то воткнулось в ствол березы. Стрела арбалета. Тут же рядом воткнулась длинная стрела.

Это плохо, значит, Барт обучил слитов искусству стрелять из дальнобойных луков.

И когда обрушился град стрел, Голт и Гомон были вынуждены бросить топоры и укрыться за дерево, в которое втыкались стрела за стрелой. Это же пришлось сделать и другим людям. Они были прижаты к деревьям.

С высоты стен, укрываясь за их зубцами, слиты вели непрерывный огонь. Да, выскочить из-под дерева значило неминуемо погибнуть. Голт был в отчаянии. Его люди тоже стреляли в слитов, но урона им не могли нанести, так как те были надежно укрыты. Он выругался. После всего и такая нелепость. Он бросился на мох. Его холодная влажность раздражала его.

Чем может помочь дождь и буря против стрел слитов? Но вдруг дождь усилился и появились кусочки льда. Пошел град. Гром загремел с новой силой и внезапно весь мир осветился яркой вспышкой. Это было хуже, чем стрелы слитов. Стрелы молний пронизывали все вокруг, все вокруг грохотало и свистело.

— Боги и дьяволы! — прокричал Гомон, бросаясь на землю рядом с Голтом и закрывая лицо руками.

Ветер достиг ужасающей силы. И вдруг Голта и Гомона подбросило высоко вверх и град забарабанил по ним с новой силой. Дерево, за которым они скрывались, вдруг застонало, задрожало, раздался страшный треск и затем оно медленно, величественно начало падать вперед, как убитое божество.

Голт в изумлении смотрел, как огромная береза всей своей кроной улеглась на стену, перекинувшись через ров.

И в это же время, молнии начали валить и другие деревья. Раскаты грома и треск стволов леденили кровь в жилах. Станные призрачные огоньки плясали на кронах рухнувших деревьев, на стенах замка.

Схватив топоры как боевое оружие, а они действительно были грозным оружием, Голт вскочил и, не обращая внимания на огненный дождь молний бросился вверх. Он крикнул, но его голос потерялся в раскатах грома, шуме дождя, свисте ветра.

— Вперед! — кричал он.

Он схватил Гомона, рывком поставил его на ноги и чернобородый гигант побежал за ним по стволу.

Вокруг все грохотало, сверкало, взрывалось. Березы падали одна за другой прямо на стены замка. Десять деревьев, пятнадцать, двадцать. Все они создавали надежные мосты на стену. Пробираясь по стволу, Голт увидел, что по ближайшему стволу вверх устремился полковник Штурм и за ним несколько солдат. Вскоре весь отряд лез наверх. Стрелы свистели в обоих направлениях. Но стрелы сверху теперь были менее опасны, так как нападающие были частично защищены густой кроной деревьев. Лучники, стрелявшие с земли, напротив, легко находили себе цели.

Голт по обнаженному стволу уже добрался до кроны.

Почти сразу он почувствовал, что дождь и град уже не так сильно избивают его тело, что грохот и сверканье молний значительно уменьшились. Он посмотрел вверх сквозь зеленые листья.

Там, словно завершив свою миссию, буря двигалась на юго-запад, обрушивая свою ярость на пустынные выжженные равнины. Буря оставила их, казалось, у нее есть другие дела.

“Хорошо, — подумал Голт, — Спасибо тебе, Ганон! Теперь мое дело”.

Он вскочил на ноги, побежал среди сучьев, листьев со сверкающим топором. За ним бежал Гомон, а сзади еще несколько человек. Голт добрался до вершины березы и прыгнул на стену. Перед ним возник слит. Смертоносное острие топора раскроило его с головы до пят. Голт освободил застрявшее лезвие одним движением и боковым ударом уничтожил еще одного слита, бросившегося на него. Тот упал со стены во дворик. Обезглавленное тело бешено извивалось в воздухе.

Меч одного из слитов валялся на стене. Голт схватил его и убедился, что он ему как раз по руке. Он схватил меч вовремя — когда он отскочил в сторону, чтобы дать место Гомону и остальным, на него бросился слит с поднятым мечом. Голт парировал удар, прыгнул и, когда меч просвистел над его головой, проткнул своим мечом чешую слита. Тот зашипел и упал со стены.

Теперь Голт сражался с оружием в руках. Слиты боялись подступиться к нему. Небо над головой было уже совсем чистым.

Голт услышал наверху какие-то звуки и, улучив момент, взглянул наверх. На стену, сложив крылья, пикировали виры, стреляя из арбалетов во время стремительного спуска. У некоторых были мечи.

Один из виров нырнул вниз и обхватил своими крыльями Голта. Он крепко держал его, обдавая отвратительным затхлым запахом пещер.

Острие меча вира было направлено на Голта, тот едва увернулся от удара и сразу же ударил сбоку топором. Удар пришелся в грудную клетку чудовища и пробил ее насквозь. Кожаные крылья ослабели, опустились ниже и уже не пришли в движение, когда вир, кувыркаясь в воздухе, полетел со стены.

Но виров было много, требовалось быстро укрываться от нападения с воздуха. Чудища метались в воздухе, стреляли из арбалетов и люди, вскрикивая, падали, пораженные стрелами.

Голт побежал по стене, отбиваясь от ударов. Он чуть не упал со стены, увертываясь от очередного удара, но успел уцепиться за зубец, а бежавший сзади Гомон обезглавил топором вира, хотевшего прикончить Голта. Вир, теряя пух и кровь, полетел на камни двора.

Наконец, Голт добрался до лестницы. Он побежал вниз и остановился на полпути, чтобы отдышаться. Навстречу ему спешил отряд слитов со сверкающими мечами.

Голт бросился на них. Он вступил в бой сразу с тремя. Меч его описывал в воздухе нескончаемый звенящий круг. Никто не рисковал

приблизиться к нему. Голт резким движением выбил меч у одного слита и тут же обманным ударом пронзил другого. Слит шипел, и Голт ударом топора добил его.

Теперь он занялся третьим, который подскочил к первому, протягивая ему утерянный меч. Голт поднял топор и одним ударом прикончил обоих. Извивающиеся, покрытые чешуей тела покатались вниз.

Уже много нападающих пробилось во двор. На фоне воинственных криков прорезался боевой клич Гомона. Ему отозвался пронзительный голос полковника Штурма. Слышался звон мечей, стрелы луков и арбалетов пронзали людей и чашуйчатые тела слитов.

Дождь полностью прекратился, выглянуло солнце, в воздухе метались виры, изредка обрушиваясь вниз, увидив подходящую мишень для нападения или сами становясь мишенью, пронзенные чьей-то стрелой. Голт и Гомон пробивались через двор к главным воротам дворца.

Где-то там была Тайна. Голт думал только об этом, в то время как его меч и топор делали свою ужасную работу.

Но прежде чем они успели добраться до дверей, двери стали закрываться. Очевидно, слиты решили забаррикадироваться внутри. Голт сунул ручку топора в щель, и двери не смогли полностью захлопнуться.

— Гомон! — кричал Голт и бросился всей своей тяжестью на левую створку.

Гомон уже был здесь и налег на правую.

Слиты изо всех сил старались удержать дубовые двери. Ручка топора трещала, ломаясь. Но Голт и Гомон держали дверь, не давая ей закрыться. Подоспели их товарищи и тоже налетели на двери.

Слиты держались недолго. Вскоре двери распахнулись, не выдержав сильного давления воодушевленных близкой победой людей. Слиты пустились в бегство. Их хвосты издавали шипящий звук, волочась по полу за ними.

Голт, Гомон и остальные с оружием наготове вступили в замок. Здесь было две лестницы.

Одна вела вверх, а другая — вниз. Здесь силы Голта разделились.

Сам он устремился вниз и вскоре его встретил отряд слитов, охранявших лестничную площадку.

Его меч мелькал с такой быстротой, как раздвоенные язычки людей — змей, теснил их назад вниз. А в такой ситуации длинные хвосты только мешали слитам. Они цеплялись друг за друга, сковывая движения. Один сорвался в пролет лестницы и вскоре снизу донесся мягкий звук его падения.

Голт обезоружил следующего, пронзил его мечом, и тот покатался на своих товарищей, сбивая их со ступеней. Голт дрался и выигрывал каждый дюйм.

Слиты сбились в клубок змей и угрожающе шипели из него, но его меч рубил их, вонзаясь в клубок, пронзая чешую, и те, кто не скатывался со ступеней, падали вниз, в пролет.

Гомон был сзади. Он был почти без работы, но старался улучшить возможность и ударить из-за плеча Голта. И вдруг он увидел, что лестница перед ним чиста, путь открыт.

Голт понесся вниз и оказался в пустом гулком коридоре.

— Тайна! — кричал он, — Тайна! Где ты?

Ответа не было. Он побежал дальше. Коридор разветвлялся. Голт не знал, куда повернуть, какую ветвь выбрать. Затем из того коридора, который спускался полого вниз, донеслось шипение и какие-то шипучие звуки. Он бросился туда. Там царила полная темнота. Десяток шагов, и его ноздри уловили острый запах слитов. Они блокировали коридор перед ним, но вовсе не желали принимать бой, как их собрать наверху. Когда он их атаковал, они бежали. Голт слышал только звяканье их мечей по сырому каменному полу. Голт бросился за ними и свирепо расправился с одним, который не успел, как остальные, с шипением скрыться в секретный проход.

Голт остановился, тяжело дыша и опустив меч.

— Тайна! — крикнул он. — Тайна, где ты?

В коридоре было тихо. Голт слушал, отчаяние заполнило его сердце. Замок был огромным. Требовались недели, чтобы обшарить его подземные лабиринты.

— Тайна-а-а-а! — крик отозвался эхом в многочисленных пустых коридорах, отражаясь от стен. Он склонил голову, весь превратился в слух. Но услышал только запоздалое эхо своего крика, словно насмехавшееся над ним.

Затем ему показалось, что он что-то услышал. Откуда-то издалека, из темноты.

— Здесь! — прозвучало в воздухе. Это была всего лишь еле заметная вибрация воздуха.

Голт побежал по коридору.

— Тайна-а-а-а! — кричал он, спускаясь по ступеням.

Теперь ответ прозвучал более отчетливо.

— Вниз...

Голт повернул, побежал вниз по лестнице, ступени которой были скользкими от наросшего мха и капель воды. Она была очень длинной, эта лестница, но он, наконец, добрался до конца. Здесь было совсем темно, как в могиле. Дальше он пошел, ощупывая стены. Затем он услышал впереди дребезжащий звук, шипение в крошечном мраке.

— Барон Голт?

— Кто здесь? — Голт поднял меч.

— Капитан Насс. Стой. Я вижу тебя, а ты меня не можешь видеть! — И Голт услышал свист стали. Лезвие меча прошло между его рукой и туловищем, оцарапав и то и другое.

И это позволило Голту определить, где его противник. Вслепую, повинаясь инстинкту, он ударил мечом, зажав лезвие рукой, замедлив его движение обратно, хотя это стоило ему крови. Меч наткнулся на что-то твердое, металлическое — чешую Насса. Лезвие проткнуло чешую, но наткнулось на кость. И тут весь коридор наполнился шипящими звуками. Длинный хвост обвил Голта, стал клонить к земле, выдавливая воздух из грудной клетки.

Голт схватил рукоять меча обеими руками и нанес сильнейший удар. Опять он пришелся во что-то твердое. Голт ударил еще раз и на этот раз встретил меньшее сопротивление. Могучее объятие ослабело, человек-змея обмяк и соскользнул на пол, бешено извиваясь. Насс был уже безопасен и Голт перешагнул через него.

— Тайна! — снова позвал он.

— Здесь!

Да, она была здесь. Голт поднял меч, но остановился. После раздумья он бросился к поверженному Нассу, нащупал его тело.

Капитан не сопротивлялся. Голт нашел связку ключей.

— Это Голт! — крикнул он. — Не бойся, сейчас я выпущу тебя! — третий ключ подошел к замку и старая дверь со скрипом открылась.

Голт ничего не видел во мраке. Но он слышал ее легкие шаги по полу. Он раскинул руки и она сама пришла в его объятия.

— Голт! О, Голт! Любовь моя!

Он прижал девушку к себе. Тело ее дрожало.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в порядке, ты в безопасности. Мы взяли замок. Теперь Барту не войти сюда. Не дрожи так, любимая. Все в порядке. Ты в безопасности. — Несмотря на темноту он нашел ее губы.

Весь следующий час по всему Брикенхолму раздавались звуки боя. Люди Голта, оставшиеся в живых после приступа, отыскивали слитов во всех углах огромного замка и приканчивали их. На стенах Голт приказал выставить часовых. Тайна сказала, что слиты, оставшиеся в замке — всего лишь небольшая часть армии, которая отправилась с Бартом на уничтожение Невинных.

Голт улыбнулся, когда вспомнил о той буре с дождем и градом, которая направилась на юго-запад.

— Я думаю, что им не удастся сжечь леса. Туда направился сильный дождь, который не позволит этого. А что касается Барта, то я полагаю, что он уже получил донесение о взятии замка от виров.

— Да, — сказал Штурм, потягивая вино. Он предложил бутылку Тайне и Голту, но Голт покачал головой. Они находились в покоях Барта: Голт, Гомон, Штурм и Тайна. — И он форсированным маршем со всей своей ордой движется сюда, — он нахмурился. — Мы потеряли почти пятьдесят человек. А Барт имеет, по меньшей мере, пятьсот слитов и почти столько виров. Нам не устоять против такой армии. Если не ... — он посмотрел на Голта. — Ты не думаешь, что старый маг поможет нам?

— Как я понял из его слов, его дни здесь окончились, — сказал Голт и посмотрел на Тайну. — Теперь ты понимаешь, что он имел в виду?

— Да, — сказала она, улынувшись, но губы ее задрожали. — Да, теперь я понимаю. Но я спокойна. Где бы он ни был, он любит меня, а это очень важно.

Голт коснулся ее лица, ее волос.

— Это самое важное.

Она повернула голову и поцеловала его руку.

— Да, Голт, это одна из самых важных вещей.

Гомон издал звук нетерпения.

— Ну, хватит, — он поднялся, бряцая доспехами, налил себе огромный кубок и осушил его одним глотком. — Я знаю, что любовь — это могущественное чувство, но смерть не менее могущественна. И если мы не подготовимся сейчас к обороне, то, когда вернется Барт со всей своей армией, мы все погибнем. Ему даже не нужен штурм, чтобы взять дворец. Он окружит его и будет ждать, когда мы сдадимся. Карты в его руках. Сто пятьдесят человек против тысячи, и половина этой тысячи — летающие существа, которые без всякого риска для себя могут перебить всех, если, конечно, не будет еще одной бури, чтобы отогнать их. Но для этого нужно, чтобы кто-нибудь совершил чудо. Барту не понадобится много времени, чтобы прибыть сюда.

Голт медленно выдохнул:

— Боюсь, что чудес больше не предвидится, — он посмотрел на Тайну. — А эти лесные люди не могут воевать? Не могут убивать? Было бы неплохо, если бы они собрали армию и ударили по Барту с тыла...

— Это безнадежно, — сказала Тайна. — Эти люди могут бороться, но не мечами и луками, они не знают и не хотят знать оружия. Они могут бороться только голыми руками, как они захватили тебя и твоих людей, но убивать они не могут.

— Значит, от них помощи ждать нечего. В такой борьбе их просто перебьют. Нам нужно рассчитывать на то, что у них есть. А что касается времени, то, если считать путь от шахты, взятие крепости и то время, которое нужно вирам, чтобы сообщить о случившемся Барту... значит, он вот-вот будет здесь. — Голт потер подбородок, скрывая отчаяние.

Он очень устал. И все его люди тоже. И теперь придется снова сражаться, буквально через несколько часов, совершенно без отдыха. Он заставил себя обдумать положение.

— Ну, ладно. Если бы я был Бартом, я воздержался бы от нападения, пока не выяснил бы силы противника. Я бы послал виров, чтобы атаковать с воздуха, и придержал бы слитов, пока виры не сделают все, что можно, чтобы нас ослабить. Так что нам нужно подготовиться к нападению с воздуха, — он встал. — Каждый арбалет и дальнобойный лук со стрелами должен быть использован. Особенно луки. Пока мы отбиваем нападение сверху, необходимо готовиться к нападению с земли. Нужно кипятить смолу и плавить свинец...

— Здесь этого нет, — сказала Тайна.

Голт удивленно посмотрел на нее.

— Нет смолы и свинца? Но каждая крепость...

— Только не эта. Когда мой отец правил здесь, он обходился своей магией, ему не нужны были такие ужасные средства обороны. Да и я, когда стала королевой, не готовилась к осаде. А когда Барт свергнул меня, он сжег все деревья, из которых можно было получить смолу, а свинца в Иннистейле нет совсем.

— Тогда, — начал Штурм, — наши возможности к обороне уменьшаются вдвое. И я не вижу, каким образом... — он замолчал.

На стене прозвучала труба. Это был сигнал тревоги и все трое вскочили.

В то же мгновение, в комнату вбежал солдат, тощий и исхудавший, очевидно, из тех, что пришли сюда со Штурмом. Он вытянулся, готовый выполнить приказ.

— Милорд! — рявкнул он. — Они здесь! Барт пришел с такой армией, какую вы никогда еще не видели!

Они мрачно посмотрели друг на друга. Затем Голт повернулся к Тайне.

— Будь здесь, — сказал он. — Запри все двери и оставайся здесь. Не пускай сюда никого, кроме меня, Штурма и Гомона, что бы ни случилось. А случиться может самое худшее, — он отстегнул кинжал с пояса и протянул ей. — Если все будет плохо, это может тебе пригодиться.

Она приняла кинжал твердой рукой. Глаза их встретились.

— Хорошо, — прошептала она и спрятала кинжал в складках своей королевской мантии. Затем, держа Голта за руку, она подошла к окну.

Эта башня была самой высокой из всех башен дворца. С балкона башни они могли смотреть на юг и на запад. Штурм выругался, Гомон издал возглас изумления, а Голт сжал зубы.

Вдали двигалась армия Барта. Слиты шли шеренга за шеренгой нескончаемым потоком. А впереди на черном коне, покрытом золотой попной, ехал Барт. Он был одет в сверкающие доспехи, солнце отражалось в его украшенном перьями шлеме.

А небо над ним было черно от сотен парящих виров.

— Да, — прошептал Штурм, — мы действительно пропали. Единственное, что нам остается, это как можно дороже продать свои жизни, умереть истинно свободными людьми.

И они молча смотрели на неисчислимые орды людей-змей. Они смотрели минуту, а может, две. Вдруг ногти Тайны впились в ладонь Голта.

— Подожди здесь, — сказала она решительным голосом. — Людьми могут заняться Штурм и Гомон. Ты жди моего возвращения.

Она выпустила его руку. Голт резко повернулся и взглянул ей в лицо. Глаза их встретились, она была бледна.

— Может быть, — прошептала она, — чудо свершится. Жди меня.

Приподняв свои юбки, она выбежала из комнаты.

Голт смотрел ей вслед. Затем он повернулся к Штурму.

— Собери все луки, которые у нас есть. Приготовь лучников к атаке виров. Быстрее, времени у нас всего несколько минут.

Вiry уже перестраиваются для атаки.

Штурм посмотрел на него, кивнул, отдал салют.

— Хорошо, милорд, — и он выбежал из комнаты.

Голт повернулся к Гомону.

— Ты нашел наших лошадей?

— Да, милорд. Всех наших, и еще лошадей Барта.

— Мой конь, Ужас, там?

Гомон кивнул.

— Пусть его оседлают. Других тоже. Может, мы сделаем вылазку.

Гомон удивленно заморгал.

— Вылазку против такой армии?

— Слиты не могут ездить верхом, значит, у нас будет преимущество. Всадники всегда имеют преимущество перед пехотой.

Глаза гиганта зажглись пониманием.

— Да, но нас мало против такой армии...

— Я не говорю, что мы победим, мы просто нанесем урон. Проследи за лошадьми!

— Хорошо, милорд, — Гомон поклонился, затем схватил руку Голта. — Боги и дьяволы! С тобой приятно воевать! — он улыбнулся и вышел из комнаты.

Голт неторопливо ходил по комнате. Они перебыют много виров и слитов, прежде чем погибнут сами. Но если боги войны будут милостивы, они дадут ему возможность встретиться лицом к лицу с Бартом. По крайней мере, если он умрет, то он полностью искупит вину перед королем. В битве он заслужит себе прощение. Но если бы у них были смола и свинец...

Затем он услышал легкие шаги в коридоре.

Дверь распахнулась. Вошла Тайна, медленно и величественно. Каждый дюйм ее тела говорил, что она королева. Глаза Голта заметили небольшую серебряную шкатулку, которую она держала в руках. Шкатулка, вероятно, была очень тяжелой.

Лицо ее было суровым. Их глаза встретились.

— Милорд Голт, возможно, это можно будет использовать.

— Камень Могушества! — возбужденно воскликнул Голт. Он двумя прыжками пересек комнату и остановился. Ведь он дал клятву Сигриту не прикасаться к нему. Но жизнь Тайны зависела от того, нарушит ли он клятву. Он протянул руку к шкатулке.

Тайна отвела руку назад. Лицо ее было торжественным.

— Да, — сказала она. — Камень Могушества. Я решилась, он будет твой, но только при одном условии.

— Женщина, нам нельзя терять времени. Дай это мне. От него зависит наше спасение.

— Я знаю. И все же я назову условие. И если ты не согласишься, если ты не пообещашь мне выполнить это условие, не поклянешься своей любовью, ты не получишь его, независимо от того, умрем мы или нет.

Голт посмотрел на нее, прочитал решимость на ее лице.

— Я могу отнять его у тебя.

— Если ты это сделаешь, я убью себя твоим кинжалом.

— О, Тайна, не говори так! — его кулаки сжались, и он воскликнул: — Какое условие? Я приму его без всяких раздумий и исключений!

— Ты используешь этот камень только в этой битве. Если магия работает, и ты выиграешь сражение, он немедленно вернется ко мне. Ты никогда не будешь просить его у меня, если, конечно, я сама не дам его тебе, — она долго смотрела на него. — Таково мое условие.

— Я сказал, что принимаю его.

— Тогда клянись. Клянись своей любовью ко мне.

Голт колебался.

— Я клянусь своей любовью к тебе!

— Хорошо, — она протянула шкатулку.

Голт взял, удивившись ее тяжести.

— Там, наверное, свинец.

— Но не из твоей страны. Из Внешнего Мира.

— Я не ощущаю ничего.

— И не ощутишь, пока не откроешь шкатулку и не возьмешь камень.

Она не заперта. Открывая.

Голт положил шкатулку на стол. Медленно приподнял крышку. У него вырвался вздох разочарования.

Он ожидал увидеть необыкновенное сокровище, а вместо этого он увидел на бархате камень, самый обыкновенный камень, величиной с гусиное яйцо. Он не светился, не сверкал. Разве что цвет его был необычен.

Вернее, цвет его был непонятен. Он изменялся в зависимости от того, как смотреть на камень. Вот он черный, теперь коричневый, серый. Казалось, собственного цвета у него нет.

Голт медленно взял камень в руки. Сжал его в ладонях.

Он стоял так почти полминуты, прежде чем начал чувствовать его.

Ощущение возникло где-то внизу живота. Оно начало медленно и неотвратимо распространяться по всему телу. Когда он охватило его нервы и мышцы, усталость покинула их. Он почувствовал себя свежим и сильным. Более того, камень возбуждал в нем воинственность, жажду боя.

Это было самое сильное чувство, какое он когда-либо испытывал. Магия камня проникла в его мозг, он стал чистым и ясным. Все тревоги, волнения покинули его. Он отчетливо увидел все поле будущего боя: замок, долину и рошу, движущуюся армию и расположение защитников крепости. Он знал, в каком месте последует атака, где нужно распо-

ложить сильнейший свой отряд, как отражать атаку. Глаза его сверкнули. Он поднял голову и взглянул на Тайну.

— Он действует. Клянусь богами, я никогда не чувствовал ничего подобного.

Она не улыбнулась, лицо ее было тронато страхом.

— Да, я вижу, как он действует.

Голт стиснул камень в руке, обнял ее другой рукой, притянул ее к себе с какой-то неистовостью.

— Не бойся, Тайна, этот день не принадлежит Барту. Он мой!— он горячо поцеловал ее и оставил в комнате одну.

— Помни свою клятву, — прошептала она вслед.

— Помню, — нетерпеливо ответил он, — но сейчас время битвы. Ничего не бойся, моя любовь. Мы увидимся к вечеру, не сомневайся!— и он выбежал из комнаты.

Он нашел Штурма и Гомона на стенах распределяющими по местам лучников. Теперь все огромные силы Барта были видны и армады виров кружили в небе, ожидая сигнала к атаке. Голос Голта был резким и повелительным.

— Штурм, когда вы пришли сюда из Бурна, вы были в доспехах?

— Да, в легких кольчугах, барон.

— Мы тоже. Барт снял с нас все. Они должны быть где-то здесь. Пошли людей отыскать их и одень лучников для защиты от стрел виров. Гомон, поставь котлы в самых ключевых точках.

— Котлы? А зачем? Нет ни смолы, ни свинца.

Голт нетерпеливо махнул рукой.

— Золото. В замке его полным-полно. Расплавь, и этого хватит, чтобы утопить всю армию Барта. Собери все емкости, какие найдешь, наполни их золотом и расплавь его — мы подготовим Барту небольшой сюрприз. Он ведь уверен, что у нас нет ничего такого!

Сначала удивление, а потом оживленная радость показались на лице Гомона. Внезапно он расхохотался.

— О, боги, конечно! — и он убежал выполнять приказание.

Штурм смотрел на Голта.

— Ты что на меня так уставился, полковник?

— Мне кажется, что я вижу тебя впервые, — и он тоже отправился со своим заданием.

Голт посмотрел ему вслед и засмеялся, ощущая в глубине груди нетерпение боя, радость предстоящей битвы. Тогда он чувствовал себя сильным, готовым ко всему. Да, это будет прекрасный день, великий день. Он чувствовал себя непобедимым. Рука его ласкала талисман. С этим маленьким камнем человек мог пройти через весь мир, как коса по лугу, скашивая всех своих врагов, как траву.

Он вышел на стену. Меч на поясе, в руке лук, за спиной полный колчан, поданный ему одним из солдат. Внизу послышался цокот копыт — это по двору вели оседланных лошадей, чтобы укрыть их под навесом

от нападения виров. Ужас, почуяв хозяина, задрал вверх большую голову и, раздувая ноздри, приветственно заржал.

— Для тебя будет сегодня работа, — улыбнулся Голт. Он посмотрел на равнину.

Барт остановился далеко за пределами досягаемости стрел. Голт видел, как тот руководит расстановкой сил. Он был спокоен, уверен в своих силах и совершенно не торопился. Так как слиты и виры хорошо видели в темноте, он, вероятно, решил дожидаться ночи и тогда предпринять главный штурм.

Вероятно, ему и в голову не приходило, что Тайна могла дать Голту Камень Могущества. Или он был уверен, что даже имея камень, невозможно такими малыми силами надеяться на победу над могучей армией.

Это потому, что Барт даже не мог представить, какими возможностями обладает камень, подумал Голт. Никто не мог представить, пока сам не взял его в руки. Он рассмеялся, расхаживая по стене. Люди уже надевали доспехи, принесенные посланными Штурма.

— Не бойтесь, солдаты! Магия уже один раз помогла нам, теперь на нашей стороне есть еще кое-что! Все будет хорошо! — Голт увидел, что его слова оказали заметное действие на солдат.

С помощью солдат, Голт натянул свои доспехи и блестящий шлем, который принес ему Штурм. Было приятно снова надеть их. Он увидел Гомона, который во всю силу своих легких раздувал огонь в каменном углублении за парашетом. Везде, где в стене были щели, предназначенные для выливания на осаждающих расплавленного металла, стояли металлические сосуды, в которых плавилось золото.

Барт уже расставил слитов так, что они окружили весь замок.

Из роши слышался стук топоров, там делали тараны. Виры уже кружили с большой скоростью, строясь в ряды. Он решил, что скоро начнется.

И действительно, скоро началось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

А на равнине Барт поднялся в стременах. Длинное лезвие меча сверкнуло в лучах заходящего солнца, когда он рубанул воздух, подавая сигнал к началу атаки. Станные пронзительные крики донеслись с высоты, где кружили орды виров. И затем они стремительно понеслись к крепости.

Хлопая огромными крыльями, они набрали необычайную скорость, и их было так много, что они закрыли все небо.

— Стоять! Не стреляйте без моего приказа!

Он смотрел, как они летят. Сотни чудовищных созданий.

Они начали с большой высоты, футов триста. Но, приближаясь к крепости, они быстро снижались, чтобы эффективнее использовать свои арбалеты.

— Теперь, — подумал Голт, полный странной угрюмой радостью. — Камень Могушества должен обязательно пройти проверку”.

Дальнобойные луки защитников крепости превосходили по дальности стрельбы арбалеты виров. Голт спокойно и внимательно оценивал расстояние. У них было шестьдесят или семьдесят луков и очень много стрел. Виры были уже близко. Он видел их кожаные, когтистые, пронизанные венами крылья, покрытые шерстью тела, сверкающие клыки, глаза щелочками. И, как летучие мыши, они летели зигзагами, совершая быстрые маневры в воздухе. Попасть в них могли только искусные стрелки. Их арбалеты были наготове и ярдов через пятьдесят они могут уже использовать их.

Голт позволил им подлететь еще на двадцать пять ярдов, чтобы его люди как можно полнее могли использовать свое преимущество. Так, теперь пора. Голос его взвился над рядами защитников.

— Бейте их! — и он сам выстрелил, и тут же схватил другую стрелу.

Воздух внезапно наполнился летящими стрелами. Опытные лучники могли прицеливаться и выпускать одну стрелу в секунду. А большинство из них были опытными.

Деревянные стрелы, длинные, острые, смертельные, летели навстречу вирам. Даже Голт был потрясен.

Он не видел, чтобы кто-нибудь промахнулся. Все стрелы попадали в цель, несмотря на зигзагообразный полет виров. Все стрелы устремились к ним, как будто их тела были магнитными, притягивающими стальные наконечники.

Летающие батальоны как будто натолкнулись на невидимую стену, и это столкновение было ужасным. Внезапно небо разразилось дождем этих летающих чудовищ, пронзенных стрелами. Многие падали, как камни, другие пытались спуститься мягко, но тоже не удерживались в воздухе. И вся земля была усеяна их трупами.

Но они все еще стремились вперед, несмотря на смертельный ураганный огонь. И лучники все стреляли и стреляли. Нескольким вирам удалось прорваться через это заграждение, и они успели даже выстрелить из арбалетов. Но арбалетчики из крепости тут же ответили им. И тоже никто из них не промахнулся. Каждая стрела находила цель. Виры с криками погибали и падали вниз.

— “Это поинтереснее, чем охота”, — возбужденно подумал Голт и рассмехался, выпуская еще одну стрелу и убивая еще одного вира.

И затем все кончилось, виры, летевшие в задних рядах, увидели избиение собратьев, повернули обратно к Баргу. Теперь их было совсем немного, они составляли маленькую часть того, что летело на замок. Вся земля над стенами дворца была усеяна телами, шерстью и кожей.

Раздались радостные крики защитников крепости. Люди как бы заразились от Голта могуществом Камня, они чувствовали себя непобедимыми.

Прибежал Гомон, хохоча, как сумасшедший.

— О, милорд, это чудо, совершеннейшее чудо, такого я еще никогда не видел!

Голт повернулся к нему.

— Мы много потеряли людей?

— Насколько я знаю, ни одного. Виры так и не могли приблизиться на дистанцию выстрела.

— Тогда иди на свой пост. Я думаю, что Барт изменит свои планы. Теперь он увидел, кто перед ним. Слиты пойдут со всех сторон. Проверь, чтобы все было готово.

— Хорошо, милорд,— Гомон побежал на свое место, все еще хохоча, хлопая на бегу людей по плечам.

Голт посмотрел на равнину.

Барт был весь в действии. Он ездил вдоль линии выстроившихся слитов, как сумасшедший, размахивая мечом. Его черный жеребец вставал на дыбы при резких поворотах. Посыльные слиты разбегались по всем подразделениям, разнося распоряжения.

Подошел Штурм.

— Милорд, они готовятся?

— Да. Наши лучники готовы?

— Готовы. Но не хватает стрел. У арбалетчиков стрел много, но для луков мы почти все израсходовали на виров.

— Тогда арбалеты должны сделать большую часть работы. Проследи, чтобы арбалет был у каждого.

— Все уже сделано, милорд.

— Отлично. Передай, чтобы дальнобойные луки использовались только для отражения атаки виров, если они прилетят снова. И пусть все будут готовы.

— Хорошо,— Штурм отправился к людям.

“Да,— подумал Голт,— Барт хочет побыстрее начать новую атаку слитов, пока они не осознали разгром виров и пока их боевой дух не подорван. Они пойдут прямо сейчас. Со всех сторон. И виры их будут поддерживать с воздуха”.

Он подошел к щели, возле которой плавилось золото.

— Все готово?— спросил он у наблюдавшего за огнем солдата.

— Да, милорд,— засмеялся тот.— Мы все подготовили для Барта. Это принадлежит ему, и мы вернем ему все золото, которое он награбил.

— Я скажу, когда начинать.

На момент, казалось, мир замер.

Барт остановил лошадь и сидел неподвижно. Все для атаки было уже подготовлено.

Могучие батальоны слитов были готовы и стояли ровными рядами. Несколько виров кружили над ними в воздухе.

А затем где-то вдалеке послышались странные, непривычные человеческому уху звуки труб. Слиты шли.

Если они не были раньше солдатами, то Барт сделал из них солдат. Они шли ровно, соблюдая полный порядок. Впереди шли лучники. Несмотря на разгром виров, они чувствовали себя уверенно и шли вперед с сознанием своей силы.

“Да,— подумал Голт,— даже с Камнем Могущества этот бой будет трудным”.

Лучники Барта будут обстреливать крепость с расстояния, уничтожая ее защитников, а затем они будут прикрывать своим огнем арбалетчиков и людей с таранами и осадными лестницами. Защитники крепости будут прижаты к земле градом стрел, и осаждающие могут забраться на стены и вступить в рукопашную.

Голт смотрел на слитов. Сердце отчаянно билось в груди. Он стиснул Камень Могущества в руке, а затем опустил его в карман на груди под кольчугой. Он не ощущал страха, он только ждал.

Лучники слитов остановились, натянули тетивы, и воздух зазвенел от огромного количества летящих стрел.

Голт укрылся от смертельных стрел за парашетом. Стрелы вонзались в дерево, отскакивая со звоном от камня.

Он думал, что сейчас раздадутся крики раненых, но не услышал ничего. И не увидел никого, кто упал бы на стене. Это было страшно — какой плотный град стрел и не единой жертвы.

Стрелы не переставая пролетали над ним, ударялись о камни, ломались. Воздух был полон их свистом. Но ни одна не коснулась ни его самого, ни тех людей, кого он мог видеть со своего места.

Он осторожно выглянул в смотровую щель. Под прикрытием стрел нападающие уже устремились к крепости. Вероятно, то же самое происходит на других участках. Здесь нападение ведется со всех сторон. Сейчас Барт, вероятно, думает, что обстрел крепости нанес огромный урон ее защитникам. Ведь по всем правилам, так и должно было случиться. В крепости должна была остаться жалкая кучка людей.

Слиты смело шли вперед. Несомненно, они горели желанием отомстить за смерть своих собратьев в шахте и крепости.

Голт с холодным любопытством наблюдал, как они приближались к стенам, устанавливали тараны и лестницы. За ними рассыпались арбалетки и тоже стали обстреливать крепость.

Под этим градом стрел было глупо высовываться и вести ответный огонь, и все же... он не может довериться Камню Могущества...

Голт встал в полный рост, несмотря на град стрел. Воздух вокруг него наполнился визжанием, но ни одна стрела не коснулась его, пока он прицеливался и стрелял. Затем он подал сигнал.

Люди, видя, что он невредим, тоже поднялись и стали стрелять. С отчаянной смелостью, а может, свято веря в могущество магии, они стояли и стреляли без остановки. Точность попаданий, как и раньше, была сверхъестественной. Ни один выстрел не пропал даром. Слиты на равнине и на краю рва падали десятками, корчились в муках. Хвосты их извивались кольцами.

И все же они шли вперед. Они перебрасывали лестницы через рвы и перебирались по ним над водой. Десятками они падали замертво, заполняя ров своими телами, но их было очень много и не хватало людей, чтобы их всех перестрелять. Другие, вооруженные таранами, начали атаковать ворота.

Люди Голта производили ужасные опустошения в их рядах. И вскоре Голт рассудил, что пришло время для нового удара.

— Пора! — крикнул он людям у котлов.

Они начали поднимать тяжелый стальной сосуд, чтобы перевернуть его содержимое на головы нападающих. Он был очень тяжел. Голту пришлось придти к ним на помощь. Расплавленное золото колыхалось в котлах и когда его перевернули, желтый сверкающий поток хлынул сквозь щель стены.

Отвратительный запах горелого мяса ударил в ноздри Голта. Снизу донеслось шипение слитов, но это не была речь, это был отчаянный крик боли.

Голт посмотрел вниз и увидел кошмарное месиво из золота и тел слитов. Они были захвачены врасплох. Они не предполагали, что со стен крепости может обрушиться такое, собрались большой группой и были жестоко наказаны за непредусмотрительность. И этот первый поток послужил сигналом — из каждой щели стен Брикенхольма хлынули золотые потоки, уничтожая одну группу за другой. Слиты, погибшие от стрел, могли считать, что им повезло.

И затем слиты дрогнули. Как и виры, которые рискнули предпринять новую атаку и погибали под стрелами. Слиты прекратили нападение. В панике всей своей массой они повернули и побежали обратно.

Так как лестниц уже не хватало, много было сожжено золотом, слиты бросились прямо в ров.

Они были хорошими пловцами, но немногим из них удалось добраться до другого берега. Люди Голта расстреливали их весьма хладнокровно. Слиты, выжившие в этом кошмаре, передали свой ужас лучникам, прикрывавшим атаку. Их ряды расстроились и слиты представляли собой теперь обезумевшую толпу, беспорядочно бегущую по равнине неизвестно куда.

Барт сидел неподвижно на коне и смотрел на все это в изумлении, не будучи в силах поверить, что такое могло произойти. Затем он очнулся, ударил шпорами коня и ринулся вперед. Голт видел, как Барт мечется между слитами, крича и размахивая мечом, стараясь прекратить панику. И Голт понял, что пришло время.

— Гомон! — крикнул он. — Штурм! Сажайте людей на коней!

Пятьдесят человек сформировали конный отряд. Теперь они скакали вперед, смеясь и перешучиваясь, как дети на прогулке. Никогда еще они не участвовали в таких битвах — ни одного убитого, ни одного раненого!

Ужас слегка присел, когда Голт вскочил на него. Огромный конь плясал под всадником от возбуждения и Голт направил его к главным воротам. Он приказал поднять решетку, открыть ворота и опустить мост.

Огромная машина пришла в движение. Стальная решетка закрипела, ворота распахнулись, тяжелый мост со вздохом опустился. И Голт скомандовал:

— Вперед!

Копыта лошадей загремели по мосту. Во главе пятидесяти всадников Голт помчался через ров. Чуть сзади летели Гомон и Штурм.

Вскоре всадники нагнали группу бегущих слитов. Некоторые из людей-змей оборачивались, чтобы сражаться, другие продолжали бежать, потеряв голову. Однако ни те, ни другие не имели шанса устоять против всадников или спастись. Мечи поднимались и опускались, рубили и кололи яростно, безжалостно. И равнина покрылась извивающимися в предсмертных судорогах телами. Сам Голт прорубал дорогу через целый батальон слитов. И ни один удар меча, ни одна пушенная с близкого расстояния стрела арбалета не коснулась его. И его лошади. А лошадь его стояла десятка солдат. Это было дело, к которому она была приучена. И делала она это хорошо. Огромные стальные копыта сеяли смерть с сокрушительной силой, страшные челюсти щелкали, пена, стекающая с них, смешивалась с зеленоватой кровью слитов.

Голт смеялся, когда его меч встречал удар вражеского меча, и, с легкостью отбив его, сокрушал противника, проникая сквозь змеиную чешую. Он испытывал какое-то безумие, сила его казалась беспредельной, и даже в самом пылу боя он отчетливо видел всю картину его, во всех мельчайших деталях.

И тактика, и стратегия боя были в его руках и он мог управлять битвой. Он знал, что это Камень Могущества. И это ощущение было гораздо приятное, чем от любого вина. Никогда еще он не чувствовал себя таким могучим, уверенным своих силах, способным на все. Ему хотелось убивать и завоевывать, и делать это все время. Ничто другое его не интересовало и не привлекало. Действительно, весь мир был на кончике его меча. Ему казалось, что вся вселенная покорно ляжет перед ним, как жертва.

И вскоре он увидел, что врага нет. Он остановился, рассмеялся, окинул взглядом равнину, ища врага, а особенно Барта. Ему был нужен Барт. У него было важное дело к Барту.

Его глаза осматривали равнину, погружающуюся в сумерки.

Равнина была покрыта распростертыми на земле трупами. И вот он увидел Барта.

Черный жеребец встал на дыбы. Кто бы ни был Барт, но трусом он не был. Даже при поражении он сохранил мужество, не бежал с поля боя. До него было около пятидесяти ярдов.

Голт развернул коня, меч блеснул в красном свете. Барт опустил забрало шлема, пришпорил коня и понесся к Голту.

Барон тронул Ужаса шпорами и тот полетел, как стрела. Копыта дробно стучали по твердому грунту. Плохо, подумал Голт, что у нас нет копий. Было бы приятно чувствовать, как копьё входит в тело врага. Но, увы, им придется биться мечами. Ну, ладно, разница небольшая. Он ведь непобедим...

Черный жеребец неся навстречу ему. Меч Барта был наготове. Голт приготовился к столкновению. Расстояние все уменьшалось— двадцать ярдов, десять, пять. Затем Барт резко остановил коня. Хорошо тренированный черный жеребец отскочил в сторону. Голт проскочил мимо, и Ужас не дожидаясь сигнала, развернулся. Но Голт заставил его остановиться.

Барт тоже стоял на месте. Его конь дрожал, пена стекала с морды, и Барт потрепал его по шее, чтобы успокоить.

С расстояния десять ярдов они смотрели друг на друга. Барт поднял забрало.

— У тебя Камень Могушества!— крикнул он.— Она дала его тебе!

— Да,— сказал Голт.— Он у меня. И теперь ты умрешь.

— Скорее всего, да,— согласился Барт.— Я видел, что он может. Он сделал тебя непобедимым. У меня нет шансов убить тебя, пока он у тебя,— он рассмеялся.— Так что умру я, Голт. Но это не ты убьешь меня. Это не принесет тебе славы. Камень даст тебе победу. Но если бы у тебя было мужество встретиться со мной без защиты, это было бы совсем другое дело,— он презрительно плюнул.— Но у тебя его нет. Ты спрятался за своей магией и теперь убьешь меня, как мясник убивает овцу — и заслужишь славу. Такую же, какую заслуживает мясник на бойне скота.

Голт смотрел на него. Весь переполненный силой и гордостью, он рассмеялся.

— Ты думаешь, что я не смогу убить тебя без камня?

— Я думаю, что у тебя не хватит смелости даже попытаться.

Голт был захвачен жадной битвы и уверен в своей непобедимости. Ему показались абсурдными слова Барта.

— Подожди,— сказал он.— Посмотрим.

Сам камень заставил его это сделать. Гордость, возбуждение, самоуверенность переполняли его и он был уверен, что камень ему больше не нужен.

Барт напряженно следил за Голтом, который снял перчатку, сунул руку под кольчугу. Он нашел камень и, крепко сжимая его, поднял над головой.

— Ты видишь его, Барт? Если ты заслуживаешь его, ты его еще сможешь получить, — Голт бросил его, и маленький камень упал в пыль как раз между ними. — Вперед! — крикнул Голт и прищипорил лошадь.

И тут же понял, что совершил глупость.

Камень упал в пыль и подпрыгнул, ударившись о землю. В тот же момент раздался крик одного из людей Голта, когда стрела арбалета пронзила его грудь. Голт поднял меч, но рука его как будто налилась свинцом. Выбросив камень, он словно лишился сил. Время, проведенное в шахте в непосильном труде, изнуряющие переходы, ужасные битвы, сверхчеловеческие усилия — все это обрушилось на него. Имея камень, он был сильным и могучим, а без него он оказался обычным человеком, и к тому же смертельно усталым.

И теперь в эти доли секунды, когда он мчался навстречу врагу, Голт понял тайну Камня.

Он вводил обладателя в мир богов, одаряя его не только страшными силами, но и роковой самоуверенностью. Каждый, кто имел этот камень, начинал думать, что он сам бог, и, следовательно, камень ему больше не нужен. И у каждого, в конце концов, появлялось искушение выбросить камень и проверить свою божественность — а это всегда приводило к поражению. Самоуверенная гордость приводила в безжалостную смертельную ловушку.

Все это пронеслось у него в мозгу, но обдумывать времени не было, так как Барт, свежий, полный сил и уверенности, летел ему навстречу. И Голт своей слабеющей рукой, чувствуя, как быстро тают его силы, готовился противостоять ему.

Их мечи сошлись с ужасающим звоном, и в этом столкновении Голт почувствовал огромную силу Барта. Его руку просто отшвырнуло в сторону и он едва успел вернуть ее в положение, необходимое для парирования следующего удара. Он остановил лошадь, и они встретились лицом к лицу.

Теперь уже Голт полностью осознал свое положение и собрал все свои силы, напряг каждый нерв и мускул, каждую каплю своей воли и мужества, чтобы встретить уверенную, искусную атаку Барта.

Снова мечи сошлись в ударе и уперлись друг в друга рукоятками. Теперь лица противников были совсем близко. Они сверлили друг друга глазами сквозь отверстия в забралах шлемов. В глазах Барта плясали торжествующие искорки.

— Теперь ты мой. И затем мой камень и Тайна.

Тайна. При звуке этого имени Голт почувствовал страшный гнев. Барт предал ее, обокрал ее и может сделать еще хуже, если у него будет камень.

Внезапно Голт забыл о своей слабости. Его руки снова стали могучими, он резко рванул, разорвал замок, в котором были их мечи. Затем он нанес сильнейший удар. Барт с трудом отбил его, но потерял равновесие и, когда его конь поднялся на дыбы, Барт соскочил с седла, чтобы

не упасть. И как только он оказался на земле, он вместо того, чтобы продолжать бой, бросился к камню.

Голт тоже прыгнул с коня и преградил ему путь.

— Еще рано! — крикнул он и бросился на Барта.

Барт отбил удар и лезвия мечей зазвенели, нанося и отбивая удары, которые с огромной силой и скоростью сыпались с обеих сторон. Человек в черных доспехах был искусным фехтовальщиком и Голт, силы которого были надорваны тяжелыми испытаниями, не мог пробить его защиту. Медленно и неотвратимо Барт теснил Голта. Барон уступал ему дюйм за дюймом, шаг за шагом. Постоянное напряжение двух недель тяжелым грузом висело на его каждой мышце. Кожа его покрылась потом, дыхание стало хриплым и прерывистым. Он из последних сил отбивал удары и выпады Барта. Понемногу отступая, он уже оказался над камнем. Он стоял, широко расставив ноги.

Барт отчаянно наступал, и хотя Голт с трудом сдерживал его атаки, он не мог больше уступить ни одного дюйма. Если он отступит, Барт будет рядом с камнем и если он схватит его, то... нет, Голт должен защищать камень, не щадя жизни.

Он взял меч двумя руками. Барт, принимая удар Голта, тоже изменил хватку. В глазах его, которые Голт видел за забралом, светилась уверенность в полной победе. Голт знал, что Барт по хриплому дыханию понял, что противник его выдохся, и что мир уже почти у его ног. Для Барта этого было достаточно, чтобы начать атаки с удвоенной яростью. А Голт твердо решил — выстоять или умереть.

Собрав все силы, он отскочил назад, и камень был теперь на виду. Он лежал в пыли и взять его было просто. Барт долю секунды смотрел на него, затем бросился вперед. Но не для того, чтобы ударить Голта. Защищаясь мечом, он протянул руку за камнем. Пальцы его почти коснулись талисмана.

И в эту секунду он немного приоткрылся. Барон железных гор рванулся вперед и вложил все свои силы в этот удар. Парящий удар Барта был слабым и запоздалым. Удар пришелся по шлему. По равнине разнесся гром удара, как звон большого колокола. Сила этого удара отозвалась в руках Голта, потрясла все его тело, а Барт рухнул на спину. Камень остался лежать на земле в пыли.

И Голт сейчас спокойно мог овладеть камнем, времени, чтобы схватить его было вполне достаточно. Но он перешагнул через него и устремился к Барту с поднятым мечом. Глаза Барта с ужасом смотрели на него и Голт без жалости ударил мечом в эти глаза сквозь забрало шлема.

И все было кончено.

Когда тело последний раз содрогнулось, Голт выпустил из руки рукоятку застрявшего меча. Полностью выдохшийся, он побрел назад. В голове его звенела пустота. Он забыл о камне, забыл обо всем, кроме того, что он смертельно устал.

И затем он услышал крик человека, погибающего от удара слита. Этот звук, громкий и ужасный, молящий о помощи, привел Голта в чувство. Он резко повернул назад. Камень лежал там, куда он бросил его. Голт подошел к нему, поднял с земли. И снова стал непобедимым и бессмертным.

Вся слабость исчезла. Полный восхитительной, пьянящей кровью радости, он оставил свой меч там, где он был, схватил меч Барта и бросился в самую гущу схватки. Конь его побегал за ним и тоже принял участие в борьбе, раскидывая смертоносными копытами врагов.

Теперь время потеряло всякий смысл. Солнца уже скрылось за горизонтом. Перед ним лежала равнина, погруженная во мрак. А он все сражался, рубил, колот. Наконец, чья-то рука схватила его за плечо, повернула.

Перед ним стояли Штурм и Гомон. Пот струился по их лицам. Шлемы были сняты с голов.

— Милорд,— сказал Штурм, с благоговейным трепетом глядя на Голта.— Милорд, день кончился. Мы победили. Ты сейчас ужеразишь мертвецов. Драться больше не с кем.

Так оно и было. Голт почувствовал сожаление, что битва кончилась. Но врагов уже не было. Вся долина была покрыта трупами врагов, а те, кто еще мог двигаться, бежали. Голт глубоко вздохнул и неохотно вложил меч в ножны.

— Хорошо,— сказал он, дрожа от нетерпения.— Значит, нам ничего не остается, как возвращаться в Брикенхольм. По крайней мере, пока.

Он сел на коня и повел своих людей, кроме двоих погибших, через долину, через мост, через большие ворота в крепость. И когда он слезал с коня, Тайна уже поджидала его. Он притянул ее к себе, и она покорно пришла в его объятия.

И вскоре они были одни в королевских покоях. Во дворе горели костры. Люди отдыхали, пили вино, пели песни, радостно празднуя свою победу и освобождение от рабства. Шум праздника и смех поднимались со двора и проникали в окна комнаты.

Тайна налила вина, но Голт не стал пить его.

— Мне не нужно вино. Я никогда не чувствовал себя лучше,— он потянулся к ней.— Иди сюда...

Но девушка увернулась от его рук.

— Нет,— сказала она.

Голт удивленно моргнул.

— Нет?

— Пока нет.

— Но, женщина, после такой победы...

— Да, великая победа. Но ваше дело еще не закончено,— она показала на пустую шкатулку, которая стояла на столе.— Ты должен вернуть камень.

Голт взглянул на шкатулку. Затем поднялся на ноги, притронулся к талисману, который лежал в кармане.

— Не сейчас, моя дорогая. У нас с этим камнем еще есть дела.

Тайна отступила на шаг, поджав губы.

— Я думаю, что у тебя нет больше дел.

— Есть. Битвы не выиграны, страны не покорены.

— И не все женщины побывали в твоей постели, — резко сказала Тайна. — Я тебе дала его под твоё слово, битва закончена, ты должен вернуть мне его. Тебе он больше не нужен, — слезы блеснули в её глазах. — Голт, ты должен.

— Я ничего не должен. Я с этим камнем никому не должен отчитываться. Я могу захватить весь мир, если захочу.

— Но не сможешь удержать. Это еще никому не удавалось. Если ты пойдешь на это... ты пойдешь один.

Голт посмотрел на нее и расхохотался.

— Ты можешь быть Царицей Мира. Я не думаю, что ты отвергнешь такую возможность.

Грудь ее вздымалась под прозрачной туникой.

— Я уже отвергла, когда Барт предложил ее мне. Я и сейчас отвергну. Я хочу камень. Я хочу, чтобы ты держал свое слово, я хочу твою любовь, но получишь ли ты мою, зависит от того, отдашь ли ты камень.

— Ты, вероятно, шутишь.

— Нет, не шучу, — и вдруг в ее руке сверкнул кинжал. Голт замер. — Я не могу убить тебя кинжалом, пока камень у тебя, но зато я могу убить себя. Выбирай: камень или я. Я не шучу, Голт.

— Тайна... — он попытался схватить ее, но она отскочила в сторону и приставила острие кинжала к телу, чуть ниже груди.

— Ну, — сказала она, — ты должен решить, любовь или могущество. Но я хочу, чтобы ты вернул камень, — она улыбнулась. — Это же ты дал мне кинжал, дорогой. Неужели ты убьешь меня?

Некоторое время стояла тишина. Голт, все еще во власти талисмана, смотрел на женщину.

— Выбирай, — сказала она, — править миром или иметь меня, — лицо ее побледнело, напряглось, глаза расширились.

Голт посмотрел в эти глаза, и что-то пробудилось в нем, что-то такое же могущественное, как и чары камня. Он мог завоевать весь мир, но без нее это будет пустой мир... И все же... Отдать камень — это все равно, что отдать жизнь.

— Выбирай, барон Голт, — хриплым шепотом сказала Тайна. Острие кинжала пронзило тонкую ткань и на белом теле появилась кровь.

— Подожди, — сказал Голт. — Нет, подожди, — потому что он все понял для себя.

— У тебя всего две секунды, — сказала Тайна.

— Мне не нужно время, — как безумный, он рванул карман, достал камень. — Вот, — он отбросил камень от себя. Тот ударился о стену,

покатился по полу и остался лежать там. И в то же мгновение силы оставили барона. Он покачнулся, рухнул в кресло, слабость его была непреодолима.

С улицы донеслось пение.

Голт с трудом дышал.

— Ты нужна мне, — прошептал он, — я должен иметь тебя рядом, — он покачал головой. — Возьми камень. Возьми и закопай его так, чтобы он никогда больше не попадал в мои руки.

— Я сделаю это, — сказала она, поднимая камень с пола. — Убежище для него подготовил мой отец. И ни один человек не сможет отыскать камень, если я сама не открою секрет, — она подбежала к шкатулке, положила туда камень и закрыла крышку. Затем Голт почувствовал ее губы на своих. — О! — прошептала она. — Спасибо, спасибо, любимый! — затем она повернулась и выбежала.

Голт остался сидеть. Голова бешено кружилась, дух покинул тело. Весь мир расплывался перед глазами. Он чувствовал себя полностью разбитым, умирающим. Его грызло разочарование. Камень потерян, душа его погружалась во мрак безнадежности.

И затем снова открылась дверь комнаты. Тайна была уже здесь. Она посмотрела на Голта. Грудь под туникой ходила ходуном. Она запыхалась от быстрого бега.

— Ну, вот и все, — сказала она. — Камень спрятан, найти его невозможно.

И когда она подошла к нему, мир снова изменился для него. И дух вновь наполнил его тело, когда он прочел то, что было в ее глазах. И дело тут было не в камне, камень был совершенно ни при чем.

Он пошел к ней.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Победная процессия была длинной и шумной. Весь их путь по улицам Мармбурга был усыпан цветами. Однако сейчас весь шум утих и в окна большого холла во дворце Сигрита доносился только смех и обычные возгласы горожан, немного подгулявших по случаю праздника. Сигрит поднял Большой Меч Бурна.

— Поднимись, сэр Гомон, — сказал он.

Чернобородый гигант легко поднялся на ноги.

Сигрит улыбнулся.

— Наше желание, чтобы ты взял во владение земли и угодья Барта. И твои потомки будут наследовать их. Иди, живи и будь покорен королю.

С неожиданной для него самой покорностью Гомон поклонился королю и ответил: .

— Благодарю, ваше Величество, я буду верен вам.

— Хорошо, — король повернулся к Штурму. — А ты, генерал, кроме повышения в чине, применишь что-нибудь еще?

— Ваше Величество, — сказал Штурм, уже отъевшийся, с мощной мускулатурой, прямой и стройный. — Я служил в ваших войсках всю жизнь, мне ничего не нужно, кроме того, чтобы снова вернуться в армию и занять свой пост.

— Пусть будет так. А ты, Голт, и миледи Тайна, — король вложил в ножны Большой Меч Бурна, бросил взгляд на Альбрехта, стоящего возле трона, и перевел взгляд на Голта и девушку возле него. Он оценивающе смотрел на них. Голт гордо стоял в своих золотых доспехах, а Тайна была в королевской горностаевой мантии, отороченной соболями. Лицо ее сияло, светилось радостью. — С вами я хочу поговорить наедине, если вы окажете мне честь и пойдете со мной.

— Хорошо, сэр, — сказал Голт. — Мы пойдем.

Они снова пришли в ту же комнату, заполненную книгами и картами. Сигрит закрыл дверь за ними и запер ее. Затем он повернулся к ним и пристально посмотрел на них.

Затем он негромко сказал, как бы в раздумье:

— Голт?

— Ваше Величество?

Сигрит взял его руку в свои.

— Ты заслужил мое прощение и мою благодарность. Я восстанавливаю тебя во всех твоих правах. Но...

— Но что, Ваше Величество?

— Нужно уладить вопрос с Неизвестной Землей.

— Не Неизвестная Земля, — сказала Тайна. — Иннисгейл. Таково ее настоящее имя.

— Пусть Иннисгейл, богатая, плодородная, удобно расположенная страна. Много золота и серебра. Это пополнит казну, — король потер подбородок, — И, конечно, Камень Могущества...

Голт глубоко вздохнул.

— Камня Могущества не существует, Ваше Величество.

Сигрит заговорил более строго.

— Не говори так, барон Голт. Я получил другие сведения.

— Я снова повторяю. Нет Камня Могущества, — Голт улыбнулся. — Это заблуждение. Увы, Камень Могущества — миф.

— Я не верю этому. Как император Бурна, а теперь и правитель Не... Иннисгейла, я думаю, что Камень Могущества мой. Ты получил мое прощение и любовь, но позволь тебе сказать, Голт, что я хочу этот Камень.

— А я говорю, что это химера, сказка и ничего больше. Королю, такому могущественному, как вы, нет нужды думать об этом.

— Я полагаю, это мое дело судить об этом.

— Я полагаю иначе.

Голт подтянул пояс, шагнул вперед. Его глаза встретились с глазами Сигрита.

— Сэр,— сказал он,— камень хранит моя жена, и она сказала, что ни вы, ни другой смертный не будет держать его в руках. И, насколько я могу судить, она права.

— Ты не знаешь состояния дел в государстве,— губы Сигрита вытянулись в тонкую линию, в глазах засверкал гнев.— Камень помог бы мне сохранить мир в государстве. Я приказываю...

— Нет, сэр,— сказал Голт.

В глазах Сигрита теперь бушевало пламя.

— Ты осмеливаешься перечить мне?— он вскинул голову.— Я король Бурна!

— А Тайна — королева Иннисгейла, и я ее муж. И если вы выступите против нас, возможно, камень не будет втуне лежать в тайном убежище,— взгляд Голта стал тверд.

Взгляд Сигрита тоже. Прошла длинная томительная минута. Затем губы Сигрита под золотистой бородой медленно изогнулись в улыбку.

— Ты стал совсем другим, барон Голт. Ты совсем не тот, кого я посылал в поход. Старше, сильнее.

— Да, Ваше Величество, вы правы.

— И хорошо, что мы с тобой поспорили,— Сигрит отвернулся.— Я думаю, что мы не станем врагами. Но все же... камень. Если он не будет у меня, то какая гарантия того, что его не найдет кто-нибудь и не использует против меня?

— Он в таком месте, король Сигрит,— твердо сказала Тайна,— что ни один человек не сможет найти его, даже мой муж,— разве что я сама дам его в случае крайней нужды. Как это было в Иннисгейле, когда потребовалось восстановить справедливость. Вы в свое время не захотели взять его и теперь он не будет принадлежать никому. Таковы инструкции моего отца. Это я гарантирую. Камень находится вне предела досягаемости любого смертного.

Сигрит, все еще отвернувшись, молчал. Затем он сказал:

— Ясно. Хорошо, я не буду требовать камень. Если я буду упорствовать, это будет мне стоить золота и серебра, действием которых я могу заменить действие камня, чтобы уравновесить напряжение в государстве, оставить Страну Света в моей империи. Там уже настолько развились науки, что может сформироваться новое государство, независимое от меня. Хорошо, забудем камень.

— Благодарю, Ваше Величество,— проникновенно сказал Голт.

— Но еще остаются другие вопросы,— сказал Сигрит.— Иннисгейл. Он должен стать провинцией Серых Стран. И еще, королева Тайна, ты говоришь, что можешь отказаться от правления?

— Да, сэр. Если вы назначите регента ласкового и доброго, который вырастит зелень, пробивающуюся сейчас из пепла сожженных лесов, который будет милосерден к тем немногим слитам и вирам, которые бежали после разгрома в свои дальние убежища, если он будет по-человечески эксплуатировать шахты, если он будет добр к ранах Великих Болот, которые охраняли нас на пути сюда, если у вас есть человек, чья мудрость и опыт равны вашим...

— Тогда ты откажешься от королевских прав?

— Да, сэр, я откажусь, — она сжала руку Голта, — чтобы стать госпожой Железных гор.

Снова руки короля потянулись в задумчивости к бороде.

— Мне кажется, у меня есть такой человек. Голт, как ты думаешь, Вальдхер справится с правлением в той стране за Болотами?

— Самым лучшим образом, Ваше Величество.

— Тогда я пошлю его в Иннисгейл, мою новую провинцию, — Сигрит взглянул на Тайну. — А вдруг он найдет камень? Он стар, но если Камень Могущества попадет в его руки...

Тайна улыбнулась.

— Не беспокойтесь, милорд. Убежище абсолютно надежно. Ни Вальдхер, ни вы, ни Голт, ни все дьяволы ада не смогут найти его до тех пор, пока мой отец Ганон в своем следующем воплощении не решит его достать сам. Камень исчез. Теперь судьбы мира в обычных человеческих руках.

— Достаточно, — сказал Сигрит. — Хорошо, Вальдхер в Иннисгейл, Голт со своей невестой в Железные Горы, — он улыбнулся. И все обиды, сдержанность и хитрость исчезли.

Он согласился с тем, что камень ему не достанется. Ни ему, ни другому и, значит, он самый сильный в мире. Он подошел к Голту и пожал ему руку.

— Побольше детей, — сказал он, — процветания, мира.

— Благодарю, Ваше Величество.

Король поцеловал Тайну.

— Мы надеемся часто видеть вас при дворе.

— Железные Горы далеко, — сказала Тайна, — но мы будем охотно приезжать, милорд.

В комнате воцарилась тишина. Казалось, что уже сказано все. Затем Сигрит произнес почти застенчиво, неуверенно:

— Голт, молодец.

Голт засмеялся.

— Благодарю, Ваше Величество.

Этого было достаточно. Он схватил Тайну за руку, и они вместе пошли к дверям. Когда дверь закрылась за ними, шаги их по взаимному согласию ускорились. Перед ними лежал долгий путь в Железные Горы, и им не терпелось начать его.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ СЕРИИ!

Издательство приносит Вам извинения и уведомляет Вас, что запланированные ранее выпуски романов: Д. Морелл "Рэмбо" и Ф. Хэрберт "Войны пустыни" переносятся нами на неопределенный срок. Задержка издания данных романов происходит из-за специфики ситуации сложившейся на книжном рынке. Еще раз ИЗВИНИТЕ!

Теперь хочу немного более подробно остановиться на творчестве такого замечательно-го писателя как Роберт Говард, создавшего знаменитую эпопею о Конане. Так как большинство из Вас имеет смутное представление об этом, я постараюсь поделиться с Вами тем, что известно мне самому из различных источников.

Вся сага о Конане, как говорилось в аннотации, состоит из 20-ти томов.

Это:

1. Конан.	11. Конан-искатель приключений.
2. Конан и волшебник.	12. Конан-корсар.
3. Конан-наемник.	13. Конан-воин.
4. Конан и меч Склоса.	14. Конан-меченосец.
5. Конан и Царь Пауков.	15. Конан-узурпатор.
6. Конан из Киммерии.	16. Конан-освободитель.
7. Конан-мятежник.	17. Конан-победитель.
8. Конан-пират.	18. Конан-мститель.
9. Конан и дорога Королей.	19. Конан из Аквилонии.
10. Конан-бродяга.	20. Конан с Островов.

Кроме этих томов существует еще несколько второстепенных повестей и рассказов, повествующих о Конане. Основная часть вышеперечисленных произведений написана самим Робертом Говардом, затем продолжена такими писателями, как Лайонель Спрег де Камп, Лин Картер и др.

Конан из Киммерии жил двенадцать тысяч лет назад и воображение Говарда поместило его в гиперболическое время между закатом Атлантиды и началом исторического периода развития человечества. Могучий варвар, искатель приключений из ледяной, безрадостной северной страны Киммерии - всегда шел по колено в крови и непременно побеждал противников, совершая чудеса мужества и героизма пока, наконец, не завоевал трон в гиперболическом королевстве Аквилония.

Уважаемые читатели! Если Вам понравились отобранные нами произведения для данного тома и Вы снова захотите встретиться с бесстрашным Конаном в нашей серии

Пишите

С уважением

А.Саяпин.

**ПО ВОПРОСАМ ОПТОВОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ СЕРИИ ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ:**

Тел. в г. Смоленске: /08122/ 9-95-80 /представитель издательства/.

Тел. в г. Смоленске: /08122/ 1-14 60 /домашн./.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Конан-корсар	3
2. По ту сторону черной реки	97
3. Драгоценности Траникоса	137
4. Волки по ту сторону границы	209
5. Алая цитадель	245
6. Феникс на мече	277
7. Поход изгоев	299

Р. ГОВАРД, Л. СПРЕГ де КАМП, РИЧАРД МИД

**“Конан-варвар”. /Библиотека зарубежн. крим. и прикл. романа.
Выпуск 10.**

Издано при содействии производственной фирмы “Мелор”.

Художественный редактор А.САЯПИН

Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА

Сдано в набор 4.12.92. Подписано в печать 22.02.93. Формат бумаги 60х90 1/16.
Бумага офсетная №2. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,1.
Заказ № 3767. Тираж 100 000 экз. Заказное.

“Библиотека “Леомиг”. ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, ул.Харью,1.

Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020, г.Смоленск, ул.Смоленникова,1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством диапозитивов, изготовлено А/О «АМИПРЕСС». 214019, г.Смоленск, ул.Крупской 28, а/я 57

КОНАН. ВАРВАР

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

10